МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2023 **№ 81**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;** **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Боголюбов Е.А. Установление государственного контроля над общественными организациями в Советской России 5
Вячистый Д.Д. К проблеме развития томских краеведческих организаций: Общество изучения Томского края и Общество естествоиспытателей и врачей в 1920-е гг. ……..…….. 12
Дементьев А.П., Дробченко В.А. Делегаты Восточной Сибири на региональных и общесибирских съездах в Томске, их роль в развитии межрегиональных связей в период революции и Гражданской войны (1917–1919 гг.) 21
Мельник А.Г. Образ федерального центра в информационном пространстве Сибири в период 1989–1993 гг. (на примере Томской и Кемеровской областей) ……..... 35
Почеревин Е.В. Сибирская губернская администрация: организация борьбы с эпидемиями в начале XX в. 43
Семиколенов М.В. Проблема собственности на землю в ментальных установках сибирского крестьянства во второй половине XIX в. 53
Чмыхало А.Ю., Винарский П.А. Анализ применения наградной системы СССР в отношении бойцов и командиров 24-й армии Донского фронта, отличившихся в ходе проведения Сталинградской битвы 61
Шкаревский Д.Н. Органы лагерной юстиции СССР в 1934–1944 гг. 74

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аршинцева О.А. Истоки глобального лидерства: британский и американский исторический опыт 84
Городецкая Н.Б. «Такой разный марксизм». Критика советскими марксистами югославского «ревизионизма» 91
Лекаренко О.Г. Обсуждение «раунда Кеннеди» в конгрессе США 97
Рогачев И.В. Россия и Норвегия в условиях расширения антироссийских санкций (2014–2018 гг.) 106
Торопчин Г.В. Алармизм и десекьюритизация: ядерная программа Мьянмы 112
Цюй Цюжунь. Казахстан в инициативе «Один пояс, один путь» (2013–2022 гг.) 121

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Морозов В.Н. Царский венец и пастушья свирель: образы отечества и народные начала в трудах Григория Сковороды 127
Мустафин А.Р. Длинные циклы в доиндустриальную эпоху: историография проблемы 137
Семенова Е.Ю. Приказы начальника Самарского гарнизона как исторический источник изучения повседневной жизни военнослужащих тыловых гарнизонов в годы Первой мировой войны 144

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Bogolyubov E. A. Establishment of State control over public organizations in Soviet Russia 5
Vyachisty D.D. About the problem of the development of Tomsk local history organizations: The Society for the Study of the Tomsk Region and the Society of Naturalists and Doctors in the 1920s 12
Dementev A.P., Drobchenko V.A. Delegates from East Siberia at Regional and Whole-Siberia Congresses in Tomsk City, their role in the development of interregional communication within the period of the Revolution and Civil War (1917–1919) 21
Melnik A.G. Image of the federal center in the informational space of Siberia in the period of 1989–1993 (on the example of Tomsk and Kemerovo regions) 35
Pocherevin E.V. Siberian provincial administration: the organization of epidemics control in the early XX century 43
Semikolenov M.V. The problem of land ownership in the attitudes of mind Siberian peasantry in the second half of the 19th century 53
Chmykhalo A.Yu., Vinarskiy P.A. Analysis of the use of the USSR award system with respect to the soldiers and officers of the 24th Don front army participating in the Stalingrad battle 61
Shkarevsky D.N. The penitentiary justice system in the USSR in 1934–1944 74

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Arshintceva O.A. The Origins of Global Leadership: British and American historical experience 84
Gorodetskaya N.B. “Such a different Marxism”. Soviet Marxists' criticism of Yugoslav “revisionism” 91
Lekarenko O.G. Discussion of the Kennedy Round in the US Congress 97
Rogachev I.V. Russia and Norway in the context of increased anti-Russian sanctions (2014–2018) 106
Toropchin G.V. Alarmism and Desecuritisation: Myanmar’s Nuclear Programme 112
Qu Qiurun. Kazakhstan in the initiative "One Belt, One Way" (2013–2022) 121

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Morosow W.N. The Imperial Crown and Herder’s flute: Some Images of Fatherland and National roots in the Legacy of Gregory Skovoroda 127
Mustafin A.R. Long waves in the pre-industrial period: a historiographical study 137
Semenova E.Yu. Orders of the head of the Samara garrison as a historical source for the study of everyday life of soldiers of the rear garrisons during the First World War 144

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Белозёрова М.В. Репатриация адыгов и черкесов в регионы Западного и Северного Кавказа (1990–2010-е гг.) 152
Данилова Н.К., Ушницкий В.В. «Профанный» и «сакральный» миры якутского кузнечества: мифы, традиции, современность 163
Садовой А.Н. Феномен экстрактивизма в системе внутри- и межэтнических коммуникаций: к расширению предметной области этнической истории и прикладной антропологии 170
Чупрына Ю.А. Маркеры идентичности в Малой Руси первой половины XVII в.: религия и происхождение 185

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Милищенко О.А. Монеты из культурного слоя города Тары 194

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Belozerova M.V. Repatriation of the Adygs and Circassians to the regions of the Western and Northern Caucasus (1990–2010s) 152
Danilova N.K., Ushnitskiy V.V. "Natural" and "sacral" worlds of the Yakut smith: myths, traditions, present 163
Sadovoy A.N. The phenomenon of extractivism in the system of intra- and interethnic Communications: towards the expansion of the Subject area of Ethnic history and applied anthropology 170
Chupryna Y.A. Identity Markers in Little Rus' in the First Half of the 17th Century: Religion and Origins 185

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Milishchenko O.A. Coins from the cultural layer of the town Tara 194

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/81/1

Установление государственного контроля над общественными организациями в Советской России

Егор Андреевич Боголюбов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, bogolubovegor@mail.ru

Аннотация. Описаны особенности функционирования общественных организаций в советский период в их взаимосвязи с государственными и партийными органами при решении государственных задач. Рассмотрен процесс становления в Советской России общественных организаций, которые контролировались государством. Сделан вывод о том, что в советский период общественные организации выполняли некоторые государственные функции, поэтому можно говорить об их встроенности в государственно-правовую систему.
Ключевые слова: советский период, государственные функции, общественные организации, гражданское общество, ГОНГО

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90007.

Для цитирования: Боголюбов Е.А. Установление государственного контроля над общественными организациями в Советской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 5–11. doi: 10.17223/19988613/81/1

Original article

Establishment of State control over public organizations in Soviet Russia

Egor A. Bogolyubov

National Research University of Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article deals with public organizations operating in Soviet Russia, special attention is paid to their relations with state and party bodies. From the very beginning of Soviet power, public organizations played a special role in the formation of Soviet statehood. As a research goal, the author attempted to identify and describe the features of the functioning of public organizations in the Soviet period in their relationship with state and party bodies in solving state problems. In accordance with this goal, the following tasks were set. First, to describe the process of formation of public organizations in Soviet Russia, which were controlled by the state. Secondly, to reveal the features of the functioning of public organizations in the period of late Stalinism and the Thaw. This research is based on the method of analysis of legal regulation, formal-legal, comparative-legal and historical-legal methods. T The study was conducted on the basis of normative legal acts in force during the Soviet period, as well as scientific articles describing the activities of public organizations.
The study shows that public organizations were gradually integrated into the Soviet political system. This process began in the 1920s. At that time, there were two types of public organizations in Soviet Russia: those created by citizens and those created and supervised by the authorities. In the early 1930s, independent public organizations were liquidated, and only mass pro-government societies continued their work.
During the period of late Stalinism, public organizations in their work largely broadcasted the views of state and party bodies about the place of the Soviet Union in the international arena. After the war, highly specialized public organizations were created, but after a while this process would be replaced by the opposite: the forces of the public were consolidated into large public organizations with a wide coverage of the population. It was during this period that their regional offices were formed.
The period of the "Thaw" brought a new idea of the place of public organizations: they were given some state functions, for example, conducting of lecture work was assigned to the society «Knowledge». During this period, it was intended

© Е.А. Боголюбов, 2023

to involve the population in solving state tasks as often as possible. However, public organizations both during the late Stalinism and the "Thaw" period remained dependent on the state, which tried in every possible way to give them a public character and revive their activities with new forms and directions of work.
Keywords: soviet period, State functions, public organizations, civil society, GONGO

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the RFBR as part of the scientific project No. 19-311-90007.

For citation: Bogolyubov, E.A. (2023) Establishment of State control over public organizations in Soviet Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 5–11. doi: 10.17223/19988613/81/1

В современной научной гуманитарной парадигме крайне редко обращаются к советской модели взаимодействия государства и общественных организаций. Однако данный опыт представляется не только интересным, но и полезным в современных условиях. Привлечение общественности к решению государственных задач в советский период истории российской государственности было одним из способов включения населения в управление делами государства, способствовало формированию у граждан сопричастности к государственным делам, приобщению их к активной общественной жизни.

Стоит согласиться с мнением зарубежных исследователей, которые отмечают значимость изучения исторических событий в России XX в. «Понимание этого прошлого, – пишут Т. Портер и Т. Пирсон, – необходимо как самим россиянам, стремящимся преодолеть многовековое авторитарное правление и установить жизнеспособную демократию, так и тем западникам, которым приходится иметь дело с перспективами и реалиями постсоветской России» [1. P. 51].

Действительно, без критического и взвешенного изучения советского опыта построения взаимоотношений между государством и партией, с одной стороны, и общественными организациями – с другой, невозможно понять современные процессы, происходящие в российском гражданском обществе. Советское прошлое до сих пор влияет как на отношение власти к гражданским инициативам, так и на законодательство о некоммерческом секторе.

Актуальным видится обращение к советскому прошлому и российскими учеными. Л.К. Рябова считает, что сейчас наступает время «спокойного и более свободного, в том числе и от устоявшихся мифологем, подхода к изучению этого периода отечественной истории. И то, что еще несколько десятилетий назад было предметом споров не столько в рамках исторической науки, сколько в сфере идеологического противостояния, ныне становится предметом академических дискуссий» [2. С. 11].

Многим современным исследователям общественные организации, функционировавшие в советский период, представляются исключительно как продолжатели государственной и партийной политики. Но не все было так однозначно и категорично. Отдалившись практически на 30 лет от Советского Союза, стоит по-новому взглянуть на место и роль общественных организаций в это время.

С приходом большевиков к власти в 1917 г. деятельность многих дореволюционных обществ и союзов не прекратилась. К примеру, продолжили работу многие научные общества, которым удалось наладить диалог с властью, считавшей целесообразным поддерживать их материально и финансово и привлекать к экспертной деятельности [3. С. 32].

Однако временем истинного расцвета общественных организаций стали 1920-е гг. Это десятилетие можно назвать периодом относительной свободы практически во всех сферах общественной жизни (проведение новой экономической политики, поиск новых форм и направлений в архитектуре, литературе, театре, кино). Указанные процессы нашли свое отражение и в деятельности общественных организаций. Именно в эти годы работает множество обществ и союзов, которые охватывают различные сферы общественной жизни: начиная от сельского хозяйства и охраны природы и заканчивая межпланетными связями и спасением на водах.

Но уже с начала 1930-х гг. происходит становление тоталитарного режима, а вместе с ним и свертывание всех общественных инициатив, централизация и консолидация общественных организаций. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. весь общественный сектор подвергается череде перерегистраций и ликвидаций. И.Н. Ильина и вовсе называет этот процесс «чисткой 1928–1930 гг.» [4. С. 80]. Действительно, за это время было закрыто множество независимых общественных организаций.

Законодательно процедура создания и ликвидации общественных организаций была прописана в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июля 1932 г. «Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах» (далее – Положение 1932 г.) [5]. В этом документе среди возможных учредителей добровольных обществ были названы: граждане Союза ССР, достигшие 18-летнего возраста, за исключением лиц, лишенных избирательных прав; иностранцы, постоянно проживающие в пределах Союза ССР и пользующиеся правом избирать в советы; государственные учреждения, хозяйственные органы и общественные организации. Именно от этих субъектов органы НКВД принимали заявления об утверждении уставов добровольных обществ.

В документе ничего не говорилось о возможности создания общественных организаций путем принятия специального законодательного акта, как это происходило в отношении провластных обществ. По сути, к 1930-м гг. сложилось разделение всех общественных организаций (в Положении 1932 г. используется термин «добровольные общества») на две группы:

независимые общества, создаваемые частными лицами и подпадающие под регулирование соответствующего законодательства, и провластные (в документах того времени они называются «массовые») общества, создаваемые государством и исключенные из-под общего правового регулирования.

К началу 1930-х гг. нетронутыми остались только провластные общества, например Общество «Долой неграмотность», Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, Международная организация помощи борцам революции, Общество «Друг детей», Общество друзей радио, Всероссийское общество охраны природы, Союз воинствующих безбожников и некоторые другие. Все эти организации были важны для советской власти, поскольку на их плечах лежало выполнение важных для общества и государства задач: обучение населения грамотности, налаживание связей с зарубежными странами, борьба с бродяжничеством и помощь бездомным детям, способствование распространению радио, охрана природных богатств, искоренение религиозных предрассудков.

Такие добровольные общества были крайне удобны для партии и государства по ряду причин. Во-первых, процесс их создания и ликвидации был очень простым. Поскольку инициатива создания какого-либо общества исходила от государства, то достаточно было издать специальный акт об учреждении новой общественной организации. Привлечение общественности к созданию организации чаще всего происходило уже после издания этого акта. После выполнения поставленных перед таким добровольным обществом задач государство могло его закрыть либо объединить с другим обществом. Так и произошло с многими указанными выше массовыми обществами. К примеру, Союз воинствующих безбожников был ликвидирован в 1947 г., но атеистическая пропаганда все равно сохранилась и перешла к Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний, учрежденному в том же году.

С 1930-х гг. сложилась практика объединения нескольких дублирующих друг друга организаций в одну крупную, что позволяло консолидировать силы общественности, а также лучше контролировать отдельный сектор общественной жизни. Так, Всероссийское общество охраны природы, основанное в 1924 г., до середины 1980-х гг. оставалось единственной экологической общественной организацией, а Союз писателей СССР с 1934 г. объединил все писательские организации, существовавшие до этого. Таким образом, все эти положения работали на установление тотального господства государства над общественным сектором и превращение последнего во вспомогательный элемент государственно-партийной системы.

Во-вторых, такие общественные организации практически полностью состояли из членов коммунистической партии, которые чаще всего искренне разделяли цели партии и той общественной организации, в которой они состояли. Это, в свою очередь, позволяло контролировать деятельность подобных организаций, следить за тем, чтобы они не отклонялись от курса партии и правительства.

Данные обстоятельства роднят массовые общества советского периода с организованными правительством неправительственными организациями (government-organized non-governmental organization – GONGO, ГОНГО) в современном Китае. По мнению зарубежных исследователей, механизмы контроля над общественными организациями в Си-традиции (The Xi-ist Tradition), названной так в честь нынешнего лидера Китая Си Цзиньпина, не ограничиваются финансированием, а распространяются на административное согласование интересов правительства с ГОНГО, в верхних эшелонах управленческой структуры которых существует прямая координация [6. P. 274]. Все указанное присутствовало и в деятельности массовых обществ 1930-х гг., которые непосредственно поддерживались высшим партийным руководством.

В-третьих, общественные организации аккумулировали вокруг себя большое количество советских граждан, так как у них не было альтернативы в выборе добровольных обществ. Стоит согласиться с зарубежными учеными, которые считают, что к 1930-м гг. общественные добровольные усилия стали полностью подчиняться партии и государству, а «добровольные» общества превратились в полугосударственные образования, которые использовались для мобилизации большого числа людей [7. P. 84].

Важно отметить, что с этой задачей они полностью справлялись. Весьма показательной для характеристики повышения активности масс является динамика роста членского состава этих организаций в рамках всего РСФСР. Например, число членов Общества содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог за один 1931 г. возросло с 411 000 до 640 000 человек [8. С. 127]. В конце характеристики указанного периода будет уместно привести слова М.М. Ховорда: «В то время как демократические режимы поощряют и даже поддерживают организационную деятельность, а авторитарные режимы допускают членство во многих группах, коммунистические режимы не только стремились подавить все формы автономной негосударственной деятельности, но также вытесняли и подрывали такую деятельность, заставляя своих граждан участвовать в обязательных, контролируемых государством организациях» [9. С. 159–160].

Приведенные слова нашли свое подтверждение в вышеуказанных примерах. Вытеснение всех независимых общественных инициатив и замещение их полностью подконтрольными общественными организациями произошло в РСФСР в 1930-е гг. Государство и партия устранили все возможности для формирования самостоятельных добровольных обществ. В Положении 1932 г. было сказано, что если общественная организация не участвовала в деле социалистического строительства или же отклонялась от уставных целей, то орган, утвердивший устав, мог вынести постановление о ее ликвидации.

Все описанные обстоятельства сформировались в 1930-е гг. и затем существовали в неизменном виде до перестройки. Однако монолитным этот период назвать нельзя, потому что и в его рамках происходили отступления от общей тенденции развития обще-

ственного сектора. Постоянным оставался государственно-общественный характер этих организаций. Описания особенностей развития общественных организаций применительно к периоду позднего сталинизма (1945–1953), который в качестве самостоятельного этапа развития советского государства выделяется уже давно, еще не проводилось.

Характеризуя период позднего сталинизма, Е.А. Добренко отмечает: «Послевоенное десятилетие во всех смыслах уникально: в нем не было вообще света: свет Революции уже погас, а свет Оттепели еще не забрезжил» [10. С. 12]. Эти слова точно отражают и процессы, происходившие в сфере общественных организаций. В 1947 г. прекращают свою работу Союз воинствующих безбожников и Международная организация помощи борцам революции. Обе эти организации несли в себе революционный заряд, который оказался уже ненужным.

После Великой Отечественной войны государство и партия поставили задачу формирования узкоспециализированных общественных организаций. В 1947 г. учреждается Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. В обращении инициативной группы советской интеллигенции указывались причины создания подобной организации, связанные с необходимостью «поднятия культуры трудящихся» и искоренения «пережитков капитализма в сознании людей», четко прописывались задачи Общества, состоящие в организации широкой пропаганды научных и политических знаний «путем проведения публичных лекций в области международной политики, советской экономики, науки, культуры, литературы и искусства, а также путем издания и распространения стенограмм лекций» [11. С. 111]. По сути, данное общество должно было распространять знания среди населения, а также проводить пропагандистскую работу, рассказывая о достижениях советского государства и недостатках капиталистических стран.

В 1948 г. Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству было разделено на три самостоятельных добровольных общества: Добровольное общество содействия армии, Добровольное общество содействия авиации, Добровольное общество содействия флоту. В этом же году было учреждено Всероссийское общество содействия строительству и охране городских зеленых насаждений, которое осуществляло деятельность, во многом схожую с Всероссийским обществом охраны природы.

Такие узконаправленные общества способствовали скорейшему восстановлению народного хозяйства в тяжелые послевоенные годы, консолидировали силы общественности на решение насущных проблем страны.

Однако скоро специализация сменилась противоположным процессом. С 1950-х гг. происходит укрупнение и объединение добровольных обществ. В 1951 г. было образовано Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ), объединив три самостоятельные организации. Параллелизм в работе природоохранных организаций был ликвидирован в 1953 г., когда было создано Всероссийское общество содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. В 1959 г. к региональным отделениям этого общества будут присоединены общества мичуринцев.

Именно в 1940–1960-х гг. всесоюзные и всероссийские общественные организации формируют разветвленную сеть местных отделений. После формирования центральных органов начался процесс создания региональных отделений в субъектах РСФСР и первичных организаций на предприятиях, в сельской местности, школах, вузах и т.д. Данное явление характерно для всего периода 1930-х – середины 1980-х гг. В это время построение общественных организаций происходило именно сверху вниз: сначала создавались центральные органы управления, а уже потом – местные отделения.

Например, решение о создании Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний было принято 29 апреля 1947 г. Потом появились некоторые отделения на местах. 27 мая 1947 г. одним из первых в РСФСР было образовано Казанское отделение [12. С. 27]. Учредительный съезд Всесоюзного общества прошел 7 июля 1947 г., и только к началу 1948 г. во всех союзных республиках были созданы республиканские Общества по распространению политических и научных знаний.

Аналогичным образом учреждались региональные отделения Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. Они начали создаваться с 1953 г. В 1954 г. было образовано отделение в Иркутской области, в 1956 г. – в Кемеровской области, в 1960 г. – в Томской области. Здесь важно подчеркнуть еще и то, что сеть местных отделений в каждом случае создавалась длительное время. Центральные органы обществ часто направляли в местные организационные комитеты письма с требованиями скорейшего создания отделений. Так было с местными отделениями ДОСААФ, созданного в 1951 г. К примеру, первая конференция Ярославского областного отделения ДОСААФ состоялась 19–20 декабря 1953 г. [13. С. 12].

Создание местных отделений послужило важным фактором в складывании региональных общественных структур. В дальнейшем многие из этих отделений продолжат свою работу уже в Российской Федерации, а их участники станут местными активистами.

Деятельность общественных организаций в период позднего сталинизма во многом пересекалась с послевоенными представлениями о месте Советского Союза на мировой арене. Е.А. Добренко выделяет четыре новых фактора, обусловивших ви́дение внешнего мира в советском воображаемом [10. С. 14]. Во-первых, это «новый статус сверхдержавы, который требовал активной внешней политики, нуждавшейся в обосновании и внутренней мобилизации». Данный фактор соотносится с деятельность ДОСААФ. Эта организация должна была заниматься пропагандой и распространением военных, военно-технических, авиационных и военно-морских знаний среди членов Общества и населения, осуществлять подготовку по всем видам противоздушной и противохимической обороны, подготовку допризывной молодежи по военным, военно-техническим, авиационным и военно-морским специальностям и т.д.

Во-вторых, новый имперский статус в Восточной Европе и Азии требовал интеграции и знакомства со странами этих регионов. За это отвечало Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и иные общества дружбы с зарубежными странами. В 1944 г. создается Общество польско-советской дружбы, в 1947 г. состоялся первый конгресс Общества германо-советской дружбы, в этом же году учреждается Монгольское общество культурной связи с Советским Союзом и т.д. Все такие общества должны были способствовать интеграции народов разных стран и закреплению советского влияния на этих территориях.

В-третьих, необходимо было создать противоядие от того образа заграницы, который могли «некритически усвоить» советские «воины-освободители». В-четвертых, нужно было укрепить образ победителя и ощущение советского превосходства. Последние два направления были возложены на Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. В послевоенное время множество читаемых лекций было посвящено международной обстановке, что было обусловлено необходимостью поддержания образа враждебного и коварного Запада.

Таким образом, создаваемые государством общественные организации органически включались в решение внутригосударственных задач, в то же время они содействовали внешнеполитическим задачам, формировали образ врага и возвеличивали советский строй в глазах граждан.

С началом «оттепели», в середине 1950-х гг., происходят изменения и в деятельности общественных организаций. Общественная атмосфера и ментальность эпохи характеризовались надеждами, оптимизмом, верой в собственные силы, когда, казалось, недостижимых рубежей нет [14. Р. 372–373]. В это время возрастает интерес к «общественным началам», вовлечению населения в решение государственных дел.

Особо стоит отметить, что в рамках этого процесса в конце 1950-х гг. происходит окончательное складывание советской модели добровольных народных дружин по охране общественного порядка. Учитывая стремление граждан оказывать содействие органам милиции в охране общественного порядка, 2 марта 1959 г. Совет министров СССР и ЦК КПСС издали совместное Постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка» [15]. Этот документ послужил основой для массового создания на территории СССР добровольных народных дружин.

Народные дружинники обладали широкими возможностями. Они, к примеру, могли требовать от гражданина прекращения противоправного деяния, проверять документы, в том числе на право управления транспортным средством, составлять с участием свидетелей акт о правонарушении. Законодательно закреплялась повышенная ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство народных дружинников. Самое серьезное наказание устанавливалось за покушение на жизнь народного дружинника. В этом случае преступник наказывался лишением свободы на срок от 5 до 15 лет, а при отягчающих обстоятельствах – вплоть до смертной казни [16]. Таким образом, правовой статус народного дружинника фактически приравнивался к статусу сотрудника милиции [17. С. 125].

Деятельность добровольных народных дружин, по их же сведениям, была крайне эффективной. Во многих областях наблюдалось значительное снижение преступности уже в первый год работы народных дружин (например, в Пензенской области – на 45%, в Курганской – на 31%) [18. С. 110].

Кроме создания добровольных народных дружин советская милиция в 1950–1960-е гг. использовала множество иных форм работы с населением (см.: [19. С. 192]). По мнению зарубежных исследователей, добровольные народные дружины создавались, потому что партия призвала каждого советского гражданина принять активное участие в новой кампании по реформированию быта и обеспечению нравственного поведения всех окружающих [20. P. 87]. К этому стоит добавить, что создание народных дружин органически встраивается в общую тенденцию «оттепели», направленную на вовлечение граждан в управление делами государства.

В период «оттепели» часто поднимался вопрос о сохранении памятников истории и культуры. К примеру, 3 апреля 1958 г. в «Литературной газете» публикуется письмо деятелей культуры с протестом против строительства в Зарядье – древней части Москвы – гигантской гостиницы. Авторы письма предлагали создать на этом месте Народный парк и сохранить памятники архитектуры и археологии [21. С. 378].

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры будет основано в 1965 г., однако о необходимости такой организации говорили уже в 1960 г., когда по инициативе И.С. Глазунова и В.Д. Захарченко в Советском комитете защиты мира была создана Комиссия по памятникам и музеям [Там же. С. 886]. Можно сказать, что общественная инициатива все же была услышана.

Все приведенные мероприятия, направленные на поистине народное участие в государственно-общественных делах, порой реализовывались в несколько искаженном виде. По справедливому замечанию О.Е. Финогентовой и В.А. Токарева, следует помнить о том, что попытки реализации политико-правового учения, как правило, не приводят к тому результату, о котором мечтали его создатели. Не стала исключением и судьба марксистского учения о праве и государстве в Советской России [22. С. 18]. Те же самые народные дружинники часто выполняли свои функции формально, без инициативы. Хотя все эти меры соответствовали господствующей в стране марксистской идеологии.

Общественные организации как в период позднего сталинизма, так и во время «оттепели» оставались зависимыми от государства, которое всячески старалось придать им общественный характер и оживить их деятельность новыми формами и направлениями работы. В зарубежной литературе, как и в отечественной, господствует мнение о том, что все эти организации были «передаточными ремнями» для политики коммунистической партии и, по сути, государственными институтами.

Стоит процитировать мнение А. Уайта, полагавшего, что было бы «заблуждением думать о существовании подлинного добровольного сектора при старой советской системе. Теория состояла в том, что государство и официальные общественные организации могут обеспечить все необходимое. Партия диктовала, какая дополнительная “добровольная” работа уместна, обычно подчеркивая ее моральную, а не практическую пользу» [23. P. 787]. Советские исследователи, конечно же, так не считали. Они видели в общественных организациях соратников, помощников партии, которые добровольно способствовали социалистическому строительству.

В современной историко-правовой науке вопросы взаимодействия государства и общественных организаций в советский период истории российской государственности остаются практически не исследованными. В те времена общественные организации занимали особое место в государственно-правовой системе. Можно сказать, что с 1930-х гг. в СССР существовали исключительно общественные организации, контролируемые государством. Соединение в себе двух этих начал объясняется тем, что они создавались государством для решения определенных задач, однако их деятельность опиралась на активных граждан, которые участвовали в работе этих организаций. Отделение общественных организаций от государства произойдет только в период перестройки, когда на законодательном уровне будут сняты все идеологические ограничения, стоящие на пути реализации права граждан на объединение.

В советский период общественные организации не уравновешивали государство, не были в оппозиции правящей партии. Они были органически встроены в политическую систему советского общества. Государство поэтому и передавало им некоторое свои функции. Тотальный контроль в то же время не означает подавленности и безынициативности. Советские граждане активно включались в реализацию переданных им функций, проявляя дозволенный уровень инициативы.

Список источников

1. Porter T., Pearson T. Historical Legacies and Democratic Prospects: The Emergence of a Civil Society in Twentieth-Century Russia // The Soviet and Post-Soviet Review. 1996. Vol. 23, is. 1. P. 51–66.
2. Рябова Л.К. О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности // Новейшая история России. 2011. № 1 (1). С. 8–18.
3. Синельникова Е.Ф. Научные общества Петрограда и революция 1917 года // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 20–38.
4. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. 215 с.
5. Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.07.1932 // Собрание узаконений РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331.А.
6. Hasmath R., Hildebrandt T., Hsu J.Y.J. Conceptualizing Government-Organized Non-Governmental Organizations // Journal of Civil Society. 2019. Vol. 15. P. 267–284.
7. Reiner T.A. Not-for-Profit Organizations in the Soviet Union: Turning On Some Lights // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1991. Vol. 20, is. 1. P. 81–94.
8. Гришин З., Ефимов Н., Хаевский М. К вопросу о борьбе с бюрократизмом на современном этапе // Советское государство. 1932. № 5-6. С. 116–132.
9. Howard M.M. The Weakness of Postcommunist Civil Society // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, is. 1. P. 157–169.
10. Добренко Е. Поздний сталинизм: эстетика политики. М. : Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. 712 с.
11. Мамонтова М.А. О создании Всесоюзного общества «Знание» в Омске // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 110–114.
12. Пинаева Д.А. Совершенствование организационной структуры Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в конце 1940-х – 1950-е гг // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8-2. С. 25–28.
13. Багров С.А. Оборонно-спортивные общества в Ярославской области в 1946–1955 гг // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (29). С. 10–13.
14. Rafikova S. The «Thaw»: Economy and Daily Life // The Soviet and Post-Soviet Review. 2016. Vol. 43, is. 3. P. 338–374.
15. Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране : Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 02.03.1959 № 218 // Собрание постановлений правительства СССР. 1959. № 4. Ст. 25.
16. Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников : указ Президиума Верховного совета СССР от 15.02.1962 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8. Ст. 83.
17. Рагунштейн А.Г. Правовой статус добровольных народных дружин по охране общественного порядка (1959–1991 годы) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2020. № 1. С. 121–134.
18. Ходжаева Е. Возрождение ДНД (добровольных народных дружин) в России: пример навязанной сверху мобилизации // Laboratorium : журнал социальных исследований. 2019. № 11 (3). С. 105–141.
19. Попова А.Д. Формирование образа советской милиции в общественном сознании в годы «оттепели» // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 178–194.
20. Tsipursky G. Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin // The Soviet and Post Soviet Review. 2011. Vol. 38, is. 1. P. 86–89.
21. Чупринин С. Оттепель: события. Март 1953 – август 1968 года. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 1192 с.
22. Финогентова О.Е., Токарев В.А. Зарождение социологической теории права в СССР // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 35. С. 16–32.
23. White A. Charity, Self-help and Politics in Russia, 1985–91 // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. 45, is. 5. P. 787–810.

References

1. Porter, T. & Pearson, T. (1996) Historical Legacies and Democratic Prospects: The Emergence of a Civil Society in Twentieth-Century Russia. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 23(1). pp. 51–66.
2. Ryabova, L.K. (2011) About the methodology problems in studies of contemporary history. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1(1). pp. 8–18. (In Russian).
3. Sinelnikova, E.F. (2020) Petrograd’s scientific societies and the Revolution of 1917. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 10(1). pp. 20–38. (In Russian).

4. Ilina, I.N. (2000) *Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody* [Public organizations of Russia in the 1920s]. Moscow: RAS.
5. The Russian Soviet Socialist Federative Republic. (1932) Ob utverzhdenii Polozheniya o dobrovol'nykh obshchestvakh i soyuzakh : postanovlenie VTsIK, SNK RSFSR ot 10.07.1932 [On the approval of the Regulations on Voluntary Societies and Unions: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of July 10, 1932]. *Sobranie uzakoneniy RSFSR*. 74. Col. 331.A.
6. Hasmath, R., Hildebrandt, T. & Hsu, J.Y.J. (2019) Conceptualizing Government-Organized Non-Governmental Organizations. *Journal of Civil Society*. 15(3). pp. 267–284. DOI: 10.1080/17448689.2019.1632549
7. Reiner, T.A. (1991) Not-for-Profit Organizations in the Soviet Union: Turning On Some Lights. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 20(1). pp. 81–94. DOI: 10.1177/089976409102000108
8. Grishin, Z., Efimov, N. & Khaevskiy, M. (1932) K voprosu o bor'be s byurokratizmom na sovremennom etape [On the fight against bureaucracy at the present stage]. *Sovetskoe gosudarstvo*. 5-6. pp. 116–132.
9. Howard, M.M. (2002) The Weakness of Postcommunist Civil Society. *Journal of Democracy*. 13(1). pp. 157–169.
10. Dobrenko, E. (2020) *Pozdniy stalinizm: estetika politiki* [Late Stalinism: The aesthetics of politics]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Mamontova, M.A. (2014) O sozdanii Vsesoyuznogo obshchestva "Znanie" v Omske [On the creation of the All-Union Society "Znanie" in Omsk]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*. 1(1). pp. 110–114.
12. Pinaeva, D.A. (2014) Sovershenstvovanie organizatsionnoy struktury Vsesoyuznogo obshchestva po rasprostraneniyu politicheskikh i nauchnykh znaniy v kontse 1940-kh – 1950-e gg [Improving the organizational structure of the All-Union Society for the dissemination of political and scientific knowledge in the late 1940s – 1950s]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 8-2. pp. 25–28.
13. Bagrov, S.A. (2014) Oboronno-sportivnye obshchestva v Yaroslavskoy oblasti v 1946–1955 gg. [Defense sports societies in the Yaroslavl region in 1946–1955]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki*. 3(29). pp. 10–13.
14. Rafikova, S. (2016) The "Thaw": Economy and Daily Life. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 43(3). pp. 338–374.
15. USSR. (1959) Ob uchastii trudyashchikhsya v okhrane obshchestvennogo poryadka v strane: Postanovlenie TsK KPSS i Soveta ministrov SSSR ot 02.03.1959 № 218 [On the participation of workers in the protection of public order in the country: Resolution No. 218 of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of March 2, 1959]. *Sobranie postanovleniy pravitel'stva SSSR*. 4. Art. 25.
16. USSR. (1962) Ob usilenii otvetstvennosti za posyagatel'stvo na zhizn', zdorov'e i dostoinstvo rabotnikov militsii i narodnykh druzhinnikov: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo soveta SSSR ot 15.02.1962 [On strengthening responsibility for encroachment on the life, health and dignity of police officers and people's combatants: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated February 15, 1962]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 8. Col. 83.
17. Ragunshteyn, A.G. (2020) Pravovoy status dobrovol'nykh narodnykh druzhin po okhrane obshchestvennogo poryadka (1959–1991 gody) [Legal status of voluntary people's squads for the protection of public order (1959–1991)]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyy rakurs*. 1. pp. 121–134.
18. Khodzhaeva, E. (2019) Vozrozhdenie DND (dobrovol'nykh narodnykh druzhin) v Rossii: primer navyazannoy sverkhu mobilizatsii [The revival of the DND (voluntary people's squads) in Russia: An example of mobilization imposed from above]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy – Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 11(3). pp. 105–141.
19. Popova, A.D. (2018) Formirovanie obraza sovetskoy militsii v obshchestvennom soznanii v gody "ottepeli" [Formation of the image of the Soviet police in the public mind during the "Thaw"]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 8(1). pp. 178–194.
20. Tsipursky, G. (2011) Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. *The Soviet and Post Soviet Review*. 38(1). pp. 86–89.
21. Chuprinin, S. (2020) *Ottepel': sobytiya. Mart 1953 – avgust 1968 goda* [The Thaw: Events. March 1953 – August 1968]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
22. Finogentova, O.E. & Tokarev, V.A. (2017) The emergence of the sociological theory of law in the USSR. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 35. pp. 16–32. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-16-32
23. White, A. (1993) Charity, Self-help and Politics in Russia, 1985–91. *Europe-Asia Studies*. 45(5). pp. 787–810. DOI: 10.1080/09668139308412124

***Сведения об авторе*:**
Боголюбов Егор Андреевич – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: bogolubovegor@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Bogolyubov Egor A. – senior lecturer at the Department of Theory and History of Law and State, National Research University of Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: bogolubovegor@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.09.2020; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 08.09.2020; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 94(571.1)
doi: 10.17223/19988613/81/2

К проблеме развития томских краеведческих организаций: Общество изучения Томского края и Общество естествоиспытателей и врачей в 1920-е гг.

Дмитрий Дмитриевич Вячистый

Томский государственный университет, Томск, Россия, DimDimVyachisty@yandex.ru

Аннотация. Представлена характеристика Общества изучения Томского края в 1920-е гг. Обозначены предпосылки его создания, проанализированы структура и основные направления проводившихся краеведческих исследований. Для выявления причин упадка данной организации анализируется история краеведческой секции Общества естествоиспытателей и врачей, действовавшей в тот же период. За счет характеристики развития последней сделан вывод о закономерности реорганизации Общества изучения Томского края.
Ключевые слова: краеведение, Томск, Общество изучения Томского края, Общество естествоиспытателей и врачей, Центральное бюро краеведения

Для цитирования: Вячистый Д.Д. К проблеме развития томских краеведческих организаций: Общество изучения Томского края и Общество естествоиспытателей и врачей в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 12–20. doi: 10.17223/19988613/81/2

Original article

About the problem of the development of Tomsk local history organizations: The Society for the Study of the Tomsk Region and the Society of Naturalists and Doctors in the 1920s

Dmitry D. Vyachisty

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, DimDimVyachisty@yandex.ru

Abstract. The article presents the characteristics of the Tomsk Region Research Society in the Tomsk Regional Museum. It was a local history organization that operated from 1925 to 1928. The prerequisites for its creation are outlined, the structure and staffing are analyzed, and the main directions of its activities are indicated. The main attention of author is paid to the search for the causes of the decline of this society. Specifically for this purpose, an appeal was made to the activities of another local history association – the Society of Naturalists and Doctors at Tomsk University, which operated during the same period. Thus, the purpose of this article is to try to identify the prerequisites for decay of the Society for the Study of the Tomsk Region by comparing it with the Society of Naturalists and Doctors.

The source base of the study was the office materials of both organizations (charters, protocols, correspondence, etc.), as well as materials of the periodical press.

The Society for the Study of the Tomsk Region was established in 1925 by the staff of the local history museum. The situation in the country favored this undertaking, since the Soviet authorities needed actual information about regions. However, almost from the beginning the society has faced difficulties – a shortage of staff, low funding and the inability to expand its activities. Over time, the insolvency of its organization became more and more apparent, which eventually forced the administration of the society to merge it with the Society for the Study of Siberia.

Analyzing the reasons for the failure of Tomsk local historians, it is necessary to turn to the history of another organization that conducted similar research – the Society of Naturalists and Doctors. It was established in 1889, successfully developed its activities, survived the shocks of the Civil War, and in the shortest possible time was restored. Its local history section successfully performed research until 1928, when the society was divided into medical and local history staff. As a result, the local history section became a part of the Society for the Study of Siberia, because it sought to further develop and strengthen its potential.

Despite the same fate, the leaders of both societies had different motives when making decisions about unification. In the case of the Society for the Study of the Tomsk Region, the reason was in incorrectly drafted charter, in which its creators, due to lack of experience, unwittingly laid restrictions. We are talking about the boundaries of the organization's activities and its status as a subdivision of the museum. Because of this, the society has not been able to fully show its potential. In turn, the Society of Naturalists and Doctors competently took advantage of the moment and the available resources, and as a result successfully conducted its activities. By the way, both organizations contributed to the formation of organized local history in the region.

© Д.Д. Вячистый, 2023

Keywords: local history, Tomsk, Society for the Study of the Tomsk Region, Society of Naturalists and Doctors, Central Bureau of Local History

For citation: Vyachisty, D.D. (2023) About the problem of the development of Tomsk local history organizations: The Society for the Study of the Tomsk Region and the Society of Naturalists and Doctors in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 12–20. doi: 10.17223/19988613/81/2

18 марта 2022 г. исполнилось 100 лет с момента открытия первой экспозиции в Томском областном краеведческом музее им. М.Б. Шатилова. Данная выставка стала одним из отправных моментов в процессе становления организованного томского краеведения [1. С. 6]. Ключевой структурой краеведческой деятельности стал Комитет по охране памятников искусств и старины при Томском губернском отделе народного образования (Губмузей), начавший действовать в 1920 г., а впоследствии, в 1922 г., реорганизованный в Томский краевой музей.

Быстрому развитию музейного и краеведческого дела в этот период способствовали общекультурные факторы того времени – 1920-е гг. известны как «золотое» десятилетие краеведения [2. С. 11]. Обусловлено это было политикой молодой советской власти, которая была заинтересована как в выяснении возможного промышленного потенциала, так и в формировании истории национальных регионов страны. Специально для этого учреждалось Центральное бюро краеведения, при нем было налажено издание журнала «Краеведение». Благодаря возникновению главенствующей структуры стало возможным централизованно создавать и финансировать локальные и региональные краеведческие организации, а также направлять им методические рекомендации, указания и распоряжения. Это, в свою очередь, привело к всплеску научных экспедиций, итогом которых стало массовое получение материалов и сведений гуманитарного и естественнонаучного характера о регионах страны.

Однако применительно к Томску периода 1920-х гг. необходимо отметить и энтузиазм местных краеведов, объединенных вокруг деятельности недавно созданного краевого музея. Наблюдая за его развитием, они пришли к выводу, что для систематизации поступающей информации по истории, культуре, географии региона и этнического состава его населения требуется создание отдельной структуры, которая бы ведала полноценными научными изысканиями в рамках обозначенной проблематики. Так было положено начало созданию Общества изучения Томского края при Томском краевом музее. Впервые идея о необходимости его учреждения прозвучала еще в 1922 г., однако наличие большого количества внутренних проблем музея, требующих первоочередного разрешения, откладывало его организацию. Только в 1925 г. общество было официально зарегистрировано и приступило к работе.

Как уже было отмечено, руководство музея было заинтересовано в деятельности подобной организации, однако, несмотря на общую готовность участвовать в деятельности общества, оно просуществовало всего лишь три года и в 1928 г. перешло в ведение Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Очевидно, что в условиях «золотого» десятилетия краеведения и полного содействия со стороны музея к столь быстрой реорганизации общества должны были привести либо глубинные и системные противоречия, либо мощное воздействие извне, положившее конец существованию организации.

Выявить факторы, ставшие причиной вынужденного переформатирования общества, возможно путем обращения к опыту другой краеведческой структуры – Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете, бывшего одной из старейших научных организаций города, занимавшейся разработкой медицинских, биологических, химических и физических проблем. С течением времени общество также занялось изучением региона, и постепенно в его составе произошло размежевание на медицинскую секцию, ведавшую указанной выше проблематикой, и естествоиспытательскую, которая, помимо прочего, вела краеведческую работу. Пережив революционные потрясения, общество продолжило действовать и в 1920-е гг., осуществляя свои изыскания параллельно с Обществом изучения Томского края. При этом оно также вынужденно столкнулось с необходимостью адаптации своей деятельности в рамках возрождения после Гражданской войны, в связи с чем возможное сопоставление развития двух структур выглядит релевантным. Таким образом, цель данной статьи – выявление причин упадка Общества изучения Томского края путем анализа деятельности более успешного Общества естествоиспытателей и врачей.

Историография исследования бедна – постреволюционный период существования Общества естествоиспытателей и врачей остается практически не изученным. В свою очередь, Н.Л. Сенюкова занималась разработкой проблем деятельности Общества изучения Томского края [3]. Однако при этом в историографии отсутствуют труды, в которых были бы выявлены внутренние предпосылки, что повлекли вынужденную реорганизацию общества. Таким образом, научная новизна исследования заключается в выявлении причин упадка Общества изучения Томского края, что может быть достигнуто путем сопоставления его развития с другой краеведческой организацией – Обществом естествоиспытателей и врачей

Итак, начиная с 1922 г. развитие Томского краевого музея требовало наличия научного подразделения, которое бы координировало отбор краеведческих материалов, его систематизацию и описание с целью реконструкции культурной, социальной и этнической истории региона. Решение других организационных задач не позволило руководству музея сразу приступить к его учреждению, и только 12 февраля 1925 г. было проведено первое установочное собрание, где

была озвучена потребность в организации научного общества при музее [3. С. 168]. Присутствовавший на встрече глава музея М.Б. Шатилов выступил в качестве главного организатора и запросил у Главнауки, которая была руководящей структурой, шаблон устава. 17 февраля 1925 г. устав был получен, отредактирован и практически сразу принят. После первичных организационных мероприятий по устроению общества (выборы правления и ревизионной комиссии) томским властям и Центральному бюро краеведения (которое в том же году вошло в состав Народного комиссариата просвещения) были направлены соответствующие прошения о регистрации, которые были удовлетворены 2 апреля 1925 г. Эту дату можно считать началом официальной деятельности Общества изучения Томского края [4. Л. 1].

Согласно уставу, целями общества провозглашались проведение экспедиций для получения информации культурного, лингвистического и этнографического характера о местном населении, осуществление просветительской деятельности, издание тематических трудов и кооперация с другими краеведческими объединениями в регионе. Важно отметить, что в уставе руководство оговорило границы деятельности общества – оно было ограничено Томским краем (скорее всего, это было сделано для соответствия общества музею, чьим подразделением оно являлось) [Там же].

По уставу, основными формами деятельности общества провозглашались лекции, проведение тематических съездов и конференций, осуществление экспедиций, а также систематизация краеведческих материалов и издание соответствующих трудов. Также общество могло менять свою структуру и учреждать новые секции, исходя из текущих нужд и задач [Там же. Л. 1 об.].

Не было новшеств и в системе организации участников в рамках общества: они могли быть почетными (за особые заслуги) и действительными членами, а также сотрудниками (внешние участники, содействующие музею) [Там же. Л. 1а]. При этом необходимо указать принцип принятия новых участников – они либо должны были получить рекомендации двух действительных членов общества, либо за них должна была ходатайствовать какая-либо другая общественная организация региона [Там же. Л. 1а об.]. Все сотрудники должны были уплачивать фиксированный членский взнос – полтора рубля в полгода [Там же. Л. 1а об.]. При этом было оговорено, что это не единственные источники дохода общества: помимо взносов, оно получало субсидии от Главнауки, частные пожертвования, а также доходы от организации платных выставок [Там же]. Наконец, общество имело право осуществлять собрания своих членов – научные предназначались для обсуждения результатов исследовательских изысканий, а распорядительные – для решения текущих организационных вопросов [Там же. Л. 1б]. Таким образом, ратифицированный устав имел традиционный вид, однако в него было заложено несколько тезисов, которые впоследствии серьезно осложнили деятельность общества.

Сразу же после регистрации общество приступило к установлению контактов с другими краеведческими организациями региона и страны. Происходило это следующим образом: общество отправляло другой краеведческой структуре приветственное письмо, извещавшее о его создании, и предложение наладить обмен тематическими материалами. К августу 1925 г. все письма были отправлены и начали поступать ответы. Итого к осени общество получило отклики от музеев и краеведческих сообществ Рязани, Москвы, Иваново-Вознесенска, Твери, Барнаула, Читы, Семипалатинска, Вятки, Иркутска (от Иркутского университета), Свердловска и Оренбурга. Отдельно общество поприветствовали Российское географическое общество Западной Сибири, Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, Комитет Севера, а также Центральное бюро краеведения. Наконец, были налажены связи с национальными республиками страны – Азербайджанской и Кабардино-Балкарской [5. Л. 2–4, 7–9, 11, 15, 17, 19, 20–21, 25, 29, 35, 38, 49]. Все ответившие организации выразили свое доброжелательное отношение и выслали обществу либо исследования библиографического характера, либо свои тематические сборники трудов. Столь широкая география контактов и количество ответивших субъектов выступили серьезным подспорьем для развития общества – оно получило известность в масштабах страны (в краеведческих кругах) и приступило к формированию собственной исследовательской базы.

Параллельно общество начало получать субсидии от Главнауки – на 1926–1927 гг. было запланировано четыре транша суммой в 315 руб. (ежеквартально по 75 руб. и в конце года 85 руб.) [6. Л. 2]. Данное событие было встречено с энтузиазмом, началась подготовка к организации экспедиции на Васюганье, однако сумма затрат оказалась неожиданно высокой – потребовалось 500 руб. Общество запросило у Главнауки дополнительное финансирование, однако последовал отказ: Москва могла оплачивать только те командировки и экспедиции, что заранее были включены в смету расходов [Там же. Л. 9]. Здесь вскрылась первая проблема общества – неготовность его руководства к бюрократической работе с вышестоящими административными органами.

Тем не менее было решено осуществить экспедицию в бассейн р. Вах, который до сих пор не был исследован как таковой. Дополнительным источником финансирования выступил Томский комитет Севера, который был заинтересован в изучении данного района. Суммарно со средствами от Главнауки за квартал удалось осуществить необходимые закупки, и экспедиция была успешно проведена М.Б. Шатиловым. Собранные материалы были впоследствии обработаны и изданы в «Трудах Общества изучения Томского края» и «Трудах Томского краевого музея». Организация новых экспедиций в речной бассейн выглядела крайне перспективной, однако финансирования не удалось добиться ни в 1927 г., ни в 1928 г. Как итог, впоследствии соответствующие расходы были включены в смету на 1929 г., однако осуществить поездку не удалось, общество было реорганизовано раньше. Здесь можно проследить оформление второй проблемы деятельности организации – слабое финансирование ее инициатив.

Тем не менее энтузиазм сотрудников общества оставался высоким, и они были готовы посильно участвовать во всех предприятиях, однако здесь вмешался еще один фактор – недостаток времени. Поскольку некоторые члены общества параллельно работали в нескольких учреждениях, они далеко не всегда могли отлучаться в продолжительные экспедиции, что негативно сказывалось на скорости получения новых материалов. Кроме того, на собраниях начали звучать жалобы на возросшую бюрократическую волокиту, также отнимавшую свободное время [7. Л. 5].

Огромным напряжением имевшихся сил удалось издать сборник «Трудов Общества изучения Томского края». Руководство отложило средства от Главнауки за два квартала, собрав таким образом 150 руб., однако необходимая для типографии сумма была более чем в 5 раз больше – 800 руб. Попытки получить дополнительные субсидии не встретили понимания со стороны Москвы. В итоге общество напечатало сборник в рассрочку тиражом в 300 экземпляров и рассчитывалось за него впоследствии еще два года [3. С. 171].

Отсутствие свободных средств с течением времени стало сказываться на работе общества, вынуждая его экономить на своей деятельности. Так, вместо запланированных изначально в декабре 1925 г. пяти секций (школьного краеведения, экономическая, библиографическая, истории–этнологии–этнографии и турецко-татарская) в итоге было организовано только три – библиографическая, турецко-татарская и школьного краеведения [5. Л. 136]. Проще всего обстояла ситуация с библиографической секцией, которая отвечала за получение и систематизацию трудов по локальной истории: комплектовалась она путем обмена исследованиями между различными краеведческими структурами. В 1926 г. в библиотеке общества усилиями секции было собрано около 200 книжных изданий, в конце 1928 г. – 386 [Там же. Л. 138].

Просветительская деятельность общества должна была концентрироваться в рамках секции школьного краеведения. Ее руководитель – секретарь Губмузея Б.П. Юхневич – составил методические рекомендации по организации и сбору местного краеведческого материала, однако к 1927 г. секция практически прекратила свою деятельность (по причине занятости ее руководителя).

Наконец, турецко-татарская секция была сосредоточена на одноименных изысканиях [3. С. 175]. Она установила контакты с Сибирским тюркологическим комитетом и совместно с ним осуществила ряд тематических мероприятий. Секция динамично развивалась и к 1928 г. ставила вопрос о расширении рамок своей деятельности за пределы Томского края. Однако это вступало в противоречие с уставом общества, где было зафиксировано, что общество осуществляет свою деятельность только в границах региона. Данный казус стал еще одним фактором, препятствовавшим развитию организации.

Совокупность указанных трудностей постепенно тормозила деятельность общества, сводя на нет те результаты, которых удавалось достичь напряжением всех сил. Становилось ясно, что ситуацию следует в корне менять, поскольку в противном случае общество могло быть ликвидировано. В связи с этим 15 ноября 1928 г. правление провело собрание, где председатель – профессор В.В. Ревердатто – высказал идею о реорганизации общества в подразделение Общества изучения Сибири и производительных сил. Обретение такого мощного покровителя, по его мнению, разом решило бы все проблемы организации. Альтернатив этому решению он не видел: отсутствие средств на издательскую деятельность, слабая интенсивность ведущихся работ и отсутствие интереса со стороны административных организаций вынуждали общество перейти в новое состояние. Кроме того, В.В. Ревердатто указал на излишне разросшуюся сеть специальных сообществ, намекая, что в будущем власти приступят к их слиянию и роспуску с целью сокращения их количества, что также не оставляло Обществу изучения Томского края выбора [7. Л. 1].

Стоит отметить, что Общество изучения Сибири и ее производительных сил официально являлось главенствующей краеведческой структурой, и Общество изучения Томского края входило в его состав на правах юридического лица еще с 22 декабря 1926 г [8. Л. 156]. При этом тогда же, в декабре 1926 г., в Новосибирске прошел I Сибирский краевой научно-исследовательский съезд, по итогам которого было принято решение поставить Общество изучения Сибири во главе всех краеведческих изысканий в регионе, централизовав и унифицировав всю работу вокруг него. Также в Томске уже действовал его местный филиал – Томское бюро Общества изучения Сибири. Фактически В.В. Ревердатто лишь озвучил текущее положение дел, обозначив, что Общество изучения Томского края выступает дублирующей структурой, неспособной конкурировать с организацией подобного масштаба.

Ему оппонировал М.Б. Шатилов, утверждавший, что главная проблема заключалась в отсутствии свободных средств, и если бы ее удалось решить, то жизнь общества сразу же активизировалась бы. Он предложил превратить общество в географическое, указывая на невозможность существования музея без научного сообщества при нем [7. Л. 1 об.].

Однако В.В. Ревердатто возражал, что переформатировать общество в географическое не получится без одобрения властей, которое было бы крайне трудно получить, поскольку новые одноименные организации в данный момент не создают (все действовавшие географическое общества в стране вели свою историю еще с дореволюционных времен). Так и не сумев прийти к согласию, члены правления договорились провести еще оно собрание 29 ноября [Там же. Л. 2, 5].

На новой встрече собравшиеся обозначили все перечисленные раннее проблемы общества и пришли к выводу, что ему требуется реорганизация. Порядок ее проведения и условия были поручены установить В.В. Ревердатто, что и было проделано к следующему собранию, прошедшему 5 декабря 1928 г [Там же. Л. 9]. Председатель связался с Новосибирском и Обществом изучения Сибири и получил от них разрешение войти в состав последнего на правах томского отделения. Оно должно было объединить несколько краеведческих

организаций Томска: кроме самого Общества изучения Томского края туда вошли краеведческая секция Общества естествоиспытателей и врачей и томское отделение Общества изучения Сибири. Так завершился путь первого научного краеведческого объединения Томского края, существовавшего при одноименном музее. Несмотря на то что объединенное отделение возглавил В.В. Ревердатто, оно не смогло возобновить свою деятельность и было закрыто в 1931 г. в рамках упразднения Общества изучения Сибири.

Для анализа причин, приведших к такому исходу, следует обратится к опыту деятельности Общества естествоиспытателей и врачей. Оно было создано при Томском университете в 1889 г. и изначально занималось разработкой теоретических проблем биологии, геологии, химии и медицины. Постепенно за счет расширения исследовательского фокуса в обществе образовался кружок, ведавший сбором краеведческих материалов и возглавляемый профессором В.В. Сапожниковым. До начала и во время Первой мировой войны он вместе с единомышленниками успел собрать достаточное количество материалов по истории Сибири и Алтая, однако с началом революционных потрясений кружок (как и общество в целом) был вынужден приостановить свою деятельность.

Несмотря на бытовые трудности, Общество естествоиспытателей и врачей не распалось, по возможности продолжая осуществлять свои изыскания и адаптируя их под нужды времени. В частности, в 1919 г. члены общества участвовали в томской конференции, посвященной эпидемии тифа и борьбе с ним. Продолжались и ежемесячные собрания – в 1921 г. было проведено три заседания, посвященных борьбе с эпидемией чумы на Дальнем Востоке [9. С. 363]. Тем не менее материальное положение общества оставалось крайне тяжелым, затрудняя отправление как медицинских, так и сугубо научных изысканий. Данный период существования общества имел во многом депрессивный характер – происходила убыль кадров, уменьшалось количество докладов и собраний, перестала вестись финансовая и годовая отчетность [10. С. 1]. Во многом деятельность общества того времени обеспечивали два его идеолога и руководителя – М.Г. Курлов и В.В. Сапожников [Там же. С. 10]. Именно благодаря организаторским качествам организация не распалось окончательно. Исследовательская деятельность сотрудников также не полностью угасла: когда обстановка несколько стабилизировалась, М.Г. Курлов в 1920 г. за свой счет провел исследования томских озер для последующей организации там курортов [Там же. С. 30–31].

С 1921 г. в деятельности организации наметился определенный прогресс – ее руководству удалось установить связи с народным комиссариатом просвещения и его профильным подразделением – Главнаукой. Также были налажены контакты с организацией томского уровня – местным губернским отделом народного образования. Стороны быстро нашли общий язык; общество официально вошло в ведение Главнауки, а также приступило к формированию нового устава взамен дореволюционного (принят в 1922 г.).

Столь быстрое согласие на сотрудничество с советской властью было обусловлено бедственным положением общества, готового предложить свои услуги любому заинтересованному лицу. Дело в том, что революционные события и Гражданская война нанесли организации серьезный урон, в связи с чем оно было вынуждено искать себе покровителя. Для оценки потерь, понесенных им в 1917–1921 гг., можно обратиться к численности общества в данный период [Там же. С. 11] (табл. 1).

Исходя из приведенных данных, 1921 г. был годом максимального уменьшения численности общества. Фактически за пять лет оно лишилось своей пятой части (стоит учитывать, что речь идет о выбывании естественным путем, поскольку членские взносы в этот период не собирались и за их неуплату не следовало традиционное исключение).

Вслед за численностью участников уменьшалось и количество собраний, которые фактически являлись основой существования организации: именно там происходили презентации результатов проведенных исследований, обмен опытом, а также критика и популяризация научных работ членов общества [Там же. С. 12] (табл. 2).

Таблица 1

Динамика численности Общества естествоиспытателей и врачей в 1917–1921 гг.

Год	Действительные члены	Почетные члены	Суммарное количество
1917	101	2	103
1918	94	3	97
1919	89	2	91
1920	90	2	92
1921	80	0	80

Таблица 2

Динамика собраний Общества естествоиспытателей и врачей в 1917–1921 гг.

Год	Тематические (медицинские) собрания	Общие (включая годовые) собрания	Суммарное количество
1917	2	1	3
1918	15	5	20
1919	8	1	9
1920	8	1	9
1921	14	2	16

К 1921 г. ситуация несколько стабилизировалась, и общество постепенно начало входить в русло прежней жизни. Отчасти это действительно так, но стоит учитывать фактор малого числа общих собраний, на которых принимались ключевые для жизни общества решения – в указанном году их было всего лишь два. Число же тематических собраний может объясняться желанием руководителей общества максимально активизировать его деятельность, чтобы иметь на переговорах с Народным комиссариатом просвещения более выигрышную позицию.

Таким образом, на момент установления контактов с властями общество переживало наиболее тяжелый период своего существования, понеся серьезные кадровые потери и частично утратив возможность вести обмен мнениями на собраниях. Дополнительным фактором, способным усугубить ситуацию, выступала репутация В.В. Сапожникова, который в течение почти полугода руководил министерством народного просвещения в правительстве А.В. Колчака: представлялось, что советская власть не потерпит такого человека в качестве руководителя какой-либо структуры.

Однако неожиданно переговоры прошли успешно, и общество было интегрировано в научно-образовательную вертикаль. В 1922 г. завершилась разработка его устава, который во многом имел типичный характер для того времени и создавался аналогично уставу Общества изучения Томского края – по полученному шаблону от Главнауки.

Целями общества становились исследование естественно-производительных сил Сибири и жизни коренных народов, рассмотрение различных вопросов и проблем медицинской тематики, содействие успехам всех отраслей естествознания, краеведения и медицины, распространение сопутствующих сведений и объединение лиц соответствующей профессии. Для реализации этих целей предполагались широкие формы деятельности – доклады, чтения, диспуты, наблюдения, открытие лабораторий и библиотек, присуждение премий, издание трудов, организация съездов, открытие филиалов, кружков и секций и, наконец, основание своего печатного органа [10. С. 37].

В плане формирования кадрового состава устав фактически совпадал с аналогичным у Общества изучения Томского края – существовали почетные (избирались за выдающиеся заслуги) и действительные члены (принимающие участие в работе общества), а также корреспонденты и соревнователи (оказывающие содействие в развитии организации). Данные всех участников руководство обязано было каждый год отсылать в соответствующий местный орган НКВД для учета и контроля [Там же].

Далее в уставе были указаны основные источники доходов общества. Его бюджет формировался из субсидий административных структур, прибыли от предоставляемых услуг, а также из пожертвований и членских взносов. Последние были ключевым критерием, определявшим членство в организации, – при неуплате взноса участник исключался, правда, с возможностью в дальнейшем восстановиться при выплате последующих обязательных платежей [Там же. С. 38].

В организационном плане устав также не отходил от типового шаблона того времени. Во главе общества стоял избираемый председатель, имевший одного или несколько заместителей, он же возглавлял совет организации, состоявший, помимо перечисленных персон, из казначея и двух членов общества. Весь совет избирался сроком на один год, при этом обо всех кадровых перестановках опять-таки следовало сообщать в НКВД. Кроме совета существовала стандартная ревизионная комиссия, наблюдавшая за расходованием средств общества. Собрания, как и в дореволюционный период, могли быть общего характера, где принимались поправки в устав, избирался совет и председатель, утверждался годовой отчет и т.д., и специально-тематической направленности. На них обсуждались профессиональные вопросы, выслушивались доклады и выступления, происходили прения и дебаты [Там же. С. 39].

Резюмируя, устав общества носил во многом типичный характер для своего времени – организационная составляющая, формирование кадров и финансов были традиционными и так или иначе впоследствии были продублированы Обществом изучения Томского края.

Фактически все отличие организации состояло в ее цели, где первым пунктом была указана краеведческая тематика и только потом – медицинская. Связано это было с тем, что избранный председатель В.В. Сапожников помимо Народного комиссариата просвещения установил контакты с Центральным бюро краеведения, и по поручению последнего общество начало вести тематическую работу. Заключалась она не только в изучении особенностей и истории региона, но и в координировании деятельности иных краеведческих организаций губернии – бюро соответствующим образом уполномочило В.В. Сапожникова. При этом до 1925 г. бюро являлось самостоятельной структурой (по линии Академии наук), не встроенной в вертикаль народного просвещения, поэтому имеет смысл утверждать о двойном подчинении Общества естествоиспытателей и врачей (Главнауке как просветительская организация и Центральному бюро краеведения – как краеведческая).

Все это поспособствовало бурному развитию общества, что прослеживается по его финансовой отчетности. Если до 1922 г. упорядоченных записей не велось, то начиная с этого года обязательным правилом стало отмечать все доходы и расходы общества. Так, в мае 1922 г. было собрано 475 руб. посредством 17 членских взносов (два по 50 руб. – М.Г. Курлов и О.М. Курлова, остальные участники выплатили по 25 руб.). Вся сумма была передана избранному председателю В.В. Сапожникову на различные организационные нужды [11. Л. 15].

Полностью упорядочена отчетность была в декабре 1923 г., и по ней можно установить, что с указанного момента по декабрь 1924 г. пожертвованиями от членов было получено 219 руб., а израсходовано 134 руб. Основные расходы составили траты на канцелярские принадлежности, бланки для ассигнований, а также расходы на делопроизводителя Кузьмина и библиотекаря Шорохова (по 5 руб. в месяц каждому) [Там же. Л. 16 об.]. За весь 1925 г. общество получило доход в 671 руб. (с учетом остатка в 127 руб. с 1924 г., без

него – 564 руб.), расход составил 171 руб.; таким образом, чистая прибыль составила 500 руб. Основная масса доходов складывалась из пожертвований членов общества – обычно они составляли 3 руб. Самым доходным месяцем явился август 1925 г.: тогда было совершено 97 взносов (это означает, что на тот момент в общество входили не менее 97 чел.) [11. Л. 17 об., 18 об., 19 об., 20 об.].

Параллельно этому общество получало финансирование по линии Главнауки в рамках выполняемых госзаданий. Впервые из Москвы были получены средства в 1923 г. и составили 325 руб. 70 коп. В 1924 г. сумма увеличилась и достигла 771 руб. 20 коп., в 1925 г. – 652 руб. 80 коп. В основном получаемые средства шли на экспедиции – так, комитет в 1924 г. профинансировал изучение Кузнецкого края, выделив на это из общей суммы 500 руб. Общество, получив деньги, совместно с этно-археологическим музеем провело масштабное исследование проживавших там шорцев [10. С. 31–32]. Очевидно, что суммы, получаемые организацией в период своего восстановления, уже превышали те, что получало Общество изучения Томского края.

Таким образом, можно утверждать, что общество крайне умело смогло воспользоваться представившимися возможностями для стабилизации своего положения. Разрешив внутренние проблемы, оно приступило к установлению контактов с другими краеведческими объединениями города и губернии. После первых переговоров было решено организовать общее краеведческое собрание 20 апреля 1923 г. Собравшимися было принято решение создать единую мощную краеведческую структуру, которая бы занималась профильными изысканиями, и 26 декабря 1923 г. было организовано Томское временное бюро краеведения. Его председателем был выбран В.В. Сапожников. В новую структуру вошли Общество естествоиспытателей и врачей, этно-археологический музей, Томский краевой музей, томская станция защиты растений, а также ряд студенческих организаций [Там же. С. 32]. В 1924 г. силами бюро было проведено 2 общих собрания и 7 совещаний. Подтвердив таким образом энтузиазм и сплоченность участников, руководством бюро была направлена заявка в Сибплан с целью организации и проведения в Томске Сибирского краевого съезда. Если бы данная идея увенчалась успехом, Томск мог стать центром сибирского краеведения, а Общество естествоиспытателей и врачей оказалось бы фактически возглавлявшей его структурой. Однако чуть раньше Сибплан получил заявку на проведение мероприятия от краеведов Новониколаевска, и в итоге томичи получили отказ. С одной стороны, надежды общества осуществлять руководство региональным краеведением потерпели крах, однако с другой – были продемонстрированы его амбиции и возможный потенциал развития.

На этом фоне постепенно начала расти и численность участников общества. Если в 1922 г. их насчитывалось 80, то на начало 1926 г. стало уже 102 (из них 1 почетный). Вслед за этим выросло и число научных собраний: с 1923 г. их стабильно насчитывалось порядка 22–23 в год, количество же докладов на них колебалось от 50 до 60 [Там же. С. 12].

При этом стоит отметить, что вплоть до 1925 г. в структуре общества не существовало полноценного разграничения на медицинскую и краеведческую тематику – последняя осуществлялась в рамках секции естествоиспытания. Поэтому в 1925 г., когда общество достигло своего расцвета, было принято решение реорганизовать секцию естествоиспытания: из нее была выделена новая краеведческая [Там же. С. 11]. К сожалению, В.В.Сапожников не успел увидеть триумф своего детища – он скончался в 1924 г.

Возглавивший общество после смерти В.В. Сапожникова профессор М.Г. Курлов продолжил его курс на усиление деятельности общества. И здесь первоочередным шагом явилось решение вновь обратиться к проблеме собственного печатного издания. Как было отмечено выше, изначально его роль играл «Сибирский медицинский журнал», однако с его изъятием и переводом редакции в Новониколаевск какой-либо иной возможности знакомить общественность с результатами своих изысканий у общества не было. Кроме того, необходимость печатного рупора была прописана в уставе организации, отсутствие же его негативно сказывалось на ее имидже. Наконец, издание собственного печатного вестника стало бы очередным шагом на пути возрождения мощного дореволюционного потенциала общества, что продемонстрировало бы властям его возможности.

С учетом всех вышеозначенных причин Совет общества на собрании 14 ноября 1926 г. создал специальную редакционную комиссию, поставив перед ней цель подготовить к выпуску и издать отчет о деятельности организации в период с 1917 по 1926 г. Это, с одной стороны, позволило бы сохранить преемственность с дореволюционной практикой издания отчетных материалов, а с другой стороны, общество получило бы собственный печатный рупор [Там же. С. 1]. Таким образом, редакционная комиссия в составе профессоров С.В. Мясоедова (председатель) и В.А. Хахлова, доцентов П.В. Савостина, А.К. Иванова и доктора А.С. Вишневского приступила к сбору материалов по повседневной жизни и деятельности общества за указанный период. Верстка и печать были оплачены субсидиями Главнауки, и в итоге «Протоколы Общества естествоиспытателей и врачей при Томском государственном университете» увидели свет в 1927 г. (не позднее 1 октября). Именно благодаря им и возможно проследить дальнейшее развитие краеведческой секции организации.

Итак, до самой своей смерти все краеведческие исследования в обществе курировал В.В. Сапожников, а после его кончины место во главе одноименной секции занял его сподвижник, заведующий этно-археологическим музеем ТГУ А.К. Иванов. Он прежде всего сосредоточился на институализации ведущейся краеведческой деятельности. Так, еще в период руководства В.В. Сапожникова при содействии Общества естествоиспытателей и врачей в 1924 г. при Томском губернском отделе народного образования была создана комиссия краеведения (в рамках методического

бюро), занимавшаяся разработкой вопросов школьного краеведения. А.К. Ивановым было поддержано данное начинание, и в 1926–1927 гг. созданы:

1) туземный краеведческий кружок при этно-археологическом музее (1925);

2) краеведческие кружки при школах II ступени имени Октябрьской революции и имени Л. Толстого (1925);

3) экскурсионное бюро по г. Томску при Губернском отделе народного образования (1925);

4) краеведческие секции при студенческом физико-математическом кружке и студенческой научно-медицинской секции университета (1926);

5) краеведческий кружок при Сибирском технологическом институте (1926);

6) студенческое бюро краеведения в рамках Городского студенческого бюро, объединившее всю краеведческую деятельность студентов томских вузов (1926);

7) экскурсионное бюро вузов, осуществлявшее экскурсии по музейным заведениям организаций высшего образования города (1926) [10. С. 33].

Столь внушительная организационная деятельность была подкреплена и проводившимися научными исследованиями. В 1925 г. была организована совместная экспедиция общества и этно-археологического музея в Кузнецкий край под руководством А.К. Иванова. Финансирование на нее в размере 500 руб. было выделено Главнаукой, по итогам исследований были собраны материалы по бытовой жизни шорцев, впоследствии переданные этно-археологическому музею. В рамках экспедиции А.К. Иванов также активно создавал местные краеведческие организации, учредив Общество изучения Кузнецкого края, кружок по изучению Шорского края и краеведческий кружок на Прокопьевских копях [Там же. С. 32–33].

Однако у столь плодотворной организационной деятельности был и существенный минус – секция краеведения общества с октября 1926 г. по октябрь 1927 г. провела всего одно заседание, где был заслушан всего лишь один доклад [12. С. 2]. Аналогичная ситуация была и с публичными выступлениями докладчиков-краеведов: в рамках открытых лекций в период с 1917 г. по 1926 г. было представлено всего лишь 14 сообщений по истории и культуре региона.

Таким образом, можно предположить, что после смерти В.В. Сапожникова началось определенное размежевание среди руководства организации: исходя из масштабов деятельности А.К. Иванова, краеведческой секции не было смысла оставаться в рамках Общества естествоиспытателей и врачей. Исследовательские интересы общества все больше тяготели к медицинской проблематике, и наличие большого количества подотчетных организаций краеведческой тематики вынуждали секцию сосредоточить свое внимание на них. Косвенно указывает на это и одно из общих собраний общества, повесткой которого явился вопрос установления отношений с Обществом изучения Сибири [Там же]. С учетом тенденции по централизации всей краеведческой работы вокруг последнего и в связи с активной деятельностью А.К. Иванова коллаборация между структурами была вопросом времени.

Таким образом, Общество естествоиспытателей и врачей подошло к своему концу. Реконструировать последний год его существования представляется затруднительным по причине отсутствия соответствующих исторических источников, однако достоверно известно, что по состоянию на октябрь 1928 г. оно еще вело свою деятельность (исходя из финансовой отчетности). Последним свидетельством существования общества является учредительное собрание томского отдела Общества изучения Сибири, где было указано, что в состав новой структуры вошли Общество изучения Томского края и краеведческая секция Общества естествоиспытателей и врачей. Можно предположить, что оставшиеся две секции (естествоиспытателей и медицинская) также слились с другими научными объединениями (Институт усовершенствования врачей, учитывая участие М.Г. Курлова в его судьбе [13. С. 3], томское отделение Химического общества которое в свое время выделилось из Общества естествоиспытателей и врачей, и т.д.).

Итак, несмотря на кардинально разные пути развития, судьба обеих организаций оказалась общей. Однако здесь необходимо указать существенно различные мотивы, подтолкнувшие их к объединению с Обществом изучения Сибири. В случае с Обществом изучения Томского края речь шла о банальном выживании и сохранении кадрового состава, заинтересованного продолжать начатые краеведческие изыскания. Что касается краеведческой секции Общества естествоиспытателей и врачей, то здесь сказывалось ее обособление и готовность перевести свою деятельность на качественно новый уровень.

Анализируя причины, которые оказали ключевое влияние на развитие обоих обществ, нужно указать следующее. Главной проблемой Общества изучения Томского края стал его статус подразделения музея, закрепленный в уставе, из-за чего его деятельность в итоге оказалась скованной множеством ограничений. Как признавали члены его правления на собрании 29 ноября 1928 г., никто не воспринимал организацию как самостоятельную, что, в свою очередь, пагубно сказывалось на ее статусе [7. Л. 5]. Будучи частью музея, общество физически не могло получать от Главнауки требуемое финансирование – статус подразделения не позволял ему этого. Кроме данного пункта в уставе была заложена еще одна будущая трудность: формулировка о деятельности в границах Томского края искусственно сдерживала общество, не давая ему развиваться. За счет совокупности этих факторов оформилось несоответствие между реальными возможностями общества и его планами – желание быть частью музея в итоге оказалось фатальным для него.

В свою очередь, Общество естествоиспытателей и врачей изначально имело худшие стартовые условия, однако в то же время большой административный и организационный опыт. Благодаря грамотным действиям его председателя В.В. Сапожникова общество сумело восстановиться в кратчайшие сроки (что было обусловлено имевшимся двойным соподчинением Главнауке и Центральному бюро краеведения). Общество не стало изменять свой статус научно-про-

светительской организации, благодаря чему могло беспрепятственно получать финансирование, которого так не хватало Обществу изучения Томского края. Используя полученные финансы, организация быстро нарастила дореволюционную мощь, активно приступив к изучению региона, что, в свою очередь, нашло отклик в руководящих структурах. Благодаря подобной постановке дела Общество естествоиспытателей и врачей вело свою деятельность без особых затруднений, в то время как Общество изучения Томского края было вынуждено фактически выживать. Энтузиазм его сотрудников не смог компенсировать нехватку бюрократического опыта, что в итоге и повлекло его реорганизацию. Тем не менее оба общества, несмотря на разные подходы к организации своей деятельности, сумели внести ощутимый вклад в изучение региона.

Список источников

1. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея (1922 год – 18 марта – 1926 год) // Труды Томского краевого музея. Томск : Красное знамя, 1927. Т. 1. С. 1–37.
2. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество : краеведческий альманах. М. : Профиздат, 1990. Вып. 1. С. 11–28.
3. Сенюкова Н.Л. Общество изучения Томского края при Томском краевом музее (1925–1928 гг.) // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 7. С. 168–188.
4. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 134.
5. ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 138.
6. ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 159.
7. ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 137.
8. ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 144.
9. Сибирский медицинский журнал : журнал научной, практической и общественной медицины и врачебного быта. 1922. № 11-12.
10. Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей и врачей при Томском государственном университете. Отчет о деятельности общества за 1917–1926 годы. Томск : тип. изд-ва «Красное знамя», 1927. 42 с.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 4.
12. Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей и врачей при Томском государственном университете за 1926–27 год. Томск : тип. изд-ва «Красное знамя», 1928. 40 с.
13. Торжественное заседание Совета Государственного института для усовершенствования врачей в г. Томске с участием партийных, советских, профессиональных, общественных, научных и других организаций, посвященное открытию института 15 января 1928 года : стенографический отчет. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та и Гос. ин-та для усовершенствования врачей, 1928. 27 с.

References

1. Shatilov, M.B. (1927) Istoricheskiy ocherk i obzor Tomskogo kraevogo muzeya (1922 god – 18 marta – 1926 god) [A historical essay and review of the Tomsk Regional Museum (1922 – March 18, 1926)]. In: Slobodskoy, M.A. & Shatilov, M.B. (eds) *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. Vol. 1. Tomsk: Krasnoe znamya. pp. 1–37.
2. Shmidt, S.O. (1990) “Zolotoe desyatiletie” sovetskogo kraevedeniya [A “Golden Decade” of Soviet Local History]. In: Burov, V.F. et al. (eds) *Otechestvo: kraevedcheskiy al'manakh* [Fatherland: A Local History Almanac]. Vol. 1. Moscow: Profizdat. pp. 11–28.
3. Senyukova, N.L. (1994) Obshchestvo izucheniya Tomskogo kraya pri Tomskom kraevom muzee (1925–1928 gg.) [Society for the Study of the Tomsk Territory at the Tomsk Regional Museum (1925–1928)]. In: *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk State United Historical and Architectural Museum]. Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University. pp. 168–188.
4. The Tomsk Regional Museum of Local Lore (TOKM). Fund 1. List 3. File 134.
5. The Tomsk Regional Museum of Local Lore (TOKM). Fund 1. List 3. File 138.
6. The Tomsk Regional Museum of Local Lore (TOKM). Fund 1. List 3. File 159.
7. The Tomsk Regional Museum of Local Lore (TOKM). Fund 1. List 3. File 137.
8. The Tomsk Regional Museum of Local Lore (TOKM). Fund 1. List 3. File 144.
9. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*. (1922) 11-12.
10. Tomsk State University. (1927) *Protokoly zasedaniy Obshchestva estestvoispytateley i vrachey pri Tomskom gosudarstvennom universitete. Otchet o deyatel'nosti obshchestva za 1917–1926 gody* [Minutes of the meetings of the Society of Naturalists and Doctors at Tomsk State University. Report on the activities of the society for 1917–1926]. Tomsk: Krasnoe znamya.
11. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1565. List 1. File 4.
12. Tomsk State University. (1928) *Protokoly zasedaniy Obshchestva estestvoispytateley i vrachey pri Tomskom gosudarstvennom universitete za 1926–27 god* [Protocols of meetings of the Society of Naturalists and Doctors at Tomsk State University for 1926–27]. Tomsk: Krasnoe znamya.
13. Tomsk State University. (1928) *Torzhestvennoe zasedanie Soveta Gosudarstvennogo instituta dlya usovershenstvovaniya vrachey v g. Tomske s uchastiem partiynykh, sovetskikh, professional'nykh, obshchestvennykh, nauchnykh i drugikh organizatsiy, posvyashchennoe otkrytiyu instituta 15 yanvarya 1928 goda: stenograficheskiy otchet* [A solemn meeting of the Council of the State Institute for the Improvement of Doctors in Tomsk with the participation of party, Soviet, professional, public, scientific and other organizations, dedicated to the opening of the institute on January 15, 1928: A verbatim report]. Tomsk: Tomsk State University and State Institute for the Improvement of Doctors.

***Сведения об авторе*:**
Вячистый Дмитрий Дмитриевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: DimDimVyachisty@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Vyachisty Dmitry D. – Postgraduate Student at the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: DimDimVyachisty@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 05.10.2022; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 94(57.1/5)
doi: 10.17223/19988613/81/3

Делегаты Восточной Сибири на региональных и общесибирских съездах в Томске, их роль в развитии межрегиональных связей в период революции и Гражданской войны (1917–1919 гг.)

Александр Петрович Дементьев[1], Владимир Александрович Дробченко[2]

[1] Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, dementjev.ap@yandex.ru
[2] Независимый исследователь, Анжеро-Судженск, Россия, vadrobchenko@yandex.ru

Аннотация. Представлена характеристика региональных и общесибирских съездов с участием делегатов от Восточной Сибири, состоявшихся в одном из крупнейших административных и культурных центров края – Томске – в период 1917–1919 гг. Проведен статистический анализ событий, представлена их характеристика по периодам, групповой принадлежности, региональной значимости, проанализирована роль делегатов от Восточной Сибири в работе съездов политических партий, органов власти и местного самоуправления, профессиональных, областнических, кооперативных организаций, определена степень их участия в создании и составе региональных и общесибирских структур, сформированных на этих съездах.
Ключевые слова: революция, гражданская война, съезды, конференции, совещания

Для цитирования: Дементьев А.П., Дробченко В.А. Делегаты Восточной Сибири на региональных и общесибирских съездах в Томске, их роль в развитии межрегиональных связей в период революции и Гражданской войны (1917–1919 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 21–34. doi: 10.17223/19988613/81/3

Original article

Delegates from East Siberia at Regional and Whole-Siberia Congresses in Tomsk City, their role in the development of interregional communication within the period of the Revolution and Civil War (1917–1919)

Aleksandr P. Dementev[1], Vladimir A. Drobchenko[2]

[1] Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, dementjev.ap@yandex.ru
[2] Independent Researcher, Anzhero-Sudzhensk, Russian Federation, vadrobchenko@yandex.ru

Abstract. In eventful social and political life of Siberia within the period of the revolution and civil war, congresses, conferences, and meetings of social class, political, religious, and national organizations were a special feature. The congresses were an interlink between the society and authority, Siberian regions, the outlying districts and the center. They determined a vector of organization formation, as well as planned solutions of national and regional goals.

Researchers widely used congress proceedings in studying social groups, parties, and social movements. However, the matter of connection between Siberian regions within the period of the revolution and civil war was not well researched. This fact determined the research aim, which is to identify representativeness and the role of the delegates from East Siberia (Yeniseysk and Irkutsk Governorates and Zabaikalskaya Region) in the work of regional and all-Siberian forums that were held in one of the largest administrative and culture centers of the territory – Tomsk City within the period of 1917–1919.

The research is based on already published and firstly introduced sources that contain information about 63 events which were held in Tomsk City and in which representatives from East Siberia participated.

The largest group of events in which representatives from East Siberia participated are professional congresses – 24, which is 38% of total number of events. The representatives of political parties of Kadets, Social Revolutionaries, and Social Democrats (Bolsheviks and Mensheviks) of East Siberia participated in 10 congresses (16%). From summer 1917, Tomsk became the coordination center for Siberian regional forces. Within the researched period, 9 regional congresses were held (14%). Government bodies and self-governing bodies arranged 7 congresses (11%). The rest 13 congresses (21%) were held by cooperative, social, and national organizations.

The dynamics of congress number in which the representatives of East Siberia participated does not correlate with the dynamics of governorate forums. From March 1917 till December 1919 in Tomsk Governorate the number of congresses decreased, whereas the dynamics of regional and whole-Siberian event number is vice versa—they reached their

© А.П. Дементьев, В.А. Дробченко, 2023

peak within the period from June to November 1918. In previous periods, the process of organized formation of professional unions, political parties, and social organizations was mainly limited to governorate activity. Only in summer 1918, it reached all-Siberian level, which manifested itself in holding of all-Siberian congresses.
Within the period from December 1918 till December 1919, the number of regional and all-Siberian forms significantly dropped. It is explained by weakening of interregional connections in the setting of military dictatorship, as well as by decrease of social activity of general population.
The delegates from East Siberia presented various social levels and groups at regional and all-Siberian congresses. Their participation in such events was related to resolving internal organizational issues, to determination of strategy and tactics of parties and movements, to creation of unified centers of management and coordination on the scale of entire region. It led to establishment and strengthening of connections between the territories. The representatives from East Siberia played an important role in formation of anti-Bolsheviks authority within the period of the Civil war.
Keywords: revolution, civil war, congresses, conferences, meetings

For citation: Dementev, A.P., Drobchenko, V.A. (2023) Delegates from East Siberia at Regional and Whole-Siberia Congresses in Tomsk City, their role in the development of interregional communication within the period of the Revolution and Civil War (1917–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 21–34. doi: 10.17223/19988613/81/3

К началу XX в. между сибирскими регионами уже сложились устойчивые экономические связи, на дальнейшее развитие которых существенное влияние оказали строительство Транссибирской магистрали и капиталистическая модернизация в целом. Появление новых отраслей промышленности, транспорта и связи, механизация производства вызвали приток в Сибирь кадров из Центральной России. Рынок труда расширялся и за счет местных крестьян и переселенцев. Этот рынок становился все более мобильным, особенно в таких отраслях, как транспорт и горнодобывающая промышленность.

Модернизация вела к усложнению социальной структуры общества, формированию новых слоев и групп, которые активно включались в общественную жизнь края. Наиболее активным участником этого процесса была интеллигенция. С ее деятельностью связано не только развитие образования и культуры, но и интегрирование представителей различных социальных слоев в общественную жизнь края. Интеллигенция внесла огромный вклад в создание и развитие сибирской периодической печати, стояла у истоков большинства культурно-просветительных общественных организаций.

Огромный вклад в развитие Сибири внесли политические ссыльные. При их участии в начале XX в. были созданы марксистские группы в Томске, Красноярске, Иркутске, объединившиеся в 1901 г. в Сибирский социал-демократический союз. В конце 1904 г. был создан «Сибирский союз социалистов-революционеров», который действовал на территории Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области [1. С. 83–84, 113; 2. С. 160]. В межреволюционный период ссыльные активно участвовали в создании и деятельности кооперативных союзов, нередко совмещая кооперативную работу с революционной пропагандой.

Одним из центров притяжения сибирской молодежи был Томск – единственный за Уралом вузовский город. Кроме университета и технологического института там находился ряд средних специальных учебных заведений, выпускники которых трудились по всей Сибири. В Томске накануне 1917 г. действовало до 50 землячеств, среди которых были Енисейско-Красноярское, Забайкальское и Иркутское [3. 18 марта; 4. 7 марта].

Томск был одним из крупнейших региональных центров управления. В нем находились территориальные центры управления семи ведомств. В ведении Томской железной дороги, Томского управления почтово-телеграфного округа МПС, Томского округа путей сообщения находилась значительная часть территории Западной Сибири и Енисейской губернии. В.П. Зиновьев, проанализировав роль в управлении Сибирью крупных региональных центров – Омска, Томска и Иркутска, отметил, что сосредоточение в них такого грамотного, социально активного элемента, как чиновничество, создавало почву для более богатой экономической, культурной и общественной жизни, нежели в других губернских и областных центрах, сделало их культурными столицами гигантских окраин – соответственно Степного края, Западной и Восточной Сибири [5. С. 70].

Относительно устойчивые связи, сложившиеся между представителями различных сибирских регионов к 1917 г., можно разделить на две основные группы: официальные и неформальные. К официальным связям нами отнесены администрирование и сотрудничество между властными структурами, ведомствами и органами местного самоуправления. Неформальные отношения – это отношения между общественными организациями и конкретными персоналиями, которые включали в себя такие сферы, как предпринимательство, образование, наука, культура, благотворительность. Особое место в системе неформальных отношений занимали нелегальные связи, которые возникали в революционных кругах.

Февральская революция кардинально изменила существовавшую ранее систему отношений. На местах уже в первые мартовские дни 1917 г. началось формирование органов местного самоуправления, развернулось партийное, советское, профсоюзное строительство, ширились национальное, молодежное, женское движения. Этот процесс, начавшись в губернских и областных столицах, быстро перекинулся на уездные центры, рабочие поселки, вовлекал в свою орбиту сельское население. Другим направлением данного процесса стали установление межрегиональных связей, создание региональных и общесибирских объединений. Важную роль на этом пути сыграли съезды и конференции различных социальных групп.

Советские историки рассматривали такие съезды исключительно в парадигме борьбы за установление советской власти и ее упрочение. Так, Б.З. Шумяцкий [6], В.П. Сафронов [7], В.Т. Агалаков [8] напрямую связывали процесс перехода власти к советам в Сибири с решениями уездных, губернских и региональных съездов советов. Эти съезды, по мнению авторов, выражая волю трудящихся масс, не только оправдывали переход власти к советам, но и обеспечивали ее легитимность. Те съезды, делегаты которых не поддерживали или осуждали переход власти к советам, либо игнорировались, либо характеризовались как «сборища контрреволюционеров и мелкобуржуазных соглашателей». Самые известные критики областничества В.Д. Вегман и И.М. Разгон считали областнические съезды важнейшими вехами на пути консолидации сил сибирской контрреволюции [9, 10].

Глубокие изменения, которые произошли в российском обществе на рубеже 1980–1990 гг., позволили историкам, освободившись от существовавших ранее догматов и стереотипов, проводить объективные исследования различных сторон общественной жизни на переломных этапах отечественной истории. Усилился интерес к региональной и локальной истории. В значительной степени этому способствовало введение в научный оборот новых источников. Существенный вклад в расширение источниковой базы по истории Сибири в период революции и Гражданской войны был внесен коллективом томских исследователей под руководством Э.И. Черняка. В начале 1990-х гг. учеными была подготовлена и опубликована 9-томная серия материалов о съездах, конференциях и совещаниях социально-классовых, политических, национальных организаций в сибирских областях и губерниях с марта 1917 по ноябрь 1918 г. В монографии Э.И. Черняка на основе анализа решений съездов, конференций и совещаний показана расстановка классовых и политических сил в регионе, определены уровень общественной активности и направленность развития массового политического сознания основных социальных слоев населения региона в менявшихся общественно-политических условиях 1917–1918 гг. [11].

Современные сибирские исследователи широко используют материалы съездов при изучении различных социальных групп, партий, общественных движений, территорий, однако вопрос о связях между сибирскими регионами в период революции и Гражданской войны остается слабоизученным. В данной статье предпринята попытка хотя бы частично восполнить имеющийся пробел в этом вопросе, выявить роль делегатов Восточной Сибири в установлении и развитии межрегиональных связей.

Проведение съездов, конференций и совещаний представителями различных социально-политических групп ознаменовало собой переход от «вечевой» демократии первых постреволюционных дней к представительной. Съезды становились связующим звеном между обществом и властью, периферией и центром, определяли вектор организационного строительства, намечали пути решения общенациональных и региональных задач [12. С. 104]. Добавим к этому, что съезды становились и важным связующим звеном между сибирскими регионами.

У нас имеются данные о 673 событиях в Томской губернии, состоявшихся в рассматриваемый период. (Термин «события» во избежание многократных перечислений здесь и далее будет использоваться для обозначения всего комплекса мероприятий – съездов, конференций и совещаний.) Хотя эти данные нельзя назвать окончательными, они включают сведения о тех съездах, которые оказали сколько-нибудь значимое влияние на события в губернии. Из всего массива событий 416 состоялось в Томске (62% от общего числа по губернии). Из них нами выявлены сведения о 63 событиях с участием представителей Восточной Сибири, данные о которых представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сведения о съездах, конференциях, совещаниях в Томске с участием делегатов от Восточной Сибири по групповой принадлежности (март 1917 г. – декабрь 1919 г.)*

Съезды	Периоды				Всего за март 1917 г. – декабрь 1919 г.
	март–октябрь 1917 г.	ноябрь 1917 – май 1918 г.	июнь–ноябрь 1918 г.	декабрь 1918 – декабрь 1919 г.	
Органов власти и самоуправления	3		2	2	7
Политических партий	2	2	6		10
Профессиональные	7	6	10	1	24
Крестьянские		1			1
Кооперативные		2		1	3
Национальные	1			1	2
Областнические	2	3	4		9
Общественных организаций	1			3	4
Духовенства			1		1
Предпринимателей	1				1
Иные			1		1
Всего	17	14	24	8	63

* Поскольку список источников составляет более 100 наименований, их перечень не приводится.

Для анализа всего комплекса событий с марта 1917 г. по декабрь 1919 г. нами выделено четыре периода, пограничными точками которых являются Февральская революция, Октябрьский переворот, свержение советской власти, установление диктатуры адмирала Колчака и восстановление Советской власти на территории Западной Сибири.

Среди всего массива событий выделены такие группы, как съезды, конференции и совещания органов власти и самоуправления, политических партий, про-

фессиональные, крестьянские, кооперативные, национальные, областнические, общественных организаций, духовенства и предпринимателей.

Самую большую группу событий с участием представителей от Восточной Сибири составили профессиональные съезды (38%). Наиболее активны были железнодорожники, далее с существенным отрывом следуют почтово-телеграфные служащие, водники и горняки (табл. 2).

В отличие от других отрядов сибирских трудящихся у железнодорожников были довольно высокий уровень образования и мобильности, возможность регулярных контактов между территориально разделенными группами. Этим объясняется высокая степень их организации. Сказывался и опыт профессионального строительства, накопленный в годы Первой русской революции. Уже к концу марта 1917 г. по всей линии железной дороги были созданы участковые и районные комитеты, выборы которых проводились на собраниях и съездах соответствующего уровня. На I съезде представителей рабочих и служащих Томской железной дороги (Красноярск, 27–31 марта 1917 г.) был образован профессиональный союз служащих, мастеровых и рабочих и служащих Томской железной дороги, а местом пребывания Центрального комитета союза был определен Красноярск [13. С. 15]. В то же время в Томске был сформирован Главный дорожный комитет, в который вскоре были введены и представители Красноярска.

Таблица 2

Сведения о профессиональных съездах, конференциях, совещаниях в Томске с участием делегатов от Восточной Сибири (март 1917 г. – декабрь 1919 г.)

Съезды	Периоды				Всего за март 1917 г. – декабрь 1919 г.
	март–октябрь 1917 г.	ноябрь 1917 – май 1918 г.	июнь–ноябрь 1918 г.	декабрь 1918 – декабрь 1919 г.	
Железнодорожников	3	3	4		10
Почтово-телеграфных служащих	1	2	1		4
Горняков	1		1		2
Водников		1	1		2
Другие	2		3	1	6
Всего	7	6	10	1	24

Нужно отметить, что лидеры красноярских железнодорожников настойчиво выступали за перевод управления Томской железной дороги, а соответственно, и Главного дорожного комитета из Томска в Красноярск, постоянно поднимали вопрос об этом на железнодорожных съездах, а в мае 1918 г. даже отправили в Москву специальную делегацию [14. 16 июля].

На железнодорожных съездах, которые с весны 1917 г. до лета 1918 г. регулярно проводились в Томске и Красноярске, обсуждались производственные и профсоюзные вопросы, проводились выборы руководящих профсоюзных органов, избирались делегаты на сибирские и всероссийские съезды.

Сибирская железная дорога имела довольно сложную структуру, в состав которой кроме станций, депо, подвижного состава входили школы и библиотеки. В железнодорожных школах Тайги, Боготола, Иланской преподавали по 20–30 учителей, а в Красноярске – до 40 [Там же. 30 июля]. В мае 1917 г. в Томске состоялся съезд учителей, а в октябре того же года – съезд культурно-просветительных деятелей Томской железной дороги. Учителя и работники культуры также принимали участие в работе железнодорожных съездов. Некто, подписавшийся «железнодорожный учитель Е.Е.», со страниц газеты «Железнодорожник» в конце июля 1918 г. призывал учителей восстановить деятельность своего союза, закрытого большевиками, указывая, что «все культурные силы железной дороги, в том числе и учителя, должны принять активное участие в выборах представителей на предстоящий железнодорожный съезд» [Там же. 30 июля].

Необходимо отметить, что отношение к советской власти у сибирских железнодорожников было неоднозначным. О ее признании и поддержке лишь в марте 1918 г. после горячих споров заявил IV съезд железнодорожников Томской железной дороги, проходивший в Томске [15. С. 205-208]. Но даже после этого в составе Главного дорожного комитета не было преобладания большевиков. А красноярские железнодорожники, профессиональным союзом которых руководили большевики, летом 1917 г. избрали своим представителем в комитет анархо-коммуниста М.Л. Корабельника.

Летом 1918 г. Корабельник вел большую работу по восстановлению профессиональных организаций железнодорожников, боролся за сохранение их социально-экономических прав. Однако к осени 1918 г. наметилась тенденция к возрождению элементов цеховой организации. В сентябре в Томске был проведен делегатский съезд от мастеровых и рабочих и представителей паровозных бригад, в октябре – съезд агентов распорядительного движения и кондукторских бригад. На этих съездах констатировалось, что большинство союзов находится на грани распада, а часть вообще никакой работы не ведет. Так, на съезде агентов распорядительного движения были представители от трех отделений из четырех. Оказалось, что на объявленный съезд агентов 4-го отделения явилось только 4 человека, и выборы делегатов не состоялись [14. 9, 16, 23, 30 окт.].

Съезды служащих Томского почтово-телеграфного округа в отличие от съездов железнодорожников широко в прессе не освещались, поэтому информация об их делегатах скупа и обрывочна. Известно лишь, что среди участников I делегатского съезда служащих Томского почтово-телеграфного округа в апреле 1917 г. был представитель Красноярска [15. С. 20]. Конференция служащих Томского почтово-телеграфного округа (Томск, 24 февраля 1918 г.) постановила передать управление округом деловому коллективу из трех человек. Среди них были заведующий Абаканской почтово-телеграфной конторой М. Потехин и служащий

Красноярской почтово-телеграфной конторы В. Никонов, а среди их заместителей – почтальон Минусинской почтово-телеграфной конторы П. Лунев [16. 5 марта].

Сведения о профессиональном движении водников не только отрывочны, но нередко и противоречивы. Прежде всего это касается наименования событий, их датировки и результатов. Но, несмотря на это, есть возможность реконструировать, хотя бы в самом общем виде, процесс их профессионального строительства.

Уже в середине марта 1917 г. была предпринята попытка проведения съезда речников в Томске. Однако из-за неполного и непропорционального представительства делегаты решили провести организационно-учредительное совещание [17. 8 апр.]. К концу марта 1917 г. в Томске оформился союз судоходных служащих и рабочих [18. Р-312. Оп. 1. Д. 15. Л. 31], в Красноярске – Союз судоходных служащих и рабочих бассейна р. Енисей [19. Р-232. Оп. 1. Д. 3. Л. 21, 28].

Объединение водников вызывало тревогу у судовладельцев. 29 марта 1917 г. в Томске был проведен съезд владельцев судоходных предприятий Обь-Енисейского бассейна. Среди его участников были представители казенного срочного пароходства на Енисее. Съезд высказал готовность идти навстречу рабочим и создать для урегулирования взаимоотношений с ними примирительные камеры [3. 21 апр., прил.].

Элементы цеховой организации у речников сохранялись довольно долго. Летом 1917 г. существовали отдельные союзы работников казенных и частных судов Томского водного округа, а в начале 1918 г. – Союз инженеров и техников Томского водного округа. Уже после установления советской власти был проведен Областной объединенный съезд работников на водных путях Обь-Енисейской системы (Томск, март 1918 г.), в котором участвовали представители Красноярского района. Съезд принял положение об организации управления водным транспортом, избрал областной исполнительный комитет и постановил, что он должен находиться в Омске при областном совете народного хозяйства Западной Сибири [16. 4, 7 апр.].

Делегаты от Красноярска участвовали в работе конференции районных профессиональных союзов судоходных служащих и рабочих Западной Сибири 29 июля 1918 г. Участники отреклись от советского периода деятельности водников, но в то же время указали на «ничем не прикрытую враждебность» по отношению к судосоюзу со стороны властей и агентов водного транспорта [20. 10, 21 авг.].

До лета 1917 г. затянулся процесс объединения горняков. Разбросанность копей и приисков по огромной территории, удаленность друг от друга и от губернских центров серьезно затрудняли процесс консолидации их сил. Все же в июле 1917 г. в Томске был проведен I съезд горнорабочих Западной Сибири, среди 62 делегатов которого были два представителя от Иоанновских золотых приисков, по одному – от общества «Сибирская слюда», Черемховского каменноугольного района и Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов. Съезд постановил ввиду обширности территории выделить в Западной Сибири пять районов и создать в них районные объединения, причем два из этих районов полностью или частично оказались на территории Восточной Сибири: Мариинско-Ачинский и Черемховский [15. С. 69–72].

Связи между сибирскими горняками не ограничивались встречами на съездах и конференциях. В начале 1918 г. на Судженские копи приехала делегация черемховских шахтеров, которые призвали к захвату копей под лозунгом их социализации. У части местных рабочих эта агитация нашла поддержку [18. Р-96. Оп. 1. Д. 16. Л. 36 об.]. Томским большевикам спешно пришлось отправлять на копи своих представителей, чтобы противостоять анархистам. А в марте 1918 г. от Томской губернии в Иркутск на I общесибирский съезд углекопов и железнодорожников была направлена представительная делегация, члены которой стали участниками дискуссии по вопросу о национализации горных предприятий, развернувшейся на съезде [21. С. 150–152].

Очередная попытка объединения горняков в масштабах всей Сибири была предпринята осенью 1918 г. Но на Общесибирское совещание представителей рабочих горной и горнозаводской промышленности (Томск, 3–4 октября 1918 г.) от Восточной Сибири прибыли лишь представители Забайкальского союза рабочих угольной промышленности. Совещание выработало устав Всесибирского союза рабочих горной и горнозаводской промышленности, обсудило вопрос о задачах и способах борьбы в текущий момент [15. С. 304]. Однако в условиях надвигающейся военной диктатуры создание общесибирского объединения оказалось невозможным.

В Томске в рассматриваемый период с участием делегатов от Восточной Сибири также были проведены Общесибирский съезд статистиков (май 1917 г.), Общесибирский съезд делегатов служащих товарищества «Второв и сыновья» (28 июля – 4 августа 1917 г.), I сибирский съезд представителей больничных касс (октябрь 1918 г.), Всесибирский съезд рабочих печатного дела (октябрь 1918 г.).

6 октября 1918 г. в Томске начал работу I Всесибирский съезд профессиональных союзов. Власти долго тянули с разрешением на его проведение, но все же дали его при условии, что на съезде не будут обсуждаться политические вопросы. 140 делегатов представляли 160 тысяч рабочих и служащих Сибири. В докладах с мест звучала резкая критика политики большевиков по отношению к профсоюзам. Делегат от Омска Кокосов указал, что, присвоив себе некоторые функции власти, союзы стали разлагаться [22. Л. 106]. Представитель Иркутского губернского совета профессиональных союзов П. Яковлев заявил, что после большевистского переворота «во внепартийные союзы началось внедрение политик», из союзов изгонялись все небольшевистские течения, из руководящих органов профессионального движения вынуждены были уйти многие ценные работники [22. Л. 129].

На съезде звучала и критика в адрес действующих властей. Представители Красноярска указали на то, что после перехода к сдельной оплате труда существенно снизилась заработная плата рабочих [Там же. Л. 118]. Делегат от Черемхово Шнее заявил, что «предприни-

матели и государство борются у нас не столько с профсоюзами, сколько с отдельными руководителями под предлогом борьбы с большевиками» [22. Л. 273]. Съезду не удалось довести свою работу до конца: в связи с введением в Томске осадного положения 14 октября дальнейшие заседания были запрещены.

Деятельность союзов все больше ограничивалась, они были уже не в состоянии отстаивать права своих членов. В период «колчаковщины» в Томске состоялся лишь один общесибирский профессиональный съезд – Всесибирский съезд инженеров (апрель 1919 г.), участники которого ограничились обсуждением вопросов профессионального взаимодействия [23. 9 мая].

Представители политических партий в рассматриваемый период участвовали в 10 съездах, проведенных в Томске (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о съездах, конференциях, совещаниях политических партий в Томске с участием делегатов от Восточной Сибири (март 1917 г. – декабрь 1919 г.)

Съезды	Периоды				Всего за март 1917 г. – декабрь 1919 г.
	март–октябрь 1917 г.	ноябрь 1917 – май 1918 г.	июнь–ноябрь 1918 г.	декабрь 1918 – декабрь 1919 г.	
Социал-демократов	1		1		2
Большевиков			2		2
Эсеров		2	2		4
Кадетов	1				1
Националов			1		1
Всего	2	2	6		10

Первыми свой общесибирский съезд провели кадеты. Он проходил в Томске с 30 апреля по 2 мая 1917 г. На съезде были представлены комитеты партии Народной свободы из Омска, Томска, Красноярска, Барнаула, Иркутска, Ачинска, Бийска и Енисейска. Делегаты обсудили текущий момент и заслушали ряд докладов о самоопределении Сибири. В принятой резолюции делегаты, указав на специфику региона, сочли необходимым требовать как минимум самоуправления Сибири – автономии, т.е. передачи разрешения всех местных культурных, хозяйственных и административных вопросов городским и земским самоуправлениям, а местного законодательства – Сибирской областной думе, которая должна избираться на основе прямого, всеобщего, равного и тайного голосования по принципу пропорционального представительства.

Жаркие споры вызвал вопрос о внутреннем устройстве Сибири. Делегат от Красноярска А.П. Кузнецов заявил о необходимости федеративного устройства для Сибири, учитывая огромность территории и разноплеменность населения. Докладчик указал, что еще М.М. Сперанский различал Восточную и Западную Сибирь, а «Д.И. Менделеев находил необходимым разделиться на три края» [15. С. 28–29]. Делегаты постановили созвать второй съезд представителей партии Народной свободы в Красноярске и сформировали организационную комиссию во главе с А.П. Кузнецовым.

Самыми многочисленными в Сибири после Февральской революции были организации эсеров. В марте оформились эсеровские комитеты и группы во всех крупных сибирских городах. Эсеры развернули широкую агитацию в массах, вели работу среди крестьян. Однако организационное строительство у эсеров затянулось. Так, в Красноярске временный городской комитет ПСР был избран 15 марта 1917 г., а постоянный – только в мае 1917 г. [24. С. 151–152]. Томская губернская конференция членов ПСР была проведена в мае, Иркутская – в июле, Енисейская – в сентябре. Значительные силы местных организаций ПСР были задействованы в подготовке выборов в органы местного самоуправления и Учредительное собрание. Проведению общесибирского форума также препятствовали противоречия, обострившиеся в эсеровских организациях к осени 1917 г.

I Всесибирская конференция ПСР состоялась в Томске в апреле 1918 г. К этому времени большевики, уже укрепившись у власти, приняли жесткие меры к подавлению своих политических оппонентов. Было закрыто большинство эсеровских газет, часть партийных лидеров была арестована. Конференция проходила нелегально, участники действовали под псевдонимами. В ее работе приняли участие 17 делегатов (13 с правом решающего голоса и 4 – с совещательным) из Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губернских организаций ПСР.

Участники отмечали, что партийные организации на местах находятся в глубоком кризисе. Представитель Енисейской губернии сообщил, что губернский комитет ПСР не располагает точными сведениями о количестве и численности партийных организаций в губернии. Во всех выступлениях поднимался вопрос о тактике партии в сложившихся условиях. Делегат от Енисейского уезда призвал к непримиримой борьбе с советами, которые, по его мнению, следовало «уничтожать вплоть до террора» [25. С. 32–36]. В принятой резолюции делегаты указали на невозможность созвать в настоящее время правомочный сибирский съезд организаций ПСР и указали «ввиду грозности событий для охраны революции и партии» на необходимость создания связи и единства действий партийных организаций. Конференция взяла курс на вооруженную борьбу с большевиками, утвердила Временный организационный устав Всесибирского объединения ПСР, избрала Всесибирский краевой комитет (Сибкрайком) в составе 14 человек (7 членов и 7 кандидатов) [15. С. 213–215].

26 мая 1918 г. в Томске была проведена общесибирская подпольная конференция ПСР, делегаты которой обсуждали вопрос о свержении советской власти в городе. Большинство делегатов конференции в тот же день были арестованы. Единственным источником по этой конференции являются публикации В.Д. Вег-

мана, который ссылался на захваченные во время ареста документы [26. С. 33; 27. С. 141].

На IV Томском губернском съезде членов ПСР (июль 1918 г.) присутствовали представители Тюхтетской организации и члены краевого комитета ПСР [15. С. 266]. Сибкрайком ПСР вел большую работу по подготовке I Всесибирского партийного съезда, который начал свою работу в Томске 25 сентября 1918 г. На нем были представлены организации эсеров как Западной, так и Восточной Сибири. В повестку форума были включены вопросы, связанные с тактикой партии и задачами сибирского объединения. Особое внимание уделялось вопросам сибирской автономии и управления краем.

Съезд провозгласил курс на возрождение России, освобождение ее от большевиков, указал на необходимость создания единого демократического фронта, но в то же время обратил внимание на растущую угрозу со стороны правых сил. В состав избранного съездом Всесибирского крайкома ПСР вошли: М.С. Фельдман, Л.К. Солдатов, В.Н. Мерхалев, Н.П. Пумпянский, А.А. Иваницкий-Василенко, Вольфович, М.Я. Линдберг, С.А. Кудрявцев, А.П. Лисиенко-Семенов. Кандидатами были избраны: И.Г. Гольдберг, Афанасьев, П.Г. Лихачев, С.И. Файнберг, Л.П. Бойко, Б.Д. Марков (Доронин), Л.В. Рогожкин, П.Я. Михайлов, Л.А. Шепшелевич [Там же. С. 299–303].

К 1917 г. все сибирские организации социал-демократов были объединенными и оставались таковыми до конца лета 1917 г. Исключение составлял лишь Красноярск, где находилась большая группа ссыльных-большевиков. На совещании «правдистских» групп РСДРП Енисейской губернии (10–13 апреля 1917 г.) для координации действий большевистских организаций Сибири было избрано Средне-Сибирское районное бюро ЦК РСДРП(б) [13. С. 24]. Тем не менее красноярские большевики оказывали существенное влияние на позиции социал-демократических организаций Сибири. Так, Западно-Сибирская конференция объединенных организаций РСДРП (Красноярск, 22–25 апреля 1917 г.), в работе которой участвовали представители Омска, Томска, Барнаула, Иркутска, Новониколаевска, Канска и других сибирских территорий, резко осудила политику Временного правительства и высказалась за переход власти к советам [13. С. 41–44].

На совещании Средне-Сибирских социал-демократических организаций (Томск, 13 июля 1917 г.) были представители от 2 300 членов Красноярской организации, от 400 – Новониколаевской, от 279 – Судженской, от 300 – Анжерской, от 500 – Томской. Совещание обсудило вопрос о выработке практических мер для единства действий партийных организаций и выдвинуло требование передачи власти советам [15. С. 72–73].

Меньшевикам удалось провести свой общесибирский форум только в конце лета 1918 г. В августе 1918 г. в Томске состоялась общесибирская конференция социал-демократов. Хотя в ней участвовали только 11 делегатов, они представляли все крупные сибирские города от Омска до Иркутска. Конференция высказалась за создание временной Всероссийской центральной власти и подчеркнула, что главная задача демократии заключается в ее объединении. Делегаты решили организовать Временное Западно-Средне-Сибирское бюро социал-демократических организаций из пяти человек в составе одного представителя от делегатов конференции, по одному от Томской, Иркутской губерний и Омской области и одного представителя – от социал-демократической фракции Сибирской областной думы [28. 19 авг., 4 сент.].

На февраль 1919 г. в Томске было назначено проведение съезда социал-демократических организаций Сибири. Однако из-за того, что прибыли представители только от части территорий, делегаты решили провести совещание. Обсудив вопросы о текущем моменте и об избирательной кампании в муниципалитеты, участники указали на «необходимость блокирования всех демократических сил для изолирования реакции» и решили выступить на предстоящих городских выборах с самостоятельной платформой и агитацией [29. 4 марта; 30. 8 марта; 31. 9 апр.]. Поскольку в имеющейся информации об этом совещании нет сведений о делегатах, в общее количество съездов с участием представителей от Восточной Сибири данное событие не было включено.

После антибольшевистского переворота Томск не так ощущал произвол военных властей, как другие города Сибири. Там некоторое время легально действовали такие видные большевики, как В.Д. Вегман и М.М. Рабинович. Именно в Томске в конце августа 1918 г. была проведена I подпольная сибирская конференция РКП(б). В ней участвовали 10 представителей от организаций Омска, Новониколаевска, Томска, Красноярска, Кемеровского рудника, Барнаула, Челябинска и Екатеринбурга. Конференция взяла курс на подготовку вооруженного восстания во всесибирском масштабе и восстановление советский власти в Сибири [32].

II сибирская нелегальная конференция РКП(б) состоялась в Томске 23 ноября 1918 г. 15 делегатов представляли партийные организации Томска, Новониколаевска, Красноярска, Омска, Иркутска и Челябинска. Конференция обсудила доклады областного комитета о текущем моменте, организационно-партийной и военной работе, подтвердила ранее взятый курс на вооруженное восстание [33. С. 94–95].

В ноябре 1918 г. в Томске провели свой третий съезд сионисты. Первый их форум был проведен в Томске в 1903 г., второй – в Иркутске в 1912 г. На III Всесибирском сионистском съезде были представители Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Дальневосточного комитетов и сионистских организаций Урала. С программной речью на съезде выступил один из лидеров сионистского движения, крупный восточносибирский предприниматель М.А. Новомейский. Он указал, что «укрепление сионизма» неразрывно связано с укреплением экономики и культуры экстерриториального еврейства, призвав отстаивать «интересы всей русской демократии и бороться с желанием некоторых групп реставрировать «старый порядок» [34. 7 нояб.; 35. С. 29]. Съезд избрал Центральное исполнительное бюро сионистских организаций на территории Всерос-

сийского правительства со всеми функциями Центрального комитета в составе: А.М. Евзерова, И.Б. Ермановича, М.А. Новомейского, Л.С. Цыбина, З.И. Шкундина. Местом пребывания Бюро был определен Иркутск.

С лета 1917 г. Томск стал центром координации сил сибирских областников. Для них, по сути, программной в текущей ситуации стала статья патриарха движения Г.Н. Потанина «Областничество и диктатура пролетариата», опубликованная в газете «Сибирская жизнь». Потанин подверг жесткой критике политику большевиков, указав, что осуществление их проектов приведет к тому, что «русская жизнь окажется в железных тисках», в ней не окажется места «ни для самодеятельности отдельных личностей, ни для самодеятельности общественных организаций». «Сибирским областникам предстоит борьба с большевиками», – предрекал Потанин [36].

Начало консолидации антибольшевистских сил всей Сибири под областническими лозунгами положила Сибирская областническая конференция (Томск, 2–9 августа 1917 г.). Иркутская губерния была представлена пятью делегатами, Енисейская – четырьмя. Почетным председателем (заочно, так как он был болен) был избран Г.Н. Потанин, председателем – иркутский областник А.Б. Меерович, товарищами председателя – посланец Ачинской городской думы эсер Ф.С. Борисов и бурят Б. Вампилун, секретарями – меньшевичка-интернационалистка В.А. Васильева, эсер Е.В. Захаров и хакас С.Д. Майнагашев.

Конференция приняла постановление по вопросу об автономном устройстве Сибири и выработала положение «О Первом сибирском областном съезде». Работа по подготовке областного съезда была возложена на сформированный конференцией Центральный организационный комитет [15. С. 78–79; 37; 38; 39. С. 54–60].

На местах идея созыва сибирского съезда встретила широкую поддержку. Делегаты на съезд избирались общественными организациями, советами и органами местного самоуправления. Так, соединенное совещание членов губернского исполнительного комитета Красноярского совета 17 сентября 1917 г. постановило «признать создание Сибирской областной думы необходимым, не предрешая вопроса о ее компетенции в области местного законодательства», и послать на съезд одного делегата [37. С. 207].

I Сибирский областной съезд проходил в Томске с 8 по 17 октября 1917 г. 183 делегата (из них 4 – с совещательным голосом) представляли 210 различных организаций. Председателем съезда был избран Енисейский губернский комиссар Вл.М. Крутовский. От Иркутской губернии в президиум вошел И.И. Серебренников, от Енисейской– эсер Н.Н. Козьмин. Последний выступил на съезде с докладом «О земельном вопросе в Сибири в духе программы партии социалистов-революционеров».

По итогам работы съезд принял постановление, в котором указывалось, что «Сибирь в качестве автономной единицы должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти». В исполнительный комитет из 8 человек, выбранный съездом, вошли меньшевик Н.А. Алексеев (Иркутск), Вл.М. Крутовский и трудовик-федералист С.А. Новгородов (Якутск). Среди избранных 6 кандидатов были Б.Г. Вампилун (Иркутск) и Н.Н. Козьмин [15. С. 119–124; 39. С. 63–70; 40].

С целью не допустить в регионе установленияе советской власти в Томске был созван Чрезвычайный Сибирский областной съезд, который начал свою работу 6 декабря 1917 г. В тот же день исполком Томского совета рабочих и солдатских депутатов заявил, что берет власть в губернии в свои руки. Среди делегатов Чрезвычайного съезда были представители Красноярска Вл.М. Крутовский, энес Г.Б. Патушинский и Л.К. Окулич, делегированный Красноярским купеческим обществом.

Съезд принял «Положение о временных органах управления Сибири» и на заключительном заседании 15 декабря избрал Временный сибирский областной совет – ВСОС (председатель – Г.Н. Потанин, члены: П.Я. Дербер, А.Е. Новоселов, М.Б. Шатилов и Г.Б. Патушинский [15. С. 141–145; 41]). ВСОС назначил открытие заседаний Сибирской областной думы (СОД) на 12 января 1918 г., а затем из-за отсутствия кворума перенес его на 2 февраля. Однако в ночь с 25 на 26 января по решению Томского губисполкома были произведены аресты членов ВСОС и СОД (около 30 чел.). Часть арестованных была вывезена в Тайгу и выпущена на свободу, часть, в том числе Г.Б. Патушинский и член иркутской городской управы эсер И.А. Якушев, отправлена в красноярскую тюрьму [42. С. 249].

Оставшиеся на свободе депутаты утром 28 января провели ряд встреч и совещаний, а вечером на нелегальном собрании (впоследствии его стали именовать Первой сессией СОД) утвердили декларацию к сибирскому населению, законопроект «Положения о выборах в Сибирское учредительное собрание», избрали президиум СОД и Временное Сибирское правительство во главе с П.Я. Дербером.

Дербер и его сторонники, контролировавшие подготовительную работу по созыву думы, предупредили о месте проведения сессии лишь тех, на чью лояльность рассчитывали. В результате в заседании приняла участие примерно половина из находившихся в Томске депутатов. Это обеспечило Дерберу принятие нужных ему решений. Председателем СОД заочно был избран И.А. Якушев, его товарищами – С.П. Никонов, И.А. Лазебник-Лазбенко и С.С. Романовский, секретарями – И.В. Войтенко, Н.Л. Иванов-Мартынов и З.И. Шкундин. Большинство из них, как отмечал В.И. Шишкин, были провинциальными деятелями, в том числе Лазебник-Лазбенко и Иванов-Мартынов из Бодайбо, мало известными сибирской общественности [43. С. 59].

Не перечисляя весь состав избранного Временного Сибирского правительства, отметим, какие посты достались восточным сибирякам. Так, А.А. Краковецкий (бывший командующий войсками Иркутского военного округа) был избран военным министром, Г.Б. Патушинский – юстиции, И.И. Серебренников – снабжения и продовольствия, Э.Д. Ринчино – просвещения, Вл.М. Крутовский – народного здравия. Все они были

избраны заочно и даже не знали о выдвижении своих кандидатур. С определенной долей условности в этот список можно добавить получившего пост министра финансов И.А. Михайлова, родившегося в Забайкалье в семье отбывавшего ссылку известного землевольца.

Следующий этап в деятельности сибирских областников начался с лета 1918 г. Пришедший к власти Западно-Сибирский комиссариат (ЗСК) взял курс на созыв СОД как высшего представительного органа в крае. Уже 4 июня 1918 г. ЗСК предложил всем членам думы безотлагательно прибыть в Томск и приступить к разработке законодательных предложений [34. 4 июня].

5 июня депутаты думы, находившиеся в Томске (12 человек), собравшись на совещание, решили проводить такие встречи на регулярной основе и закрепить за ними название «Частное совещание членов Временной Сибирской областной думы». В течение лета 1918 г. думцами было проведено 34 заседания, на которых обсуждались текущие вопросы, велась подготовка к открытию думы [44; 45. С. 7].

На местах выборы делегатов в Областную думу превратились в арену острой политической борьбы. Так, вплоть до 17 августа 1918 г. красноярские кадеты, пользуясь абсентеизмом фракции эсеров в городской думе, саботировали вопрос о делегировании представителя в Томск. Только после долгих усилий эсерам удалось «продавить» этот вопрос и избрать представителем от самоуправления рабочего Горюнова [46. 19 авг.].

Первое заседание СОД открылось 15 августа 1918 г. под председательством А.И. Якушева. На нем присутствовали около 120 депутатов, из которых не менее 30 представляли восточносибирские организации. Наиболее известные из них – И.П. Бедро, Е.Е. Колосов, М.А. Кроль, Г.В. Ксенофонтов, С.Д. Майнагашев, В.Н. Мерхалев, В.П. Неупокоев, А.А. Сотников, Н.В. Фомин. На первом заседании Е.Е. Колосов обратился к присутствующим с приветственной речью как депутат СОД и член Учредительного собрания. И.П. Бедро был избран в состав комиссии по проверке полномочий членов думы [47. С. 5, 6]. Выступая на заседании думы 17 августа, Колосов подчеркнул, что «мы собрались сюда не для игры в парламент», а для спасения Родины [48. С. 11].

Сразу после начала работы думы стали усиливаться противоречия между ней и Временным Сибирским правительством. Поэтому указом последнего от 19 августа 1918 г. занятия СОД под предлогом необходимости пополнения ее состава были прерваны до 10 сентября. Однако это не разрешило конфликта. Попытка думцев изменить состав правительства вызвала жесткие ответные действия: арест президиума СОД и большинства членов левых фракций. Н.С. Ларьков, детально исследовав эти события, отметил, что они стали важнейшим рубежом в борьбе за передел власти внутри сибирского антибольшевистского движения, а внутриполитическая борьба, достигнув наивысшего накала, вылилась в жесткие и даже жестокие формы, включая вооруженное насилие и террор [49. С. 53, 62]. Под жестким прессингом со стороны правительства думцы согласились на самороспуск СОД. Для соблюдения формальностей 10 ноября 1918 г. они собрались на свое последнее заседание, где и проголосовали за самороспуск думы. С роспуском СОД был ликвидирован последний барьер на пути к военной диктатуре.

Еще одна группа событий – это съезды и совещания представителей органов власти и местного самоуправления. Таких событий с участием представителей от Восточной Сибири выявлено семь: съезд по обеспечению топливом городов Томской губернии (апрель 1917 г.), учредительный губернский съезд по топливу (июль 1917 г.), Сибирское районное совещание по топливу сентября 1917 г., совещание об открытии Иркутского университета (7 августа 1918 г.), Всесибирский съезд земств и городов (сентябрь 1918 г.), Западно-Сибирское совещание по борьбе с вредителями полей (декабрь 1918 г.) и съезд представителей сибирских губернских и областных земств по взаимному страхованию (30 мая – 2 июня 1919 г.).

На Всесибирском съезде земств и городов 28 делегатов представляли земства, 18 – города Сибири. Как отмечал В.М. Рынков, достаточно широко были представлены города и земские управы Енисейской и Иркутской губерний [50. С. 145]. Товарищем председателя съезда был избран Г.П. Ассар – заместитель председателя иркутского губернского земства, в состав избранного съездом главного комитета Всесибирского союза земств и городов (Сибземгора) вошел председатель Минусинской городской управы П.Д. Вагаев [15. С. 289–291].

Восточносибирские кооператоры приняли участие в трех съездах, состоявшихся в Томске. В совещании членов правления Томского общества взаимного кредита (декабрь 1917 г.) участвовал представитель от Красноярского общества взаимного кредита П.С. Троицкий. В мае 1918 г. было проведено совещание представителей союзов кооперативов Томской губернии и Канского района. В конце декабря 1918 г. начал работу I съезд сибирских обществ взаимного страхования, среди участников которого были представители Иркутска и Читы.

Относительно небольшая доля кооперативных съездов, проведенных в Томске, объяснятся тем, что центром кооперативного движения в Сибири в 1917–1918 гг. был Новониколаевск. Расположение его на пересечении транспортных путей обеспечило городу стремительное развитие в начале XX в. Образовавшийся здесь в 1916 г. Союз сибирских кооперативных союзов – «Закупсбыт» – вел торгово-закупочные операции не только по всей Сибири, но и за границей. Большинство губернских и значительная часть районных кооперативных объединений вошли в состав «Закупсбыта» в качестве союзов-пайщиков. Только с мая 1917 г. до конца 1918 г. в Новониколаевске было проведено пять съездов уполномоченных «Закупсбыта». Там же в ноябре 1917 г. и в январе 1918 г. состоялись всесибирские кооперативные съезды, а в мае 1918 г. – съезд сибирских обществ взаимного страхования.

После Февральской революции важным фактором общественной жизни стало национальное движение. С 4 по 6 октября 1917 г. в Томске проходил I общесибирский мусульманский съезд, созванный по инициативе Томского губернского мусульманского совета.

В его работе приняли участие 30 делегатов «с разных мест Сибири, начиная с Приморского края и кончая Акмолинской областью». Товарищем председателя съезда был избран представитель Ачинска Ю.Р. Саиев. Он же был избран председателем исполкома Сибирского областного совета мусульман [15. С. 116–118].

8 декабря 1918 г. в Томске был проведен Всесибирский эстонский конгресс. Около 30 делегатов представляли все эстонские колонии Сибири. Конгресс признал необходимость национально-культурной автономии для эстонских колоний, в целях финансовой поддержки экономических мероприятий постановил создать во всех центрах эстонских колоний ссудосберегательные товарищества и общества взаимного кредита, а в Иркутске открыть эстонский акционерный банк [51. С. 216–217]. Свои общесибирские форумы проводили и представители других народов. В Новониколаевске в марте 1918 г. состоялся съезд литовских колоний и организаций Сибири, а в марте того же года – I Всесибирский съезд поляков.

Среди съездов общественных организаций, проведенных в Томске, следует выделить I женский съезд Сибири (сентябрь 1917 г.), Всесибирский съезд увечных воинов (январь 1919 г.) и съезд по организации Института исследования Сибири (январь 1919 г.). Последние два съезда состоялись под патронажем властей, а на проведение съезда увечных воинов правительством было выделено 40 тысяч рублей.

На I женском съезде с докладом «О желательности проведения женщин в Учредительное собрание» выступила делегат от Читы Ротер [15. С. 102]. Во Всесибирском съезде увечных воинов участвовали представители союзов инвалидов Сибири, в том числе Ачинска и Читы. Съезд избрал центральный комитет Союза увечных воинов в составе 21 человека, в который вошли по одному представителю от всех губернских и ряда уездных союзов [30. 16–18, 25, 28 янв.].

В работе съезда по организации Института исследования Сибири участвовали 236 делегатов, в том числе по 4 из Иркутска и Красноярска, 2 – из Ачинска, один – из Ужура. Делегат съезда – директор Иркутской обсерватории В.Б. Шостакович – был избран членом президиума, выступил с докладом «О необходимости создания областных библиотек», возглавлял работу секции географии, геофизики и климатологии. Представитель от Красноярска – директор музея Приенисейского края, председатель Красноярского отделения РГО А.Я. Тугаринов – выступил с докладом «Местные музеи Сибири и организация их работ», директор Ачинской учительской семинарии С.П. Серебровский представил сообщение «Школы и исследование Сибири». Съезд принял «Положение об Институте исследования Сибири», избрал совет института и членов совета Иркутского отделении [52. С. 12–17, 119].

Следует обратить внимание на то, что в Томске не состоялось ни одного регионального или общесибирского съезда советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, хотя такие съезды проводились в Омске, Красноярске, Иркутске. Причина этого в том, что в Томске крайне незначителен был слой кадровых рабочих, а преобладали средние слои населения. Один из томских большевиков – И.Л. Наханович – связывал слабость советской власти в Томске с тем, что «Томск – город мещанский, с мещанскими настроениями» [53. С. 252].

В середине января 1918 г. эсерами с целью помешать установлению советской власти в крае был созван I Общесибирский чрезвычайный крестьянский съезд. Форум готовился в спешке, эсерам не удалось обеспечить широкое представительство. В работе съезда участвовали 58 делегатов от 22 советов крестьянских депутатов. Восточная Сибирь была представлена только Иркутской губернией. Делегаты осудили захват власти большевиками, высказались за возобновление работы Учредительного собрания и созыв Сибирской областной думы, избрали Центральный исполнительный комитет Всесибирского совета крестьянских депутатов, который возглавил эсер С.А. Кудрявцев [15. С. 213–214].

С 14 ноября по 3 декабря 1918 г. в Томске заседал Сибирский поместный церковный собор. (В источниках встречается и другие названия этого события: «Сибирское соборное церковное совещание», «Томское церковное совещание».) В его работе участвовали 13 правящих архиереев Сибири, Поволжья и Приуралья, 13 епископов, 10 иереев и 17 мирян, в том числе Иоанн (Смирнов), архиепископ Иркутский и Верхоленский, и Назарий (Андреев), епископ Енисейский и Красноярский. Собор обсудил вопрос об организации временной центральной церковной власти на территории Сибири, освобожденной от большевиков, и постановил создать Высшее временное церковное управление с местопребыванием в Омске [53. С. 166; 54. № 1–2. Ч. неофиц. С. 1–7].

Таким образом, из 63 съездов, проведенных в Томске с участием делегатов от Восточной Сибири, 35 (55,5%) – общесибирские, 22 (35%) – региональные и 2 (3,2%) – губернские (табл. 4).

Таблица 4

Сведения о съездах, конференциях, совещаниях в Томске с участием делегатов от Восточной Сибири по региональной значимости (март 1917 г. – декабрь 1919 г.)

Съезды	Периоды				Всего за март 1917 г. – декабрь 1919 г.
	март–октябрь 1917 г.	ноябрь 1917 – май 1918 г.	июнь–ноябрь 1918 г.	декабрь 1918 – декабрь 1919 г.	
Общесибирские	8	6	15	6	35
Региональные	7	7	7	1	22
Губернские	2				2
Иные		1	2	1	4
Всего	17	14	24	8	63

Заметные отличия наблюдаются в динамике проведения съездов с участием делегатов от Восточной Сибири по периодам от аналогичного показателя для всего массива съездов, состоявшихся в Томской губернии с марта 1917 г. по декабрь 1919 г. Так, в марте–октябре 1917 г. по Томской губернии в целом состоялось 37% съездов, в ноябре 1917 г. – мае 1918 г. – 27%, в июне–ноябре 1918 г. – 21%, в декабре 1918 г. – декабре 1919 г. – 15%. Доля съездов с участием делегатов от Восточной Сибири от общего числа этих съездов составила в первый период – 27,5%, во второй – 22%, в третий – 38% и в четвертый – 12,5%.

Более низкий показатель для съездов с участием делегатов от Восточной Сибири в марте–октябре 1917 г. связан с тем, что в этот период процесс организационного строительства в основном был ограничен губернскими рамками, и в общем массиве событий доля региональных и общесибирских съездов еще была невелика.

Во втором периоде показатели сближаются, а в третьем доля съездов с участием делегатов от Восточной Сибири выросла до 37%, на 18% превысив соответствующую долю всех съездов, проведенных в Томской губернии. Выделим основные причины этого. Во-первых, к лету 1918 г. партийное, профессиональное, национальное строительство «доросло» до общесибирского уровня, что и проявилось в проведении всесибирских съездов. Во-вторых, после свержения советской власти в Сибири потребовалось внесение коррективов в тактику, а порой и в стратегию партий и движений в связи с изменившимися политическими условиями. И, в-третьих, в период «демократической контрреволюции» появилась возможность проведения таких съездов.

В четвертый период вновь наблюдается сближение показателей, однако произошло более резкое снижение доли съездов с участием делегатов от Восточной Сибири по сравнению с предыдущим периодом. Это связано не только с тем, что в условиях военной диктатуры ослабли межрегиональные связи и проведение таких мероприятий было ограничено, но также и с резким снижением общественной активности масс, которым в условиях разрастающейся Гражданской войны приходилось думать об элементарном выживании, а не о реализации своих политических прав и свобод.

Подводя итог, отметим, что делегаты от Восточной Сибири принимали участие во всех общесибирских съездах в Томске. Без их участия (даже по формальным признакам) такое мероприятие не могло получить статус «общесибирского». Региональные съезды, даже если они именовались Западно-Сибирскими, нередко вызывали интерес у восточных сибиряков.

Делегаты Восточной Сибири представляли различные социальные слои и группы. Их участие в таких событиях было связано с определением стратегии и тактики партий и движений, созданием единых центров руководства и координации в масштабах всей Сибири, вело к установлению и укреплению связей между территориями. Но на характер, устойчивость и эффективность этих связей определяющее воздействие оказывала политическая ситуация в крае.

Список источников

1. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : хроника / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. 398 с.
2. Черняк Э.И. Эсеры в Сибири между буржуазно-демократическими революциями // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск : Наука, 1986. С. 159–169.
3. Сибирская жизнь. Томск, 1917.
4. Утро Сибири. Томск, 1917.
5. Зиновьев В.П. Региональные центры управления в России (на примере Томска, Омска и Иркутска) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 68–71.
6. Шумяцкий Б.З. Сибирь на путях к Октябрю. М. : Гос. изд-во, 1927. 126 с.
7. Сафронов В.П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу в Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918 г.). Красноярск : Кн. изд-во, 1962. 723 с.
8. Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1978. 254 с.
9. Вегман В. Областнические иллюзии, рассеянные революцией // Сибирские огни. 1923. № 3. С. 89–116.
10. Разгон И.М., Бабикова Е.Н. Об эволюции сибирского областничества в 1917 г. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 55–82.
11. Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 238 с.
12. Дробченко В.А., Черняк Э.И. Съезды, конференции, совещания различных общественно-политических организаций в Томской губернии в период Гражданской войны (май 1918 – декабрь 1919 гг.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.) : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2019. С. 104–115.
13. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Е.Н. Косых. Томск : Том. гос. ун-т, 1991. 219 с.
14. Железнодорожник. Томск, 1918.
15. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. Ч. 1, 2. 333 с.
16. Знамя революции. Томск, 1918.
17. Голос свободы. Томск, 1917.
18. Государственный архив Томской области (ГАТО).
19. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
20. Сибирский судоходец. Томск, 1918.
21. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. В.Г. Зыкова. Томск : Том. гос. ун-т, 1991. 205 с.
22. Стенограмма I Всесибирского съезда профсоюзов (октябрь 1918 г.) // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д. 149. Оп. 1. Д. 17 а. 326 л.
23. Сибирская жизнь. Томск, 1919.

24. Дементьев А.П. Общественно-политическая жизнь в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2014. 320 с.
25. Добровольский А.В. Социалисты-революционеры в Сибири в конце 1917 – начале 1920 г. Новосибирск : Наука, 1999. 143 с.
26. Вегман В. Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске // Путь борьбы. Томск, 1923. Вып. 1. С. 25–48.
27. Вегман В. Сибирские контрреволюционные организации в 1918 г. // Сибирские огни. 1928. № 1. С. 135–146.
28. Заря. Томск, 1918.
29. Новый алтайский луч. Барнаул, 1919.
30. Народная газета. Томск, 1919.
31. Звено. Мариинск, 1919.
32. Вегман В. Большевистское подполье при Колчаке // Сибирь. 1925. № 4. URL: https://scepsis.net/library/id_2934.html#a1 (дата обращения: 07.12.2019).
33. Хроника Новосибирской организации КПСС, 1891–1987 : в 2 кн. / сост. Л.М. Живоглядова и др. Новосибирск : Кн. изд-во, 1988. Кн. 1: 1891 – июнь 1941. 351 с.
34. Голос народа. Томск, 1918.
35. Наумова Н.И. 3-й Всесибирский сионистский съезд (ноябрь 1918 г.) // Евреи в Сибири : сб. статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 26–34.
36. Потанин Г.Н. Областничество и диктатура пролетариата // Сибирская жизнь. 1917. 18 июля.
37. Красноярский Совет : март 1917 – июнь 1918 г. : сб. документов. Красноярск : КГПИ, 1960. 582 с.
38. Серебренников И.И. Мои воспоминания. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/serebrennikov_ii2/01.html (дата обращения: 08.12.2018).
39. Шишкин В.И. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта – октября 1917 года // Acta Slavica Iaponica. Sapporo : Hokkaido University, 2015. T. 37. P. 47–71.
40. Шиловский М.В. Первый Сибирский областной съезд (октябрь 1917 г.) // Вопросы истории Сибири XX века : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1998. С. 42–57.
41. Шиловский М.В. Декабрьский (1917) сибирский чрезвычайный областной съезд // Сибирь: XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 60–65.
42. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. / сост. Э.И. Черняк, В.А. Дробченко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 2: Март 1917 – май 1918 г., ч. 2: Сентябрь 1917 – май 1918 г. 386 с.
43. Шишкин В.И. Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 года) // История белой Сибири : сб. науч. статей. Кемерово, 2011. С. 54–61.
44. Шишкин В.И. Частные совещания членов временной Сибирской областной думы (июнь 1918 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2005. Т. 4, вып. 2 (История). С. 54–63.
45. Сибирский предпарламент: частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь – август 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2013. 292 с.
46. Знамя труда. Красноярск, 1918.
47. Временная Сибирская областная дума. Сессия 2, заседание 1. Томск : изд. Президиума Сиб. обл. думы, 1918. 26 с.
48. Временная Сибирская областная дума. Сессия 2, заседание 2. Томск: изд. Президиума Сиб. обл. думы, 1918. 74 с.
49. Ларьков Н.С. Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский «встречный» бой 1918 г. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории : Бахрушинские чтения. Новосибирск, 2001. С. 48–66.
50. Рынков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны : сб. науч. статей. Новосибирск, 2012. С. 125–158.
51. Кутилова Л.А., Нам И.В. и др. Национальные меньшинства Томской губернии: хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 298 с.
52. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск : тип. Сиб. т-ва печатного дела и Дома трудолюбия, 1919. 460 с.
53. Томская область : исторический очерк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. 684 с.
54. Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск, 1919.
55. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : хроника / сост. В.А. Дробченко, Н.С. Ларьков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 3: Июнь 1918 – декабрь 1919 г. 374 с.

References

1. Zinoviev, V.P. & Kharus, O.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.: khronika* [Socio-political life of Tomsk Province in 1880–1919: A chronicle]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
2. Chernyak, E.I. (1986) Esery v Sibiri mezhdu burzhuazno-demokraticheskimi revolyutsiyami [Social Revolutionaries in Siberia between the bourgeois-democratic revolutions]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Revolyutsionnoe i obshchestvennoe dvizhenie v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [Revolutionary and social movement in Siberia in the late 19th – early 20th century]. Novosibirsk: Nauka. pp. 159–169.
3. *Sibirskaya zhizn' (Tomsk).* (1917).
4. *Utro Sibiri (Tomsk).* (1917).
5. Zinoviev, V.P. (2017) Regional'nye tsentry upravleniya v Rossii (na primere Tomska, Omska i Irkutska) [Regional control centers in Russia (case studies of Tomsk, Omsk and Irkutsk)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 21. pp. 68–71.
6. Shumyatskiy, B.Z. (1927) *Sibir' na putyakh k Oktyabryu* [Siberia on the way to October]. Moscow: Gos. izd-vo.
7. Safronov, V.P. (1962) *Oktyabr' v Sibiri. Bol'sheviki Sibiri v bor'be za pobedu v Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii (fevral' 1917 – mart 1918 g.)* [October in Siberia. Bolsheviks of Siberia in the struggle for victory in the Great October Socialist Revolution (February 1917 – March 1918)]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
8. Agalakov, V.T. (1978) *Sovety Sibiri (1917–1918 gg.)* [Soviets of Siberia (1917–1918)]. Novosibirsk: Nauka.
9. Vegman, V. (1923) Oblastnicheskie illyuzii, rasseyannye revolyutsiey [Regional illusions dispelled by the revolution]. *Sibirskie ogni*. 3. pp. 89–116.
10. Razgon, I.M. & Babikova, E.N. (1976) Ob evolyutsii sibirskogo oblastnichestva v 1917 g. [On the evolution of Siberian regionalism in 1917]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Nekotorye voprosy rasstanovki klassovykh sil nakanune i v period Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Some questions of the alignment of class forces on the eve and during the Great October Socialist Revolution]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 55–82.
11. Chernyak, E.I. (2001) *Revolyutsiya v Sibiri: s"ezdy, konferentsii i soveshchaniya obshchestvennykh ob"edineniy i organizatsiy (mart 1917 – noyabr' 1918 goda)* [Revolution in Siberia: Congresses, conferences and meetings of public associations and organizations (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Drobchenko, V.A. & Chernyak, E.I. (2019) S"ezdy, konferentsii, soveshchaniya razlichnykh obshchestvenno-politicheskikh organizatsiy v Tomskoy gubernii v period Grazhdanskoy voyny (may 1918 – dekabr' 1919 gg.) [Congresses, conferences, meetings of various socio-political organizations in the Tomsk province during the Civil War (May 1918 – December 1919)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.)* [Civil War in the East of Russia (November 1917 – December 1922)]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 104–115.
13. Kosykh, E.N. (ed.) (1991) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Eniseyskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in the Yenisei province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomks State Univeristy.
14. *Zheleznodorozhnik (Tomsk)*. (1918).

15. Chernyak, E.I. (ed.) (1992) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Tomskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in the Tomsk province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomks State Univeristy.
16. *Znamya revolyutsii (Tomsk)*. (1918).
17. *Golos svobody (Tomsk)*. (1917).
18. The State Archive of Tomsk Region (GATO).
19. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK).
20. *Sibirskiy sudokhodets (Tomsk)*. (1918).
21. Zykova, V.G. (ed.) (1991) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Irkutskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in the Irkutsk province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomks State Univeristy.
22. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). *Stenogramma I Vsesibirskogo s"ezda profsoyuzov (oktyabr' 1918 g.)* [Transcript of the I All-Siberian Congress of Trade Unions (October 1918)]. Fund D. 149. List 1. File 17 a. 326 l.
23. *Sibirskaya zhizn' (Tomsk)*. (1919).
24. Dementiev, A.P. (2014) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Eniseyskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Socio-political life in the Yenisei province (March 1917 – November 1918)]. History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
25. Dobrovolskiy, A.V. (1999) *Sotsialisty-revolyutsionery v Sibiri v kontse 1917 – nachale 1920 g.* [Socialist-Revolutionaries in Siberia in late 1917 – early 1920]. Novosibirsk: Nauka.
26. Wegman, V. (1923) Kak i pochemu pala v 1918 g. Sovetskaya vlast' v Tomske [How and why did the Soviet power in Tomsk fall in 1918]. *Put' bor'by*. 1. pp. 25–48.
27. Wegman, V. (1928) Sibirskie kontrrevolyutsionnye organizatsii v 1918 g. [Siberian counter-revolutionary organizations in 1918]. *Sibirskie ogni*. 1. pp. 135–146.
28. *Zarya (Tomsk)*. (1918).
29. *Novyy altayskiy luch (Barnaul)*. (1919).
30. *Narodnaya gazeta (Tomsk)*. (1919).
31. *Zveno (Mariinsk)*. (1919).
32. Wegman, V. (1925) Bol'shevistskoe podpol'e pri Kolchake [The Bolshevik underground under Kolchak]. *Sibir'*. 4. [Online] Available from: https://scepsis.net/library/id_2934.html#a1 (Accessed: 7th December 2019).
33. Zhivoglyadova, L.M. et al. (eds) (1988) *Khronika Novosibirskoy organizatsii KPSS, 1891–1987* [The chronicle of the Novosibirsk organization of the CPSU, 1891–1987]. Vol. 1. Novosibirsk: Kn. izd-vo.
34. *Golos naroda (Tomsk)*. (1918).
35. Naumova, N.I. (2000) 3-y Vsesibirskiy sionistskiy s"ezd (noyabr' 1918 g.) [3rd All-Siberian Zionist Congress (November 1918)]. In: *Evrei v Sibiri* [Jews in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 26–34.
36. Potanin, G.N. (1917) Oblastnichestvo i diktatura proletariata [Regionalism and the dictatorship of the proletariat]. *Sibirskaya zhizn'*. 18th July.
37. USSR. (1960) *Krasnoyarskiy Sovet: mart 1917 – iyun' 1918 g.* [Krasnoyarsk Soviet: March 1917 – June 1918]. Krasnoyarsk: KGPI.
38. Serebrennikov, I.I. (n.d.) *Moi vospominaniya* [My memories]. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/memo/russian/serebrennikov_ii2/01.html (Accessed: 8th December 2018).
39. Shishkin, V.I. (2015) Sibirskoe oblastnichestvo v kontekste revolyutsionnykh sobytiy marta – oktyabrya 1917 goda [Siberian regionalism in the context of the revolutionary events of March-October 1917]. *Acta Slavica Iaponica*. 37. pp. 47–71.
40. Shilovskiy, M.V. (1998) Pervyy Sibirskiy oblastnoy s"ezd (oktyabr' 1917 g.) [First Siberian Regional Congress (October 1917)]. In: *Voprosy istorii Sibiri XX veka* [The History of Siberia in the 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 42–57.
41. Shilovskiy, M.V. (1999) Dekabr'skiy (1917) sibirskiy chrezvychaynyy oblastnoy s"ezd [The December (1917) Siberian Extraordinary Regional Congress]. *Sibir': XX vek*. 2. pp. 60–65.
42. Chernyak, E.I. & Drobchenko, V.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [Socio-political life of Tomsk Province in 1880–1919]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
43. Shishkin, V.I. (2011) Pervaya sessiya Sibirskoy oblastnoy dumy (yanvar' 1918 goda) [The first session of the Siberian Regional Duma (January 1918)]. In: *Istoriya beloy Sibiri* [History of White Siberia]. pp. 54–61.
44. Shishkin, V.I. (2005) Chastnye soveshchaniya chlenov vremennoy Sibirskoy oblastnoy dumy (iyun' 1918 g.) [Private meetings of members of the Provisional Siberian Regional Duma (June 1918)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 4(2). pp. 54–63.
45. Shishkin, V.I. (ed.) (2013) *Sibirskiy predparlament: chastnye soveshchaniya chlenov Vremennoy Sibirskoy oblastnoy dumy (iyun' – avgust 1918 g.)* [Siberian pre-parliament: Private meetings of members of the Provisional Siberian Regional Duma (June – August 1918)]. Novosibirsk: Parallel'.
46. *Znamya truda (Krasnoyarsk)*. (1918).
47. Provisional Siberian Regional Duma. (1918a) *Sessiya 2, zasedanie 1* [Session 2, session 1]. Tomsk: Presidium of Siberian Regional Duma.
48. Provisional Siberian Regional Duma. (1918b) *Sessiya 2, zasedanie 2* [Session 2, session 2]. Tomsk: Presidium of Siberian Regional Duma.
49. Larkov, N.S. (2011) Bor'ba za vlast' na territorii "beloy" Sibiri: sentyabr'skiy "vstrechnyy" boy 1918 g. [The struggle for power on the territory of "white" Siberia: The September "oncoming" battle of 1918]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii. Problemy istorii: Bakhrushinskie chteniya* [The Civil War in the east of Russia. Problems of History: The Bakhrushin Readings]. Novosibirsk. pp. 48–66.
50. Rynkov, V.M. (2012) Organy mestnogo samoupravleniya v antibol'shevistskom lagere na vostoke Rossii (seredina 1918 – konets 1922 g.) [Local self-government in the anti-Bolshevik camp in eastern Russia (mid-1918 – late 1922)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Politicheskie sistemy i rezhimy na vostoke Rossii v period revolyutsii i grazhdanskoy voyny* [Political systems and regimes in eastern Russia during the Revolution and Civil War]. Novosibirsk. pp. 125–158.
51. Kutilova, L.A., Nam, I.V. et al. (1999) *Natsional'nye men'shinstva Tomskoy gubernii: khronika obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni. 1885–1919* [National minorities of the Tomsk province: A chronicle of public and cultural life. 1885–1919]. Tomsk: Tomsk State University.
52. *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Institute for the Study of Siberia]. (1919) Tomsk: tip. Sib. t-va pechatnogo dela i Doma trudolyubiya.
53. Zinoviev, V.P. (1994) *Tomskaya oblast': istoricheskiy ocherk* [Tomsk Region: A Historical Essay]. Tomsk: Tomsk State University.
54. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti (Krasnoyarsk)*. (1919).
55. Drobchenko, V.A. & Larkov, N.S. (eds) (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.: khronika* [Socio-political life of Tomsk Province in 1880–1919: A chronicle]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.

***Сведения об авторах*:**

Дементьев Александр Петрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: dementjev.ap@yandex.ru

Дробченко Владимир Александрович – доктор исторических наук, доцент, независимый исследователь (Анжеро-Судженск, Россия). E-mail: vadrobchenko@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Dementev Aleksandr P. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at Siberian Federal University. (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dementjev.ap@yandex.ru
Vladimir A. Drobchenko – Doctor of History, Docent, Independent Researcher (Anzhero-Sudzhensk, Russian Federation). E-mail: vadrobchenko@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2019; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 21.12.2019; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/81/4

Образ федерального центра в информационном пространстве Сибири в период 1989–1993 гг. (на примере Томской и Кемеровской областей)

Анна Геннадьевна Мельник

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, Celena_@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема взаимоотношений федеральной и региональной властей в период демократических преобразований на завершающем этапе перестройки и в первые постсоветские годы. Обосновывается идея о том, что СМИ позволяли региональной элите манипулировать массовым сознанием путем создания определенных образов федерального центра. Полученные в ходе исследования данные об эффективности использования региональной элитой СМИ позволили глубже понять практику и природу федеративных отношений, а также проследить ранее невыявленные связи между властными элитами.
Ключевые слова: региональная элита, субъект федерации, федеральный центр, федеративные отношения

Для цитирования: Мельник А.Г. Образ федерального центра в информационном пространстве Сибири в период 1989–1993 гг. (на примере Томской и Кемеровской областей) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 35–42. doi: 10.17223/19988613/81/4

Original article

Image of the federal center in the informational space of Siberia in the period of 1989–1993 (on the example of Tomsk and Kemerovo regions)

Anna G. Melnik

Tomsk State University of Control Systems and Radio-Electronics, Tomsk, Russian Federation, Celena_@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of relations between the Federal Center and regional authorities during the period of formation of new center-regional relations and institutions (1989-1993). Participants of Federal relations had a large arsenal of tools that allowed them to influence each other. One of these resources belonging to the regional elite was the local mass media, which made it possible to create a new sociopolitical reality, consolidating the "necessary" image of the Center in the mass consciousness.

The author analyzes the materials of periodicals of Tomsk ("Krasnoye Znamya" and "Narodnaya Tribuna") and Kemerovo ("Kuzbass "and" Nasha Gazeta") oblasts in order to determine the degree of influence of the regional elite on society, on the Center and on other power elites, through the use of media images of the Federal Center formed and broadcasted by the regions. The article gives a brief description of the relations that existed between the USSR and the national-state entities that were part of the USSR, analyzes the semantic meaning of the term "Federal Center" in the aspect of federal relations, justifies the idea of lack of unity among the regional elite, and identifies factors that affect the formation of ideas about the Center. The author substantiates the idea that the media was not an independent institution of civil society, since the relationship between the interests of the regional elite and the nature of materials about the activities of the central leadership has been revealed.

Being based on the analysis of publications in printed media, the author concludes that the regional elite gave the Center either a negative or positive image, depending on how much the Center's actions met its expectations. If the Center acted against the interests of the part of the regional elite that controlled the media, the materials were negative. In line with this objective, various methods were used, including: public disclosure of speeches and speeches of senior officials in a certain perspective; negative evaluation of the actions of central leadership by regional officials, popular with the local population, etc. A positive image was used in the case of decisions that met the expectations of the regional authorities, for example, when expanding the competence of the region, granting certain benefits and preferences or as an «advance» for making the necessary decisions.

The research concludes that the value of mass media as a means of center-regional communication consisted of the fact that through these publications the regional elite openly expressed its attitude to significant events in public and state life, thereby influencing all other participants of federal relations.
Keywords: regional elite, Federation entity, Federal Center, Federal relations

© А.Г. Мельник, 2023

For citation: Melnik, A.G. (2023) Image of the federal center in the informational space of Siberia in the period of 1989–1993 (on the example of Tomsk and Kemerovo regions). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 35–42. doi: 10.17223/19988613/81/4

Система отношений между Союзом ССР и национально-государственными образованиями, входившими в ее состав, позиционировалась в научной литературе советского периода как высшая форма договорной федерации [1. С. 22]. Однако в реальности ситуация была иной. Многочисленные исследования особенностей советской федерации постсоветского периода выявили наличие в ней признаков унитарного государства и высокой степени централизации [2–5]. В основе федеративных отношений лежал принцип патернализма, предполагающий наличие у субъектов федерации той степени самостоятельности, которая позволяла лишь договориться о приемлемых условиях выполнения задач, поставленных перед ними Центром. В рамках взаимодействия с Центром субъекты не идентифицировали себя как самостоятельные единицы с собственной сферой компетенции, в пределах которой можно было принимать политически важные решения.

Провозглашение советским руководством политики перестройки и дальнейшие последовательно проведенные мероприятия по демократизации государства привели к масштабным переменам в идеологии, экономической и политической жизни. В результате провозглашения гласности на XIX Всесоюзной конференции КПСС были вскрыты негативные факты и тенденции, которые накопились за долгий период существования советского государства, став отправной точкой для осознания ошибок, сделанных в ходе реализации выбранного политического курса.

Реформы не только коснулись всех сфер общественной жизни, но и внесли существенные коррективы в институциональную практику взаимоотношений представителей властной элиты центрального и регионального уровней. Динамично развивавшийся процесс региональной самоидентификации, формировавший через средства массовой информации новую «картину мира» [6. С. 113], активно внедрялся в систему представлений о роли регионов в политической жизни страны. Регионы в лице местных элит становились полноправными участниками федеративных отношений, без поддержки которых федеральный центр не мог рассчитывать на продолжение радикальных преобразований [Там же]. Впервые за долгое время региональная элита получила возможность осознать круг собственных интересов, которые можно было реализовать путем давления на Центр, используя доступные ей средства. Одним из таких ресурсов стали региональные средства массовой информации (СМИ), ценность которых заключалась в том, что они позволяли региону демонстрировать свое отношение к тому или иному процессу или событию федерального значения.

Цель исследования состоит в определении степени влияния региональной элиты на других участников федеративных отношений посредством использования формируемых и транслируемых регионами медиаобразов федерального Центра.

Объектом исследования являются направленные на перераспределение полномочий и пересмотр основных принципов взаимодействия процессы согласования интересов центральной и региональной властей на завершающем этапе перестройки и в первые постсоветские годы в Российской Федерации. Предмет исследования – особенности репрезентации федерального центра в информационном пространстве Сибири региональными печатными изданиями Томской («Красное знамя», «Народная трибуна») и Кемеровской областей («Кузбасс» и «Наша газета»), отражавшими различные, зачастую полярные, точки зрения на происходящие события.

В основу исследования заложено предположение о том, что новые центр-региональные отношения стали возможны в том числе и благодаря деятельности местных средств массовой информации, конструировавших в сознании локальных сообществ новую социополитическую реальность и манипулировавших образами федерального центра.

Анализ деятельности региональных СМИ проводится с конца 1980-х гг. – в период, когда региональная власть начинает воспринимать себя в качестве самостоятельного субъекта федеративных отношений. В качестве отправной точки исследования взято решение центральных органов власти о введении территориального хозрасчета [7, 8]. Представляется, что именно переход на самоуправление и самофинансирование позволил регионам осознать появление новых перспектив развития региона и своего статуса в изменившихся условиях российской политической практики.

Окончание периода датируется событием, произошедшим 12 декабря 1993 г., – принятием новой Конституции Российской Федерации, заложившей правовые основы для федеративных отношений обновленного Российского государства. Подтвердив нерушимость границ и закрепив основополагающие принципы федерализма, Конституция РФ повлияла на смещение акцентов в отношениях Центра и регионов. Именно поэтому исследование федеративных отношений после принятия Конституции РФ должно стать предметом отдельного исследования.

Прежде чем перейти к практике изучения центр-региональных отношений, необходимо остановиться на смысловых компонентах термина «федеральный центр», который применялся к властному субъекту, обладающему возможностью осуществлять действия и принимать решения по руководству страной. Семантическое значение слова «центр» в аспекте федеративных отношений предполагает наличие единой концепции развития государства, которая воплощается в жизнь органами государственной власти и их должностными лицами.

Однако в условиях российской политической практики присутствовала смысловая неопределенность в отношении термина «федеральный центр» и его сокра-

щенного варианта – «Центр». Его использование было многозначным, как и сама природа федеративных отношений, предполагающих наличие многочисленных вариантов моделей поведения их участников. «Центр» мог употребляться в абстрактном значении как некий обезличенный субъект, наделенный властью, мог означать решения конкретного должностного лица, группы лиц или государственного органа. До распада Союза ССР он применялся в отношении и союзного, и российского руководства, причем оба варианта использования характеризуются высоким уровнем колебания оценок действий государственной власти в случае опубликования материалов, содержащих субъективные суждения. Это объясняется тем обстоятельством, что «допустимая критика» руководства, ранее позволявшая давать негативную оценку лишь определенным категориям должностных лиц, претерпела изменения в виде негласного снятия подобных ограничений и появления возможности высказывать категоричные суждения в отношении должностных лиц любого уровня власти. После официального распада СССР термин «Центр» больше не употреблялся применительно к союзному руководству, но смысловая неопределенность осталась: он по-прежнему мог быть использован по отношению к Верховному Совету РСФСР, Съезду народных депутатов, Президенту РСФСР, отдельным министрам и т.д.

Анализ материалов, явившихся предметом настоящего исследования, показывает, что термин «Центр» употреблялся в текстах средств массовой информации, как правило, в негативном аспекте либо имел нейтральный оттенок. Для придания эмоциональности публикуемым материалам применялся широкий арсенал средств в виде эпитетов, метафор, различных аллегорий. Например, на страницах газет можно встретить сравнение лидеров рабочих движений с марионетками, которые дергает за веревочки невидимый режиссер с целью установления диктатуры в стране [9], или увидеть недвусмысленные обвинения в фиктивности принимаемых Центром решений по предоставлению самостоятельности регионам [10].

Региональные СМИ не являлись независимым институтом гражданского общества, поскольку находились под контролем местной элиты, оказывающей прямое влияние на их деятельность. Именно поэтому вывод об отсутствии цензуры и реализации принципа свободы деятельности средств массовой информации в рассматриваемый период является преждевременным. Все публикуемые печатные материалы должны были соответствовать духу и образу мыслей представителей власти, контролировавших издание, и, по существу, представляли собой словесную форму выражения их интересов, выступая в качестве инструмента общения публичного уровня, в том числе и в центр-региональном диалоге. Изменения в оценках деятельности центрального руководства, смена вектора в восприятии принимаемых им решений могли свидетельствовать об образовании новой конфигурации в федеративных отношениях, при которой Центр и регионы меняли направление движения от конфронтации к компромиссу и наоборот.

Стоит заметить, что региональные элиты также не были однородны и монолитны. В тех случаях, когда давление Центра на регионы было максимально приближено к критическому, местная элита могла выступить единым фронтом. Показательным примером проявленного единодушия может стать реакция региональных властей на подписание Б.Н. Ельциным Указа Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе» [11]. Однако в большинстве ситуаций цели региональных лидеров, даже в пределах одного субъекта федерации, имели индивидуальную, персонифицированную окраску, в связи с чем говорить о едином субъекте со стороны регионов представляется невозможным.

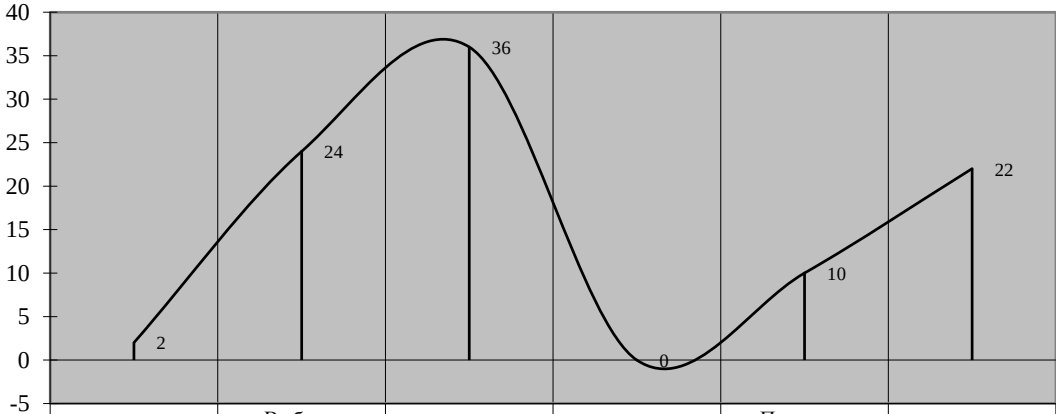
Отсутствие единой концепции восприятия социально-политической ситуации в государстве в материалах региональных СМИ позволяет говорить о существовании разных политических сил. Это наглядно показывают выбранные для анализа печатные издания Томской и Кемеровской областей. К примеру, перед референдумом 17 марта 1991 г. издание «Кузбасс» открыто призывало население проголосовать за сохранение Союза ССР. На страницах издания публиковались агитационные призывы и заполненные бюллетени «правильного» варианта голосования. «Наша газета», напротив, последовательно печатала материалы, агитирующие граждан проголосовать против сохранения Союза ССР. Редакция газеты избирательно цитирует мнения людей, которые решили голосовать против или вовсе не принимать участие в голосовании. Так, 1 марта 1991 г. был опубликован целый ряд писем читателей с такими названиями, как «Нужен ли Союз ССР?», «Центр грабит Россию», «Ох, запугают избирателя…», «Смелее, ребята», «Зачем держать на своей шее московских боссов?» и т.д. Аналогичную ситуацию можно увидеть и в Томской области, когда «Красное знамя» агитировало проголосовать за сохранение Союза, а «Народная трибуна» – против. На этих примерах хорошо заметно влияние разных политических сил на решение вопросов федерального значения, что подтверждает вывод о диверсификации региональной элиты.

Создаваемый с помощью региональных СМИ образ Центра не был статичным, лишенным развития и динамики. Формирование представлений о нем находилось под влиянием множества факторов, к числу которых следует отнести сложившуюся социально-экономическую и политическую обстановку в государстве, политические события в стране, оказывающие непосредственное воздействие на жизнь региона, наличие нерешенных проблем между Центром и регионом, степень их противостояния друг другу, наличие союзников, поддержка со стороны других регионов, личные взаимоотношения представителей центра и региона.

Система представлений о Центре основывалась на когерентности перечисленных факторов, позволяющих сгенерировать цельный образ только с учетом их совокупности. В связи с этим не представляется возможным рассматривать процесс конструирования федеративных отношений нового типа без анализа всех влияющих на него обстоятельств. Так, проявления личной

неприязни между представителями власти могли стать причиной для роста недопонимания между территорией и Центром, а политические события в стране влияли на личные взаимоотношения лидеров, могли вызвать чувства сопереживания к отдельным личностям или, наоборот, неодобрение их действий.

Динамику активности региональных СМИ во времени при формировании представлений о Центре можно проследить с помощью анализа материалов, предшествовавших важным политическим событиям государственного значения. В качестве примера была взята «Народная трибуна» – газета, поддерживающая демократические силы (рис. 1). Точками среза были выбраны следующие даты: 12 июня 1990 г. (принятие Декларации о независимости РСФСР); 12 июня 1991 г. (выборы Президента РСФСР), 31 марта 1992 г. (подписание Федеративного Договора), 17 марта 1991 г. (референдум о сохранении Советского Союза), 12 декабря 1993 г. (принятие Конституции РФ), 12 декабря 1993 г. (выборы в Государственную Думу и Совет Федерации). Началом отчета анализа публикаций, касающихся определенного события, стало первое число месяца, в котором оно было проведено. Например, анализ материалов о независимости РСФСР начался с 1 июня 1990 г., о сохранении Союза ССР – с 1 марта 1991 г. и т.д.



	Независимость РСФСР 12.06.90	Выборы Президента РСФСР 12.06.91	Референдум 17.03.91	Федеративный Договор 31.03.92	Принятие Конституции РФ 12.12.93	Выборы в ГД и СФ 12.12.93
Кол-во публикаций в НТ	2	24	36	0	10	22

Рис. 1. Публикации о независимости России в газете «Народная трибуна»

Проведенное исследование показало, что первые политически важные события, которые касались изменения статуса регионов, практически не получили никакой оценки в региональных СМИ. Так, на тему приобретения независимости России было дано только две публикации, имеющих нейтральный характер, содержащих материалы информационного или аналитического значения; за март 1992 г. не было встречено ни одной публикации, которая касалась бы темы подписания Федеративного договора. В то же время выборам Президента РСФСР, проходившим 12 июня 1991 г., было посвящено 24 публикации, выборам в Государственную Думу и Совет Федерации 12 декабря 1993 г. – 23.

Наибольшую активность региональные СМИ проявили в процессе проведения кампании о сохранении Союза ССР как единого государства. За 17 дней, предшествующих референдуму, «Народная трибуна» опубликовала 36 материалов, посвященных данной теме.

Приведенные данные наглядно демонстрируют разницу в количестве материалов, посвященных тому или иному событию, и показывают степень заинтересованности региона при его проведении. Представляется, что всплеск внимания со стороны СМИ обусловлен наличием определенных выгод для той части региональной элиты, которая патронировала печатное издание.

Для Центра материалы СМИ, несущие информацию о видении проблем государственного значения с позиции региона, были не менее значимыми. Их опубликование не только обнажало проблемы конкретного региона, являясь индикатором регионального восприятия определенных событий, но и несло в себе информацию о направлениях для налаживания взаимоотношений Центра с регионом. Подтверждением сказанному являются ежедневные отчеты, направляемые руководителю Администрации Президента РФ С.А. Филатову Центром оперативной информации Администрации Президента РФ по аналитическому обзору сообщений российских СМИ и Аналитическим центром по общей политике Администрации Президента РФ. Структурной составляющей отчетов была информация о жизни в регионах, которая предоставлялась в виде прямого копирования материалов, опубликованных в региональных СМИ, имеющих интерес для Центра [12]. Кроме этого, отчеты включали в себя: анализ общей политической обстановки в регионах Российской Федерации [13], политические симпатии социально-экономических групп населения России перед проведением важных мероприятий федерального уровня [14] и др.

С помощью названных учреждений Президент РФ и его ближайшее окружение получали информацию обо всех значимых событиях, происходящих в регионах, а также о настроениях региональной элиты по интересующим Центр вопросам. Анализ публикаций региональных СМИ проводился открыто, а материалы,

которые направлялись в Администрацию Президента РФ, не имели грифа секретности, поэтому осуществляемая аналитическая деятельность была хорошо известна всем участникам политических отношений. Это обстоятельство позволяло рассматривать материалы региональных СМИ как форму выражения местными элитами своих требований и интересов с полным осознанием, что они будут услышаны Центром.

Все публикуемые материалы, имеющие отношение к центр-региональному общению, образуют единое смысловое поле, где генерируется и воспроизводится определенный образ Центра. В основе первого образа лежали негативные представления о Центре как властном субъекте, который действовал в ущерб интересам региона. Такая оценка действиям центральной власти являлась самой популярной в региональных СМИ, поскольку уровень недовольства региональной элиты, как правило, имел тенденцию к росту.

Особенно рьяно образ «врага» использовался кандидатами на должности регионального масштаба в период проведения избирательных кампаний. Так, критика центральной власти содержалась в предвыборных материалах большинства кандидатов на выборах председателя Томского областного Совета народных депутатов, проведенных весной 1990 г.: «…главной задачей Томского областного совета народных депутатов является вывод области из социально-экономического тупика, в котором она оказалась в результате реализации концепции приоритета интересов центра над интересами региона…» (платформа С.М. Лебедева); «…интересы территории и живущих на ней людей [необходимо] сделать значимее интересов центральных органов и ведомств…» (платформа В.А. Бауэра); «…вследствие преобладания союзной и республиканской форм собственности хозяйство Томской области имеет дискретные, не связанные или очень слабо связанные вертикальные структуры, напрямую выходящие за областную сферу в большую систему – государство» (платформа В.Д. Рыбина).

Для придания Центру образа «врага» региональные СМИ применяли несколько способов. Первый – последовательное публичное обнародование выступлений, обращений к народу высших должностных лиц государства в определенном ракурсе в сочетании с комментариями от редакции и публикациями, придающими Центру негативную оценку. К примеру, под выступлением Ельцина, призывавшего граждан России голосовать против Союза, редакция «Кузбасса» поместила свой комментарий следующего содержания: «Прочти, уважаемый читатель, выступление Б. Ельцина на встрече с “демократической” общественностью в Центральном Доме кинематографистов… Прочти и задумайся, с какой стороны надвигается диктатура, к какой катастрофе Союза ССР, России приведет программа действий, которую провозгласил Ельцин. Прочти и задумайся, ЧТО и КОГО поддерживают бастующие шахтеры» [15. С. 2].

Во многих случаях редакция могла не использовать вспомогательные средства, достаточно было произвести прямое цитирование неаккуратно сделанных высказываний высших должностных лиц. Так, например, 16 февраля 1990 г. газета «Красное знамя» публикует выступление М.С. Горбачева на открытии третьей сессии Верховного Совета СССР, где отмечено, что «на республиканские и местные органы ложится огромная ответственность в том, что касается продовольствия, легкой и пищевой промышленности, сферы услуг, транспорта и торговли» [16. С. 1]. Вывод, который следует после прочтения подобных выступлений, может быть только один: центр не желает обременять себя ответственностью за нужды регионов, местные власти должны самостоятельно решать свои проблемы.

Вторым способом придания негативного образа является соответствующая оценка действий Центра в выступлениях должностных лиц региона, имеющих поддержку у населения. Примером могут служить комментарии председателя Томского областного совета народных депутатов В.М. Кресса о ситуации в Томской области после принятия Декларации о государственном суверенитете России от 12 июня 1990 г.: «Российская республика обрела суверенитет, а принципы формирования бюджета остались прежними. Вновь, но теперь уже на уровень России, идут огромные отчисления от предприятий, ведомств, а оттуда, чтобы на местах не до конца затухала жизнь, отщипываются крохи в виде субсидий, дотаций, а проще говоря – в виде подачек и милостыни. Перевернутая пирамида, стоящая не на основании, а на вершине в финансово-кредитных вопросах, и в условиях суверенной России продолжает действовать в старом режиме. Работают и производят материальные блага на местах, а распоряжается ими центр» [17. С. 2].

Еще одним способом, используемым региональными СМИ при создании образа «врага», является популяризация идеи независимости Сибири и неизбежности распада государства в связи с колониальной политикой Центра. В этих целях СМИ публиковали материалы, посвященные истории сибирского областничества, богатству Сибирского региона, рассуждения о «лучшей жизни» Сибири как независимого государства, а также осуществляемые некоторыми политическими течениями призывы создания Сибирской республики [18, 19].

При первом ознакомлении с подобными публикациями создается впечатление, что их цель заключается в воздействии на массовое сознание путем слома стереотипа о нерушимости Российского государства и невозможности отделения Сибири от России. По сути, эти материалы несли в себе идеи сепаратизма и в настоящее время могли бы быть квалифицированы как деяние экстремистского характера: «…единственный выход – это отделение от России и создание независимого Сибирского государства со своими органами власти» [20. С. 11]; «…основа наших бед в отсутствии свободы. Не власти у нас нет, а свободы. Свободы распоряжаться своим трудом, свободы предпринимательства и т.д. Движение за суверенитет Сибири станет частью движения за суверенитет России» [21. С. 7]. Между тем синхронный анализ публикаций разных изданий, посвященных теме независимости Сибири, показывает отсутствие глубокой проработки вопроса и последовательности его воплощения в действительность. Кроме

абстрактных рассуждений на страницах печатных изданий, на территории Сибири не было зафиксировано реальных попыток сепаратизма. Это наводит на мысль о том, что публикация материалов о готовности Сибирского региона стать независимым государством, основанная на теоретических идеях прошлого, является ничем иным, как демонстрацией Центру своих потенциальных возможностей, или, говоря иным языком – блефом.

Второй образ Центра был создан благодаря достигнутым компромиссам и развитию партнерских начал в федеративных отношениях. В его основе лежало восприятие Центра как «друга» и «помощника» регионов в случае принятия решений, отвечающих ожиданиям региональной власти. Так, например, в СМИ положительно оценивается решение центральной власти о переводе Томской области на новые условия хозяйствования на основе самоуправления и самофинансирования с целью выхода из тяжелой экономической ситуации. Особо подчеркивается, что Томская область изначально не попадала в число регионов РСФСР, которым было поручено разработать основные принципы территориального хозрасчета, но благодаря совместным действиям Центра и областных органов КПСС решение было изменено. Переход на новые условия самоуправления и самофинансирования отвечал интересам региональной элиты и имел большое значение для развития региона. Впервые за все время существования области как субъекта федерации появились реальные основания для ее самостоятельного развития.

Показательным примером формирования положительного образа российского Центра является публикация взглядов народного депутата СССР (впоследствии – полномочного представителя Президента РФ в Томской области) С. Сулакшина на страницах «Народной трибуны», в которых можно увидеть авторское обоснование взаимовыгодного центр-регионального сотрудничества. Рассуждая о будущем России с Б.Н. Ельциным в период предвыборной кампании на пост Президента РСФСР, С. Сулакшин говорит о том, что у Ельцина совершенно другой (отличающийся от союзного) подход к руководству страной, он руководствуется формулой: «Вам нужна автономия, вам нужен суверенитет, вам нужна свобода – берите ее столько, сколько вы решите сами, сколько сумеете использовать для себя, реализовать» [22. С. 2]. С. Сулакшин призывает поддерживать Б.Н. Ельцина взамен на обещание предоставить региону необходимую свободу в действиях. Взаимоотношения центра и регионов, с позиции С. Сулакшина, соответствуют концепции кооперативного федерализма, подразумевающего отсутствие иерархии (подчинения друг другу) между федерацией и ее составными частями. Однако если следовать логике рассуждений, такая модель не предполагает «разрешения» на самостоятельность со стороны Центра. Поэтому суждения С. Сулакшина представляются несколько идеализированными, хотя и получили продолжение в других материалах «Народной трибуны», посвященных избранию Ельцина Президентом РСФСР. Комментируя это событие, редакция газеты отметила, что «избрание Ельцина – это новая эпоха в истории многострадального Отечества. Эпоха Возрождения» [23. С. 2].

В Кемеровской области примером использования положительного образа Центра является реакция издания «Нашей газеты» на принятие Указа Президента РФ от 7 марта 1992 г. № 249 «О формировании валютных ресурсов Кемеровской области» [24]. В документе предусматривалось, что в 1992 г. 75% валютной выручки, полученной от экспорта товаров, произведенных предприятиями Кемеровской области, подлежащей перечислению в Республиканский валютный резерв РФ, остается в распоряжении администрации Кемеровской области. Редакция «Нашей газеты» прокомментировала, что, по предварительным прогнозам специалистов, принимаемые меры смогут пополнить областной бюджет на 14 млрд руб., т.е. более чем в два раза по сравнению с предыдущим годом [25. С. 2]. Примечательно, что прошедшая за год до этого события встреча Ельцина с делегацией от Кемеровской области получила крайне негативную оценку в связи с отсутствием результата для развития экономики региона и улучшения положения населения [26. С. 5].

Иногда Центр получал положительные оценки в качестве «аванса» за принятие нужных решений. В качестве примера можно привести следующий казус. В апреле 1991 г. состоялась встреча представителей Томской области с первым заместителем премьер-министра СССР В.Х. Догужиевым, целью которой являлось получение регионом разрешения на использование 10% от объемов выпускаемой продукции. Руководство страны к этому времени еще не могло пойти на такой шаг, и цель томичей не была достигнута. Однако, по словам В. Кресса, опубликованным в «Красном знамени», «еще несколько недель назад союзное правительство отвергало подобные требования, а теперь найдено взаимопонимание. Оно основано на том, что в смысле стратегии следует добиваться 10-процентных отчислений, но в смысле тактики делать это постепенно, частями» [27. С. 1]. Представляется, что причиной столь лояльного подхода к отказу в предоставлении прав является уверенность в дальнейшем урегулировании этого вопроса в пользу региона. В.М. Кресс как представитель региональной элиты не мог себе позволить высказаться негативно о проведенной встрече. Напротив, он заявил о своей готовности ждать изменений в отношении региона и рассказал о том, что власть смогла найти взаимопонимание. Такие высказывания подтверждают выдвинутый тезис о СМИ как средстве федеративного общения и осознании регионами той значимости, которая придавалась ему со стороны центральных органов власти.

Позитивный образ центра активно использовался газетой «Красное знамя» в отношении действий союзного руководства до распада СССР путем опубликования докладов, информационных сообщений, выступлений высших должностных лиц страны. А вот после распада страны и переноса центра на уровень России такая безусловная поддержка не продолжилась. Редакция стала допускать в своем издании критику советского руководства. Это в первую очередь говорит о смене отношения к союзному Центру и показывает, что ре-

гиональная власть в лице консервативно настроенных парламентариев меняет свою позицию и активно включается в политические события в государстве.

Приведенные примеры свидетельствуют о существовании многозначного подхода к формированию положительного образа Центра со стороны региональной элиты. Между тем анализ материалов свидетельствует о наличии определенных закономерностей. Настроения региональной элиты находились в зависимости от того, насколько действия Центра соответствовали ожиданиям, которые, как правило, имели в своей основе существенную материальную составляющую. Взаимоотношения центра и регионов периода 1989–1993 гг. можно свести к простой схеме: региональная власть поддерживает центральную взамен на обещания о предоставлении тех или иных привилегий, льгот или преференций.

На развитие федеративных отношений существенное влияние оказал факт отсутствия единства внутри региональной элиты. Как показывает исследование, демократические силы формировали положительный образ центра в лице российского руководства, союзный центр, напротив, подвергался критике как устаревший и не соответствующий новому этапу экономического и политического развития государства. Это обстоятельство сказалось на развитии федерализма, поскольку в основу центр-региональных взаимоотношений закладывался принцип персонифицированной выгоды в отношении отдельного субъекта федерации или группы его представителей, который входил в явное противоречие с классическими идеями построения федеративного государства.

Анализ материалов региональных СМИ за 1989–1993 гг. позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, публикации в местных СМИ являлись специфическим средством центр-регионального взаимодействия, дающим возможность открыто выражать свое отношение к значимым событиям общественной и государственной жизни, форма которого позволяла использовать словесные обороты и риторические приемы, неприемлемые при личных встречах должностных лиц и в письменном деловом общении.

Во-вторых, региональному восприятию действий центральной власти были свойственны импульсивность, субъективизм и ангажированность, что стало возможным в результате не столько ослабления федеративных отношений, сколько непоследовательности и избирательности власти федерального центра.

В-третьих, осуществление властных полномочий как федерального, так и регионального уровня было осложнено внутренним конфликтом, который оказывал деструктивное воздействие на развитие федеративных отношений. Раскол властной элиты хорошо виден при анализе материалов СМИ, соответствующих духу и образу мыслей представителей власти, которые финансировали издание или имели иные средства влияния на его деятельность.

Наконец, в-четвертых, СМИ позволяли региональной элите конструировать новые образы Центра, закрепляя их в массовом сознании как некую данность, материализация которой позволяла оказывать влияние на всех участников федеративных отношений: Центр, общество и другие элиты.

Список источников

1. Лепешкин А.И. Многообразие видов советской федерации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 5. С. 17–25.
2. Замышляев Д.В. «Унитарная федерация» советского периода развития российского государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 3. С. 5–9.
3. Тимофеева А.А. Федерализм в истории советской России: этапы и итоги // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 358–360.
4. Сергеева Н.В. Сравнительная характеристика федерализма в его советском и современном понимании // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2017. № 1 (25). С. 82–94.
5. Уханкин В.В. Формирование федеративной государственности России в советский период // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (39). С. 60–63.
6. Луков Е.В. Идентификация сибирской политической элиты: на примере деятельности межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 113–118.
7. Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР : постановление Съезда народных депутатов СССР от 09.06.1989 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1989. № 3. Ст. 52.
8. О первоочередных мерах по переводу Томской области на новые условия хозяйствования на основе самоуправления и самофинансирования : постановление Совета министров РСФСР от 14.12.1989 // Красное знамя. 1990. 2 янв. № 1. С. 2.
9. Рябых С. Смутное время // Кузбасс. 1991. 25 янв. № 17 (20247). С. 2.
10. Самоуправление – путь к экономическому полновластию советов (с XII сессии Томского областного СНД) // Красное знамя. 1990. 31 янв. № 26. С. 2.
11. О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 39. Ст. 359.
12. Обзоры сообщений российских и зарубежных СМИ Службы оперативной информации Президента России за 8 февраля 1993 года // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10115. Оп. 1. Д. 469. Л. 3.
13. Обстановка в ряде регионов РФ на 13 апреля 1993 года : аналитическая справка // ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 1. Д. 717.
14. Аналитические обзоры Аналитического центра по общей политике Администрации Президента РФ // ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 1. Д. 748.
15. Кузбасс. 1991. 14 марта. № 51 (20281). С. 2.
16. Выступление М.С. Горбачева на открытии третьей сессии Верховного Совета СССР // Красное знамя. 1990. 16 фев. № 40. С. 1.
17. Кресс В. По-прежнему диктует центр // Красное знамя. 1990. 7 нояб. № 254. С. 2.
18. Балбоненко Е., Пороховниченко Д., Лебедев К., Перов Б. Пути Сибири неисповедимы? // Народная трибуна. 1991. 2 марта. № 23(55). С. 7.
19. Колесников В. Все о Москве, да о Москве, пора и о себе подумать // Наша газета. 1991. 11 фев. № 13 (172). С. 4.
20. Предложения в связи с образованием и провозглашением Сибирской Советской Федеративной Республики (ССФР) // Народная трибуна. 1991. 13 июля. №77. С. 11.
21. Кузнецов И. За свободную Сибирь в свободной России // Народная трибуна. 1990. 14 июня. № 4. С. 7.
22. Беседа с С. Сулакшиным // Народная трибуна. 1991. 11 июня. № 64 (96). С. 2.
23. Народная трибуна. 1991. 11 июня. № 64 (96).
24. О формировании валютных ресурсов Кемеровской области : Указ Президента РФ от 07.03.1992 № 249. URL: https://ppt.ru/docs/ukaz/8709 (дата обращения: 01.06.2020).

25. Наша газета. 1992. 12 марта. № 26 (185). С. 2.
26. Встреча Президента России с делегацией Кемеровской области // Наша газета. 1991. 25 янв. № 7 (166). С. 5.
27. Быстрова Н. Бартер нам поможет // Красное знамя. 1991. 18 апр. № 82 (21202). С. 1.

References

1. Lepeshkin, A.I. (1975) Mnogoobrazie vidov sovetskoy federatsii [A variety of types of the Soviet federation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 5. pp. 17–25.
2. Zamyshlyaev, D.V. (2004) “Unitarnaya federatsiya” sovetskogo perioda razvitiya rossiyskogo gosudarstva [“Unitary federation” of the Soviet period of development of the Russian state]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 3. pp. 5–9.
3. Timofeeva, A.A. (2017) Federalism in the history of Soviet Russia: Stages and results. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal*. 3(20). pp. 358–360. (In Russian).
4. Sergeeva, N.V. (2017) Sravnitel'naya kharakteristika federalizma v ego sovetskom i sovremennom ponimanii [Comparative characteristics of federalism in its Soviet and modern understanding]. *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta*. 1(25). pp. 82–94.
5. Ukhankin, V.V. (2015) Formation of Russia federal statehood in the Soviet period. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 1(39). pp. 60–63. (In Russian).
6. Lukov, E.V. (2015) Identifikatsiya sibirskoy politicheskoy elity: na primere deyatel'nosti mezhregional'noy assotsiatsii “Sibirskoe soglashenie” [Identification of the Siberian political elite: A case study of the activities of the interregional association “Siberian Agreement”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 398. pp. 113–118.
7. The Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. (1989) Ob osnovnykh napravleniyakh vnutrenney i vneshney politiki SSSR: postanovlenie S"ezda narodnykh deputatov SSSR ot 09.06.1989 [On the main directions of the domestic and foreign policy of the USSR: Resolution of the Congress of People's Deputies of the USSR of 06/09/1989]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 3. Art. 52.
8. The Council of Ministers of the RSFSR. (1990) O pervoocherednykh merakh po perevodu Tomskoy oblasti na novye usloviya khozyaystvovaniya na osnove samoupravleniya i samofinansirovaniya: postanovlenie Soveta ministrov RSFSR ot 14.12.1989 [On priority measures to transfer the Tomsk region to new business conditions based on self-government and self-financing: Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of December 14, 1989]. *Krasnoe znamya*. 2nd January. p. 2.
9. Ryabykh, S. (1991) Smutnoe vremya [Time of Troubles]. *Kuzbass*. 25th January. p. 2.
10. Tomsk Regional SND. (1990) Samoupravlenie – put' k ekonomicheskomu polnovlastiyu sovetov (s XII sessii Tomskogo oblastnogo SND) [Self-government – the path to the economic sovereignty of the Soviets (since the 12th session of the Tomsk Regional SND)]. *Krasnoe znamya*. 31st January. p. 2.
11. Russian Federation. (1993) O poetapnoy konstitutsionnoy reforme v Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 21.09.1993 № 1400 [On the phased constitutional reform in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 1993 No. 1400]. *Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 39. Art. 359.
12. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1993a) *Obzory soobshcheniy rossiyskikh i zarubezhnykh SMI Sluzhby operativnoy informatsii Prezidenta Rossii za 8 fevralya 1993 goda* [Reviews of messages from Russian and foreign media of the Operative Information Service of the President of Russia for February 8, 1993]. Fund 10115. List 1. File 469. L. 3.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1993b) *Obstanovka v ryade regionov RF na 13 aprelya 1993 goda: analiticheskaya spravka* [The situation in a number of regions of the Russian Federation on April 13, 1993: an analytical report]. Fund 10115. List 1. File 717.
14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Analiticheskie obzory Analiticheskogo tsentra po obshchey politike Administratsii Prezidenta RF* [Analytical reviews of the Analytical Center for General Policy of the Administration of the President of the Russian Federation]. Fund 10115. List 1. File 748.
15. *Kuzbass*. (1991) 14th March. p. 2.
16. Gorbachev, M.S. (1990) Vystuplenie M.S. Gorbacheva na otkrytii tret'ey sessii Verkhovnogo Soveta SSSR [Mikhail Gorbachev’s speech by at the opening of the third session of the Supreme Soviet of the USSR]. *Krasnoe znamya*. 16th February. p. 1.
17. Kress, V. (1990) Po-prezhnemu diktuet tsentr [The center still dictates]. *Krasnoe znamya*. 7th November. p. 2.
18. Balbonenko, E., Porokhovnichenko, D., Lebedev, K. & Perov, B. (1991) Puti Sibiri neispovedimy? [Are the ways of Siberia inscrutable?]. *Narodnaya tribuna*. 2nd March. p. 7.
19. Kolesnikov, V. (1991) Vse o Moskve, da o Moskve, pora i o sebe podumat' [Everything about Moscow, it's time to think about ourselves]. *Nasha gazeta*. 11th February. p. 4.
20. *Narodnaya tribuna*. (1991) Predlozheniya v svyazi s obrazovaniem i provozglasheniem Sibirskoy Sovetskoy Federativnoy Respubliki (SSFR) [Proposals about the formation and proclamation of the Siberian Soviet Federative Republic (SSFR)]. 13th July. p. 11.
21. Kuznetsov, I. (1990) Za svobodnuyu Sibir' v svobodnoy Rossii [For a free Siberia in a free Russia]. *Narodnaya tribuna*. 14th June. p. 7.
22. *Narodnaya tribuna*. (1991) Beseda s S. Sulakshinym [Conversation with Stepan Sulakshin]. 11th June. p. 2.
23. *Narodnaya tribuna*. (1991) 11th June.
24. Russian Federation. (1992) *O formirovanii valyutnykh resursov Kemerovskoy oblasti: Ukaz Prezidenta RF ot 07.03.1992 № 249* [On the formation of the currency resources of the Kemerovo region: Decree No. 249 of the President of the Russian Federation of March 7, 1992]. [Online] Available from: https://ppt.ru/docs/ukaz/8709 (Accessed: 1st June 2020).
25. *Nasha gazeta.* (1992) 12th March. p. 2.
26. *Nasha gazeta.* (1991) Vstrecha Prezidenta Rossii s delegatsiey Kemerovskoy oblasti [Meeting of the President of Russia with the delegation of Kemerovo Region]. 25th Janaury. p. 5.
27. Bystrova, N. (1991) Barter nam pomozhet [Barter will help us]. *Krasnoe znamya.* 18th April. p. 1.

***Сведения об авторе*:**
Мельник Анна Геннадьевна – старший преподаватель кафедры теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники» (Томск, Российская Федерация). E-mail: Celena_@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Melnik Anna Gennadyevna – Senior Lecturer, Department of Law Theory Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Celena_@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2020; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 13.07.2020; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 94(571)
doi: 10.17223/19988613/81/5

Сибирская губернская администрация: организация борьбы с эпидемиями в начале XX в.

Евгений Владимирович Почеревин

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Бийск, Россия, pev2@mail.ru

Аннотация. Показана организационно-финансовая деятельность сибирских губернских администраций по борьбе с эпидемическими заболеваниями и их профилактике. Наиболее массовой работой в этом направлении была вакцинация, проведение которой сталкивалось с рядом проблем. Губернские управления в условиях кадрового дефицита стремились возможно широко привлекать сверхштатный медицинский персонал к борьбе с распространением инфекционных болезней. В статье главным образом рассмотрены земские сметы губерний Сибири начала XX в. Сделан вывод, что далеко не все местные инициативы по борьбе с эпидемиями получали одобрение свыше и финансирование из земских бюджетов.
Ключевые слова: Сибирь, эпидемия, губернское управление, земская смета

Для цитирования: Почеревин Е.В. Сибирская губернская администрация: организация борьбы с эпидемиями в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 43–52. doi: 10.17223/19988613/81/5

Original article

Siberian provincial administration: the organization of epidemics control in the early XX century

Evgeny V. Pocherevin

The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russian Federation, pev2@mail.ru

Abstract. The aim of the work is to study the organizational and financial practices of Siberian provincial administrations in the fight against epidemic diseases. Sources for the study were provincial zemstvo estimates, deposited in archival institutions, as well as materials of the periodical press. During an outbreak of an epidemic disease, administrative instructions were issued calling for compliance with sanitary standards. To organize the fight against infectious disease, interaction of different levels of government with medical personnel was ensured. The collection and transmission of information on the course of the epidemic was organized. In the context of staff shortages, provincial departments sought to widely involve supernumerary medical personnel in the fight against the spread of infectious disease. Despite this, in some cases, the response to epidemic outbreaks was untimely, as evidenced by newspaper articles. Provincial reviews can provide generalized information about the progress and results of an epidemic disease. However, the most complete picture of this side of the issue is given by the study of zemstvo estimates, which were drawn up in the provinces every three years. Vaccination, as one of the simplest and most effective methods of preventing smallpox, was in stagnation in the Siberian regions until the period 1912-1914. It was only during this triennium that the cost of counterfeiting increased significantly. The attempts of the provincial government «to transform the case of challenging the vaccination» met with obstacles and were delayed for a long time, as is evident from the example of the Tomsk province. Discussions about the organization of the vaccination were the keynote both in public organizations and in the administrative corps.
By the end of the period under review, a number of provinces expressed ideas about the introduction of a sanitary service, in the form of special sanitary doctors or an epidemic squad. However, higher government bodies rejected the initiative, pointing out the need to establish health bureaus. That is, instead of a practice-oriented structure, a statistical bureaucratic authority was proposed.
During the preparation of the provincial budget, the opinions of county representatives, medical specialists, in some cases, even medical congresses were heard. That is what makes it possible for us to examine in detail the difficulties in organizing the anti-epidemic fight. The main problem within the period under review was the scantiness of budget allocations. For emergency anti-epidemic expenses in the regions of Siberia, local budgets were usually set at 3000 rubles per year.
In fact, of this amount not only extraordinary expenses were incurred, but also expenses associated with smallpox vaccination. All attempts to increase this cost element did not lead to success. Not all local initiatives to combat epidemics received approval from above and funding from zemstvo budgets.
Keywords: Siberia, epidemic, provincial government, zemstvo estimate

© Е.В. Почеревин, 2023

For citation: Pocherevin, E.V. (2023) Siberian provincial administration: the organization of epidemics control in the early XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 43–52. doi: 10.17223/19988613/81/5

Эпидемические заболевания на территории Сибири в рассматриваемый период имели постоянный характер. Если масштабные эпидемии, охватывавшие уезды и губернии, были экстраординарным явлением, то локальные вспышки случались почти ежегодно. Для профилактики инфекционных заболеваний и борьбы с ними требовались планомерные, организованные усилия со стороны властных структур. История развития эпидемий и борьбы с ними занимает заметное место в исследовательской практике. Можно отметить основательный труд К.Г. Васильева и Л.Е. Сегала [1]. Однако в силу своей всеохватности книга упускает многие детали, характерные для отдельных регионов. Организационная работа местного самоуправления по обеспечению эпидемической безопасности в Сибири на рубеже XIX–XX вв. также нашла определенное отражение в научной литературе. Большое внимание вопросам развития западносибирской медицины уделяет А.И. Татарникова [2–5]. Следует отметить две диссертационные работы, посвященные медицинскому обслуживанию в западносибирских городах [6, 7]. Учеными рассматривалась проблемы развития медицинских сообществ в Сибири [8, 9]. Следует указать и на ряд статей С.Е. Глушкова, в которых автор на основе анализа статистических данных приходит к выводу об успешности постановки медицинского дела в Томской губернии [10–12]. О правовом регулировании медико-санитарной помощи в сибирских регионах писали С.В. Архипов и В.В. Бурукин [13]. В большинстве случаев историки обращались к анализу развития городской медицины. Однако знакомство с этими работами позволило автору расширить представления о предмете исследования и сосредоточится на «сельско-врачебной части».

Данная статья направлена на исследование механизмов и методов организационно-финансовой деятельности сибирской губернской администрации по борьбе с эпидемиями и их профилактике. На основе привлечения законодательных, делопроизводственных документов и материалов прессы рассмотрена деятельность губернских управлений и практика составления земских бюджетов, обслуживающих противоэпидемические мероприятия.

В качестве методологии исследования использована теория модернизации. При написании статьи был применен нарративный метод, который позволил изложить ход событий и развитие явлений исходя из причинно-следственных связей и установленных фактов. Историко-генетический метод был направлен на исследование изменений при рассмотрении процесса принятия управленческих решений. Кроме того, автор обращался к системному методу для анализа отношений между губернской администрации и внешними инстанциями.

Источниковую базу работы составили законодательные документы, регулирующие деятельность медицинской сферы на территории Сибири. Широко привлекалась делопроизводственная документация губернского и уездного уровней. Особую ценность для исследования имела информация, относящаяся к составлению и утверждению губернских земских смет. Так, серия материалов «Свод предположений местного начальства и заключение Совещания представителей подлежащих ведомств…» позволила исследовать процесс проектирования и утверждения губернского бюджета. Анализ периодической печати не только сделал возможным показать срез общественного мнения по ряду вопросов, но и дал статистический материал о количестве эпидемических фельдшеров. Рассмотрение протоколов Первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии позволило выявить предложения медицинского сообщества по преобразованию противоэпидемической деятельности.

При возникновении эпидемического заболевания губернская администрация включалась в работу по противодействию ему. Как правило, губернатор издавал соответствующие постановления. В мае 1906 г. бийский уездный исправник, выполняя подобное указание губернатора, поручил волостным старшинам, сельским старостам и подчиненным полицейским чинам принять меры к улучшению санитарного состояния населенных мест. Предписывалось очистить от нечистот усадьбы жителей, не допускать засорения берегов рек, оборудовать специальные места для захоронения отходов. Особо оговаривалось запрещение владельцам мельниц укреплять плотины навозом [14. Л. 4]. О выполнении указанных мер в течение месяца отчитались сельские старосты, затем были отправлены отчеты волостных старшин в адрес уездного исправника [14. Л. 5–21].

«Стандартный» механизм действий при вспышке эпидемического заболевания выглядел следующим образом. Волостное правление, получив сведения от сельского старосты, сообщало о распространении болезни участковому врачу, который начинал принимать экстренные меры. Например, в июне 1906 г. сибирячихинский участковый врач, получив тревожное сообщение, просил Бащелакское волостное правление Бийского уезда указать имена и фамилии лиц, «заболевания которых признаны… за тифозные или скарлатинозные». В этом же предписании врач выяснял достаточность оснований для командирования в волость специального фельдшера на длительное время [Там же. Л. 3]. В случае подтверждения заразной болезни уездный исправник делал соответствующее распоряжение. Так, он предписал Бащелакскому волостному старшине совместно со становым приставом принять все меры, указанные участковым врачом. Кроме того, старшине была выслана форма для предоставления еженедельных сведений о течении болезни [Там же. Л. 64]. Как видно из документов, в феврале–мае 1906 г. исправнику и участковому врачу посылались сведения о «ходе болезни оспы на детях» в с. Березовке-на-Чарыше, в сентябре – ноябре о развитии скарлатины в с. Малом Бащелаке [Там же. Л. 29–63].

Взаимодействие губернской власти, уездных исправников и участковых врачей выражалось в организации работы фельдшерского персонала в местах появления инфекционных заболеваний. В ноябре 1916 г. врачебное отделение Иркутского губернского управления срочно телеграфировало киренскому уездному исправнику о том, что фельдшеру шестого врачебного участка Черкову нужно «иметь постоянное наблюдение за эпидемией в с. Казачинском». Кроме того, указывалось на необходимость пригласить фельдшера в г. Киренск, так как в распоряжении отделения не было свободного младшего медицинского персонала. В заключение предписывалось еженедельно информировать врачебное отделение о ходе эпидемии [15. Л. 9].

В районы распространения заболеваний в первую очередь командировались эпидемические фельдшеры. В Томской губернии в период с 1907 по 1910 г. были привлечены к работе 32 человека на 14 врачебных участках. Жалование эпидемического фельдшера колебалось от 20 до 50 руб. (подсчитано по: [16. 1907–1910]). С середины 1914 г. до начала 1915 г. фельдшерский состав вел работу на 12 врачебных участках Тобольской губернии, вознаграждение составляло 40 руб. в месяц. Причем некоторые фельдшеры по мере надобности перемещались с одного участка на другой [17. Л. 13–54]. Кроме специально назначаемых на должность эпидемических фельдшеров к борьбе с инфекционными болезнями привлекались и штатные участковые [Там же. Л. 37, 72]. Для ухода за больными мобилизовались медицинские сестры. Так, в плотниковский врачебный участок Курганского уезда в июне 1914 г. были командированы две сестры милосердия Тобольской общины. Позже контингент был пополнен еще тремя медицинскими сестрами [Там же. Л. 7, 15]. Кроме специальных медицинских кадров для работы во время эпидемий нанимались работники из крестьянского населения. Осенью 1914 г. памятнинский участковый врач донес врачебному отделению, что в с. Александровском Ивановской волости Ялуторовского уезда заболели сыпным тифом около 30 человек. В некоторых семьях, по словам доктора, некому было ухаживать за больными. Врач просил о выдаче ему 20 руб. на наем сиделок для больных семей. Ходатайство было удовлетворено, однако врач израсходовал только 5 руб., остальные были возвращены в казначейство [Там же. Л. 43–44].

Реакция медицинского ведомства на появление инфекционных заболеваний в сельской местности зачастую запаздывала. Провинциальные газеты начала XX в. содержат немало жалоб на несвоевременную борьбу с эпидемией. Так, в 1904 г., по свидетельству заметки в «Восточном обозрении», в с. Тельма Иркутского уезда «сильно свирепствовала эпидемия дифтерита (дифтерии. – *П.Е.*) и крупа, хоронили по нескольку человек в день». При этом автор указывал, что участкового фельдшера было очень трудно найти ввиду его постоянных разъездов. Кроме того, в статье давалась рекомендация командировать в село эпидемического фельдшера и организовать аптечку [18. С. 3]. В ноябре того же года в Суховской волости Иркутского уезда было зафиксировано появление дифтерии, причем у местного фельдшера не оказалось на руках необходимых лекарств. Несмотря на то, что о болезни сообщили местному врачу в с. Усолье, последний не спешил прибыть в волость [19. С. 3]. Безнадежность в получении медицинской помощи выражалась в газетной статье о распространении оспы в с. Барановском Зарубинской волости Кузнецкого уезда Томской губернии. Весной 1913 г. волостное правление ходатайствовало о присылке врача, но «больших надежд не возлагало» [20. С. 2]. Не надеясь на помощь извне, крестьянские общества принимали посильное участие в ликвидации опасных заболеваний. Так в с. Лаптевом Логе Змеиногорского уезда с сентября по декабрь 1912 г. распространялись скарлатина, корь и дифтерия. По свидетельству газеты «Сибирская жизнь», умерли около 800 детей. Сельский сход ассигновал на покупку медикаментов 800 руб., помощь оказал местный священник. После применения сыворотки процент смертности понизился [21. С. 3].

Целостную эпидемическую картину могут дать сведения, агрегированные в губернских управлениях. Так, в обзоре Томской губернии за 1908 г. назывались главные причины возникновения эпидемии азиатской холеры: плохое санитарное состояние населенных пунктов, невежество населения и постоянные заносы инфекции переселенцами из Европейской России. Всего в губернии заболели 1 135 человек, умерли 669. Особенно пострадали Барнаульский, Бийский, Змеиногорский уезды. Еще до появления заболевания в некоторых сельских врачебных участках были организованы предохранительные прививки холерной вакцины. В уездах был усилен низший медицинский персонал, в Змеиногорский уезд командированы два врача от Противочумной комиссии («Комиссия о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой»). Принятые меры выразились в изоляции больных, дезинфекции, улучшении санитарного состояния населенных пунктов. К концу года заболевания прекратились. При появлении холеры было созвано заседание Губернской санитарно-исполнительной комиссии, сделаны распоряжения о создании уездных и городских санитарно-исполнительных комиссий. В их распоряжение были выделены соответствующие средства за счет остатка (5 305 руб.) от кредита, разрешенного во время эпидемии 1907 г. [22. С. 45]. Министерство финансов в сентябре 1907 г. разрешило Томскому губернскому управлению израсходовать на борьбу с холерой 15 тыс. руб. из свободных остатков земских средств [23. Л. 330]. В июле 1914 г. министерством финансов было разрешено использовать из запасной суммы 12 тыс. руб. на борьбу с эпидемией тифа в Тобольской губернии. Данные средства были использованы для выплаты жалования медперсоналу, задействованному в борьбе с эпидемией. В частности, 1 500 руб. переведены курганскому уездному исправнику и 300 руб. в распоряжение Тобольской общины сестер милосердия. Кроме того, 600 руб. были отпущены на устройство колодцев [17. Л. 3, 5, 8, 30]. В Иркутской губернии сверхсметные расходы на борьбу с эпидемиями в 1914–1915 гг. составили 8 494 руб., они были направлены на командирование эпидемических врачей и фельдшеров, покупку медикаментов [24. Л. 240–249].

Представление о динамике расходов на противоэпидемическую борьбу, в том числе и на оспопрививание, дает исследование проектов губернских земских смет. Кроме того, анализируя эти документы, можно выявить обоснованность мотивировок и механизм принятия решений по данным вопросам.

В земских сметах Енисейской губернии в период с 1897 по 1908 г. ежегодные расходы на оспопрививателей составляли 3 600 руб. [25. Л. 329 об.; 26. Л. 399 об.; 27. Л. 29–29 об.]. Сметы на 1912–1914 гг. и 1915–1917 гг. показывали расходы в объеме 4 356 руб. в год. Проект земской сметы на 1915–1917 гг. определял затраты на жалование оспопрививателей в прежнем объеме, на детрит (основа противооспенной вакцины) запрашивалось по 1 600 руб. в год, поскольку число прививок за последние три года возросло на 36% и на препарат в действительности затрачивалось 1 277 руб. в год. Следуя отмеченной динамике, губернское начальство предлагало указанное повышение сметных расходов [28. Л. 19–20].

При обсуждении земской сметы на 1915–1917 гг. была высказана мысль о желательности иметь постоянный эпидемический отряд, в задачи которого входило бы «широкое санитарное обследование местности». Но, так как содержание отряда потребовало бы серьезных затрат, общее присутствие решило ограничиться введением двух дополнительных врачей для командировок. Они должны были, кроме борьбы с эпидемиями и замещения вакансий участковых врачей, заниматься санитарным обследованием губернии. Предполагалось назначение им жалования по 2 000 руб. и квартирных денег по 400 руб. в год.

Было принято решение ходатайствовать о включении в смету расходов в объеме 5 000 руб. в год на приобретение сывороток. Указывалось, что за последнее время серотерапия сделала огромный шаг, потребность в новых препаратах значительно возросла, поэтому потребуется не менее 10 тыс. флаконов стоимостью по 50 коп. каждый. Поднимался вопрос о приобретении дезинфекционных камер для пяти наиболее устроенных лечебниц и одной для врачебного отделения. Предполагалось покупать по два аппарата в год, затрачивая на это по 1 200 руб.

Губернское управление просило об увеличении средств на противоэпидемическую борьбу с 3 до 5 тыс. руб. в год. Ходатайство мотивировалось тем, что в основном данные средства используются на командирование фельдшерского персонала в районы эпидемий и покупку специальных медикаментов. Для более широких мероприятий – устройства временных больниц, изоляторов, организации продовольственной помощи пострадавшему населению – денег не остается. Кроме того, участковые врачи, выезжая на место эпидемии, не имели в своем распоряжении никаких финансовых средств. Поэтому их необходимо снабжать небольшими авансами от 65 до 75 руб.

Совещание представителей правительственных органов посчитало, что планируемые расходы на закупку сывороток следует уменьшить до 3 тыс. руб. в год, исходя из назначений в других неземских губерниях (по 100 руб. на врачебный участок) и согласно действительному расходу в 1913 г., который составил 2 659 руб. Совещание не пошло навстречу губернским запросам относительно повышения финансовых резервов на противоэпидемические меры, снизив их до общесибирских 3 тыс. руб. в год. Противооспенные ассигнования не вызвали нареканий. На приобретение дезинфекционных камер было определено выделить по 1 100 руб. в год, так как стоимость одного аппарата по исчислению МВД равнялась 550 руб.

Кроме того, было указано, что вводить должности двух дополнительных врачей нет необходимости, вместо этого предлагалось организовать медико-санитарное бюро, содержание которого потребовало бы ежегодных затрат в объеме 4 480 руб., а именно: жалование заведующему бюро 1 200 руб., делопроизводителю – 600 руб., старшему счетчику – 480 руб., младшему – 360 руб., расходы на регистрационные карточки, бланки, канцелярские расходы – 1 040 руб., издание ежемесячного органа «Врачебно-санитарная хроника Енисейской губернии» – 500 руб., на мелочные и непредвиденные расходы – 300 руб. в год. [28. Л. 15, 20, 26–28].

Следует отметить, что инициатива выпуска информационного издания звучала при обсуждении земской сметы Тобольской губернии на 1912–1914 гг. Тогда на публикацию эпидемического листка испрашивалось 600 руб. в год. Его предназначение виделось в повышении осведомленности участковых врачей о появлении и распространении эпидемий и объединении деятельности врачей. Члены губернского врачебного отделения выказывали готовность его безвозмездного редактирования. Вышестоящими инстанциями данный информационный листок был признан полезным, но на момент обсуждения вопроса не имелось никаких «сметных предположений». Поэтому было решено не вносить в смету расход на его издание, а попробовать для опыта публиковать приложение к «Губернским ведомостям» [29. Л. 86, 93 об.–94].

При составлении проекта земской сметы Иркутской губернии на трехлетие (1897–1899) администрация предполагала отпускать на жалование и письменные принадлежности 103 «оспенным ученикам» по 2 354 руб. в год [25. Л. 329 об.]. В проекте сметы на 1900–1902 гг. на оспопрививание выделялось 3 790 руб. в год [26. Л. 399]. В смете на 1906–1908 гг. на оспопрививание выделялось 3 720 руб. в год, из которых 720 руб. предназначалось на вознаграждение 12 новых оспопрививателей (по 60 руб. в год), а сумма в 3 тыс. руб. составляла ежегодный расход по губернии в текущем трехлетии. Именно она и являлась ориентиром для планирования будущих расходов [27. Л. 29]. В сметах на 1909–1911 и 1912–1914 гг. снова была указана та же сумма. Огромные расстояния и увеличение народонаселения не позволяли сократить число оспопрививателей менее чем до 62 человек [30. С. 19; 31. С. 17].

В рамках составления проекта земской сметы на 1915–1917 гг. была проведена большая предварительная работа. Так, в мае 1913 г. общее присутствие Иркутского губернского управления рассматривало вопрос об изменении порядка вознаграждения оспопрививателей. Существующие объемы ассигнований были недостаточными, постоянно возникал перерасход запланированного бюджета ввиду увеличения народо-

населения и частых эпидемий. Кроме губернского земского сбора имелись иные источники финансирования оспопрививания, но они были ненадежны. Сельские общества самостоятельно нанимали оспопрививателей, выплачивая им от 50 до 150 руб. в год. Использовались средства, полученные от лечения в сельских больницах лиц из контингента ссыльнопоселенцев. Общее присутствие пришло к выводу, что за столь скудное вознаграждение крестьянин-«оспенник» не очень озабочен качеством своей работы. Требовалось пересмотреть нормы, исходить не из показателей 60 руб. в год за 400 поставленных прививок, а 150 руб. в год за 1 000 прививок. Тем самым будет достигнуто увеличение количества привитых, и «оспенник» получит более достойную плату. В итоге присутствие постановило возбудить ходатайство перед вышестоящим начальством об увеличении кредита до 9 900 руб. в год на содержание 66 оспопрививателей [32. Л. 18–20 об.].

В марте 1913 г. общее присутствие Иркутского губернского управления заслушало доклад губернского врачебного инспектора о мерах по борьбе с заразными болезнями, в котором были учтены пожелания Первого губернского съезда сельских врачей. Чиновник констатировал, что дело борьбы с эпидемиями поставлено плохо. Для быстрого обнаружения и локализации очагов заразной болезни нужно достаточное количество медицинского персонала. Участковые врачи выполняют несвойственные им функции судмедэкспертов, поэтому отвлечены от выполнения насущных обязанностей. При распространении эпидемического заболевания в его очаг должны посылаться врачи для командировок. Но, поскольку сельские врачебные участки часто пустуют, эти специалисты всегда заняты. Поэтому врачебное отделение посылает для борьбы с эпидемиями фельдшеров, зачастую ротных, не имеющих достаточной квалификации. После планируемого введения института судебных врачей участковые врачи вернуться к своим обязанностям, но будет ощущаться нехватка эпидемического вспомогательного персонала, особенно при широком развитии эпидемии, при одновременном появлении двух-трех очагов или при ее затяжном характере. Поэтому при врачебном отделении необходимо иметь постоянный штат эпидемического персонала в виде врачебно-санитарного эпидемического отряда. Такой отряд, состоящий из врача, фельдшера, двух медбратьев и двух медсестер, быстрее и лучше сможет организовать работу на местах и продуктивнее использует отпущенные средства. Кроме собственно прямых санитарно-медицинских мероприятий, по мнению губернского врачебного инспектора, данный отряд должен заниматься просвещением населения.

На противоэпидемическую борьбу из земского бюджета ежегодно отпускалось 3 000 руб. Эта сумма расходовалась на добавочные медикаменты, дезинфицирующие средства и аппараты, сыворотки, а также на закупку оспенного детрита, поскольку особо выделяемых 500 руб. в год на его приобретение, как правило, не хватало. Кроме того, из указанной суммы производились расходы на наем дополнительного медицинского персонала, аренду изоляционных помещений. Если сумму разделить на 21 участок, рассуждал чиновник, то на каждый придется по 145 руб. С увеличением количества участков сумма еще уменьшится, и при существующем бюджете врачебное отделение неспособно будет не только сделать запасы на случай начала эпидемии, но и удовлетворить текущие нужды.

Еще одной проблемой являлось отсутствие у врачей возможности производить какой-либо расход, не дожидаясь разрешения врачебного отделения. Поскольку время на получение такого разрешения было довольно значительным, эпидемия могла серьезно развиться. Особенно не хватало средств на сыворотки, хотя они доказали свою эффективность. Наиболее рациональная мера борьбы с эпидемией – изоляция больных. Но ввиду ограниченности средств у врачебного отделения не было возможности нанимать нужное количество помещений. В заключение губернский врачебный инспектор пришел к выводу, что требуется увеличить объем средств, выделяемых на борьбу с эпидемиями, хотя бы до 10 тыс. руб. в год.

Также докладчик огласил пожелания Первого губернского съезда сельских врачей, состоявшегося 7–12 декабря 1912 г. Участники съезда высказывались за устройство при сельских лечебницах специальных отделений для заразных больных на четыре-шесть кроватей, учреждение института уездных санитарных врачей, по одному на уезд, использование передвижных дезинфекционных камер, за широкое применение серотерапии (лечение сыворотками). Делегаты ратовали за организацию просветительской деятельности, ознакомление населения с заразными болезнями, распространение популярных брошюр. Предлагались меры по оказанию продовольственной помощи населению во время эпидемий, поскольку они приводили к недороду хлебов и недостаточному питанию пострадавших людей. Высказывались призывы к проведению мероприятий по оздоровлению населенных мест, охране питьевых источников от заражения. Съезд выступал за усиленный санитарный надзор за переселенцами, водворение их в благоприятные места для жительства. Вместо неквалифицированных оспопрививателей предлагалось привлекать к работе фельдшеров или просто интеллигентных людей – курсисток, студентов, учениц акушерско-фельдшерской школы и местных учителей [Там же. Л. 20 об.]. Как наиболее важное и неотложное съезд обозначил создание противоэпидемического отряда, причем указывалось, что медбратьев и медсестер при необходимости всегда можно найти, нет нужды постоянно держать этот штат в готовности. К первоочередным мерам было отнесено увеличение кредита на борьбу с эпидемиями до 10 тыс. руб. в год и снабжение участковых сельских больниц и эпидемического отряда передвижными дезинфекционными камерами. Съезд принял резолюцию, в которой содержалась просьба к генерал-губернатору об ассигновании на вторую половину 1913 г. 18 220 руб. и на 1914 г. – 12 240 руб. на содержание отряда, закупку 22 камер, дополнительных медикаментов, создание изоляторов [Там же. Л. 12–16].

В Своде предположений местного начальства, поданных на рассмотрение Совещания, указывалось, что несмотря на ходатайство общего присутствия и Съезда

сельских врачей увеличить расходы на принятие экстренных мер в случае появления эпидемических болезней до 10 тыс. руб., было признано возможным увеличить их лишь до 6 тыс. руб. в год [33. Л. 23]. Однако и эта сумма не была принята Совещанием, ассигнования предписывалось уменьшить до размера расходов по другим губерниям Сибири, т.е. до 3 тыс. руб. в год. На Совещании по инициативе представителя МВД было инициировано выделение особого кредита на приобретение сывороток, по 100 руб. на округ, всего 2 100 руб. в год. Ранее эти расходы, по заявлению губернского начальства, производились за счет средств, выделяемых на борьбу с эпидемиями [Там же. Л. 30].

Предложение губернской администрации о необходимости противоэпидемического отряда было подкреплено указанием на стоимость его содержания (жалование эпидемическому врачу – 2 400 руб., квартирные деньги – 400 руб., вознаграждение для двух фельдшеров – по 700 руб. жалования и по 100 руб. квартирных, оплата труда двух медбратьев по 300 руб. и двух сестер милосердия по 420 руб. в год) [Там же. Л. 28]. Данная инициатива также холодно была встречена Совещанием. Кредит на содержание эпидемического отряда, испрашиваемый в размере 5 840 руб. в год, подлежал, по мнению представителя МВД, исключению. Мотивом к такому решению послужило наличие в губернии двух должностей врача для командировок и грядущее «значительное расширение существующей сети сельско-врачебных участков». Взамен сего МВД признало настоятельно необходимым учредить по примеру Тобольской и Енисейской губерний медико-санитарное бюро. Расходы по содержанию данного учреждения выразились в общей сумме 6 280 руб. и были аналогичны расходам по смете Енисейской губернии, за исключением жалования заведующему бюро, которое составляло 3 тыс. руб. в год [Там же. Л. 31]. Предложение губернской власти об увеличении расходов на содержание 66 оспопрививателей до 9 900 руб. и приобретение детрита до 652 руб. в год возражений не вызвало [Там же. Л. 29–30].

Проекты земских смет Якутской области на 1897–1899 и 1900–1902 гг. определяли расходы на оспопрививание в объеме 6 050 руб. в год [25. Л. 330; 26. Л. 399 об.]. Смета на 1903–1905 гг. содержала сумму 3 200 руб. в год., однако в следующем трехлетии (1906–1908) расходы снова были увеличены до 6 050 руб. в год. Это объяснялось необходимостью усилить борьбу с оспенными заболеваниями, которые были чрезвычайно распространены, областное начальство настаивало ассигнованиях в объемах 1897–1899 и 1900–1902 гг. Кроме того, на постройку Якутского оспенного телятника предполагалось выделять по 2 017 руб. в год [27. Л. 30 об.–31]. Проектом сметы на 1915–1917 гг. предусматривалось выделение по 600 руб. на жалование 13 фельдшерам-оспопрививателям, по 800 руб. на приобретение детрита и по 600 руб. в год на наем временных оспопрививателей из местных жителей, которые смогли бы добраться до дальних стойбищ, поскольку посылать фельдшера было бы слишком дорого [34. С. 23].

В земских сметах Томской губернии на 1897–1899 1900–1902 гг. статья расходов на вознаграждение оспопрививателей была определена в сумме 1 032 руб. в год [25. Л. 329–329 об.; 26. Л. 399]. При составлении проекта сметы на 1906–1908 гг. закладывался расход на оплату работы оспопрививателей в том же размере. Еще 3 968 руб. в год предполагались к условному отпуску, на случай преобразования дела оспопрививания в губернии, ходатайство об этом было подано губернатором 27 октября 1903 г. [27. Л. 28]. Хотя данный кредит был включен в высочайше утвержденную смету, разрешения на его использование так и не последовало [35]. Поэтому при проектировании сметы на 1909–1911 гг., данная сумма снова была внесена к условному отпуску ввиду «ожидающегося Высочайшего соизволения на утверждение этих преобразований в Томской губернии» [23. Л. 116–119]. В утвержденном законодательном документе эта сумма была уменьшена до 2 312 руб. в год [36].

При планировании сметы на содержание сельско-врачебной части на 1912–1914 гг. Томское губернское управление в мае 1911 г. пришло к заключению о необходимости увеличения земского бюджета на противоэпидемические меры. Долгое время на эти мероприятия отпускалось в распоряжение губернатора по 3 тыс. руб. в год. Однако население выросло, эпидемий стало больше, поэтому было признано необходимым иметь большее число не только участковых фельдшеров, но и сверхштатных «в качестве эпидемических». Общее присутствие пришло к выводу, что данные нужды требуют ассигнований по 5 тыс. руб. в год [37. Л. 145 об.]. Инициатива не нашла поддержки в вышестоящих правительственных кругах. Согласно закону от февраля 1910 г. на приобретение детрита и содержание оспопрививателей требовалось выделять из земского бюджета в 1912–1914 гг. по 4 500 руб. в год [38]. Общее присутствие высказалось, чтобы данный расход был оставлен в том же размере и далее [Там же].

В рамках подготовки к составлению земской сметы на 1915–1917 гг. Томское губернское управление в 1914 г. разработало программу уездных совещаний, членам которых предлагались к обсуждению способы борьбы с эпидемиями, возможности осуществления санитарных мероприятий и учреждения особой санитарной службы [39. Л. 40–40 об.]. В проекте земской сметы планировалось учредить в губернии по 12 санитарных врачей и санитарных фельдшеров и три должности эпидемических фельдшеров. Санитарные врачи должны были располагаться в Томске, Новониколаевске и уездных городах, а также в крупных селах – Алтайском, Бутырском, Каменском. Кроме того, предлагалось содержать постоянных оспопрививателей в каждом врачебном участке [Там же. Л. 37–39 об.].

В Бийском уезде совещание высказало ряд пожеланий. Говорилось о необходимости распространения медицинских знаний через брошюры и книги, для чего нужно привлечь волостные правления, школы и священников. Кроме того, признавалось желательным, чтобы врачи читали публичные лекции. Для борьбы с антисанитарией в селениях было признано целесообразным организовать санитарные советы во главе со священником или учителем [40. Л. 66 об., 68 об.].

В Змеиногорском уезде специальное совещание не определило своего мнения по вопросу санитарного

состояния сельских населенных пунктов уезда, считая это узкопрофессиональным делом врачей. Однако высказалось против введения штатной единицы уездного санитарного врача, объясняя это его бесполезностью на фоне обширности Змеиногорского уезда. По той же причине совещание выступило за исключение из сметы расходов на содержание санитарного персонала и лаборатории [40. Л. 83–83 об.].

Учитывая мнение уездных комиссий, губернское управление составило проект сметы на 1915–1917 гг. На противоэпидемические меры предполагалось ассигновывать по 7 200 руб. в год. Из них 4 500 руб. было внесено в смету исходя из средних затрат за трехлетие, а 2 700 руб. – на содержание трех эпидемических фельдшеров для командировок. Несмотря на несогласие представителей Змеиногорского уезда, предполагалось введение санитарных врачей, фельдшеров и лабораторий. На нужды оспопрививания губернское начальство просило 6 800 руб. в год. Из них 5 тыс. руб. предназначалось на иглы и оспенный детрит, а 1 800 руб. в год – на содержание трех «оспопрививателей для командировок». Совещание представителей правительственных органов сочло программу создания санитарной службы преждевременной, поскольку Томское губернское управление планировало кардинальное расширение сельско-врачебной части и ресурсы потребовались бы на осуществление этого проекта. Взамен отвергнутого плана Совещание предложило, по примеру других сибирских губерний, организовать медико-санитарное бюро с расходом на его содержание по 4 480 руб. в год [41. С. 16–21]. Вместо практико-ориентированной структуры предлагалась создать статистический бюрократизированный орган.

Со стороны представителя МВД было предложено внести в проект сметы расход в сумме в 3 600 руб. на приобретение предохранительных и лечебных сывороток, применение которых показало высокую эффективность. Также им было предложено ассигновывать по 13 тыс. руб. в год на развитие оспопрививания. Из них 10 тыс. руб. предназначалось на содержание постоянных оспопрививателей и 3 тыс. руб. в год – на приобретение детрита. Последняя цифра была определена исходя из действительного расхода за 1914 г., который составил 2 тыс. руб. из сумм губернского земского сбора и около 800 руб. из общественных средств. Что касается кредита на противоэпидемические меры, то его тоже было предложено сократить до штатной нормы в 3 тыс. руб. в год. Объяснялось это тем, что сам характер рассматриваемой статьи расхода предполагал только неотложные и первостепенные меры при появлении эпидемии. К тому же, по заявлению губернатора, из этого фонда финансировалось приобретение сывороток, на которые определялась особая статья земского бюджета. Предполагаемое содержание постоянных эпидемических фельдшеров совещание посчитало неэффективным при наличии возможности привлечения вольнонаемного персонала или командирования участковых фельдшеров [Там же. С. 26].

Проект тобольской губернской сметы на 1897–1899 гг. предполагал отпуск на жалование 43 оспопрививателям в инородческих волостях 2 580 руб. в год. Увеличение расходов объяснялось возрастанием вознаграждения, получаемого вакцинаторами, с 24 до 60 руб. в год [25. Л. 329]. Вероятно, данный кредит не был утвержден вышестоящими инстанциями, поскольку в смете на 1900–1902 гг. показан объем расходов в 1 032 руб. в год. с пояснением: «…в размере текущего трехлетия». По закону от 25 ноября 1896 г. на приобретение детрита полагалось отпускать 300 руб. в год, однако действительный расход, как показывал трехлетний опыт, был больше [26. Л. 241]. Так, в 1897 г. был выписан детрит из телятника Живописцева (г. Орёл) на 952 руб., в 1898 г. – на 1 450 руб. По объяснению губернского управления, столь большой расход препарата обусловлен постоянным заносом оспы переселенцами и полным укомплектованием врачебных участков медперсоналом. Чтобы найти выход, губернатору приходилось разрешать покупку детрита из сумм, выделяемых на борьбу с эпидемиями. Это приводило к тому, что на противоэпидемические медикаменты и дезинфицирующие средства денег не хватало. Исходя из этого, в проект сметы закладывалась сумма на приобретение детрита в размере 1 200 руб. в год [Там же. Л. 298–299]. Совещание правительственных ведомств не утвердило данное повышение, объяснив это тем, что вопрос об увеличении средств на детрит «не был на рассмотрении МВД и министерства финансов». Кроме того, «увеличение в сметном порядке расхода на означенный предмет, предусмотренный по штату… косвенным образом вело бы к изменению самого штата» [Там же. Л. 321 об.].

В смете на 1903–1905 гг. на содержание оспопрививателей в инородческих волостях отводилось также 1 032 руб. в год [42. Л. 56 об.]. На противооспенные препараты губернское начальство испрашивало кредит в размере 1 500 руб. в год, поскольку планировало устроить и содержать собственный телятник [43. Л. 3 об.]. В смете на 1909–1911 гг. фигурировали цифры расхода в размере 1 100 руб. в год на содержание телятника при Тобольской ветеринарно-фельдшерской школе, который был открыт согласно закону от 12 апреля 1904 г. [44. Л. 7 об.].

На Первом губернском съезде сельских врачей Тобольской губернии в 1911 г. разразилась дискуссия о способе организации дела оспопрививания. В виде эксперимента предполагалось пригласить на несколько врачебных участков фельдшеров и фельдшериц-акушерок сроком на пять-шесть месяцев, чтобы они не только занимались оспопрививанием, но и работали в участковых больницах, где постоянно ощущался недостаток персонала [45. С. 27–28].

При обсуждении проекта сметы на 1912–1914 гг. в общем присутствии Тобольского губернского управления врачебный инспектор предлагал выделять на расходы по приобретению лимфы (детрита) 1 100 руб. в год, на основании вышеуказанного закона. При этом чиновник оговаривал, что получение лимфы из Тобольского оспенного телятника не должно быть обязательным, так как в течение года он не выпускал, по отзывам врачей, доброкачественного препарата. Поэтому врачебному отделению приходилось выписывать детрит из г. Орла. Общее присутствие выразило

мнение, что законодатель определил отпуск 1 100 руб. в год на содержание собственного телятника, а если врачебное отделение приобретало лимфу в другом месте при наличии телятника, «то это совершенно нежелательно». В итоге кредит был определен согласно закону, а вопрос качества препарата предлагалось обсудить позже, когда будут получены подробные сведения [29. Л. 86, 93 об.–94].

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Для организации борьбы с эпидемиями в сибирских регионах в конце XIX – начале XX в. существовала система взаимодействия разных уровней власти, от сельского до губернского. Обеспечивался процесс сбора информации о ходе эпидемии, командировались эпидемические фельдшеры. Несмотря на это, реакция на эпидемические вспышки не всегда была оперативной. Исследование земских смет позволяет изучить организационно-финансовое обеспечение борьбы с заразными болезнями. Так, вакцинация как один из действенных и несложных простых методов профилактики оспы в сибирских регионах находился в стагнации до 1912–1914 гг. В ряде губерний высказывались идеи о введении санитарной службы в виде эпидемического отряда или санитарных врачей, которые были отклонены вышестоящими правительственными органами. Главными проблемами противоэпидемической работы на протяжении всего рассматриваемого периода являлись нехватка кадров и незначительность ассигнований. Однако губернские администрации настойчиво пытались их преодолеть.

Список источников

1. Васильев К.Г., Сегал Л.Е. История эпидемий в России : (материалы и очерки) / под ред. А. И. Метелкина. М. : Гос. изд-во мед. лит., 1960. 398 с.
2. Татарникова А.И. Сельское здравоохранение и сеть медицинских учреждений в Западной Сибири под воздействием модернизационных процессов (конец XIX – первая четверть XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 137–140.
3. Татарникова А.И. Противохолерные мероприятия в Томской губернии во время эпидемии 1892 г. // Манускрипт. 2016. № 12-3 (74). С. 185–187.
4. Татарникова А.И., Ломакин И.А. Роль органов местного самоуправления в санитарном благоустройстве городов Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 1. С. 47–53.
5. Татарникова А.И. Экстремальное в повседневной жизни населения Западной Сибири в период эпидемий конца XIX – начала XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. С. 40–54.
6. Семенова К.А. Здравоохранение города Томска в историческом развитии (начало 1860-х – 1919 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 223 с.
7. Ерофеев Я.А. История медицинского обслуживания в городах Тобольской губернии: 1870–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 29 с.
8. Костылева Е.А., Дунбинский И.А., Сорокин А.Н. Вклад общества практических врачей Томской губернии в развитие качества здравоохранения Томска и Томской губернии // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 143–148.
9. Темплинг В.Я. Медицинское сообщество Тобольской губернии в XVIII – начале XX в.: от модальности идеи к модальности воплощения // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 69–77.
10. Глушков С.Е. Преобразование системы здравоохранения и снижение смертности населения в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-2 (31). С. 346–349.
11. Глушков С.Е. Заболеваемость населения Томской губернии инфекционными болезнями в последней трети XIX – начале XX в.: историко-демографический анализ // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-1 (76). С. 63–67.
12. Глушков С.Е. Эпидемическая смертность населения Западной Сибири в конце имперского периода (конец 1880-х – 1916 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Всерос. молодежной науч. школы-конф. Новосибирск : Апельсин ; Институт истории СО РАН, 2016. С. 105–114.
13. Архипов С.В., Бурукин В.В. Правовое регулирование организации медико-санитарной помощи в колонизируемых областях Азиатской России в конце XIX – начале XX вв. // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 125–128.
14. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 182. Оп. 1. Д. 34.
15. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 445. Оп. 1. Д. 266.
16. Томские губернские ведомости.
17. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 152. Оп. 47. Д. 409.
18. Корреспонденции // Восточное обозрение. 1904. 5 фев.
19. Корреспонденции // Восточное обозрение. 1904. 30 дек.
20. Про-жий. О народной беспомощности // Сибирская жизнь. 1913. 10 апр.
21. Г. Лаптев Лог, Змеиногор. у. // Сибирская жизнь. 1913. 25 янв.
22. Обзор Томской губернии за 1908 год. Томск : тип. Губернского управления, 1909. 65, [90] с.
23. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 23. Д. 43.
24. ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 1449.
25. ГАТ. Ф. 152. Оп. 52. Д. 2.
26. ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 178.
27. ГАТ. Ф. 152. Оп. 52. Д. 7.
28. Свод предположений местного начальства и заключения Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Енисейской губернии на 1915–1917 гг. Петроград, 1915. 102 с.
29. ГАТ. Ф. 152. Оп. 52. Д. 44.
30. Свод предположений местного начальства и заключение Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Иркутской губернии на 1909–1911 гг. СПб., 1908. 89 с.
31. Свод предположений местного начальства и заключение Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Иркутской губернии на 1912–1914 гг. СПб., 1911. 61 с.
32. ГАИО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 104.
33. Свод предположений местного начальства и заключение Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Иркутской губернии на 1915–1917 гг. Петроград, 1915. 92 с.
34. Свод предположений местного начальства и заключения Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Якутской области на 1915–1917 гг. Петроград, 1915. 66 с.
35. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. СПб. : Гос. тип., 1896. Т. XVI, отд. I. № 27712.
36. ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб. : Гос. тип., 1909. Т. XXIX, отд. I. № 32209.
37. Российский государственный исторический архив. Ф. 573. Оп. 2. Д. 4034.

38. ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб. : Гос. тип., 1910. Т. XXX, отд. I. № 33070.
39. Государственный архив Кемеровской области. Ф. 35. Оп. 1. Д. 71.
40. ГААК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 244.
41. Свод предположений местного начальства и заключения Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Томской губернии на 1915-1917 гг. Петроград, 1915. 73 с.
42. ГАТ. Ф. 152. Оп. 44. Д. 354.
43. ГАТ. Ф. 152. Оп. 52. Д. 4.
44. ГАТ. Ф. 152. Оп. 52. Д. 15.
45. Протокол заседания 30 января 1911 г. // Труды Первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии, 20 января – 4 февраля 1911 года : протоколы. Тобольск : изд. Тобольского врачебного отделения, 1913. 300 с.

References

1. Vasiliev, K.G. & Segal, L.E. (1960) *Istoriya epidemiy v Rossii: (materialy i ocherki)* [History of epidemics in Russia (materials and essays)]. Moscow: Gos. izd-vo med. lit.
2. Tatarnikova, A.I. (2015) Sel'skoe zdravookhranenie i set' meditsinskikh uchrezhdeniy v Zapadnoy Sibiri pod vozdeystviem modernizatsionnykh protsessov (konets XIX – pervaya chetvert' XX v.) [Rural health care and the network of medical institutions in Western Siberia under the influence of modernization processes (late 19th – first quarter of the 20th century)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 22. pp. 137–140.
3. Tatarnikova, A.I. (2016) Anticholeraic measures in Tomsk Province during epidemic of 1892. *Manuskript*. 12-3 (74). pp. 185–187. (In Russian).
4. Tatarnikova, A.I. & Lomakin, I.A. (2019) Local self-government bodies' role in sanitary improvement of Western Siberia towns (the end of the 19th – the beginning of the 20th century). *Manuskript*. 12(1). pp. 47–53. (In Russian).
5. Tatarnikova, A.I. (2019) The extremes in the everyday life of the population of Western Siberia during the time of epidemics of the late 19th – early 20th centuries. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: Historical Research*. 9. pp. 40–54. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-868X.2019.9.30475
6. Semenova, K.A. (2009) *Zdravookhranenie goroda Tomska v istoricheskom razvitii (nachalo 1860-kh – 1919 g.)* [Health care in Tomsk in its historical development (early 1860s – 1919)]. History Cand. Diss. Tomsk.
7. Erofeev, Ya.A. (2017) *Istoriya meditsinskogo obsluzhivaniya v gorodakh Tobol'skoy gubernii: 1870–1917 gg.* [The history of medical care in the cities of Tobolsk Province: 1870–1917]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen.
8. Kostyleva, E.A., Dunbinskiy, I.A. & Sorokin, A.N. (2019) The contribution of Tomsk Province's Society of Practitioners to the development of health care quality in Tomsk and Tomsk Province. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 449. pp. 143–148. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/449/17
9. Templing, V.Ya. (2019) Medical community of Tobolsk Governorate in 18th – early 20th centuries: From the modality of idea to the modality of realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 60. pp. 69–77. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/60/10
10. Glushkov, S.E. (2011) Preobrazovanie sistemy zdravookhraneniya i snizhenie smertnosti naseleniya v Zapadnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX v. [Transformation of the healthcare system and reduction of mortality in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6-2(31). pp. 346–349.
11. Glushkov, S.E. (2012) Zabolevaemost' naseleniya Tomskoy gubernii infektsionnymi boleznyami v posledney treti XIX – nachale XX v.: istoriko-demograficheskiy analiz [Morbidity of the population of the Tomsk province with infectious diseases in the last third of the 19th - early 20th centuries: historical and demographic analysis]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-1(76). pp. 63–67.
12. Glushkov, S.E. (2016) Epidemicheskaya smertnost' naseleniya Zapadnoy Sibiri v kontse imperskogo perioda (konets 1880-kh – 1916 gg.) [Epidemic mortality of the population of Western Siberia at the end of the imperial period (the late 1880s – 1916)]. In: *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical problems of historical research: the view of young scientists]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 105–114.
13. Arkhipov, S.V. & Burukin, V.V. (2019) Pravovoe regulirovanie organizatsii mediko-sanitarnoy pomoshchi v koloniziruemykh oblastyakh Aziatskoy Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [Legal regulation of the organization of health care in the colonized regions of Asian Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal.* 2(27). pp. 125–128.
14. The State Archive of Altai Territory. Fund 182. List 1. File 34.
15. The State Archive of Irkutsk Region. Fund 445. List 1. File 266.
16. *Tomskie gubernskie vedomosti.* (1907–1910)
17. The State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 47. File 409.
18. *Vostochnoe obozrenie.* (1904a) Korrespondentsii [Correspondences]. 5th February.
19. *Vostochnoe obozrenie.* (1904b) Korrespondentsii [Correspondences]. 30th December.
20. Pro-zhiy. (1913) O narodnoj bespomoshchnosti [On the helplessness of the people]. *Sibirskaya zhizn'*. 10th April.
21. *Sibirskaya zhizn'*. (1913b) *Laptev Log, Zmeinogor. u.* [Laptev Log, Zmeinogorsky district]. 25th January.
22. Tomsk Provincial Administration. (1909) *Obzor Tomskoy gubernii za 1908 god* [Review of Tomsk Province for 1908].
23. The State Archive of Tomsk Region. Fund 3. List 23. File 43.
24. The State Archive of Irkutsk Region. Fund 25. List 8. File 1449.
25. The State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 52. File 2.
26. The State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 40. File 178.
27. The State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 52. File 7.
28. Department of the Accountant Fees. (1915) *Svod predpolozheniy mestnogo nachal'stva i zaklyucheniya Soveshchaniya predstaviteley podlezhashchikh vedomstv po proektu smety zemskikh povinnostey po Eniseyskoy gubernii na 1915–1917 gg.* [A set of assumptions of the local authorities and the conclusions of the Meeting of representatives of the subordinate departments on the draft estimate of zemstvo duties in the Yenisei province for 1915–1917]. Petrograd: [s.n.].
29. The State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 52. File 44.
30. Department of the Accountant Fees. (1908) *Svod predpolozheniy mestnogo nachal'stva i zaklyuchenie Soveshchaniya predstaviteley podlezhashchikh vedomstv po proektu smety zemskikh povinnostey po Irkutskoy gubernii na 1909–1911 gg.* [A set of assumptions of the local authorities and the conclusion of the Meeting of representatives of the subordinate departments on the draft estimate of zemstvo duties in the Irkutsk province for 1909–1911]. St. Petersburg: [s.n.].
31. Department of the Accountant Fees. (1911) *Svod predpolozheniy mestnogo nachal'stva i zaklyuchenie Soveshchaniya predstaviteley podlezhashchikh vedomstv po proektu smety zemskikh povinnostey po Irkutskoy gubernii na 1912–1914 gg.* [A set of assumptions of the local authorities and the conclusion of the Meeting of representatives of the subordinate departments on the draft estimate of zemstvo duties in the Irkutsk province for 1912–1914]. St. Petersburg: [s.n.].
32. The State Archive of Irkutsk Region. Fund 32. List 11. File 104.

33. Department of the Accountant Fees. (1911) *Svod predpolozheniy mestnogo nachal'stva i zaklyuchenie Soveshchaniya predstaviteley podlezhashchikh vedomstv po proektu smety zemskikh povinnostey po Irkutskoy gubernii na 1915–1917 gg.* [A set of assumptions of the local authorities and the conclusion of the Meeting of representatives of the subordinate departments on the draft estimate of zemstvo duties in the Irkutsk province for 1915–1917]. Petrograd: [s.n.].
34. Department of the Accountant Fees. (1915) *Svod predpolozheniy mestnogo nachal'stva i zaklyucheniya Soveshchaniya predstaviteley podlezhashchikh vedomstv po proektu smety zemskikh povinnostey po Yakutskoy oblasti na 1915–1917 gg.* [A set of assumptions of the local authorities and the conclusions of the Meeting of representatives of the subordinate departments on the draft estimate of zemstvo duties in the Yakutsk region for 1915–1917]. Petrograd: [s.n.].
35. Russia. (1906) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 16. № 27712.
36. Russia. (1909) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 29. № 32209.
37. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 573. List 2. File 4034.
38. Russia. (1910) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 29. № 33070.
39. The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund 35. List 1. File 71.
40. The State Archive of Altai Territory (GAAK). Fund 65. List 1. File 244.
41. Department of the Accountant Fees. (1915) *Svod predpolozheniy mestnogo nachal'stva i zaklyucheniya Soveshchaniya predstaviteley podlezhashchikh vedomstv po proektu smety zemskikh povinnostey po Tomskoy gubernii na 1915-1917 gg.* [The set of assumptions of the local authorities and the conclusions of the Meeting representatives of subordinate departments on the draft estimate of zemstvo duties in the Tomsk province for 1915–1917]. Petrograd: [s.n.].
42. The State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 152. List 44. File 354.
43. The State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 152. List 52. File 4.
44. The State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 152. List 52. File 15.
45. Anon. (1913) Protokol zasedaniya 30 yanvarya 1911 g.[Minutes of the meeting on January 30, 1911]. In: *Trudy Pervogo gubernskogo s"ezda sel'skikh vrachey Tobol'skoy gubernii, 20 yanvarya – 4 fevralya 1911 goda* [Proceedings of the First Provincial Congress of rural doctors of the Tobolsk Province: January 20 – February 4, 1911]. Tobolsk: izd. Tobol'skogo vrachebnogo otdeleniya.

***Сведения об авторе*:**
Почеревин Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (Бийск, Российская Федерация). E-mail: pev2@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Pocherevin Evgeny V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Historical, Legal and Socio-Humanitarian Disciplines of the Altai State Humanitarian Pedagogical University named after V. M. Shukshin (Biysk, Russian Federation). E-mail: pev2@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2020; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 26.04.2020; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/19988613/81/6

Проблема собственности на землю в ментальных установках сибирского крестьянства во второй половине XIX в.

Максим Владимирович Семиколенов

Новокузнецкий филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева, Новокузнецк, Россия, semikolenov.maksim@yandex.ru

Аннотация. Поднимается проблема собственности крестьян на землю, анализируются особенности мировоззрения крестьянства, закон от 19 февраля 1861 г, указ от 24 ноября 1866 г. Взгляды крестьян на собственность на землю объяснялись нормами обычного права, которые отличались от установок государственных чиновников по данному вопросу. Право собственности включает в себя владение, пользование, распоряжение. Крестьяне лишь пользовались землей. В Сибири изучаемая проблема обострялась незавершенностью землеустроительных работ, природно-климатическим фактором, возрастанием переселений.
Ключевые слова: менталитет, крестьянство, община, собственность, земля

Для цитирования: Семиколенов М.В. Проблема собственности на землю в ментальных установках сибирского крестьянства во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 53–60. doi: 10.17223/19988613/81/6

Original article

The problem of land ownership in the attitudes of mind Siberian peasantry in the second half of the 19th century

Maksim V. Semikolenov

Kuzbass State Technical University T.F. Gorbacheva. Branch in Novokuznetsk, Novokuznetsk, Russian Federation, semikolenov.maksim@yandex.ru

Abstract. In this article, the author reviews the problem of land ownership in Siberia in the **views** of peasants in the second half of the XIX century. The purpose of the study is to determine the mental settings on the issue of ownership of land by peasants. The sources of the research are periodicals, namely, "Siberian newspaper", the magazine "Russian conversation", which reflects the views of the peasants on this issue. To study the regulatory framework the study uses the Complete collection of laws of the Russian Empire (vol. 36, vol. 41), which published the laws of February 19, 1861, and of November 24, 1866, which define the land right of peasants. The literature for the article are the works of M. K. Churkin, M. V. Dorofeev, V. N. Khudyakov, A. A. Khramkov and others who made a huge contribution to the study of this problem.

In the views of peasants, the land belonged to the entire society, and the one who cultivate it has a right to it. The norms of customary law were deeply ingrained in the minds of peasants and have become fundamental in their lives. The state's lack of seriousness with regard to legal customs led to controversy, as the law was different for peasants. The reform carried out in 1861 did not grant land ownership to the peasants. The right of ownership was left to the State, the right of disposal was given to the community, and the right to use remained with the peasants. The decree of November 24, 1866, which extended to the peasants of European Russia, could not be implemented in Siberia, since the land was not demarcated. Land arrangement works had been carried out carelessly for a long time and did not lead to significant results. The inflow of immigrants caused by shortage of land as a result of the reform of February 19, 1861, led to establishing of special forms of land use in Siberia. For a long time, the dominant form after the 'zaimochnaya' was the capture form, based on the fact that the peasant owned the land as long as it was cultivated, and if he abandoned it, anyone could take it. The concepts of legal ownership of land and actual ownership of land were identified in the minds of peasants. As long as there was a lot of land, there was an uncontrolled disposal of it in Siberia. With the inflow of migrants, the situation was changing, and the process of transition to community-based equalization of land ownership was long and uneven.

Thus, the worldview of the peasants on the issue of land ownership was based on the norms of customary law, which did not correspond to the government's course and led to a huge gulf between them. It is worth noting that the issue of extending the decree of November 24, 1866 to the territory of Siberia was the subject of the work of the Commission of Baron M. N. Medem, which considered the possibility of its implementation. However, it was necessary to carry out

© М.В. Семиколенов, 2023

land arrangement works immediately, as the boundaries of the actual ownership of the peasants in many ways did not coincide with the plans issued to the peasants for their allotment. The reluctance of government officials to take into account the views of peasants in this matter and to undertake the necessary reforms led to the definitive establishment of land ownership by the State under the Act of May 23, 1896.
Keywords: attitude of mind, peasants, community, ownership, land

For citation: Semikolenov, M.V. (2023) The problem of land ownership in the attitudes of mind Siberian peasantry in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 53–60. doi: 10.17223/19988613/81/6

Проведенная в 1861 г. реформа по отмене крепостного права предоставила крестьянам личную свободу, но вместе с тем вызвала проблемы, связанные с малоземельем, так как основная часть земли находилась в собственности помещиков. Однако взгляды крестьян на данный вопрос существенно отличались от мнения государства и были обусловлены существовавшими обычаями в крестьянской среде. Нами будет изучен менталитет данного сословия.

Под ментальностью мы понимаем социально-психологические стереотипы, автоматизмы и привычки сознания, заложенные воспитанием и культурными традициями, ценностные ориентации, значимые представления и взгляды, принадлежащие не отдельным личностям, а той или иной социально-культурной общности, в данном случае – тому или иному сословию или социальной группе. Ментальность крестьянства – это общинная ментальность, сформированная в рамках замкнутого локального сообщества, в сельской соседской организации. В ментальности крестьян находят отражение их потребности, интересы и идеалы, проявляются социальные чувства и настроения. Она представляет собой выражение группового сознания в историческом времени и географическом пространстве. Традиционное сознание – это совокупность осознаваемых и неосознаваемых представлений, исторически сложившихся под влиянием системных природных и социокультурных факторов, проявляющихся в стереотипах поведения и влияющих на образ жизни и культуру социума.

Община была основой всей жизни русского крестьянства. Ее основы лежали в самом духе русского народа, в складе его ума, который не понимал жизни вне общины. У подавляющей массы населения всегда были живучи традиции коллективизма и взаимопомощи, хотя у любого крестьянина одновременно никогда не исчезала и естественная тяга к личному, частному способу ведения хозяйства. В крестьянской психологии в России во все времена идея принадлежности земли Богу, а стало быть, обществу в целом, была ведущей основной идеей. Она составляет одну из главных особенностей характера русского народа [1. С. 571].

Пока земли и угодий было много, в крестьянской общине переделы не производились. Существенные черты общинного владения землей заключались в равном наделе общиной всех ее членов и переделе земель для уничтожения возникшего неравенства, в отсутствии права свободного распоряжения как отдельными участками, так и всей общинной землей. Земля, как и власть, была свободой от голода и опасностей, но также поводом для уважения в деревне. Постоянный земельный голод значительной части крестьян заставлял их искать всевозможные источники расширения площади своего землевладения.

Раздел земли носил ярко выраженный трудовой характер. Земля принадлежит только тому, кто может ее обработать [2. С. 47]. Представление о законе, существовавшее в крестьянской среде, отличалось от официального уже тем, что крестьяне отказывались признавать законными те положения, которые противоречили их интересам и взглядам. Любые действия властей они старались истолковать в свою пользу. Крестьяне вносили свое понимание права в практику поземельных отношений, складывавшихся между собственником земли (государством) и ее держателями. В отличие от правительственных чиновников, следивших за соблюдением прав государства, они считали возделанный участок «природной своей землей», наследник которой имеет право «владеть вечно и на сторону продать и заложить и во всякие крепости укрепить» [3. С. 13]. Обычное право, выработанное народом под влиянием тех или иных жизненных бытовых условий, заключает в себе общепризнанные юридические воззрения народа и осуществляется фактически путем единообразного соблюдения в течение более или менее продолжительного времени.

С XVIII в. единственным официальным источником права был объявлен закон. Постепенно представители чиновничьей, а затем и научной элиты приходили к мысли о необходимости не просто изучать, но и применять в законотворчестве результаты исследований народного быта и обычаев. Обычное право определялось в это время как «бытовая форма права», которая не зависит от закона в силу общего убеждения в ее необходимости и обязательности. Считалось, что обычное право, выработанное народом под влиянием тех или других жизненных бытовых условий, заключает в себе общепризнанные юридические воззрения народа и осуществляется фактически путем единообразного соблюдения в течение более или менее продолжительного времени. Оживленная дискуссия, посвященная обычному праву, велась на I съезде русских юристов в Москве в 1875 г. Предметом спора были как сам факт существования в России обычного права, так и проблема законодательного признания за юридическим обычаем силы действующей правовой нормы. Исследователи должны были решить, соответствует ли обычное право по своему характеру современным условиям жизни сельских обывателей, не помешает ли оно им приобщаться к правовой жизни «культурных народов». К сожалению, обычное право не расценивалось должным образом как источник законодательства.

В ходе дискуссий было определено несколько базисных установок, которые применялись в отношении проблемы собственности: во-первых, крестьянское понимание собственности основывалось на трудовом принципе; во-вторых, крестьяне не были вовлечены в систему государственного гражданского права. Принцип частной собственности на землю «входил в сознание русского крестьянина вначале как покушение со стороны помещика на его древнейшее право, проистекавшее из связи земледельца с обрабатываемой землей». На практике неизбежно возникали противоречия между нормой закона и нормой обычного права [4. С. 109].

Специалист по сельскому хозяйству и земельным отношениям, крупный чиновник империи князь Б.А. Васильчиков писал: «Нигде понятие поземельной собственности не было так смутно и шатко, как у нас, не только в сознании народа, но и у правительства. В России с древних времен очень твердо было понимание владения в смысле держания, занятия, пользования землей, но выражение “собственность” едва ли существовало. В летописях и грамотах, как и в современном языке крестьянства, не встречается выражения, соответствующего этому слову» [5. С. 31].

Ценность земледельческого труда осознавалась как психологическая потребность, условие нравственного оправдания своего благосостояния. Крестьяне считали землю своей собственностью на основании вложенного в нее труда. Пословица «Не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а кто по ней сохой ходит» обусловливает право обладания землей трудом на ней. Труд земледельца признавался наиболее значимым и почетным. Наряду с членством в общине он служил определителем принадлежности к корпоративному сообществу крестьян. Важнейшим условием зачисления переселенца в состав общины служил отзыв о его трудолюбии и нравственном поведении. Если в качестве главной добродетели в традиционной ценностной системе крестьянства рассматривалось трудолюбие, то наиболее тяжкими пороками считались лень, лодырничество, безделье.

В неразрывной связи с понятием собственности находились представления о свободе. Для человека традиционного общества, интегрированного в природу, находящегося в условиях ограниченного выбора путей развития, быть свободным означало принадлежать роду, «миру», быть «своим», не попасть в зависимость от чужаков и принятых ими законов жизни.

Центральное место в картине мира русского крестьянина занимали земля как признак сословной принадлежности и община. Власть земли и «мира» выражалась в народном фольклоре, указывающем на приоритетное значение этих категорий в жизни крестьянина: «Земля-тарелка: что положишь, то и возьмешь», «Господь повелел от земли кормиться», «Что мир порядил, то Бог рассудил» [6. С. 140]. Как для общины, так и для крестьянина не существовало отдельно понятий юридической собственности на землю и фактического владения землей: они отождествлялись.

Надел, предоставленный крестьянину, по реформе 1861 г. не мог стать его собственностью. Крестьянин не мог свободно им распоряжаться, так как это делали представители других сословий со своей собственностью. После отмены крепостного права в 1861 г. земля была дана в распоряжение не отдельным крестьянам, а общинам. Реформа, ограничившись лишь личным освобождением крестьян, не определила точно их отношение к земле, что, конечно, было делом сложным и требовавшим больших затрат.

Общинное владение не являлось частной собственностью. Прежде всего, земля стала частной собственностью дворян. Отмена крепостного права не решила главный – аграрный – вопрос и преодоление крестьянского малоземелья. В русском крестьянском сознании всегда была жива память о владении землей и праве ею безраздельно распоряжаться. Право владения землей оставалось за государством, право распоряжения – за общиной, право пользования – за крестьянином.

Однако закон от 19 февраля 1861 г. предусматривал введение частной собственности на крестьянские земли. В главе II «О правах по имуществу» в «Высочайше утвержденном общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» говорилось, что «крестьянам оставляется их усадебная оседлость, впредь до приобретения ими оной в собственность, на правилах, определенных в Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий» [7. С. 146]. Крестьянам предоставлялось право выкупить землю у помещика. При заключении выкупных сделок на основе добровольного соглашения с крестьянами помещик имел право требовать дополнительный платеж, который вносился в рассрочку от одного года до 49 лет. Земли, приобретенные в собственность, передавались общине, а она по своему усмотрению распоряжалась ими. Она могла разделить земли между крестьянами и предоставить каждому участок в частную собственность либо оставить земли в общем владении. Каждый член сельского общества мог потребовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, ему был выделен в частную собственность участок, соразмерный с долей его участия в приобретении земли.

24 ноября 1866 г. был подписан указ «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях». В указе обращается внимание на то, что «признав возможным приступить к окончательному устройству хозяйственного быта государственных крестьян, необходимо расширить их права по владению и распоряжению предоставленными им в надел от казны землями» [8. С. 280]. Государственным крестьянам были предоставлены во владение – на правах крестьян-собственников – все состоявшие в их пользовании земли, кроме лесов, из платежа установленной оброчной подати. Принцип владения землей, провозглашенный в законе, в действительности означал наделение государственных крестьян землей почти на тех же условиях, что и временнообязанных. Однако осуществление права приобретения земли в собственность былона деле весьма затруднительным, так как п. 13 указа предусматривал единовременное внесение капитализированной оброчной подати в сумме не менее 100 руб., что было возможно «далеко не для всех

представителей даже кулацко-зажиточной части казенной деревни» [9. С. 113]. В Сибирской газете отмечалось, что временнообязанные крестьяне будут освобождены от своих настоящих отношений к помещикам и при содействии казны обращены в крестьян-собственников к 1 января 1883 г. Помещикам будет уплачена правительством выкупная ссуда за землю, которая должна отойти к крестьянам, обязанным погасить уплаченные за них казною деньги в течение 9 лет начиная с 1883 г. [10. С. 114].

Указ от 24 ноября 1866 г. на территорию Сибири не распространялся, так как межевые работы нельзя было считать удовлетворительными, и земля не была приведена в известность. Б.П. Мансуров, говоря о введении крестьянской собственности, заявлял, что право собственности есть основание всего священного в государстве. Он защищал тезис, что сибирские крестьяне имеют право получить землю в собственность. Отказав крестьянам в этом, надо признать, что все население Сибири совершенно бесправно, и можно устанавливать для него какие угодно права, но ведь там есть старожилы, которые живут на том же месте несколько десятков лет. У них тоже есть права, они государственные крестьяне, и нельзя свести их права к нулю [11. С. 95].

Право собственности в Сибири обусловливалось сложившимися здесь формами землепользования. Первой формой землепользования, известной в Сибири, была заимочная. Заимщик считался хозяином занятого участка независимо от того, обрабатывал ли он его целиком или только частично. Размеры заимок были различны: у бедных крестьян не превышали 3–5 десятин, у зажиточных составляли 60–100 десятин посева. А.А. Кауфман отмечает, что право заимщика на неограниченное пользование землей разумеется само собой: он может засевать любую часть своей земли, косить ее, застраивать или оставить без всякой обработки, руководствуясь собственными хозяйственными соображениями. В силу принадлежащего ему права распоряжения землей он может, не спрашивая никого, продавать и сдавать ее в аренду, дарить, передавать по наследству [12. С. 53]. Для подтверждения факта закрепления участка владельцу достаточно было пропахать 1–2 борозды. Если переселенец предполагал здесь основаться на постоянное место жительства, на территории заимки, получавшей с этого момента статус постоянного населенного пункта, он возводил жилые и хозяйственные постройки, расчищал место под пашню и сенокосы. Нередко сезонные заимки заводили зажиточные крестьяне, уже имевшие земельные наделы. В поземельной практике крестьян заимочное владение соотносилось с юридически оформленным *правом частной собственности*, но только до тех пор, пока сельская община и основное население волости, на территории которой находилась заимка, не начинали претендовать на эти земли по причине естественного прироста населения или малоземелья [13. С. 74].

Пока земли было много, а процент ее использования ничтожен, обязательного и уравнительного наделения участками не проводилось [14. С. 235]. При этом трудовое начало понималось весьма широко, и всякий, вложивший свой труд, *приобретал право владения землей*; однако когда земли становилось мало, крестьяне вспоминали, что труд, затраченный на расчистку пахотной или сенокосной земли, вознаграждается урожаем хлеба, после чего расчищавший теряет право ссылаться на трудовой принцип.

Изобилие угодий, отсутствие фактической собственности на землю исключали возможность вмешиваться в распоряжение ею. Н.М. Ядринцев писал: «…на вопрос иногда земского чиновника, по какому праву переселенцы заняли ту или другую землю, они отвечали просто: “А что, тебе жаль ее! Вон ее сколько кругом! Земли много кругом, бери всякой, сколько нужно”» [15. С. 117]. При многоземелье ценилась не сама земля, а вложенный в нее труд. С.П. Швецов, наблюдавший случаи отчуждения земли в Тюкалинском округе, писал, что крестьянин не скажет «купить землю», а всегда более определенно – купить «пашню», «купить лес» (взращенный) [16. С. 48]. Точно так же и в случае аренды земли крестьяне считали, что сдается не земля, а «пахоть», «работа», т.е. затраченный на распашку целины труд. Главный признак общинного пользования – раздел земли – при многоземелье представлялся совершенно ненужным, бесцельным, не имеющим никакого смысла. Недаром пословица гласила: «Землю делить – только людей дивить» [17. С. 2].

Преобладающей формой землепользования, после заимочного, было вольнозахватное пользование землями. Отличие этой формы от заимочной состояло в том, что здесь уже не было права на образование заимок. Каждый крестьянин захватывал по своему усмотрению участок и владел им до тех пор, пока обрабатывал его, а если бросал, то земля становилась «вольной» и ее мог занять любой желающий [18. С. 6]. Крестьяне имели право сохранять землю лишь до тех пор, пока ее обрабатывали. Вот один из примеров практики земельных отношений: «Крестьянин В. жаловался суду на захват разработанной им земли в количестве 2 десятин, из коих захвативший ее М. уже распахал под посев 1¼ десятин. Оекский волостной суд определил землю возвратить ее владельцу, трудившемуся над ее разработкой, но с тем, чтобы он уплатил М. за труды по распашке его земли под посев» [19. С. 54]. При этом фактическая форма землевладения – индивидуальная, подворно-наследственная. Окончание личного пользования пахотными землями или совпадало с прекращением их обработки, или продолжалось в течение известного времени и после забрасывания в залежь. Продолжительность периода личного пользования подвергалась значительным колебаниям по отдельным местностям в зависимости от степени земельного приволья и рельефа местности. Она была длиннее в многоземельных местностях, чем в малоземельных, лесистых в сравнении со степными. С сокращением земельного приволья, уничтожением лесов, повышением роли земледелия срок пользования землей все больше сокращался, и в конце концов пашня становилась свободной для захвата, лишь только хозяин оставлял ее без обработки: «Пока пашешь – ты хозяин, а бросил – земля вольная» [20. С. 226].

Содержание захватного права на первый взгляд совершенно совпадает с содержанием права собственности. Захватив землю, сибирский крестьянин считает себя ее полновластным хозяином, он не допускает никого распахивать землю. Для охраны своего права на исключительное владение землей он не останавливается и перед насилием, и перед обращением к авторитету старосты и волостного суда, которые всегда ограждали его права от всякого вторжения. При захватном владении в руках крестьянина фактически сосредоточивались *все три составные права собственности – владение, пользование и распоряжение.*

Н.М. Дружинин писал: «Право верховной собственности на государственную территорию еще не перешло окончательно и бесповоротно в безусловное право казны на обладание земельными угодьями. Такое положение, особенно на черносошных и однодворческих землях, приводило к определенным и очень важным последствиям: оно обусловило большую самостоятельность непосредственных производителей, которые в известных границах являлись свободными распорядителями своих участков» [21. С. 33]. Хотя верховным собственником земли оставалась казна, владельческие права крестьян были необычайно широки, вплоть до права распоряжения.

Как для общины, так и для крестьянина *не существовало отдельно понятий юридической собственности на землю и фактического владения землей, они отождествлялись*. Земельные порядки в Сибири были несколько отличны от Европейской России. Здесь, за ничтожными исключениями, нет частной собственности ни у старожилого населения, ни у переселенцев, ни у казаков, ни у инородцев. Вся земля – либо казенная, либо войсковая, либо кабинетская. Она состоит лишь во владении или пользовании живущих на ней людей. Что касается внутреннего распорядка пользования, земля эта в преобладающем большинстве случаев находится юридически в распоряжении крестьянских, сельских или волостных обществ, казачьих станиц и инородческих аулов. На этих основаниях отводятся постоянные земельные наделы старожилому сибирскому населению, оставляются временно земли в пользовании кочевых инородцев, отмежевываются наделы казачьим станицам и, наконец, предоставляются переселенцам новые участки.

Сибирские крестьяне не становились собственниками надельной земли. Земельные наделы отводились им лишь в пользование на условиях платежа оброчной подати. Земли заселенные, т.е. так или иначе освоенные человеком при помощи его труда или каких-нибудь проявлений его права над ними, в Сибири так же крепки их владельцам, будь то казак, старожил, переселенец или оставивший кочевание отдельный инородец, как если бы они были их юридическими собственниками. От собственников они существенно отличаются только отсутствием права на отчуждение.

При захватном порядке землепользования большая часть земли оказывалась в руках богатых крестьян, в то время как земельные участки малосостоятельных и средних крестьян все более ограничивались. Историк с. Грановского М.В. Загоскин, характеризуя бытовавший в нем порядок землепользования, писал: «При существовании еще и ныне захватного пользования землями самые лучшие земли очутились в руках многомочных семей, тогда как маломочные семьи едва имеют по 2–3 десятины уже истощенной, плохой земли» [22. С. 79]. В условиях многоземелья в Сибири сложилась практика бесконтрольного распоряжения землей со стороны земледельцев. Мир и выборные мало интересовались ее судьбой. В конечном счете в руках отдельных крестьян сосредоточились большие массивы земли [23. С. 158].

С наплывом переселенцев ситуация изменяется, и некогда свободные земли становятся занятыми, тем самым возникает утеснение. Все наиболее удобные земли для пахоты были захвачены и расчищены. Неограниченный захват земли, приводя к крайне неравномерному распределению ее между отдельными домохозяевами, неизбежно порождал у основной массы крестьян стремление к установлению уравнительного начала в землепользовании. На смену захватной форме владения приходит ограниченная захватно-общинная. Эта форма, как и захватная, основана на принципе труда. Однако отличие ее от захватной формы, при которой общинник, вложивший свой труд в землю, приобретает тем самым право владения этой землей, заключается в том, что он имеет право пользоваться землей, пока продолжает на ней трудиться.

Земли же, оставленные в залежь, по истечении некоторого срока, а иногда и сразу, могли быть захвачены любым другим общинником. Ограничение касалось в подавляющей массе случаев лишь сроков пользования, а не размеров земельных участков, которые еще не ограничивались какой-либо нормой. Такого рода ограничение захватного права лишь в некоторой мере ущемляло возможность сосредоточения больших площадей земли в руках богатых крестьян, но не устраняло ее. В таких условиях среди основной массы крестьянства неизбежно зрело стремление к установлению равенства в землепользовании путем введения подушного надельного пользования землей. Исследователь крестьянского хозяйства Тобольской губернии отмечал, что земля здесь еще не переделялась, но неравномерность земельных участков «сильно беспокоит крестьян, они ждут ревизии» (чтобы провести передел земли) [24. С. 24]. Обычно первые поселившиеся крестьяне захватывали ближайшие к усадебной оседлости земли, а остальным новоселам приходилось довольствоваться более отдаленными или менее удобными угодьями. На почве такой неравномерности возникали резкие столкновения между жителями поселков. В результате переселенцы сами приходили к осознанию необходимости перераспределить предоставленные им земли.

Установление равенства земельных наделов, как и вытеснение захватного землепользования, происходило постепенно, путем частичных равнений. Это было первое реальное проявление роли общины, которая начинает диктовать свои права пока только в отношении наиболее важного в крестьянском хозяйстве вида земельных угодий – пашни. Другим, более решительным, вмешательством общины в землепользование

крестьян было установление уравнительных переделов части земель.

С распространением общинно-уравнительного землепользования возросла роль общин как распорядителей земли, а владельческие права отдельных крестьян сократились. Однако поскольку господствующей формой приобретения земли оставался захват свободных земель, крестьяне до конца XIX в. продолжали фактически распоряжаться своими землями вопреки юридическим нормам. Обеспеченная частная собственность и ничем не стесненная свобода распоряжения имуществом представляли наиболее выгодное условие для производительности. Для того чтобы полагать свой труд и сбережения – будь это капитал, будь это навоз – в землю, крестьянин должен был быть уверен, что эта же земля останется за ним, он должен быть обеспечен в своем владении. Между тем частые переделы лишали его этой уверенности. Частые переделы происходили только в тех местностях, где на обработку земли еще не полагается большого труда или где подати несоразмерно велики. В тех местностях, где обработка земли находилась еще на весьма низкой ступени развития, крестьяне большей частью ценили только естественные свойства земли, стараясь распределить это естественное орудие производства, т.е. почву, по возможности равномерно, а потому и переделяли часто земли, чтобы достигнуть большего выравнивания. С другой стороны, в тех местностях, где земля не окупала податных платежей, переверстки и переделы происходили постоянно, потому что каждый крестьянин при всяком удобном случае стремился облегчить лежащую на нем тяготу.

Переход к общинно-уравнительному землевладению происходил медленно и неравномерно. В значительной степени община вытеснила подворно-наследственное землевладение в Тобольской губернии, за исключением Тюкалинского и Тарского округов [19. С. 56]. В Сибирской газете отмечалось, что логическим последствием всякой частной поземельной собственности будет прогрессирующая дробность земли.

В земледельческой полосе Сибири покосы уже почти повсюду переделяются, так же как и лес, где он составляет мирскую собственность. По отношению к пахотной земле пока еще господствующим остается право первого завладения, но крестьяне постепенно уже переходят к великороссийскому типу общинного владения, к переделу земли по душам: переделы, хотя и не часто, отмечаются в Тобольской, Томской, Иркутской губерниях [25. С. 920].

В журнале «Русская беседа», в статье, подписанной псевдонимом «Переселенец», говорилось: «Если бы вы спросили у меня, какая форма землевладения существует у сибирских крестьян, если бы вы именно так поставили вопрос, то я положительно отказался бы на него ответить. Земля в Сибири – земля вольная, свободная от всех гражданских условий и ограничений. Это первобытное, естественное, неюридическое состояние земли» [26. С. 119].

Рассмотренные формы земельного пользования в Сибири позволяют сделать вывод, что поземельная община выступала здесь как начало формирующееся. Она не сложилась еще не только в отношении своих внутренних черт, но и в отношении своих территориальных границ. Вероятно, раньше общиной как субъектом землепользования являлось каждое отдельное селение, образовавшееся путем соединения близлежащих заимочных угодий в одно целое. По мере возникновения новых селений соседние становились невольно совладельцами таких угодий, к которым не прикладывалось труда (леса, покосы). Таким путем образовывались сложные общины, состоящие из нескольких селений. Проводившееся затем в Сибири межевание с целью выявления наличных земельных угодий и составления на них земельных планов закрепляло сложившиеся территориально общины как единицы землепользования. Такими общинами являлись иногда не только отдельные села, но целые волости и даже соединение двух волостей. Более того, иногда отдельные селения, представляющие самостоятельную общину по пользованию пашней, оказывались в то же время частью общины – волости – в пользовании каким-либо другим видом сельскохозяйственных угодий. Формы землепользования определялись одной основной причиной – населенностью данной местности в сравнении с количеством в ней удобных для сельскохозяйственной культуры земель, и представляли собой разнообразные видоизменения не только в пространстве, но и во времени.

Таким образом, в процессе аграрного освоения Сибири в XVII–XVIII вв. сложились основные земледельческие районы. Отдаленность региона от метрополии, суровые природно-климатические условия, обилие свободных незаселенных земель, привели к формированию особых форм крестьянского землепользования, при которых у крестьян сформировался устойчивый взгляд на *владение* земельным наделом *как своей собственностью*. Вложенный труд при создании пашни определял право владения земельным наделом. Представления крестьян о праве собственности на земельный надел не совпадали с взглядом правительственных чиновников, которые посчитали невозможным распространить указ от 24 ноября 1866 г. на территорию Сибири несмотря на то, что работавшая по данному вопросу комиссия барона М.Н. Медема находила это возможным. Необходимость проведения немедленных землеустроительных работ и нежелание учитывать мнение крестьян по вопросам собственности на земельный надел привели к окончательному решению о закреплении земли за государством, что нашло отражение в законе от 23 мая 1896 г.

Список источников

1. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : Рос. полит. энциклопедия, 1998. 573 с.
2. Платонов О.А. Русский труд. М. : Современник, 1991. 335 с
3. Дорофеев М.В. Адаптация к официальному законодательству обычно-правовых воззрений сибирского крестьянства на владение земельным наделом (начало XX в.) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 10–13.

4. Лаптева Е.А. Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. // Государство и право. 1997. № 8. С. 101–109.
5. Васильчиков А.В. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1883. Т. 1.
6. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. СПб. : тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцеляции, 1863. Т. 36, отд. 1. 1059 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. СПб. : тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцеляции, 1868. Т. 41, отд. 2. 1411 с.
9. Зайончковский П.А. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 г. о государственных крестьянах // История СССР. 1958. № 4. С. 103–113.
10. Русское обозрение // Сибирская газета. 1882. 31 янв. № 5. С. 114–124.
11. Храмков А.А. Вопрос о праве собственности государства на надельные крестьянские земли при выработке закона 23 мая 1896 года // Актуальные вопросы истории Алтая : межвуз. сб. Барнаул : Изд-во АГУ, 1980. С. 83–103.
12. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири: по местным исследованиям 1886–1892 гг. М. : Либроком, 2011. 288 с.
13. Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI – начале XX вв. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2003. 188 с.
14. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.
15. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ : (по поручению Зап.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. общества) // Омск : Зап.-Сиб. отд-ние ИРГО. 1880. Кн. 2. 147 с.
16. Швецов С.П. Сибирь, кто в ней живет и как живет : беседы о сибирских «вольных землях» и переселении на них. СПб. : Ш. Буссель н-ки, 1909. 64 с.
17. Филимонов Е.С. Формы волостного землевладения в северо-западной Барабе // Материалы по вопросу об эволюции землевладения. Пермь : типо-лит. Генних, 1895. Вып. 1. 62 с.
18. Кауфман А.А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск : П.И. Макушин, 1984. 63 с.
19. Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. 263 с.
20. Материалы дли изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб. : Тип. Я.И. Либермана, 1891. Вып. 18. 398 с.
21. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформы П.Д. Киселева. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. Т. 1. 631 с.
22. Загоскин М.В. Одна из сибирских общин (селение Грановское) // Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 г. Иркутск, 1891. 92 с.
23. Мамсик Т.С. Общинное самоуправление и взгляд крестьян на «мирскую» должность (по материалам приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX вв. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1977. С. 151–178.
24. Петропаловский И. По Ишиму и Тоболу. Омск, 1886. Кн. VIII, вып. I. (Записки Западносибирского отдела Императорского русского географического общества).
25. Общинное землевладение // Сибирская газета № 36. 1885. С. 917– 923.
26. Переселенец. О землевладении в Сибири // Русская беседа. 1860. № 1.

References

1. Milov, L.V. (1998) *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian plowman and the features of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN.
2. Platonov, O.A. (1991) *Russkiy trud* [Russian labor]. Moscow: Sovremennik.
3. Dorofeev, M.V. (2009) Adaptatsiya k ofitsial'nomu zakonodatel'stvu obychno-pravovykh vozzreniy sibirskogo krest'yanstva na vladenie zemel'nym nadelom (nachalo XX v.) [Adaptation to the official legislation of the customary legal views of the Siberian peasantry on the ownership of a land plot (the beginning of the 20th century)]. In: *Problemy agrarnogo i demograficheskogo razvitiya Sibiri v XX – nachale XXI veka* [Problems of agrarian and demographic development of Siberia in the 20th – early 21st centuries]. Novosibirsk: Institute of History SB RASN. pp. 10–13.
4. Lapteva, E.A. (1997) Issledovaniya obychnogo prava narodov Rossiyskoy imperii v XIX v. [The studies of customary law of the peoples of the Russian Empire in the 19th century]. *Gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 101–109.
5. Vasilchikov, A.V. (1883) *Zemlevladenie i zemledelie v Rossii i drugikh evropeyskikh gosudarstvakh* [Land ownership and agriculture in Russia and other European countries]. Vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
6. Churkin, M.K. (2006) *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [Resettlement of Peasants from the Black Earth Center of European Russia to Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Determining Factors of Migration Mobility and Adaptation]. Omsk: OmSPU.
7. Russia. (1863) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 36(1). St. Petersburg: Second Section of His His Imperial Majesty's Own Chancellery.
8. Russia. (1868) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 41(2). St. Petersburg: Second Section of His His Imperial Majesty's Own Chancellery.
9. Zayonchkovskiy, P.A. (1958) Podgotovka i prinyatie zakona 24 noyabrya 1866 g. o gosudarstvennykh krest'yanakh [Preparation and adoption of the law on state peasants on November 24, 1866]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 103–113.
10. *Sibirskaya gazeta*. (1882) Russkoe obozrenie [Russian review]. 31st January. pp. 114–124.
11. Khramkov, A.A. (1980) Vopros o prave sobstvennosti gosudarstva na nadel'nye krest'yanskie zemli pri vyrabotke zakona 23 maya 1896 goda [The issue of state ownership of allotment peasant lands during the development of the law on May 23, 1896]. In: *Aktual'nye voprosy istorii Altaya* [Topical issues of the history of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 83–103.
12. Kaufman, A.A. (2011) *Krest'yanskaya obshchina v Sibiri: po mestnym issledovaniyam 1886–1892 gg.* [Peasant community in Siberia: According to local research 1886–1892]. Moscow: Librokom.
13. Balyuk, N.A. (2003) *Krest'yanskoe khozyaystvo Zaural'ya v kontse XVI – nachale XX vv.* [Peasant economy of the Trans-Urals in the late 16th – early 20th centuries]. Tyumen: Tyumen State University.
14. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov* [Siberian peasantry at the turn of two centuries]. Novosibirsk: Nauka.
15. Yadrintsev, N.M. (1880) *Poezdka po Zapadnoy Sibiri i v Gornyy Altayskiy okrug: (po porucheniyu Zap.-Sib. otd. Imp. Rus. Geogr. obshchestva)* [A trip to Western Siberia and the Altai Mountain District: (on behalf of the Western-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society)]. Vol. 2. Omsk: Western-Siberian Department of the IRGS.
16. Shvetsov, S.P. (1909) *Sibir', kto v ney zhivet i kak zhivet: besedy o sibirskikh "vol'nykh zemlyakh" i pereselenii na nikh* [Siberia, its residents and how they live: Conversations about the Siberian "free lands" and resettlement to them]. St. Petersburg: Sh. Bussel' n-ki.
17. Filimonov, E.S. (1895) Formy volostnogo zemlevladeniya v severo-zapadnoy Barabe [Forms of volost land tenure in the northwestern Baraba]. In: *Materialy po voprosu ob evolyutsii zemlevladeniya* [Materials on the issue of the evolution of land tenure]. Vol. 1. Perm: tipo-lit. Gennikh.
18. Kaufman, A.A. (1984) *Ocherk krest'yanskogo khozyaystva v Sibiri* [An essay on peasant economy in Siberia]. Tomsk: P.I. Makushin.
19. Khudyakov, V.N. (1986) *Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri v poreformennyy period* [Agrarian policy of tsarism in Siberia in the post-reform period]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Anon. (1891) *Materialy dli izucheniya ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Zapadnoy Sibiri* [Materials for studying the economic life of state peasants and foreigners in Western Siberia]. Vol. 18. St. Petersburg: Tip. Ya.I. Libermana.

21. Druzhinin, N.M. (1946) *Gosudarstvennye krest'yane i reformy P.D. Kiseleva* [State peasants and P.D. Kiselev's reforms]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
22. Zagoskin, M.V. (1891) Odna iz sibirskikh obshchin (selenie Granovskoe) [One of the Siberian communities (Granovskoye village)]. In: *Pamyatnaya knizhka Irkutskoy gubernii na 1891 g.* [Memorial book of the Irkutsk province for 1891]. Irkutsk: [s.n.].
23. Mamsik, T.S. (1977) Obshchinnoe samoupravlenie i vzglyad krest'yan na "mirskuyu" dolzhnost' (po materialam pripisnoy derevni Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XVIII v.) [Communal self-government and the peasants' view of the "worldly" position (based on materials from the ascribed village of Western Siberia in the second half of the 18th century)]. In: *Krest'yanskaya obshchina v Sibiri XVII – nachala XX vv.* [Peasant community in Siberia in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 151–178.
24. Petropalovskiy, I. (1886) *Po Ishimu i Tobolu* [Along the Ishim and Tobol]. Vol. 3(1). Omsk: [s.n.].
25. *Sibirskaya gazeta*. (1885) Obshchinnoe zemlevladenie [Communal land ownership]. 36. pp. 917– 923.
26. *Russkaya beseda*. (1860) Pereselenets. O zemlevladenii v Sibiri [The settler. On land ownership in Siberia]. 1.

***Сведения об авторе*:**
Семиколенов Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и управления Новокузнецкого филиала Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (Новокузнецк, Россия). E-mail: semikolenov.maksim@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Semikolenov Maksim V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management of the Novokuznetsk Branch of the T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: semikolenov.maksim@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.11.2020; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 25.11.2020; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 94(47).084.8
doi: 10.17223/19988613/81/7

Анализ применения наградной системы СССР в отношении бойцов и командиров 24-й армии Донского фронта, отличившихся в ходе проведения Сталинградской битвы

Александр Юрьевич Чмыхало[1], Петр Андреевич Винарский[2]

[1] Томский политехнический университет, Томск, Россия, sanichtom@inbox.ru
[2] Кадетская школа-интернат «Северский кадетский корпус», Северск, Россия, oip71@mail.ru

Аннотация. Осуществлен источниковедческий анализ документов, раскрывающих специфику применения наградной системы СССР в начальный период Великой Отечественной войны. Внимание сосредоточено на анализе документов, посвященных награждению бойцов и командиров 24-й армии Донского фронта, участвовавших в боях, проходивших в рамках Сталинградской битвы с сентября 1942 по январь 1943 г. Анализ архивных документов позволил выявить ряд особенностей применения наградной системы в начальный период войны, а также основания ее дальнейшего развития в военный и послевоенный периоды.
Ключевые слова: Сталинградская битва, Вертячийская операция, Донской фронт, 24-я армия

Для цитирования: Чмыхало А.Ю., Винарский П.А. Анализ применения наградной системы СССР в отношении бойцов и командиров 24-й армии Донского фронта, отличившихся в ходе проведения Сталинградской битвы // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 61–73. doi: 10.17223/19988613/81/7

Original article

Analysis of the use of the USSR award system with respect to the soldiers and officers of the 24th Don front army participating in the Stalingrad battle

Alexander Yu. Chmykhalo[1], Peter A. Vinarskiy[2]

[1] Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, sanichtom@inbox.ru
[2] Seversky Cadet Corps, Seversk, Russian Federation, oip71@mail.ru

Abstract. The purpose of the study was to conduct research of archival documents on rewarding the soldiers and officers of the 24th Army of the Don Front, who took part in the Battle of Stalingrad, as well as to identify problematic aspects and promising areas of study of historical sources characterizing the use and development of the USSR award system during the Great Patriotic War.

The set of sources used in the work included several types of archival documents posted on the "Memory of the People" Internet portal. Mostly, the sources of this study were archival documents on the awarding of the soldiers and officers of the 24th Army excelled during the Battle of Stalingrad. Among them there are the orders of the command of the 24th Army of the Don Front, orders of the commanders of the units that were part of this army, the decrees of the Presidium of the USSR Supreme Soviet, issued both in war and in post-war period.

The scope and nature of the sources determined the specificity of the methodological basis of the research. In the course of the study, statistical analysis methods were used to process the content of award documents, as well as a comparative historical research method, which made it possible to identify the specifics of using the award system in late 1942 - early 1943, the causes and trends of its development.

During the research of the award system functioning and its influence on the soldiers and officers of the Red Army, the most important feature of any military collective was taken into account, namely that its organization was strictly hierarchical, and the position of a soldier in this hierarchy was clearly determined by his rank, military specialty and official position. The application of the method of statistical analysis and the generalization of data on the military occupational specialty and official position of the awarded military personnel made it possible to group the results of processing the contents of orders and to reveal the relationship between the intensity of awarding military personnel, their official position and the military specialty of an awarded. The establishment of these dependencies allowed identifying some trends and features in the application of the USSR award system during the Great Patriotic War.

The authors can state that the USSR award system, which mainly developed in the pre-war period, by the end of 1942 ceased to meet the needs of the time and did not correspond to the scale of the events of the war. It was necessary to make changes to the system of its functioning.

© А.Ю. Чмыхало, П.А. Винарский, 2023

Many problematic aspects in the study of the history of the USSR award system can be reconstructed based on the documents presented on the “Memory of the People” Internet portal. The study allowed to identify a number of gaps in the array of documents that could not be eliminated without further work on the search, study and publication of archival documents devoted to the events of the Great Patriotic War.
Keywords: the Battle of Stalingrad, Don Front, the 24th Army

For citation: Chmykhalo, A.Yu., Vinarskiy, P.A. (2023) Analysis of the use of the USSR award system with respect to the soldiers and officers of the 24th Don front army participating in the Stalingrad battle. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 61–73. doi: 10.17223/19988613/81/7

В памяти многих граждан бывшего Советского Союза образ фронтовика связан с человеком, на военном кителе или гражданском пиджаке которого блестят многочисленные награды. Однако придирчивый взгляд знающих и даже не очень знающих людей подмечал, что среди этих наград значительную долю составляли награды юбилейного характера – «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и т.д. Практически у всех бывших фронтовиков имелась медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а многие из них надевали и награды, появившиеся в послевоенный период, например медаль «Ветеран труда». При этом далеко не все ветераны имели «боевые» награды – орден Славы или Красной Звезды, медали «За отвагу» или «За боевые заслуги». Некоторые ветераны вовсе не имели ни одной «боевой» награды до тех пор, пока в 1985 г. в связи с очередным юбилеем все оставшиеся в живых участники войны в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 11.03.1985 № 2019-XI «О награждении орденом Отечественной войны активных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» не были награждены орденами Отечественной войны 1-й или 2-й степени. Награждение ветеранов юбилейными наградами к очередной годовщине окончания войны продолжилось и в последующие годы. Почему же многие солдаты и офицеры Красной Армии, получив многочисленные ранения и увечья, остались не отмеченными наградами за свою нелегкую и опасную работу по защите Родины, и это при том, что уже в ходе войны наградная система Союза ССР претерпела ряд серьезных изменений, приведших к значительному увеличению как числа наград, так и численности награжденных?

Среди ветеранов достаточно распространено было мнение о том, что награждения осуществлялись кампаниями, по итогам удачно завершившейся военной операции, исходя из распределительно-уравнительного принципа – с учетом должности, партийности, национальности, общественной активности, возраста, социального положения кандидата, а также с ведома особого отдела. При этом особая забота проявлялась в отношении политработников, которые включались в списки в первую очередь. В итоге получалось так, что не человек награждался за совершенный подвиг, а под награду подыскивался человек с соответствующими качествами [1].

Среди исследователей также нет однозначной позиции. Одни связывают данное положение с достаточно драматичным для Советского Союза и его вооруженных сил началом войны и последующими поражениями от германских войск в течение 1941–1942 гг. В условиях, когда войска терпели поражения и отступали, руководство вооруженных сил страны использовало в первую очередь «кнут» в виде штрафбатов, заградотрядов, суровых приговоров военных трибуналов и пр., чтобы мобилизовать силы для отпора врагу. Другие исследователи полагают, что наградная система хоть и выполняла роль стимула для военнослужащих, но вместе с тем была недостаточно гибкой и оперативной, «долгий процесс прохождения наградных бумаг через инстанции, ожидание оказии съездить получить награду обесценивало их. Терялся воспитательный смысл награды» [2].

На этом фоне значительный исследовательский интерес представляют события войны, которые не получили должного освещения в отечественной и зарубежной исторической литературе, однако сыграли ключевую роль в изменении характера Великой Отечественной войны. Одним из таких эпизодов были боевые действия 24-й армии Донского фронта в течение сентября 1942 – февраля 1943 г. в районе севернее Сталинграда, в особенности наступление этой армии в направлении хутора Вертячий в период с 22 по 30 ноября 1942 г. Проведение данного наступления, которое в документах штаба Донского фронта и штаба 24-й армии получило название «Вертячийская операция», было составной частью операции «Уран», направленной на окружение и ликвидацию немецких войск под Сталинградом. Целью Вертячийской операции было ударом войск 24-й армии в направлении хутора Вертячий прорвать оборону противника, захватить переправы через р. Дон в районе данного хутора и изолировать Сталинградскую группировку войск вермахта от Задонской группировки войск. Достижение поставленной цели во многом должно было предопределить успех всей операции «Уран» по разгрому немецких войск под Сталинградом.

Итоги операции оказались не столь оптимистичными, как это предполагало командование армии и Донского фронта. Операция хоть и была завершена со взятием хутора Вертячий, однако не была достигнута главная цель наступления – войска вермахта не были расчленены, а осуществили планомерное отступление, обеспечив отход всей Задонской группировки в районы западнее Сталинграда, и тем самым предопределили весь последующий ход событий Сталинградской битвы. Кроме того, немецкие войска нанесли существенный ущерб войскам 24-й армии, фактически обес-

кровив ее боевые подразделения. За период с 20 по 30 ноября 1942 г. наступающие части 24-й армии потеряли убитыми, ранеными, заболевшими и пропавшими без вести 13 256 человек [3. Д. 10. С. 87] из общего состава частей и подразделений, принимавших участие в операции, в количестве 60 848 человек (без учета численности войск 16-го танкового корпуса) [Там же. С. 82]. Трагический характер развития событий, сопровождавших проведение боев севернее Сталинграда в сентябре–октябре 1942 г, а также в ходе проведения Вертячийской операции, сыграл определенную роль в том, что подробности этих событий не получили должного освещения в отечественных исторических исследованиях, а также в мемуарной литературе. Именно поэтому они не могут не вызывать интереса, в том числе и в контексте рассмотрения истории развития наградной системы СССР в период Великой Отечественной войны.

Причины данного интереса также состоят в том, что, во-первых, по итогам проведения Сталинградской битвы командующий 24-й армией генерал И.В. Галанин был удостоен новой награды, учрежденной 29 июля 1942 г., – ордена Кутузова 1-й степени. 28 января 1943 г. генерал стал кавалером № 1 данного ордена. Во-вторых, Вертячийская операция носила двойственный характер – она складывалась неудачно для войск Красной Армии, 24-я армия понесла большие потери. Но благодаря успешным действиям соседей – войск 65-й армии – одна из целей операции, а именно захват хутора Вертячий и переправ, была достигнута, войска противника отброшены к Сталинграду. 24-я армия приняла в этих событиях самое активное участие. В связи с этим несомненный интерес представляет оценка (в виде наград отличившимся бойцам и командирам) действий войск со стороны вышестоящего командования. В-третьих, Вертячийская операция 24-й армии проводилась в период, когда в применении советской наградной системы произошли очередные изменения. 10 ноября 1942 г. вышел Указ Президиума ВС СССР, в соответствии с которым право награждения некоторыми орденами и медалями от имени Верховного Совета СССР было передано командующим фронтами, армиями, флотилиями, командирам корпусов, дивизий и полков. В значительной степени право награждения перешло от военных советов фронтов и армий к командирам дивизий, бригад и полков. Этот Указ был доведен до войск посредством издания Приказа НКО № 352 от 11 нояюря 1942 г. [2]. Таким образом, операции 24-й армии, отраженные в наградных документах, во многом позволяют воспроизвести исторический контекст формирования тех тенденций в применении и развитии наградной системы СССР, которые получили свое воплощение в последующие годы войны. В-четвертых, изучение наградных документов, раскрывающих действия бойцов и командиров 24-й армии (4-го формирования) в ходе всех боев и операций данной армии с момента ее создания в сентябре 1942 г. до момента окончания Сталинградской битвы в начале февраля 1943 г., может позволить выявить ключевые недостатки применения советской наградной системы в начальный период войны и причины действий руководства страны, направленных на ее изменение и совершенствование.

Особую актуальность настоящему исследованию придает то, что в отечественной исторической литературе до сих пор отсутствуют исследования, содержащие объективную оценку эффективности применения наградной системы СССР в годы войны. В среде фронтовиков давно сформировалась позиция, что наградами отмечали в первую очередь политработников, а также парторгов и комсоргов рот и батарей. «Затем шли доверенные лица особого отдела, работники штабов. Не забывалось и ближайшее окружение тех, кто составлял списки: адъютанты, ординарцы, фронтовые подруги, снабженцы. А уж потом дело доходило и до тех, кто ценой жизни зарабатывал на всю дивизию распределяемые политотделом награды» [1. С. 528]. И хотя в советский и постсоветский периоды было опубликовано достаточно большое количество работ, посвященных наградной системе Советского Союза (например, Володин А.Н., Мерлай Н.М. Медали СССР (СПб., 1997), Дуров В.А. Русские и советские боевые награды (М., 1989), Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР (М., 1983), Смыслов О. История советских наград: 1918–1991 (М., 2007) и др.), в основном в них освещались вопросы, связанные с возникновением наградной системы в СССР, с хронологией и содержанием изменений, вносившихся в наградную систему по мере ее развития, описывались статуты орденов и истории их создания. Авторы подобных изданий практически не вникали в причины вносившихся изменений, в статистику награждений орденами и медалями, в специфику конкретного применения наградной системы в частях действующей армии. Это объясняется не только недоступностью наградных документов для широкого круга исследователей, но и масштабами той поисковой и исследовательской работы, которую нужно было осуществить, чтобы выявить и изучить комплекс наградных документов, характеризующих деятельность конкретного объединения войск (армии) за период в несколько месяцев. На этом фоне несколько контрастирует работа, которая не представляет собой специального исследования, посвященного наградной системе СССР, тем не менее содержит хоть и краткий, но достаточно полноценный анализ награждения военнослужащих за годы Великой Отечественной войны. Речь идет о мемуарах генерала армии С.М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны» [4]. В данной работе приводятся основные количественные показатели награждения военнослужащих, частей и соединений действующей армии орденами и медалями за годы войны и послевоенный период (до 1965 г.), однако источники данных для произведенных расчетов в этой работе не раскрываются.

Новые возможности для исследовательской работы открылись вместе с публикацией комплекса документов периода Великой Отечественной войны, размещенных на интернет-портале «Память народа» (https://pamyat-naroda.ru/). Среди них находятся и наградные документы, изданные командованием 24-й армии и Донского фронта, командирами частей, входивших в состав этой армии, указы Президиума ВС СССР о награждении

бойцов и командиров 24-й армии как в военный, так и в послевоенный период, составившие базу источников настоящего исследования. Масштабы и характер источников определили специфику методологической основы исследования. В ходе исследования были применены методы статистического анализа для обработки содержания наградных документов, а также сравнительно-исторический метод, позволивший выявить специфику применения наградной системы в конце 1942 – начале 1943 г., причины и тенденции ее развития.

Цель настоящего исследования – осуществление источниковедческого анализа документов о награждении бойцов и командиров 24-й армии Донского фронта, принимавших участие в Сталинградской битве, выявление проблемных аспектов и перспективных направлений изучения исторических источников, характеризующих применение и развитие наградной системы СССР в годы Великой Отечественной войны.

Характеристика комплекса архивных документов, содержащих сведения о награждении бойцов и командиров 24-й армии, принимавших участие в боевых действиях в период с сентября 1942 г. по апрель 1943 г.

В рамках настоящего исследования был проведен источниковедческий анализ комплекса архивных документов, раскрывающих особенности применения наградной системы в СССР в период Великой Отечественной войны, который включал в себя следующие виды документов:

– Приказы о награждении, изданные командованием 24-й армии (4-го формирования). Комплекс включает в себя приказы, имеющие порядковые номера с № 01/н от 17.09.1942 до № 082/н от 30.04.1943. В данном перечне документов имеется ряд исключений: во-первых, исследователям не удалось установить наличие приказов № 049/н, 080/н, 081/н, во-вторых, в нумерации приказов имеется одно исключение – 1 января 1943 г. был вторично издан приказ № 01. Таким образом, общее количество приказов о награждении, изданных командованием 24-й армии (4-го формирования) за период ее существования с сентября 1942 г. по апрель 1943 г. составило 80 приказов. Общее количество награжденных в соответствии с данными приказами составило 1 786 человек.

– Приказы командования Сталинградского фронта, содержащие имена бойцов и командиров частей и подразделений 24-й армии за период вхождения армии в состав данного фронта, т.е. с 1 по 30 сентября 1942 г. За этот период командованием фронта были изданы приказы № 20/н, 23/н–27/н, 29/н–32/н, 35/н–40/н, 42/н–44/н, т.е. всего 20 приказов. Общее количество награжденных в соответствии с данными приказами составило 1 382 человека. Однако среди военнослужащих 24-й армии были награждены буквально единицы, в основном из состава танковых бригад, входивших в состав армии.

– Приказы командования Донского фронта, содержащие имена бойцов и командиров частей и подразделений 24-й армии, за период вхождения армии в состав данного фронта, т.е. с 30.09.1942 по 01.02.1943, хотя в приказах фронта бойцы и командиры 24-й армии упоминаются вплоть до начала марта. Имена военнослужащих 24-й армии в приказах фронта о награждении встречаются далеко не во всех приказах. Комплекс включает в себя 120 приказов, имеющих порядковые номера с № 01/н от 02.10.1942 до № 130/н от 09.03.1943. В комплексе документов имеется ряд исключений – отсутствуют приказы за номерами 06/н, 13/н, 15/н, 42/н (вместо приказа с обычной порядковой нумерацией был издан приказ № ОКФ/3/02180), 59/н (вместо приказа с обычной порядковой нумерацией были изданы приказ № ОК/02764 и № ОК/02836), 64/н, 65/н, 75/н, 87/н, 112/н, 117/н–119/н. Общее количество награжденных в соответствии с данными приказами составило 10 108 человек (из них, согласно подсчетам авторов настоящей работы, бойцы и командиры 24-й армии составляли около 2 тыс. человек).

– Приказы командования Центрального фронта за период с 07.03.1943 по 07.04.1943 также могут быть включены в рамки исследуемого комплекса документов. Это обусловлено тем, что 15 февраля 1943 г. Донской фронт был расформирован, а на его основе создан новый Центральный фронт (2-го формирования). Несмотря на то, что многие части и объединения бывшего Донского фронта не вошли в состав Центрального фронта, в том числе и 24-й армия, тем не менее командование фронта продолжило издавать приказы о награждении военнослужащих частей и соединений, ранее входивших в состав Донского фронта. Всего за период с 07.03.1943 по 03.05.1943 было издано более 50 приказов о награждении. Установлено, что в соответствии с некоторыми из них награждались военнослужащие 24-й армии за их участие в Сталинградской битве. Общее количество награжденных бойцов и командиров 24-й армии в соответствии с данными приказами составило не более 200 человек.

– Указы Президиума Верховного Совета СССР за январь–февраль 1943 г., в соответствии с которыми были отмечены наградами бойцы и командиры 24-й армии за участие в боях под Сталинградом. В частности, речь идет об Указе от 28.01.1943, в соответствии с которым командарм-24 И.В. Галанин стал первым кавалером ордена Кутузова 1-й степени, Указах от 04.02.1943, 08.02.1943, 14.02.1943, 01.04.1943, в соответствии с которыми целый ряд бойцов и командиров 24-й армии получили свои награды. Общее количество награжденных военнослужащих 24-й армии составило несколько десятков человек.

– Приказы командиров соединений и частей, входивших в состав 24-й армии на момент введения в действие Указа ПВС СССР от 10.11.1942, а именно: 84-й, 120-й, 173-й, 214-й, 273-й, 233-й, 260-й, 298-й стрелковых дивизий и входивших в их состав стрелковых и артиллерийских полков, 10-й танковой бригады, 107-й, 109-й танковых бригад 16-го танкового корпуса, 5-го гвардейского артиллерийского полка РГК, 135-го гаубичного полка РГК, 1101-го и 1158-го пушечных артиллерийских полков РГК, 297-го артиллерийского полка ПВО, 132-го отдельного полка связи. Не были обнаружены приказы по следующим соединениям и частям

24-й армии: 164-я танковая бригада, 833-й гаубичный полк РГК, 1100-й артиллерийский полк РГК, 319-й и 435-й истребительные противотанковые полки, 2-й, 23-й, 57-й, 94-й гвардейские минометные полки. Кроме того, комплекты приказов соединений и частей 24-й армии, представленные на сайтах Министерства обороны РФ, содержат значительные пробелы в порядковых номерах приказов о награждении.

Более наглядно ситуацию о представленности приказов на сайтах МО РФ характеризуют сведения из табл. 1.

Таблица 1

Наличие приказов о награждении частей и соединений, входивших в состав 24-й армии за период с ноября 1942 г. по март 1943 г., представленных на сайте МО РФ «Память народа»

Соединения и части 24-й армии	Приказы, имеющиеся в наличии	Кол-во награжденных, чел.	Вероятные номера приказов, наличие которых не установлено
15 сп 49 сд	02/н	13	01/н
212 сп 49 сд	01/н, 04/н	18	02/н–03/н
31 ап 49 сд	01/н	32	–
84 сд	09/н	180	01/н–08/н
201 сп 84 сд	01/н–12/н, 014/н–017/н	184	013/н
41 сп 84 сд	02/н, 06/н–07/н, 18/н–19/н	62	01/н, 03/н–05/н, 08/н–017/н
382 сп 84 сд	02/н–03/н, 07/н–015/н	72	01/н, 04/н–06/н,
74 ап 84 сд	02/н–06/н	104	01/н
120 сд	01/н, 06/н–07/н	97	02/н–05/н
538 сп 120 сд	01/н–04/н, 07/н–09/н	58	05/н–06/н
289 сп 120 сд	01/н–03/н, 05/н, 07/н–08/н	60	04/н, 06/н
543 сп 120 сд	01/н–09/н (08/н – два приказа)	70	–
1033 ап 120 сд	1/н–4/н	97	–
1311 сп 173 сд	1/н (два приказа)–3/н, 5/н–11/н	132	4/н
1313 сп 173 сд	1/н–16/н	126	–
1315 сп 173 сд	1/н–13/н	168	–
979 ап 173 сд	1/н–4/н	118	–
214 сд	03/н	3	01/н–02/н
776 сп 214 сд	2/н–16/н	168	01/н
780 сп 214 сд	2/н–12/н	100	01/н
788 сп 214 сд	01/н–013/н	161	–
683 ап 214 сд	01/н–05/н	119	–
233 сд	01/н, 05/н–08/н, 011/н, 016/н–017/н	44	02/н–04/н, 09/н–010/н, 012/н–015/н
572 сп 233 сд	01/н–09/н	43	–
703 сп 233 сд	01/н, 06/н	13	02/н–05/н
734 сп 233 сд	01/н–07/н	49	–
684 ап 233 сд	04/н–05/н	35	01/н–03/н
260 сд	01/н, 05/н, 08/н	45	02/н–04/н, 06/н–07/н
1026 сп 260 сд	01/н–02/н, 04/н, 07/н–08/н	20	03/н, 05/н–06/н
1028 сп 260 сд	03/н–04/н, 06/н	35	01/н–02/н
1030 сп 260 сд	02/н–05/н, 010/н–011/н	17	01/н, 06/н–09/н
738 ап 260 сд	01/н–04/н	15	–
273 сд	02/н–03/н, 06/н, 014/н	68	01/н, 04/н–05/н, 07/н–013/н
967 сп 273 сд	01/н–08/н	77	–
969 сп, 273 сд	2/н–5/н, 7/н–9/н	53	1/н, 6/н
971 сп 273 сд	05/н–07/н, 09/н–011/н	129	01/н–04/н, 08/н
812 ап 273 сд	01/н–05/н, 07/н, 012/н–014/н	96	06/н, 08/н–011/н
298 сд	08/н	34	01/н–07/н
886 сп 298 сд	01/н–02/н, 04/н–06/н	21	03/н
888 сп 298 сд	01/н, 03/н	16	02/н
892 сп 298 сд	01/н–03/н	56	–
828 ап 298 сд	01/н–02/н	39	–
10 тбр	02/н–03/н	11	01/н
16 тк	01/н, 03/н	18	02/н
107 тбр 16 тк	02/н–03/н, 05/н, 07/н	66	01/н, 04/н, 06/н
109 тбр 16 тк	01/н–06/н	67	–
15 мср 16 тк	02/н	13	01/н
9 отд. гв. тп	01/н–05/н	44	
5 гв. ап РГК	01/н–02/н, 04/н, 06/н–07/н	60	03/н, 05/н
135 гап РГК	01/н–03/н, 05,	34	04/н
1101 пап РГК	1–2	22	–
1158 пап РГК	1/н–2/н	27	–
297 арм. полк ПВО	02/н–03/н	4	01/н
132 отд. полк связи	01/н–07/н	39	–
Всего	296 приказов	3 452 человек	117 приказов

Примечание. Сокращения: сд – стрелковая дивизия, сп – стрелковый полк, ап – артиллерийский полк, мсбр – мотострелковая бригада, тк – танковый корпус, тбр – танковая бригада, тп – танковый полк, пап – пушечный артиллерийский полк, гап – гаубичный артиллерийский полк.

Таким образом, в среднем каждый приказ командиров соединений и частей 24-й армии о награждении содержит не менее 12 имен награжденных. Если предположить, что пропущенные номера приказов о награждении все же имеются в наличии, то они должны содержать еще около 1 400 имен награжденных, т.е. итог может составить около 4 852 награжденных в соответствии с данными приказами;

Постепенное увеличение числа награжденных бойцов (с конца 1942 г.), находящихся в действующей армии, все резче контрастировало с практически полным отсутствием награжденных среди инвалидов, демобилизованных из Красной Армии в начальный период войны по причине полученных ранений и увечий. Установлено, что уже в течение 1944 г. военкоматами начала проводиться подготовка документов о представлении бывших бойцов и командиров Красной Армии к наградам за их участие в боевых действиях. На их основе в начале 1945 г. выходят приказы командования фронтов о награждении бывших бойцов и командиров частей и соединений, в том числе и тех, кто воевал в составе 24-й армии Донского фронта. Установлено наличие имен бывших бойцов 24-й армии в приказах по 1-му Белорусскому фронту (№ 406/н от 08.01.1945, № 416/н от 23.01.1945), по Ленинградскому фронту (№ 538/н от 31.03.1945, № 901/н от 30.06.1945, №914/н от 30.06.1945). Однако самое значительное количество награждений было осуществлено указами Президиума Верховного совета СССР (ПВС СССР) о награждении бывших бойцов и командиров Красной Армии, вышедшими в течение 1945–1951 гг., а именно: Указом ПВС СССР от 21.02.1945, Указом ПВС СССР от 06.11.1945, Указом ПВС СССР № 221 от 14.04.1945, Указом ПВС СССР № 204 от 06.08.1946, Указом ПВС СССР № 223 от 06.11.1947, Указом ПВС СССР № 209 от 30.05.1951. В соответствии с этими указами были награждены десятки тысяч человек. Для установления точного их числа необходимо проведение отдельного исследования, поскольку каждый указ включал в себя несколько десятков и даже сотен имен. Так, имена бывших бойцов и командиров 24-й армии упоминаются в списках Указа от 06.11.1947 за номерами 223/42, 223/86, 223/87, 223/105, 223/139 и пр. Эти источники несколько контрастируют с данными, которые приводятся в мемуарах С.М. Штеменко, где указано, что послевоенные награждения производились в течение 1946–1948 гг. [4. С. 255]. Однако в ходе исследования авторы установили, что издание приказов о массовом награждении бывших бойцов и командиров Красной Армии продолжалось как минимум до 1951 г.

Всего в соответствии с указами Президиума Верховного Совета Союза ССР, приказами командования Донского и Центрального фронтов, армии, частей и соединений, входивших в состав 24-й армии, в годы войны, по авторской оценке, было награждено около 10 тыс. человек.

Таким образом, база источников исследования охватывает значительный объем документов, позволяющий на примере награждения бойцов и командиров 24-й армии Донского фронта, принимавших участие в осенне-зимних боях конца 1942 г. – начала 1943 г., раскрыть особенности применения наградной системы СССР в действующей армии в переходный период (с осени 1942 до весны 1943 г.).

Приказы о награждении отличившихся бойцов и командиров, характеристика методики исследования

Подход, связанный с исследованием и обобщением материалов, содержащихся в приказах о награждении, не представляет собой чего-то принципиально нового в изучении данного рода источников. Уже в годы войны официально собиралась и обобщалась статистическая информация о составе награждаемых лиц. Вплоть до середины октября 1942 г. статистические данные собирались посредством заполнения и приложения к каждому приказу о награждении справки по форме ЦТ НКО.1201–42. Согласно данной форме отдельному учету подлежала следующая информация о награждаемых бойцах и командирах: количество раненых и убитых среди награжденных, распределение награждаемых каждой наградой в отдельности по следующим категориям состава – комсостав, политсостав, военинженеры и техники, медсостав, адмсостав, санитары и санинструкторы, младшие командиры, красноармейцы, партизаны и гражданские работники.

По всей видимости, сведения, которые позволяла получить данная форма справки, оказались весьма скудными и недостаточно репрезентативными для оценки эффективности применения наградной системы. Начиная со второй половины октября 1942 г. приказы о награждении стали комплектоваться двумя видами справки:

а) Справка к приказу. Форма 1. ЦТ НКО.3833–42, которая в целом повторяла содержание ранее использовавшейся формы справки ЦТ НКО.1201–42,

б) Справка к приказу. Форма 2. ЦТ НКО.3833–42, демонстрировавшая распределение награжденных по родам войск, которые они представляли, а именно: пехота, артиллерия, кавалерия, авиация, бронетанковые, части связи, инженерные части, госпитали, остальные части и учреждения.

В течение 1943–1944 гг. содержание справок по формам 1 и 2 в целом сохранилось, но дополнялось по мере включения новых орденов в состав наградной системы страны и расширения прав должностных лиц награждать подчиненных им бойцов и командиров. Однако даже использование двух форм справок вряд ли могло привести к существенному изменению полноты и репрезентативности собираемой информации о награжденных, поскольку сведения, получаемые с помощью справок, имели весьма общий характер. Например, в раздел «комсостав» справки по форме 1 могли быть включены все командиры, имевшие звание от младшего лейтенанта до маршала, а распределение по родам войск в соответствии со справкой по форме 2 не учитывало существенную разницу между пехотинцем стрелковых частей и стрелком подразделения по охране штаба, артиллеристом противотанковой артиллерии и артиллеристом частей ПВО, танкистом легко-

го танка Т-60 и техником роты технического обеспечения и т.д. Во многом именно этим можно объяснить наличие многочисленных ошибок при составлении справок, а также некомплектность данными справками многих приказов частей и соединений.

Вместе с тем сбор сведений с помощью справок позволял получить некоторые сведения, которые, по всей видимости, сыграли определенную роль в дальнейшем развитии и применении наградной системы СССР. С течением времени стало очевидно главное – количество награжденных чрезвычайно мало в сравнении с общей численностью Красной Армии, а командование армий и фронтов не способно оперативно выявлять и награждать всех отличившихся в боях бойцов и командиров, особенно в тех подразделениях, которые непосредственно участвуют в боях на переднем крае. Постепенное введение в действие в 1942–1945 гг. новых нормативных актов, касавшихся структуры и применения наградной системы, привело к формированию нескольких тенденций в эволюции наградной системы СССР за годы войны, а именно: должно было увеличиться общее количество награждаемых бойцов и командиров; расширялись круг должностных лиц и их права по награждению подчиненных им бойцов и командиров; расширялся перечень наград и дифференцировалась область их применения при награждении; смещался акцент в представлении к наградам в сторону рядового, сержантского и старшинского состава Красной Армии.

Выявление данных тенденций не составляет чего-то принципиально нового в отечественной исторической мысли, поскольку они уже неоднократно отмечались и иллюстрировались исследователями [2]. Именно поэтому потребовалось изменить методику исследования приказов о награждении, что позволило бы выявить и оценить развитие глубинных процессов, связанных с основами существования наградной системы в любом государстве. В частности, речь идет о таких важнейших функциях наградной системы, как социально-регулятивная, ценностно-ориентирующая, мотивирующая, воспитательная [5], которые государство реализует посредством данной системы в отношении собственных граждан.

В исследовании функционирования наградной системы и ее влияния на бойцов и командиров Красной Армии необходимо учитывать важнейшую особенность любого воинского коллектива, состоящую в том, что его организация носит строго иерархический характер, а положение военнослужащего в этой иерархии четко определяется его званием, военной специальностью и должностным положением. В приказах о награждении, помимо обязательных реквизитов, характерных для любого делопроизводственного документа, таких как номер и дата документа, авторство документа и пр., содержалась достаточно лаконичная по своему содержанию информация о награждаемых лицах – фамилия, имя, отчество, звание и занимаемая должность военнослужащего, которая определялась его военно-учетной специальностью. Применение метода статистического анализа позволило использовать данные о военно-учетной специальности и должностном положении награжденных военнослужащих, сгруппировать результаты и выявить зависимость между интенсивностью награждений, должностным положением и военно-учетной специальностью награжденного. Выявление данных зависимостей, в свою очередь, позволило указать на некоторые тенденции и особенности в применении наградной системы в годы войны.

Здесь необходимо внести пояснение термина «военно-учетная специальность». Военно-учетная специальность – это военная специальность военнослужащего и военнообязанного для его учета и использования в военном деле. В довоенный и военный периоды разрабатывались и были утверждены перечни военно-учетных специальностей РККА. Однако исследователям не удалось обнаружить в свободном доступе перечней, изданных в период Великой Отечественной войны. Из довоенных изданий доступен «Перечень военно-учетных специальностей РККА», содержащий сведения о специальностях младшего командного, начальствующего, а также рядового состава РККА, утвержденный начальником ГШ 04.11.1937 [6]. В целом данный перечень сохранял свою актуальность и в период Великой Отечественной войны, что позволяет использовать данный документ в процессе исследования. Исследователям не удалось обнаружить перечень военно-учетных специальностей среднего и высшего командного состава, хотя его наличие не вызывает сомнений, поскольку ссылки на существование такого перечня и отдельные его положения содержатся в целом ряде документов, размещенных на сайте «Память народа». Отсутствуют и перечни специальностей должностных лиц, представлявших органы государственной безопасности, военной прокуратуры, военных трибуналов. Кроме того, потребовалось учитывать и то обстоятельство, что ход войны постоянно вносил коррективы, связанные с появлением новых систем вооружения и техники и снятием с вооружения старых систем, что также влияло на изменение структуры военно-учетных специальностей и должностного положения военнослужащих. Также следует не забывать и о том, что подготовка и степень компетентности административного аппарата в войсках была различной, что приводило к появлению в документах многочисленных ошибок и противоречий. Именно поэтому в процессе проведения статистического анализа данных о должностном положении и военно-учетной специальности награжденных военнослужащих потребовалось отдельно выделять специальности, не указанные в перечне 1937 г., и корректировать очевидные противоречия и неточности в их написании в приказах о награждении.

В итоге было выделено 14 макрогрупп награжденных среди военнослужащих 24-й армии, принадлежность которых к определенному роду войск не в полной мере соответствует «Перечню военно-учетных специальностей РККА», однако их названия позволяют более репрезентативно раскрыть профессиональный состав награжденных военнослужащих, а именно: пехота; артиллерия; автобронетанковые войска; ПВО; инженерные войска; части связи; химические войска; медицинская и ветеринарная служба; ВОСО; хозяй-

ственная часть и обслуживающий состав; подразделения охраны, армейские заградотряды и заградбатальоны; особые отделы НКВД; политический состав; авиация.

Далее в рамках данных макрогрупп награжденных военнослужащие дифференцировались в соответствии с теми военно-учетной специальностью и должностным положением, которые указаны в приказе о награждении.

Значительный объем источников не позволяет привести результаты статистического анализа всего их объема. Часть источников не выявлена и не может быть представлена исследователями полностью (например, не обнаружены отдельные приказы о награждении ряда соединений и частей, входивших в состав 24-й армии). Именно поэтому в рамках данной статьи представлены только результаты количественного и качественного анализа информации, содержащейся в приказах о награждении, изданных командованием 24-й армии Донского фронта, комплекты которых представлены практически в полном объеме на сайте МО РФ «Память народа».

24-я армия Донского фронта: состав войск армии за период с сентября 1942 г. по февраль 1943 г.

Раскрывая вопрос о характере применения наградной системы СССР в отношении бойцов и командиров 24-й армии, отличившихся в ходе Сталинградской битвы, необходимо дать представление об изменениях в численном составе армии вследствие потерь и пополнений, движении воинских соединений и частей армии за указанное время.

24-я армия была сформирована 1 сентября 1942 г. на основании директивы Ставки ВГК № 994171 от 27.08.1942 на базе 9-й резервной армии в составе Сталинградского фронта [7]. С 30 сетнября 1942 г по 1 февраля 1943 г. входила в состав Донского фронта. По распоряжению Ставки ВГК от 26.01.1943 № 46004 управление 24-й армии вместе с армейскими частями обеспечения выведено в резерв Ставки ВГК [8. Д. 49. С. 3]. На основании директивы Ставки ВГК от 16.04.1943 № 46120 с 5 мая 1943 г. 24-я армия преобразована в 4-ю гвардейскую армию [Там же. С. 17].

В составе материлов, хранящихся в ЦАМО, имеется комплекс документов, позволяющих достаточно точно проследить изменения в составе и численности частей 24-й армии за период с 1 сентября 1942 г. по конец апреля – начало мая 1943 г., который включает в себя следующие документы: карточки учета численного и боевого состава боевых частей 24-й армии [9]; журнал боевых действий Донского фронта за периоды с 01.09 по 30.09.1942 [10], с 01.10 по 31.10.1942 [11], с 01.11 по 30.11.1942 [12], с 01.12 по 31.12. 1942 [13], с 01.01 по 05.02.1943 [14]; журнал боевых действий 24-й армии за периоды с 01.10 по 31.10.1942 [15], с 02.11 по 30.11.1942 [16], с 01.12 по 31.12.1942 [17], с 01.02 по 05.05.1943 [18], а также ряд отдельных документов (справки, перечни).

Данный комплекс документов характеризуется наличием ряда лакун и противоречий в представлении численного состава частей и соединений 24-й армии, особенно в течение сентября 1942 г. В частности, отсутствуют документы, характеризующие изменения в численном составе армии в течение месяца, сведения о составе прибывших и убывших частей, о пополнении. Это обстоятельство потребовало проведения дополнительного исследования по выявлению и учету движения частей и соединений армии. Основные изменения в составе частей и соединений 24-й армии за период с 01.09.1942 по 27.01.1943 представлены в табл. 2 (преобразования в составе армии в последующий период не учтены по причине вывода армии в резерв Ставки ВГК).

Таблица 2

Движение воинских соединений и частей в составе 24-й армии за период с 01.09.1942 по 26.01.1943

Период	Состав на начало периода	Прибыло в состав армии	Убыло из состава армии
01.09.42–30.09.42	173, 207, 221, 292, 308 сд; 217 тбр; 1166 пап; 272 гап; 136 минп; 383, 435 иптап; 247, 278 ап ПВО	24, 49, 87, 116, 231, 233, 315, 343 сд; 38, 39, 41 гв. сд; 3, 12, 24, 69, 91, 167, 217, 241, 246 тбр; 1158, 1107 пап; 7 гв. ап; 1184 иптап; 61 бат-он ПТР	24, 87, 173, 207, 221, 292, 308, 315 сд; 39 гв. сд; 3, 12, 24, 217 тбр; 272 гап; 435 иптап;
01.10.42–31.10.42	38, 41 гв. сд; 49, 116, 231, 233, 343 сд; 69, 91, 167, 241, 246 тбр; 7 гв. ап, 1107, 1158, 1166 пап, 136 минп, 383, 1184 иптап, 247, 278 ап ПВО; 61 бат-он ПТР	27 гв. сд, 173, 207, 214, 221, 258, 260, 273, 292, 298, 316 сд; 54 УР; 10, 12, 114 тбр; 5 гв. ап, 135 гап, 1100, 1101, 1162 пап; 281, 579, 581 ап ПВО, 48 отд. инж. бат, 239 мотоинж бат.	27, 38, 41 гв. сд; 49, 116, 231, 343 сд; 12, 69, 91, 114, 167, 241, 246 тбр; 7 гв. ап, 1107, 1162, 1166 пап; 136 минп; 383,468, 501, 1184, 1189 иптап; 247, 278, 579 ап ПВО
01.11.42–30.11.42	173, 214, 221, 233, 258, 260, 273, 292, 298 сд; 54 УР; 10 тбр; 5 гв. ап, 135 гап; 1100, 1101, 1158 пап; 391, 435 иптап, 281, 579 ап ПВО; 58, 61 бат-он ПТР	49, 84, 120 сд; 8, 9 гв. отпп, 101, 833 гап; 297 ап ПВО; 16 тк: 107, 109, 164 тбр, 15 мсбр; 23, 57, 94 гмп	207, 221, 258, 316 сд; 42, 483 отд лин. бат-он св.
01.12.42–31.12.42	49, 84, 120, 173, 214, 233, 260, 273, 298 сд; 54 УР; 16 тк: 107, 109, 164 тбр, 15 мсбр, 10 тбр, 8, 9 гв. отпп; 5 гв ап, 135, 833гап, 1100, 1101, 1158 пап, 23, 57, 94 гмп, 391, 435 иптап; 281, 297 ап ПВО, 58, 61 бат-он ПТР	101 гап	120, 173, 214, 233, 298 сд; 3, 5 арм. загр. отр.; 58, 61 бат-он ПТР; 5 гв. ап, 1100, 1101 пап; 101, 135, 833 гап, 391, 435 иптап; 281 ап ПВО, 10 тбр, 9 гв. отпп;
01.01.43–25.01.43	49, 84, 214, 233, 260, 273 сд, 54 УР, 8 гв. отпп; 1158 пап, 406 ад БМ; 23, 57, 94 гмп, 297 ап ПВО	406 ад БМ	214, 233 сд; 23 гмп, 406 ад БМ
25.01.43–26.01.43	49, 84, 214, 233, 260, 273 сд, 54 УР, 8 гв. отпп; 1158 пап, 406 ад БМ; 57, 94 гмп, 297 ап ПВО	прибывших частей не было	84, 260, 273 сд, 54 УР; 8 гв. отпп; 57, 94 гмп; 1158 пап, 297 ап ПВО

Таблица 3

Изменения в численном составе 24-й армии вследствие потерь и пополнений, движения воинских соединений и частей за период с 01.09.1942 по 26.01.1943

Период	Численность на начало периода	Прибыло в составе частей и соединений	Убыло в составе частей и соединений	Потери	Пополнение	Всего прошло через состав армии (нарастающим итогом)
01.09.42–30.09.42	54 652	~ 43 000	~ 34 000	41 198	~18 000	~ 115 652
01.10.42–31.10.42	41 337	56 000	50 817	9 622 (10 864)	13 658	185 310
01.11.42–30.11.42	49 314	14 739 (19 309 с 16 тк)	16 458	13 152(14 860)	10 258	210 307 (214 875)
01.12.42–31.12.42	56 519	–	25 571 (29 355 с 16 тк)	10 849	7 189	217 496 (224 685)
01.01.43–24.01.43	30 842	~ 250	~ 7 000	4 571	–	217 746 (224 935)
25.01.43–26.01.43	19 536	–	–	–	–	217 746 (224 935)
Всего		113 989 (118 557)	133 846 (137 630)	79 392 (82 342)	49 105	217 746 (224 935)

Примечание. По причине отсутствия отчетных документов за сентябрь 1942 г. о движении частей и соединений в составе 24-й армии, а также о количестве прибывшего пополнения, данные, приведенные в таблице, являются расчетными. Потери частей и соединений 24-й армии указаны на основании Журнала боевых действий Донского фронта (в скобках – по данным из Журнала боевых действий 24-й армии). Данные о численности армии, прибывших и убывших частях и соединениях, потерях и пополнении приведены из источников, указанных выше.

После вывода из состава Донского фронта, с 27 января 1943 г., постепенно из 24-й армии исключались оставшиеся в ее подчинении части и соединения. Преобразование 24-й армии в 4-ю гвардейскую армию привело к полному обновлению состава ее частей и соединений и замене их гвардейскими частями и соединениями.

Анализ данных, содержащихся в указанных выше архивных документах, позволяет раскрыть изменения в численном составе армии (табл. 3).

Таким образом, можно констатировать, что за период участия 24-й армии в боевых действиях в составе Сталинградского и Донского фронтов в течение сентября 1942 – мая 1943 г. (до начала активных боевых действий армии в составе Центрального фронта) на награды за совершенные подвиги и по совокупности заслуг перед Родиной могли претендовать не менее 217 тыс. бойцов и командиров Красной Армии.

Соотнесение представленных данных о численном составе 24-й армии с количеством награжденных показывает, что не более 3,7% бойцов и командиров, прошедших через состав армии за период с сентября 1942 г. по январь 1943 г. и участвовавших в боях на различных этапах Сталинградской битвы, были отмечены орденами и медалями в годы войны. Можно полагать, что руководство страны располагало сведениями, которые говорили о том, что наградная система не затрагивает большую часть личного состава Красной Армии, а потому практически не выполняет возложенных на нее функций. В связи с этим в ноябре–декабре 1942 г. были предприняты меры, которые должны были резко увеличить количество награжденных орденами и медалями в составе действующей армии. Командование частей и соединений было наделено правом награждать своих подчиненных, а также был расширен перечень наград, предназначенных для массового награждения (22 декабря 1942 г. были учреждены медали «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда»). При этом если первые две медали не стали массовыми по известным причинам (30 тыс. и 50 тыс. награжденных соответственно), то последние две получили широкое распространение (1 470 тыс. и 760 тыс. соответственно) [19. С. 76–79].

Не только стремление расширить возможности командования Красной Армии награждать орденами и медалями отличившихся бойцов стало причиной произведенных в конце 1942 г. реформ наградной системы. Можно полагать, что все более очевидными становились и диспропорции в представлении к награждению лиц определенных категорий (должностных и профессиональных). Здесь уже упоминалось о том, что среди фронтовиков достаточно широко было распространено мнение, что в годы войны в первую очередь награждались политработники, работники штабов и особых отделов [1. С. 528]. Действительно ли оно имело под собой объективную основу? С целью проверки данной гипотезы мы проанализировали приказы о награждении отличившихся бойцов и командиров, изданные командованием 24-й армии Донского фронта за период с 17.09.1942 по 30.04.1943.

Приказы командования 24-й армии Донского фронта о награждении отличившихся бойцов и командиров за период с сентября 1942 г. по апрель 1943 г.: количественный и качественный анализ

Комплекс приказов о награждении, изданных и подписанных командованием 24-й армии за период с 17.09. 1942 (приказ № 01/н) по 30.04.1943 (приказ № 082/н), хранящихся в фондах ЦАМО, включает в себя 80 приказов. Анализ содержания данных приказов с целью выявления принадлежности награжденных к определенному роду войск привел к результатам, представленным в табл. 4. Характеризуя качественный состав награжденных в соответствии с приказами командования 24-й армии, необходимо указать на некоторые специфические особенности процесса награждения, которые в значительной степени влияли на профессиональный состав награждаемых:

Во-первых, необходимость ведения учета награжденных в соответствии с требованиями Справки к при-

казу по форме 1 (ЦТ НКО.3833–42) определила то, что при составлении приказов пытались включать в список представителей различных категорий командного состава, младшего командного состава и рядовых бойцов примерно в равной пропорции. Даже если речь шла о награждении представителей особого отдела, то в приказы о награждении включали не только высших должностных лиц, но и рядовых сотрудников. Например, в течение октября 1942 г. в соответствии с приказами по армии были награждены лица, занимавшие следующие должности: начальник особого отдела дивизии, заместитель начальника особого отдела дивизии, оперуполномоченный особого отдела дивизии, следователь особого отдела дивизии, командир отделения особого отдела, красноармеец особого отдела, машинистка особого отдела дивизии и стрелок заградительного отряда НКВД.

Во-вторых, необходимость учета награжденных в соответствии с требованиями Справки к приказу по форме 2 (ЦТ НКО.3833–42) обусловливала стремление включать в списки награждаемых представителей нескольких родов войск, а не только самых многочисленных – пехоты, артиллерии, бронетанковых войск.

В-третьих, постепенно, но все более отчетливо проявляла себя практика награждения тех или иных должностных лиц определенными наградами. Так, к концу 1942 – началу 1943 г. практически перестали награждать военнослужащих боевых подразделений медалью «За боевые заслуги». Она становится наградой военнослужащих из обслуживающего состава армии.

Безусловно, были и другие обстоятельства, которые в значительной степени влияли на то, что военнослужащие определенных должностей и профессий чаще всего оказывались среди награжденных. Итоги анализа распределения награжденных в соответствии с военно-учетной специальностью и должностным положением слишком обширны и не могут быть представлены в полном объеме в рамках настоящей статьи. Представим результаты лишь по наиболее многочисленным группам (родам войск) награжденных, таким как пехота, автобронетанковые, артиллерия, войска связи, медицинская служба и политический состав (табл. 5).

Таблица 4

Распределение награжденных бойцов и командиров 24-й армии по их принадлежности к роду войск

№ п/п	Род войск	1942 г.				1943 г.				Итого
		09	10	11	12	01	02	03	04	
1	Пехота	4	134	84	33	47	6	8	5	321
2	Автобронетанковые войска	22	66	37	43	19	20	14	2	223
3	Артиллерия	3	132	99	36	6	43	16	7	342
4	Пво	11	23	11	9	–	4	–	–	58
5	Инженерные войска	8	22	12	27	25	10	–	–	104
6	Части связи	1	114	57	12	15	52	17	3	271
7	Химические войска	–	2	–	–	–	–	1	–	3
8	Мед. и ветеринарная служба	1	40	31	10	10	12	33	3	140
9	Подразделения охраны	1	4	3	–	1	16	4	–	29
10	Хозяйственная часть	–	13	18	3	4	19	27	5	89
11	Особые отделы НКВД	–	11	9	25	2	1	–	1	49
12	Политический состав	3	41	18	20	9	11	22	3	127
13	Восо	–	–	8	1	2	–	1	–	12
14	Авиация	–	–	–	–	6	11	1	–	18
	Всего	54	602	387	219	146	205	144	29	1 786

Таблица 5

Наибольшее количество награжденных военнослужащих 24-й армии в соответствии с ВУС и должностью

Род войск	Состав	ВУС	Должность	1942 год				1943 год				Итого
				09	10	11	12	01	02	03	04	
Пехота	Командный	Командиры	Ком. стрелкового бат-она		2	2	4	1		2		11
			Ком. стрелкового взвода	1	13	6	2	1				23
			Другие									82
	Младший командный и рядовой (МК и НС и рядовой)	Стрелки	Ком. стрелк. отделения	2	26	6		1				35
			Стрелок		14	7						21
			Разведчик	1	2	15	4				4	26
			Другие									60
		Пулеметчики	Ком. пулем. отделения		2	2		12				16
			Пулеметчик станковый		9	2		6				17
			Другие									11
Автобронетанковые	Командный	Шоферы автомашин	Ком. взвода автороты		4				2		1	7
			Другие									6
	МК и НС и рядовой		Шофер	3	18	16		6	12	4	1	60
			Другие									21
	Командный	Трактористы	Ком. тракторного взвода							2		2
	МК и НС и рядовой		Тракторист			1		5	1	2		9
			Другие									4
	Командный	Танкисты	Ком. танкового взвода	1	4		6					11
			Командир танка	5	4	1	3	1				14
			Другие									18

Окончание табл. 5

Род войск	Состав	ВУС	Должность	1942 год				1943 год				Итого
	МК и НС и рядовой		Командир башни / орудия		5	1	9					15
			Механик-водитель	5	7	6	10	1				29
			Другие									27
Артиллерия	Командный	Мелкокалиберная / ИПТ	Ком. огневого взвода		1	2	1					4
			Другие									4
	МК и НС и рядовой		Командир орудия	2	6	3	2	1		2	1	17
			Другие									17
	Командный	Полевая артиллерия	Командир батареи		8	5	7	1	5	1	2	29
			Командир огневого взвода		3	5	3		1	2		14
			Другие									38
	МК и НС и рядовой		Командир орудия		13	8	2	1				24
			Наводчик		16	12	3	1				32
			Номер орудийный		9	15	1					25
			Другие									70
	Командный	Минометчики	Ком. минометного взвода		6	2	1					9
			Другие									16
	МК и НС и рядовой		Минометчик		9	4						13
			Другие									30
Части связи	Командный	Связисты / телеграфисты	Ком. взвода связи сп/ап		9	4			2	1		16
			Другие									33
	МК и НС и рядовой		Ком. отделения связи сп/ап		16	6	1	1	1			25
			Телефонист		46	21	1	1	7			76
			Связист		24	10	2		1			37
			Линейный надсмотрщик		1	3		7	14	3	1	29
			Другие									55
Медицинская служба	Командный	Медицинский персонал боевых частей	Ком. санитарной роты		3		1					4
			Ком. санитарного взвода		1	2	1					4
			Другие									15
	МК и НС и рядовой		Фельдшер		7	3				1		11
			Санитар / мед. сестра	1	14	20	2	1	3	7		48
			Другие			1						2
	Командный	Медицинский персонал госпиталей	Врач-ординатор		3					2		5
			Другие									13
	МК и НС и рядовой		Медсестра		4	1		2	2	5		14
			Санитар			1	1	4	2			8
			Другие									5
Политический состав	Армия		Инструктор политотдела							1		1
			Другие									5
	Дивизия		Агитатор политотдела		1		1			4		6
			Другие									11
	Полк / батальон		Военком/ зам. ком. по п/ч		3	1	10	4	5	3	1	27
			Отв. секретарь ВЛКСМ		4	3		1		1		9
			Другие									11
	Рота / батарея		Политрук роты	1	9	7	3	1	1	1		23
			Военком батареи		8	3	1		4	3		19
			Зам. политрука		7	2	5	1				15

Анализ результатов обработки приказов о награждении, изданных командованием 24-й армии за период с сентября 1942 г. по апрель 1943 г., позволил выявить ряд особенностей применения наградной системы СССР в отношении отличившихся бойцов и командиров в переходный период (от оборонительных боев лета–осени 1942 г. к наступательным действиям конца 1942 – начала 1943 г.). Было установлено, во-первых, что военнослужащие-пехотинцы, хоть и составлявшие основную часть боевого состава армии (см. табл. 2), тем не менее оказались не самой многочисленной группой среди награжденных воинов. Большую часть награжденных составляли артиллеристы. При этом если учесть доли подразделений каждого рода войск в составе частей и соединений 24-й армии, то доля пехотинцев среди награжденных будет еще меньше. Очевидно наличие определенного противоречия, заключающегося в том, что, с одной стороны, пехотинцы составляли большинство личного состава армии и несли наибольшие потери в ходе Сталинградского сражения, с другой стороны, командование армии по каким-то причинам не смогло в полной мере оценить этот жертвенный подвиг десятков тысяч солдат.

Во-вторых, дифференциация награжденных по их принадлежности к определенному ВУС и должностному положению позволяет выявить приоритет, который командование Красной Армии придавало тем или иным родам войск на определенном этапе войны. В связи с этим не должно вызывать удивление, что в условиях введения в действие приказа № 227 роль военнослужащих, представлявших политсостав и органы НКВД, была весьма значимой, а их доля среди награжденных в составе 24-й армии – одной из самых значительных. При оценке масштабов награждения этих категорий

военнослужащих необходимо иметь в виду и то, что в частях и соединениях количество должностей для политработников и представителей НКВД было очень незначительным на фоне других командирских должностей. Также среди них (в силу специфики должностных обязанностей) была более низкая текучесть кадров, чем среди бойцов и командиров (особенно в составе боевых частей и подразделений), что в итоге приводило к формированию видимых диспропорций среди награжденных в составе действующей армии.

В-третьих, одной из наиболее многочисленных групп среди награжденных были военнослужащие войск связи. Это обстоятельство не только указывает на значимую роль, которую играли войска связи в годы войны, но и позволяет раскрыть специфику представления к награждению в Красной Армии. Она состояла в том, что даже младшие командиры и рядовые бойцы имели гораздо больше шансов быть награжденными в том случае, если они находились в поле зрения начальников, которые могли отметить их успешные действия. В боевых подразделениях, где в ходе сражения из строя выходила значительная часть командиров, такие условия отсутствовали.

В-четвертых, в составе стрелковых и танковых частей незначительно было общее количество награжденных командиров младшего и среднего звена (взвод–рота–батальон), на плечи которых легла основная тяжесть руководства подразделениями. Также в наградных приказах по армии очень редко встречаются имена офицеров, занимавших командные должности полкового, бригадного, дивизионного и даже армейского уровня. Говорит ли это о том, что высшее командование невысоко оценивало качество и роль этих командиров или это результат действия иных причин? Данное обстоятельство требует дополнительного изучения.

В-пятых, в условиях расширения круга должностных лиц, получивших права на издание приказов о награждении, начиная с декабря 1942 г. командование 24-й армии практически полностью переложило ответственность за награждение военнослужащих стрелковых, танковых, артиллерийских и других частей на их командиров, сосредоточившись на награждении военнослужащих из подразделений обслуживания. Это обстоятельство повлияло на формирование дополнительных диспропорций среди награжденных, так как командиры полков могли награждать только медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», а командиры дивизий и бригад – еще и орденом Красной Звезды, тогда как командование армии имело более широкие возможности при выборе наград.

Подводя итог проведенному исследованию, авторы полагают необходимым подчеркнуть, что современная ситуация в области изучения истории Великой Отечественной войны, связанная с открытием для историков доступа к ранее недоступному массиву документов, предоставляет новые уникальные возможности в изучении малоизвестных аспектов истории войны, позволяя сформировать новые подходы к интерпретации произошедших в прошлом событий. На основе анализа приказов о награждении бойцов и командиров 24-й армии Донского фронта, отличившихся в ходе проведения Сталинградской битвы, был выявлен ряд особенностей применения наградной системы СССР, которые в значительной степени повлияли на формирование направлений ее дальнейшего развития. Можно констатировать, что наградная система СССР, сложившаяся в основном в предвоенный период, к концу 1942 г. перестала отвечать потребностям времени и уже не соответствовала масштабам происходивших событий. Потребовалось вносить изменения в систему ее функционирования. Однако преодоление выявленных недостатков растянулось не только на весь последующий военный, но и на послевоенный период.

Установлено, что многие проблемные аспекты в изучении истории наградной системы СССР могут быть реконструированы на основе представленных на интернет-портале документов. С другой стороны, исследование позволило выявить ряд лакун в массиве документов, которые пока не представляется возможным устранить без проведения дальнейшей работы по поиску, изучению и публикации архивных документов о событиях Великой Отечественной войны.

Список источников

1. Михин П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить. М. : Яуза ; Эксмо, 2006. 576 с.
2. Веремеев Ю. Порядок награждения военнослужащих 1941–1945 гг. URL: http://army.armor.kiev.ua/hist/sov-nagrady.shtml
3. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 320. Оп. 4522.
4. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны / лит. запись Г.А. Сомова. 2-е изд. М. : Воениздат, 1989. Кн. 1. 415 с.; Кн. 2. 510 с.
5. Деднев А.В. Социальная сущность наградной системы России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки. 2008. № 3. С. 50–55.
6. Перечень военно-учетных специальностей РККА // Рабоче-Крестьянская Красная Армия. URL: http://rkka.ru/handbook/data/vus.htm
7. Краткая биография боевых действий 24 А // ЦАМО. Ф. 320. Оп. 4522. Д. 31.
8. Журнал боевых действий 24 А // ЦАМО. Ф. 320. Оп. 4522.
9. ЦАМО. Ф. 206. Оп. 262. Д. 43.
10. ЦАМО. Ф. 220. Оп. 220. Д. 93.
11. ЦАМО. Ф. 206. Оп. 0000262. Д. 0065.
12. ЦАМО. Ф. 206. Оп. 262. Д. 78.
13. ЦАМО. Ф. 206. Оп. 262. Д. 89.
14. ЦАМО. Ф. 206. Оп. 262. Д. 189.
15. ЦАМО. Ф. 320. Оп. 4522. Д. 8.
16. ЦАМО. Ф. 320. Оп. 4522. Д. 9.
17. ЦАМО. Ф. 320. Оп. 4522. Д. 11.
18. ЦАМО. Ф. 320. Оп. 4522. Д. 49.
19. Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и Медали СССР. М. : Военное изд-во, 1983. 127 с.

References

1. Mikhin, P.A. (2006) *"Artilleristyi, Stalin dal prikaz!" Myi umirali, chtobyi pobedit* ["Artillerymen, Stalin gave the order!" We died to win]. Moscow: Yauza, Eksmo.
2. Veremeev, Yu. (n.d.) *Poryadok nagrazhdeniya voennosluzhaschih 1941 – 1945gg.* [The procedure for awarding military personnel in 1941–1945]. [Online] Available from: http://army.armor.kiev.ua/hist/sov-nagrady.shtml
3. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 320. List 4522.
4. Shtemenko, S.M. (1989) *General'nyy shtab v gody voyny* [The General Staff during the war]. 2nd ed. Moscow: Voenizdat.
5. Dednev, A.V. (2008) Sotsial'naya sushchnost' nagradnoy sistemy Rossii [Social essence of the award system in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 3. pp. 50–55.
6. Anon. (n.d.) *Perechen voenno-uchetnyih spetsialnostey RKKA* [List of military registration specialties of the Red Army]. [Online] Available from: http://rkka.ru/handbook/data/vus.htm
7. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). *Kratkaya biografiya boevykh deystviy 24 A* [Brief biography of hostilities 24 A]. Fund 320. List 4522. File 31.
8. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). *Zhurnal boevykh deystviy 24 A* [Journal of combat operations 24 A]. Fund 320. List 4522.
9. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 206. List 262. File 43.
10. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 220. List 220. File 93.
11. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 206. List 0000262. File 0065.
12. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 206. List 262. File 78.
13. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 206. List 262. File 89.
14. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 206. List 262. File 189.
15. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 320. List 4522. File 8.
16. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 320. List 4522. File 9.
17. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 320. List 4522. File 11.
18. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 320. List 4522. File 49.
19. Kolesnikov, G.A. & Rozhkov, A.M. (1983) *Ordena i Medali SSSR* [Orders and Medals of the USSR]. Moscow: Voennoe izdatelstvo.

***Сведения об авторах*:**
Чмыхало Александр Юрьевич – кандидат философских наук, доцент Отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: sanichtom@inbox.ru
Винарский Петр Андреевич – майор в отставке, воспитатель Кадетской школы-интерната «Северский кадетский корпус». (Северск, Российская Федерация). E-mail: oip71@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Chmykhalo Alexander Yu. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences of the Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sanichtom@inbox.ru
Vinarsky Pyotr A. – a REtired Major, Teacher of the Cadet Boarding School "Seversky Cadet Corps" (Seversk, Russian Federation). E-mail: oip71@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.10.2019; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 09.10.2019; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 94(47).084.6 + 94(47).084.8
doi: 10.17223/19988613/81/8

Органы лагерной юстиции СССР в 1934–1944 гг.

Денис Николаевич Шкаревский

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, shkarden@mail.ru

Аннотация. Деятельность органов пенитенциарной (лагерной) юстиции в СССР практически не изучена. В 1930-е гг. пенитенциарные учреждения СССР превращаются в крупный экономический комплекс. Высокий уровень преступности и слабость администрации поставили под угрозу выполнение ими экономических планов. Поэтому были созданы органы лагерной юстиции. Они использовались и в качестве органов политической юстиции. В 1934–1938 гг. сложилась модель органов лагерной юстиции, которая будет действовать с 1944 по 1954 г.
Ключевые слова: специальная юстиция, лагерная юстиция, специальные суды, лагерные суды, пенитенциарные суды

Для цитирования: Шкаревский Д.Н. Органы лагерной юстиции СССР в 1934–1944 гг. // Вестник Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 74–83. doi: 10.17223/19988613/81/8

Original article

The penitentiary justice system in the USSR in 1934–1944

Denis N. Shkarevsky

Surgut State University, Surgut, Russian Federation, shkarden@mail.ru

Abstract. The creation and operation of penitentiary institutions in the Soviet Union is a well-studied topic. But the creation and activity of penitentiary justice bodies in the Soviet Union in the 1930s have not been studied. The main obstacles to this are the destruction of many documents during the Great Patriotic war and the failure of penitentiary courts to provide reports. The article aims to identify the reasons for the formation of penitentiary justice bodies and the main elements of its model. The research is based on archival documents of the State archive of the Russian Federation and the Russian state archive of socio-political history. In the 1930s, the penitentiary institutions of the Soviet Union turned into a large economic complex. High crime rates and weak administration jeopardized the implementation of economic plans. The justice system in the labour camps had been established to address that threat. The penitentiary justice system was also used to fight political opponents of the regime. Their creation was delayed due to delayed funding, lack of trained personnel, and periodic purges. During 1934-1944, these courts were reformed, but their activities remained at the same level. They were dependent on the camp administration. A large number of people were brought under the jurisdiction of the camp courts. The competence of the penitentiary justice bodies was not stable. It periodically expanded, then contracted, then expanded again. The small number of employees and low level of training did not allow them to function quickly and efficiently. Their activities were marked by a large number of procedural violations. For example, even the investigation of crimes was carried out by the prisoners themselves. The penitentiary courts were based on the principles of Campaign justice. It can be argued that during 1934-1938, a model of penitentiary justice was formed, which would operate from 1944 to 1954. Among the elements of this model are: unstable competence, high centralization, activities based on judicial campaigns, extraordinary form and organization of legal proceedings, and a high level of secrecy. All these features brought the bodies of penitentiary justice closer to the bodies of special justice (military tribunals) and extra-judicial bodies (special meetings). Thus, the penitentiary justice can be considered as an important element of the repressive mechanism formed by the totalitarian regime in the 1930s – 1940s. The practice of their activities did not comply with the norms of Soviet law and requires further study.
Keywords: fight against crime, special justice, penitentiary justice, special courts, penitentiary courts

For citation: Shkarevsky, D.N. (2023) The penitentiary justice system in the USSR in 1934–1944. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 74–83. doi: 10.17223/19988613/81/8

© Д.Н. Шкаревский, 2023

Современная отечественная историография обратила внимание на изучение проблем органов лагерной юстиции периода 1944–1954 гг. [1–8]. Зарубежные авторы либо не упоминают о существовании данных судов, либо не могут без ошибок описать их формирование и деятельность [9–13]. Между тем период 1934–1944 гг. является не менее важным [14]. Это был подготовительный этап, в течение которого оформилась модель органов пенитенциарной юстиции, которая будет введена в 1944 г.

Преступность в советских местах заключения в 1930–1940-е гг. была достаточно распространенным явлением. На сленге сотрудников правоохранительных органов эти деяния назывались «лагерным бандитизмом». Председатель Спецколлегии Верховного суда РСФСР Я. Кронберг в 1935 г. приводил многочисленные случаи лагерного бандитизма. Среди них можно отметить: «1. В феврале-мае с.г. в Сибирском ИТЛ НКВД среди отбывающих наказание заключенных организовалась женская бандитская группа, в которую входили: Позднишева, Ваулина, Фатеева, Плеханова, Иванова, Ворошилова и Поздняк. Деятельность этой бандгруппы осуществлялась так: только в барак прибывали новые лица, из них намечалась жертва, имеющая более или менее ценные вещи. Ночью выключали свет и жертву грабили… К жертве подходило несколько человек: одни держали, остальные грабили. Все награбленное немедленно передавалось в соседний женский барак (“к мамкам”), откуда и реализовывалось. Когда после грабежа в бараках появлялась лагерная администрация, в бараке подымался крик, женщины вооружались ножами, палками, поленьями, топорами, мисками и били окна, угрожали убить – кто осмелится произвести обыск или кого-либо арестовать… В феврале Поздняк, вооруженная топором, набросилась на начальника колонии Квитко… 2.V. Позднышева вооружилась топором, совершила налет на старосту 4-го барака Григорьеву, зарубила ее и забрала ее вещи…

3. В том же Карагандинском лагере вызывающе проявила себя группа заключенных в лице Емельянова, Поличникова, Факирова… В 20-х числах августа 1934 г., чтобы создать условия для грабежей и хищений у прибывающих в изолятор, группа осужденных рецидивистов во главе с Емельяновым устроила дебош, разбила двери у камер, в результате создалась возможность свободного хождения из камеры в камеру. Охрана оказалась бессильной... Последствием были: пьянство, картежная игра с проигрыванием вещей, принадлежащих другим лицам. С августа по 8 октября 1934 г. Емельянов и Ко. произвели в изоляторе целый ряд грабежей и краж с угрозой расправиться ножом. Оказали ряд сопротивлений оперативникам и дежурному. …

4. Яркий лагерный бандитизм и беспомощность лагерной администрации выявлены по делу № 1158 – Самбургского и др., обвиняемых по ст. 59-3 УК. Отбывая наказание при Осиновском отделе Сиблага, обвиняемые систематически занимались бандитизмом в лагере, избиением заключенных, кражами, грабежами, пьянством, игрой в карты, угрозами и избиениями лагерной администрации, не выходили на лагерные работы и фактически терроризировали своими действиями заключенных и лагерную администрацию…

7. Исключительный камерный бандитизм был проявлен в Иркутской ИТК. Пользуясь тем, что внутренняя охрана сформирована из лишенных свободы и не вооружена, группа заключенных во главе с Курочкиным путем взлома и отмычек замков проникла в другие посты. Вооруженная ножами и железными палками, эта банда в период декабрь–апрель производила камерные грабежи у других заключенных с применением насилия, отбиралось все… Отправленные в к/лагерь Курочкин с тремя другими заключенными совершили групповое изнасилование заключенной Орловой» [15. Л. 4 об.–8 об.].

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что лагерная администрация в ряде случаев не контролировала ситуацию в местах заключения. Дисциплинарные и внесудебные методы воздействия, что называется, «не работали». Администрацию лагерей зачастую устраивало сложившееся положение. Я. Берман в 1933 г. отмечал: «…сотрудники [лагерей] срослись с преступным элементом, систематически пьянствовали, брали взятки за незаконное прекращение дел о преступлениях, расхищали вещ. доказательства, устраивали оргии с заключенными женщинами, всячески поощряя среди них проституцию, установлены случаи изнасилования заключенных женщин, снабжения уголовников оружием для совершения краж» [16. Л. 51–52].

В 1930-е гг. места заключения превращаются в один из значимых секторов экономики страны и должны были выполнять соответствующие плановые показатели. Внутренние условия, существовавшие в лагерях, могли сорвать эти планы.

Вероятно, поэтому руководство страны пришло к мысли пойти по пути организации автономных от администрации лагерей органов юстиции, которые на местах могли оперативно проводить образцово-показательные судебные процессы. Они должны были выполнять как карательные, так и превентивные функции.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1934 г. были созданы отделения краевых, областных и главных судов при лагерях НКВД. В делопроизводственной документации и среди исследователей они получили названия «лагерные суды», «лагсуды», «лагколлегии».

Данное постановление готовилось в спешке. Лишь в 1936 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР был урегулирован вопрос о составе этих органов. Отделения краевых и областных судов при исправительно-трудовых лагерях стали формироваться в составе председательствующего и двух членов суда.

Лагерные суды создавались на кадровой и материальной базе Спецколлегий (СК), которые выступали для них кассационной и надзорной инстанцией. Со временем в составе СК Верховных судов происходит обособление тех членов, которые занимались делами лагсудов. К примеру, в составе СК Верховного суда РСФСР выделяется Лагерное отделение Верховного суда РСФСР.

Финансирование лагерных судов началось лишь с марта 1935 г., поэтому их формирование затянулось

и рассмотрением лагерных дел занимались СК и даже народные суды. В местах заключения продолжали действовать внесудебные органы.

К 1 октября 1935 г. по РСФСР было организовано 12 отделений судов при лагерях НКВД со штатом 34 человека. Отмечалось неполное укомплектование ряда отделений (Прорвенский лагерь, о. Вайгач). Укомплектование лагсудов ответственным штатом шло гораздо хуже, чем СК, и на 15 мая штат был заполнен только на 80% [17. Л. 1].

Несколько иным был порядок организации лагсуда при Дальстрое ввиду «особых условий района» его деятельности. Было издано Постановление ЦИК и СНК СССР № 11-1430-224с от 9 июля 1935 г. «Об осуществлении судебных функций в районе деятельности Дальстроя». Рассмотрение всех дел (уголовных и гражданских) в этом районе было возложено на Отделение Дальневосточного краевого суда с его постоянным пребыванием в г. Колыме, со включением в его состав представителя Дальстроя. Его компетенция была более широкой, чем других лагсудов, а процессуальные нормы – более жесткими.

К апрелю 1937 г. сеть лагерных судов изменилась и составила 13 единиц. На 1 апреля 1937 г. проблемы с комплектованием штатов рассматриваемых судов оставались. К примеру, по РСФСР по-прежнему не хватало 20% от штата. Председатель СК Верховного суда РСФСР В. Манцев рассматривал эту ситуацию как прорыв: «Если учесть, что в начале 1936 г. некомплект оперативных работников по лагерным судам составлял 56,4%, то имеющееся в данное время положение… является положительным сдвигом» [18. Л. 2 об.].

Встает вопрос: как такое могло быть? Ведь в июне 1935 г. укомплектованность штатов составляла 80%, в начале 1936 г. – лишь 56,4%, и на 1 апреля 1937 г. – вновь 80%?! Объясняется это достаточно просто – среди работников лагсудов была проведена чистка. Были репрессированы бывший руководитель СК Верховного суда РСФСР Я. Кронберг, председатель СК Верховного суда РСФСР В. Манцев, председатель СК Верховного суда СССР С. Пилявский, члены СК Торская, Калинина, Пурэ.

Большинство сотрудников лагсудов не имели юридического образования: доля лиц с высшим юридическим образованием среди них в 1937 г. составляла 9,8%. Большая их часть – бывшие работники органов НКВД (до 50%).

Подсудность лагерных судов была определена постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1934 г. Причем для их рассмотрения был установлен упрощенный порядок и сокращенный срок рассмотрения – в течение трех суток с момента поступления дела. В местные народные суды следовало передавать лишь мелкие дела по преступлениям, не представляющим особой социальной опасности. Однако на практике это правило нарушалось и лагсуды рассматривали дела, подсудные нарсудам. Например, в 1935 г. по Саровскому лагерю из 203 оконченных дел только 8% были краевой подсудности, а 92% – подсудности народных судов.

В юрисдикции лагсудов находилось достаточно большое количество людей, многие места заключения не располагались компактно, а были разбросаны на обширной территории. Так, в 1935 г. лагсуд Беломоро-Балтийского канала обслуживал около 93 тыс. чел., разбросанных по 12 отделениям с отдаленностью до 1 000 км. Ухтпечлаг – около 22 тыс. чел., размещенных по 9 отделениям, разбросанным на расстоянии до 1 066 км.

В течение 1938–1941 гг. вместо отделений краевых, областных и главных судов при лагерях НКВД были созданы постоянные сессии областных судов в лагерях (приказ Наркома юстиции № 78 от 23 сентября 1938 г.). Это было простое переименование лагерных отделений. Сессии сохранили свой аппарат и делопроизводство. Председатели областных судов не вмешивались в их деятельность. По настоянию Н. Рычкова в течение 1939–1941 гг. количество постоянных сессий было сокращено [3. С. 227].

На данном этапе сохранялись проблемы, характерные для 1934–1938 гг. Так, в 1939 г. зам. Наркома внутренних дел В. Чернышев сообщал Наркому юстиции Н. Рычкову о том, что «Буреинский ИТЛ НКВД вследствие дислоцирования на территории Еврейской автономной и Амурской области обслуживается двумя судебными учреждениями: постоянными сессиями областного суда Еврейской автономной области и Амурского облсуда. Каждая из них обслуживает лагерь на территории своей области». В. Чернышев просил доверить рассмотрение всех дел областному суду Еврейской автономной области. Но в этом было отказано [19. Л. 93, 96].

В конце 1930-х гг. одновременно с органами лагерной юстиции в местах заключения продолжали действовать различные чрезвычайные органы (тройки). Например, в феврале 1938 г. Политбюро приняло решение одобрить мероприятия по очистке дальневосточных лагерей. Было принято предложение НКВД СССР об утверждении дополнительно намеченных к репрессированию по Дальневосточным лагерям 12 тыс. заключенных, осужденных за шпионаж, террор, диверсию, измену Родине, повстанчество, бандитизм, а также уголовников-профессионалов. Эти дела было приказано рассмотреть до 1 апреля 1938 г. на *тройках* по рассмотрению дел бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов, и все 12 тыс. человек репрессировать по первой категории (т.е. расстрелять) [20. Л. 123].

В течение 1941–1944 гг. лагерные дела в местностях, объявленных на военном положении, оказались подсудны военным трибуналам войск НКВД. Они в делопроизводственной документации (и среди исследователей) получили название «лагерные трибуналы», или «трибуналы лагерей».

В результате структура этих органов и их подсудность оказались запутанными. Так, в январе 1943 г. заместитель Наркома внутренних дел С. Круглов сообщал Н. Рычкову: «В связи с территориальной разбросанностью дорожно-строительных районов и отдельных лагерных пунктов строительства № 1 ГУШОСДОРа НКВД СССР, следственные дела по преступлениям, совершенным на этом строительстве, рассматриваются 4 военными трибуналами, а также 3 областными судами и Верховным судом Мордовской АССР» [21. Л. 14].

Он предлагал изменить ситуацию через организацию военного трибунала войск НКВД.

Интересный пример исключения из общих правил дает Дальстрой. Постановлением ГКО № 38сс от 6 июля 1941 г. на его территории был создан военный трибунал. Работники сессии были переведены для укомплектования трибунала.

Деятельность лагерных судов обеспечивали первые отделы лагерей НКВД (или оперативно-чекистские отделы, ОЧО) и органы прокуратуры. Примечательно, что в течение всего периода существования лагерных судов для их обеспечения так и не была создана самостоятельная прокуратура, как, например, для органов военной или транспортной юстиции.

Уже в 1922 г. согласно п. «г» ст. 2 Положения о прокурорском надзоре на прокуратуру были возложены функции по наблюдению за правильностью содержания заключенных. С ноября 1934 г. по приказу А. Вышинского все прокуроры ИТЛ подчинялись непосредственно начальнику отдела Прокуратуры СССР по надзору за местами заключения [22. Л. 22]. В 1936 г. Постановлением СНК СССР «О структуре Прокуратуры СССР» создается отдел по надзору за местами заключения (под № 9). Таким образом, прокуратура по надзору за местами заключения имела более высокую степень централизации, что сближало ее с органами специальной прокуратуры.

Несмотря на использование различных названий для обозначения отдела прокуратуры, осуществлявшего надзор в местах заключения, в делопроизводственной документации и на сленге работников юстиции за ними закрепились названия «лагерная прокуратура», или «прокуратура лагерей». К 1943 г. по СССР насчитывалось порядка 50 прокуратур при ИТЛ и ИТК НКВД.

Изучение деятельности лагерной прокуратуры начального периода Великой Отечественной войны осложняется тем, что частично ее материалы были уничтожены, а в отдельные периоды делопроизводственные документы не велись. Например, аппарат прокуратуры по надзору за местами заключения РСФСР при отъезде из г. Камышина в г. Соль-Илецк уничтожил основные документы; с ноября 1941 г. по 15 января 1942 г. документация этим аппаратом не велась в связи с сокращением должности секретаря. Фактически отдел начал работать лишь с марта 1942 г. в составе отдела по надзору за милицией. Аналогичный отдел в Прокуратуре СССР не приостанавливал своей работы. Однако его сотрудники и руководители основное время проводили в командировках для оказания «практической помощи прокурорам на местах» в восточных районах страны [23. Л. 27].

Следует отметить, что во второй половине 1930-х гг. в Наркомате юстиции СССР (НКЮ) не был создан отдел для обслуживания лагерных судов. Таким образом, специальный характер органов лагерной юстиции на уровне НКЮ был менее выражен, чем на уровне Прокуратуры или судебной системы СССР.

Основными препятствиями в изучении деятельности органов лагерной юстиции во второй половине 1930-х гг. становятся недоступность многих архивных документов и низкая исполнительная дисциплина сотрудников данных органов. Нередко они вовсе не выполняли требований о предоставлении отчетов о своей работе или присылали их с большой задержкой. Таблица 1 составлена на основании данных, имевшихся в Верховном суде РСФСР.

По этим сведениям, в лагерные суды поступило в 1935 г. 7 558 дел. Лишь 40% дел было рассмотрено лагсудами, а 60% дел – народными судами. Также были отмечены большие остатки нерассмотренных дел по Беломорско-Балтийскому кананалу, Бамлагу.

В 1937 г. В. Манцев привел иные цифры: всего за 1935 г. поступило 13 338 лагерных дел, из них рассмотрено лагерными судами 6 899 дел (51,7%); народными судами – 6 439 дел (48,3%). На основании этих данных был сделал вывод о существенном росте (более чем в 2 раза!) нагрузки лагерных судов. Только по РСФСР за 1936 г. данные суды рассмотрели 17 858 дел. Причем нагрузка распределялась неравномерно – в первом полугодии 1936 г. поступило значительно больше дел, чем во втором полугодии. Также большими были и остатки дел (табл. 2).

Остатки дел за 1935 и 1936 гг. отличались несущественно – 1 492 и 1 463 дела соответственно. Значительными остатками дел на 1 января 1937 г. отличались суды Дальлага (245 дел), Вязьмлага (222 дела), Белбалтлага (206 дел).

Таблица 1

Количество поступивших и рассмотренных дел в лагерных судах в 1935 г. [24. Л. 23]

Отделы лагсудов и народные суды	Поступило дел в 1935 г.	Окончено дел в 1935 г.	Остаток дел
Ухтпечлаг (с 1 мая по 1 октября)	261	202	59 (на 1.10)
Свирлаг (с 1 октяьря 1934 г. по 1 октяьря 1935 г.)	292	289	3 (на 1.10)
Народные суды, обслуживающие Беломорско-Балтийский канал (Кольско-Лопарский, Мгинский, Подпорожский, Вознесенский, Лодейно-Польский)	998	968	30 (помимо этого, в н/судах Карелии около 700 дел) (на 1.10)
Сарлаг (по 1 ноября)	26	24	2 (на 1.11)
Народные суды, обслуживающие Сарлаг: Дивеевский, Семеновский	260	217	43 (на 1.11)
Темлаг (с 22 января по 1 октября)	1 052	982	70
Прорвлаг (с 1 января по 1 октября)	331	307	24
Народные суды, обслуживающие Прорлаг (Астрахань и Гурьев)	146	146	–
Дмитлаг	136	136	–
Народные суды, обслуживающие Дмитлаг (Центрального, Волжского и Южного участков)	3 046	2 953	93
Сиблаг (с 1 апреля по 1 октября)	1 010	686	324

Таблица 2

Движение дел в отделениях край-, обл.-, и главсудов при лагерях НКВД в 1936 г. [18. Л. 25, 26]

Период	Поступило	Всего окончено	Из них:		В остатке
			рассмотрено по существу	прекращено	
1-я половина 1936 г.	10 024	9 447	5 748	2 188	На 1 июля 1936 г. – 2 069
			60,8%	23,2%	
2-я половина 1936 г.	7 805	8 411	6 194	846	На 1 января 1937 г. – 1 463
			73,7%	10,1%	
1936 г.	17 829	17 858	11 942	3 034	–
			66,9%	17%	

В первом полугодии 1936 г. была очень высокой доля дел, отклоненных до судебного заседания (39,2%). Во втором полугодии 1936 г. эти показатели удалось снизить.

Во второй половине 1936 г. наблюдалось снижение качества работы лагсудов: было утверждено лишь 78,3% приговоров против 86,1% в первой половине этого же года. По делам о бандитизме было утверждено лишь 76,2% приговоров. По ст. 82 УК РСФСР (побег) данный показатель был выше (92,9%), но это объяснялось «небольшим количеством обжалованных приговоров» [18. Л. 29 об.].

Примечательно объяснение такой высокой доли прекращенных дел: «…в отдельных лагерях НКВД была *широко развита практика ведения расследования заключенными* (курсив мой. – *Д.Ш.*), что… повлекло, например, только по одному лагсуду Бамлага возвращение в мае–июне 1936 г. 861 дела» [Там же. Л. 25].

В 1937 г. количество дел, рассмотренных в лагсудах, несколько снизилось. Если в 1936 г. СК Верховного суда РСФСР было рассмотрено лагерных дел на 2 353 чел., то в 1937 г. – на 1 587 чел. В первом полугодии 1937 г. по делам лагерных судов снизилось утверждение приговоров (79,4% против 81,4% в 1936 г.). По мнению и.о. председателя СК Верховного суда РСФСР Л. Юргенса, это свидетельствовало о том, что СК «…более осторожно подходила к прекращению дел и снижению мер наказания… По лагерным судам улучшения качества работы в 1-м полугодии 1937 г. пока отметить нельзя, так как все еще высокой является отмена приговоров (11,5%)» [25. Л. 8].

С момента организации лагерных судов в середине 1930-х гг. одной из основных проблем для них стало выдерживание сроков рассмотрения дел. Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1934 г. устанавливало трехдневный срок. Но они с этим не справлялись. Уже в 1–3 кварталах 1935 г. стало ясно, что установленный срок повсеместно нарушается. Причем Я. Берман указывал: «…в отдельных случаях мы имеем исключительную волокиту. Так, по Ухтпечлагу рассматривается в срок свыше месяца 46,4% дел, по ББК – 47%, по Темниковскому лагерю – 31,2%, не говоря уже о Сибирских и Дальневосточных лагерях, где разбор дел задерживается на несколько месяцев. Изжить это… можно только увеличением состава лагерных судов и организацие … судебных троек» [24. Л. 24 об.].

Даже образцовые отделения Московского и Ленинградского облсудов при лагерях демонстрировали неутешительные сроки рассмотрения дел (табл. 3).

Таблица 3

Сроки прохождения дел в лагерях по сведениям Московского и Ленинградского облсудов с 1 января по 1 сентября 1935 г. [15. Л. 2]

Всего рассмотрено	Продолжительность производства по рассмотренным делам			
	До 3 дней	До 10 дней	От 10 дней до 1 месяца	Свыше 1 месяца
241	31	114	61	35
	12,9%	47,3%	25,3%	14,5%

Таким образом, в установленный срок этими судами рассматривалось лишь 12,9% дел. Нередко дела рассматривались «…через 4–5 и даже 6 месяцев после совершения преступления» [26. Л. 1].

Для ускорения прохождения дел суды стали специально возлагать обязанность по контролю за соблюдением сроков на одного из своих членов. Такая практика принесла свои результаты. В 1936 г. сроки существенно улучшились (практически в 3 раза!). Однако выйти на установленные законом сроки так и не удалось. Руководство Верховного суда РСФСР даже указывало на невыполнимость этого требования.

В 1935 г. основную массу дел составляли преступления, квалифицируемые по ст. 82 УК РСФСР (побег). Доля таких дел по отдельным лагсудам составляла: по Сиблагу 44,1% всех осужденных, по Сарлагу – 50,9%. На втором и третьем местах располагались дела по ст.ст. 59-3 (бандитизм) и 167 (разбой) УК РСФСР.

По делам же исключительно краевой и областной подсудности (т.е. по делам, подсудным по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1934 г. лагсудам, которые в 1935 г. составляли менее половины всех поступивших дел) основная доля преступлений была квалифицирована по следующим статьям:

– ст. 59-3 (бандитизм) УК РСФСР – за 1-й, 2-й и 3-й кварталы 1935 г. доля дел по этой статье составляла 77,1%, 65,2% и 55,8% соответственно;

– Закон от 7 августа 1932 г. – доля дел за этот же период составляла от 5,1% до 13%;

– ст. 58-10 (пропаганда или агитация) УК РСФСР – доля дел составляла от 5 до 9,6%.

Характер преступности в лагерях за 1936 г. представлен в табл. 4.

Порядок дел в 1936 г. несколько изменился, однако связано это не столько с изменением ситуации в лагсудах, сколько с изменением требований статистиче-

ского учета. В табл. 4 выделены лишь наиболее актуальные для государства виды преступлений. Среди них наибольшую долю дает ст. 82 УК. Примечательно, что к категории «прочих» преступлений были отнесены имущественные преступления, преступления против личности и должностные преступления. Таким образом, можно предположить, что порядок дел в 1936 г. изменился незначительно по сравнению с 1935 г.

Судебная практика (в советской юстиции использовался термин «карательная политика») была жесткой. Общее представление о суровости приговоров, вынесенных лагсудами в 1–3 кварталах 1935 г., дает табл. 5.

Таблица 4

Количество осужденных лагерными судами в 1936 г. [18. Л. 26 об.]

Период	Всего подсудимых	Закон от 7 августа 1932 г.	Ст. 58-10 УК РСФСР	Другие к.р. прест.	Ст. 59-3 УК РСФСР	Ст. 82 УК РСФСР	Прочие
1-я половина 1936 г.	7 956	99	268	179	594	2 634	4 182
		1,2%	3,4%	2,2%	7,5%	33,1%	52,5%
2-я половина 1936 г.	8 371	28	591	49	488	4 151	3 064
		0,3%	7,1%	0,6%	5,8%	49,6%	36,6%
Всего за 1936 г.	16 327	127	859	228	1 082	6 785	7 564
		0,8%	5,3%	1,4%	6,6%	41,5%	46,2%

Таблица 5

Судебная практика (карательная политика) лагерных судов в 1935 г. [24. Л. 24]

Период	Всего осуждено	ВМН	Лишение свободы				Прочие меры
			1–3 года	3–5 лет	5–10 лет	10 лет	
1-й квартал	48	28	2	4	9	5	–
		58,3%	4,2%	8,3%	18,8%	10,4%	
2-й квартал	342	143	29	37	52	81	–
		41,8%	6,2%	10,8%	15,2%	23,7%	
3-й квартал	375	107	43	52	64	95	14
		28,5%	11,4%	13,9%	17,1%	25,4%	3,7%
Итого	765	278	74	93	125	181	14
		36,4%	9,6%	12,1%	16,4%	23,7%	1,8%

Доля приговоренных к высшей мере наказания (ВМН) и лишению свободы сроком на 10 лет была весьма значительной – 60,1%. Однако утверждение ВМН вышестоящими судебными органами составляло около 60% (при 38,5% замены, 1,5% отмены).

В результате в 1936 г. лагсуды кардинально изменили судебную практику. В 1936 г. резко снизилось применение наиболее жестких мер наказании – ВМН и лишения свободы на срок 10 лет. К данным мерам были приговорены всего 5,7% осужденных. По сравнению с 1935 г. доля приговоренных к ним снизилась более чем в 10 раз! Существенно выросло число приговоренных к лишению свободы на сроки до 10 лет (90%), и даже появилось небольшое число приговоренных к исправительно-трудовым работам (1,5%) и к условным мерам наказания (1,5%). Поэтому лагсуды подверглись критике за мягкую карательную политику и в дальнейшем ужесточили практику.

В 1935–1936 г. данные судебные органы стали рассматривать дела по ходатайствам об условно-досрочном освобождении заключенных. Эта практика начала формироваться на основе ряда документов, среди которых следует отметить циркуляр НКВД СССР и Прокурора СССР № 61 «О порядке рассмотрения дел об условно-досрочном освобождении больных, инвалидов и стариков» от 14 апреля 1935 г. Для обеспечения выполнения данной директивы был даже составлен «Перечень болезней, наличие которых является основанием к пересмотру дел заключенных на предмет условно-досрочного освобождения из исправительно-трудовых лагерей НКВД» [27. Л. 188–190].

Согласно этим документам лагерные суды рассматривали только дела об освобождении заключенных, осужденных органами общей юстиции (народные суды, краевые, областные суды) из ИТЛ. Таким образом, осужденные органами специальной юстиции, внесудебными органами, содержащиеся в колониях и тюрьмах, не находились в юрисдикции лагсудов по вопросам досрочного освобождения. В течение 1936 г. лагсудами было рассмотрено 33 832 дела об условно-досрочном освобождении больных заключенных одновременно с работой по делам первой инстанции. Кроме того, в 1936 г. лагерные суды принимали участие в реализации Постановления ЦИК и СНК СССР от 16 января 1936 г. в отношении лиц, осужденных по Закону от 7 августа 1932 г. В рамках данной работы лагсудами были пересмотрены дела на 112 414 осужденных [18. Л. 29–30].

В деятельности лагсудов нередки были отступления от норм процессуального права. Например, в августе 1936 г. Н. Крыленко и А. Вышинский предложили вызов лиц, отбывающих наказание в лагерях, как правило, не практиковать, допуская вызов их в судебное заседание в качестве свидетелей в исключительных случаях [28. Л. 84].

О функционировании органов лагерной юстиции в конце 1930-х – начале 1940-х гг. представляется возможным судить лишь по отдельным обрывочным сведениям. При этом складывается впечатление, что в их деятельности коренных изменений не происходило.

Лагсуды продолжали работать на основе организации уголовно-правовых кампаний. Например, в 1937–1938 гг. в лагерях были организованы групповые по-

литические процессы по упрощенным правилам, которые регламентировались инструкциями НКВД. Согласно директиве НКВД от 5 августа 1937 г. о проведении операции по приказу № 00447 в ГУЛАГе осуждение заключенных не предполагало нового следствия, аресты в лагерях осуществлялись на основании справок лагерной администрации [29. С. 169].

О проведении кампаний говорят резкий рост и последующее резкое снижение количества осужденных по отдельным видам преступлений. Так, если в первом полугодии 1941 г. по ст. 58-14 УК РСФСР были осуждены 593 чел., то в первом полугодии 1942 г. – 1 969 чел., а за 10 месяцев 1942 г. – 2 113 чел. В первом полугодии 1942 г. по ст. 58-14 УК были осуждены 86,7% к ВМН (расстрелу), к 10 годам лишения свободы – 8,8%, от 5 до 8 лет лишения свободы – 4,5%.

Например, Молотовским облсудом был осужден Титков А.З. по ст. 58-14 УК к ВМН. Титков с 1939 г. отбывал наказание по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР – 3 года лишения свободы. Почти отбыв наказание, 15 августа 1942 г. совершил побег и через 2 дня был задержан. Титков имеет лишь одну судимость за хулиганство, побег им совершен впервые, без каких-либо отягчающих обстоятельств. Верховный суд РСФСР ВМН Титкову заменил лишением свободы.

Среди типичных ошибок по этой категории дел были осуждение несовершеннолетних, неосновательное осуждение, не исследовались обстоятельства дела.

В 1944 г. Верховный суд РСФСР отмечал систематическое снижение поступления дел о преступлениях, совершенных в лагерях. Так, если в 1943 г. он рассмотрел 4 307 дел с числом осужденных 5 821 чел., то в 1944 г. – 2 870 дел на 4 083 чел. Причинами этого назывались улучшение работы судов и положения в местах заключения (питание, вещевое довольствие и т.п.).

В течение войны отмечалось изменение характера поступивших дел. Так, уменьшилось поступление дел по ст. 59-3 (бандитизм) и 167 (разбой) и Закону от 7 августа 1932 г., увеличилось поступление дел по ст.ст. 116, 162 (расхищение вверенных материальных ценностей), а также по ст. 109 (злоупотребление властью или служебным положением), 58-10 (антисоветская пропаганда или агитация), 58-4 (оказание помощи международной буржуазии).

Основными источниками поступления дел являлись Коми АССР (3 лагеря: Ухтижемлаг, Воркутлаг, Устьвымлаг), Свердловская область (6 лагерей: Ивдельлаг, Богословлаг, Тагиллаг, Тавдинсклаг, Севураллаг, Востокураллаг), Молотовская область (Усольлаг), Новосибирская область (Сиблаг), Кировская область (Вятлаг), Челябинскя область (ИТК № 6), Хабаровский край (Нижне-Амурский лагерь) и др.

Работа большинства судов оценивалась как неудовлетворительная. Среди типичных ошибок назывались: нарушение гарантированных законом прав подсудимого, неосновательное привлечение и осуждение, поверхностное изучение дела, неправильная оценка и квалификация преступления, назначение чрезмерных мер наказания, вынесение неправильных оправдательных приговоров и назначение мягких мер наказания [30. Л. 10].

Сохранялись все те же самые проблемы, которые проявились при организации органов лагерной юстиции в 1934–1937 гг. Например, имела место нестабильность в вопросах подсудности. Так, в связи с Указом ПВС СССР от 13 декабря 1940 г. «Об изменении подсудности военных трибуналов» личный состав ВОХР был передан в подсудность общих судов. Однако в 1942 г. вновь вынуждены были вернуться к подсудности образца до издания Указа 13 декабря 1940 г.

В апреле 1941 г. Л. Берия, Н. Рычков, В. Бочков совместным циркуляром № 87/06/ПР/29 предложили «…побеги заключенных из лагерей рассматривать как одну из наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства. Всех беглецов судить по ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж) УК РСФСР, применяя к ним на основании п. 3 Указа ПВС СССР от 15 июня 1939 г. суровые судебные меры наказания, в отдельных случаях до ВМН включительно» [31. Л. 66].

Весной 1941 г. дела военнопленных, совершивших побег из лагерей, было приказано утверждать территориальным прокурорам и направлять в военные трибуналы. Надзор за ними в трибунале должен был осуществляться уже военной прокуратурой.

С июня 1941 г. особое значение приобрели дела об освобождении заключенных и направлении их в Красную Армию. Всего за 1941–1944 гг. из мест заключения в Красную Армию, по данным НКВД, было «передано» более 1 млн чел. Рассмотрение этих дел в 1941–1942 гг. и исполнение решений по ним находились на низком уровне. Во многом это было связано с плохой работой 1-го спецотдела НКВД СССР, которому в 1941 г. от Тюремного управления НКВД были переданы функции по учету заключенных. В результате имели место случаи, когда заключенные, подлежащие немедленному освобождению, оставались под стражей, и наоборот, осужденные к дополнительным срокам наказания освобождались из-под стражи из-за непоступления судебных приговоров.

На завершающем этапе войны ситуация изменилась. Было запрещено «прокурорам принимать, а судебным органам рассматривать материалы об условно-досрочном освобождении из мест заключения лиц, осужденных за преступления, предусмотренные ст. 58 УК РСФСР (все пункты), за бандитизм, разбой, умышленное убийство (ст.ст. 59-3, 167, 136 УК РСФСР), по Закону от 7 августа 1932 г., воров-рецидивистов (неоднократно судимых), злостных хулиганов (ст. 74 ч. 2 УК РСФСР), за воинские преступления, предусмотренные ст.ст. 193-7 п. “г” (осужденные за повторное дезертирство), 193-20, 193-22, 193-24, 193-26, 193-28 УК РСФСР, а также лиц из числа национальностей воюющих с СССР стран (немцы, финны, венгры, румыны, итальянцы) независимо от характера преступления» [32. Л. 3].

Качество расследования и рассмотрения уголовных дел органами лагерной юстиции в конце 1930-х – 1944 гг. оставалось примерно тем же, что и в середине – второй половине 1930-х гг. Например, в марте 1940 г. в Прокуратуре СССР отмечалось «очень низкое» качество расследования по делам о преступлениях в лаге-

рях [33. Л. 56]. Продолжал оставаться высоким процент прекращенных дел. Так, в первом квартале 1941 г. по прокуратуре Беломорско-Балтийского лагеря доля прекращенных дел в стадии расследования составила 37,5%, а в среднем по стране –13%. Доля дел, возвращенных судом на доследование, в среднем составляла 4,6%, а, например, в прокуратуре УЛАГА НКВД Хабаровского края – 33,2%.

Также происходили различные казусы: в 1941 г. прокуратура выяснила, что некоторые заключенные изготовляли плакаты и лозунги контрреволюционного содержания и сами сдавали их лагерной администрации с целью добиться привлечения к уголовной ответственности, чтобы попасть в следственный изолятор, получить паек для следственных, а потом добиться перевода в другие лагеря» [31. Л. 22, 43]. Таких заключенных было приказано привлекать к ответственности по ст. 58-10 (пропаганда или агитация) и 58-14 (контрреволюционный саботаж) УК РСФСР.

Органы юстиции лагерей продолжали оставаться в высокой степени централизованными. Однако это не способствовало повышению эффективности их деятельности, не привело к формированию устойчивых связей между ведомствами. Даже сохранялись проблемы с отправкой и получением документов. Так, 27 июня 1941 г. начальник 2-го отдела ГУЛАГ НКВД Г. Грановский сообщал зам. Наркома юстиции СССР И. Басавину, «что из-за несвоевременной высылки судебными органами в места заключения определений о снижении сроков наказания незаконно содержались в лагере сверх срока осужденные: Ачилов К. – на 2 года 9 месяцев 11 дней, и Деревяшко Т.Е. – на 1 год 38 дней» [34. Л. 10].

Состояние дел в местах заключения на первом этапе войны было плачевным. В 1942 г. прокуратура отмечала плохое состояние заключенных: истощение, вспышки сыпного тифа. В Красноярском крае, по оценкам прокуратуры, лишь 50% заключенных были пригодны к физическому труду.

При этом указывалось, что прокуроры ИТЛ не осуществляют надзор за состоянием дел в лагерях: «…прокуроры забыли адрес тюрьмы и колонии и лично в этих учреждениях не бывают» [35. Л. 19]. Работники прокуратуры с делами в стадии следствия не знакомились. Необоснованно возвращали дела на доследование. «Штамповали обвинительные заключения, не изучая дел». В результате дела возвращались из судов. Например, по Унжлагу в 4-м квартале 1941 г. было прекращено 30% дел, а в 1-м квартале 1942 г. – 100% [36. Л. 126]. Во многом такая ситуация связана с эвакуацией руководящих органов прокуратуры и ослаблением контроля за тем, что происходило на местах.

Политика по отношению к заключенным, отбывшим наказание, в период войны была жестокой. Совместным приказом Л. Берии и В. Бочкова (апрель 1942 г.) заключенных, отбывших срок наказания, задержанных в лагерях и тюрьмах, колониях, согласно директиве № 221 от 23 июня 1941 г. из-под стражи следовало освободить, за исключением осужденных за измену Родине, террор, шпионаж, диверсию, троцкистов, правых и бандитов, объявив последним, что они остаются под стражей до окончания войны. При этом всех освобожденных заключенных следовало оставить на работе в лагерях НКВД на положении вольнонаемных без права выезда и с прикреплением до конца войны к районам работ лагеря-стройки.

В итоге в судебной практике встал вопрос: как квалифицировать побеги таких лиц? Ведь формально они отбыли срок наказания! Одни суды квалифицировали их по ст. 58-14 УК, а другие – по ст. 82 УК РСФСР. В результате долгих споров и обсуждений 4 января 1943 г. заместитель начальника Управления общих судов НКЮ СССР Бакшеев предложил все оставить как есть, т.е. на усмотрение самих судов [34. Л. 85]. Это и было сделано.

Итак, представляется возможным сделать следующие выводы. Появление органов лагерной юстиции связано не только с увеличением спецконтингента (т.е. заключенных) в местах лишения свободы, но и с достаточно высоким уровнем преступности в этих местах. Кроме того, они использовались для борьбы с контрреволюционными преступлениями. Поэтому их также можно рассматривать и как элемент политической юстиции.

Оформление данных органов столкнулось с проблемами, характерными для этого процесса в советских условиях, – задержкой финансирования, дефицитом подготовленных кадров и материально-технических средств.

Лагерные суды во многом зависели от лагерной администрации – даже их дислокация определялась расположением пенитенциарных учреждений. В юрисдикции лагерных судов оказалось большое количество лиц. Их немногочисленный штатный состав, а также низкая подготовка кадров явно не способствовали оперативному и образцовому рассмотрению дел. В результате практически сразу же наблюдалась масса разнообразных нарушений Постановления ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1934 г. Дела стали передаваться на рассмотрение в народные суды и СК. В 1936 г. практику передачи дел в народные суды удалось ликвидировать. Практика же рассмотрения лагерных дел СК так и не была устранена.

Деятельность лагерных судов во второй половине 1930-х гг. напоминает принцип маятника – лагерные суды стремились продемонстрировать выполнение требований вышестоящего руководства и с большим рвением исполняли соответствующие директивы. В результате их практика соответствовала принципам кампанейского правосудия, т.е. организации судебных кампаний по тем или иным преступлениям.

Компетенция данных органов не была устойчивой. В зависимости от точки зрения правительства и партии на них могли возлагаться дополнительные задачи или же их компетенция могла быть сокращена.

Объемы работ, выполняемых лагерными судами, были достаточно большими. При этом наличных штатных единиц явно не хватало для качественного и оперативного выполнения задач. Об этом говорит достаточно высокая доля приговоров, отмененных и измененных вышестоящими судебными органами. К, этому, конечно следует добавить низкий уровень

юридической подготовки судебных работников данных учреждений.

Фактически в течение 1934–1938 гг. сформировалась модель органов лагерной юстиции, которая будет действовать вплоть до 1954 г. Среди ее элементов следует отметить неустойчивую («резиновую», «каучуковую») компетенцию, высокую степень централизации этих органов, деятельность на основе судебных кампаний, чрезвычайную форму и организацию судопроизводства, более высокий уровень секретности, чем в органах общей юстиции. Все эти черты сближали органы лагерной юстиции с органами специальной юстиции (военными трибуналами и линейными транспортными судами) и внесудебными органами (ОСО).

Список источников

1. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М. : Наука, 2006. 438 с.
2. Иванова Г.М. Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 // Труды Института российской истории. М. : Наука, 2005. Вып. 5. С. 287–308.
3. Кодинцев А.Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР в 30–50-е гг. XX в. Курган : Изд-во Курган. ун-та, 2008. 692 с.
4. Кодинцев А.Я. Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 2. С. 41–46.
5. Кодинцев А.Я., Шкаревский Д.Н. Органы специальной юстиции Советского государства как инструмент защиты власти // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 29–39.
6. Федин С.А., Федина К.С. Из истории специальных лагерных судов в 1944–1954 гг. (по материалам архивов Астраханской области) // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки : материалы VII студенческой междунар. заочной науч.-практ. конф. (24 января 2013 г.). Новосибирск : СибАК, 2013. С. 37–44.
7. Юрченков Р.В. Создание и функционирование специального лагерного суда Темниковского ИТЛ – Дубравлага (1945–1953) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. Т. 18, № 2. С. 76–82.
8. Яноши В.В. К вопросу о юридической подготовке судей лагерных судов в СССР во второй половине 1940-х гг. // Наука и инновации XXI в. : материалы II Всерос. конф. молодых ученых. Сургут : ИЦ СурГУ, 2014. Т. 1. С. 153–154.
9. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М. : РОССПЭН, 2008. 463 с.
10. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу : В 2 ч. М. : ОПИ, 1991. Ч. 1. 551 с.
11. Berg G.P. The Soviet system of Justice: figures and policy. Dordrecht ; Boston ; Lancaster : Springer Netherlands, 1985. 372 p.
12. Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. New York ; Washington : A.F. Praeger, 1968. 152 p.
13. Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. Vol. 46 (3). P. 403–425.
14. Шкаревский Д.Н. Формирование лагерной юстиции в СССР в 1930-е гг. // Государство и право. 2015. № 8. С. 107–110.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 428. Оп. 3. Д. 7.
16. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3.
17. ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 8.
18. ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 24.
19. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 7.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 22.
21. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 300.
22. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 10.
23. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 1070.
24. ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 6.
25. ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 26.
26. ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 1.
27. ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 76.
28. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 13. Д. 1.
29. Правда В.Л. Групповые политические процессы 1937–38 гг. в лагерях Кузбасса // Вестник Кузбасского государственного технического университета.2015. № 2. С. 167–170.
30. ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 86с.
31. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 80.
32. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 14. Д. 63а.
33. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 42.
34. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 182.
35. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 98.
36. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 1238.

References

1. Ivanova, G.M. (2006) *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskiy i politiko-pravovoy aspekty* [The history of the Gulag, 1918–1958: Socio-economic and political-legal aspects]. Moscow: Nauka.
2. Ivanova, G.M. (2005) Lagernaya yustitsiya v SSSR. 1944–1954 [Penitentiary justice in the USSR. 1944–1954]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii*. 5. pp. 287–308.
3. Kodintsev, A.Ya. (2008) *Gosudarstvennaya politika v sfere yustitsii v SSSR v 30–50-e gg. XX v.* [State policy in the field of justice in the USSR in the 1930-50s]. Kurgan: Kurgan State University.
4. Kodintsev, A.Ya. (2008) Lagernaya yustitsiya v SSSR [Penitentiary justice in the USSR]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 2. pp. 41–46.
5. Kodintsev, A.Ya. & Shkarevskiy, D.N. (2019) The organs of special justice of the Soviet State as a tool for the protection of the regime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 59. pp. 29–39. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/59/4
6. Fedin, S.A. & Fedina, K.S. (2013) Iz istorii spetsial'nykh lagernykh sudov v 1944–1954 gg. (po materialam arkhivov Astrakhanskoy oblasti) [From the history of special penitentiary courts in 1944–1954. (Based on materials from the archives of the Astrakhan region)]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Obshchestvennye nauki* [Scientific Community of Students of the 21st Century. Social Sciences]. Proc. of the Seventh Conference. January 24, 2013. Novosibirsk: SibAK. pp. 37–44.
7. Yurchenkov, R.V. (2011) Sozdanie i funktsionirovanie spetsial'nogo lagernogo suda Temnikovskogo ITL – Dubravlaga (1945–1953) [Creation and functioning of a special penitentiary court of Temnikovsky ITL – Dubravlag (1945–1953)]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 18(2). pp. 76–82.
8. Yanoshi, V.V. (2014) K voprosu o yuridicheskoy podgotovke sudey lagernykh sudov v SSSR vo vtoroy polovine 1940-kh gg. [On legal training of judges of penitentiary courts in the USSR in the second half of the 1940s]. *Nauka i innovatsii XXI v.* [Science and Innovations of the 21st century]. Proc. of the Second Conference. Vol. 1. Surgut: ITs SurSU. pp. 153–154.

9. Solomon, P. (2008) *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet justice under Stalin]. Moscow: ROSSPEN.
10. Rossi, J. (1991) *Spravochnik po GULAGu* [A Guide to the Gulag]. Vol. 1. Moscow: OPI.
11. Berg, G.P. (1985) *The Soviet system of justice: Figures and policy*. Dordrecht; Boston; Lancaster: Springer Netherlands.
12. Conquest, G. (1968) *Justice and the legal system in the USSR*. New York; Washington: A.F. Praeger.
13. Gorlizky, Y. (1998) Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect. *The American Journal of Comparative Law*. 46(3). pp. 403–425.
14. Shkarevskiy, D.N. (2015) Formirovanie lagernoy yustitsii v SSSR v 1930-e gg. [Formation of penitentiary justice in the USSR in the 1930s]. *Gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 107–110.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 428. List 3. File 7.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9414. List 1. File 3.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 428. List 3. File 8.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 428. List 3. File 24.
19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9492. List 1a. File 7.
20. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 162. File 22.
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9492. List 1a. File 300.
22. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8131. List 38. File 10.
23. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8131. List 37. File 1070.
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 428. List 3. File 6.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 428. List 3. File 26.
26. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 428. List 3. File 1.
27. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9474. List 16. File 76.
28. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8131. List 13. File 1.
29. Pravda, V.L. (2015) Gruppovye politicheskie protsessy 1937–38 gg. v lageryakh Kuzbassa [Group political processes of 1937–38 in the camps of Kuzbass]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2. pp. 167–170.
30. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 428. List 3. File 86s.
31. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8131. List 38. File 80.
32. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9492. List 14. File 63a.
33. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8131. List 38. File 42.
34. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9492. List 1a. File 182.
35. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8131. List 38. File 98.
36. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8131. List 37. File 1238.

***Сведения об авторе*:**
Шкаревский Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия). E-mail: shkarden@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Shkarevsky Denis N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: shkarden@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2020; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 14.09.2020; accepted for publication 09.01.2023

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 94(420) + 94(7):327
doi: 10.17223/19988613/81/9

Истоки глобального лидерства: британский и американский исторический опыт

Ольга Алексеевна Аршинцева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, arol-s@yandex.ru

Аннотация. Проводится сравнительный анализ двух концепций мирового лидерства – реализованной в рамках империи к концу XIX в. британской модели и находящейся в процессе формирования в рассматриваемой период американской внешнеполитической стратегии. Основанием для сравнения выбраны три наиболее значимых параметра, характерных как для британского, так и для американского подхода к проблеме: маринизм, политическая культура глобального стратегического мышления и мессианская идеология. Привлечение междисциплинарных методов для их сопоставления позволило выявить сходства и различия между традиционной имперской доктриной Великобритании и новой стратегией глобального участия США.
Ключевые слова: Британская империя, США, внешняя политика, мировая держава, идеология исключительности

Для цитирования: Аршинцева О.А. Истоки глобального лидерства: британский и американский исторический опыт // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 84–90. doi: 10.17223/19988613/81/9

Original article

The Origins of Global Leadership: British and American historical experience

Olga A. Arshintceva

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, arol-s@yandex.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of two concepts of world leadership - the British model implemented within the empire by the end of the 19th century and the American foreign policy strategy that was in the process of formation during the period under review. Due to the specifics of the topic, the study relies on sources of both British and American origin. Along with official foreign policy documents, the works of geopoliticians A. Mahan and H. Mackinder were used to recreate the historical context. The author seeks the answers to the question of how the nation has become a leader in world politics and what are the foundations of the global leadership. The basis for comparison is the three most significant parameters common to both the British and American approaches to the problem: Marinism, the political culture of global strategic thinking and Messianic ideology. With regard to maritime power, the general and particular in the British and American approaches to maritime power as a factor of force dominance is due to the historically conditioned nature of military strategic resources of influence, and the already achieved (in the case of the British Empire) or planned (in the case of the United States) geopolitical advantages. British strategic thinking was determined by the complex structure of the empire and a special hierarchy of spheres and interests to ensure its preservation. The American concept of security, which was being formed in the context of a departure from isolationism, was not limited to the framework of traditional territorial expansion and was guided by the principle of "open doors and equal opportunities". The process of its formation was accompanied by sharp discussions within the political elite, and the Messianic ideology of Wilsonism became a manifestation of the split between realists and internationalist liberals. The longer experience of British imperial politics has led to a stable domestic political consensus on a pragmatic realistic basis, in which the Messianic idea by no means prevailed even in political rhetoric and did not determine the nature of imperial identity. In the historical perspective, the American model of global leadership turned out to be more adapted to the conditions of the transformation of the world order after the First World War, although the British imperial version retained some potential for the future transition from empire to the Commonwealth. The use of interdisciplinary methods for their comparison revealed similarities and differences between the traditional imperial doctrine of Great Britain and the new strategy of global participation of the United States. The author concludes, the phenomenon of historical continuity, which is present in the modern foreign policy strategies of the United States and Great Britain, gives the studied problem

© О.А. Аршинцева, 2023

additional relevance. Its study, in turn, allows us to identify the patterns of evolution of the modern world order since the former and present great powers claim to pursue a leading role in its regulation.
Keywords: British Empire, USA, foreign policy, world power, ideology of exceptionalism

For citation: Arshintceva, O.A. (2023) The Origins of Global Leadership: British and American historical experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 84–90. doi: 10.17223/19988613/81/9

Состояние современного миропорядка и перспективы его трансформации эксперты оценивают по-разному, но большинство оценок сходится в признании кризиса международных институтов, в том числе кризиса глобального лидерства. В последнем случае речь чаще всего идет о пока еще единственной сверхдержаве – США, независимо от того, в каких категориях эти рассуждения ведутся – разрушения гегемонистской стабильности, перспектив новой многополярности или подрыва авторитета лидера в связи с нелегитимностью американских действий на международной арене. Определенная убежденность в том, что американское лидерство переживает кризис, подтолкнуло Джозефа Ная еще в самом начале 1990-х гг. к разработке антикризисных рекомендаций американскому истеблишменту, которые вылились в популярную концепцию «жесткой» и «мягкой силы» [1. P. XI–XIII]. При этом американская политическая элита в целом не готова признать утрату лидерских позиций; неслучайно демократическая администрация Дж. Байдена инициировала разработку новой версии Стратегии национальной безопасности. В представленном весной 2021 г. Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности в качестве приоритетов названы сохранение лидерства и поддержка стабильности и открытости международной системы [2]. И до избрания Дж. Байдена демократы активно критиковали Д. Трампа именно за «попытку свертывания политики глобального лидерства США», как пишут в изданной в 2018 г. книге «Опустевший трон: отречение Америки от глобального лидерства» известные американские политологи М Даадлер и Дж. Линдсей [3. P. 3]. Авторы особо подчеркивают историческую преемственность политики американского лидерства, начиная ее отсчет от В. Вильсона и Лиги наций.

Схожая с американской апелляция к имперскому прошлому, в котором Великобритания на рубеже XIX–XX вв. пребывала в статусе единственной мировой державы, характерна и для британского внешнеполитического дискурса. Примером возрождения глобалисткой традиции служит опубликованный правительством Б. Джонсона 16 марта 2021 г. 114-страничный документ «Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики» [4. P. 3–5].

В силу понятных причин ни США, ни Великобритания не рассматривают друг друга в качестве основных конкурентов, на лидерство в современном мире есть более опасные, с их точки зрения, претенденты, тогда как за их плечами – столетний опыт особых отношений противоречивого, но устойчивого союзничества. В указанные исторические рамки вписан процесс, в ходе которого на смену Pax Britannica пришел, на фоне глубокого идейно-политического раскола мира после Первой мировой войны, Pax Americana, а исследование истоков этого процесса остается актуальной задачей.

Сужая проблему до сравнительного анализа британской модели мирового лидерства, окончательно оформившейся на пике могущества Британской империи на рубеже XIX–XX вв., и американской версии участия в мировой политике на основе лидерства США, сложившейся в тот же период, подчеркнем широкие возможности междисциплинарного подхода к теме. Наряду с базовой исторической методологией в данном случае как нельзя более уместно привлечение постулатов классической теории международных отношений, включая ее реалистскую, либеральную и геополитическую парадигмы, а также постмодернистские концепты имперской идентичности и постимперского синдрома. Последний часто рассматривается как проявление известной инерционности политического сознания элит в ситуации утраты государством великодержавного статуса, а сама эта категория теоретически достаточно хорошо разработана. Так, с точки зрения авторитетных представителей Английской школы ТМО (Х. Булл) и неореалистского направления (К. Уолтц), статус великой державы опирается не только на превосходящую военную мощь, но и на внешнее признание этого превосходства, а также осознание политической элитой и нацией как своих особых возможностей, так и ответственности за обладание ими [5]. Соображениями междисциплинарности продиктован и подбор текстов – они представлены не столько каноническими официальными внешнеполитическими документами, сколько источниками условно второго ряда, которые, однако, позволяют воссоздать исторический контекст и дают основу для корректного сопоставления американского и британского подходов к проблеме лидерства своей страны на международной арене в период перехода от европоцентризма к мировой политике.

В последнее десятилетие в зарубежных и отечественных исследованиях явно наметился всплеск интереса к имперской проблематике, который выражается как в попытках разработать универсальную модель империи, так и в погружении в конкретный исторический материал. Британская империя остается неким эталонным объектом исследования. Современная историография темы столь обширна и разнообразна, что способна удовлетворить самые разнообразные исследовательские запросы, включая перспективы исторической компаративистики. В качестве фундаментального труда, безусловно, сохраняет свое значение трехтомная оксфордская «История Британской империи» [6. P. 73], особый интерес представляет концепция империи как идеальной институциональной модели Н. Фергюсона,

изложенная в его известной работе «Империя. Чем современный мир обязан Британии» [7]. В этом же ряду стоит упомянуть исследование «имперского проекта» Дж. Дарвина [8]. Особый интерес в рамках заявленной темы представляет метод сравнительного анализа применительно к исторически существовавшим империям, Британской в том числе, который использует в своей недавно опубликованной работе «Видение империи: Как пять имперских режимов сформировали мир» американский исследователь К. Кумар [9]. Не остаются без внимания исследователей и дискуссионные проблемы имперской истории Великобритании, в том числе интересующий нас вопрос комплексной оценки британского имперского опыта и проблема исторической преемственности [10].

В новейших работах, посвященных внешней политике США, центром острых дискуссий по-прежнему остается фигура президента В. Вильсона, а его либеральный интернационализм в подходах к решению международных проблем вызывает самые разнообразные оценки, включая даже популярные ныне обвинения в расизме [11]. Находит продолжение у современных авторов и заложенная Г. Киссинджером традиция сравнивать двух президентов-современников – Т. Рузвельта и В. Вильсона – с признанием их роли в переходе США от изоляционизма к активному участию в мировых делах [12]. Однако на фоне сохраняющегося интереса зарубежных и отечественных исследователей к имперской истории Великобритании и американской внешней политике рассматриваемого периода в современной историографии отсутствуют специальные работы по заявленной теме. При этом представленный текст не претендует на комплексное и тем более окончательное изучение проблемы, а нацелен, скорее, на ее постановку.

Явление, которое теоретики – от Х. Булла до К. Уолтца – во второй половине XX столетия осмыслили в терминах и категориях великодержавности, классики традиционной геополитики зафиксировали в оригинальных концепциях к моменту завершения так называемой «второй глобализации» 1815–1914 гг. В частности, наиболее известные теории англо-американской школы геополитики А. Мэхэна и Х. Маккиндера были органично вписаны в контекст современной им системы международных отношений, которая исторически впервые может быть определена как мировая политика в строгом значении этого термина. Обе концепции – и «заинтересованность Америки в морской силе» Мэхэна [13], и геополитическая карта планетарного пространства Маккиндера – не только представляют самостоятельный интерес, но и имеют значение для характеристики особенностей внешнеполитического мышления американской и британской политических элит рассматриваемого периода. Оставляя в стороне частные споры о том, кто стал первым убежденным маринистом, Мэхэн или Теодор Рузвельт, и кто из них оказал решающее влияние на другого, подчеркнем абсолютную убежденность обоих в стратегическом значении морского могущества в качестве основания для статуса мировой державы. Совпадение их позиций имеет множество подтверждений, одно из них – письмо Рузвельта Мэхэну, написанное вскоре после его назначения помощником военно-морского министра в первой администрации Маккинли в 1897 г. Примечательны как уверенность, с которой будущий президент излагает свои взгляды на перспективы американской внешней политики и морской стратегии, так и масштаб его геополитического мышления [14. P. 225–231]. И это только одно из выражений идеи о предначертании судьбы, которая стала популярным в республиканской части американского истеблишмента аргументом в пользу интервенционизма и удобным пропагандистским лозунгом накануне конфликта с Испанией.

Молодой американский маринизм, концентрированным выражением которого стала знаменитая формула морского могущества Мэхэна, в качестве образца для подражания был ориентирован на исторически предшествующий опыт британского морского превосходства [15]. При этом американская внешнеполитическая стратегия существенно отличалась от британской в вопросах безопасности – в силу объективных причин, в том числе из-за своеобразия геополитического положения США, структурных особенностей Британской империи и самой природы имперской безопасности. Реалисты-республиканцы (Т. Рузвельт) связывали перспективы интеграции США в мировую систему баланса сил, исходя из оценки преимущественных стратегических перспектив в Западном полушарии. Указанное направление «выравнивало» возможности (в терминологии известной «доктрины Хэя») США и Великобритании и мотивировало американскую военно-морскую стратегию на утверждение господства в океанических водах Тихого океана, что, в свою очередь, полностью соответствовало концепции Мэхэна. Неслучайно реализация этой программы стала возможной сразу после Первой мировой войны.

Однако еще раньше принцип доминирования в стратегически значимых регионах глобального пространства прочно утвердился в британской доктрине имперской безопасности. Пережив заметную эволюцию подхода – от «свободы рук и блестящей изоляции» к активной практике создания объединений, – британская стратегия начала XX в. опиралась уже не только на традиционное доминирование в Атлантике, контроль над морскими путями и поддержание баланса сил в Европе. Условия новых объединений (с Японией, Францией и Россией) содержали четкие определения геополитических границ ключевой зоны имперской безопасности от Гибралтара до Тибета и Индокитая. Примечательным образом они совпадали с буферной зоной «внутреннего полумесяца» из концепции Х. Маккиндера, которая была представлена публике в его докладе Королевского географического общества в 1904 г., в год оформления англо-французской Антанты. Справедливости ради отметим, что, в отличие от прикладных выводов Мэхэна, теория Маккиндера носила более абстрактный характер и не содержала конкретных внешнеполитических рекомендаций [16]. Скорее, он сам следовал за быстро меняющейся международной ситуацией, в которой мировой статус Великобритании впервые за прошедшие сто лет мог быть оспорен.

Опуская общеизвестные подробности новой военно-стратегической, политической и дипломатической прак-

тики – строительства новых кораблей ВМФ, проведения имперских конференций, создания Комитета имперской обороны, блоковой дипломатии, – вернемся к характерным принципам имперского мышления. В объемном корпусе официальных источников по истории британской внешней политики первых десятилетий XX в. особое место принадлежит запискам Э. Кроу, чиновника Форин офиса, с 1912 по 1920 г. занимавшего должность постоянного заместителя министра иностранных дел. Его меморандумы кануна Первой мировой войны демонстрируют, по мнению современных исследователей, великолепный в своем роде образец аналитического мышления и содержат комплексную характеристику структурных сдвигов в предвоенной мировой политике – тех, которые чреваты для Великобритании утратой статуса великой державы [17]. Анализируя в январском меморандуме 1907 г. гегемонистскую природу германского вызова британским позициям в мире, он следующим образом охарактеризовал основы британского первенства: «…относительно большее преобладание материальной мощи, больший размер территорий, безопасность границ и первенство на море» [18]. Эта своего рода лаконичная формула, сродни мэхэновской, демонстрирует сложившуюся традицию глобального мышления британской политической элиты.

Если сравнивать британский и американский варианты лидерства в идейно-политическом контексте, то еще одним основанием для сравнения, которое позволяет наглядно выявить общее и особенное, является мессианство, которое принято считать обязательным элементом имперской идеологии. Казалось бы, мессианскую идею легче обнаружить в британском имперском сознании, особенно в рассматриваемый период, когда империя находилась на пике могущества. Однако все вышесказанное, скорее, подтверждает базовый прагматизм, традиционно присущий британской внешней и имперской политике. Примечательно, что и сами постулаты реалисткой теории, которая в эгоистических национальных интересах разных государств видит скорее их универсальную природу, нежели идеологические разногласия, за несколько десятилетий до американского классика Г. Моргентау сформулировал британец Эдвард Карр в своей знаменитой работе «Двадцатилетие кризиса» [19. P. 71–75]. Его критика идеализма («утопизма»), как известно, была своеобразной реакцией на популярность идей Вудро Вильсона, распространившихся в послевоенной Европе (хотя конкретно Карр, скорее, полемизирует с Н. Анджелом), которая вылилась в солидное теоретическое обобщение сложившейся бинарной оппозиции «реалисты–идеалисты». Фигура Вильсона не только возвращает нас к острым внешнеполитическим дискуссиям между победителями на Парижской мирной конференции 1919 г., дипломатической дуэли между Вильсоном и Д. Ллойд Джорджем, но и дает возможность проиллюстрировать американскую мессианскую идеологию наиболее ярким примером. Уместно сослаться на авторитетную оценку Генри Киссинджера, который подчеркивал разницу между реалистским (Т. Рузвельт) и вильсоновским подходами к продвижению американского лидерства: «…для Вильсона обоснование американского участия в международных делах носило мессианский характер: на Америку, с его точки зрения, была возложена обязанность не просто соучаствовать в системе равновесия сил, но распространять свои принципы по всему свету… В число этих принципов входили понятия о том, что от распространения демократии зависит мир на земле, что государства следует судить по тем же самым этическим нормам, которые являются критерием поведения отдельных личностей, и что национальные интересы любой страны должны подчиняться универсальной системе законов» [20. С. 21]. Америка как эталон демократии и образец для подражания других наций, – мессианский характер этого тезиса связывает его с одним из базовых цивилизационных архетипов – идеей американской исключительности. Исторически именно Вудро Вильсон стал первым американским президентом, который продвигал программу мирового лидерства США, основанную на традиционных национальных ценностях, объединенных идеей американской исключительности [21]. Вряд ли строители Британской империи ассоциировали свои усилия с возведением «Града на холме», хотя нельзя не признать наличие романтического пафоса в киплинговской версии «бремени белого человека».

В отличие от вильсоновской концептуализации мессианской идеи и продвижения ее в рамках внешнеполитической программы на самом высоком уровне, в британской официальной риторике сложно найти столь концентрированное ее выражение. Пожалуй, наиболее подходящими для сравнения являются взгляды Сесиля Родса. Фигура известного на рубеже столетий «строителя империи» несопоставима по политическому статусу с американским президентом и даже в каком-то смысле являлась маргинальной для британской политической элиты того времени, однако его идеи нашли влиятельных сторонников в высших имперских кругах. Еще пребывая в стенах Оксфорда, 24-летний Родс мечтал о распространении британского правления на весь мир и создании великой мировой державы для продвижения высших гуманистических ценностей. В 1877 г. он поделился своей мечтой с потомками в первом из его многочисленных политических завещаний. В зрелые годы, в 1891 г., одновременно с созданием своей знаменитой алмазной империи Родс объединил своих сторонников в организацию, которая должна была распространять по миру британские идеалы, а также содействовать расширению Британской империи как их воплощения [22. P. 33–37].

Продолжателем дела Родса можно считать политически более влиятельного лорда Милнера, с 1897 г. Верховного Комиссара министерства по делам колоний в Южной Африке и создателя Южно-Африканского союза на месте Карской колонии и завоеванных территорий бурских республик [Ibid. P. 49]. Хотя романтическая символика была не чужда имперцу Милнеру (выбор названия основанного им периодического издания «Раунд тэйбл» отсылает к легенде о рыцарях Круглого стола), он известен своими сугубо прагматичными усилиями по консолидации империи накануне и особенно после Первой мировой войны, а также поддержкой стремления доминионов к большей

самостоятельности на международной арене. Показательна близость политических позиций Милнера и Д. Ллойд Джорджа, британского премьера в 1916–1922 гг., «миротворца» и известного оппонента Вильсона, который и во время, и после Парижской мирной конференции демонстрировал блестящее владение либеральной риторикой, в том числе и для продвижения имперских интересов. А на открытии послевоенной Имперской конференции 20 июня 1921 г. Ллойд Джордж провозгласил, что Британская империя уникальна тем, «свобода является ее связующим принципом» [23. P. 12–29]. Это высказывание служит еще одним подтверждением того, что словосочетание «либеральная империя» отнюдь не является новейшим изобретением, а отсылает нас к британской практике столетней давности. Примером ее идеологической гибкости может служить изначально британское происхождение проекта Лиги наций, который идеально совпал с мессианскими устремлениями либерала-интернационалиста В. Вильсона.

Примечательное признание особой миссии США перед лицом новых вызовов прозвучало из уст еще одного имперца и реалиста – У. Черчилля – в 1946 г. в его знаменитой Фултонской речи, когда американское лидерство можно было считать состоявшимся, а Британская империя стояла на пороге кризиса: «Соединенные Штаты Америки находятся сегодня на вершине могущества, являясь самой мощной в мире державой, и это можно расценить как своего рода испытательный момент для американской демократии, ибо превосходство в силе означает и огромную ответственность перед будущим. Оглядываясь вокруг себя, вы должны заботиться не только об исполнении своего долга перед всем человечеством, но и о том, чтобы вы не опускались ниже достигнутого вами высокого уровня. Перед обеими нашими странами открываются новые, блестящие перспективы и возможности. Отказавшись от них, или пренебрегши ими, или же использовав их не в полную меру, мы навлекли бы на себя осуждение наших потомков на долгие времена. Необходимо, чтобы последовательность в мыслях, настойчивость в достижении целей и величественная простота в решениях определяли и направляли политику англоязычных стран в годы мира точно так же, как и в годы войны. Мы обязаны справиться с этой нелегкой задачей, и я не сомневаюсь, что нам это удастся» [24. С. 463–464]. В известном смысле приведенную цитату можно рассматривать как следование рекомендации Э Карра по поводу поиска оптимального сочетания реализма и «утопизма» во внешней и международной политике.

Подводя итог, выделим три наиболее характерных и сопоставимых параметра британской и американской моделей глобального лидерства, исторически наиболее корректно сопоставимых на рубеже XIX–XX вв. Хотя перечень этих характеристик может быть неизмеримо больше, однако использование категории модели позволяет для наглядности абстрагироваться от деталей и выделить главное. Это маринизм, культура глобального стратегического мышления и мессианская идеология. В первом случае общее и особенное в британском и американском подходах к морскому могуществу как фактору силового доминирования объясняется исторически обусловленной природой военно-стратегических ресурсов влияния и уже достигнутыми (в случае с Британской империей) или планируемыми (в случае с США) геополитическими преимуществами. Геополитическое измерение преобладало и в подходах к проблеме безопасности. Британское стратегическое мышление определялось сложносоставной структурой империи и особой иерархией сфер и интересов обеспечения ее сохранности. Глобальный подход к проблемам безопасности империи в рамках сложившегося на рубеже XIX–XX вв. миропорядка следует рассматривать, скорее, как основу имперской идентичности, а не идеологический постулат. И хотя фраза П. Геддеса «Думай глобально, действуй локально» была произнесена по другому поводу, она довольно точно выражает британское видение имперской и международной безопасности в условиях перехода от европоцентричной к мировой политике. Неслучайно кембриджский историк Дж. Дарвин предпочитает термин «британская мировая система» общепринятому термину «империя» [8. P. XI–XII]. Американская, формирующаяся в условиях отхода от изоляционизма концепция безопасности не была ограничена рамками традиционной территориальной экспансии и ориентировалась на принцип «открытых дверей и равных возможностей». И хотя в приоритетном для США Азиатско-Тихоокеанском направлении перспектива американо-британской конкуренции была весьма реальной, объективно их безопасность в Атлантике обеспечивалась британским доминированием в регионе. В силу новаторского характера программы американского лидерства процесс ее формирования сопровождался острыми дискуссиями внутри политической элиты, и мессианская идеология вильсонизма стала проявлением раскола между реалистами и либералами-интернационалистами, положившего начало известному феномену «двухпартийности» внешней политики США. Более продолжительный опыт британской имперской политики обусловил устойчивый внутриполитический консенсус на прагматичной реалисткой основе, в котором мессианская идея отнюдь не преобладала даже в политической риторике и не определяла природу имперской идентичности. В исторической перспективе американская модель глобального лидерства оказалась более адаптированной к условиям трансформации миропорядка после Первой мировой войны, хотя и британский имперский вариант сохранил определенный потенциал для будущего перехода от империи к Содружеству. При этом Великобритании потребовались десятилетия для того, чтобы изжить ощущение собственной исключительности и ответственности за судьбы всего мира, и некоторые утверждают, что элиты еще не до конца преодолели этот синдром. Проблема преодоления постимперского синдрома выходит за рамки британского исторического опыта и заслуживает специального изучения. За стремлением вернуть, сохранить или обрести великодержавный статус, которое демонстрируют самые сильные государства, в современных условиях стоят претензии на лидерство в разработке новых правил регулирования миропорядка.

Список источников

1. Nye J. Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. New York : Basic Books, 1990. 307 p.
2. Interim National Security Strategic Guidance. Washington DC, 2021. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf (accessed: 10.11.2021).
3. Daalder J.H., Lindsay J.M. The Empty Throne: America's Abdication of Global Leadership. New York : Public Affairs : Haclett Book Group, 2018. 237 p.
4. Global Britain in a Competitive Age : The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty, March 2021. London, 2021. URL: https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy (accessed: 10.11.2021).
5. Morris J. How Great is Britain? Power, Responsibility and Britain's Future Global Role // British Journal of Politics and International Relations. 2011. Vol. 13 (3). P. 3–5.
6. The Oxford History of the British Empire / ed. A. Porter. Oxford : Oxford University Press, 1999. Vol. 3: The Nineteenth Century. 800 p.
7. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М. : АСТ, 2014. 560 с.
8. Darwin J. The Empire project. The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2009. XIII, 800 p.
9. Kumar K. Visions of Empire: Shaped the World. Princeton : Princeton University Press, 2017. 598 p.
10. Black J.The British Empire: A History and a Debate. Farnham : Ashgate, 2015. X, 259 p.
11. Reconsidering Woodrow Wilson: Progressivism, Internationalism, War and Peace / ed. by J. Cooper. Washington DC : Woodrow Wilson Center Press ; Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2008. IX, 359 p.
12. Zimmermann W., Ross G. First Great Triumph: How Five Americans Made Their Country a World Power. New York: Farrar, Straus & Giroux, 2002. 576 p.
13. Mahan A.T. The Interest of America in Sea Power, Present and Future. The Future in Relation to American Naval Power. 1897. URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Interest_of_America_in_Sea_Power,_Present_and_Future (accessed: 04.11.2021).
14. Theodore Roosevelt Papers: Series 3: Letters Sent: Subseries 3A: Carbon Copies of Letters Sent, 1894–1919. Vol. 1: 1894, Apr. 11 – 1908, Nov. 28. URL: https://www.loc.gov/collections/theodore-roosevelt-papers/?fa=partof:theodore+roosevelt+papers:+series+3:+letters+sent,+1888-1919 (accessed: 10.10.2021).
15. Maurer Jh. Alfred Thayer Mahan and Sir Julian Corbett are as relevant today as ever. URL: https://www.usni.org/magazines/proceedings/2021/june/classic-works-sea-power-have-enduring-value (accessed: 04.11.2021).
16. Bradley N. Geopolitics of Empire: Mackinder's Heartland Theory and the Containment of Russia. URL: https://www.sott.net/article/276668-Geopolitics-of-Empire-Mackinders-Heartland-Theory-and-the-Containment-of-Russia (accessed: 25.09.2021).
17. Dunn J.S. The Crowe Memorandum: Sir Eyre Crowe and Foreign Office Perceptions of Germany, 1918–1925. Cambridge : Cambidge Scolars Publishing, 2013. 275 p.
18. Memorandum on the Present State of British Relations with France and Germany by Sir Eyre Crowe, 1 January, 1907. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Memorandum_on_the_Present_State_of_British_Relations_with_France_and_Germany (accessed: 25.08.2021).
19. Carr E. The Twenty Years Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. Basingstoke : Palgrave. 2001. 233 p
20. Киссинджер Г Дипломатия. М. : Ладомир, 1997. 848 с.
21. Walt St.M. The Myth of American Exceptionalism. URL: https://foreignpolicy.com/2011/10/11/the-myth-of-american-exceptionalism (accessed: 20.04.2021).
22. Quigley C. Anglo-American Establishment. From Rhodes to Cliveden. New York : Books in Focus, 1981. 370 p.
23. Conference of Prime Ministers and Representatives of the United Kingdom, the Dominions, and India : (Summary of Proceedings and Documents of the). Held in June, July, and August , 1921, at London. URL: https://atojs.natlib.govt.nz/cgi-bin/atojs?a=d&d=AJHR1921-I-II.2.1.2.4&e=-------10--1------0-- (accessed: 10.04.2021).
24. Черчилль У. Мускулы мира. М. : ЭКСМО, 2006. 528 с.

References

1. Nye, J. (1990) *Bound to Lead: the Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books.
2. *Interim National Security Strategic Guidance*. Washington DC, 2021. [Online] Available from: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf (Accessed: 10th November 2021).
3. Daalder, J.H. & Lindsay, J.M. (2018) *The Empty Throne: America's Abdication of Global Leadership*. New York: Public Affairs: Haclett Book Group.
4. United Kingdom. (2021) *Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty, March 2021*. London: [s.n.]. [Online] Available from: https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy (Accessed: 10th November 2021).
5. Morris, J. (2011) How Great is Britain? Power, Responsibility and Britain's Future Global Role. *British Journal of Politics and International Relations*. 13(3). pp. 3–5.
6. Porter, A. (ed.) (1999) *The Oxford History of the British Empire*. Vol. 3. Oxford: Oxford University Press.
7. Ferguson, N. (2014) *Imperiya: chem sovremennyy mir obyazan Britanii* [The Empire: What the modern world owes to Britain]. Translated from English. Moscow: AST.
8. Darwin, J. (2009) *The Empire project. The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
9. Kumar, K. (2017) *Visions of Empire: Shaped the World*. Princeton: Princeton University Press.
10. Black, J. (2015) *The British Empire: A History and a Debate*. Farnham: Ashgate.
11. Cooper, J. (ed.) (2008) *Reconsidering Woodrow Wilson: Progressivism, Internationalism, War and Peace*. Washington DC: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press.
12. Zimmermann, W. & Ross, G. (2002) *First Great Triumph: How Five Americans Made Their Country a World Power*. New York: Farrar, Straus & Giroux.
13. Mahan, A.T. (1897) *The Interest of America in Sea Power, Present and Future*. *The Future in Relation to American Naval Power*. [Online] Available from: https://en.wikisource.org/wiki/The_Interest_of_America_in_Sea_Power,_Present_and_Future (Accessed: 4th November 2021).
14. Roosevelt, T. (1908) *Theodore Roosevelt Papers: Series 3: Letters Sent: Subseries 3A: Carbon Copies of Letters Sent, 1894–1919*. Vol. 1. [Online] Available from: https://www.loc.gov/collections/theodore-roosevelt-papers/?fa=partof:theodore+roosevelt+papers:+series+3:+letters+sent,+1888-1919 (Accessed: 10th October 2021).

15. Maurer, Jh. (2021) *Alfred Thayer Mahan and Sir Julian Corbett are as relevant today as ever*. [Online] Available from: https://www.usni.org/magazines/proceedings/ 2021/june/classic-works-sea-power-have-enduring-value (Accessed: 4th November 2021).
16. Bradley, N. (n.d.) *Geopolitics of Empire: Mackinder's Heartland Theory and the Containment of Russia*. [Online] Available from: https://www.sott.net/article/276668-Geopolitics-of-Empire-Mackinders-Heartland-Theory-and-the-Containment-of-Russia (Accessed: 25th September 2021).
17. Dunn, J.S. (2013) *The Crowe Memorandum: Sir Eyre Crowe and Foreign Office Perceptions of Germany, 1918–1925*. Cambridge: Cambidge Scolars Publishing.
18. United Kingdom. (1907) *Memorandum on the Present State of British Relations with France and Germany by Sir Eyre Crowe, 1 January, 1907*. [Online] Available from: https://en.wikisource.org/wiki/Memorandum_on_the_Present_State_of_British_Relations_with_France_and_Germany (Accessed: 25th August 2021).
19. Carr, E. (2001) *The Twenty Years Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*. Basingstoke: Palgrave.
20. Kissinger, H. (1997) *Diplomatiya* [Diplomacy]. Translated from English. Moscow: Ladomir.
21. Walt, St.M. (2011) *The Myth of American Exceptionalism*. [Online] Available from: https://foreignpolicy.com/2011/10/11/the-myth-of-american-exceptionalism (Accessed: 20th April 2021).
22. Quigley, C. (1981) *Anglo-American Establishment. From Rhodes to Cliveden*. New York: Books in Focus.
23. United Kingdom. (1921) *Conference of Prime Ministers and Representatives of the United Kingdom, the Dominions, and India: (Summary of Proceedings and Documents of the)*. Held in June, July, and August, 1921, at London. [Online] Available from: https://atojs.natlib.govt.nz/cgi-bin/atojs?a=d&d=AJHR1921-I-II.2.1.2.4&e=-------10--1------0-- (Accessed: 10th April 2021).
24. Churchill, W. (2006) *Muskuly mira* [Muscles of the World]. Translated from English. Moscow: EKSMO.

***Сведения об авторе*:**
Аршинцева Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Росси). E-mail: arol-s@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Arshintseva Olga A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History and International Relations of the Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: arol-s@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 11.12.2021; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/81/10

«Такой разный марксизм». Критика советскими марксистами югославского «ревизионизма»

Наталья Борисовна Городецкая

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, natalia_13_06@mail.ru

Аннотация. Рассматривается критика югославского варианта марксизма советскими философами на страницах журнала «Вопросы философии». Анализ статей журнала за 1948–1958 гг. позволил выделить три периода эволюции их позиции по данному вопросу. Только на третьем этапе, в 1958 г., журнал стал публиковать достаточное большое, по сравнению с предыдущим периодом, количество статей, содержащих развернутый анализ югославской ревизии марксизма. Изучение этих публикаций позволило выделить три группы противоречий советского и югославского марксизма. Эти противоречия позволяют сделать вывод о глубокой сущностной разнице идеологии СССР и СФРЮ.
Ключевые слова: социалистическая Югославия, марксизм, «Вопросы философии»

Для цитирования: Городецкая Н.Б. «Такой разный марксизм». Критика советскими марксистами югославского «ревизионизма» // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 91–96. doi: 10.17223/19988613/81/10

Original article

“Such a different Marxism”. Soviet Marxists' criticism of Yugoslav “revisionism”

Natalya B. Gorodetskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, natalia_13_06@mail.ru

Abstract. In the second half of the XX century Marxism became a new basis for the unity of the Slavic world. All the Slavic countries that existed at that time entered the "socialist camp". In 1948, unity was broken: there was a conflict between socialist Yugoslavia and the Soviet Union. The consequence of this conflict was the ideological reform in Yugoslavia. The result of this reform is the formation of the Yugoslav version of Marxism. Normalization of relations between the SFRY and the USSR in 1955 did not lead to the restoration of ideological unity. Yugoslav Marxism continued to be the basis of the ideology of this country. This affected the bilateral relations of the states.

Since that time, ideology has been an important factor in relationships between the SFRY and the USSR. Consequently, the evaluation of Yugoslav Marxism by Soviet philosophers, which they expressed on the pages of professional journals, is of great interest to study. It can show how different the Marxism of the two countries was. Publications in professional journals should allow us to see the essence of criticism without ideological clichés and simplifications. As the main source, we reviewed the articles that were published in the journal "Questions of Philosophy".

The study of the materials of the journal "Questions of Philosophy" for 1948 – 1958 allowed us to come to the following conclusions. First, the differences between Yugoslav and Soviet Marxism were profound. They concerned the assessment of current international relations, issues of the practice of building communism and theoretical issues of Marxism. Secondly, publications in a professional journal were not free from journalistic clichés. On the contrary, they were the only ones used in relation to Yugoslavia, its leaders and ideology in 1948-1955. Thirdly, the 1957 – 1958 conflict led to a change in the nature and number of publications about Yugoslav Marxism. By that time the number of them has increased significantly. They now contain a professional analysis of the main provisions of the Yugoslav ideology. The profound difference in understanding of the basic provisions of Marxism, the characteristics of the modern world has led to the fact that publications have retained a sharp criticism of the ideology of the SFRY.
Keywords: socialist Yugoslavia, Marxism, “Russian Studies in Philosophy”

For citation: Gorodetskaya, N.B. (2023) “Such a different Marxism”. Soviet Marxists' criticism of Yugoslav “revisionism”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 91–96. doi: 10.17223/19988613/81/10

© Н.Б. Городецкая, 2023

Хорошо известно, что после Второй мировой войны все славянские страны вошли в социалистический лагерь и их общества начали жить в условиях господства марксисткой идеологии. В первые послевоенные годы там существовали так называемые режимы советского типа, предполагающие политический плюрализм. Но в силу различных внутренних и внешних причин коммунистические партии все равно занимали в этих странах доминирующее положение, а марксистско-ленинско-сталинская идеология была действительно популярна в народных массах. Однако вскоре это единство социалистического лагеря было нарушено. В 1948 г. разразился конфликт между Югославией и Советским Союзом, который, кроме всего прочего, привел и к идеологическому расколу. В резолюции II Совещания Коминформбюро утверждалось, что «в руководстве КПЮ в последние 5–6 месяцев открыто возобладали националистические элементы, имевшиеся ранее в скрытом виде, что руководство КПЮ… встало на путь национализма» (цит. по: [1 С. 30–31]). Кроме национализма, югославское руководство обвинялось в том, что оно «за последние время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики неправильную линию, представляющую отход от марксизма-ленинизма» [2. С. 583]. Для Й. Броз Тито это означало необходимость в сжатые сроки перестроить внешнюю и внутреннюю политику государства, найти новых торговых партнеров.

Особенно важно было реформировать идеологию страны. До 1948 г. Йосип Броз Тито был наиболее последовательным и верным «учеником» Сталина, практически дословно повторяя идеи и лозунги сталинизма. Однако придерживаться этих идеологических норм в условиях глубокого конфликта, было невозможно. Отказаться же от коммунистической идеи и марксистской идеологии вовсе было немыслимо. Ведь всего четыре года назад партизанские отряды во главе с Тито под красным коммунистическим знаменем активно и успешно боролись с оккупантами, победили в борьбе с четниками. Они завоевали право строить после победы во Второй мировой войне новую Югославию.

В этой сложной ситуации было принято решение разработать собственный вариант социалистического и философского учения. Главными разработчиками такого учения стали Борис Кидрич (занимал пост президента комиссии по планированию и был членом Политбюро ЦК КПЮ) и Эдвард Кардель (в то время занимал пост председателя правительства ФНРЮ и министра иностранных дел). В основе его лежали идеи раннего, или, как называли его югославские идеологи, «аутентичного», марксизма. Это учение, по мнению югославских идеологов, являлось «правильным», истинным пониманием марксизма, в отличие от советского варианта. Позже сам Э. Кардель в выступлении на расширенном заседании Межобщиной конференции Союза коммунистов по Герцеговине, состоявшейся 16 сентября 1972 г., вспоминая конфликт со Сталиным, подчеркивал, что «…в то время (в 1948 г. – *Н.Г.*) мы обратились к самим себе, к анализу не только советского общества. Мы выявили причины этого конфликта и в нашем обществе, т.е. в самой КПЮ, вернее, в тенденциях бюрократизма, срастания партийного аппарата с государственным аппаратом и аппаратом в народном хозяйстве, а также и в самой структуре нашего общества – в способе управления все более развитыми производственными силами и общественным капиталом, в способе распределения дохода, в роли государства и т.д.» [3. С. 26].

Хорошо известно, что в конце концов конфликт СССР с Югославией был урегулирован. В 1955 г. состоялся визит Н.С. Хрущева в Белград, который знаменовал начало процесса нормализации. Однако восстановление государственных и экономических отношений стран не означало полного разрешения противоречий. Уже в 1956 г. «недовольство Москвы вызывала активная деятельность Югославии, направленная на поддержку венгерского правительства И. Надя и его либерального курса» [4. С. 132]. В ноябре 1957 г. Югославская делегация не согласилась с рядом положений Декларации двенадцати коммунистических и рабочих партий, выработанной на совещании таких партий в Москве, и отказалась ее подписать [Там же. С. 133]. В 1958 г. советское руководство оценило проект новой программы СКЮ «как антисоветский, противоречащий принципам марксизма-ленинизма» [Там же. С. 134]. Следствием этого стал новый виток конфликта между странами, который тянулся вплоть до 1960-х гг. Помимо критики СФРЮ в печати, следствием этого конфликта стал пересмотр заключенных раннее двусторонних договоров об экономическом сотрудничестве не в пользу СФРЮ.

Причины таких сложных и конфликтных отношений двух социалистически стран кроются, конечно, в самостоятельной внешней политике Югославии, ее «внеблоковом положении». Но и идеологические противоречия также осложняли налаживание диалога между странами. Ведь после 1955 г. Йосип Броз Тито не отказался от «самоуправленческого социализма». Напротив, концепция продолжала развиваться, став в 1960-е гг. «фетишем, догмой, святыней, достижением, содержания которого никто не смел касаться» [5. С. 453]. Советские же руководители и пропагандисты продолжали клеймить «аутентичный югославский марксизм», обвиняя идеологов СФРЮ в «ревизионизме».

Поскольку важным фактором советско-югославских отношений была идеология, то интерес представляет, по нашему мнению, оценка югославской ревизии марксизма советскими учеными-марксистами, высказывавшаяся ими в профессиональных журналах. Вероятно, именно на страницах этих периодических изданий мы можем увидеть описание реальных противоречий, а не пропагандистские штампы, тиражировавшиеся массовыми газетами. В данной статье мы рассмотрим публикации, посвященные югославскому пересмотру марксизма, в журнале «Вопросы философии» в 50-е гг. XX в.

Журнал «Вопросы философии» был создан в 1947 г. по инициативе Б.М. Кедрова при поддержке А.А. Жданова и с личного разрешения И.В. Сталина [6]. Сам Б.М. Кедров, ставший главным редактором, стремился к тому, чтобы «Вопросы философии» были научным журналом, на страницах которого публиковались бы новаторские статьи, велись научные дискуссии по са-

мым широким вопросам философской науки. Однако, как утверждали члены редколлегии разных лет, достичь этой цели по-настоящему удалось только в конце 1950-х гг. Именно тогда журнал стал не просто «идеологическим изданием догматического типа, предназначенным для вещания философских истин в последней инстанции», он стал превращаться в «научное философское издание» [7].

Первоначально журнал выходил три раза в год. С 1951 г. «Вопросы философии» стали издаваться раз в два месяца, а с 1958 г. журнал стал ежемесячным. В данной статье мы рассмотрим публикации с 1948 по 1958 г. (год резкого охлаждения отношений СФРЮ с СССР из-за идеологических разногласий). Такой хронологический отрезок позволит последить эволюцию отношения советских марксистов к югославскому «аутентичному марксизму» на фоне изменения отношений между странами. В данный период в журнале сменились три главных редактора: с 1948 по 1952 г. этот пост занимал Д.И. Чесноков, с 1952 по 1954 г. – Ф.В. Константинов, в 1954–1959 г. – М.Д. Каммари [8]. На протяжении всего рассматриваемого периода в журнале существовал раздел, посвященный зарубежной философской мысли. До 1957 г. этот раздел назывался «Буржуазная философия», а с 1957 – «Современная философия и социология за границей». Уже эволюция названия раздела иллюстрирует изменение отношения редакции к современной зарубежной философии. Обратим внимание на то, что в нем в большинстве случаев анализируется (точнее, критикуется) философия стран Западной Европы и США. Философские работы авторов социалистического блока чаще всего упоминались в разделе, содержащем рецензии на новые философские произведения, либо обзоры конференций, совещаний, симпозиумов и т.п. Статьи о югославской философии также помещались в эти разделы. При этом бросается в глаза относительное слабое внимание советских марксистов к югославской проблеме. Статей, посвященных непосредственно «самоуправленческому марксизму», в журнале крайне мало. Первая подобная статья появляется только в 1958 г.: это статья И.Г. Герасимова и Э. Иово «Освещение проблем диалектического материализма в Югославии» [9].

В период наиболее острых отношений СФРЮ и СССР, с 1948 по 1955 г., авторы журнала «Вопросы философии» не стремились анализировать югославские идеологические поиски. Только в нескольких статьях, посвященных совершенно другим проблемам, упоминается даже не югославский марксизм, а имена лидеров страны – Тито, Ранковича и т.д. Эти упоминания копируют формулировки прессы тех лет. Например: «…фашистская клика Тито–Ранковича прикрывается той же маской своеобразного югославского движения к социализму» [10. С. 32]; «Титовская банда шпионов и убийц готова на словах совершать любые “скачки”… только бы этой словесной эквилибристикой замаскировать полицейско-гестаповский режим, введенный в Югославии» [11. С. 303].

Таким образом, в момент появления югославского «аутентичного марксизма» советские марксисты – авторы статей журнала «Вопросы философии» – не стали анализировать сущность этого явления, ограничившись повторением клише из советских газет. Не проводилось качественного сравнения положений советского и югославского марксизма, не обосновывались «ошибки югославских идеологов».

В период с 1955 по 1958 г. авторы журнала «Вопросы философии» продолжали обходить молчанием проблематику югославского марксизма. Не было не только статей, посвященных ему, – исчезли упоминания о СФРЮ, ее вождях и идеологах и в других статьях журнала. Хотя именно в этот период проходила активная работа, направленная на нормализацию отношений между странами.

Ситуация меняется в 1958 г. Прошедшее в Москве в 1957 г. Совещание коммунистических и рабочих партий подчеркнуло необходимость «решительного преодоления ревизионизма и догматизма в рядах коммунистических и рабочих партий» [12]. Делегаты Совещания пришли к выводу, что «главной опасностью в настоящее время является ревизионизм» [Там же]. Неудивительно поэтому, что философы-марксисты СССР обратили наконец внимание на идеологию югославских марксистов. В журнале «Вопросы философии» за 1958 г. появились статьи, посвященные непосредственно югославскому марксизму. Например, статьи В.С Молодцова «Классовые и гносеологические основы ревизионизма» [13], Г.М. Гак «Марксистско-ленинская теория революции и современная история» [14], А.П. Бутенко «”Национальный коммунизм” – идеологическое оружие буржуазии» [15], В.Ф. Козловского и Ма-Цзи-хуа «До конца разоблачать своеремнный ревизионизм» [16]. В этих статьях впервые на страницах журнала анализировались взгляды югославских философов. Авторы статей отказались от огульной критики СКЮ и ее лидеров, не использовали нелицеприятные эпитеты. Благодаря этим статьям мы можем увидеть, какие положения «титоизма» вызывали наибольший интерес (и резкую критику) ученых-марксистов.

Анализ названных выше статей позволяет нам разделить массив «претензий» авторов журнала «Вопросы философии» на три группы. Во-первых, это несогласие с югославами по поводу трактовки теоретических вопросов марксизма. Во-вторых, неверные, по мнению советских философов, анализ и оценка опыта Советского Союза в построении социализма. В-третьих, несогласие с анализом и оценкой современного мира и международной обстановки.

Анализируя теоретические взгляды югославов, советские марксисты отмечали, что югославский ревизионизм вообще нельзя считать марксизмом. Это, скорее, некое эклектичное учение. Например, в гносеологическом учении югославских философов советские марксисты видели влияние релятивизма. В.С. Молодцов, в частности, анализируя идеи югославского философа Й. Кристича, отмечал, что «ревизионисты запутались в абстрактных категориях, они выражают неверие в познавательную мощь человеческого разума, становятся на путь субъективистского релятивизма» [13. С. 24].

Во-вторых, в вопросе о понимании истины советские философы наблюдали пересечения с идеализмом.

В той же статье В.С. Молодцов отмечал, что югославские ревизионисты грешат «субъективно-идеалистическим истолкованием предмета философии и категории истины» [13]. Однако важной задачей любого марксиста как истинного, убежденного материалиста является борьба с идеализмом и релятивизмом. Отказаться от нее, принять некоторые положения враждебного учения означает перестать быть марксистом. В чем, собственно, и упрекали югославов.

Третью теоретическую ошибку югославов советские марксисты видели в их понимании учения о государстве. По их мнению, югославы неправильно понимали сущность современного буржуазного государства. Советские марксисты не могли согласиться с идей о постепенном проникновении социалистических элементов в капиталистические государственные отношения. Югославы под таким проникновением понимали рост регулирующей роли государства в экономике, развитие социального законодательства. Таким образом, врастание элементов социализма в капиталистическое государство превращало последнее из инструмента подавления буржуазией трудящихся в некую надклассовую структуру, регулирующую отношения между классами, ограничивающую свободу частного капитала. «Буржуазное государство все больше контролирует капитал, частично ограничивая право частного управления капиталистической собственностью» (цит. по: [17. С. 4], – это положение программы СКЮ 1958 г. не могли принять советские философы. «Авторы подобных утверждений… скрывают, что это вмешательство не может изменить природу капитализма, отменить капиталистическую собственность на средства производства, ликвидировать эксплуатацию рабочего класса» [Там же]. Самое главное – «в новых условиях деятели СКЮ поднимают на щит разгромленные еще Лениным буржуазные россказни о «надклассовом» характере капиталистического государства, пересматривают положение о его эксплуататорской сущности» [Там же. С.5]. Соответственно, согласиться с этим тезисом никак нельзя, обращение к нему означает отказ от марксизма в целом и глубокое заблуждение.

Вторая большая группа претензий связана с оценкой опыта Советского Союза в построении социалистического государства. Советские марксисты исходили из того, что путь СССР – единственно верный, а отклонения от него недопустимы и ставят под сомнение саму возможность построения социализма. Однако основой югославского марксизма был именно отказ от советского пути, что вызывало критику советских философов. Во-первых, югославские марксисты считали, что переход к социализму возможен не революционным, а эволюционным путем. Во-вторых, не признавали необходимость не только диктатуры пролетариата, но и существования сильного государства в переходный период, исходили из идеи об отмирании государства во время построения социалистического общества. Некоторые советские марксисты видели в этом не просто ошибку, а предательство интересов рабочего класса «Они (югославские ревизионисты. – *Н.Г.*) ратуют за отмирание государства в переходный период, чтобы разоружить рабочий класс перед его врагами» [16. С. 176]. В-третьих, в различных программных документах югославы подчеркивали своеобразие каждой страны, сделавшей социалистический выбор. Следовательно, и путь к коммунизму у этих стран должен быть не единообразным, а особенным, «национальным». На страницах журнала «Вопросы философии» весь комплекс представлений о «национальном коммунизме» характеризуется как «злокачественный идеологический продукт» [14. С. 13]. Он представлялся отечественным авторам «отходом от принципов пролетарского интернационализма и переходом на позиции буржуазного национализма» [Там же]. Безусловно, это несовместимо с марксистской идеологией и является принципиальной ошибкой СКЮ.

Третья группа тезисов, подвергавшихся критике со стороны советских марксистов, касается оценки анализа современной международной обстановки. Югославские марксисты, исходя из международного внеблокового положения собственной страны, отрицали деление мира на две антагонистические общественно-политические системы: капиталистическую и социалистическую. Не признавали они также и невозможность мирного сосуществования капиталистических и социалистических государств. Они отрицали положение, что единственной целью мира капитала является уничтожение социализма. Современную международную обстановку югославы видели просто как борьбу двух военно-политических блоков, во главе которых стоят две сверхдержавы. Противоречия между блоками, таким образом, проистекают из разных политических интересов сверхдержав, а не из их идеологических различий. По мнению же советских марксистов, подобные выводы югославов – не просто ошибка. Это повторение тезисов враждебных социалистическому миру западных мыслителей. «Югославские ревизионисты подхватили «теорию ведущего буржуазного историка А. Тойнби о том, что двух мировых лагерей нет и быть не может, а есть только две сверхдержавы – США и СССР» [16. С. 177]. Смысл этой теории – «скрыть подлинный смысл борьбы между лагерем социализма, мира, прогресса и свободы народов и лагерем империализма, реакции, агрессии и колониализма» [Там же]. Таким образом, пропагандируя вслед за «буржуазными» мыслителями такие взгляды, югославы помогают им, поддерживают враждебные социалистической системе силы. С чем, конечно, не могут мириться советские философы-марксисты.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что разница между советским и югославским марксизмом была существенной и глубокой. Она касалась как сугубо теоретических вопросов, так и оценок современной международной политики и развития социалистических стран.

Отношение к югославской версии марксизма советских философов, публиковавшихся в журнале «Вопросы философии» в рассматриваемый период, всегда было отрицательным, но не одинаковым. Эволюция отношения, которую прошли авторы журнала «Вопросы философии», делится на три этапа. В период начальной и наиболее острой фазы конфликта между странами философы, следуя за пропагандистской ли-

нией, резко высказывались по поводу бывшего союзника, избегая, впрочем, анализа предмета своей критики. В период нормализации отношений СССР и СФРЮ – воздерживались от упоминания идеологического противника. И, наконец, в 1958 г., когда идеологическая разница между странами стала фактором двусторонних отношений стран и привела к очередному витку их конфликта, был предпринят комплексный и глубокий анализ основных положений югославского марксизма.

Список источников

1. Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М. : Наука. 610 с.
2. Гибианский Л.Я. Из друзей – во враги: конфликт с Кремлем (1948–1949) // Югославия в XX веке : очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М. : Индрик, 2011. С. 567–590.
3. Выступление тов. Э. Карделя на расширенном заседании межобщинной конференции Союза коммунистов по Герцеговине, состоявшейся в Мостаре 16 сентября 1972 года // Идейное и политическое наступление СКЮ : выступления тов. Тито, Карделя и Доланца. Белград : : Секретариат информации Союзного исполнительного веча, 1977. С. 25–50.
4. Вреск С. «Троянский конь» в социалистическом «лагере»: Советский Союз и Югославия в 1957–1958 гг. // Вестник Пермского университета. 2011. № 2. С. 130–136.
5. Димић Љ. Историја српске државности. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. 472 с.
6. Кедров Б.М. Как создавался наш журнал. Вопрос о новом журнале на философской дискуссии 1947 г. URL: https://sites.google.com/site/bolshevistphilosophy/Home/tom-3/soderzanie/kedrov
7. Садовский В.Н. «Вопросы философии» в шестидесятые годы. URL: https://sites.google.com/site/bolshevistphilosophy/Home/tom-3/soderzanie/sadovskij
8. Лекторский В.А. «Вопросы философии» за 60 лет // Вопросы философии. 2007. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content& task=view&id=5&Itemid=6
9. Герасимов И.Г., Иово Э. Освещение проблем диалектического материализма в Югославии // Вопросы философии. 1958. № 3. С. 176–179.
10. Фролов К.М. Борьба рабочего класса за победу социализма в странах народной демократии // Вопросы философии. 1950. № 3. С. 33–52.
11. Морочнин С.Б. Коренная противоположность диалектики и софистики // Вопросы философии. 1950. № 3. С. 295–303.
12. Декларация коммунистических и рабочих партий социалистических стран // Документы XX века. URL: http://doc20vek.ru/node/3851
13. Молодцов В.С. Классовые и гносеологические основы ревизионизма // Вопросы философии. 1958. № 12. С. 14–24
14. Гак Г.М. Марксистско-ленинская теория революции и современная история // Вопросы философии. 1958. № 5. С. 3–14.
15. Бутенко А.П. «Национальный коммунизм» – идеологическое оружие буржуазии // Вопросы философии. 1958. № 6. С. 3–16.
16. Козловский В.Ф., Ма-Цзи-хуа. До конца разоблачать современный ревизионизм // Вопросы философии. 1958. № 10. С. 175–181.
17. Николаев В.В. Против ревизионистских искажений марксистско-ленинского учения о государстве // Вопросы философии. 1958. № 11. С. 4–17.

References

1. Edemskiy, A.B. (2008) *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-yugoslavskie otnosheniya v 1953–1956 godakh* [From conflict to normalization. Soviet-Yugoslav relations in 1953–1956]. Moscow: Nauka.
2. Gibianskiy, L.Ya. (2011) Iz druzey – vo vragi: konflikt s Kremlem (1948–1949) [From friends to enemies: A conflict with the Kremlin (1948–1949)]. In: Nikiforov, K.V. (ed.) *Yugoslaviya v XX veke: ocherki politicheskoy istorii* [Yugoslavia in the 20th century: Essays on political history]. Moscow: Indrik. pp. 567–590.
3. Kardel, E. (1977) Vystuplenie tov. E. Kardelya na rasshirennom zasedanii mezhobshchinnoy konferentsii Soyuza kommunistov po Gertsegovine, sostoyavsheysya v Mostare 16 sentyabrya 1972 goda [Speech by Comrade E. Kardel at the enlarged meeting of the intercommunal conference of the Union of Communists in Herzegovina, held in Mostar on September 16, 1972]. In: *Ideynoe i politicheskoe nastuplenie SKYu: vystupleniya tov. Tito, Kardelya i Dolantsa* [The ideological and political offensive of the SKYu: Speeches by Comrades Tito, Kardelya and Dolanz]. Belgrad: Secretariat of Information of the Federal Executive Council. pp. 25–50.
4. Vresk, S. (2011) “Troyanskiy kon”’ v sotsialisticheskom “lagere”: Sovetskiy Soyuz i Yugoslaviya v 1957–1958 gg. [“Trojan horse” in the socialist “camp”: The Soviet Union and Yugoslavia in 1957–1958]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2. pp. 130–136.
5. Dimiћ, Љ. (2001) *Istorija srpske drzhavnosti. Srbija u Jugoslavij*. Novi Sad: [s.n.].
6. Kedrov, B.M. (n.d.) *Kak sozdavalsya nash zhurnal. Vopros o novom zhurnale na filosofskoy diskussii 1947 g.* [How our magazine was created. Question about a new journal at a philosophical discussion in 1947]. [Online] Available from: https://sites.google.com/site/ bolshevistphilosophy/Home/tom-3/soderzanie/kedrov
7. Sadovskiy, V.N. (n.d.) *“Voprosy filosofii” v shestidesyatye gody* [“Problems of Philosophy” in the sixties]. [Online] Available from: https://sites.google.com/site/bolshevistphilosophy/Home/tom-3/soderzanie/sadovskij
8. Lektorskiy, V.A. (2007) *“Voprosy filosofii” za 60 let* [“Voprosy filosofii” for 60 years]. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content& task=view&id=5&Itemid=6
9. Gerasimov, I.G. & Iovo, E. (1958) Osveshchenie problem dialekticheskogo materializma v Yugoslavii [The problems of dialectical materialism in Yugoslavia]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 176–179.
10. Frolov, K.M. (1950) Bor'ba rabochego klassa za pobedu sotsializma v stranakh narodnoy demokratii [The struggle of the working class for the victory of socialism in the countries of people's democracy]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 33–52.
11. Morochnin, S.B. (1950) Korennaya protivopolozhnost' dialektiki i sofistiki [The radical opposite of dialectics and sophistry]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 295–303.
12. Doc20vek.ru. (n.d.) *Deklaratsiya kommunisticheskikh i rabochikh partiy sotsialisticheskikh stran* [Declaration of the communist and workers' parties of the socialist countries]. [Online] Available from: http://doc20vek.ru/node/3851
13. Molodtsov, V.S. (1958) Klassovye i gnoseologicheskie osnovy revizionizma [Class and epistemological foundations of revisionism]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 14–24
14. Gak, G.M. (1958) Marksistsko-leninskaya teoriya revolyutsii i sovremennaya istoriya [Marxist-Leninist theory of revolution and modern history]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 3–14.
15. Butenko, A.P. (1958) “Natsional'nyy kommunizm” – ideologicheskoe oruzhie burzhuazii [“National communism” – the ideological weapon of the bourgeoisie]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 3–16.
16. Kozlovskiy, V.F. & Ma-Ji-hua. (1958) Do kontsa razoblachat' sovremennyy revizionizm [To fully expose modern revisionism]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 175–181.
17. Nikolaev, V.V. (1958) Protiv revizionistskikh iskazheniy marksistsko-leninskogo ucheniya o gosudarstve [Against revisionist distortions of the Marxist-Leninist doctrine of the state]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 4–17.

***Сведения об авторе*:**
Городецкая Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: natalia_13_06@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Gorodetskaya Natalya B. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History of the Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: natalia_13_06@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.10.2022; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 31.10.2022; accepted for publication 09.01.2023

.

Научная статья
УДК 94 + 339.9
doi: 10.17223/19988613/81/11

Обсуждение «раунда Кеннеди» в конгрессе США

Оксана Геннадьевна Лекаренко

Томский государственный университет, Томск, Россия, olekarenko@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются дискуссии в конгрессе США по вопросам американской внешнеэкономической политики во время проведения «раунда Кеннеди» в ГАТТ. Проанализированы основные проблемные вопросы, поднятые представителями законодательной власти в ходе слушаний в комитетах конгресса, а также действия правительства, направленные на успешное завершение «раунда Кеннеди». Делается вывод о том, что исполнительная власть сумела сдержать протекционистские настроения в конгрессе и провести программу либерализации торговли, сформулированную правительством Дж. Кеннеди.
Ключевые слова: ГАТТ, «раунд Кеннеди», торговая политика США

Для цитирования: Лекаренко О.Г. Обсуждение «раунда Кеннеди» в конгрессе США // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 97–105. doi: 10.17223/19988613/81/11

Original article

Discussion of the Kennedy Round in the US Congress

Oksana G. Lekarenko

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olekarenko@gmail.com

Abstract. The article aims to trace the debate on American foreign economic policy in the US Congress during the Kennedy Round of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT). The primary sources for this study were transcripts of meetings of the Senate and the House of Representatives, as well as hearings before congressional committees (the Committee on Foreign Affairs and the Committee on Finance). Other sources included documents on American foreign policy, memoirs of politicians and participants of the Kennedy Round, and publications in American newspapers. The article begins with a brief description of the premise of the Kennedy Round. The John F. Kennedy administration, committed to a liberal trade policy, initiated a new round of multilateral negotiations under the GATT. The administration promised to seek mutually beneficial tariff cuts not only on industrial, but also on agricultural goods. Unlike previous rounds of the GATT, congressional oversight of the negotiations has been strengthened. The main part of the article is devoted to the discussion of the course and expected outcome of trade negotiations by congressmen. Disagreements among the participants and delays at the Kennedy Round revived the debate in the US Congress between free traders and protectionists. Protectionists criticized the government for insufficient protection of the interests of American farmers. They opposed the subordination of domestic economic interests to the objectives of American foreign policy. Many congressmen felt that the government had overstepped its authority, retreated from the original goals of the Kennedy Round and constantly surrendered American positions during negotiations, made inadequate concessions and failed to reach a mutually beneficial agreement. They urged against signing a hasty and ill-conceived agreement. In response, the administration was trying to convince the Congress that although the outcome of the negotiations would be modest than initial expectations, in general it would be beneficial to the United States. The last part of the article briefly describes the outcome of the Kennedy Round. Despite prolonged and complex negotiations, the Kennedy Round was completed successfully. Its main achievement was more substantial reduction of tariffs on manufactured goods than in the previous negotiations. To sum up, the governments of John F. Kennedy and Lyndon B. Johnson succeeded in implementing the program of trade liberalization, despite the criticism of the protectionists in the Congress. At the same time, it was the last victory of free traders. In the 1970s, the rise of non-tariff barriers, which invalidated the gains of the Kennedy Round, and continued trade tensions with the European Economic Community contributed to the growth of protectionism.
Keywords: GATT, Kennedy Round, US trade policy

For citation: Lekarenko, O.G. (2023) Discussion of the Kennedy Round in the US Congress. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 97–105. doi: 10.17223/19988613/81/11

© О.Г. Лекаренко, 2023

Одной из глобальных экономических организаций, учрежденных в 40-е гг. XX в., было Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), целью которого являлось содействие развитию мирового торгово-экономического сотрудничества. Страны, подписавшие в октябре 1947 г. соглашение о создании ГАТТ, должны были следовать принципам и нормам организации, в число которых входило развитие свободной торговли. Главным инструментом, способствующим устранению препятствий в мировой торговле (тарифы, квоты и нетарифные способы ограничения импорта) служили периодически созываемые многосторонние переговоры в ГАТТ, получившие название раундов.

В переговорах могли участвовать как отдельные государства, так и блоки стран. К числу последних относилось учрежденное в соответствии с Римским договором 1957 г. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, Общий рынок), в которое входили Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция и ФРГ. Согласно ст. 113 Римского договора переговоры от имени сообщества вела Комиссия, действующая по поручению Совета министров [1. С. 173]. Комиссия должна была руководствоваться интересами сообщества, а также учитывать интересы отдельных государств-членов ЕЭС.

Развитие Общего рынка способствовало росту экономических противоречий между США и ЕЭС. Во-первых, создание таможенного союза и рост взаимной торговли между государствами-членами ЕЭС вели к вытеснению американских товаров с европейских рынков. Во-вторых, проводимая сообществом политика по подписанию преференциальных соглашений с бывшими колониями европейских государств укрепляла конкурентные преимущества ЕЭС на рынках развивающихся стран. В-третьих, формирование Общей сельскохозяйственной политики (ОСП), главные цели которой заключались в том, чтобы достичь полной самообеспеченности стран «шестерки» продовольствием, гарантировать фермерам стабильный доход и защитить местных производителей от внешней конкуренции [2. С. 129–131], угрожало американскому сельскохозяйственному экспорту в Европу. Одним из методов защиты европейских фермеров, применяемых в сообществе, являлось введение подвижных импортных сборов, с помощью которых цена импортируемых товаров повышалась до уровня единых цен Общего рынка.

Пришедшее к власти в начале 1960-х гг. правительство Дж. Кеннеди придерживалось либеральной торговой политики и инициировало проведение нового раунда многосторонних переговоров в ГАТТ. С помощью переговоров Вашингтон рассчитывал уменьшить трения в торговых отношениях с ЕЭС. Правительство США также надеялось, что расширение американского экспорта будет способствовать сокращению дефицита платежного баланса, который к этому времени начал принимать угрожающие размеры. Переговоры имели не только экономическое, но и политическое значение, являясь частью внешнеполитической программы администрации Дж. Кеннеди по построению атлантического партнерства, основанного на неделимости безопасности западных стран и взаимозависимости их экономического процветания.

Состоявшийся в 1964–1967 гг. в Женеве шестой по счету раунд переговоров в ГАТТ был назван в честь президента США «раундом Кеннеди». В центре «раунда Кеннеди», в котором участвовали 43 страны из 62 стран-членов ГАТТ, оказались переговоры между США и ЕЭС. В порядке подготовки к переговорам правительство Дж. Кеннеди разработало новый торговый закон, предоставивший президенту широкие полномочия по сокращению тарифов на 50% на взаимовыгодной основе. В ходе обсуждения закона в конгрессе США разгорелись острые дебаты между сторонниками свободной торговли и протекционистами. Если первые видели в снижении пошлин возможность расширения американского экспорта и роста доходов, то вторые опасались притока в страну дешевых импортных товаров, которые могли подорвать конкурентоспособность американской промышленности на внутреннем рынке. Протекционисты выступали против подчинения внутренних экономических интересов задачам внешней политики США по укреплению отношений с Общим рынком.

Другой проблемой, беспокоящей конгрессменов, был вопрос о соотношении полномочий исполнительной и законодательной ветвей власти в ходе подготовки и ведения переговоров. Согласно конституции формирование таможенной политики являлось прерогативой конгресса. Таким образом, чтобы обеспечить утверждение Закона о расширении торговли конгрессом, администрация Дж. Кеннеди пошла на некоторые уступки в пользу законодательной власти. В закон был включен ряд положений, усиливающих наблюдательные и контрольные функции конгресса в отношении внешнеэкономической деятельности правительства.

Так, закон 1962 г. ввел новую должность специального представителя президента по торговым переговорам, кандидатура которого утверждалась сенатом. На пяти предыдущих раундах переговоров в ГАТТ делегацию США, состоявшую из представителей профильных министерств, формально возглавлял министр иностранных дел. Теперь его место занял специальный представитель. Инициатива учреждения новой должности принадлежала конгрессу. Делегируя часть своих полномочий в проведении внешнеэкономической политики США исполнительной власти, конгрессмены хотели быть уверенными в том, что на предстоящих переговорах в ГАТТ американские торговые интересы будут защищены должным образом. Официально учреждение новой должности объяснялось необходимостью координации работы различных подразделений правительства, на деле главный мотив, которым руководствовались конгрессмены, заключался в стремлении ограничить влияние госдепартамента США на разработку и осуществление американской внешнеэкономической политики [3. P. 248].

Специальный представитель напрямую подчинялся президенту, но также нес ответственность перед конгрессом. Закон о расширении торговли установил, что два члена палаты представителей и два сенатора будут членами каждой делегации, ведущей торговые перего-

воры [4. С. 124–125]. Должность специального представителя занял бывший госсекретарь К. Гертер. Позднее у него появились два заместителя, один из которых – У. Рот – работал в Вашингтоне, а второй – М. Блументаль – находился во главе американской делегации на переговорах в Женеве. При подборе кандидатур на должность специального представителя и его заместителей особо учитывались их опыт и способности взаимодействовать с представителями законодательной власти. Члены конгресса время от времени наведывались в Женеву для наблюдения и комментариев о ходе переговоров. Самым активным был депутат от штата Миссури Т.В. Куртис, отчеты которого играли роль связующего звена между делегацией США на «раунде Кеннеди» и конгрессом [5. P. 91–92].

Под давлением министерства сельского хозяйства и сельскохозяйственного лобби в конгрессе правительство США обещало добиваться от Общего рынка сокращения тарифов не только на промышленные, но и на сельскохозяйственные товары. К этому времени в США скопилась большая масса избыточной сельскохозяйственной продукции, однако попытки перевести часть сельскохозяйственных товаров на зарубежные рынки наталкивались на сопротивление торговых партнеров. В специальном докладе для президента от 4 февраля 1963 г., посвященном проблемам торговли сельскохозяйственной продукцией со странами ЕЭС, министр сельского хозяйства О. Фримэн настаивал на том, что Соединенные Штаты могут предоставить странам Общего рынка тарифные уступки на промышленные товары только в обмен на тарифные уступки ЕЭС на сельскохозяйственный импорт из США [6]. Включение сельского хозяйства в повестку дня переговоров в ГАТТ, равно как и рассмотрение вопросов, связанных с нетарифными способами ограничения импорта, происходило впервые. В ходе «раунда Кеннеди», помимо общего сокращения тарифов на сельскохозяйственную продукцию, правительство США также рассчитывало получить от ЕЭС гарантии свободного доступа на европейские рынки тех товаров, которые подпадали под действие подвижных импортных сборов, в виде установления умеренных цен, отмены квот и других протекционистских мер [7]. Последнее должно было уменьшить негативное воздействие ОСП на американский сельскохозяйственный экспорт в ЕЭС.

Если в промышленности ЕЭС поддерживало программу США по сокращению торговых барьеров, то в сельском хозяйстве сообщество придерживалось протекционистского курса. В самом начале переговоров стало понятно, что Общий рынок пойдет только на такие уступки, которые не будут препятствовать дальнейшему развитию единой внешнеэкономической и сельскохозяйственной политики ЕЭС. Стороны быстро отказались от идеи вести переговоры по сельскому хозяйству по тем же правилам, которые применялись по отношению к промышленным товарам. Вместо предложенного нового метода автоматического «линейного» сокращения тарифов по целым товарным группам в сельском хозяйстве обсуждения велись по традиционному принципу «товар за товаром». Экономические советники Л. Джонсона, сменившего Дж. Кеннеди на посту президента, уже в конце 1964 г. предупреждали, что Соединенным Штатам не следует ожидать слишком многого на переговорах по сельскому хозяйству, а жесткая позиция может лишить их выгодной сделки в промышленности [8. P. 692]. Такой подход, однако, означал отступление от публичных обещаний, озвученных правительством США в ходе принятия торгового закона 1962 г., что могло иметь серьезные внутриполитические последствия.

Переговоры на «раунде Кеннеди» шли сложно. К началу 1966 г. сторонам удалось договориться об исключениях из правила «линейного» сокращения тарифов, но сами списки товаров еще не были готовы. Противоречия развивались в отдельных отраслях промышленности, для их разрешения пришлось создавать отдельные рабочие группы. В целях продвижения переговоров США пошли на уступки и согласились пересмотреть некоторые нетарифные барьеры, включая систему исчисления пошлин на химические товары, при условии получения похожих уступок от других участников. «Раунд Кеннеди» совпал с внутренним кризисом в ЕЭС, известным как кризис «пустого кресла» (июнь 1965 – январь 1966 г.). Кризис «пустого кресла» осложнил торговые переговоры, особенно в той их части, которая была связана с сельским хозяйством. Во-первых, пока продолжался кризис, Комиссия не могла вести переговоры в ГАТТ. Во-вторых, кризис застопорил процесс формирования ОСП. Только через полгода после разрешения кризиса «пустого кресла» страны-члены ЕЭС приняли пакет соглашений по ОСП, включая установление единых цен на основные сельскохозяйственные продукты, после чего в августе 1966 г. ЕЭС смогло представить свои предложения по сельскому хозяйству на «раунде Кеннеди». Они включали снижение пошлин на отдельные продукты на 5–20%. Остальные участники «раунда Кеннеди» сочли уступки ЕЭС недостаточными.

Затянувшиеся переговоры и отход исполнительной власти от первоначальной программы «раунда Кеннеди» вызывали беспокойство конгрессменов. На Капитолийском холме вновь оживились голоса противников курса на либерализацию торговли, которые выступали против сокращения американских пошлин на 50% и призывали к тому, чтобы перестать использовать внешнюю торговлю как инструмент дипломатии [9. P. 26179–26180]. По мере того как переговоры приближались к завершению, конгрессмены хотели быть уверенными в том, что американская делегация на «раунде Кеннеди» сможет добиться заключения выгодного соглашения.

В августе 1966 г. в комиссии по внешней политике конгресса США начались слушания, целью которых являлось рассмотрение внешнеполитических последствий «раунда Кеннеди». Открывая слушания, председатель подкомитета по внешнеэкономической политике Л. Фарбстейн отметил, что последние неудачи в европейской политике США[1] свидетельствуют о том, что американская торговая политика не оказывает должного влияния на европейцев. Он также подчеркнул, что рост американских инвестиций в экономику европейских стран происходит в ущерб торговле, ввиду

чего нерешенной остается проблема платежного баланса США. Л. Фарбстейн предложил рассмотреть сложившееся состояние дел на «раунде Кеннеди» в контексте тех экономических и политических ожиданий, которые существовали в момент принятия торгового закона 1962 г. [10. P. 1].

Представителей законодательной власти больше всего волновал вопрос о возможностях расширения американского сельскохозяйственного экспорта в страны ЕЭС. Они критиковали администрацию за недостаточную твердость в отношении европейцев, которые предоставили лишь незначительные уступки по сельскому хозяйству в сравнении с промышленностью [Ibid. P. 15, 36]. Данные настроения разделялись министерством сельского хозяйства, где были обеспокоены сельскохозяйственной политикой Общего рынка, которая включала высокие внутренние цены и подвижные импортные сборы, что лишало американских экспортеров возможности конкурировать с европейскими производителями посредством цены. В ходе слушаний представители министерства отмечали, что высокие внутренние цены в ЕЭС стимулируют рост внутреннего производства, а это ведет к сокращению импорта [Ibid. P. 53–54]. Кроме сельского хозяйства депутатов волновал вопрос о защите интересов американских производителей промышленных товаров. Депутат от штата Коннектикут Дж. Монаган, представлявший интересы химической промышленности, выразил обеспокоенность ухудшением условий для бизнеса и снижением занятости в данной отрасли в связи с сокращением тарифов [Ibid. P. 34]. С похожими опасениями также выступили представители текстильной промышленности [Ibid. P. 56].

В ответ администрация президента заверяла конгресс, что всеобщее соглашение на «раунде Кеннеди» будет достигнуто только при условии взаимности предоставляемых уступок [Ibid. P. 4, 55]. Помощник госсекретаря по экономическим вопросам А. Соломон подчеркнул, что экономическая изоляция и политическое лидерство являются несовместимыми задачами и что, если Соединенные Штаты хотят и впредь быть лидером свободного мира, они должны идти во главе процесса либерализации торговли. Таким образом, заключал А. Соломон, задача сокращения барьеров в мировой торговле является столь же актуальной, как и в момент принятия Закона о расширении торговли. Он также отметил, что ЕЭС и Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) являются наиболее быстро растущими рынками в мире, куда направляется 28% американского экспорта, и потенциал расширения торговли с данными объединениями еще не исчерпан. Рост торговли между США, ЕЭС и ЕАСТ, отметил А. Соломон, будет стимулировать экономический рост в странах Запада. Альтернативой свободной торговли, по мнению Соломона, являлись экономические войны, сокращение жизненного уровня, экономические и политические трения между партнерами [Ibid. P. 9–10, 13]. Заместитель помощника министра по торговой политике Р. Макнейлл заверил комиссию, что делегация США стала придавать большее значение, чем раньше, экономическим аспектам «раунда Кеннеди», хотя политической контекст переговоров трудно отделить от экономики, и задача укрепления атлантического партнерства по-прежнему является актуальной [Ibid. P. 55].

После нескольких лет обсуждения в рабочих группах в сентябре 1966 г. возобновила свою работу пленарная сессия «раунда Кеннеди». Согласно Закону о рас-ширении торговли срок полномочий американской делегации истекал 30 июня 1967 г. Президент Л. Джонсон не был настроен на продление закона, в который в свете неясного исхода переговоров в ГАТТ могло быть внесено много протекционистских оговорок. Это означало, что, если к концу года стороны не придут к соглашению, провал «раунда Кеннеди» станет неизбежным. На завершающем этапе «раунда Кеннеди» старая дискуссия между фритредерами и протекционистами возобновилась с новой силой. Сенатор Дж. Смазерс, наведавшийся в Женеву в июле, докладывал в конгрессе, что итоги переговоров будут скромнее, чем первоначальные ожидания, но все же выгодными для США. Дж. Смазерс призывал к тому, чтобы бороться за успешное завершение «раунда Кеннеди», так как его провал станет вызовом для ГАТТ и породит сомнения в эффективности данной организации, приведет к возрождению торгового протекционизма и экономического национализма, а также к дальнейшему разделу европейского континента на региональные торговые блоки с ростом соперничества между ними. Разочарование развивающихся стран, отмечал Дж. Смазерс, может подтолкнуть их к поискам альтернативных способов ведения торговли [11. P. 23671].

Частью изначальной американской стратегии в отношении ЕЭС являлось представление внушительных предложений по сокращению тарифов в надежде, что это заставит Общий рынок улучшить свой список. Однако такая стратегия вызывала смешанную реакцию в самих США. Выступая в конгрессе, депутат от штата Миссури Холл назвал либерализацию торговли односторонним движением, при котором США снижают тарифы, а ЕЭС использует массу ухищрений, чтобы этого не делать [Ibid. P. 22221]. Представители законодательной власти били тревогу по поводу сокращения американского сельскохозяйственного экспорта на рынки ЕЭС и ЕАСТ. Эксперты отмечали, что потерю доли на этих рынках невозможно будет компенсировать увеличением сбыта в других регионах мира из-за ограниченности рынков или недостатка твердой валюты. В конгрессе подчеркивали, что сельскохозяйственный экспорт вносит главный вклад в обеспечение положительного сальдо торгового баланса, тем самым способствуя сокращению платежного дефицита США. Неудовлетворительные итоги переговоров по сельскому хозяйству, по мнению конгрессменов, ставили под вопрос успешность «раунда Кеннеди» в целом [Ibid. P. 24367–24368].

Сенатор Мондэйл из Миннесоты призывал делегацию США к тому, чтобы настаивать на подписании взаимовыгодного соглашения, добиваться от ЕЭС отмены подвижных импортных сборов, бороться за сохранение доступа на европейские сельскохозяйственные рынки, показать готовность отменить предо-

ставленные уступки, рассмотреть возможность применения возмездных мер против ЕЭС в соответствии со ст. 252 Закона о расширении торговли, защищать свою позицию так же твердо, как это делает ЕЭС, и не позволить Общему рынку неверно истолковать американские цели и намерения [11. P. 24370]. Сенатор Симингтон предлагал рассматривать переговоры в ГАТТ исключительно с точки зрения экономической выгоды и не подписывать поспешное и непродуманное соглашение [Ibid. P. 23860–23861]. Сенатор Морзе из Орегона отмечал, что американские фермеры заслуживают справедливого распределения доходов и не должны быть принесены в жертву ради получения тарифных выгод для американской промышленности [Ibid. P. 28073].

Давление на правительство оказывали представители фермерских организаций, которые призывали бороться за европейские рынки до конца вплоть до отвода американских промышленных и сельскохозяйственных уступок, если Общий рынок не улучшит свои предложения [Ibid. P 22974]. С критикой в адрес делегации США на «раунде Кеннеди» выступила Федерация американских фермеров, а также Национальный совет по экспорту фруктов, требовавший получения свободного доступа на экспортные рынки [8. P. 860; 12]. 3 октября 1966 г.

13 сенаторов из производящих фрукты и овощи штатов, обеспокоенные публикациями в европейской прессе о том, что ЕЭС пытается включить меры поддержки фермеров, справочные цены и компенсационные сборы в тарифную структуру ГАТТ, отправили письмо президенту Л. Джонсону. Авторы письма подчеркивали, что предложения ЕЭС на «раунде Кеннеди» противоречат «философии Закона о расширении торговли, особенно статье 252, направленной против нетарифных ограничений, импортных сборов и других неправомерных ограничений импорта». Сенаторы выражали свою обеспокоенность по поводу того, что превосходящие политические соображения могут привести к заключению соглашения, идущего вразрез с экономическими интересами США, и настаивали на том, чтобы американская делегация следовала официально заявленным целям заключения взаимовыгодного соглашения и обеспечения доступа американской продукции на сельскохозяйственные рынки взамен на уступки в промышленности [8. P. 863; 11. P. 28072]. В ответном письме сенатору С. Холланду специальный представитель президента по торговым переговорам К. Гертер заверил его, что США будут добиваться либерализации торговли и сбалансированного соглашения с торговыми партнерами. 6 октября в заявлении для прессы К. Гертер отметил, что США разочарованы предложениями Общего рынка и готовы отозвать часть предоставленных уступок [11. P. 28073].

30 ноября в Женеве некоторые страны представили предупредительные списки, в которых перечислялись дополнительные уступки, которые они хотели бы получить от других стран (главным образом от ЕЭС), а также собственные уступки, которые они готовы были отменить в том случае, если другие страны не пойдут на уступки [13. P. 46]. Администрация США, однако, стремилась избегать чрезмерного давления на ЕЭС по вопросам сельского хозяйства, чтобы не ужесточить позицию Франции. В противном случае это могло привести к срыву переговоров, поставить под угрозу единство ЕЭС и усилить напряженность внутри Атлантического альянса.

После того как демократическая партия потеряла часть голосов на выборах 1966 г., сенатор-республиканец из Иллинойса Э. Дирксен выступил с открытой критикой в адрес делегации США на переговорах в ГАТТ. 3 декабря, выступая перед Советом по торговым отношения, он заявил, что Соединенные Штаты, по-видимому, намерены заключить соглашение, которое не возместит ущерб, нанесенный американским фермерам, и одновременно причинит новый ущерб американской промышленности. Дирксен подчеркивал, что США должны быть очень избирательными в сокращении тарифов, так как такое снижение усугубит и без того серьезную проблему дефицита платежного баланса [14. P. 166; 15. P. 2536–2537].

По мере приближения к завершению «раунда Кеннеди» накал критики в адрес правительства только усиливался. Депутат Берри от Южной Дакоты указывал на то, что правительство собирается нарушить свое обещание не идти на снижение тарифов в промышленности без удовлетворительной сделки в сельском хозяйстве и готово принести фермеров на «жертвенный алтарь свободной торговли». Он сомневался, являются ли рост дефицита платежного баланса США, утечка золота из страны и сокращение американского сельскохозяйственного экспорта «великими достижениями политики либерализации торговли», особенно в то время, когда страны Западной Европы движутся в обратном направлении и с помощью подвижных импортных сборов закрывают свой рынок для конкурентоспособных иностранных производителей [15. P. 3853]. Депутат от Пенсильвании Дент отмечал, что сокращение тарифов ведет к росту импорта, следствием чего является потеря тысяч рабочих мест в таких отраслях, как производство стали, стекла, керамики, текстиля, транзисторов, электроники, консервов, овощей и фруктов [Ibid. P. 4191]. Сенатор Пастор восклицал: «Мы импортируем безработицу!» [Ibid. P. 4956].

В 1967 г. произошли изменения в аппарате специального представителя президента по торговым переговорам. После смерти К. Гертера новым специальным представителем был назначен его заместитель У. Рот, который выполнял большую часть работы во время болезни Гертера[2]. Как заместитель К. Гертера У. Рот занимался координацией политики внутри исполнительной ветви власти и отношениями с конгрессом. Он с самого начала осознавал, что конгресс будет настаивать на взаимовыгодной торговой сделке. По мере развития переговоров он все больше дистанцировался от изначальной политической цели «раунда Кеннеди» по созданию партнерства между США и единой Европой. Его внимание было сосредоточено на узких технических деталях торговых переговоров. Когда У. Рот прибыл в Женеву, европейцев впечатлил его деловой, а не политический подход к переговорам, который позднее сам У. Рот охарактеризовал в своем выступлении перед комитетом конгресса следующим образом: «Я тор-

говец, а не дипломат» [5. P. 178; 16]. Хотя США не ожидали полной взаимности предоставляемых уступок с каждым из участников «раунда Кеннеди», они тем не менее стремились к общему сбалансированному соглашению, в котором основные участники сделали бы сравнительно одинаковые предложения.

В феврале 1967 г. в конгрессе возобновились слушания по вопросу о внешнеполитических аспектах «раунда Кеннеди». Выступая перед комиссией по внешней политике, недавно вступивший в должность У. Рот отметил, что поездка в Европу убедила его в том, что торговые партнеры США не хотят провала переговоров [17. P. 2]. В ходе слушаний депутаты традиционно подняли вопросы о состоянии платежного баланса США и ходе переговоров о снижении пошлин на сельскохозяйственную продукцию. У. Рот заверил комиссию, что, если страны ЕЭС не улучшат свои предложения по сельскому хозяйству, США отведут сделанные уступки о снижении пошлин на сельскохозяйственные или промышленные товары [Ibid. P. 11–13]. В ответ на вопрос председателя подкомитета по внешнеэкономической политике Л. Фарбстейна о получении доступа на европейский рынок зерновых, У. Рот отметил, что политика ЕЭС по достижению самообеспеченности продуктами питания на 90% не оставляет возможностей для США расширить свой сельскохозяйственный экспорт в Европу. Однако, продолжил У. Рот, США предложили странам ЕЭС переводить излишки зерновых в фонд оказания помощи развивающимся странам, чтобы таким образом сохранить свою долю на коммерческом рынке [Ibid. P. 14–15].

В ходе слушаний участники дискуссии старались выяснить у экспертов, будут ли переговоры успешными, приведут ли они к либерализации торговли в интересах США и других стран и что можно считать взаимовыгодным итоговым соглашением. По мнению профессора права Джорджтаунского университета, эксперта по международной торговле С.Д. Мецгера, «раунд Кеннеди» должен был привести к снижению тарифов на промышленные товары на 20–25%, а также к незначительному сокращению пошлин в сельском хозяйстве, что по сравнению с предыдущими переговорами в ГАТТ было бы вполне приличным результатом. С.Д. Мецгер отметил, что сельское хозяйство никогда не было успешной частью либерализации торговли, и хотя бы небольшое расширение доступа на европейский рынок или сохранение статус-кво можно считать позитивным результатом [Ibid. P. 43]. Такой же точки зрения придерживался главный экономист Комитета по национальной торговой политике Д. Стейнберг. Он отметил, что если США не получат от ЕЭС уступки в сельском хозяйстве, которые сохранят доступ американской продукции на европейский рынок, то следует отозвать часть уступок в промышленности с целью достижения сбалансированного соглашения [Ibid. P. 68–69].

Оценки экспертов не убедили представителей штатов с преобладанием сельского хозяйства. Депутат от штата Калифорния Дж. Танни выразил общую обеспокоенность по поводу царящей эйфории относительно успеха «раунда Кеннеди», тогда как на самом деле переговоры по сельскому хозяйству провалились [Ibid. P. 86]. Ему вторил редактор фермерского журнала из Филадельфии К.Р. Стритер, который обвинил делегацию США в том, что она отказалась от защиты американских сельскохозяйственных интересов ради спасения «раунда Кеннеди» от провала, в результате чего пострадают американские фермеры [Ibid. P. 125–129]. Он выразил обеспокоенность, что в сельском хозяйстве США могут пойти на бóльшие уступки, чем европейцы. Депутат Дж. Калвер от Айовы напомнил, что правительство США вступило в торговые переговоры в ГАТТ с обещанием добиваться расширения американского доступа на европейский сельскохозяйственный рынок прежде, чем обсуждать снижение тарифов в промышленности. По мнению Дж. Калвера, на «раунде Кеннеди» делегация США потерпела провал, не обеспечив надлежащую защиту американских сельскохозяйственных интересов [Ibid. P. 109, 129].

Кроме сельского хозяйства об ущемлении интересов заявляли представители таких отраслей, как текстильная промышленность, машиностроение, рыболовство, автомобильная промышленность, стальная промышленность, а также производители свинца и цинка. Представители данных отраслей направили свои предложения о повышении тарифов или введении квот с целью ограничения импорта [Ibid. P. 145–146]. Представители малого бизнеса, который в большей степени страдал от увеличения импорта, обратились с просьбой ввести «избавительную оговорку»[3] [Ibid. P. 191]. В ответ сторонники либерализации торговли отмечали выборочное влияние сокращения тарифов не на всю отрасль в целом, а на отдельные фирмы. Они напоминали, что Закон о расширении торговли предусматривал для таких фирм помощь на приспособление к новым условиям торговли [Ibid. P. 147–148]. Эксперты подчеркивали, что провал «раунда Кеннеди» может привести к росту протекционизма, усилению торговых блоков и падению доверия к ГАТТ [Ibid. P. 154]. В пользу либерализации торговли выступила Национальная лига потребителей. В отличие от производителей потребители были заинтересованы в широком выборе товаров и услуг по доступным ценам и либерализации мировой торговли [Ibid. P. 164–165].

10 марта 1967 г. слушания по торговой политике США и «раунду Кеннеди» прошли в финансовой комиссии сената. Комиссия заслушала доклад специального представителя президента по торговым переговорам У. Рота о ходе переговоров в ГАТТ, после чего последовала целая серия вопросов. Сенаторов интересовало, смогут ли США заключить взаимовыгодное соглашение с Общим рынком и приведет ли это к улучшению платежного баланса США [18. P. 3]. В ответ У. Рот заверил, что США не подпишут невыгодного соглашения. В отношении платежного баланса У. Рот пояснил, что соглашение, скорее всего, никак не повлияет на его состояние, так как в результате «раунда Кеннеди» все страны улучшат свои торговые возможности, таким образом все будет зависеть от сохранения положительного сальдо торгового баланса США [Ibid. P. 4–9].

Большое количество вопросов традиционно касалось сельского хозяйства. Так, сенатора Е. Маккартни из Миннесоты интересовало, почему США согласились со снижением цены на пшеницу и получили ли они взамен какую-либо уступку от Общего рынка [18. P. 9]. Сенатор У.Ф. Беннет из Юты спрашивал, удалось ли США получить определенную долю на европейском сельскохозяйственном рынке [Ibid. P. 13]. Сенатор Дж. Смазерс из Флориды подверг критике справочные цены и подвижные импортные сборы ЕЭС как несовместимые с нормами ГАТТ [Ibid. P. 28]. Сенатор Ф. Карлсон из Канзаса интересовался, что было сделано для сокращения подвижных импортных сборов ЕЭС, является ли данный вопрос частью торговой программы США и каким образом будут гарантированы американские интересы [Ibid. P. 15]. У. Рот был вынужден констатировать, что существующее соглашение, гарантирующее доступ американской сельскохозяйственной продукции на рынок ЕЭС, может потерять свое значение в случае наращивания сельскохозяйственного производства в ЕЭС. Таким образом, по мнению У. Рота, основные надежды на сохранение позиций США на европейском рынке были связаны с заключением международного соглашения по зерновым [Ibid. P. 15].

Сенатор Ф. Карлсон обратился к политическим задачам Закона о расширении торговли 1962 г. по созданию Атлантического сообщества, основанного на общей обороне и свободной торговле. Он поставил вопрос: есть ли смысл продолжать торговые переговоры после того, как Франция вышла из военной организации НАТО, Великобритания отказалась участвовать в создании многосторонних ядерных сил, а Общий рынок движется в сторону усиления протекционизма. В ответ У. Рот парировал, что, напротив, при данных обстоятельствах провал «раунда Кеннеди» будет фатальным, так как приведет к ухудшению условий торговли и укреплению торговых блоков в Европе [Ibid. P. 18–19]. Сенаторы Ф. Карлсон и Дж. Смазерс, недавно побывавшие в Женеве, выразили обеспокоенность, что европейские страны сознательно тянут время, чтобы в последний момент вынудить США подписать невыгодное для них соглашение.

У. Рот заверил финансовую комиссию в том, что правительство Соединенных Штатов одобрит только сбалансированный пакет соглашений, который будет включать уступки в промышленности и сельском хозяйстве. «Мы хотим заключить соглашение, но не ради самого соглашения, – подчеркнул специальный представитель, – наша задача как торговцев и переговорщиков заключается в том, чтобы заботиться об интересах США и заключить настолько хорошую сделку, насколько это будет возможно» [Ibid. P. 19, 25]. Заверения У. Рота, однако, не оказали должного воздействия на членов комиссии. Общее мнение выразил сенатор К. Куртис из Небраски, который заметил: «Когда Вы говорите о сбалансированной сделке, включающей промышленность и сельское хозяйство, мы обеспокоены, чтобы баланс не был достигнут путем принесения в жертву чего-то одного ради другого» [Ibid. P. 41].

«Многие опасаются, – подхватил Дж. Смазерс, – что американская команда стремится продвинуть переговоры любой ценой». Такой «панический» подход, по мнению Дж. Смазерса, мог привести к односторонним уступкам. Он напомнил, что послевоенная политика США заключалась в том, чтобы помочь восстановлению экономики европейских стран через оказание помощи и облегчение условий торговли. В то время, отмечал сенатор, США, возможно, давали больше, чем получали взамен, однако современная ситуация отличается от послевоенного времени: экономики европейских стран восстановлены и вступили в стадию роста, они являются конкурентоспособными, в то время как в США наблюдаются трудности с платежным балансом, экспорт сокращается, а импорт растет. От имени комиссии сенатор напутствовал специального представителя по торговым переговорам У. Рота словами о том, что он обязан настаивать на значительном сокращении тарифов европейскими странами в ответ на расширение доступа европейских товаров на американский рынок [Ibid. P. 47–48].

В конгрессе считали, что правительство превысило предоставленные ему полномочия, отступило от первоначальных целей и постоянно сдавало американские позиции в ходе переговоров, пошло на неадекватные уступки и не добилось взаимовыгодного соглашения. Некоторые депутаты полагали, что для США будет лучше, если «раунд Кеннеди» завершится провалом [15. P. 10588, 10736–10740].

Вопреки прогнозам протекционистов, участникам «раунда Кеннеди» удалось завершить переговоры, которые впоследствии были признаны одними из наиболее успешных в истории ГАТТ. Дискуссии завершились к 15 мая 1967 г. Участникам переговоров осталось только подписать итоговые соглашения после окончания необходимых юридических или конституционных процедур в своих странах. 16 мая президент Л. Джонсон и министры правительства провели встречу с представителями конгресса. Согласно торговому закону 1962 г. конгресс не должен был официально утверждать итоги «раунда Кеннеди», так как он уже делегировал исполнительной власти право вести торговые переговоры. Исключением являлись некоторые разделы международного соглашения по зерну и пакет мер, касающийся пересмотра системы исчисления пошлин на ряд товаров химической промышленности по американской продажной цене.

Как и ожидалось, в ходе брифинга конгрессмены уделили особое внимание торговым вопросам, исходя из интересов своего штата. Общий вопрос, волновавший многих, выразил сенатор от Род-Айленда Дж. Пастор, который спросил, не торопятся ли США принять итоги «раунда Кеннеди» ради его завершения. В свою очередь, представители администрации заверили конгресс в том, что американская делегация торговалась долго и терпеливо. Некоторые конгрессмены воздержались от критики до обнародования деталей соглашения по конкретным товарам. Представители традиционно протекционистской химической промышленности выразили свое недовольство результатами переговоров. Однако их голоса потонули в общем хоре

сторонников либерализации торговли, которые считали, что экономика США выиграет от более свободного доступа на внешние рынки [19. P. 313; 20]. 28 июня 1967 г. президент Л. Джонсон принял пакет документов, согласившись, что это лучшее, что может быть достигнуто в данных условиях.

Окончательные соглашения по «раунду Кеннеди» были подписаны 30 июня 1967 г., всего за несколько часов до истечения полномочий американского президента по Закону о расширении торговли. По сравнению с предыдущими переговорами в ГАТТ участники «раунда Кеннеди» добились больших результатов как по охвату товаров, так и по размеру снижения пошлин, однако эти результаты были неравномерными для разных стран и для разных отраслей. Наибольшие выгоды от «раунда Кеннеди» получили индустриально развитые страны. В промышленности тарифы сократились в среднем на 33–35%. Снижение затронуло 70% промышленных товаров, облагавшихся пошлинами, около 2/3 тарифов на промышленные товары были сокращены на 50% и более. Как отмечал экономический советник Белого дома Ф. Батор, «постоянно одерживая верх в спорах с министром сельского хозяйства Фримэном и министром торговли Коннором, президент Джонсон добился заключения крупной сделки в торговле промышленными товарами» [21. P. 62]. По вопросам торговли сельскохозяйственной продукцией результаты были более скромными. Однако для правительства США такой исход переговоров был ожидаемым с самого начала «раунда Кеннеди».

В 1960-е гг. демократическим правительствам Дж. Кеннеди и Л. Джонсона удалось осуществить программу либерализации торговли, несмотря на критику протекционистов в конгрессе. Однако это была последняя победа сторонников свободной торговли. С приходом к власти республиканцев протекционистские настроения заметно усилились. К тому же рост нетарифных способов ограничения импорта в 1970-е гг. заметно обесценил достижения «раунда Кеннеди». Вопреки ожиданиям экономические трения с Общим рынком не уменьшились, торговые конфликты, связанные с ОСП и подписанием преференциальных соглашений ЕЭС с развивающимися странами, продолжали развиваться. В результате правительство Р. Никсона начало пересмотр как торговой политики США, так и отношений с ЕЭС. Оно дало понять, что намерено твердо отстаивать экономические интересы США и не идти на экономические уступки ради укрепления политических отношений с западноевропейскими странами.

Примечания

[1] В числе неудач внешней политики США в Европе рассматривались выход Франции из военной организации НАТО, провал плана создания многосторонних ядерных сил, отказ большинства стран Западной Европы поддерживать военные действия США во Вьетнаме.

[2] К. Гертер умер 30 декабря 1966 г. С декабря 1966 г. по март 1967 г. У. Рот был исполняющим обязанности специального представителя президента по торговым переговорам, а в конце марта 1967 г. был официально назначен президентом на эту должность.

[3] Согласно «избавительной оговорке» сделанные тарифные уступки могли быть пересмотрены, если возросший импорт наносил ущерб внутреннему производству.

Список источников

1. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества // Европейский союз: прошлое, настоящее, будущее. М. : Право, 1994. Т. 1: Документы Европейского союза. 388 с.
2. Европейская аграрная интеграция / отв. ред. В.А. Мартынов. М. : Наука, 1967. 233 с.
3. John F. Kennedy and Europe / ed. by D. Brinkley, R.T. Griffiths. Baton Rouge : LSU Press, 1999. 368 p.
4. Шершнев Е.С. «Раунд Кеннеди»: расчеты США и действительность. М. : Междунар. отношения, 1968. 200 с.
5. Preeg E.H. Traders and Diplomats: an Analysis of the Kennedy Round of Negotiations under the General Agreement on Tariffs and Trade. Washington DC : The Brookings Institution, 1970. 320 p.
6. Report to the President on Agricultural Trade Problems with the EEC, the Secretary of Agriculture Orville L. Freeman, February 4, 1963 // John Fitzgerald Kennedy Library. President Office Files. Box 69. Folder “Agriculture – EEC Trade Problems, 2/9/63”.
7. Visit of Chancellor Erhard of Germany, December 28–29, 1963. Supplementary Talking Points on Trade Negotiations, December 26, 1963 // National Archive. RG 59. Box 12. Folder L5b.
8. Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Washington DC : US Government Printing Office (GPO), 1998. Vol. 8: International Monetary and Trade Policy. 1018 p.
9. Congressional Record (CR). Washington DC, 1965. Vol. 111: Proceedings and Debates of the 89th Congress. First Session. 28982 p.
10. The Foreign Policy Aspects of the Kennedy Round : Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Committee on Foreign Affairs. August 9, 10, and 17, 1966. House of Representatives. 89th Congress. Second Session. Washington DC : US GPO, 1966. 201 p.
11. CR. Washington DC, 1966. Vol. 112: Proceedings and Debates of the 89th Congress. Second Session. 29116 p.
12. New York Times. 1966. Sep. 16.
13. Economic Relations after the Kennedy Round / ed. by F.A.M. Alting von Geusau. Leyden : A.W. Suthoff-Leyden, 1969. 224 p.
14. Schwartz T.A. Lyndon Jonson and Europe in the Shadow of Vietnam. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2003. 339 p.
15. CR. Washington DC, 1967. Vol. 113: Proceedings and Debates of the 90th Congress. First Session. 37507 p.
16. New York Times. 1966. May 16.
17. The Foreign Policy Aspects of the Kennedy Round : Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Committee on Foreign Affairs. February 15, 16; March 7, 8; April 4, 5, 1967. House of Representatives. 90th Congress. First Session. Washington DC : US GPO, 1967. 201 p.
18. Trade Policies and the Kennedy Round : Hearings before the Committee on Finance. March 10, 1967. Senate. 90th Congress. First Session. Washington DC : US GPO, 1967. 48 p.
19. Johnson L. The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969. London : Weidenfeld & Nicilson, 1971. 630 p.
20. New York Times. 1967. May 17.
21. Presidential Judgment: Foreign Policy Decision Making and the White House / ed. by A. Lobel. Hollis, NH : Hollis Publications, 2001. 115 p.

References

1. EU. (1994) Dogovor ob uchrezhdenii Evropeyskogo ekonomicheskogo soobshchestva [Treaty establishing the European Economic Community]. In: Borko, Yu.A. et al. (eds) *Evropeyskiy soyuz: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [European Union: Past, Present, Future]. Vol. 1. Moscow: Pravo.
2. Martynov, V.A. (1967) *Evropeyskaya agrarnaya integratsiya* [European agrarian integration]. Moscow: Nauka.
3. Brinkley, D. & Griffiths, R.T. (eds) (1999) *John F. Kennedy and Europe*. Baton Rouge: LSU Press.
4. Shershnev, E.S. (1968) *"Raund Kennedi": raschety SShA i deystvitel'nost'* [The Kennedy Round: US Calculations and Reality]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
5. Preeg, E.H. (1970) *Traders and Diplomats: an Analysis of the Kennedy Round of Negotiations under the General Agreement on Tariffs and Trade*. Washington DC: The Brookings Institution.
6. USA. (1963) *Report to the President on Agricultural Trade Problems with the EEC, the Secretary of Agriculture Orville L. Freeman, February 4, 1963*. John Fitzgerald Kennedy Library. President Office Files. Box 69. Folder "Agriculture – EEC Trade Problems, 2/9/63".
7. National Archive. (1963) *Visit of Chancellor Erhard of Germany, December 28–29, 1963. Supplementary Talking Points on Trade Negotiations, December 26, 1963*. RG 59. Box 12. Folder L5b.
8. USA. (1998) *Foreign Relations of the United States. 1964–1968*. Vol. 8. Washington DC: US Government Printing Office (GPO).
9. USA. (1965) *Congressional Record (CR)*. Washington DC, 1965. Vol. 111.
10. USA. (1966a) *The Foreign Policy Aspects of the Kennedy Round: Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Committee on Foreign Affairs. August 9, 10, and 17, 1966*. House of Representatives. 89th Congress. Second Session. Washington DC: US GPO.
11. USA. (1966b) *CR. Washington DC, 1966*. Vol. 112.
12. *New York Times*. (1966) 16th September.
13. Alting von Geusau, F.A.M. (ed.) (1969) *Economic Relations after the Kennedy Round*. Leyden: A.W. Suthoff-Leyden.
14. Schwartz, T.A. (2003) *Lyndon Jonson and Europe in the Shadow of Vietnam*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
15. USA. (1967) *CR. Washington DC, 1967*. Vol. 113.
16. *New York Times*. (1966) 16th May.
17. USA. (1967) *The Foreign Policy Aspects of the Kennedy Round: Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Committee on Foreign Affairs. February 15, 16; March 7, 8; April 4, 5, 1967*. House of Representatives. 90th Congress. First Session. Washington DC: US GPO.
18. USA. (1967) *Trade Policies and the Kennedy Round: Hearings before the Committee on Finance. March 10, 1967*. Senate. 90th Congress. First Session. Washington DC: US GPO.
19. Johnson, L. (1971) *The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969*. London: Weidenfeld & Nicilson.
20. *New York Times*. (1967) 17th May.
21. Lobel, A. (2001) *Presidential Judgment: Foreign Policy Decision Making and the White House*. Hollis, NH: Hollis Publications.

***Сведения об авторе*:**
Лекаренко Оксана Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olekarenko@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Lekarenko Oksana G. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olekarenko@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 09.08.2022; accepted for publication 09.01.2023

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; принята к публикации 09.01.2023

Научная статья
УДК 94 (47/481)
doi: 10.17223/19988613/81/12

Россия и Норвегия в условиях расширения антироссийских санкций (2014–2018 гг.)

Иван Викторович Рогачев

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, i.rogachev@narfu.ru

Аннотация. Исследуется динамика развития российско-норвежских отношений в период расширения антироссийских санкций, инициированных США и поддержанных странами ЕС. Изучается взаимодействие двух стран на правительственном и региональном уровнях. Снижения интенсивности диалога на региональном уровне между Россией и Норвегией из-за санкций практически не последовало, что говорит об устойчивости и выгодности приграничных связей двух стран, служащих важным звеном в сохранении добрососедских отношений.
Ключевые слова: Россия, Норвегия, Север, Арктика, антироссийские санкции, приграничное сотрудничество

Для цитирования: Рогачев И.В. Россия и Норвегия в условиях расширения антироссийских санкций (2014–2018 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 106–111. doi: 10.17223/19988613/81/12

Original article

Russia and Norway in the context of increased anti-Russian sanctions (2014–2018)

Ivan V. Rogachev

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Archangel, Russian Federation, i.rogachev@narfu.ru

Abstract. The article examines the dynamics of the development of modern Russian-Norwegian relations in the context of the expansion of anti-Russian sanctions, initiated by the United States with the support of the EU countries. The relevance of the research topic is due to the lack of modern works devoted to a comprehensive study of the impact of the above-mentioned negative trends in international relations on the interaction of the two countries. The time frame covers the period from August 2014, when Norway joined the economic sanctions against Russia until the beginning of 2018. The subject of the research is the relations between Russia and Norway in the economic, political-diplomatic and cultural spheres both at the Central and regional levels. The article discusses the interaction of the two countries at the national level. The indicators were joint meetings within the framework of the intergovernmental Commission on economic, industrial, scientific and technical cooperation, the joint Russian-Norwegian Commission on fisheries, statistical data on mutual trade turnover between the two countries, ministers meeting, etc. Regional cooperation was examined through the implementation of joint projects in the framework of the BEAR. In conclusion, authors claim that the logical result of the accession of Norway to the sanctions policy against Russia was a reduction in contacts between the two countries at the national level during the period from 2014 to 2016, the obvious proof of which was a sharp drop in turnover in 2015 by 37%. But at the end of 2016 a tendency to strengthen the cooperation between the two countries at the governmental level has been observed, as evidenced by the growth of trade and the resumption of the work of the intergovernmental Commission of Russia and Norway after the break from 2013. There has been little or no reduction in the intensity of the regional dialogue between the two countries because of the sanctions. This shows the prospect of developing and expanding cross-border cooperation as a unique mechanism of interaction in the post-bipolar system of international relations.
Keywords: Russia, Norway, North, Arctic, anti-Russian sanctions, cross-border cooperation

For citation: Rogachev, I.V. (2023) Russia and Norway in the context of increased anti-Russian sanctions (2014–2018). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 106–111. doi: 10.17223/19988613/81/12

Современные российско-норвежские отношения неизменно находятся в фокусе внимания исследователей [1–3]. На сегодня в полной мере изучены отдельные двусторонние вопросы: урегулирование спорных территорий так называемой «Серой зоны» [4, 5], военно-политическое взаимодействие в Арктике [6–8], социально-экономические и научно-культурные связи [9–11]. Однако представляется актуальным комплекс-

© И.В. Рогачев, 2023

но проанализировать взаимодействие двух стран в условиях обострения международной обстановки, вызванного введением экономических санкций против России ведущими странами мира. Методологической основой исследования явились идеи теоретической школы международных отношений – неолиберализма, основоположниками которой являются американские политологи Р. Кохэн и Дж. Най [12]. В рамках этого подхода подразумевается, что силовые приемы в мировой политике, такие как экономические санкции, не имеют в современных условиях долговременного и глубокого эффекта. В то же время мировые акторы становятся комплексно взаимозависимыми и используют новые возможности для укрепления и стабилизации связей, например контакты внутригосударственных регионов между странами, потенциал неправительственных организаций и др. Так, в развитии российско-норвежского диалога особое место имеет региональное сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе (БЕАР).

Отношения России и Норвегии на протяжении веков отличались отсутствием военных конфликтов и характеризовались стремлением сторон к взаимопониманию. Важную роль в этом процессе сыграл тот факт, что Россия в 1905 г. первой среди других великих держав признала самостоятельность Норвегии и ее территориальную неприкосновенность. Символично, что, в свою очередь, именно норвежское правительство первым признало Российскую Федерацию после распада СССР [13]. Географическое соседство тоже способствует поддержанию стабильности и равноправия в регионе.

Подтверждением этого служат многочисленные примеры нахождения консенсуса двух сторон в спорных территориальных вопросах, сохраняющихся отчасти и до наших дней. Одним из ярких примеров является заключение в 1826 г. конвенции «О границах между Россией и Норвегией». Несмотря на существенный ущерб национальным интересам, но во имя сохранения добрых и прочных отношений Российская империя даровала Норвегии, входившей в состав унии со Швецией, 4,4 тыс. кв. км на Кольском полуострове [14]. И сегодня, на современном этапе международных отношений, обновленная Россия не изменила своим внешнеполитическим принципам как в целом, так и в отношении своего традиционного северного соседа. Подтверждением этому является заключение 15 сентября 2010 г. в Мурманске договора «О разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» [15]. Его подписание и быстрая ратификация явились знаковой страницей в развитии двусторонних отношений России и Норвегии и образцом устойчивого международного диалога в Арктике. В связи с вышеизложенным, представляется актуальным рассмотрение взаимодействия двух стран в условиях введения антироссийских санкций в 2014 г.

Присоединение 15 августа 2014 г. Норвегии к санкционной политике в отношении России несколько снизило интенсивность политического диалога на уровне высшего государственного руководства двух стран. Были приостановлены традиционные контакты в формате российско-норвежской Межправительственной комиссии (МПК) по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству. С целью сохранить взаимодействие между странами диалог сторон продолжился на межведомственном уровне, включая Российско-Норвежскую комиссию по сотрудничеству в области охраны окружающей среды и Смешанную Российско-Норвежскую Комиссию по рыболовству.

В результате основным механизмом укрепления доверия между двумя странами на центральном уровне в условиях нарастания напряженности в мировой политике явилось взаимодействие по линии Российско-Норвежской Комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды. В ходе ее работы в 2016 г. был запущен совместный природоохранный проект в рамках Рабочей программы на 2016–2018 гг. Очередное заседание Профильной комиссии состоялось 30 мая 2017 г. в Осло. В ее рамках было подтверждено стремление к осуществлению тесного взаимодействия по экологическому мониторингу загрязнений приграничных территорий и управлению трансграничными заповедниками [16].

В силу потребности созранения экономических отношений всесторонние связи России и Норвегии стали постепенно восстанавливаться к началу 2017 г. Это, в частности, подтверждает состоявшееся в апреле 2017 г. 17-е заседание Межправительственной комиссии. В 2018 г. состоялась запланированная очередная встреча в Москве [17]. Следует отметить, что российско-норвежские торгово-экономические отношения имеют важное значение для обеих сторон и прочную юридическую основу. Продолжает действовать Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве от 26 марта 1996 г., на базе которого функционирует МПК по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству.

Положительные сдвиги во взаимной торговле двух стран стали проявляться к концу 2016 г. В январе–апреле 2017 г. объем двустороннего товарооборота увеличился по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. на 9,2%. Российский экспорт вырос на 8,6% (до 78,8 млн долларов), а импорт, в свою очередь, – на 30,0% (до 28 млн долларов). В 2016 г. двусторонний товарооборот составил 1,4 млрд долларов (снижение на 19,9% по сравнению с 2015 г.). Объем накопленных прямых норвежских инвестиций в российскую экономику в 2016 г. составил 157 млн долларов и имеет положительную динамику, объем российских инвестиций в Норвегии – 500 млн долларов [18]. Немаловажную роль в налаживании экономических отношений играют разногласия в норвежском Стортинге. Партия Прогресса, входящая в правящий правоцентристский блок, выступает за скорейшую отмену антироссийских санкций и предлагает правительству открыть диалог по этому вопросу с официальным Вашингтоном [19].

Еще одним фактором, стимулирующим сотрудничество России и Норвегии, является взаимодействие российской компании «Роснефть» и норвежского кон-

церна Statoil. В 2012 и 2013 гг. им удалось заключить Соглашение о сотрудничестве, предусматривающее совместную разработку нефтегазовых месторождений российского шельфа Баренцева и Охотского морей, норвежского континентального шельфа [20].

Продолжается двустороннее сотрудничество в других важных областях: управлении рыбными запасами, ядерной и радиационной безопасности, научных исследованиях и образовании, а также сотрудничество на Севере, включая приграничные контакты, межрегиональные связи, поиск и спасение в Арктике.

В 2016 г. России и Норвегии удалось добиться положительных результатов в рамках добычи рыбных ресурсов. Взаимную сферу рыболовства двух стран координирует Смешанная Российско-Норвежская Комиссия, рассматривающая вопросы совместного управления рыбными запасами и регулирования промысла в Баренцевом и Норвежском морях. В ее рамках, как отмечают эксперты рыбопромышленной отрасли России, с 2016 г. сторонам удалось добиться равноправных возможностей для осуществления вылова рыбы в Баренцевом и Норвежском морях [21].

Помимо торгово-экономической сферы между двумя странами весьма активно осуществляется сотрудничество в области науки, культуры и образования на базе Соглашения о сотрудничестве в области культуры, образования и научных исследований 1994 г., Соглашения о сотрудничестве в области образования 2010 г., Плана действий по сотрудничеству в области культуры на Крайнем Севере 2009 г. С целью расширения сфер взаимодействия стороны приступили к разработке межправительственного соглашения в области научно-технического сотрудничества.

Особое место в российско-норвежском сотрудничестве занимает научная составляющая. Множество проектов осуществляется на Шпицбергене, так как он играет значительную роль во взаимоотношениях двух стран. В совместных с Норвегией исследованиях на архипелаге задействовано 12 российских организаций. Новые возможности открываются в связи с началом работы на Шпицбергене в 2016 г. Российского научного центра [22]. На норвежском архипелаге Шпицберген Россия как участник международного Договора 1920 г. осуществляет также экономическую деятельность (добычу угля производит ФГУП «Государственный трест “Арктикуголь”»).

Во взаимоотношениях двух стран непреходящее значение имеют Север и Арктика, где на сегодняшний день созданы устойчивые площадки для ведения конструктивного международного диалога и реализации совместных инновационных проектов. Так, Россия и Норвегия успешно сотрудничают в рамках Совета Баренцева-Евроарктического Региона (СБЕР), Баренцева регионального совета (БРС) и Арктического совета (АС).

Председательство Архангельской области в 2013–2015 гг. в БРС способствовало сохранению и расширению интенсивных связей с Северной Норвегией. В этот период завершен совместный проект «Повышение качества сбора опасных и неопасных отходов в Архангельской области», который получил финансирование партнеров в том числе из Норвегии [23].

Стабильной динамикой отличается сотрудничество в области ядерной и радиационной безопасности. При содействии Норвегии в губе Андреева (Мурманская область) завершается создание инфраструктуры для безопасного обращения с отработанным ядерным топливом (ОЯТ). На региональном уровне продолжаются контакты береговых, пограничных, таможенных, поисково-спасательных служб на Севере [24].

Динамично развиваются региональные российско-норвежские связи. Эффективно функционирует рабочая группа по межрегиональному и приграничному сотрудничеству. Идет обмен визитами между руководством областей с северонорвежскими коллегами, продолжается обновление договорно-правовой базы, а также осуществляются мероприятия по линии побратимских связей. В результате заключенного еще в ноябре 2010 г. Межправительственного соглашения об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегия к 2016 г. обозначился устойчивый рост туристического потока из России в Норвегию. На сегодняшний день появилась тенденция к возрастанию интереса к поездкам граждан РФ в Северную Норвегию, тогда как Финляндия, занимающая лидирующие позиции по этому показателю, стала их стремительно терять. Падение на 2015 г. по финским регионам составило: Северная Остроботния – 29%, Кайнуу – 30%, Лапландия – 40% [25].

Россия и Норвегия с целью поддержания и укрепления регионального сотрудничества традиционно проводят совместные конференции, а также плодотворно участвуют в международных форумах по арктической и иной тематике. Активизации отношений двух стран способствует проведение в России широкого международного форума «Арктика – территория диалога». В марте 2017 г. в очередной IV сессии Арктического форума, прошедшей в Архангельске, принял участие министр иностранных дел Норвегии Б. Бренде. В ходе его визита состоялась встреча с министром иностранных дел России С.В. Лавровым. В октябре того же года на «полях» XVI министерской сессии СБЕР, опять же в Архангельске, состоялась новая встреча Б. Бренде и С.В. Лаврова. В ходе обсуждения вопросов международного сотрудничества в Баренцевом регионе участники сессии выдвинули предложение организовать региональный форум высокого уровня, как отметил С.В. Лавров, своего рода «Баренцев Давос», и использовать его в качестве постоянной дискуссионной площадки [26].

Сильной стороной поддержания тесного приграничного взаимодействия России и Норвегии являются двусторонние научно-деловые форумы. Здесь можно упомянуть проведение ежегодного российско-норвежского бизнес-форума «Российские регионы» в посольстве России в Норвегии, организуемого совместно с Российским торговым представительством в Норвегии. В северонорвежском городе Будё ежегодно проходит конференция «Диалог на крайнем Севере», которая представляет собой площадку для обмена мнениями и идеями, связанными с развитием и освоением Арктики.

В рамках активизации регионального российско-норвежского диалога следует отметить инициативность архангельских региональных властей, стремящихся превратить город и всю Архангельскую область в драйвер трансграничного сотрудничества России с норвежскими партнерами. Так, в конце 2017 г. состоялся российско-норвежский бизнес-форум «Потенциал побратимства – для эффективного развития северных территорий». Особое внимание было уделено формированию инновационных межрегиональных проектов с привлечением бизнеса, научных кругов и муниципалитетов двух стран, а также изучению опыта взаимодействия сторон в социально-экономической и культурно-духовной сферах [27, 28].

Налажено широкое взаимодействие Архангельской области с норвежскими губерниями Финнмарк, Тромс и Нурланд, действующее на основании рамочных соглашений о сотрудничестве. Наиболее активно связи между Архангельской областью и северонорвежскими губерниями развиваются в образовательной, социальной и культурной сферах, а также в областях здравоохранения и туризма.

В интенсивном режиме развивают приграничные связи с Норвегией Мурманская и Ленинградская области, Республика Карелия, а также Ненецкий автономный округ. Приоритетными направлениям сотрудничества являются энергетика, нефтяная промышленность, судостроение, рыбопереработка и рыборазведение, подготовка кадров и межвузовские связи, взаимодействие в сфере науки и исследований, туризм и культурные обмены.

Весомый вклад в улучшение взаимопонимания двух стран вносят российские соотечественники, проживающие в Норвегии (в основном в Осло, Бергене, Трондхейме, Ставангере, Тромсё, Киркенесе). Их общее количество – более 20 тыс. человек. В марте 2007 г. образован Координационный совет российских соотечественников в Норвегии (КС), в его составе – представители организаций соотечественников и Русской Православной Церкви [29].

В рамках регионального взаимодействия с Норвегией по линии образования и здравоохранения с российской стороны особое место занимают Северный (Арктический) федеральный университет и Северный государственный медицинский университет города Архангельска, а с норвежской стороны – Арктический Университет Тромсё, Университетский колледж Харстада (Тромс), Университетский колледж Будё, колледжи Нарвика (Нурланд) и Альты (Финнмарк).

Таким образом, отношения России и Норвегии на правительственном уровне с 2014 по 2016 г. замедлились, тогда как на региональном продолжился традиционный диалог. Однако с конца 2016 г. на центральном уровне взаимодействие стало восстанавливаться, и этому способствовал ряд факторов:

– протесты политических партий Норвегии, обоснованно указывающие на экономические потери страны;

– устойчивое и взаимовыгодное сотрудничество двух стран в рамках БЕАР и Арктического совета в научно-образовательной, культурной и экологической сферах;

– высокий уровень побратимских связей между российскими и норвежскими муниципалитетами;

– регулярное проведение российско-норвежских научных и деловых форумов различного уровня;

– создание и эффективное функционирование Координационного совета российских соотечественников в Норвегии.

Нормализацию отношений двух стран в 2017 г. фиксируют и норвежские эксперты. Так, Ларс Рове, старший научный сотрудник Института Фритьофа Нансена, специалист по России отмечает: «Я не вижу явных провалов в норвежско-российском сотрудничестве, но для дальнейшего развития есть большие возможности. Особенно в деловой сфере». Подобный прогноз он давал еще в 2014 г., после присоединения Норвегии к антироссийским санкциям [30].

Проведенное исследование показывает, что временная политическая коньюктура не способна значительно ослабить отношения России и Норвегии, которые определены географической близостью, глубокими историческими контактами и традициями, сложившимися на протяжении многих веков тесного и плодотворного взаимодействия, а также новыми факторами международных отношений. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что сотрудничество двух стран имеет положительную динамику и отвечает современным и долгосрочным геополитическим интересам «соседей на крыше Европы» – России и Норвегии.

Список источников

1. Зайков К.С., Нильсен Й.П. Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне // Арктика и Север. 2012. № 5. С. 1–14.
2. Воронов К.В. Гуманитарная сверхдержава – Норвегия: внешняя политика малой страны с реформистским акцентом // Современная внешняя политика левых. СПб. : Полторак, 2014. С. 8–18.
3. Репневский А.В. 25 лет сотрудничества: вехи на пути к международному проекту «ассиметричное соседство: Норвегия и Россия» // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы : сб. ст. V Киркенесского междунар. семинара историков. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 163–174.
4. Повал Л.В. Российско-норвежские соглашения о разделе арктических пространств // Арктика и Север. 2012. № 6. С. 1–26.
5. Зиланов В.К. Арктическое разграничение России и Норвегии: новые вызовы и сотрудничество // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 28–56.
6. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия Норвегии в Арктике и безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 2 (347). С. 353–368.
7. Талагаева Д.А. Норвегия и Россия: военно-политическое взаимодействие в северных регионах // Военная наука в России и за рубежом. М. : Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел РФ, 2016. С. 145–149.
8. Wihelmsen J., Lundby Gjerde K. Norway and Russia in the Arctic: New Cold War Contamination? // Arctic Review on Law and Politicshttps. 2018. Vol. 9. doi: 10.23865/arctic.v9.1334. URL: arcticreview.no/index.php/arctic/article/view/1334/2950 (accessed: 10.02.2018).
9. Голдин В.И. Транснациональная история субарктической Северной Европы // Баренцев регион. 2015. № 12. С. 168–170.
10. Тевлина В.В. Социально-культурное направление в трансграничной политике Норвегии и России на крайнем Севере // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2012. № 3. С. 23–55

11. Encyclopedia of the Barents Region : in 2 vols. / ed. by M.-O. Olsson. Oslo, 2016. Vol. I: A–M. 559 p.; Vol. II: N–Y. 593 p.
12. Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. М. : Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с.
13. Шубин С.И. Норвегия между Востоком и Западом, или География сильнее политики в установлении «правильных отношений между Россией и Норвегией // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2015. № 1. С. 174–178.
14. Зайков К.С. Пространственные границы Российской империи на Мурманском побережье в начале XIX в. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. № 1 (9). URL: http://www.hcpncr.com/journ910/journ910zaykov.html (дата обращения: 10.02.2018).
15. О ратификации Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане : федеральный закон от 05.04.2011 № 57-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/12871.html/ (дата обращения: 30.10.2017).
16. Россия и Норвегия сверили планы сотрудничества в области охраны окружающей среды // НИА-Красноярск. 2017. 6 июня. URL: https://24rus.ru/more.php?UID=144409 (дата обращения: 10.02.2017).
17. 17-е Заседание Межправительственной Российско-Норвежской комиссии пройдет 20 апреля 2017 г. в Москве // Ecoindustry. 2017. 29 марта. URL: https://www.ecoindustry.ru/news/view/50303.html (дата обращения: 10.04.2017).
18. Товарооборот между РФ и Норвегией в январе-феврале вырос на 13,5% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. – до 106,8 млн долларов // Минприроды России. 2017. 20 апр. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/tovarooborot_mezhdu_rf_i_norvegiey_v_yanvare_fevrale_vyros_na_13_5_po_sravneniyu_s_analogichnym_peri/ (дата обращения: 10.05.2017).
19. В Норвегии – разногласия между правящими партиями из-за санкций против России // Иносми. Aftenposten. 2017. 2 авг. URL: https://inosmi.ru/economic/20170802/239962792.html (дата обращения: 10.02.2018).
20. «Роснефть» и Statoil ASA договорились о совместной работе на шельфе Баренцева и Охотского морей // Роснефть. 2012. 5 мая. URL: https://www.rosneft.ru/press/releases/item/177659/ (дата обращения: 10.02.2018).
21. СРНК приняла сбалансированные решения // Fishnews. 2016. 24 окт. URL: http://fishnews.ru/news/29817 (дата обращения: 10.02.2018).
22. Глава Минприроды дал высокую оценку работе российского научного центра на Шпицбергене // ТВ-21. 2016. 11 нояб. URL: https://www.tv21.ru/news/2016/11/11/glava-minprirody-dal-vysokuyu-ocenku-rabote-rossiyskogo-nauchnogo-centra-na-shpicbergene (дата обращения: 10.01.2017)
23. О состоянии и охране окружающей среды РФ в 2015 году : государственный доклад. 2015. 15 окт. URL: http://www.mnr.gov.ru/gosdoklad-eco-2015/waste.html (дата обращения: 10.02.2018).
24. Завершить выгрузку ОЯТ из хранилищ губы Андреева // РОСРАО. 2017. 12 авг. URL: http://rosrao.ru/press-czentr/novosti-fgup-%C2%ABrosrao%C2%BB/2016/oktyabr/vyivoz-oyat-iz-gubyi-andreeva-nachnetsya-v-2017-godu.html (дата обращения: 10.02.2018).
25. Туристический поток из России в Норвегию // Patchwork Barents. URL: http://patchworkbarents.org/node/361 (дата обращения: 10.02.2018).
26. Баренц-сотрудничество – залог стабильности в Евроарктическом регионе : в Архангельске состоялась XVI министерская сессия СБЕР // DVINANEWS : сетевое издание. URL: http://dvinanews.ru/-2wex4f2m (дата обращения: 10.02.2018).
27. Рогачев И.В. Побратимские связи России и Норвегии крепнут. К 25-летию образования Баренцева Евро-Арктического региона // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 176–177.
28. Макулин А.В. Визуализация философии и цифровая визиософия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 64–66.
29. Координационный совет российских соотечественников в Норвегии. URL: http://www.ksovet.no/ (дата обращения: 10.02.2018).
30. Рове Л. К новой нормальности. URL: https://www.fni.no/getfile.php/137000-1509553669/Filer/Publikasjoner/larsrowerussisk.pdf (дата обращения: 10.02.2018).

References

1. Zaykov, K.S. & Nielsen, J.P. (2012) Norvezhsko-rossiyskoe arkticheskoe pogranich'e: ot obshchikh okrugov k Pomorskoy zone [Norwegian-Russian Arctic borderland: from common districts to the Pomor zone]. *Arktika i Sever*. 5. pp. 1–14.
2. Voronov, K.V. (2014) Gumanitarnaya sverkhderzhava – Norvegiya: vneshnyaya politika maloy strany s reformistskim aktsentom [Humanitarian superpower – Norway: The foreign policy of a small country with a reformist accent]. In: Kostyuk, R.V. (ed.) *Sovremennaya vneshnyaya politika levykh* [Modern Foreign Policy of the Leftists]. St. Petersburg: Poltorak. pp. 8–18.
3. Repnevskiy, A.V. (2016) 25 let sotrudnichestva: vekhi na puti k mezhdunarodnomu proektu “assimetrichnoe sosedstvo: Norvegiya i Rossiya” [25 years of cooperation: Milestones on the way to the international project “Asymmetric Neighborhood: Norway and Russia”]. In: Verigin, S.G. (ed.) *Rossiya i strany Severnoy Evropy: fizicheskie i simvolicheskie granitsy* [Russia and the Countries of Northern Europe: Physical and Symbolic Borders]. Petrozavodsk: PetrSU. pp. 163–174.
4. Poval, L.V. (2012) Rossiysko-norvezhskie soglasheniya o razdele arkticheskikh prostranstv [Russian-Norwegian agreements on the division of the Arctic spaces]. *Arktika i Sever*. 6. pp. 1–26.
5. Zilanov, V.K. (2017) Arkticheskoe razgranichenie Rossii i Norvegii: novye vyzovy i sotrudnichestvo [Arctic delimitation of Russia and Norway: New challenges and cooperation]. *Arktika i Sever*. 29. pp. 28–56.
6. Konyshev, V.N. & Sergunin, A.A. (2017) Sovremennaya voennaya strategiya Norvegii v Arktike i bezopasnost' Rossii [Modern military strategy of Norway in the Arctic and Russia's security]. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*. 2(347). pp. 353–368.
7. Talagaeva, D.A. (2016) Norvegiya i Rossiya: voenno-politicheskoe vzaimodeystvie v severnykh regionakh [Norway and Russia: Military-Political Interaction in the Northern Regions]. In: *Voennaya nauka v Rossii i za rubezhom* [Military Science in Russia and Abroad]. Moscow: Moscow State University of International Relations. pp. 145–149.
8. Wihelmsen, J. & Lundby Gjerde, K. (2018) Norway and Russia in the Arctic: New Cold War Contamination? *Arctic Review on Law and Politicshttps*. 9. DOI: 10.23865/arctic.v9.1334
9. Goldin, V.I. (2015) Transnatsional'naya istoriya subarkticheskoy Severnoy Evropy [Transnational history of subarctic northern Europe]. *Barentsev region*. 12. pp. 168–170.
10. Tevlina, V.V. (2012) Sotsial'no-kul'turnoe napravlenie v transgranichnoy politike Norvegii i Rossii na kraynem Severe [Socio-cultural direction in the cross-border policy of Norway and Russia in the Far North]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. 3. pp. 23–55
11. Olsson, M.-O. (2016) *Encyclopedia of the Barents Region*. Oslo: [s.n.].
12. Nye, J. (2006) *Gibkaya vlast'. Kak dobit'sya uspekha v mirovoy politike* [Flexible Power. How to Succeed in World Politics]. Translated from English. Moscow: Trendy.
13. Shubin, S.I. (2015) Norvegiya mezhdu Vostokom i Zapadom, ili Geografiya sil'nee politiki v ustanovlenii «pravil'nykh otnosheniy mezhdu Rossiey i Norvegiey [Norway between East and West, or Geography is stronger than politics in establishing “correct relations between Russia and Norway”]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. 1. pp. 174–178.
14. Zaykov, K.S. (2010) Prostranstvennye granitsy Rossiyskoy imperii na Murmanskom poberezh'e v nachale XIX v. [Spatial boundaries of the Russian Empire on the Murmansk coast at the beginning of the 19th century]. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy*. 1(9). [Online] Available from: http://www.hcpncr.com/journ910/journ910zaykov.html (Accessed: 10th February 2018).
15. Russian Federation. (2011) *O ratifikatsii Dogovora mezhdu Rossiyskoy Federatsiey i Korolevstvom Norvegiya o razgranichenii morskikh prostranstv i sotrudnichestve v Barentsevom more i Severnom Ledovitom okeane: federal'nyy zakon ot 05.04.2011 № 57-FZ* [On the ratification of the Treaty

between the Russian Federation and the Kingdom of Norway on the delimitation of maritime spaces and cooperation in the Barents Sea and the Arctic Ocean: Federal Law No. 57-FZ of April 5, 2011]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/12871.html/ (Accessed: 30th October 2017).
16. NIA-Krasnoyarsk. (2017) *Rossiya i Norvegiya sverili plany sotrudnichestva v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy* [Russia and Norway verified plans for cooperation in the field of environmental protection]. 6th June. [Online] Available from: https://24rus.ru/more.php?UID=144409 (Accessed: 10th February 2017).
17. Ecoindustry. (2017) *17-e Zasedanie Mezhpravitel'stvennoy Rossiysko-Norvezhskoy komissii proydet 20 aprelya 2017 g. v Moskve* [The 17th Meeting of the Intergovernmental Russian-Norwegian Commission will be held on April 20, 2017 in Moscow]. 29th March. [Online] Available from: https://www.ecoindustry.ru/news/view/50303.html (Accessed: 10th February 2017).
18. Ministry of Natural Resources of Russia. (2017) *Tovarooborot mezhdu RF i Norvegiey v yanvare-fevrale vyros na 13,5% po sravneniyu s analogichnym periodom 2016 g. – do 106,8 mln dollarov* [Trade turnover between the Russian Federation and Norway in January-February increased by 13.5% compared to the same period in 2016 - up to 106.8 million dollars]. [Online] Available from: https://www.mnr.gov.ru/press/news/tovarooborot_ mezhdu_rf_i_norvegiey_v_yanvare_ fevrale_vyros_na_13_5_po_sravneniyu_s_analogichnym_peri/ (Accessed: 10th May 2017).
19. *Inosmi*. (2017) V Norvegii – raznoglasiya mezhdu pravyashchimi partiyami iz-za sanktsiy protiv Rossii [In Norway – disagreements between the ruling parties due to sanctions against Russia]. 2nd August. [Online] Available from: https://inosmi.ru/economic/20170802/239962792.html (Accessed: 10th February 2018).
20. *Rosneft'*. (2012) "Rosneft'" i Statoil ASA dogovorilis' o sovmestnoy rabote na shel'fe Barentseva i Okhotskogo morey [Rosneft and Statoil ASA agreed to work together on the shelf of the Barents and Okhotsk Seas]. 5th May. [Online] Available from: https://www.rosneft.ru/press/releases/item/177659/ (Accessed: 10th February 2018).
21. *Fishnews*. (2016) SRNK prinyala sbalansirovannye resheniya [SRC made balanced decisions]. 24th October. [Online] Available from: http://fishnews.ru/news/29817 (Accessed: 10th February 2018).
22. *TV-21*. (2016) Glava Minprirody dal vysokuyu otsenku rabote rossiyskogo nauchnogo tsentra na Shpitsbergene [The head of the Ministry of Natural Resources highly appreciated the work of the Russian scientific center on Svalbard]. 11th November. [Online] Available from: https://www.tv21.ru/ news/2016/11/11/glava-minprirody-dal-vysokuyu-ocenku-rabote-rossiyskogo-nauchnogo-centra-na-shpicbergene (Accessed: 10th January 2017)
23. Russian Federation. (2015) *O sostoyanii i okhrane okruzhayushchey sredy RF v 2015 godu: gosudarstvennyy doklad* [On the state and environmental protection of the Russian Federation in 2015: State report. Oct 15, 2015]. 15th October. [Online] Available from: http://www.mnr.gov.ru/gosdoklad-eco-2015/waste.html (Accessed: 10th February 2018).
24. *ROSRAO*. (2017) Zavershit' vygruzku OYaT iz khranilishch guby Andreeva [Complete the unloading of SNF from Andreeva Bay storage facilities]. 12th August. [Online] Available from: http://rosrao.ru/press-czentr/novosti-fgup-%C2%ABrosrao%C2%BB/2016/oktyabr/vyivoz-oyat-iz-gubyi-andreeva-nachnetsya-v-2017-godu.html (Accessed: 10th February 2018).
25. *Patchwork Barents*. (n.d.) Turisticheskiy potok iz Rossii v Norvegiyu [Tourist flow from Russia to Norway]. [Online] Available from: http://patchworkbarents.org/node/361 (Accessed: 10th February 2018).
26. *DVINANEWS*. (n.d.) Barents-sotrudnichestvo – zalog stabil'nosti v Evroarkticheskom regione: v Arkhangel'ske sostoyalas' XVI ministerskaya sessiya SBER [Barents cooperation is a guarantee of stability in the Euro-Arctic region: the 16th ministerial session of the SBER took place in Arkhangelsk]. [Online] Available from: http://dvinanews.ru/-2wex4f2m (Accessed: 10th February 2018).
27. Rogachev, I.V. (2018) Friendly relations between Russia and Norway grow stronger. By the 25 th anniversary of the Barents Euro-Arctic Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 53. pp. 176–177. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/53/34
28. Makulin, A.V. (2016) Vizualizatsiya filosofii i tsifrovaya viziosofiya [Visualization of Philosophy and Digital Visiosophy]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 3. pp. 64–66.
29. Norway. (n.d.) *Koordinatsionnyy sovet rossiyskikh sootechestvennikov v Norvegii* [Coordinating Council of Russian Compatriots in Norway]. [Online] Available from: http://www.ksovet.no/ (Accessed: 10th February 2018).
30. Rove, L. (n.d.) *K novoy normal'nosti* [Towards a new normality]. [Online] Available from: https://www.fni.no/getfile.php/137000-1509553669/Filer/Publikasjoner/larsrowerussisk.pdf (Accessed: 10th February 2018).

***Сведения об авторе*:**
Рогачев Иван Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: i.rogachev@narfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Rogachev Ivan Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of Department of Regional Studies, International Relations and Political Science of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangel, Russian Federation) E-mail: i.rogachev@narfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 07.06.2018; accepted for publication 09.01.2023

Статья поступила в редакцию 07.06.2018; принята к публикации 09.01.2023

Научная статья
УДК 327
doi: 10.17223/19988613/81/13

Алармизм и десекьюритизация: ядерная программа Мьянмы

Глеб Вячеславович Торопчин

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия;
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, glebtoropchin@mail.ru

Аннотация. Раскрывается эволюция общественного восприятия предполагаемой военной ядерной программы Мьянмы в 2000–2010-е гг. Теоретическую основу работы составляет концепция секьюритизации Копенгагенской школы международных отношений. Рассматриваются исторический контекст и международно-правовая база проблемы, дана соответствующая периодизация, проанализированы характерные черты этапов секьюритизации и десекьюритизации. Постулируется и доказывается тезис о принадлежности Мьянмы к околопороговым государствам.
Ключевые слова: ядерная программа Мьянмы, ядерное нераспространение, секьюритизация, десекьюритизация

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10118, https://rscf.ru/project/22-78-10118/

Для цитирования: Торопчин Г.В. Алармизм и десекьюритизация: ядерная программа Мьянмы // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 112–120. doi: 10.17223/19988613/81/13

Original article

Alarmism and Desecuritisation: Myanmar’s Nuclear Programme

Gleb V. Toropchin

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation;
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, glebtoropchin@mail.ru

Abstract. The goal of the paper is to analyse how the alleged military nuclear programme in the Republic of Myanmar and, most of all, its perception by the global community have been evolving over the previous two decades. The study is built on a number of sources including official documents of international law signed by Naypyidaw (e.g. NPT, CTBT, Bangkok Treaty, TPNW, IAEA’s Additional Protocol and other agreements), as well as corresponding speech acts by politicians. The article also features a literature review based on the most representative pieces of related research by both Russian and international experts. The historical context of the issue and peculiarities of the nuclear fuel cycle in Myanmar are considered, while characteristic features of politisation, securitisation and desecuritisation are scrutinised as well. The principle of historicism made it possible to periodise the developments.

The securitisation theory, advocated by scholars of the Copenhagen IR school, most notably B. Buzan and O. Wæver, is the theoretical foundation of this work. Its key elements and terms, such as “regional security complex” and “securitising actor”, are actively utilised in this article. It is demonstrated that both a broader (Asia-Pacific as a macroregional security supercomplex) and a narrower (Southeast Asian security subcomplex) understanding of the concept term is applicable. The mentioned theoretical framework serves to explain the motives behind attracting the world’s attention to Naypyidaw’s nuclear activities, interpreted in a specific manner, especially regarding Myanmar’s close military ties with North Korea and Pakistan. In terms of methodological approaches, these include case studies and elements of discourse analysis.

The author’s findings show a direct connection between the process of Myanmar’s democratic transition, which manifested itself in the 2010s, and the desecuritisation of its nuclear programme. Some parallels can be drawn between Myanmar’s nuclear programme, on the one hand, and Iran or DPRK cases, on the other hand, but there are also some substantial differences. As such, one of the conclusions is that Myanmar is a typical representative of the so-called “near-threshold”, or “subthreshold” states, i.e. probably possessing the political will to go nuclear but at the same time lacking critical nuclear materials and expertise to that end. Apart from that, recommendations on how to deepen further investigation under the circumstances of the 2021 shift of power in the country are given.
Keywords: Myanmar’s nuclear programme, nuclear nonproliferation, securitisation, desecuritisation

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project № 22-78-10118, https://rscf.ru/project/22-78-10118/

For citation: Toropchin, G.V. (2023) Alarmism and Desecuritisation: Myanmar’s Nuclear Programme. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 112–120. doi: 10.17223/19988613/81/13

© Г.В. Торопчин, 2023

Введение

Объектом изучения в настоящей работе предстает ядерная программа Республики Союза Мьянмы, предметом же является эволюция отношения мирового сообщества к указанной проблеме. Цель исследования – выявление особенностей и трендов, характерных для политики рассматриваемого государства в ядерной сфере, а также флуктуаций отношения к этому вопросу международного сообщества. К задачам можно отнести рассмотрение состояния ядерного топливного цикла (ЯТЦ) Мьянмы, анализ международно-правовой базы участия государства в глобальном и региональном режимах ядерного нераспространения, проведение периодизации развития ядерной программы страны, выделение характерных этапов секьюритизации и десекьюритизации. Временны́е рамки исследования затрагивают прежде всего 2000-е и 2010-е гг., хотя для соблюдения принципа историзма и обеспечения связности повествования тематика рассматривается и в исторической ретроспективе (включая вторую половину XX в.)

Говоря об актуальности избранной тематики, стоит сказать, что этот аспект тесно сопряжен с недостаточной степенью изученности темы (подробнее см. следующий раздел). Неоспорима и политическая релевантность вопроса: буквально в прошедшем десятилетии некоторые члены международного сообщества относились к возможности разработки ядерной программы Мьянмой с известной долей подозрения, и причиной тому послужили опасения потенциального перевода мирной ядерной программы Мьянмы на военные рельсы. В целом ядерная программа Республики Союза Мьянмы представляет собой не до конца изученный, но показательный случай для исследований ядерного нераспространения в АТР, одной из наиболее важных с мирополитической точки зрения частей глобального пространства.

В данной работе проблематика ядерной программы Мьянмы рассматривается сквозь призму методологического подхода теории секьюритизации, разработанной в рамках Копенгагенской школы международных исследований. Теория предполагает наличие так называемого «комплекса региональной безопасности», в котором проблема актуализируется в определенных географических пределах. Для ситуации ядерной программы Мьянмы применим как макрорегиональный, так и субрегиональный подход – на более детальном уровне. В первом случае используется употребляемая самим Б. Бузаном идея азиатского «суперкомплекса» безопасности в масштабах всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Во втором случае рамки сужаются до пределов субрегионального комплекса безопасности (либо регионального подкомплекса безопасности), ограниченного Юго-Восточной Азией. Помимо этого, теоретико-методологическую основу работы составляет применение приема case studies для раскрытия конкретных черт ситуации в отдельно взятой стране, а также отдельных элементов дискурс-анализа для определения того, как менялось отношение международного сообщества к указанной тематике.

Степень изученности темы: краткий обзор литературы

Приходится признать, что проблематика мьянманской ядерной программы изучена недостаточно глубоко. Всплеск исследований по вопросу, в первую очередь в англоязычной литературе, относится к рубежу 2000–2010-х гг. (историографические причины появления подобного информационного повода затрагиваются ниже). Впрочем, отдельные публикации относятся еще к первой половине 2000-х гг., примером чему служит статья одного из немногих страноведов Э. Селта «Ядерная программа Мьянмы: мечта для местных или кошмар для региона?» [1], достаточно критически оценивающая в том числе экономический аспект обретения Мьянмой ядерных технологий. Ряд работ автора, в том числе касающихся ядерного фактора, был позднее опубликован в его книге [2]. Одним из наиболее активных исследователей тематики возможной конверсии мьянманской ядерной программы (т.е. перевода таковой на военные рельсы) можно назвать бывшего инспектора МАГАТЭ Р. Келли [3], который во многом поспособствовал привлечению внимания мировой общественности к проблеме на рубеже 2000–2010-х гг. Обращают на себя внимание и публикации членов Ассоциации по контролю над вооружениями, таких как П. Крейл [4] и П. Керр [5]. В коллективной монографии под редакцией Т. Оджилви-Уайт и Д. Санторо страна относится к группе «тихих распространителей» [6. P. 281]. Что касается самих мьянманских авторов, Т. Тун указывает на разительные изменения в отношении мирового сообщества к ядерной программе Мьянмы, произошедшие с 2010 по 2013 г., связывая такой поворот с демократическими переменами в стране [7].

В российском экспертном сообществе тему так или иначе затрагивали некоторые авторы, фокусирующиеся как на ядерном нераспространении, так и на страновой проблематике. Один из разделов диссертации С.А. Ключанской посвящен исследованию ядерной программы Мьянмы [8]. Еще в одной публикации С.А. Ключанская останавливается более детально на понимании национальной безопасности мьянманскими элитами, оставляя открытым вопрос о реалистичности заявлений о создании Нейпьидо собственной военной ядерной программы [9]. А.В. Хлопков и Д.Н. Конухов, представляющие Центр энергетики и безопасности (Москва), достаточно подробно изучили в своей статье состояние ядерной программы страны на 2011 г. [10]. Отдельных упоминаний ядерная проблематика в контексте Мьянмы удостоена в работах специалиста по стране из МГИМО МИД РФ К.А. Ефремовой [11. С. 249–250]. Таким образом, приходится констатировать, что в отечественной научной литературе проблематика изучена если не слабо, то по крайней мере не до конца полно. Несмотря на достаточно сильные позиции отечественной востоковедческой школы, за последнее десятилетие было опубликовано не так много тематических работ даже обзорного характера, не говоря уже о глубоких исследованиях. Приходится признать, что выбранный пример при всей актуально-

сти остается, скорее, экзотическим сюжетом как в отечественной науке, так и в глобальном масштабе, потому требует несколько более пристального рассмотрения. Настоящая статья представляет собой попытку восполнить этот пробел хотя бы частично.

Ядерный топливный цикл Республики Союз Мьянма

Без сколько-нибудь подробного рассмотрения состояния ЯТЦ страны достаточно сложно объективно судить о ее реальных возможностях в плане гражданской и военной ядерных программ. Традиционно полно и своевременно соответствующие данные с достаточной степенью достоверности обновляются в документах Всемирной ядерной ассоциации и МАГАТЭ. Первая относит Мьянму к числу так называемых перспективных (англ. emerging) ядерных государств, лишь рассматривающих возможности внедрения атомной отрасли [12]. Особенности сотрудничества Нейпьидо (ранее Янгона / Рангуна) и Международного агентства по атомной энергии с приведением связанных документов раскрыты подробнее в следующих разделах.

В первую очередь необходимо иметь в виду, что на территории Мьянмы было обнаружено несколько урановых месторождений, что важно с точки зрения начальной стадии ядерного топливного цикла. В условиях достаточно напряженной этноконфессиональной ситуации в государстве имеет значение, что многие из залежей находятся в зоне компактного проживания национальных меньшинств (в особенности качинов), в том числе и в штате Ракхайн, локации острого религиозно-этнического конфликта вокруг сообщества рохинджа [10. P. 1]. Однако на деле большинство объектов находится лишь в стадии разведки, а мьянманский уран является побочным продуктом добычи золотой руды и по большей части экспортируется в КНР. Следует также сказать об отдельных установках, служащих для образовательных, медицинских, сельскохозяйственных и промышленных целей. Оперативная наработка значимых, критических количеств ядерных материалов на них представляется проблематичной.

Что касается других объектов ЯТЦ на территории страны, сведения о таковых (в частности, «секретных») во многом основываются на интервью эмигрантов, наиболее известным из которых является майор Сай Тейн Мин, обучавшийся в России. С его слов, неподалеку от г. Мандалай власти разместили целый ряд различных ядерных объектов. Как бы то ни было, надежных документальных подтверждений этим заявлениям предоставлено не было.

Помимо свидетельств людей, покинувших Мьянму, доказательная база предположений строится на анализе спутниковых изображений, как доступных в открытых источниках, так и приобретаемых институтами на коммерческой основе. В последнее время к таким исследованиям прибегают довольно авторитетные специалисты, к примеру по северокорейским ядерной и ракетной программам (например, Дж. Льюис из Миддлберийского института международных исследований), и использование аналогичных методик для Мьянмы не было бы невыполнимым с точки зрения технических возможностей. Сам Дж. Льюис также высказывал свои сомнения по поводу интенций мьянманских элит относительно получения ядерных вооружений [13]. Однако красноречив сам факт отсутствия обширных подтвержденных материалов, закрепляющих гипотезу о тайных незадекларированных ядерных объектах на территории страны (по крайней мере в последние годы). Примечательно, что эксперты Института науки и международной безопасности, включая вышеупомянутого Р. Келли, сходились на сомнительном характере подобных предположений [14].

Таким образом, можно сделать вывод о зачаточном характере существования объектов ядерного топливного цикла на территории Республики Союз Мьянма: ни одна из стадий ЯТЦ в стране не представлена в полноценном виде, что весьма существенно для проведения дальнейших логических построений в разрезе ядерной программы Нейпьидо.

Предыстория вопроса: XX в.

Для начала следует отметить, что внутренняя нестабильность традиционно рассматривается как фактор, осложняющий ситуацию в сфере безопасности в государстве. Особенность политического развития заключается в огромной роли армии (Тамадо) в общественно-политической жизни страны: Мьянма является региональным лидером по длительности правления военных [11. P. 172]. Учитывая стратегическую важность ядерной отрасли для любого государства, неудивительно внимание страновых элит, включая руководство вооруженных сил, к оцениванию сопряженных с ядерным фактором возможностей и рисков.

Истоки проблемы относятся еще к 1950-м гг. В 1955 г. был создан Центр атомной энергетики Союза Мьянма [15], а в 1957 г. государство вступило в ряды членов МАГАТЭ. Однако существенные действия с точки зрения участия в режиме ядерного нераспространения страна предприняла в 1990-е гг. В 1992 г. Мьянма вошла в список государств-членов ДНЯО как государство, не обладающее ядерным оружием. Подобное событие не слишком выбивается из общей картины, учитывая присоединение к ДНЯО таких держав, как Франция или КНР, в этот период времени. В 1995 г. Мьянма обязалась также обеспечить гарантии МАГАТЭ, подписав один из базовых типовых документов, INFCIRC/153, а также Протокол о малых количествах, учитывая незначительные масштабы деятельности в ядерной сфере. Интересно, что с тех пор агентство не фиксировало серьезных нарушений обязательств Мьянмы по отчетности перед ним.

В то же время состоялась и своеобразная реинтеграция государства в Движение неприсоединения, откуда страна выходила еще в период «холодной войны» [16], но вернулась в него в 1992 г. Известна консолидированная позиция членов Движения по ядерной проблематике, которая состоит в активном апеллировании к разоружению членов «ядерного клуба».

Также Мьянма 15 декабря 1995 г. подписала Договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия,

в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор). Ратификация Договора Мьянмой относится к 17 июля 1996 г., и уже в 1997 г. он вступил в силу. При этом страна активно участвует в форматах АСЕАН, посвященных сотрудничеству по имплементации положений Бангкокского договора. На 25 ноября 1996 г. пришлось подписание Мьянмой Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний [17], ратификация Договора произошла лишь через 20 лет. При этом страна не входит в число 44 государств с набором продвинутых ядерных технологий (ратификация документа этими участниками нужна для вступления его в силу).

Следовательно, можно утверждать, что важнейшие международно-правовые документы, составляющие основу современного режима ядерного нераспространения, подписаны Мьянмой еще в XX в., и факт присоединения государства к этому процессу подтверждает стремление к включенности в обозначенный режим и мировое сообщество.

Политизация и секьюритизация: 2000-е гг.

К 2000 г. относится обращение Мьянмы в МАГАТЭ о помощи в поставке исследовательского ядерного реактора, и принципиальное согласие было получено на условиях обеспечения ядерной безопасности. В 2001–2002 гг. была достигнута договоренность об экспорте реактора бассейнового типа мощностью 10 МВт со стороны Российской Федерации [18], при этом симптоматично, что изначально США не были против заявленного сотрудничества России и Мьянмы в ядерной сфере. Для того чтобы оценить уровень готовности государства к внедрению «мирного атома», осенью 2001 г. Мьянму посетила делегация МАГАТЭ. Несмотря на выводы о неготовности Мьянмы поддерживать требуемый уровень безопасности, эксперты пришли к заключению, что конструкция российского исследовательского реактора не позволит Мьянме нарабатывать оружейный плутоний. Проблема во многом заключалась в отсутствии квалифицированных кадров, но она решалась в том числе за счет отправки студентов для обучения в российские вузы, в частности НИЯУ МИФИ. Впрочем, в прессе уже были растиражированы сообщения о приглашении в страну двух пакистанских специалистов, которые могли бы способствовать созданию военной ядерной программы Мьянмы [19]. Любопытно, что среди источников в этом случае назывались в первую очередь индийские СМИ [20].

Если говорить о декларации интенций самими официальными лицами страны, в 2004 г. представитель Мьянмы на полях Генеральной Ассамблеи ООН утверждал о необходимости помощи странам в развитии ядерных технологий, делая акцент на сотрудничестве государства в этой области с МАГАТЭ [21]. В этом же году правительство Мьянмы подтвердило отсутствие намерений по созданию ядерных вооружений. Относительно прорывным для мьянманской мирной ядерной программы мог стать 2007 год, который был отмечен подписанием соглашения с ГК «Росатом» о строительстве в Мьянме центра ядерных исследований и ряда других объектов, в том числе лаборатории по переработке радиоактивных отходов. Однако дальше декларирования намерений дело не пошло, что А.А. Симония связывает с несколькими причинами [22], среди которых как особенности внутриполитического развития, так и сильное внешнее давление, фактически побуждающее страну отказаться от реализации права на мирное использование энергии атома (согласно ст. IV ДНЯО). К 2009 г. относится подписание Мьянмой рамочной программы с МАГАТЭ [12].

Начало политизации мьянманской проблематики относится еще к первой половине 2000-х гг. Согласно теории секьюритизации, специфическим маркером такого процесса предстают речевые акты. В 2005 г. госсекретарь США К. Райс отнесла страну к «оплотам тирании», при этом данное высказывание было расценено как расширение понимания термина «ось зла» [23]. Говоря об экспертном дискурсе, в англоязычных статьях в отношении Мьянмы прочно укрепилось словосочетание pariah state [18]. Подобная стигматизация, иногда называемая «изгоизацией» [24], применение отрицательно окрашенных определений в официальных нарративах являются чертой процесса секьюритизации. Даже использование американскими политиками названия «Бирма», негативно оцениваемого в самой стране в качестве отсылки к колониальному прошлому, может быть достаточно показательным.

Наиболее отчетливо процесс политизации именно ядерной составляющей проблемы проявился на рубеже 2000–2010-х гг. Этот этап был связан с активными публикациями в западных СМИ по вопросу о возможном переводе ядерной программы Мьянмы на военные рельсы. Так, в 2009 г. в The Sydney Morning Herald была опубликована работа профессора Центра оборонных исследований Австралийского национального университета Д. Болла и журналиста Ф. Торнтона «Ядерные секреты Бирмы» [25]. В ней, ссылаясь на свои интервью с мьянманскими диссидентами, выехавшими из страны, авторы доказывали стремление Мьянмы сосредоточиться на развитии ядерной промышленности в военных целях; статья при этом вызвала достаточно широкий общественный резонанс. Характерно также и то, что основным источником информации выступили перебежчики, что позволяет провести определенные параллели с иранской ядерной программой [26]. Впрочем, тут же напрашивается сравнение с северокорейским «кейсом»: для сообщества корееведов характерно весьма критическое отношение к свидетельствам северокорейских диссидентов, пересекших границу с Югом [27].

Вскоре был опубликован ряд докладов других авторитетных специалистов (в частности, инспектора МАГАТЭ Р. Келли), согласно которым мировое сообщество должно было обратить свое внимание на ядерную программу Мьянмы в связи с опасениями ее конверсии [28]. В частности, особый акцент делался на связи Нейпьидо и Пхеньяна в стратегических сферах, не исключая ядерную область, обмены по военной линии. В западных публикациях также говорилось о совместных с Пхеньяном разработках ракет типа Scud как потенциального средства доставки ядерного оружия [29].

Особенное внимание авторы подобных работ обращали на экономические отношения Мьянмы, в частности связи с компаниями, которые продавали Мьянме некоторые детали и технологии двойного назначения даже под санкциями. Известная амбивалентность состояла в приобретении Мьянмой определенных составных частей, которые могут использоваться в центрифугах для обогащения урана. Впрочем, эти же детали были применимы и в ракетной программе [29]. С этой точки зрения очевидны параллели с пакистанским сценарием, в котором разветвленная международная сеть А.К. Хана на протяжении десятилетий обеспечивала приток ключевых материалов для создания ЯВУ. Связи Мьянмы с Пакистаном стали одним из лейтмотивов публицистики рассматриваемого периода по теме, пусть и, возможно, в меньшей степени, чем с КНДР.

Среди иных примеров можно назвать японские, южнокорейские, индийские и даже европейские компании. Одной из проблем для них стали ограничения, наложенные на Мьянму в связи с различными санкциями, включая так называемые автономные. На рубеже XX и XXI вв. индийская фирма Bharat Electronics продавала в Мьянму ряд специфических материалов [30]. В середине 2000-х гг. германская Daimler-Motoren-Gesellschaft (DMG) по лицензии правительства ФРГ поставляла в Мьянму оборудование, которое может быть использовано в атомной промышленности. В 2006 г. Республика Корея планировала поставить Мьянме конструкцию исследовательского реактора, которая впоследствии использовалась в австралийском исследовательском реакторе OPAL.

Отдельным поводом для критических оценок стали затронутые российско-мьянманские связи в ядерной отрасли. Опасения по поводу сотрудничества РФ и Мьянмы в ядерной сфере высказывались даже в прессе Индонезии, партнера Мьянмы по АСЕАН [31]. На деле в случае с российско-мьянманской ядерной сделкой остро стояли вопросы о платежеспособности азиатской страны, совершенствовании ядерной культуры и наличии обученных профессионалов для обслуживания ядерной отрасли Мьянмы.

В начале 2010-х гг. ярко проявился переход проблематики с уровня экспертного сообщества на официальный в рамках процесса политизации. Согласно заявлению администрации Б. Обамы эпохи первого президентского срока, ядерная программа Мьянмы попрежнему продолжала «вызывать беспокойство» [13]. Тематика разработок Нейпьидо в ядерной области освещалась и в документах Госдепартамента США. В частности, в одном из отчетов 2012 г. говорилось о том, что озабоченность по поводу ядерной программы страны снята лишь «частично» [32].

Как следствие, подобные политизация и секьюритизация вопроса привели к тому, что МИД Мьянмы в 2010 г. декларировал отказ от строительства или импорта даже исследовательского реактора из-за «недопонимания», которое может возникнуть у международного сообщества, и эта позиция была подтверждена представителями страны на Генеральной конференции МАГАТЭ [Ibid.].

Демократизация и десекьюритизация: 2010-е гг.

Указанные события отнюдь не случайным образом наложились и на этап кардинальных внутриполитических изменений, который пришелся на время после принятия компромиссной Конституции 2008 г. Постепенно начался период демократического транзита страны: была освобождена из-под домашнего ареста Аун Сан Суу Чжи, а в 2010 г. проведены первые за два десятилетия всеобщие выборы.

Помимо вышеупомянутых высказываний руководства страны, дезавуировавших намерения Нейпьидо получить доступ к технологиям исследовательского ядерного реактора, в 2012 г. министр обороны генерал-лейтенант Хла Мин заявил на форуме Shangri-La Dialogue, что Мьянма сохранила НИОКР в ядерной области [33], подчеркнув исключительно мирный характер программы.

В подтверждение своих намерений в 2013 г. Мьянма подписала Дополнительный протокол с МАГАТЭ на основе модельного соглашения INFCIRC/540, предусматривающий возможность проведения интрузивных инспекций без уведомления.

В 2014 г. Мьянма вновь эксплицитно артикулировала планы на исследовательский реактор [34], но, что примечательно, не последовало столь же бурной реакции мирового сообщества в условиях запущенного процесса демтранзита. В июне 2015 г. Российская Федерация (в лице гендиректора ГК «Росатом» С.В. Кириенко) и Мьянма (представленная министром науки и технологий Ко Ко У) подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области использования атомной энергии в мирных целях [35]. В 2016 г. глава ГК «Росатом» С.В. Кириенко утверждал, что Мьянма являет собой одну из потенциальных стран для будущего атомной энергетики в Юго-Восточной Азии [36]. Сообщения об учреждении совместного российско-мьянманского органа в ядерной сфере появились в июне 2016 г.

21 сентября 2016 г. произошла ратификация страной Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, при этом исполнительный секретарь ОДВЗЯИ Л. Зербо отметил, что До Аун Сан Суу Чжи стала первым нобелевским лауреатом, представившим ратификационную грамоту по этому Договору [17]. Этот ход позволил стране закрепить свой имидж добропорядочного актора с точки зрения ядерного нераспространения. Более того, 27 сентября 2018 г. страна подписала Договор о запрещении ядерного оружия, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 7 июля 2017 г. Несмотря на то, что страна пока так и не ратифицировала Договор, факт подписания стал одной из важных вех для Мьянмы с точки зрения ядерного фактора. Представители страны регулярно высказывалась за цели и идеалы, на которых базируется документ, на полях Генеральной Ассамблеи ООН. В целом, несмотря на относительную монолитность позиции АСЕАН в отношении ДЗЯО, примечательно, что единственной страной, воздержавшейся при голосовании за Договор, стала не Мьянма, а Сингапур. Официально это связано с тем, что некоторые из предложений

города-государства не были учтены в процессе подготовки ДЗЯО.

Возвращаясь к анализу дискурса, в 2010-е гг., в особенности начиная с 2012–2013 гг., можно зафиксировать изменение общей направленности публикаций по теме. В некоторых из них признавалось, что Мьянма на деле была весьма далека от создания собственной ядерной программы [37]. Более того, впоследствии в отдельных статьях наблюдался, скорее, комплиментарный тон: в них Мьянма удостоилась определения «ролевая модель» [38]. В то же время, по состоянию на конец 2010-х гг., планы Мьянмы по развитию собственной ядерной программы оставались весьма туманными [39], так как комплекс серьезнейших внутренних проблем не позволял вернуться к вопросу о НИОКР в ядерной сфере.

Значительный сдвиг во внутриполитической жизни государства произошел в начале февраля 2021 г., с задержанием и смещением с должностей президента Вин Мьина и государственного советника (по совместительству также министра иностранных дел) До Аун Сан Су Чжи. Власть вернулась в руки военных, и государство возглавил старший генерал Мин Аун Хлайн. Представители Мьянмы при ООН, не все из которых поддержали смену власти у себя на родине, по-прежнему активно выступают за любые инициативы, связанные с ядерным разоружением [40]. Такая неодинаковость позиций внутри мьянманской элиты, безусловно, осложняет не только дальнейшие перспективы развития атомной отрасли страны, но и консолидированное позиционирование государства на международной арене по вопросам, связанным с ядерным фактором.

Выводы

Внутриполитические изменения в Мьянме в начале 2010-х гг. нашли свое отражение в повороте не только и не столько в политике государства в ядерной сфере, сколько в резком по историческим меркам изменении дискурса. Рассматривая сдвиг в отношении мирового сообщества к намерению Мьянмы воздвигнуть ядерный реактор в 2000-х гг., с одной стороны, и середине 2010-х гг. – с другой, можно констатировать, что проблема постепенно перетекла из плоскости ядерного нераспространения в область мирного использования атомной энергии. На деле те же личности, которые на рубеже 2000–2010-х гг. связывались в СМИ и экспертной публицистике с созданием военной ядерной программы, оставались у власти еще довольно долгое время. Яркими примерами являются фигуры президента Тейна Сенна и генерал-лейтенанта Хла Мина. При этом существенное отличие от ситуации с КНДР заключается в отсутствии у руководства Мьянмы намерения декларировать разработку ЯО, даже если исходить из посылки о стремлении Нейпьидо военизировать свою ядерную программу.

В то же время ограниченность реально принятых международным сообществом мер против именно ядерной программы Мьянмы (санкционный режим, резолюции СБ ООН и т.п.) и отсутствие громких высказываний со стороны политиков ведущих стран по этому поводу позволяют утверждать, что процесс секьюритизации остался по большей части на этапе политизации. Это может быть подтверждено наличием характерных признаков данного этапа, по Б. Бузану и О. Веверу: широком освещением проблемы в мировых СМИ, привлечением авторитетных экспертов к обсуждению проблемы, конструктивистским характером подобных заявлений. Говоря об экспликации некоторых несовпадений стадий демократизации и десекьюритизации, можно предположить, что реагирование международного сообщества на события в Мьянме шло с определенным временны́м лагом.

В то же время состояние ЯТЦ Мьянмы не позволяет объективно отнести ее к пороговым государствам. С учетом отсутствия реальных научно-технических возможностей, определенных ограничений на международную торгово-экономическую деятельность Мьянма, скорее, представляет собой классический случай околопороговой державы. Ключевым компонентом этой дефиниции в случае Нейпьидо является отсутствие соответствующего know-how для создания военной ядерной программы. Принимая во внимание необходимость обеспечения национальной безопасности как стандартную мотивацию для обретения ядерного оружия, следует задаться вопросом о потенциальных угрозах для суверенитета Мьянмы (вероятно, теория режимов могла бы помочь пролить свет на этот сюжет).

К числу актуальных на данный момент вопросов относится ратификация соответствующих соглашений, от Дополнительного протокола до ДЗЯО: на данный момент Мьянма ограничивается лишь их подписанием. Однако стоит оговориться, что такая ситуация – далеко не уникальная для «нераспространенческого» ландшафта в глобальном измерении – не служит сама по себе свидетельством намерений правительства немедленно обрести ядерное оружие. Более уместной будет интерпретация названных проблем как не относящихся к числу первоочередных для официального Нейпьидо, сосредоточенного на внутриполитических сложностях.

События начала 2021 г. дают основания предполагать, что возвращение руководства Мьянмы к вопросу о налаживании собственной ядерной программы могло бы вновь вызвать подозрения экспертных кругов по поводу намерений страны. В условиях относительной изоляции мьянманских элит при сохранении активного экономического сотрудничества с Китаем в рамках совокупности проектов «Один пояс – один путь», или «Инициатива пояса и пути», и военно-технической кооперации с Россией сотрудничество в ядерной сфере становится довольно проблематичным [41]. Помимо этого, с учетом обострившегося противостояния внутри мьянманского общества пристальное внимание специалистов приковано к предотвращению других видов ОМУ (химического и биологического оружия).

Что касается перспектив дальнейшего изучения темы, плодотворным направлением видится синтез достижений как исследователей-востоковедов со свободным владением бирманским языком (для обеспечения более четкого понимания внутриполитических тонкостей), так и специалистов в области ядерного нерас-

пространения (с целью профессионального разбора состояния мьянманского ЯТЦ и исполнения Нейпьидо гарантий МАГАТЭ). В отношении дескриптивных методик видится необходимым более подробное описание событий второй половины 2010-х гг., возможно, еще недостаточно освещенных в литературе ввиду их недавнего характера. Целесообразным представляется проведение ситуационного анализа с учетом комплексного, системного характера проблем, характерных для политической жизни Мьянмы в последние годы (возврат от демтранзита к правлению военных, этноконфессиональный конфликт вокруг рохинджа, накаление геополитической обстановки в Юго-Восточной Азии в условиях интенсификации американско-китайского противостояния и пр.) Наконец, политическое портретирование позволило бы прояснить роль отдельных фигур (в частности, Ко Ко У, Сай Тейн Вин и др.) в развитии мьянманской ядерной программы.

Список источников

1. Selth A. Burma's Nuclear Program: Domestic Dream or Regional Nightmare? // AQ: Australian Quarterly. 2004. Vol. 76 (2). P. 14–18. doi: 10.2307/20638244
2. Selth A. Interpreting Myanmar: A Decade of Analysis. 1st ed. Acton : ANU Press, 2020. doi: 10.2307/j.ctv1d5nm3z
3. Kelley R. Burma nuclear program highlights the need for a standing UN technical body // Bulletin of the Atomic Scientists. 2010. Vol. 66, is. 6. P. 67–76. doi: 10.1177/0096340210387045
4. Crail P. Report Alleges Secret Myanmar Nuclear Work // Arms Control Association. URL: https://www.armscontrol.org/act/2010_07/MyanmarReport (accessed: 10.12.2021).
5. Kerr P. Russia, Burma Sign Nuclear Agreement // Arms Control Association. URL: https://www.armscontrol.org/act/2007-06/russia-burma-sign-nuclear-agreement (accessed: 10.12.2021).
6. Slaying the Nuclear Dragon: Disarmament Dynamics in the Twenty-first Century // ed. by T. Ogilvie-White, D. Santoro. Athens, GA : University of Georgia Press, 2012. 360 p.
7. Tun T. Myanmar and the Nuclear Option // Asia's Energy Trends and Developments / ed. by M. Hong, A. Lugg. Singapore: WSPC, 2013. Vol. 1: Innovations and Alternative Energy Supplies. P. 269–274. doi: 10.1142/9789814425582_0015
8. Ключанская С.А. Проблема нераспространения ядерного оружия в Юго-Восточной Азии: середина 90-х гг. XX в. – первое десятилетие XXI в. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03. Томск, 2012. 259 с.
9. Ключанская С.А. Угроза вторжения как фактор внешней политики Мьянмы // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 363. С. 103–106.
10. Khlopkov A., Konukhov D. Russia, Myanmar and Nuclear Technologies // Center for Energy and Security Studies. 2011. June 29. URL: http://ceness-russia.org/data/doc/MyanmarENG.pdf (accessed: 10.12.2021).
11. Ефремова К.А. Армия в современной Мьянме // Армии на современном Востоке / под ред. Д.В. Стрельцова. М. : Аспект Пресс, 2018. С. 228–255.
12. Emerging Nuclear Energy Countries // World Nuclear Association. URL: https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/others/emerging-nuclear-energy-countries.aspx (accessed: 10.12.2021).
13. Lewis J. Does Burma Still Have Nuclear Dreams? // Foreign Policy. 2012. Nov. 16. URL: http://foreignpolicy.com/2012/11/16/does-burma-still-have-nuclear-dreams/ (accessed: 10.12.2021).
14. Albright D., Brannan P., Kelley R., Scheel Stricker A. Burma: A Nuclear Wannabe; Suspicious Links to North Korea; High-Tech Procurements and Enigmatic Facilities // Institute for Science and International Security. 2010. Jan. 28. URL: https://isis-online.org/isis-reports/detail/burma-a-nuclear-wanabee-suspicious-links-to-north-korea-high-tech-procureme/33 (accessed: 10.12.2021).
15. The Republic of the Union of Myanmar National Report : for the 7th Review Meeting of the Convention on Nuclear Safety. March / April 2017 // International Atomic Energy Agency. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/myanmar_nr-7th-rm.pdf (accessed: 10.12.2021).
16. Misra K.P. Burma's farewell to the nonaligned movement // Asian Affairs. 1981. Vol. 12, is. 1. P. 49–56. doi: 10.1080/03068378108730012
17. Myanmar ratifies the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty : Press Release // CTBTO Preparatory Commission. 2016. 22 Sep. URL: https://www.ctbto.org/press-centre/press-releases/2016/press-release-myanmar-ratifies-the-comprehensive-nuclear-test-ban-treaty/ (accessed: 10.12.2021).
18. Федченко В.И. Мьянма как новая цель ядерного экспорта России // Вопросы безопасности. 2002. Т. 6, № 11. С. 15–28.
19. Иванов А. Мьянма станет ядерной державой // КоммерсантЪ. 2002. 25 янв. URL: https://www.kommersant.ru/doc/307353 (дата обращения: 10.12.2021).
20. Лебедева Н.Б. Треугольник «Индия–Мьянма–Китай» (проблемы и компромиссы взаимодействия) // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2010. № 15. С. 46–78.
21. Генеральная конференция МАГАТЭ. Сорок восьмая (2004 год) очередная сессия. Пленарное заседание. Протокол восьмого заседания // International Atomic Energy Agency. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc/gc48or-8_rus.pdf (дата обращения: 10.12.2021).
22. Симония А.А. Новые приоритеты во внешней политике Мьянмы // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2007. № 10. С. 375–391.
23. Axis of evil: Rice adds four more states // The Irish Times. 2005. Jan 20. URL: https://www.irishtimes.com/news/axis-of-evil-rice-adds-four-more-states-1.407741 (accessed: 10.12.2021).
24. Кожевникова А.Д., Круть В.Г. Феномен Мьянмы как «государства-изгоя» // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. № 7. С. 151–158.
25. Ball D., Thornton P. Burma's Nuclear Secrets // The Sydney Morning Herald. 2009. Aug. 1. URL: http://www.smh.com.au/world/burmax2019s-nuclear-secrets-20090731-e4fv.html (accessed: 10.12.2021).
26. 缅甸秘密核计划曝光// 市场星报国际. 2010年6月23日. URL: http://www.ahscb.com/page/1/2010-06/23/13/2010062313_pdf.pdf (дата обращения: 10.12.2021).
27. Асмолов К.В. Так называемые «карьерные перебежчики» из КНДР: проблема достоверности показаний // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки : к 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930). С.-Петербург, 19–21 июня 2019 г.
28. Kelley R.E., Fowle A. Nuclear Related Activities in Burma // The Washington Post. 2010. 25 May. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-srv/world/documents/060410.pdf (accessed: 10.12.2021).
29. Albright D., Brannan P., Kelley R., Scheel Stricker A. The North Korea-Myanmar Relationship: A Technical Perspective // Bulletin of the Atomic Scientists. 2010. Vol. 66, is. 3. P. 19–29. doi: 10.2968/066003003
30. Butler B., Doherty B. Australia's Future Fund invested in weapons manufacturers that have sold arms to Myanmar military // The Guardian. 2021. 28 Nov. URL: https://www.theguardian.com/australia-news/2021/nov/29/australias-future-fund-invested-in-weapons-manufacturers-that-have-sold-arms-to-myanmar-military (accessed: 10.12.2021).
31. Budianto L. Will Myanmar follow North Korea's way? // The Jakarta Post. 2009. June 2. URL: http://www.thejakartapost.com/news/2009/06/02/will-myanmar-follow-north-korea039s-way.html (accessed: 10.12.2021).

32. 2012 Adherence to and Compliance with Arms Control, Nonproliferation, and Disarmament Agreements and Commitments // U.S. Department of State. URL: https://2009-2017.state.gov/t/avc/rls/rpt/197085.htm (accessed: 10.12.2021).
33. Myanmar Abandons Nuclear Research: Defense Minister // Reuters. 2012. June 2. URL: https://www.reuters.com/article/us-asia-security-myanmar/myanmar-abandons-nuclear-research-defense-minister-idUSBRE85105320120602 (accessed: 10.12.2021).
34. Myanmar // The Nuclear Threat Initiative. URL: https://www.nti.org/countries/myanmar/ (accessed: 10.12.2021).
35. Россия и Мьянма подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области использования атомной энергии в мирных целях // Атомэнергомаш. 2015. 18 июня. URL: http://www.aem-group.ru/mediacenter/industry/rossiya-i-myanma-podpisali-memorandum-o-vzaimoponimanii-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-ispolzovaniya-atomnoj-energii-v-mirnyix-czelyax.html (дата обращения: 10.12.2021).
36. Сергей Кириенко: РФ – первая, кто реально построил АЭС по «постфукусимским» требованиям // ТАСС. 2016. 18 июня. URL: http://tass.ru/pmef-2016/article/3380671 (дата обращения: 10.12.2021).
37. Hanham M. Obama's Historic Visit to Myanmar and the Shadow of North Korea // 38 North. 2013. Jan. 8. URL: https://www.38north.org/2013/01/mhanham010813/ (accessed: 10.12.2021).
38. Chandran N. Nuclear Nonproliferation: Lessons from Myanmar. How this country went from nuclear problem child to role model // CNBC. 2017. March 29. URL: https://www.cnbc.com/2017/03/28/nuclear-nonproliferation-lessons-from-myanmar.html (accessed: 10.12.2021).
39. Золотухин И.Н., Цзя Су Ян. Развитие ядерной энергетики в Юго-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4 (47). С. 145–157.
40. Delegates Highlight Disarmament Crisis Marked by Proliferating Weapons of Mass Destruction, Illicit Small Arms Trade, as First Committee Continues Debate // United Nations. URL: https://www.un.org/press/en/2021/gadis3670.doc.htm (accessed: 10.12.2021).
41. Bukh A. Moscow's interests in Myanmar are fuelled by rivalry with the West // East Asia Forum. 2021. 4 May. URL: https://www.eastasiaforum.org/2021/05/04/moscows-interests-in-myanmar-are-fuelled-by-rivalry-with-the-west/ (accessed: 10.12.2021).

References

1. Selth, A. (2004) Burma's Nuclear Program: Domestic Dream or Regional Nightmare? *AQ: Australian Quarterly*. 76(2). pp. 14–18. DOI: 10.2307/20638244
2. Selth, A. (2020) *Interpreting Myanmar: A Decade of Analysis*. 1st ed. Acton: ANU Press. DOI: 10.2307/j.ctv1d5nm3z
3. Kelley, R. (2010) Burma nuclear program highlights the need for a standing UN technical body. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 66(6). pp. 67–76. DOI: 10.1177/0096340210387045
4. Crail, P. (2010) *Report Alleges Secret Myanmar Nuclear Work*. [Online] Available from: https://www.armscontrol.org/act/2010_07/MyanmarReport (Accessed: 10th December 2021).
5. Kerr, P. (2007) *Russia, Burma Sign Nuclear Agreement*. [Online] Available from: https://www.armscontrol.org/act/2007-06/russia-burma-sign-nuclear-agreement (Accessed: 10th December 2021).
6. Ogilvie-White, T. & Santoro, D. (2012) *Slaying the Nuclear Dragon: Disarmament Dynamics in the Twenty-First Century*. Athens, GA: University of Georgia Press.
7. Tun, T. (2013) Myanmar and the Nuclear Option. In: Hong, M. & Lugg, A. (eds) *Asia's Energy Trends and Developments*. Vol. 1. Singapore: WSPC. pp. 269–274. DOI: 10.1142/9789814425582_0015
8. Klyuchanskaya, S.A. (2012a) *Problema nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya v Yugo-Vostochnoy Azii: seredina 90-kh gg. XX v. – pervoe desyatiletie XXI v.* [The problem of non-proliferation of nuclear weapons in Southeast Asia: mid-1990s – first decade of the 21st century]. History Cand. Diss. Tomsk.
9. Klyuchanskaya, S.A. (2012b) Ugroza vtorzheniya kak faktor vneshney politiki M'yanmy [A threat of invasion as a factor in Myanmar's foreign policy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 363. pp. 103–106.
10. Khlopkov, A. & Konukhov, D. (2011) Russia, Myanmar and Nuclear Technologies. *Center for Energy and Security Studies*. 29th June. [Online] Available from: http://ceness-russia.org/data/doc/MyanmarENG.pdf (Accessed: 10th December 2021).
11. Efremova, K.A. (2018) Armiya v sovremennoy M'yanme [The army in modern Myanmar]. In: Streltsov, D.V. (ed.) *Armii na sovremennom Vostoke* [Armies in the Modern East]. Moscow: Aspekt Press. pp. 228–255.
12. World Nuclear Association. (n.d.) *Emerging Nuclear Energy Countries*. [Online] Available from: https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/others/ emerging-nuclear-energy-countries.aspx (Accessed: 10th December 2021).
13. Lewis, J. (2012) Does Burma Still Have Nuclear Dreams? *Foreign Policy*. 16th November. [Online] Available from: http://foreignpolicy.com/2012/11/16/does-burma-still-have-nuclear-dreams/ (Accessed: 10th December 2021).
14. Albright, D., Brannan, P., Kelley, R. & Scheel Stricker, A. (2010) Burma: A Nuclear Wannabe; Suspicious Links to North Korea; High-Tech Procurements and Enigmatic Facilities. *Institute for Science and International Security*. 28th January. [Online] Available from: https://isis-online.org/isis-reports/detail/burma-a-nuclear-wanabee-suspicious-links-to-north-korea-high-tech-procureme/33 (Accessed: 10th December 2021).
15. International Atomic Energy Agency. (2017) *The Republic of the Union of Myanmar National Report: for the 7th Review Meeting of the Convention on Nuclear Safety*. March / April. [Online] Available from: https://www.iaea.org/sites/default/files/myanmar_nr-7th-rm.pdf (Accessed: 10th December 2021).
16. Misra, K.P. (1981) Burma's farewell to the nonaligned movement. *Asian Affairs*. 12(1). pp. 49–56. DOI: 10.1080/03068378108730012
17. *CTBTO Preparatory Commission*. (2016) Myanmar ratifies the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty: Press Release. 22nd September. [Online] Available from: https://www.ctbto.org/press-centre/press-releases/2016/press-release-myanmar-ratifies-the-comprehensive-nuclear-test-ban-treaty/ (Accessed: 10th December 2021).
18. Fedchenko, V.I. (2002) M'yanma kak novaya tsel' yadernogo eksporta Rossii [Myanmar as a new target for Russia's nuclear export]. *Voprosy bezopasnosti*. 6(11). pp. 15–28.
19. Ivanov, A. (2002) M'yanma stanet yadernoy derzhavoy [Myanmar will become a nuclear power]. *Kommersant""*. 25th January. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/307353 (Accessed: 10th December 2021).
20. Lebedeva, N.B. (2010) Treugol'nik "Indiya–M'yanma–Kitay" (problemy i kompromissy vzaimodeystviya) [Triangle "India-Myanmar-China" (Problems and Compromises of Interaction)]. *YuVA: aktual'nye problemy razvitiya*. 15. pp. 46–78.
21. International Atomic Energy Agency. (2004) *General'naya konferentsiya MAGATE. Sorok vos'maya (2004 god) ocherednaya sessiya. Plenarnoe zasedanie. Protokol vos'mogo zasedaniya* [IAEA General Conference. Forty-eighth (2004) regular session. Plenary session. Minutes of the eighth meeting]. [Online] Available from: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc/gc48or-8_rus.pdf (Accessed: 10th December 2021).
22. Simoniya, A.A. (2007) Novye prioritety vo vneshney politike M'yanmy [New priorities in Myanmar's foreign policy]. *YuVA: aktual'nye problemy razvitiya*. 10. pp. 375–391.
23. *The Irish Times*. (2005) Axis of evil: Rice adds four more states. 20th January. [Online] Available from: https://www.irishtimes.com/news/axis-of-evil-rice-adds-four-more-states-1.407741 (Accessed: 10th December 2021).
24. Kozhevnikova, A.D. & Krut, V.G. (2016) Fenomen M'yanmy kak "gosudarstva-izgoya" [The phenomenon of Myanmar as a "rogue state"]. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy*. 7. pp. 151–158.
25. Ball, D. & Thornton, P. (2019) Burma's Nuclear Secrets. *The Sydney Morning Herald*. 1st August. [Online] Available from: http://www.smh.com.au/world/burmax2019s-nuclear-secrets-20090731-e4fv.html (Accessed: 10th December 2021).

26. 缅甸秘密核计划曝光// 市场星报国际. (2010) 年6月23日. [Online] Available from: http://www.ahscb.com/page/1/2010-06/23/13/2010062313_pdf.pdf (Accessed: 10th December 2021).
27. Asmolov, K.V. (2019) Tak nazyvaemye “kar'ernye perebezhchiki” iz KNDR: problema dostovernosti pokazaniy [The so-called “career defectors” from the DPRK: The problem of the credibility of testimony]. *XXX Mezhdunarodnyy kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki* [30rd International Congress on History Philology and Historiography of Asian and African Countries]. St. Petersburg, June 19–21, 2019.
28. Kelley, R.E. & Fowle, A. (2010) Nuclear Related Activities in Burma. *The Washington Post*. 25th May. [Online] Available from: http://www.washingtonpost.com/wp-srv/world/documents/060410.pdf (Accessed: 10th December 2021).
29. Albright, D., Brannan, P., Kelley, R. & Scheel Stricker, A. (2010) The North Korea-Myanmar Relationship: A Technical Perspective. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 66(3). pp. 19–29. DOI: 10.2968/066003003
30. Butler, B. & Doherty, B. (2021) Australia’s Future Fund invested in weapons manufacturers that have sold arms to Myanmar military. *The Guardian*. 28th November. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/australia-news/2021/nov/29/australias-future-fund-invested-in-weapons-manufacturers-that-have-sold-arms-to-myanmar-military (Accessed: 10th December 2021).
31. Budianto, L. (2009) Will Myanmar follow North Korea’s way? *The Jakarta Post*. 2nd June. [Online] Available from: http://www.thejakartapost.com/news/2009/ 06/02/will-myanmar-follow-north-korea039s-way.html (Accessed: 10th December 2021).
32. U.S. Department of State. (2012) *Adherence to and Compliance with Arms Control, Nonproliferation, and Disarmament Agreements and Commitments*. [Online] Available from: https://2009-2017.state.gov/t/avc/rls/rpt/197085.htm (Accessed: 10th December 2021).
33. *Reuters*. (2012) Myanmar Abandons Nuclear Research: Defense Minister. 2nd June. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-asia-security-myanmar/myanmar-abandons-nuclear-research-defense-minister-idUSBRE85105320120602 (Accessed: 10th December 2021).
34. The Nuclear Threat Initiative. (n.d.) *Myanmar*. [Online] Available from: https://www.nti.org/countries/myanmar/ (Accessed: 10th December 2021).
35. *Atomenergomash*. (2015) Rossiya i M'yanma podpisali Memorandum o vzaimoponimanii po sotrudnichestvu v oblasti ispol'zovaniya atomnoy energii v mirnykh tselyakh [Russia and Myanmar signed a Memorandum of Understanding on cooperation in the field of peaceful use of atomic energy]. 18th June. [Online] Available from: http://www.aem-group.ru/mediacenter/industry/rossiya-i-myanma-podpisali-memorandum-o-vzaimoponimanii-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-ispolzovaniya-atomnoj-energii-v-mirnyix-czelyax.html (Accessed: 10th December 2021).
36. Kirienko, S. (2016) RF – pervaya, kto real'no postroil AES po “postfukusimskim” trebovaniyam [Russia is the first to actually build a nuclear power plant according to “post-Fukushima” requirements]. *TASS*. 18th June. [Online] Available from: http://tass.ru/pmef-2016/article/3380671 (Accessed: 10th December 2021).
37. Hanham, M. (2013) Obama’s Historic Visit to Myanmar and the Shadow of North Korea. *38 North*. 8th January. 8. [Online] Available from: https://www.38north.org/ 2013/01/mhanham010813/ (Accessed: 10th December 2021).
38. Chandran, N. (2017) Nuclear Nonproliferation: Lessons from Myanmar. How this country went from nuclear problem child to role model. *CNBC*. 29th March. [Online] Available from: https://www.cnbc.com/2017/03/28/nuclear-nonproliferation-lessons-from-myanmar.html (Accessed: 10th December 2021).
39. Zolotukhin, I.N. & Jia Su Yang. (2018) Razvitie yadernoy energetiki v Yugo-Vostochnoy Azii: istoriya, tendentsii, perspektivy [Development of nuclear power in Southeast Asia: History, trends, prospects]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 4(47). pp. 145–157.
40. United Nations. (2021) *Delegates Highlight Disarmament Crisis Marked by Proliferating Weapons of Mass Destruction, Illicit Small Arms Trade, as First Committee Continues Debate*. [Online] Available from: https://www.un.org/press/en/2021/gadis3670.doc.htm (Accessed: 10th December 2021).
41. Bukh, A. (2021) Moscow’s interests in Myanmar are fuelled by rivalry with the West. *East Asia Forum*. 4th May. [Online] Available from: https://www.eastasiaforum.org/2021/05/04/moscows-interests-in-myanmar-are-fuelled-by-rivalry-with-the-west/ (Accessed: 10th December 2021).

***Сведения об авторе*:**
Торопчин Глеб Вячеславович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); доцент факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: glebtoropchin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Toropchin Gleb V. – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); Associate Professor, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: glebtoropchin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 12.12.2021; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 327
doi: 10.17223/19988613/81/14

Казахстан в инициативе «Один пояс, один путь» (2013–2022 гг.)

Цюй Цюжунь

Томский государственный университет, Томск, Россия, r4083@126.com

Аннотация. Китай и Казахстан являются хорошим примером для других стран, которые хотят развивать экономические отношения. «Экономический пояс Шелкового пути», предложенный Китаем, направлен на достижение глобального мира и развития. Впоследствии Казахстаном также была предложена экономическая инициатива «Светлый путь», в которой участвует Китай. Две страны ищут возможности для сотрудничества, расширяют глубину сфер взаимодействия, достигают взаимной выгоды, а также продолжают содействовать координации и связи между «Экономическим поясом Шелкового пути» и «Светлым путем».
Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути, Светлый путь, Казахстан, Китай

Для цитирования: Цюй Цюжунь. Казахстан в инициативе «Один пояс, один путь» (2013–2022 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 121–126. doi: 10.17223/19988613/81/14

Original article

Kazakhstan in the Belt and Road Initiative (2013–2022)

Qu Qiurun

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, r4083@126.com

Abstract. This article aims to analyze the cooperation between China's "Silk Road New Economic Belt" and Kazakhstan's "Bright Road". The article uses the work reports of the Chinese government, speech materials from the Ministry of Commerce of the People's Republic of China and the leaders of China and Kazakhstan, statistical data and analysis of international organizations, and some materials from news organizations. This article explains what the Belt and Road Initiative and the Bright Road are, and to what extent the goals, domains and tools for implementing the Belt and Road and the Bright Road are integrated. It also presents risks and challenges in cooperation and prospects for future cooperation.
The research has reached the following conclusions. China's «Silk Road Economic Belt» and Kazakhstan's "Bright Road" new economic policy cooperation has achieved outstanding results in the fields of infrastructure, transportation and energy. A series of investments and cooperation have received strong support from the two governments. With the assistance of the Silk Road Economic Belt, the digital economy has entered Kazakhstan, and cooperation in the fields of smart cities, e-government and network big data has objectively accelerated the development of Kazakhstan.
The analysis shows that the cooperation advantage of China and Kazakhstan lies in the fact that under the friendly exchanges between the leaders of the two countries, the countries have carried out multi-level and multi-field intergovernmental cooperation. At the same time, the Shanghai Cooperation Organization provides necessary guarantees for the economic development of the two countries. Risks and challenges are concentrated on the Kazakh side. The unstable factors in Kazakhstan, the misunderstanding of the Chinese government by the Kazakh people, and the game of interests of major powers in Kazakhstan have all become factors that restrict the rapid development of economic cooperation between the two countries. We hope that these unfavorable factors can be changed with the resume and development of Kazakhstan's "presidential + strong parliamentary system" and will make the economy of the two countries develop better.
Keywords: Silk Road Economic Belt, Bright Path, Kazakhstan, China

For citation: Qu Qiurun (2023) Kazakhstan in the initiative "One Belt, One Way" (2013–2022). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 121–126. doi: 10.17223/19988613/81/14

Как известно, «Один пояс, один путь» (ОПОП) включает в себя «Один пояс» и «Один путь», которые являются аббревиатурами «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21 века». В сентябре и октябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин предложил инициативы сотрудничества по созданию «Экономического пояса Нового Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21 века» соответ-

© Цюй Цюжунь, 2023

ственно [1, 2]. Основная цель строительства «Пояса и пути» включает «пять звеньев»: политическую коммуникацию, дорожное сообщение, беспрепятственную торговлю, обращение валюты и доверие между людьми. Основой для реализации цели «пяти звеньев» является «сотрудничество», которое в основном включает инфраструктурную взаимосвязь, обширное сотрудничество в экономике и торговле, инвестиции в промышленность, энергетические ресурсы, финансы, науку, образование, культуру, здравоохранение, культурные обмены и т.д. Опираясь на исторические символы древнего Шелкового пути, Китай активно развивает экономическое партнерство со странами вдоль этого маршрута и вместе с этими странам работает над созданием сообщества интересов с взаимным политическим доверием, экономической интеграцией и культурной терпимостью. По состоянию на 27 мая 2022 г. Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве со 150 странами и 32 международными организациями для строительства «Пояса и пути».

Близкая по цели к китайской модели сотрудничества новая экономическая политика «Светлый путь» предложена бывшим президентом Казахстана Назарбаевым в 2014 г. Ее цель – содействие развитию инфраструктуры в Казахстане для обеспечения устойчивого экономического развития и социальной стабильности. Инфраструктурные проекты в основном относятся к транспортной, промышленной, энергетической, социальной и культурной сферам.

В сентябре 2016 г., во время саммита G20 в Ханчжоу, Китай и Казахстан подписали новый план стыковки экономической политики «Экономического пояса Шелкового пути» и «Светлого пути» в Казахстане. Назарбаев также заявил, что инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» принесет пользу странам региона. Казахстан готов укреплять связь между новой экономической политикой «Светлый путь» и строительством «Пояса и пути», а также углублять сотрудничество между Казахстаном и Китаем в различных областях [3]. В течение последних шести лет две страны работали над реализацией плана сопряженного сотрудничества между строительством «Экономического пояса Шелкового пути» и новой экономической политикой «Светлого пути». Сферы сотрудничества включают производственный потенциал, инвестиции, экономику и торговлю, энергетику, финансы, строительство коммуникаций, сельское хозяйство, инновационное сотрудничество и сотрудничество в области гуманитарных наук.

Стратегическое сотрудничество между «Экономическим поясом Шелкового пути» и «Светлым путем» может быть реализовано, поскольку концепции современной западной экономики обеспечивают теоретическую основу для стратегического выравнивания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Светлого пути». По мнению Ху Шоуцзюня, профессора Фуданьского университета в Китае, ресурсы являются основным условием для формирования симбиотических отношений между региональными экономиками. Китай и Казахстан обладают наибольшей взаимодополняемостью в энергетических, технологических, капитальных, трудовых и других ресурсах и имеют базовые условия для формирования симбиотических отношений. Таким образом, две страны могут сформировать более стабильные отношения сотрудничества [4]. Итак, в какой степени сочетаются цели, рамки и инструменты реализации ОПОП и «Светлого пути»? Данный вопрос будет рассмотрен ниже.

Развитие инфраструктуры, в основном транспортных технологий, логистики и транспорта, было первой областью для инвестиций и развития. На протяжении более чем 30 лет после обретения независимости инфраструктура Казахстана была очень слабой и в целом отсталой. Для того чтобы построить транспортную сеть автомобильных и железных дорог, авиалиний, трубопроводов и портов Казахстан усилил сотрудничество с Китаем в области транспорта и логистики. Строительство дороги из Западной Европы в Западный Китай (известна в Китае как Двусторонняя западная магистраль), начатое Китаем и Казахстаном в 2008 г., является одним из основных моментов развития инфраструктуры в области транспорта, известным как «Современный Шелковый путь». Протяженность дороги составляет 8 445 км, из которых 2 233 км приходится на Россию, 2 787 км – на Казахстан и 3 425 км – на Китай. В ноябре 2017 г. был завершен китайский участок «Двойной западной магистрали», а в настоящее время почти завершен казахстанский участок. Этот международный коридор объединяет огромную территорию от Синьцзяна до Западной Европы, а время, необходимое для поездки из Ляньюньгана в Европу, сократится с 45 дней по морю до 10 дней. В настоящее время Китай и Казахстан открыли два крупных трансграничных железнодорожных коридора, также начато и ведется строительство третьего коридора на китайско-казахстанской границе – Китайско-Таченгско-Казахстанской Аягузской железной дороги. Согласно китайской газете Xinjiang Daily, открытие железной дороги Карамай–Тачэнг 30 мая в 2019 г. заложило основу для открытия третьего железнодорожного пути из Синьцзяна в Центральную Азию и Европу.

Город Аягуз в Восточно-Казахстанской области Казахстана, расположенный в 270 км от Таченга в Синьцзяне, является важным железнодорожным центром в Казахстане [4]. Набросок плана китайско-казахстанского сотрудничества (2015–2020), подписанный Китаем и Казахстаном в декабре 2015 г., предусматривает усиление строительства взаимосвязанных коридоров и изучение целесообразности осуществления железнодорожного проекта Карамай–Бахто–Аягуз. 22 марта 2017 г. Таченгский регион и правительство Донганской области подписали Меморандум о взаимопонимании по проведению предварительного исследования по строительству железной дороги Карамай–Бахто–Аягуз (Бахто-Аягузский участок) и совместно завершили 4 июля 2022 г. предварительный проект «Исследование схемы железной дороги Таченг-Аягуз». На 10-м Всемирном форуме мира, проходившем в Пекине, посол Казахстана в Китае Шахрат Нурышев сообщил, что Казахстан и Китай создают третью железную дорогу на казахстанско-китайской границе.

Что касается воздушного транспорта, то увеличилось количество рейсов из Астаны и Алматы в Пекин и Урумчи, и есть планы по открытию новых рейсов из других городов в Китай.

7 сентября 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил с важной речью в Назарбаев Университете в Казахстане, предложив инновационную модель сотрудничества и совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» «как стратегическую концепцию». После встречи муниципальное правительство Ляньюньгана и Казахстанская государственная железнодорожная компания Railway Company Limited подписали соглашение о китайско-казахстанском проекте международного логистического сотрудничества, который стал первой физической платформой для строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути» с общим объемом инвестиций более 3 млрд юаней. На первом этапе планируется построить контейнерную площадку площадью 220 тыс. кв. м и склад для распаковки контейнеров площадью 23 тыс. кв. м; площадка имеет 3,8-километровую железнодорожную ветку, среднесуточную погрузочно-разгрузочную способность 10,2 поезда и максимальную годовую погрузочно-разгрузочную способность 410 000 TEUs [5].

Этот проект имеет большое значение для продвижения схемы открытия Ляньюньгана с востока на запад и в обе стороны, ускорения развития портовой зоны свободной торговли и содействия скоординированному развитию региональной экономики. По состоянию на июнь 2018 г. база обслуживала 2 968 трансграничных грузовых поездов, и общий объем китайских товаров, перевозимых в Европу по Китайско-европейскому пути транзитом через Казахстан, значительно увеличился, что не только способствует дорожному соединению и бесперебойному торговому потоку между Китаем и Казахстаном в Азии и Европе, но и создает больше транспортных удобств и возможностей для развития смежных стран. Благодаря транзитным перевозкам товары из Казахстана могут экспортироваться в страны Юго-Восточной Азии, Нидерланды и даже США через базу логистического сотрудничества в Ляньюньгане. Например, кукуруза из Казахстана может перевозиться по железной дороге на базу логистического сотрудничества в Ляньюньгане, откуда ее можно отправлять по морю в другие страны, например во Вьетнам. Китай и Казахстан также намерены сделать новый международный наземный и морской транспортный коридор «Азия–Европа», соединяющий Ляньюньган и Хоргос, образцовым проектом для стыковки инфраструктуры между двумя сторонами.

В области логистики и транспортного сотрудничества 25 декабря 2014 г. тогдашний президент Казахстана Назарбаев в телевыступлении на тему «Новая индустриализация Казахстана: 2014 год и итоги первой пятилетки» объявил, что инфраструктура сухого порта в специальной экономической зоне «Хоргос–Восточные ворота» и прилегающая логистическая зона официально введены в эксплуатацию [6]. В 2015 г. Правительство Казахстана выделило дополнительно 81 млрд тенге на строительство инфраструктуры Специальной экономической зоны «Хоргос–Восточные ворота» и Специальной экономической зоны Атырауского и Таразского государственных нефтехимических индустриальных парков. Кроме того, проект нефтегазопровода является одним из наиболее успешных сопрягающих проектов между Китаем и Казахстаном в рамках «Экономического пояса Шелкового пути».

Все эти проекты направлены на создание современной многофункциональной транспортно-логистической системы, которая внесет значительный вклад в ускорение строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Светлого пути». Эти строящиеся или уже завершенные проекты являются конкретными инструментами сотрудничества между Инициативой «Один пояс, один путь» и «Светлым путем».

Сотрудничество в торгово-экономической сфере также принесло хорошие результаты. Казахстан является торговым партнером Китая номер один в Центральной Азии, а Китай – второй по величине торговый партнер Казахстана после России. По данным Министерства торговли Китая, объем двусторонней торговли в 2021 г. составил 25,25 млрд долларов США, увеличившись на 17,6% по сравнению с предыдущим годом [7]. Китай и Казахстан работают над обеспечением бесперебойных торговых потоков в контексте «Экономического пояса Шелкового пути». В целях содействия инвестициям и торговле между Китаем и Казахстаном в 2014 г. стороны продлили соглашение о свопе в местной валюте и подписали двустороннее соглашение о расчетах и платежах в местной валюте, позволяющее осуществлять экономические и торговые обмены между Китаем и Казахстаном от приграничной торговли до общей торговли в местной валюте. В июне 2018 г. обе стороны подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничестве в области электронной коммерции, что открыло новый этап сотрудничества в рамках «Электронной коммерции Шелкового пути», тем самым способствуя трансграничной торговле высококачественной и специальной продукцией из обеих стран и создавая новые возможности для устойчивого и стабильного развития двусторонних экономических и торговых отношений [8].

Что касается конкретных проектов, то строительство парков экономического и торгового сотрудничества является самой крупной точкой стыковки китайско-казахстанских проектов. Что касается парков сотрудничества, то хорошие результаты были достигнуты в строительстве такого ключевого проекта, как Китайско-казахстанский центр международного приграничного сотрудничества «Хоргос». Центр сотрудничества внедрил систему работы таможенного оформления 7 × 14 часов, оптимизировал процесс таможенного оформления за счет многопунктового пропуска, обновления и модернизации оборудования для досмотра и разделения каналов для пассажиров и транспортных средств для дальнейшего повышения эффективности таможенного оформления. С начала таможенных операций в этом центре сотрудничества в 2012 г. по февраль 2018 г. в общей сложности 17 870 900 человек прошли контроль при въезде и выезде, а объем торговли составил 21 253 млн юаней, т.е. среднегодо-

вой рост составил 88,1 и 225,6% соответственно. До вспышки COVID-19 в 2020 г. в центре осуществлялось 30 ключевых совместных проектов Китая и Казахстана, что привлекло более 5 тыс. предприятий из стран вдоль «экономического пояса», создав модель регионального экономического и торгового сотрудничества и демонстрируя положительный эффект от парка сотрудничества. В мае 2018 г. в Алматы прошла 16-я Казахстанско-Китайская товарная выставка.

Можно сказать, что совместная деятельность в сфере энергетики только начинается. Две страны заключили ряд соглашений о сотрудничестве: в декабре 2014 г. подписали Рамочное соглашение о сотрудничестве в области создания производственных мощностей общей стоимостью 18 млрд долларов США; в марте 2015 г. – Меморандум об укреплении сферы производственных мощностей и инвестиционном сотрудничестве, включающий 33 соглашения на сумму 23,6 млрд долларов США; в августе 2015 г. – Рамочное соглашение об укреплении производственных мощностей и инвестиционном сотрудничестве. В июне 2018 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании по списку ключевых проектов сотрудничества в области производственных мощностей и инвестиций и механизму его формирования, который является 14-м раундом сотрудничества в области производственных мощностей и инвестиций между Китаем и Казахстаном с общим количеством ключевых проектов 51 и общим объемом инвестиций около 27,6 млрд долларов США с обеих сторон. В декабре 2015 г. Фонд Шелкового пути учредил отдельный фонд в размере 2 млрд долларов США для поддержки проектов, связанных с китайско-казахстанским сотрудничеством в области наращивания потенциала. В январе 2016 г. в целях содействия сотрудничеству в области развития потенциала между Китаем и Казахстаном обе стороны подписали соглашение о плане промышленного производства «Сделано в Китае 2025», плане действий «Интернет+» и Плане индустриального и информационного развития Казахстана и договорились начать согласование проектов на этой основе. Плодотворное сотрудничество в области производственных мощностей между Китаем и Казахстаном не только позволяет переоптимизировать избыточные производственные мощности Китая через границы и регионы и продвигает процесс развития национальной индустриализации Казахстана, но и имеет положительное значение в содействии торговле, интеграции капитала, стратегий развития и согласования политики между двумя странами, что, как ожидается, подтолкнет страны и регионы вдоль маршрута к участию в международном сотрудничестве в области производственных мощностей в будущем. В 2020 г., несмотря на эпидемию коронавируса, охватившую мир, китайско-казахстанское сотрудничество в экономическом секторе оставалось эффективным, импорт Китая из Казахстана увеличился, хотя объем двусторонней торговли несколько снизился по сравнению с 2019 г. Благодаря 55 проектам китайско-казахстанского сотрудничества в области производственных мощностей эпидемия не помешала экономическому сотрудничеству между двумя странами.

Инвестиционное сотрудничество получило мощную поддержку со стороны правительств двух стран. Модель финансирования также совершенствуется с каждым днем. Казахстан является крупнейшим инвестиционным направлением Китая вдоль «Экономического пояса Шелкового пути», а направления китайских инвестиций в Казахстане становятся все более диверсифицированными. Поскольку национальные стратегии развития Китая и Казахстана были согласованы в конце 2014 г., количество предприятий, финансируемых Китаем, инвестирующих и заключающих контракты в Казахстане, значительно увеличилось. К концу 2017 г. в Казахстане было зарегистрировано более 2 800 китайских предприятий, которые, в основном крупных и с государственным участием, в то время как малые и средние предприятия, а также частные предприятия имеют меньшие масштабы.

Все больше появляется предприятий с передовыми технологиями, независимыми брендами и правами на интеллектуальную собственность, а инвестиции в основном распределяются в таких отраслях, как транспорт, разработка нефти и газа, строительство, финансовая защита, страхование, горнодобывающая промышленность, новые технологии и др. По данным Министерства коммерции Китая, в 2021 г. прямые китайские инвестиции в Казахстан во всех секторах экономики составили 859 млн долларов США, увеличившись на 48% по сравнению с прошлым годом [9]. К концу 2021 г. общий объем инвестиций Казахстана в Китай составил около 154 млн долларов США, в основном в логистику и транспорт, химическую и пищевую промышленность.

В сентябре 2015 г. China Huadian Group и UnitGroup приступили к совместным инвестициям в строительство теплоэлектростанции № 3 в Семее (Восточный Казахстан) с общей стоимостью проектирования 1,3 млрд долларов США и трехлетним сроком строительства. В мае 2016 г. Международный финансовый центр Астаны и Zhejiang Ltd. подписали в Пекине меморандум о сотрудничестве, в котором договорились совместно привлекать прямые инвестиции для проектов, реализуемых в рамках инициативы «Пояс и путь», и содействовать развитию фондового рынка [10]. Известный инвестор из Макао вложит 300 млн долларов США в строительство завода по переработке соломы в Казахстане мощностью 10 млн тонн органических удобрений в год [11]. Кроме того, поскольку Казахстану необходимы внешние инвестиции и финансирование для восполнения нехватки финансовых и корпоративных средств, в дополнение к расширению внутренних доходов Китай и Казахстан создали институты финансового сотрудничества в области развития и платформы поддержки для поддержки соединения «Экономического пояса Шелкового пути» и «Светлого пути». К ним относятся Азиатский инвестиционный банк, Фонд Шелкового пути, Китайско-казахстанский фонд сотрудничества потенциалов, Китайско-казахстанский фонд сотрудничества трансграничных юаневых потенциалов, Китайско-казахстанский фонд инвестиций, Банковский союз Шанхайской организации сотрудничества, Фонд экономического со-

трудничества Китай–Евразия и т.д. Процесс развития «Экономического пояса Шелкового пути» открыл инвестиционные возможности для проектов сотрудничества Китая и Казахстана в области наращивания потенциала, обогатил модель сотрудничества в области финансирования, а также придал новую жизненную силу и энергию реформе реальной экономики обеих стран. Упомянутые банки и финансовые учреждения предоставляют льготные кредиты и финансовую помощь для развития Казахстана – это фактически один из инструментов реализации «Пояса и пути».

Казахстан отстает в развитии цифровой экономики, включая электронную коммерцию, облачные вычисления и большие данные. В 2017 г. в целях стимулирования модернизации экономики и технологий страны и укрепления информационных технологий Казахстан запустил программу национального планирования «Цифровой Казахстан» для превращения в цифровую страну и реализации «Цифрового Шелкового пути». 22 ноября 2018 г. Китай и Казахстан подписали соглашение об укреплении цифровой экономики. Данный меморандум нацелен на взаимопонимание, укрепление сотрудничества в области цифровой экономики для совместного продвижения строительства Китайско-казахстанского цифрового «Шелкового пути», особенно в сферах «умных городов», электронного правительства и больших данных. Например, китайские компании электронной коммерции в лице Alibaba Group помогли Казахстану обучить интернет-талантов, способствовали развитию бизнеса онлайн-платежей «Казахстан Телеком» с Alipay и сотрудничеству с Cainiao Supply Chain и Cainiao Network для продвижения правил цифровой экономики под руководством Китая. В 2018 г. на учебной базе Университета Таобао «Шелковый путь» (Сиань) прошли целевое обучение представители казахстанской пищевой, мукомольной, сельскохозяйственной и животноводческой промышленности, металлообработки, строительства и розничной торговли, а также представители ассоциаций предпринимателей и местных торговых организаций, создав новую форму гуманитарного обмена на «Экономическом поясе Шелкового пути» [12]. В настоящее время международная версия Taobao компании Alibaba – Global Speed Trading также стала торговой онлайн-площадкой номер один в Казахстане, так что государственные, а также малые и средние предприятия в обеих странах могут воспользоваться преимуществами цифровой экономики. Цифровая экономика двух стран имеет очень широкие масштабы и перспективы развития, она способна обеспечить большие возможности для стратегического согласования между Китаем и Казахстаном в цифровую эпоху, совместного использования плодов цифрового экономического развития.

Список источников

1. Чжэнцюэ Жэньши «Идай Илу» (Правильное понимание «Одного пояса, одного пути») // People.cn. 2018. URL: http://theory.people.com.cn/n1/2018/0226/c40531-29834263.html (дата обращения: 20.08.2021).
2. Чжунго И Юй 149 Гэ Гоцзя Цяньшу Гун Цзянь «Идай Илу» Хэцзо Вэньцзянь (Китай подписал документы о сотрудничестве со 149 странами для строительства «Одного пояса, одного пути») // Baidu. 2022. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1730519261481400796&wfr=baike][https://baijiahao.baidu.com/s?id=1733964933454879866&wfr=baike (дата обращения: 20.08.2022).
3. Сицзиньпин Тун Хасакэ Сытань Цзунтун На Чжа Эр Ба Е Фу Цзюй Хан Хуэйтань, Лян Го Юаньшоу Ичжи Цзюэдин Цзай Миньцзу Фусин Чжэнту Шан Сешоу Цянь Син (Си Цзиньпин провел переговоры с президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, главы двух государств единодушно решили объединить усилия на пути национального возрождения) // Baidu. 2018. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1602617974115391246&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 20.08.2021).
4. Хасакэ Сытань Даши: Ха Чжун Цзян Цзянь Ди Сань Тяо Бяньцзин Телу! (Посол Казахстана: Казахстан построит третью пограничную железную дорогу!) // Baidu. 2022. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1737562452214185412&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 15.09.2022).
5. Чжун Ха (Ляньюньган) Улю Хэцзо Цзиди (Китайско-казахстанская база логистического сотрудничества (Ляньюньган)) // Baidu. URL: https://baike.baidu.com/item/中哈（连云港）物流合作基地/16855606?fr=aladdin (дата обращения: 15.09.2022).
6. 2019 Нянь Чжун Ха Цзинмао Хэцзо Цзянькуан (Краткий обзор китайско-казахстанского экономического и торгового сотрудничества в 2019 году) // Министерство коммерции КНР. 2020. URL: http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202003/20200302946566.shtml (дата обращения: 15.09.2022).
7. 2021 Нянь Чжун Ха Цзинмао Хэцзо Цзянькуан (Краткая информация о китайско-казахстанском экономическом и торговом сотрудничестве в 2021 году) // Министерство торговли Китайской Народной Республики. 2022. URL: http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202204/20220403305364.shtml (дата обращения: 15.09.2022).
8. Мюнстер К., Арлекин-Тофт И. Основы международных отношений / перевод Пань Чжунци. Шанхай : Shanghai Century Publishing Group, 2012. 298 с.
9. Хасакэ Сытань «Гуанмин Чжи Лу» Жухэ Дуйцзе «Идай Илу»? (Как казахстанский «Светлый путь» связан с «Поясом и путем»?) // Baidu. 2019. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1631685666435929157&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 15.09.2022).
10. Ян Ишэн. Инвестиции в Казахстан: возможности и проблемы, стоящие перед китайскими предприятиями // Международное экономическое сотрудничество. 2017. № 11. С. 82–86.
11. Ван Хайянь. Экономическое и торговое сотрудничество стабилизировалось и восстановилось: экономические и торговые отношения между Китаем и странами Центральной Азии // Желтая книга Центральной Азии : отчет о развитии стран Центральной Азии. Пекин : Изд-во лит. по соц. наукам, 2018. 238 с.
12. Ху Шоуцзюнь. Социальный симбиоз. Шанхай : Изд-во Фуданьского ун-та, 2012. 61 с.

References

1. People.cn. (2018) *Zhengqu Renshi Iday Ilu* [Correct Understanding of “One Belt, One Road”]. [Online] Available from: http://theory.people.com.cn/n1/2018/0226/c40531-29834263.html (Accessed: 20th August 2021).
2. Baidu. (2022) *Zhongguo Yi Yu 149 Ge Guojia Qianshu Gong Jian “Idai Yilu” Hezuo Wenjian* [China has signed cooperation documents with 149 countries to build the “One Belt, One Road”]. [Online] Available from: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1730519261481400796&wfr=baike][https://baijiahao.baidu.com/s?id=1733964933454879866&wfr=baike (Accessed: 20th August 2021).

3. Baidu. (2018) *Xijinping Tong Hasake Sitan Zongtong Na Zha Er Ba Ye Fu Ju Han Huitan, Liang Guo Yuanshou Yizhi Jiueding Zai Minzu Fuxing Zhengtu Shang Seshou Qian Xing* [Xi Jinping held talks with Kazakh President Nursultan Nazarbayev, the heads of the two states unanimously decided to join forces on the path of national revival]. [Online] Available from: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1602617974115391246&wfr=spider&for=pc(Accessed: 20th August 2021).
4. Baidu. (2022) *Hasake Sytan Dashi: Ha Zhong Jiang Jian Di San Tiao Bianjing Body!* [Ambassador of Kazakhstan: Kazakhstan will build a third border railway!]. [Online] Available from: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1737562452214185412&wfr=spider&for=pc (Accessed: 15th September 2022).
5. Baidu. (2022) *Zhong Ha (Lianyungang) Wulu Hezuo Jidi* [China-Kazakh Logistics Cooperation Base (Lianyungang)]. [Online] Available from: https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%93%88%EF%BC%88%E8%BF%9E%E4%BA%91%E6%B8%AF%EF%BC%89%E7%89%A9%E6%B5%81%E5%90%88%E4%BD%9C%E5%9F%BA%E5%9C%B0/16855606?fr=Aladdin (Accessed: 15th September 2022).
6. Ministry of Commerce of the PRC. (2020) *2019 Nian Zhong Ha Jingmao Hezuo Jiankuang* [Brief Review of China-Kazakh Economic and Trade Cooperation in 2019]. [Online] Available from: http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202003/20200302946566.shtml (Accessed: 15th September 2022)
7. Ministry of Commerce of the PRC. (2022) *2021 Nian Zhong Ha Jingmao Hezuo Jiankuang* [Brief Information on China-Kazakh Economic and Trade Cooperation in 2021]. [Online] Available from: http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202204/20220403305364.shtml (Accessed: 15th September 2022).
8. Munster, K. & Harlequin-Toft, I. (2012) *Fundamentals of International Relations.* Shanghai: Shanghai Century Publishing Group.
9. Baidu. (2019) Hasake Sitan "Guangming Zhi Lu" Ruhe Duijie "Idai Ilu"? [How is the Kazakh Bright Path related to the Belt and Road?]. [Online] Available from: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1631685666435929157&wfr=spider&for=pc (Accessed: 15th September 2022).
10. Yang Yisheng. (2017) Investments in Kazakhstan: opportunities and challenges facing Chinese enterprises. *International Economic Cooperation*. 11. pp. 82–86.
11. Wang Haiyan. (2018) *Economic and Trade Cooperation Stabilized and Rebounded: Economic and Trade Relations between China and the Countries of Central Asia. Yellow Book of Central Asia: Central Asia Development Report*. Beijing: Social Science Literature Publishing Office.
12. Hu Shoujun. (2012) Social Symbiosis. Shanghai: Fudan University.

***Сведения об авторе*:**
Цюй Цюжунь – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: r4083@126.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Qu Qiurun – Postgraduate Student of the Department of Department of World Politics of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: r4083@126.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 26.10.2022; accepted for publication 09.01.2023

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/81/15

Царский венец и пастушья свирель: образы отечества и народные начала в трудах Григория Сковороды

Виталий Николаевич Морозов

Кёльнский университет, Кёльн, Германия; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, vitelos@yandex.ru

Аннотация. Впервые рассматривается феномен локального патриотизма философа Григория Сковороды в свете малороссийской идентичности и проблемы лояльности к Российской империи. В тексте приводятся примеры из басен, в которых Сковорода обращается к русскому и украинскому фольклору с целью показать их сродность. В статье также ставится вопрос об отношении Сковороды к монархии и лично к императрице Екатерине Второй. На примере двух легенд – одной в изложении любимого ученика философа Михаила Коваленского, и другой – записанной со слов декабриста Федора Глинки, показывается, насколько сведения о философе во вторичных источниках связаны с политическими воззрениями авторов, эти сведения предоставивших.
Ключевые слова: русская философия, украинская философия, русский фольклор, украинский фольклор, казацкое барокко, малороссийская идентичность, Григорий Сковорода, Екатерина Великая

Для цитирования: Морозов В.Н. Царский венец и пастушья свирель: образы отечества и народные начала в трудах Григория Сковороды // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 127–136. doi: 10.17223/19988613/81/15

Original article

The Imperial Crown and Herder’s flute: Some Images of Fatherland and National roots in the Legacy of Gregory Skovoroda

Witalij N. Morosow

University of Cologne, Cologne, Germany; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, vitelos@yandex.ru

Abstract. The article considers for the first time the phenomenon of local patriotism of the 18th century philosopher Gregory Skovoroda with regard to the problem of Little Russian identity and of his loyalty to the Russian monarchy. The article reconstructs historiographical discussions about the place of Skovoroda in the history of philosophy within the framework of the formation of national discourses of the 19th-20th centuries. One of the main tasks in writing the article was to try to go beyond the common national stereotypes about the philosopher. The article aims to demonstrate the extent to which Russian and Ukrainian folklore in the heritage of Skovoroda were related, and what place in his thought occupied the problem of regional and national identity of „Little Russians“ and „Great Russians“. In the article, folklore is considered in the context of the practices of its instrumentalization by the philosopher and in connection with Skovoroda's ideas about the aim of the state. The article also raises the question of the change in Skovoroda's attitude towards imperial power. In particular, the article notes how Skovoroda viewed the figure of Russian Empress Catherine the Great. Due to comparative analysis of two different legends about Skovoroda and Catherine the Great, based on the stories of Mikhail Kovalensky and Fyodor Glinka, it is shown, how close the information about Skovoroda in the second source connected with political background of the authors of this source. While Kovalensky, as an imperial official, portrays Skovoroda as a monarchist, the Decembrist Glinka portrays the philosopher as a rebel. Despite the fact that the text of the article was written in 2019 in order to overcome general political stereotypes that hinder the study of Skovoroda's heritage in all its originality, it is clear to the author of that paper that the publication of this article in the

© В.Н. Морозов, 2023

current conditions itself can be viewed as a form of political message. Despite this, the text is published without any changes, while retaining the basic meaning, stemming directly from the philosophical works in evaluation of the works of Skovoroda. This work is thought to be an offering to the 300th anniversary of the great wandering philosopher.
Keywords: Russian philosophy, Ukrainian philosophy, Russian folklore, Ukrainian folklore, Little Russian identity, Gregory Skovoroda, Catherine the Great

For citation: Morosow, W.N. (2023) The Imperial Crown and Herder's flute: Some Images of Fatherland and National roots in the Legacy of Gregory Skovoroda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 127–136. doi: 10.17223/19988613/81/15

Введение

Обширное наследие странствующего философа, религиозного вольнодумца и педагога Григория Савича Сковороды (1722–1794) притягивает внимание историков философии и религии, филологов и краеведов уже несколько веков. Его жизнь и произведения представляют кладезь для исследователей, интересующихся вопросами как интеллектуальной истории, так и повседневной жизни в землях «полуденной России» XVIII столетия. Личность Сковороды интересна прежде всего тем, что вокруг нее органичным образом сплетались судьбы самых разных слоев общества Российской империи.

Выходец из казаков Лубенского полка, служивший певчим и уставщиком при царском дворе и имевший хорошие перспективы государственного служащего, он тем не менее выбрал путь странника и учителя жизни. Став слободским пилигримом, он окружил себя выходцами из самых разных сословий: среди его друзей, приятелей и знакомцев встречаются знатные вельможи, казаки, купцы, художники, музыканты, церковные деятели (от высших до низших чинов духовенства), наконец, простые люди – крестьяне, живущие сельским трудом, ремеслами и скотоводством. Судьбы всех этих людей сложились по-разному, так что едва ли не каждая может послужить самобытным источником «микроистории». Стоит отметить, что во многом сам интерес к судьбам этих людей возник именно потому, что они были знакомы с философом. В этой связи представляется примечательным, что Сковорода уже в первой половине XIX в. стал рассматриваться не просто как один из вольнодумцев России, но в первую очередь как личность, чья судьба может служить примером добродетели *всенародного* значения.

Одной из узловых тем для истории философии, послуживших формированию образа Григория Савича Сковороды как *национального* мыслителя, служит его *народный* характер. В 1829 г. директор училищ Костромской губернии литератор Юрий Никитич Бартенев (1792–1866), оправдываясь перед императором за свой интерес к оккультной литературе, писал о Григории Сковороде как о «единственно-национальном» философе в Российской империи. В письме к государю Николаю I Ю.Н. Бартенев писал: «…я, между прочимъ, приказываю за плату переписать Пордежа, переписать жизнь извѣстнаго Сковороды, который былъ украшеніемъ вѣка августейшей твоей бабки и вѣнценоснаго родителя твоего, который в мудрой Екатеринѣ виделъ Сѣверную Минерву, и которую сей единственно-національный философъ Русскій научалъ любить и благоговѣть предъ гениальностію мудрой монархини. Благоволи, справедливый Государь, повелѣть представить тебѣ сіи рукописи» [1. С. 418]. (Здесь и далее все цитаты из источников приведены с сохранением оригинальной авторской орфографии. Все цитаты из сочинений Г.С. Сковороды приведены по критическому изданию проф. Л.В. Ушкалова.) Историк и публицист Виктор Ипатьевич Аскоченский (1813–1879), рассуждая о значении первого национального философа в произведении «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ», характеризовал Сковороду: «*нашъ оригинальный мыслитель, нашъ народный философъ*» [2. С. 129]. Раскрывая свою мысль, Аскоченский писал так: «Въ минуты поэтическаго восторга онъ становился какимъ-то тайновидцемъ, весь міръ созерцая въ Руси святой, все человѣчество въ одномъ русскомъ народѣ» [Там же. С. 130]. Философ, историк и психолог Орест Маркович Новицкий (1806–1884), развивая тезис о народном характере Григория Савича в работе «Духоборцы. Ихъ исторія и вѣроученіе», писал: «Народный учитель, въ сермягѣ простолюдина онъ был доступенъ всякому, кто имѣлъ въ немъ надобность» [3. С. 211]. Тезис о *всенародном* значении казака-философа Сковороды, открытого не только высшим слоям общества, но и *всему* народу, стал настолько популярным, что превратился в *locus classicus* историко-философской литературы. Данным обстоятельством объясняется интерес к Сковороде среди авторов XIX–XX вв., разрабатывавших в землях Восточной Европы различные национальные проекты.

Нет сомнений в том, что Григорий Савич Сковорода, будучи вхож в имения к людям из высших слоев российского общества (в частности, к Щербининым, Тевяшовым, Мечниковым, Полтавцевым, Урюпиным и др.), сам тем не менее подчеркивал свою близость именно к простым селянам, на что, в частности, указывает частое обращение философа к образам народной мудрости: труды философа, наряду с цитатами из античных классиков, пестрят пословицами, присказками и поговорками из народной жизни. В значительной мере именно *укорененность* Сковороды в народной культуре привлекла интерес к его трудам среди интеллектуалов, мысливших в национальных категориях. В то же время, несмотря на постулирование близости странствующего педагога к народу, вопрос о многообразии конфигураций *национального* и *регионального* в его произведениях, как правило, оставался непроясненным. Чаще всего вопрос о «малороссийстве» Сковороды вообще не ставился, а если и ставился, то исходя из нужд построения национальной памяти,

т.е. через призму национальных парадигм XIX–XX столетий (о проблеме «малороссийской идентичности» см.: [4]). В результате, поставив задачу «национализировать» Григория Сковороду в рамках утверждения политики памяти, многие национально-мыслящие авторы – историки, философы, филологи, придерживавшиеся как русофильских, так и украинофильских позиций, обращались к фигуре странствующего философа с целью «подчинить» его образ телеологии национальных проектов, конкурировавших между собой. Борьба за право считать Сковороду «своим» стала символическим актом утверждения национальной *самобытности*. Так в среде интеллектуалов-украинофилов, с одной стороны, и приверженцев концепции русского национального (три)единства – с другой, сформировалась историко-философская почва для политических прений на тему: «*нашъ оригинальный мыслитель, нашъ народный философъ*»… он все-таки чей?..

В тлеющем виде зачатки политических прений зафиксировал академик Дмитрий Иванович Багалей (1857–1932). В предисловии к первому полному собранию сочинений Сковороды Багалей задавался вопросом о том, насколько правомерно широко распространенное мнение о Сковороде как о «русском Сократе»? Разбирая выдержки из трудов, приписанных Григорию Сковороде бессарабским писателем Александром Фаддеевичем Хиждеу (1811–1872), Багалей пришел к заключению, что те отрывки, в которых странствующий вольнодумец «*выступаетъ русскимъ націоналистомъ*», обнаруживаются только в тех приводимых Хиждеу источниках, «*какихъ у насъ въ рукахъ не имѣется и которыхъ самъ Сковорода не перечисляетъ*» [5. С. XXIV]. Развивая свое исследование, Багалей рассмотрел наследие Сковороды через призму умеренного украинофильства.

Крупный украиновед Николай Федорович Сумцов (1854–1922), выступая в 1918 г. с критикой рецепции трудов Сковороды в работе Владимира Францевича Эрна (1882–1917) «Григорій Саввичъ Сковорода. Жизнь и ученіе» [6], написанной в консервативно-монархическом ключе, выражал обеспокоенность в том, что Сковорода рассматривается в одном ряду с русскими писателями и религиозными философами [7. С. 359] (об интеллектуальном сродстве Григория Сковороды с русскими философами и писателями см.: [6. С. 332, 337–342]). В формировании «общерусской» рецепции Сковороды Сумцов видел посягательство на украинскую старину.

Примечательно, что Сумцов не только стремился показать укорененность философа в культуре казацкого барокко, но и предпринял попытку продемонстрировать враждебное отношение Сковороды ко всему «московскому». Стратегия отчуждения Сковороды от русской культуры, по-видимому, рассматривалась Сумцовым как подспорье для становления суверенных прав на наследие философа в условиях утверждения украинской политической нации. Эта стратегия оказалась востребованной и до сих пор воспроизводится в трудах некоторых украинских историков (в качестве показательного примера см.: [7]). В дальнейшем в трудах авторов русского и украинского зарубежья, бежавших от революционных волнений, вспыхнувших в землях Центральной и Восточной Европы, размежевание между сторонниками разных политических и национальных движений и проектов только обострилось, следствием чего стало упрощение и повторение разнообразных клише о Сковороде, корнями уходящих в труды интеллектуалов XIX столетия.

В силу того что интерес к «народничеству» Сковороды был обусловлен в первую очередь *политическими* нуждами, исследователи, задававшиеся вопросом об идентичности Сковороды, вместо того чтобы изучать экспликации *национального* и *регионального* в их цветущей сложности, стали упаковывать их в национальные рамки, привлекая нарративы, спорные и неочевидные применительно к реалиям XVIII в. В конечном счёте это привело к практике избирательных анахронизмов и семантическим войнам, а также к распространению примордиалистских национальных клише, имеющих к подлинным трудам Сковороды сомнительное отношение.

В этой связи представляется назревшей необходимость рассмотреть вопрос о народном начале Сковороды через призму его собственных трудов, поместив их в контекст сочинений его современников, мысливших в тех же категориях, что и он сам. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы раскрыть содержательное наполнение народных начал в трудах философа, опираясь при этом на его наследие, а не упаковывая мысли Сковороды в заранее заготовленные схемы. Таким образом, настоящая статья преследует цель выявить в трудах Сковороды концептуальные смыслы, касающиеся народных начал, и определить «траектории» национальных и региональных экспликаций мышления в его произведениях, с тем чтобы прояснить отношение философа к малороссийскому вопросу в Российской империи. В свою очередь, исследование взглядов Григория Савича Сковороды на проблему народности дает возможность пролить свет на его восприятие отечества и переосмыслить мифы, касающиеся отношения философа к российской монархии, прежде всего к императрице Екатерине Второй.

Одним из ключевых источников сведений о народных образах и образах народа в трудах Сковороды служат многочисленные пословицы и прибаутки, присказки и поговорки, в зерцале которых, по мысли Григория Савича, раскрывается народная сущность. Известный специалист по истории казацкого барокко, издатель полного академического собрания трудов Сковороды (Харьков, 2011) Леонид Владимирович Ушкалов (1956–2019), обращаясь к вопросу о народных корнях в трудах философа, отметил, что примеры народной мудрости, приводимые Сковородой, позаимствованы странствующим любомудром из украинского фольклора: «Сковорода любив пересипати власні твори приказками, прислів’ями, легендами та анекдотами, взятими з українського фольклору. Зокрема, тут часто зринають упровідні фрази на взір „по пословицѣ“, „есть в Малороссіи пословица“, „старинная пословица“, за якими йдуть українські приказки та прислів’я […]» [8. С. 42].

Читая Ушкалова, может сложиться впечатление, будто народные нарративы в трудах философа ограничива-

ются малороссийскими культурными рамками, они словно оказываются заключенными в изолированном автохтонном пространстве днепровского казачества. Если же обратиться к произведениям Сковороды непосредственно, то легко убедиться в том, что помимо пословиц малороссийских философ также часто ссылается на великорусский фольклор, в частности: «Великая Русь просвѣщенно поговаривает […]» [9. С. 177], «Изрядная Великороссійская Пословица […]» [Там же. С. 175], «Говорят и великороссійцы […]» [Там же. С. 154] и т.д.

Примечательно, что когда Сковорода не указывает на принадлежность пословицы прямо, а пишет «по пословицѣ», «пословица говорит», «старинная пословица» и др., источником народной мудрости в произведениях философа может служить как фольклорный материал из украинской («*малороссийской*», говоря языком Сковороды), так и из великорусской культурной среды. В качестве примера последней можно привести пословицу, вложенную Сковородой в уста собеседника Якова в диалоге «Бесѣда 1-ая, нареченная Observatorium». Цитата: «Испольниш Пословицу: Ѣхал в Казáнь, Да заѣхал в Рѣзáнь» [10. С. 434]. Здесь о великорусском происхождении пословицы в произведении Сковороды говорят сами города.

В том, что Сковорода мог черпать пословицы как из малорусских, так и из великорусских источников, позволяет убедиться научный аппарат к изданию Сковороды, скрупулезно выполненный Леонидом Владимировичем Ушкаловым: львиная доля пословиц, упоминаемых странствующим мыслителем, обнаруживается в монументальном труде Владимира Ивановича Даля (1801–1872) «Пословицы русскаго народа» [11]. Следует, однако, подчеркнуть, что когда Владимир Даль составлял свой труд, земли казаков как в Нижнем, так и в Среднем Поднепровье уже были инкорпорированы в «общерусское» культурное пространство, а в этнографии властвовала концепция *триединства русского народа*. Временами эти обстоятельства осложняют атрибуцию пословиц как велико- или малорусских, не всегда позволяя проводить «строгие» различия между ними. Тем ценнее и примечательнее представляются различия и сходства между между народными пословицами (малороссийскими и великороссийскими), выделяемые Сковородой в *живом* фольклоре во второй половине XVIII в.

Особый интерес для исследователя представляет то обстоятельство, что Сковорода не просто различает мало- и великороссийские «фарбы», оттенки в восточнославянском наследии, но и стремится *сопоставлять* фольклор, фактически предлагая читателю компаративный анализ пословиц. Так в харьковской басне «Соловéй, Жáворонок и Дрозд» Сковорода, рассуждая о природе подлинной дружбы, пишет:

«Щаслив, кто хоть одну только Тѣнь доброй Дружбы нажить удостоился. Нѣт ничего дороже, слаже и полезнѣе Ея. *Великая Русь просвѣщенно поговаривает:* „В Полѣ Пшеница Годом родится, а Доброй Человѣк всегда пригодится”. „Гдѣ был? – У Друга. Что пил? – Воду. Лучше Непріятельскаго Мїоду”. *Носится и в Малороссіи Пословица:* „Не имѣй ста рублей, как Одного Друга”» [9. С. 177].

Из приведенного фрагмента видно, что первые две пословицы Сковорода относит к великороссийскому фольклору, при этом акцент, как видно из текста, делается не на *национальном* характере Малороссии и Великороссии, а на *региональном*: Сковорода в данном случае отвечает не на вопрос, *чья* это пословица, а на вопрос – *где она бытует*, т.е. он указывает читателю на *ареал* распространения пословиц. Подкрепляя мысль о благе доброй дружбы, Сковорода указывает на связь *смыслов* приводимых им пословиц, бытующих в землях как Малой, так и Великой России. Сковорода, таким образом, осознанно сближает в тексте общности мало- и великороссиян, подчеркивая их культурную *сродность*. «Носится *и в Малороссіи* Пословица», – пишет философ; народная мудрость *носится* из уст в уста: из одного края в другой. Примечательно также само упоминание пословицы про «сто рублей» в контексте Малороссии: она могла получить распространение в Среднем Поднепровье только в условиях, когда рубль утвердился в народном сознании как общая денежная единица, имеющая обращение по всей стране, включая земли днепровских казаков.

«Золотые Урынáлы»

В басне «Старýха и Горшéчник», рассуждая о различиях внутренней и внешней природы и о душеполезности умения довольствоваться малым, Сковорода сопоставляет богатые убранством дворцы с ветхими домами простолюдинов, довольствующихся тихой жизнью и в том имеющих счастье. Сковорода, описывая убранство пышных дворцов, украшенных драгоценными вазами, в саркастической манере отсылает читателя к образу «ночной вазы». Раскрывая же мысль о подлинных ценностях и природе счастья, Сковорода ссылается на великорусскую пословицу:

«Извѣстно, что в Царских Домах находятся Фарфорные, Сребряные и Золотые Урынáлы, от которых, конечно, Честнѣе глиняная и деревяная Посýда, Пищею наполняемая, так, как ветхій селскій Храм Божій почтеннѣе Господскаго Бархатом украшеннаго Афедрона. *Изрядная Великороссійская Пословица сія:* „Не красна Изба Углами, красна Пирогами”» [Там же. С. 175].

В предисловии к харьковским басням Сковорода переиначивает эту пословицу на «малороссийский лад»: «Вспомните Пословицу, Красна Хата не Углами, но Пирогáми» [Там же. С. 154]. Великорусская «изба» превращается в малороссийскую «хату»; пословица, таким образом, становится *общерусским* достоянием, обретая при этом локальный колорит. Развивая мысль о подлинной природе блага, противопоставляемой напускному изобилию и мнимому, т.е. «внешнему», благополучию, Григорий Савич вновь обращается к мало- и великорусскому фольклору:

«Я и сам не люблю превратной Мáски тѣх Людей и Дѣл, о коих *можно сказать Малороссійскую Пословицу:* „Стучит, Шумит, Гремит… (А что там?) Кобылья Мертва голова бѣжит”. *Говорят и великороссійцы:* „Летала высоко, а сѣла не даліоко”, – о тѣх, что богато и Красно Говорят, а нéчево слушать. Не люба мнѣ сія пустая надменность и пышная Пустошь, а люблю тое,

что сверху ничто, но в серіодкѣ ЧТОСЬ, снаружи Лож, но внутрь Истина» [9. С. 175].

Как и в случае упоминавшейся выше харьковской басни «Соловéй, Жáворонок и Дрозд», здесь философ не просто ссылается на пословицы велико- и малороссиян, но опять сопоставляет их, демонстрируя правоту своих суждений через согласие с народной мудростью. Из приведенных примеров ясно видно, что в харьковских баснях Сковорода не только не ставит перед собой задачи противопоставить Малороссию Великороссии в культурном или политическом плане, но и, напротив, ищет в народной мудрости *общие черты*, объединяющие мотивы, понятные как малороссам, так и великороссам.

«Общество есть то же, что Машина»

Примечательно, что в ряде произведений Сковорода вовсе опускает различия между мало- и великороссиянами, определяя их как одну общность. Так, в конце басни «Навоз и Алмаз», рассуждая о природе ритма и времени, Сковорода говорит про «Россію» без всякой привязки к землям велико- или малороссиян. В «Разговоре о Премудрости», содержащем реминисценции на Книгу притч Соломона, проскальзывают такие выражения, как «всяк Руской человѣк» и «у Россіан», не привязанные при этом к общности только мало- или только великороссиян и употребляемые в качестве синонимов [12. С. 126]. В диалоге «Пяти путников…» Афанасий сообщает своим собеседникам, что желал бы, чтоб его подкомандные были «крѣпки, как Россїане, а добросердéчны, как Древнїи Римляне» [13. С. 503]; фраза была написана Сковородой с долей сарказма, на что указывают последующие реплики участников диалога.

Все приведенные выше примеры позволяют предположить, что малороссийский философ искал пути гармоничного сосуществования мало- и великороссиян, связанных общностью *монархии*. Так, в произведении «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь Мира», завершенном в 1775 г. и посвященном острогожскому помещику и близкому другу философа Владимиру Степановичу Тевяшову (1747–ок. 1810), Григорий Савич рассуждает о природе гармоничного *общественного устройства* как о слаженной Богом *машине*, где каждому, независимо от сословия и состояния, отведено свое место: каждому надлежит найти сродную для себя деятельность. В подтверждение своих слов Сковорода ссылается на великорусскую пословицу про промысел Божий*:*

«Изрядно Великая Россїа говорит: „За Богом пойдéш, Доброй путь найдéш”. Видно, что усердно послѣдовать Богу есть сладчайшїй источник Мира, щастїя и Мудрости. Да знает же всяк свою Природу и да искушает: „Что есть Благоугодно Богу?” Общество есть то же, что Машина. В ней замѣшательство бывает тогда, когда ея части отступают от того, к чему оныя своим Хитрецом здѣланны» [14. С. 670].

«Алфавит, или Букварь Мира» показателен также в том отношении, что содержит многочисленные отсылки к диалогу Платона «Государство». В нем Сковорода, рассуждая о приметах сродностей, пишет о том, что всякий, кто узрел и понял природу *неравного всем равенства*, должен познать в нем свою природу, т.е. найти свое место. Сковорода, размышляя о разделении людей по сродности, фактически наставляет своего друга помещика Тевяшова в том, как найти себе место в обществе, с тем чтобы приносить отечеству наибольшую пользу и в том иметь счастье.

«Если бы я почувствовал сего дня, что могу без робости рубить Турков»

Эту же мысль о связи сродности и счастья Сковорода, выбравший путь мудреца-пилигрима, недвусмысленно выразил в разговоре со слободско-украинским губернатором Евдокимом Алексеевичем Щербининым (1728–1783): «Но, друг мой! – продолжил Щербинин, отведя его особенно из круга, – может быть, ты имѣешь способности к другим состояніям в общежитіи полезным, да привычка, мнѣніе, предувѣреніе…

– Если бы я почувствовал сего дня, – прервал рѣчь Сковорода, – что могу без робости рубить Турков, то с сего же дня привязал бы я гусарскую саблю и, надѣв кивер, пошол бы служить в войско (ср. раздел про «сродность к воинству» в диалоге «Алфавит, или Букварь Мира». – *В.М.*). Труд при врожденной склонности есть *удовольствіе*. […] Всѣ твари суть грубые служебные органы свойств сих Верховнаго Существа: один человѣк есть благороднѣйшее орудіе его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну, и отчет за употребленіе права сего в себѣ держащее. Отсюда *естественно* происходит понятіе о правосудіи, милосердіи и благости во Творцѣ. А когда во Творцѣ, то и в тварях, найпаче же приближенных к нему даром разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, состоянія, отсюда родители, цари, начальники, воины, судіи, господіе, рабы; но един Бог во всѣх и вся в нем» [15. С. 1360].

Показательно, что в рассуждениях Сковороды о происхождении власти и сословий прослеживается культурная и политическая лояльность империи. В неравном всем равенстве каждому надлежит найти свое место и дело. В то же время следует отметить, что несмотря на то, что Сковорода задавался вопросом о гармоничном общественном устройстве, очевидно, рассматривая земли Малой и Великой России в общем политическом ключе, он тем не менее сохранял региональную идентичность, до конца жизни оставаясь *малорусским* патриотом. В позднем творчестве Сковорода был искренне обеспокоен тем, что великороссы видят в малороссах людей алчных, падких на наживу. В притче «Убогій Жайворонок» (1787), затрагивающей остросоциальные вопросы свободы и крепостничества, философ пишет об опасности прельщения мирскими благами, на которые покушается тетервак Фридрик, жрущий «тучную ядь» и оттого попадающий в ловушку. «Да не соблазнит тебе, Друже, то, что Тетервак назван Фридриком, – пишет Сковорода. – *Если же досадно, вспомни, что мы всѣ таковы.* Всю вѣдь Малороссію Велероссія нарицает Тетераками, Чего же стыдиться? Тетервак вѣдь есть Птица Глупа, но не злобива. Не тот есть Глуп, кто не знает (еще Все Пе-

резнавшій не родился), но тот, Кто знать не хочет» [16. С. 920]. Из обращения Сковороды видно, что притча «Убогій Жайворонок» адресована к *землякам*, к малороссам как *выделенной общности*, к которой Сковорода причислял себя сам. В диалоге «О том, что Блаженным быть легко» Сковорода устами Михаила называет Малороссию «матерью» [17. С. 402], а в стихотворении “De libertate”, т.е. «О свободе», Григорий Савич воспевает мужество гетмана-освободителя Богдана Хмельницкого. Мотив свободы также поднимается в известной песне Сковороды «Каждому городу нрав и права», полюбившейся бродячим кобзарям.

Некоторые исследователи склонны усматривать в этих произведениях признаки «центробежных настроений» малороссийских жителей. Мне представляется справедливой точка зрения, что воспевание идеалов казацкой вольницы, а также рассуждения о правах и судьбах простых людей в поздних произведениях Сковороды были в первую очередь продиктованы критическим отношением философа к расширению крепостного права в царской России. Вопрос о правах и вольностях также поднимается в произведениях многих современников Григория Савича. Например, казак Семен Дивович в произведении «Разговоръ Великороссіи с Малороссіею» [18. С. 325–365], датируемом второй половиной XVIII столетия, подробно останавливается на военной истории казаков и восстании Хмельницкого, выражая свою обеспокоенность судьбами селян и казаков после его смерти. Ключевой посыл произведения Дивовича, однако, состоит в том, что малороссийская казацкая старшина по справедливости должна обладать правами *наравне* с великороссийским и немецким дворянством, так как столь же верно и исправно служит российскому престолу. Акцент в произведении Дивовича, таким образом, смещается с судеб простых селян и казаков на права казацкой старшины, также претендовавшей на владение крестьянскими душами.

Отметим при этом, что и лубенский казак Григорий Сковорода, и стародубский казак Семен Дивович, сохраняя локальный патриотизм и малороссийскую идентичность, демонстрируют в своих произведениях всецелую лояльность и преданность Российской империи. Это обстоятельство позволяет подступиться к краеугольному вопросу о восприятии Сковородой личности Екатерины Второй, чьи реформы привели к упразднению гетманщины в Малороссии, административной унификации институтов власти в империи и дальнейшей институциализации крепостного права.

«Вот голова с Минервой!»

Один из популярных сюжетов из истории отношений Григория Сковороды с российским монаршим домом повествует о том, как малороссийский любомудр получил от увлеченной философией императрицы Екатерины Второй приглашение явиться в столицу – Санкт-Петербург. Согласно легенде, Екатерина послала Сковороде приглашение через светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина (1739–1791). Гонец, посланный к Сковороде, застал философа, когда тот играл на флейте у дороги, близ которой ходила овца, принадлежавшая мужу, приютившему Сковороду в своем доме. После того как гонец озвучил философу приглашение императрицы, он де заявил: «Скажите матушкѣ царицѣ, что я не покину родины. Мнѣ моя свирѣль и овца, дороже царскаго вѣнца!» [19. С. 39]. Эта легенда стала широко известной, а после революционных брожений и гражданской войны в первой четверти XX в. была популяризирована в литературе и кино о философе. В то же время необходимо отметить, что легенда эта не находит отклика ни в оригинальных произведениях Сковороды, ни в воспоминаниях о нем современников.

Так, известный писатель Григорий Петрович Данилевский (1829–1890), исследовавший материалы, касающиеся преданий и толков о Сковороде, указал, что история о Сковороде и императрице была записана со слов публициста и поэта Федора Николаевича Глинки (1786–1880) [Там же]. Никаких других, более ранних или независимых источников, свидетельствующих в пользу гипотетического ее бытования в XVIII в., равно как и свидетельств в пользу того, что Екатерина Вторая проявляла к Сковороде интерес и приглашала ко двору, до сих пор представлено не было: в этой связи есть все основания усомниться в подлинности изложенной Глинкой истории.

Если же принять во внимание, что Федор Глинка был известным участником декабристского движения, за что содержался в заточении в Петропавловской крепости, то становится очевидным, что само распространение легенды про дерзкий отказ философа явиться ко двору могло быть продиктовано *личными* мотивами, а именно неприязнью Глинки к самодержавию и крепостному праву в России в целом. С высокой долей вероятности можно предполагать, что история про дерзкий отказ Сковороды принять приглашение монархини и явиться ко двору в Петербург была придумана самим Глинкой. Примечательно, что описанная в легенде ситуация частично напоминает другой известный эпизод из жизни Григория Савича: в 1751 г. Сковорода, не пожелав преподавать курс поэтики «по старине», бросил в адрес епископа Никодима фразу «*alia res sceptrum, alia plectrum*», т.е. «одно дело – [епископский] жезл, а другое – кифара», после чего был уволен за дерзкое поведение. Не исключено, что Федор Глинка был знаком с резкой фразой Сковороды, произнесенной в порыве прений с епископом Никодимом, и переосмыслил этот эпизод из жизни философа, ввернув эффектную фразу в рассказ о том, как Сковорода отказался явиться ко двору.

Был ли Сковорода критично настроен по отношению к императрице Екатерине Второй или же, напротив, поддерживал политику государыни? Однозначно ответить на вопрос об отношении философа к царице невозможно. Показательно, что в очерке «Жизнь Григорїя Сковороды. Писана 1794 года в древнем вкусѣ», первом жизнеописании Сковороды, составленном чиновником Михаилом Ивановичем Коваленским (1745–1807) в знак памяти о своем учителе, приводится фраза Григория Савича, в которой он высказывается о Екатерине Великой в *восторженном* ключе:

«Как Бог дает дарованія духа не в одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающих в состояніе жизни не по врожденной способности, называл Сковорода людьми без Минервы. Так часто, видя робкаго военачальника, грабителя судью, гордаго Богослова и пр[очая], с досадою говаривал: „Вот люди без Минервы!” Взглянув на изображеніе царствующей в вѣкѣ его Екатерины II, находившееся у друга его в гостинном покоѣ, сказал он с движеніем: „Вот голова с Минервою!”» [15. С. 1357].

Екатерина Вторая предстает в рассказе как прирожденный политик, живущий по *сродности*. В интерпретации Михаила Коваленского Сковорода не просто оказывается верноподданным России, но и ярым приверженцем Екатерины, видящим в ней «голову с Минервой», т.е. человека на своем месте. Образ Минервы в самом деле встречается в произведениях Сковороды и в целом согласуется с интерпретацией, представленной в очерке его жизни, составленном Коваленским. При этом нужно отметить, что Екатерину и впрямь нередко изображали в образе «Торжествующей Минервы», символизирующем триумф абсолютной и просвещенной монархии. Со времен появления эскиза императрицы в обличии олимпийской богини, выполненного Гаврилой Игнатьевичем Козловым (1738–1791), Екатерина Вторая нередко представала в образе богини в шлеме как в скульптуре, так и в живописи (рис. 1).

Рис. 1. Аллегория на восшествие императрицы Екатерины II на престол. 1762 г.
Работа кисти Гаврилы Игнатьевича Козлова (1738–1791)

Из рассказа Коваленского неясно, какой именно портрет императрицы Сковорода мог увидеть в гостиной друга. Не исключено, что фраза про голову Минервы, если таковая была произнесена Сковородой, могла быть брошена малороссийским философом *именно* исходя из контекста его знакомства с традицией изображений императрицы в образе богини, в ту пору довольно распространенной. В этом случае мотив произнесения фразы остается непроясненным: была ли эта фраза искренним выражением признания и восхищения или же, напротив, двусмысленной колкостью в адрес монархини? – вопрос открытый.

В произведениях Сковороды не удается найти никаких прямых указаний на то, чтобы философ восторгался политикой государыни и был сторонником ее реформ, нет никаких прямых свидетельств и отрицательного к ней отношения. Отталкиваясь от сочинений Григория Савича, можно прийти к заключению, что упразднение гетманской канцелярии в 1764 г. и последующий отказ от сотенно-полкового административного устройства Малой России в 1782 г. в целом не нашли в произведениях философа никакого отклика. В то же время следует подчеркнуть, что усиление крепостного права, затронувшего южные окраины империи, включая любимый Сковородой Слободской край, т.е. земли Харьковского и Воронежского наместничеств, едва ли могло найти поддержку в лице мыслителя, чьим жизненным кредо стал путь вольного странника, открытого ко всем слоям общества, включая простых крестьян. В этой связи примечательно, что в притче «Убогій Жайворонок», датируемой 1787 г., Сковорода обращается именно к мотиву свободы: образ птицы, заточаемой в клетку, без сомнения, отсылает читателя притчи к проблеме крепостничества (о метафоре «клетки» у Сковороды см.: [20]).

Следует, однако, отметить, что о крепостничестве как о наболевшей проблеме в царской России также писали приверженцы екатерининских реформ. То есть критика институтов крепостничества могла сочетаться с имперской лояльностью. Показательно, что самой императрицей институт крепостничества рассматривался как *вынужденная* мера. С моральной точки зрения он осуждался государыней как пережиток феодальной эпохи, но с экономической точки зрения предпосылок для *немедленной*, т.е. единовременной отмены крепостного права подготовлено не было. Нужно было создать условия, при которых бывшие крепостные, обретя свободу, получили бы возможность зарабатывать на хлеб и вести хозяйство, а не оказались бы брошенными на произвол судьбы. Свою задачу Екатерина II видела в том, чтобы путем проведения реформ и налаживания механизмов управления подготовить почву для общественного переустройства с перспективой *постепенного* освобождения крестьян от крепостной зависимости. Характерно, что в таком же духе в 1790-е гг. на другом конце света рассуждал Бенджамин Франклин, с одной стороны, осуждавший рабовладельческий строй в Америке как пережиток колониального мышления, а с другой – писавший об опасности бездумных действий. «Рабство является таким жестоким унижением человеческой натуры, что само его искоренение, если оно не будет выполнено с должным тщанием, иногда может стать источником многих серьезных зол», – писал он в 1789 г. Таким образом, было очевидно, что предоставление свобод без налаживания механизмов трудоустройства, т.е. без предоставления земель, может привести к волнениям, отчего Екатерина, понимавшая всю сложность сложившейся ситуации, не спешила освобождать крестьян, но при этом стремилась улучшить их положение. Подобно Сковороде, Екатерина рассматривала государство как *машину*, работу которой стремилась наладить. В этой связи показательно, что Сковорода нигде в своих произведениях не покушался на общественный строй Российской империи, а в беседах с Щербининым отшучивался, что если и не может приносить державе пользу, то рад, что не приносит ей вреда. Примечательно, что среди друзей философа были и богатые помещики, и вельможи, крестьянскими душами владевшие. Даже притча «Убогій Жайворонок», посвященная проблеме крепостничества и поискам счастливой жизни, была посвящена купянскому помещику Федору Ивановичу Дискому (ум. в 1833 г. в Москве) и, следовательно, может рассматриваться как адресованная именно *дворянству*. В этой связи, если верить рассказу Михаила Коваленского про Сковороду и портрет императрицы Екатерины II, нельзя исключать возможность, что философ в самом деле мог рассматривать предпринимаемые реформы по налаживанию государственных механизмов и урегулированию общественной жизни как направленные на благо всех подданных.

Однако то обстоятельство, что Коваленский сам писал оды во славу Екатерины Великой и князя Григория Потёмкина, а также строил успешную карьеру российского чиновника, дослужившись до тайного советника и Рязанского губернатора, дает почву усомниться в том, *кто* больше восхваляет всероссийскую императрицу в строках про «голову с Минервой»: сам Григорий Сковорода или же его любимый ученик, вложивший в уста учителя меткие слова пред портретом государыни, с тем чтобы прославить имя философа в глазах монаршего дома. Вне зависимости от правдивости рассказа Коваленского про Сковороду и Екатерину Вторую фраза про Минерву возымела эффект. Неслучайно упоминавшийся в начале Юрий Никитич Бартенев в письме Николаю I, оправдываясь перед царем, ссылался на Сковороду как на философа, который «научалъ любить и благоговѣть предъ геніальностію мудрой монархини». Как и в примере с рассказом декабриста Федора Глинки, в случае биографии Сковороды, составленной учеником философа Коваленским, не стоит забывать о том, что мы имеем дело со *вторичным источником*. В этой связи следует сохранять здравое зерно сомнения и не забывать задаваться извечными вопросами добросердечных римлян: *Cui bono? Cui prodest?*

Выводы

Как показало настоящее исследование, обращаясь к славянскому фольклору, Григорий Сковорода в «Харьковских баснях» стремился раскрыть *сродность* общ-

ностей мало- и великороссиян. Ссылаясь на фольклор, Сковорода умело инструментализировал народные начала. Сопоставляя пословицы, философ порой указывал на ареал их распространения и выделял *общие* черты народной мудрости, присущие жителям Малороссии и Великороссии. Проводимые Сковородой параллели между мало- и великорусским фольклором позволяли философу рассматривать две народности как «сообщающиеся сосуды» в Российской империи. Таким образом, локальный малороссийский патриотизм Сковороды органично сочетался с концептом общероссийской имперской лояльности. В баснях философ путем обращения к восточнославянскому фольклору раскрыл феномен культурного сближения двух общностей Древней Руси, объединенных монархией, но сохранявших культурное своеобразие. Хотя некоторые национальные маркеры в произведениях народного философа, в частности в «Разговоре о Премудрости» и в диалоге «Пяти путников», позволяют усматривать в его трудах черты оформляющейся «большой русской нации», ни о каком концепте *триединства* русского народа в трудах странствующего мудреца речи не идет; прежде всего это связано с тем, что у Сковороды в принципе нет отчетливых размышлений о белорусском народном начале и о проблеме субъектности Белой Руси в составе Российской империи. В этой связи можно заключить, что вопрос о *триединстве* русского народа в трудах Сковороды не ставился.

На примере такого сочинения, как притча «Убогій Жайворонок», легко убедиться в том, что Сковорода, несмотря на лояльность Российской империи, ощущал себя в первую очередь *малороссом*, потомком запорожских казаков. Так, в притче он указывал Федору Дискому (потомку купянского сотника) на национальные черты, присущие своим землякам, а в “De libertate” обращался к культурной памяти днепровского казачества. Рефлексия Сковороды о характере и судьбах малороссиян приводит философа в притче к выделению не столько общих с великороссами черт, сколько отличительных признаков, свидетельствующих в пользу обособленности малороссиян. Это обстоятельство позволяет констатировать, что в рефлексии философа о малороссийском начале, с одной стороны, прослеживаются черты, свидетельствующие в пользу его включенности в процессы нациестроительства в Российской империи (особенно в «Харьковских баснях» и в текстах, посвященных государственному устройству, в разговорах с генерал-губернатором Евдокимом Щербининым), а с другой – в его стихах и в особенности в поздних притчах отчетливо ощущается стремление защитить земляков от крепостного гнета, отстоять их права и вольности. Идеал свободы оказывается напрямую связан с судьбами «малой родины», что приводит к обострению малороссийского вопроса в рассуждениях философа о счастливой жизни.

Анализ легенд о Григории Сковороде и Екатерине Великой, изложенных Михаилом Коваленским и Федором Глинкой, показал, что нарратив обеих легенд тесно коррелирует с политическими воззрениями и судьбами авторов, их изложившими. Данное обстоятельство, а также отсутствие прямых указаний на критику или восхваление императрицы в первичных источниках, т.е. в трудах философа, не позволяет с уверенностью судить о правдивости обеих изложенных легенд. К сожалению, вопрос об отношении Сковороды к реформам и фигуре императрицы не может быть разрешен окончательно.

Попытки упаковывать воззрения Сковороды на народность в национальные парадигмы XIX–XX в., будь то парадигмы украинофилов с их стремлением подчеркнуть «отпочкованность» Сковороды от России или русских консерваторов с их стремлением представить Сковороду «русским националистом», без сомнения, представляют историографический интерес, однако не позволяют в полной мере приблизиться к пониманию взглядов Сковороды на народность, поскольку в таких исследованиях, порой намеренно, стираются национальные и региональные маркеры, использовавшиеся самим философом, и, как следствие, не учитывается их «референциальный охват». Подмена этих маркеров анахронизмами приводит к искажениям воззрений мыслителя, чьи труды порой оказываются средством, а не целью исследования. Хочется надеяться, что настоящая статья станет подспорьем для дальнейших исследований трудов Сковороды в свете проблемы нациестроительства и феномена малороссийской идентичности в культуре Российской империи XVIII в., а также подстегнет историков к изучению его наследия во всем своеобразии и «неудобной полноте».

Список источников

1. Русскій Вестникъ. СПб., 1897. Т. 3, вып. 11. С. 417–418.
2. Аскоченскій В.И. Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ. Кіевъ : Университетская тип., 1856. Ч. II. 566 с.
3. Новицкій О.М. Духоборцы: ихъ исторія и вѣроученіе. Кіевъ : Университетская тип., 1882. 282 с.
4. Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. «Малоросс»: эволюция понятия до первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 9–27.
5. Багалѣй Д.И. Критико-библіографическая статья // Сковорода Г. Сочиненія Григорія Саввича Сковороды. Харьковъ : Тип. Губернскаго правленія, 1894. С. I–CXXXI.
6. Эрнъ В.Ф. Григорій Саввичъ Сковорода. Жизнь и ученіе. М. : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1912. 342 с.
7. Шевчук В.О. Пізнаний і непізнаний Сфінкс. Григорій Сковорода сучасними очима. Київ : Пульсари, 2008. 525 с.
8. Ушкалов Л.В. Григорій Сковорода // Сковорода Г.С. Повна академічна збірка творів. Харків : Майдан, 2011. С. 9–48.
9. Сковорода Г. С. Басни Харьковскія // Сковорода Г.С. Повна академічна збірка творів. Харків : Майдан, 2011. С. 154–199.
10. Сковорода Г.С. Бесѣда 1-ая, нареченная Observatorium // Сковорода Г.С. Повна академічна збірка творів. Харків : Майдан, 2011. С. 427–453.
11. Даль В.И. Пословицы русскаго народа. М. : Университетская тип., 1862. 1095 с.
12. Сковорода Г.С. Разговор ω Премудрости // Сковорода Г.С. Повна академічна збірка творів. Харків : Майдан, 2011. С. 126–128.
13. Сковорода Г.С. Разговор Пяти путников о истинном щастіи в жизни (Разговор Дружескій о Душевном мирѣ) // Сковорода Г.С. Повна академічна збірка творів. Харків : Майдан, 2011. С. 502–557.
14. Сковорода Г.С. Разговор, называемый Алфавит, или Букварь Мира // Сковорода Г.С. Повна академічна збірка творів. Харків : Майдан, 2011. С. 645–728.

15. Ковалѣнскій М.И. Жизнь Григорїя Сковороды. Писана 1794 года в древнем вкусѣ // Сковорода Г.С. Повна академічна збірка творів. Харків : Майдан, 2011. С. 1343–1386.
16. Сковорода Г.С. Убогій Жайворонок // Сковорода Г.С. Повна академічна збірка творів. Харків : Майдан, 2011. С. 920–940.
17. Сковорода Г.С. Бесѣда, нареченная Двое: о том, что Блаженным быть легко // Сковорода Г.С. Повна академічна збірка творів. Харків : Майдан, 2011. С. 388–426.
18. Разговоръ Великороссіи с Малороссіею // Кіевская старина. 1882. Т. I. С. 325–365.
19. Данилевскій Г.П. Украинская старина. Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Харьковъ : Изд. Заленскаго и Любарскаго, 1866. 403 с.
20. Morosow W. Ornithologie und die Kunst der Selbstsorge: Zur philosophischen Problematik der Parabel «Die arme Lerche» von Grigorij Skovoroda // Coincidentia. Bernkastel-Kues, 2015. Bd. 6/1. S. 143–155.

References

1. *Russkiy Vestnik"*. (1897) 3(11). pp. 417–418.
2. Askochenskiy, V.I. (1856) *Kiev" s" drevnѣyshim" ego uchilishchem"* [Kiev and its oldest college]. Vol. 2. Kiev: Universitetskaya tipografiya.
3. Novitskiy, O.M. (1882) *Dukhobortsy: ikh" istoriya i vѣrouchenie* ["Spirit-Warriors": Their History and Beliefs]. Kiev: Universitetskaya tipografiya.
4. Kotenko, A.L., Martynyuk, O.V. & Miller, A.I. (2011) "Maloross": evolyutsiya ponyatiya do pervoy mirovoy voyny ["Little Russian": To the History of Evolution of the Concept before World War I]. *Novoe literaturnoe obozrenie.* 108. pp. 9–27.
5. Bagalѣy, D.I. (1894) Kritiko-bibliograficheskaya stat'ya [A critical article]. In: Skovoroda, G. *Sochineniya* [Works]. Kharkov: Tipografiya Gubernskago pravleniya.
6. Ern, V.F. (1912) *Grigoriy Savvich" Skovoroda. Zhizn' i uchenie* [Gregory Skovoroda. His Life and Thought]. Moscow: A.I. Mamontov.
7. Shevchuk, V.O. (2008) *Piznaniy i nepiznaniy Sfinks. Grigoriy Skovoroda suchasnimi ochima* [The known and unknown Sphinx: Gregory Skovoroda as reflected from the modern point of view]. Kiev: Pul'sary.
8. Ushkalov, L.V. (2011) Grigoriy Skovoroda [Gregory Skovoroda]. In: Skovoroda, G.S. *Povna akademichna zbirka tvoriv*. Kharkov: Maydan. pp. 9–48.
9. Skovoroda, G.S. (2011a) *Povna akademichna zbirka tvoriv*. Kharkov: Maydan. pp. 154–199.
10. Skovoroda, G.S. (2011b) *Povna akademichna zbirka tvoriv*. Kharkov: Maydan. pp. 427–453.
11. Dal, V.I. (1862) *Poslovitsy russkago naroda* [The Sayings and Bywords of Russian people]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
12. Skovoroda, G.S. (2011c) *Povna akademichna zbirka tvoriv*. Kharkov: Maydan. pp. 126–128.
13. Skovoroda, G.S. (2011d) *Povna akademichna zbirka tvoriv*. Kharkov: Maydan. pp. 502–557.
14. Skovoroda, G.S. (2011e) *Povna akademichna zbirka tvoriv*. Kharkov: Maydan. pp. 645–728.
15. Kovalѣnskiy, M.I. (2011) Zhizn' Grigorїya Skovorody. Pisana 1794 goda v drevnem vkusѣ [The Life of Gregory Skovoroda, which was written in old style in 1794]. In: Skovoroda, G.S. *Povna akademichna zbirka tvoriv*. Kharkov: Maydan. pp. 1343–1386.
16. Skovoroda, G.S. (2011f) *Povna akademichna zbirka tvoriv*. Kharkov: Maydan. pp. 920–940.
17. Skovoroda, G.S. (2011g) *Povna akademichna zbirka tvoriv*. Kharkov: Maydan. pp. 388–426.
18. Anon. (1882) Razgovor" Velikorossii s Malorossieyu [A conversation between Great Russia and Little Russia]. *Kievskaya starina*. I. pp. 325–365.
19. Danilevskiy, G.P. (1866) *Ukrainskaya starina. Materialy dlya istorii ukrainskoy literatury i narodnago obrazovaniya* [Ukrainian Old Times: Some materials for the history of Ukrainian literature and National Education]. Kharkov: Zalensky i Lyubarsky.
20. Morosow, W. (2015) Ornithologie und die Kunst der Selbstsorge: Zur philosophischen Problematik der Parabel "Die arme Lerche" von Grigorij Skovoroda. *Coincidentia*. B 6/1. pp. 143–155.

***Сведения об авторе*:**
Морозов Виталий Николаевич – кандидат философских наук, приглашенный исследователь Института славистики Кёльнского университета (Кёльн, Германия); научный сотрудник кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vitelos@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Morosow Witalij N. – Candidate of Philosophical Sciences, Fellow Researcher at the Institute of Slavic Studies at the University of Cologne (Cologne, Germany); Researcher at the Department of Russian Philosophy and Culture of the Institute of Philosophy Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vitelos@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.09.2019; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 16.09.2019; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 930:94(470.41)
doi: 10.17223/19988613/81/16

Длинные циклы в доиндустриальную эпоху: историография проблемы

Артур Рашидович Мустафин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, art-staf@yandex.ru

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на Всероссийской научной конференции с международным участием «Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого)», состоявшейся 3–4 октября 2019 г. на базе Томского государственного университета.

Аннотация. Исследуется вопрос о том, почему длинные циклы традиционно рассматриваются как феномен только индустриальной и постиндустриальной экономики. В связи с этим фокус внимания направлен на рецепцию идей Н.Д. Кондратьева, основателя теории длинных циклов, в зарубежной историографии. Кроме того, сообщается о ранее неизвестных источниках, свидетельствующих о его интересе к доиндустриальной эпохе. Также показано, что после его осуждения к исследованию длинных циклов впервые в советской науке обратились историки, интерес которых к проблеме сформировался под влиянием школы «Анналов».
Ключевые слова: длинные волны, циклы Кондратьева, доиндустриальные циклы, советская историография, школа «Анналов»

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитирования: Мустафин А.Р. Длинные циклы в доиндустриальную эпоху: историография проблемы // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 137–143. doi: 10.17223/19988613/81/16

Original article

Long waves in the pre-industrial period: a historiographical study

Arthur R. Mustafin

National Research University Higher School of Economics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, art-staf@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to a reconstruction of discussions on pre-industrial cycles based on an analysis of a wide range of unknown and little-known historiographical sources and archival materials. Kondratiev long cycle is generally treated as a phenomenon of a modern world economy. However, the existence of major cycles before the Industrial Revolution does not contradict the theoretical views of Nikolai Kondratiev, the founder of the long-waves theory. The key question, therefore, we are trying to answer is why are major cycles not associated with a pre-industrial economy? The answer to this question can be found by examining the reception of Kondratiev's ideas in the Western scientific community. The fact is that 1935's publication of an abridged translation of Kondratiev's article ultimately led to active discussions, but were based on extremely fragmented ideas about his scientific heritage. Only much later, in the 1980–1990s, Kondratiev's major works were reissued and translated into foreign languages. When we consult these works, we find he never used concepts such as 'first long wave' and 'second long wave,' unlike the translator of his famous article.
Moreover, we have discovered archival documents, which indicate that the problem of the existence of long cycles before the Industrial Revolution had attracted Kondratiev's interest. Why didn't he make publications about this issue? Most likely, the answer can be found in the political context of the discussions in the USSR. His conception contradicted the notions of the inevitable and swift collapse of world capitalism – such ideas were especially typical for representatives and supporters of the Left-wing Opposition. Therefore, Kondratiev's position could not but draw the attention of well-known Marxists. It is unlikely that Kondratiev could afford to expand the time frame of his research.
We also note that there is a strong presumption that after 1930, when Kondratiev was arrested, Soviet scientists had not conducted any research on long cycles. In the present study, the correctness of this claim is challenged. We have at our disposal a number of historiographical sources, which indicate that Soviet scientists cared about the existence of long cycles in the pre-industrial period. Soviet historians had analyzed foreign literature on long waves before Soviet economists

© А.Р. Мустафин, 2023

did. Therefore, the historians pioneered the study of time-series data. Under the influence of French historiography, Soviet historians also turned to empirical studies on pre-industrial cycles.
Keywords: long waves, Kondratiev cycles, pre-industrial cycles, Soviet historiography, the Annales school

Acknowledgements: Work on this article has been supported by the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (Moscow).

For citation: Mustafin, A.R. (2023) Long waves in the pre-industrial period: a historiographical study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 137–143. doi: 10.17223/19988613/81/16

Длинные циклы (Кондратьевские волны, или большие циклы), представляющие собой периодические циклы сменяющихся подъемов и спадов в экономике продолжительностью от 45 до 60 лет, традиционно рассматриваются как феномен современной экономики. Их существование в доиндустриальную эпоху признается далеко не всеми исследователями. Очевидно, точка зрения исследователей прежде всего определяется тем, какими факторами они объясняют цикличность экономики. Так, существование доиндустриальных циклов – это необъяснимый факт, аномалия для многочисленных сторонников инновационной теории, считающих, что на формирование больших циклов оказывает определяющее влияние динамика нововведений [1. С. 176–203]. Напротив, для сторонников теорий, объясняющих цикличность, к примеру, динамикой войн или инвестиций [Там же. С. 204–207, 249–252], нет противоречия в том, что длинные циклы можно обнаружить в эпоху, предшествующую промышленному перевороту. Так или иначе, в последние десятилетия накапливается все больше подтверждений существования доиндустриальных циклов [2–10]. Рано или поздно накопление этих фактов позволит разрешить противоречия теории и практики.

В этой связи остаются актуальными исследования, посвященные ревизии истории применения модели длинных циклов в экономической истории [1, 6, 11–13]. Однако к общей картине, основанной на изучении работ западных исследователей прошлого столетия, следует добавить некоторые нюансы. Так, остается невыясненным, какую роль в изучении проблемы сыграли советские исследователи. Причина этого невнимания связана с устоявшимся представлением о том, что после ареста в 1930 г. Н.Д. Кондратьева, основателя теории больших циклов, советские ученые практически полвека не проводили каких-либо исследований в этой области [1. С. 35]. Считается, что впервые в советской науке интерес к длинным волнам проявили экономисты С.М. Меньшиков и Ю.В. Яковец, обратившие внимание на исследования зарубежных коллег [14–15]. Однако в нашем распоряжении имеется ряд историографических источников, свидетельствующих о том, что советские историки ранее экономистов обратились к проблематике длинных циклов, а именно доиндустриальных циклов. Прежде чем обратиться к этой теме, попытаемся ответить на вопрос, почему Кондратьевские циклы достаточно редко в современной литературе ассоциируются с доиндустриальной экономикой. Для этого, с одной стороны, необходимо рассмотреть рецепцию идей Н.Д. Кондратьева в зарубежной литературе прошлого века, а с другой – выяснить его отношение к проблеме доиндустриальных циклов.

Так, стоит отметить, что только на рубеже столетий были переведены на иностранные языки основные работы Н.Д. Кондратьева [16–18], а проходившие в XX в. на Западе дискуссии вокруг теории длинных циклов основывались на достаточно фрагментарных представлениях о его идеях. Практически полвека участники дискуссий апеллировали, как правило, только к сокращенному переводу ранней статьи Н.Д. Кондратьева о больших циклах [19]. И это в конечном итоге привело к вольным интерпретациям его наследия в западной литературе, которые также отразились и на развитии современных западных и отечественных исследований.

К примеру, в этой работе не раскрывается точка зрения Н.Д. Кондратьева на причины выявленных им циклов, о которой западному читателю стало известно достаточно поздно [16]. Неслучайно поэтому вопрос о том, как основатель теории длинных волн объяснял цикличность, может показаться весьма дискуссионным. Так, экономист М. Блауг настаивал на том, что Н.Д. Кондратьев якобы объяснял циклы войнами и открытием золотых рудников [20. P. 114], а историк П. Шоню – солнечной активностью [21. P. 57]. В свою очередь, современные сторонники инновационной теории Р.С. Гринберг и О.С. Сухарев настаивают на том, что «главную роль ученый (Н.Д. Кондратьев. – *А.М.*) отводил научно-техническим инновациям, которые переводят хозяйственную конъюнктуру с понижательной на повышательную тенденцию» [22. С. 19–20]. А по мнению ряда исследователей, Н.Д. Кондратьев якобы так и не предложил теоретического объяснения причин больших циклов [23. P. 124; 24. P. 190; 25. P. 64]. В действительности, хотя Н.Д. Кондратьев и установил связь между большими циклами и динамикой войн, открытием рудников, а также научно-техническими открытиями, это не стало основой его теоретического объяснения цикличности (корреляция – не каузация). Говоря об этих закономерностях, ученый подчеркивал, что «мы абсолютно не склонны думать, что здесь дано какое-либо объяснение причин больших циклов» [26. С. 374]. Он, отчасти под влиянием идей К. Маркса, предложил объяснять цикличность механизмом «накопления, аккумуляции и рассеяния капитала, достаточного для создания новых основных производительных сил» [Там же. С. 400]. Таким образом, Н.Д. Кондратьев предложил инвестиционную теорию цикличности, которая фактически не противоречит фактам существования длинных циклов в раннее Новое время.

Однако наиболее удивительно то, что упомянутая переводная статья фактически задала точку отсчета циклов, которые обозначались как ‘first long wave’, ‘second long wave’, ‘third long wave’ [19]. (В современных исследованиях кондратьевские циклы, как правило, нумеруются от первого до шестого [27. С. 11]). При этом, если внимательно приглядеться к работам Н.Д. Кондратьева, то обнаруживается, что нумерация циклов обусловлена хронологическими рамками имевшихся у него статистических данных и не говорит о его отношении к проблеме доиндустриальных циклов [26].

Попытаемся выяснить отношение Н.Д. Кондратьева к этой проблематике. Как известно, он выявил большие циклы на основе анализа статистических данных по экономической истории Великобритании, Франции, Германии и США, которые охватывали период конца XVIII – начала XX в. И, как можно узнать из его опубликованных работ, хронологические рамки исследования обусловлены тем, что «пойти дальше вглубь истории» ученому не позволяло отсутствие релевантного статистического материала ранее конца XVIII в. [27. С. 345]. Но все же была возможность проанализировать ряд значимых показателей доиндустриального развития европейской экономики. Так, Д.И. Опарин, его известный оппонент, первый в ходе обсуждений длинных циклов использовал данные по доиндустриальной эпохе, а именно данные о хлебных ценах в Англии в XVII–XVIII вв. [28. С. 244]. К тому же удалось выявить неизвестные ранее черновые записи Н.Д. Кондратьева, которые говорят о его изысканиях, направленных вглубь веков: в личном фонде ученого на основе сопоставления отдельных листов из различных дел можно восстановить исходный текст его записи рядов хлебных цен Дании с 1600 по 1902 г [29–30].

Поэтому решение Н.Д. Кондратьева не «пойти слишком далеко, дальше конца XVIII в.» [28. С. 176] обусловлено, вероятнее всего, не столько состоянием данных, сколько опасением критики. Дело в том, что, выдвинув в начале 1920-х гг. гипотезу о существовании больших циклов, он был обвинен в апологии капитализма. Многочисленные критики Н.Д. Кондратьева были убеждены, что он якобы стремится доказать вечное существование капитализма. Так, Н. Осинский (В.В. Оболенский), известный сторонник левой оппозиции, выдвижение Н.Д. Кондратьевым идеи о больших циклах объяснял его намерением «разыскать капиталистические кризисы еще и при царе Горохе... а из сего сделать вывод: “так было, так будет”» [31. С. 12]. Эту линию критики продолжил Н.Н. Суханов (Гиммер), иронизировавший, что «через каких-нибудь 700–800 лет его (Н.Д. Кондратьева. – *А.М.*) трудолюбивый прапраправнук отыщет и продолжит его труд… он окончательно установит и назовет “кондратьевскими” большие циклы, а впридачу откроет еще и гигантские, примерно 300-летние циклы капитализма, незыблемого и торжествующего во веки веков» [32. С. 169]. В действительности теория Н.Д. Кондратьева не имеет отношения к вопросу о судьбе капитализма. Как известно из его эпистемологических исследований, он являлся сторонником вероятностно-статистического подхода изучения общества и был далек от представлений о детерминированности исторического процесса, его предопределенности [33]. Критикам Н.Д. Кондратьев отвечал, что «мы рассматриваем этот большой цикл капиталистических конъюнктур как вероятностный… мы не знаем возможного хода необратимого социально-экономического процесса», что правильность закона «нельзя ставить в зависимость от постоянства его фактического обнаружения» [34]. Так или иначе, на фоне обвинений в апологии капитализма, которые прослеживались в подавляющем числе работ критиков, вряд ли Н.Д. Кондратьев позволил бы себе существенно расширить хронологические границы своего исследования. Удивительно, что при этом ряд советских ученых считали его концепцию необоснованной именно потому, что он оперировал всего лишь «полутора-двумя циклами» [28. С. 294] и привел статистический материал, который явно «недостаточен для доказательства существования больших циклов» [35. С. 81].

Обратимся к современникам Н.Д. Кондратьева. Прежде всего заметим, что среди его критиков не наблюдалось единства мнений. Так, В.А. Базаров и С.А. Первушин высказали идею о том, что длинные волны могут быть присущи не только капиталистической формации. Последний заявлял, что «теория Н.Д. Кондратьева о больших волнах как капиталистических циклах… неверна», поскольку большие волны присущи динамике хозяйства как таковой [28. С. 295]. При этом он их причины связывал с динамикой сельского хозяйства, которая, в свою очередь, зависит от изменений урожайности [36. С. 133]. Однако эмпирические исследования именно в этой области они не проводили.

Среди сотрудников возглавляемого Н.Д. Кондратьевым Конъюнктурного института только Т.И. Райнов (также ученик А.С. Лаппо-Данилевского) в своих исследованиях затронул проблематику длинных волн доиндустриального времени. Исследуя данные об открытиях в физике в Германии, Франции и Англии в XVII–XIX вв., он обнаружил в их динамике длинные волны. В его статье, опубликованной также на английском языке, считается, были заложены основы современной наукометрии [37]. Как удалось выяснить, он также составлял картотеку об открытиях в металлургии с 1740 г., содержащую более 3 600 карточек [38–43]. Но после ареста в 1930 г. Н.Д. Кондратьева, как и многие советские ученые, Т.И. Райнов прекратил публиковать исследования по длинным волнам.

Единственным, кто после 1930 г. продолжил исследования долговременных колебаний, был самый известный критик идей Н.Д. Кондратьева – Д.И. Опарин. Остается забытой его работа, посвященная моделированию «схематических кривых» внешней торговли России на основе анализа построенных им рядов экспорта и импорта за 1742–1917 гг. Исследователь фактически выявил долговременные колебания, а также обратил внимание на циклические изменения таможенного законодательства Российской империи. Вызывает интерес рассуждение Д.И. Опарина о при-

чинах этого процесса. Он критикует исследователей, которые ссылаются на установление таможенных тарифов и «указывают на борьбу классовых или групповых интересов» [44. С. 109]. Он справедливо замечает, что «при подобном толковании вопроса остается непонятным, почему же в одни периоды побеждали интересы одной группы населения, а в другие периоды – другой группы» [Там же. С. 110]. По его мнению, причины нужно искать в особенностях развития мировой торговли: в периоды снижения мировых цен происходило повышение таможенного обложения, а в периоды повышения мировых цен – понижение таможенных пошлин.

Начиная с 1930-х гг. интерес к проблематике доиндустриальных циклов стали проявлять французские историки. Однако заметим, что работы Франсуа Симиана, Эрнеста Лабрусса и ряда их последователей написаны без влияния идей Н.Д. Кондратьева: заметны расхождения в моделях как длинных волн, так и в целом экономической динамики [11]. Первым, кто рассматривал проблему в свете теории Кондратьева, был Гастон Эмбер [45]. Его исследование в определенной степени повлияло на творчество Фернана Броделя, который, как отмечал Б.Г. Могильницкий, ассоциировал кондратьевские циклы со «средним временем» [46. С. 83]. Позднее, в 1980-е гг., эту линию анализа продолжили немецкие и американские историки [6, 12, 13]. Общим итогом этих эмпирических исследований можно назвать выявленную ими синхронность долговременных колебаний уровня цен в европейских странах. Однако дискуссионным остался вопрос о единстве механизма длинных циклов в доиндустриальную и промышленную эпохи.

Практически в то же время под влиянием французской историографии советские историки (ранее экономистов) обратились к проблематике длинных волн. Так, в сборнике научных статей зарубежных исследователей, который вышел в 1977 г., были опубликованы работы Ф. Броделя и Ф. Фюре, посвященные проблематике длинных циклов, актуальности ее изучения. Как писал Ф. Бродель, «новая экономическая и социальная история на первый план в своих исследованиях выдвигает проблему циклического изменения, его длительности» [47. С. 118]. Позднее эта проблематика освещалась уже в историографических исследованиях [48, 49], а вскоре появились первые эмпирические исследования, посвященные доиндустриальным циклам. Так, в 1983 г. Ю. Кахк и М. Реммель опубликовали статью, в которой они представили статистический анализ данных по истории Эстляндской губернии, Франции, Испании, Италии [11]. А в 1985 г. вышла работа Б.Н. Миронова, в которой впервые за полвека в советской литературе были представлены результаты использования методики Н.Д. Кондратьева: автору монографии удалось выявить большие циклы в движении хлебных цен с середины XVII в. Более того, Б.Н. Миронов, применив факторный анализ, предложил объяснение цикличности динамики хлебных цен в России: по мнению историка, фактором циклических (долгосрочных и среднесрочных) колебаний цен являлись изменения урожайности. Стоит отметить, что исследование Б.Н. Миронова – единственный пример в отечественной историографии длинных волн, когда исследователь строил модели экономических длинных циклов на основе выявленных им первичных архивных данных [50. С. 119–123].

С 1987 г., когда реабилитировали Н.Д. Кондратьева, начинается новый этап в отечественной историографии длинных волн. Заметим, что, несмотря на заметное внимание (особенно в 1990-е гг.) российских экономистов к идеям Н.Д. Кондратьева, российские историки проявили слабый интерес к проблематике доиндустриальных циклов. Объяснить это, пожалуй, можно не столько отсутствием релевантных данных (которые все же доступны, в частности по отечественной истории [51–52]), сколько снижением интереса к количественным исследованиям. Тем не менее можно выделить ряд работ современных историков и экономистов, которые моделировали длинные волны в доиндустриальную эпоху.

Значимый вклад в изучение доиндустриальных волн внесли И.М. Савельева и А.В. Полетаев, которые в своей монографии помимо тщательного анализа историографии проблемы представили и собственные эмпирические вычисления. Они показали, что механизм циклов в доиндустриальную и промышленную эпохи был различен. Здесь И.М. Савельева и А.В. Полетаев оппонировали Ф. Броделю и И. Валлерстайну, которые считали, что в Европе начиная с XV в. и по настоящее время наблюдается единый механизм образования длинных волн. Но доказательство этого тезиса не удовлетворяет авторов монографии: «…при внимательном чтении его (Ф. Броделя. – *А.М.*) работы можно заметить, что подавляющая часть приводимого им фактического материала, подтверждающего ту гипотезу, относится не ранее чем к концу XVII и к XVIII в.» [6. С. 73]. Доказывая же собственную точку зрения, И.М. Савельева и А.В. Полетаев на эмпирическом материале выявили, что в доиндустриальную эпоху между динамикой цен и производства зерновых существовал сдвиг на 1/2 цикла. Однако в промышленную эпоху наблюдалась иная связь между показателями: «В XIX–XX вв. длинная волна в динамике производства опережала длинную волну в ценах не более чем на 1/4 цикла (т.е. 12–15 лет)» [Там же. С. 78]. Это позволило авторам заключить, что механизм «аграрных» и «промышленных» длинных волн различен. Собственно, появление «промышленных» циклов в Англии они относят к середине XVIII в.: с этого времени промышленное производство опережало динамику цен.

Вместе с тем И.М. Савельева и А.В. Полетаев рассмотрели целый ряд альтернативных гипотез, объясняющих механизм доиндустриальных циклов. В своей монографии авторы приходят к выводу, что из всех факторов спроса теоретически могли влиять на долговременные колебания демографические процессы. Но анализ динамики демографических показателей и сельскохозяйственных цен в Англии второй половины XVI – начала XIX в. показал, что эта связь была не очень стабильной. Поэтому изменения в численности населения не могли претендовать на роль основного генератора аграрных длинных циклов. В свою очередь,

изменения предложения (урожайности), как отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, весьма маловероятно могли быть связаны с изменениями в количестве и качестве применяемой техники. Авторы монографии на эмпирическом материале показали, что колебания урожайности были прежде всего обусловлены природными факторами: анализ динамики количества осадков и сельскохозяйственных цен в Англии второй половины XVI – начала XIX в. показал стабильную связь между показателями [6. С. 79–85].

Исследование И.М. Савельевой и А.В. Полетаева остается единственным примером в современной отечественной историографии обращения к анализу длинных циклов в доиндустриальной экономике Западной Европы. Внимание большинства исследователей сфокусировалось на анализе экономической истории России. Так, можно отметить исследования, посвященные анализу цикличности производства меди [3] и чугуна [2, 4], а также цикличности внешней торговли России [2]. Также привлекает внимание исследование В.Г. Растянникова и И.В. Дерюгиной, посвященное моделированию динамики урожайности России с конца XVIII в. Их монография вызывает заслуженный интерес в связи с проделанной ее авторами работой по составлению единых временных рядов и критическому анализу достоверности данных. Вместе с тем исследователям удалось выявить большой цикл в первой половине XIX в., смена фаз которого произошла в 1815 г. Собственно, его повышательную фазу они объясняют влиянием политического фактора: либеральные указы Александра I, ослабившие крепостное право, хотя и не оказали «решающего влияния на долгосрочную динамику продуктивности сельскохозяйственного производства, но проявились в циклической динамике» [5. С. 113]. Напротив, ужесточение государственной политики во второй четверти XIX в., по мнению исследователей, негативно отразилось на аграрном производстве, что вместе с влиянием неурожаев обусловило проявление понижательной фазы. Реформы же 1840-х гг. определили начало подъема циклической волны, а влияние Великих реформ «продлило» повышательную фазу [Там же. С. 114–115].

Рассмотренные исследования как советских, так и современных российских авторов, опиравшихся на ограниченный эмпирический материал, не позволяют дать утвердительный ответ по вопросу о существовании доиндустриальных циклов в России. Однако они ставят под сомнение точку зрения о том, что циклы Кондратьева проявляются только в индустриальной экономике XIX–XX вв. Более того, изучение экономической истории России в свете теории длинных волн остается весьма актуальным. Прежде всего это обусловлено тем, что в историографии доиндустриальных циклов основным объектом анализа остается экономика Европы. Соответственно, выявленные зарубежными исследователями механизмы образования доиндустриальных длинных волн остаются нерелевантными для объяснения экономической динамики неевропейских государств, в том числе Российской империи, поскольку особенности ее финансовой, институциональной системы, социальной структуры, природных условий не были характерны для большинства стран Европейского континента. Кроме того, в современной зарубежной историографии также наблюдается интерес к доиндустриальным волнам неевропейских стран [7–8, 10]. Дальнейшие исследования в этом направлении, как представляется, позволят разрешить дискуссионные вопросы изучения длинных волн.

Список источников

1. Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М. : Междунар. отношения, 1989. 269 с.
2. Иванова М.В. Экономическое развитие России и большие циклы мировой конъюнктуры // Экономическое наследие Н.Д. Кондратьева и современность. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 88–102.
3. Корчагин П.А. Периодические закономерности динамики производства медеплавильных заводов Урала XVIII–XIX вв. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2002. № 30. С. 50–52.
4. Слугина Т.А. Выксунский металлургический завод – металлургическая промышленность России: модели промышленного развития XVIII–XX вв. и эволюция цикличности : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. 276 с.
5. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М. : ИВ РАН, 2009. 192 с.
6. Полетаев А.В., Савельева И.М. «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. М. : Юстицинформ, 2009. 271 с.
7. Metzler M. Capitalist Boom, Feudal Bust: Long Waves in Economics and Politics in Pre-Industrial Japan // Review (Fernand Braudel Center). 1994. Vol. 17, № 1. P. 57–119.
8. Boswell T., Misra J. Cycles and Trends in the Early Capitalist World-Economy: An Analysis of Leading Sector Commodity Trades, 1500–1600/50–1750 // Review (Fernand Braudel Center). 1995. Vol. 18, № 3. P. 459–485.
9. Pelizzon S. Grain Flour, 1590–1790 // Review (Fernand Braudel Center). 2000. Vol. 23, № 1. P. 87–195.
10. Kwon R. Hegemonies in the World-System: An Empirical Assessment of Hegemonic Sequences from the 16th to 20th Century // Sociological Perspectives. 2011. Vol. 54, № 4. P. 593–617.
11. Кахк Ю., Реммель М. Опыт изучения циклов аграрного развития методами распознавания образов // Количественные методы в советской и американской историографии : материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе (1979 г.) и г. Таллине (1981 г.) / ред. И.Д. Ковальченко, В.А. Тишков. М. : Наука, 1983. С. 162–176.
12. Barr K. Long Waves: A Selective, Annotated Bibliography // Review (Fernand Braudel Center). 1979. Vol. 2, №. 4. P. 675–718.
13. Zschocke A. Kondratieff Cycles in the Pre-Industrial Period: A Statistical Investigation // Historical Social Research. 1984. № 31. P. 63–84.
14. Меньшиков С.М. Структурный кризис экономики капитализма // Коммунист. 1984. № 4. С. 113–124.
15. Яковец Ю.В. Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. М. : Экономика, 1984. 239 с.
16. Kondratiev N.D. The Long Wave Cycle. New York : Richardson & Snyder, 1984. 138 p.
17. Kondratiev N.D. The Works of Nikolai D. Kondratiev : 4 vols. London : Pickering and Chatto, 1998.
18. Kondratiev N.D. The World Economy and its Conjunctures During and After the War. M. : International Kondratiev Foundation, 2004.
19. Kondratiev N.D. The Long Waves in Economic Life // The Review of Economics and Statistics. 1935. Vol. 17, № 6. P. 105–115.
20. Blaug M. Great Economists Before Keynes: An Introduction to the Lives and Works of 100 Economists of the Past. Brighton : Wheatsheaf Books, 1986. 286 p.
21. Chaunu P. L'economie: Depassement et prospective // Faire de l'histoire. Paris, 1974. Vol. 2: Nouvelles approaches. P. 51–73.

22. Гринберг Р.С., Сухарев О.С. Эволюционная экономика Н.Д. Кондратьева // Кондратьевские волны. 2012. № 1. С. 12–36.
23. Hagemann H. Capitalist Development, Innovations, Business Cycles and Unemployment: Joseph Alois Schumpeter and Emil Hans Lederer // Journal of Evolutionary Economics. 2014. № 25. P. 117–131.
24. Perez C. Technological Revolutions and Techno-Economic Paradigms // Cambridge Journal of Economics. 2010. № 34. P. 185–202.
25. Rostow W.W. The Historical Analysis of the Terms of Trade // Economic History Review. 2nd ser. 1951. Vol. 4, № 1. P. 53–76.
26. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М. : Экономика, 2002. 767 с.
27. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. 336 с.
28. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М. : Экономика, 1989. 525 с.
29. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 769 (Н.Д. Кондратьев). Оп. 1. Д. 8.
30. РГАЭ. Ф. 769 (Н.Д. Кондратьев). Оп. 1. Д. 10.
31. Осинский Н. Мировое хозяйство в оценке наших экономистов. М. : Красная новь, 1923. 60 с.
32. Суханов Н.Н. «Большие циклы конъюнктуры» // Плановое хозяйство. 1926. № 4. С. 159–169.
33. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики : предварительный эскиз. М. : Наука, 1991. 567 с.
34. Кондратьев Н.Д. Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (ответ нашим критикам) // Социалистическое хозяйство. 1923. № 4/5. С. 50–87.
35. Богданов В. К вопросу о закономерностях исторического развития капитализма : (критика теории больших циклов проф. Кондратьева) // Под знаменем марксизма. 1928. № 6. С. 81–98.
36. Первушин С.А. Основные вопросы теории и методологии хозяйственной конъюнктуры // Плановое хозяйство. 1926. № 12. С. 120–136.
37. Rainoff T.I. Wave-like Fluctuations of Creative Productivity in the Development of West-European Physics in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Isis. 1929. № 12. P. 287–319.
38. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 441 (Т.И. Райнов). Картон 18. Д. 1.
39. ОР РГБ. Ф. 441 (Т.И. Райнов). Картон 18. Д. 2.
40. ОР РГБ. Ф. 441 (Т.И. Райнов). Картон 18. Д. 3.
41. ОР РГБ. Ф. 441 (Т.И. Райнов). Картон 19. Д. 1.
42. ОР РГБ. Ф. 441 (Т.И. Райнов). Картон 19. Д. 2.
43. ОР РГБ. Ф. 441 (Т.И. Райнов). Картон 19. Д. 3.
44. Опарин Д.И. Схематический анализ развития внешней торговли России за 175 лет (1742–1917 гг.) // Методологические вопросы в статистических исследованиях. М. : Наука, 1968. С. 96–128.
45. Imbert G. Des mouvements de longue durée Kondratieff. Aix-en-Provence : Pensée Universitaire, 1959. 535 p.
46. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. II: Становление «новой исторической науки». 178 с.
47. Философия и методология истории : сб. ст. / под. ред. И.С. Кона. М. : Прогресс, 1977. 334 с.
48. Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М. : Наука, 1979. 364 с.
49. Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики: французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М. : Мысль, 1980. 277 с.
50. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. 301 с.
51. Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1985. 407 p.
52. Kahan A. Russian Economic History: The Nineteenth Century. Chicago : University of Chicago Press, 1989. 244 p.

References

1. Menshikov, S.M. & Klimenko, L.A. (1989) *Dlinnye volny v ekonomike. Kogda obshchestvo menyaet kozhu* [Long waves in the economy. When society changes its skin]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
2. Ivanova, M.V. (1994) Ekonomicheskoe razvitie Rossii i bol'shie tsikly mirovoy kon"yunktury [The economic development of Russia and the major cycles]. In: Klyukin, P. (ed.) *Ekonomicheskoe nasledie N.D. Kondrat'eva i sovremennost'* [N.D. Kondratieff's economic heritage and modernity]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 88–102.
3. Korchagin, P.A. (2002) Periodicheskie zakonomernosti dinamiki proizvodstva medeplavil'nykh zavodov Urala XVIII–XIX vv. [Periodic regularities in the dynamics of the production of copper smelters in the Urals in the 18th–19th centuries]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*. 30. pp. 50–52.
4. Slugina, T.A. (2005) *Vyksunskiy metallurgicheskiy zavod – metallurgicheskaya promyshlennost' Rossii: modeli promyshlennogo razvitiya XVIII–XX vv. i evolyutsiya tsiklichnosti* [The Vyksa Metallurgical Plant – Russian Metallurgical Industry: Models of Industrial Development in the 18th–20th Centuries. and evolution of cyclicity]. History Cand. Diss. Saransk.
5. Rastyannikov, V.G. & Deryugina, I.V. (2009) *Urozhaynost' khlebov v Rossii. 1795–2007* [The yield in Russia. 1795–2007.]. Moscow: RAS.
6. Poletaev, A.V. & Savelieva, I.M. (2009) *"Tsikly Kondrat'eva" v istoricheskoy retrospektive* [The Kondratieff's cycles in historical retrospective]. Moscow: Yustitsinform.
7. Metzler, M. (1994) Capitalist Boom, Feudal Bust: Long Waves in Economics and Politics in Pre-Industrial Japan. *Review (Fernand Braudel Center).* 17(1). pp. 57–119.
8. Boswell, T. & Misra, J. (1995) Cycles and Trends in the Early Capitalist World-Economy: An Analysis of Leading Sector Commodity Trades, 1500–1600/50–1750. *Review (Fernand Braudel Center)*. 18(3). pp. 459–485.
9. Pelizzon, S. (2000) Grain Flour, 1590–1790. *Review (Fernand Braudel Center)*. 23(1). pp. 87–195.
10. Kwon, R. (2011) Hegemonies in the World-System: An Empirical Assessment of Hegemonic Sequences from the 16th to 20th Century. *Sociological Perspectives*. 54(4). pp. 593–617.
11. Kakhk, Yu. & Remmel, M. (1983) Opyt izucheniya tsiklov agrarnogo razvitiya metodami raspoznavaniya obrazov [The study of agricultural development cycles using pattern recognition methods]. In: Kovalchenko, I.D. & Tishkov, V.A. (eds) *Kolichestvennye metody v sovetskoy i amerikanskoy istoriografii* [Quantitative methods in the Soviet and American historiography]. Moscow: Nauka.
12. Barr, K. (1979) Long Waves: A Selective, Annotated Bibliography. *Review (Fernand Braudel Center)*. 2(4). pp. 675–718.
13. Zschocke, A. (1984) Kondratieff cycles in the pre-industrial period: A statistical investigation. *Historical Social Research*. 31. pp. 63–84.
14. Menshikov, S.M. (1984) Strukturnyy krizis ekonomiki kapitalizma [Structural crisis of the economy of capitalism]. *Kommunist*. 4. pp. 113–124.
15. Yakovets, Yu.V. (1984) *Zakonomernosti nauchno-tekhnicheskogo progressa i ikh planomernoe ispol'zovanie* [Patterns of scientific and technological progress and their systematic use]. Moscow: Ekonomika.
16. Kondratiev, N.D. (1984) *The long wave cycle*. New York: Richardson & Snyder.
17. Kondratiev, N.D. (1998) *Works*. London: Pickering and Chatto.
18. Kondratiev, N.D. (2004) *The World Economy and its Conjunctures During and After the War*. Moscow: International Kondratiev Foundation.

19. Kondratiev, N.D. (1935) The Long Waves in Economic Life. *The Review of Economics and Statistics.* 17(6). pp. 105–115.
20. Blaug, M. (1986) *Great Economists Before Keynes: An Introduction to the Lives and Works of 100 Economists of the Past*. Brighton: Wheatsheaf books.
21. Chaunu, P. (1974) L'economie: Depassement et prospective. *Faire de l'histoire.* 2. pp. 51–73.
22. Grinberg, R.S. & Suharev, O.S. (2012) Evolyutsionnaya ekonomika N.D. Kondrat'eva [Kondratiev's evolutionary economics]. *Kondrat'evskie volny*. 1. pp. 12–36.
23. Hagemann, H. (2014) Capitalist development, innovations, business cycles and unemployment: Joseph Alois Schumpeter and Emil Hans Lederer. *Journal of Evolutionary Economics*. 25. pp. 117–131.
24. Perez, C. (2010) Technological Revolutions and Techno-economic Paradigms. *Cambridge Journal of Economics*. 34. pp. 185–202.
25. Rostow, W.W. (1951) The Historical Analysis of the Terms of Trade. *Economic History Review.* 4(1). pp. 53–76.
26. Kondratiev, N.D. (2002) *Bol'shie tsikly kon"yunktury i teoriya predvideniya* [Major cycles and foresight theory]. Moscow: Ekonomika.
27. Grinin, L.E. & Korotaev, A.V. (2010) *Global'nyy krizis v retrospektive: kratkaya istoriya pod"emov i krizisov: ot Likurga do Alana Grinspena* [Global Crisis in Retrospect: A Brief History of Booms and Crises: from Lycurgus to Alan Greenspan]. Moscow: LIBROKOM.
28. Kondratiev, N.D. (1989) *Problemy ekonomicheskoy dinamiki* [Problems of Economic Dynamics]. Moscow: Ekonomika.
29. The Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 769 (N.D. Kondratiev). List 1. File 8.
30. The Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 769 (N.D. Kondratiev). List 1. File 10.
31. Osinsky, N. (1923) *Mirovoe khozyaystvo v otsenke nashikh ekonomistov* [The world economy in the assessment of our economists]. Moscow: Krasnaya nov'.
32. Sukhanov, N.N. (1926) Bol'shie tsikly kon"yunktury [Major cycles]. *Planovoe khozyaystvo.* 4. pp. 159–169
33. Kondratiev, N.D. (1991) *Osnovnye problemy ekonomicheskoy statiki i dinamiki: predvaritel'nyy eskiz* [The main problems of economic statics and dynamics]. Moscow: Nauka.
34. Kondratiev, N.D. (1923) Spornye voprosy mirovogo khozyaystva i krizisa (otvet nashim kritikam) [Controversial issues of the world economy and the crisis]. *Sotsialisticheskoe khozyaystvo*. 4/5. pp. 50–87.
35. Bogdanov, V. (1928) K voprosu o zakonomernostyakh istoricheskogo razvitiya kapitalizma : (kritika teorii bol'shikh tsiklov prof. Kondrat'eva) [On the laws of the historical development of capitalism]. *Pod znamenem marksizma.* 6. pp. 81–98.
36. Pervushin, S.A. (1926) Osnovnye voprosy teorii i metodologii khozyaystvennoy kon"yunktury [The main issues of the theory and methodology of economic conjuncture]. *Planovoe khozyaystvo*. 12. pp. 120–136.
37. Rainoff, T.I. (1929) Wave-like fluctuations of creative productivity in the development of West-European physics in the eighteenth and nineteenth centuries. *Isis.* 12. pp. 287–319.
38. The Russian State Library. Department of Manuscripts (RGB OR). File 441 (T. I. Rainoff). Box 18. File 1.
39. The Russian State Library. Department of Manuscripts (RGB OR). File 441 (T. I. Rainoff). Box 18. File 2.
40. The Russian State Library. Department of Manuscripts (RGB OR). File 441 (T. I. Rainoff). Box 18. File 3.
41. The Russian State Library. Department of Manuscripts (RGB OR). File 441 (T. I. Rainoff). Box 19. File 1.
42. The Russian State Library. Department of Manuscripts (RGB OR). File 441 (T. I. Rainoff). Box 19. File 2.
43. The Russian State Library. Department of Manuscripts (RGB OR). File 441 (T. I. Rainoff). Box 19. File 3.
44. Oparin, D.I. (1968) Skhematicheskiy analiz razvitiya vneshney torgovli Rossii za 175 let (1742–1917 gg.) [A schematic analysis of the development of foreign trade of Russia for 175 years (1742–1917)]. In: *Metodologicheskie voprosy v statisticheskikh issledovaniyakh* [Methodological issues in statistical research]. Moscow: Nauka. pp. 96–128.
45. Imbert, G. (1959) *Des mouvements de longue durée Kondratieff*. Aix-en-Provence: Pensée universitaire.
46. Mogilnitskiy, B.G. (2003) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka* [The history of historical thought of the 20th century]. Tomsk: Tomsk State University.
47. Kon, I.S. (ed.) (1977) *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and Methodology of History]. Moscow: Progress.
48. Sokolova, M.N. (1979) *Sovremennaya frantsuzskaya istoriografiya. Osnovnye tendentsii v ob"yasnenii istoricheskogo protsessa* [Modern French historiography. The main trends in explaining the historical process]. Moscow: Nauka.
49. Afanasiev, Yu.N. (1980) *Istorizm protiv eklektiki: frantsuzskaya istoricheskaya shkola "Annalov" v sovremennoy burzhuaznoy istoriografii* [Historicism against eclecticism: The French historical school "Annales" in modern bourgeois historiography]. Moscow: Mysl'.
50. Mironov, B.N. (1985) *Khlebnye tseny v Rossii za dva stoletiya (XVIII–XIX vv.)* [Grain prices in Russia for two centuries (18th – 19th centuries)]. Leningrad: Nauka.
51. Kahan, A. (1985) *The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago; London: University of Chicago Press.
52. Kahan, A. (1989) *Russian Economic History: The Nineteenth Century*. Chicago: University of Chicago Press.

***Сведения об авторе*:**
Мустафин Артур Рашидович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: art-staf@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Mustafin Artur R. – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher at the National Research University Higher School of Economics, Associate Professor of the Department of History of Russian Statehood at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (Moscow, Russian Federation). E-mail: art-staf@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.03.2020; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 30.03.2020; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 93(470.4); 930.253
doi: 10.17223/19988613/81/17

Приказы начальника Самарского гарнизона как исторический источник изучения повседневной жизни военнослужащих тыловых гарнизонов в годы Первой мировой войны

Екатерина Юрьевна Семенова

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия, dashka129k@yandex.ru

Аннотация. Анализируются приказы начальника Самарского гарнизона, представленные в материалах фондов Центрального государственного архива Самарской области. Выявлены возможности использования данного исторического источника при изучении повседневных практик военнослужащих тылового гарнизона в условиях Первой мировой войны. Обосновано привлечение приказов начальника гарнизона для исследования структурного состава гарнизонных формирований, специфики размещения гарнизонных военнослужащих, процесса военной службы, обеспечения рядовых и офицеров экипировкой и провиантом, досуга военнослужащих, их взаимодействия с местным населением.
Ключевые слова: тыловые гарнизоны, Первая мировая война, повседневность

Для цитирования: Семенова Е.Ю. Приказы начальника Самарского гарнизона как исторический источник изучения повседневной жизни военнослужащих тыловых гарнизонов в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 144–151. doi: 10.17223/19988613/81/17

Original article

Orders of the head of the Samara garrison as a historical source for the study of everyday life of soldiers of the rear garrisons during the First World War

Ekaterina Yu. Semenova

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation, dashka129k@yandex.ru

Abstract. The study of the history of an everyday life is a relevant research direction. The life of the rear garrison servicemen during the First World War was studied from different angles involving aspects of service. The purpose of this work is to study everyday life of military garrison soldiers, including not only service, but also leisure.

The author analyzed the possibility of using the orders of the rear garrison commander as a historical source for the reconstruction of life and leisure of rear units' servicemen. The source base of the paper consists of orders of the Samara garrison commander from the Samara city government fund materials of the Samara Region Central State Archive.

Analysis of the materials of the above-mentioned fund, consisting of the copies of orders of the Samara garrison commander for the period from December 1914 to December 1917, allowed to make the following conclusions.

The paper states that the orders of the rear garrison commander are an informative resource for studying the everyday life of the rear garrison during the First World War. The orders of the Samara garrison commander make it possible to conclude that in the war conditions the everyday life of the rear servicemen was characterized by a number of features. It included both service and leisure, which differed in various components.

The service responsibilities depended on the season, the part of the garrison structure, the state of health of the serviceman; for the front-line formations they included such activities as training in general duties and shooting, performing the control and verification functions outdoors and indoors, site protection and security, participating in parade events, decision-making on other military personnel (inspection, judicial proceedings).

The leisure of the rear garrison servicemen was regulated in terms of obligatory attendance of patriotic programs, as well as compliance with the rules of the Internal Service Regulations about appearance and behavior. Also, the rear units' servicemen were allowed to visit urban area and follow religious traditions. The documents justify more diverse than the statutory rules, forms of leisure of servicemen of the Samara garrison, up to the direct violation of the charter on service.

The orders of the garrison commander include the data on the equipment and supply of the rear garrisons, the differences in the summer and winter uniforms and the wearing rules. In these areas, in the conditions of the First World War, there were problems associated with the reduction of supplies and the violation of the tradition characteristic of the military appearance. They were both for subjective reasons, such as non-compliance with the accepted norms of wearing

© Е.Ю. Семенова, 2023

uniforms, and objective due to the lack of necessary uniforms, confusion in the infirmaries with a variety of uniforms depending on the kind of troops.
The paper states the possibility of using the orders of the garrison commander in the study of the living conditions of the rear camps servicemen. It was noted that the residential premises were comfortable, they could be divided into two groups - barracks and public and private premises adapted to accommodate military personnel (apartment buildings, private houses, educational institutions and other public institutions).
Keywords: rear garrisons, World War I, everyday life

For citation: Semenova, E.Yu. (2023) Orders of the head of the Samara garrison as a historical source for the study of everyday life of soldiers of the rear garrisons during the First World War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 144–151. doi: 10.17223/19988613/81/17

История повседневности активно разрабатывается в современной историографии. Ее составляющие многогранны, включают исследование различных сфер жизнедеятельности общества, историю бытокультуры социальных групп, особенности уклада жизни в различные эпохи.

В силу перелома в 1917 г. исторических реалий в России Первая мировая война и связанные с ней процессы вызывают особый интерес у историков. Повседневность Первой мировой войны исследуется в теоретическом аспекте [1], в условиях тыла на материалах социально-экономических [2, 3], демографических [4], культурно-досуговых [5–7], общественно-политических 8] процессов и практик, в ключе ее влияния на мировоззрение обывателя [9, 10], а также в условиях фронтовой действительности [11–13].

Тема тыловых гарнизонов изучалась в региональном ракурсе [14, 15], в том числе на материалах Поволжья [16–18], а также на материалах столицы [19, 20].

Внимание авторов обращено на численный состав и динамику его изменения, демографические особенности состава тыловых гарнизонов, на структуру гарнизонных формирований. Отметим, что наряду с общими, характерными для тыловых гарнизонов периода Первой мировой войны составляющими, исследователи отмечают региональную специфику как в жизнедеятельности тыловых гарнизонов, так и в ее изучении.

Так, М.В. Шиловский констатирует наличие четкой системы подготовки призванных в армию в запасных формированиях Омского и Иркутского военных округов, характеризует распорядок дня в процессе обучения (4–20 недель), указывает на проблемы с подготовкой ефрейторов и унтер-офицеров, низкий уровень грамотности обучающихся [15]. По материалам Петроградского гарнизона А.Б. Асташов заключил, что мнение о жизни в запасных частях в Петрограде как о бесцельном времяпрепровождении ошибочно, главной задачей всех запасных частей было обучение новых пополнений для отправки в действующие полки, для чего использовалась система интенсивного обучения (в течение 8–16 месяцев), построенная на основе постоянно усовершенствовавшихся программ, которая стала давать сбои к началу 1917 г., а также отмечались вопиющие случаи жизни в гвардейских полках «по блату» [20. С. 21, 22]. Автор исследовал аспекты «соприкосновения» военнослужащих гарнизона с гражданским населением – обывателями и лицами «при исполнении» в ходе конфликтных ситуаций. А.С. Анисков на материалах Калуги изучил работу введенного осенью 1916 г. повторительного курса подготовки прапорщиков, включавшую 43 дня полного учебного цикла подготовки прапорщиков [14. С. 74]. Исследованы состав и комплектование саратовского тылового гарнизона, работа в сентябре 1915 – октябре 1917 г. местных трехчетырех месячных школ прапорщиков, которые формировались при запасных пехотных бригадах [16. С. 16].

Проанализировано участие тыловых гарнизонов Поволжья в событиях революционного процесса 1917 г. [21, 22].

При многоплановости исследовательских интересов тема повседневности в тыловых гарнизонах позволяет изучать возможности источниковой базы по данной проблематике.

Одним из исторических источников, содержащих сведения о жизни тылового гарнизона, являются приказы начальника гарнизона. В коллекции материалов фондов Центрального государственного архива Самарской области представлены дела, содержащие приказы начальника Самарского гарнизона за период Первой мировой войны. Они укомплектованы в фонде Самарской городской управы (Ф. 153) в описях постоянного хранения (описи 9 и 41) и включают копии приказов по самарскому гарнизону за декабрь 1914 г. (№ 120–129), за 1 января – 31 декабря 1915 г. (№ 1–222) [23], за 2 января – 31 декабря 1916 г. (№ 1–260) [24], за 1 января – 2 декабря 1917 г. [25]. Данный источник относится к группе нормативных актов, имевших локальное значение, позволяет характеризовать процессы в отношении конкретного тылового гарнизона. Однако отметим, что в приказах начальника гарнизона, особенно начиная с весны 1917 г., часто встречаются ссылки на приказы и полная информационная структура приказов командующего Казанским военным округом, что обеспечивает возможность использования данного источникового ресурса для характеристики процессов в пределах большей территории.

В приказах начальника Самарского гарнизона периода Первой мировой войны содержится массив сведений, который позволяет изучать различные аспекты жизнедеятельности гарнизона, в том числе повседневные бытовые практики.

В ряде приказов фигурируют сведения о структурах, составе самарского гарнизона. Они свидетельствуют о трансформации состава гарнизона в условиях военной поры, пополнении тыловых частей контингентом раненых, укрупнении формирований в связи с увеличением численности контингента. Так, на конец мая 1915 г. он включал 14 позиций, в том числе четы-

ре сводных эвакуационных госпиталя (94-й, 95-й, 96-й, 125-й), три запасных батальона (4-й саперный, 102-й и 143-й пехотные), одну бригаду (3-ю артиллерийскую), пешую самарскую дружину (690-ю), казачью сотню (2-ю Оренбургскую), самарскую конвойную команду [23. Л. 77 об.]. За год, к концу мая 1916 г., в составе самарского гарнизона произошло пополнение. Согласно приказу начальника гарнизона, в его составе значилось также три команды выздоравливающих, 130-й пехотный запасной полк, 1-я бригада Симбирского мортирного дивизиона. 102-й и 143-й запасные пехотные батальоны были преобразованы в запасные пехотные полки в составе 31-й пехотной запасной бригады, управление которой также разместилось в Самаре (с 1 октября 1915 г.) [24. Л. 98–98 об.].

Основной сферой деятельности здоровых военнослужащих тыловых частей являлась служба. Ее особенности были связаны не только с тыловой обстановкой, но и с принадлежностью к определенной структуре в составе самарского гарнизона.

Военнослужащие перечисленных полков, батальонов, бригады, сотни были задействованы в охране самарской губернской тюрьмы (до 16 декабря 1914 г., когда ее передали тюремной страже), несении караула у самарского продовольственного магазина и неприкосновенного запаса, осуществлении караульной службы в городе, конвоировании при сопровождении военнопленных. Также они несли наряды в ходе проведения торжеств, принимали участие в стрельбах, в работе комиссии по освидетельствованию мешков и кулей самарского продовольственного магазина (офицеры), работали в эвакуационных госпиталях и военно-санитарных поездах Самары (нижние чины старшего возраста). Военнослужащие тылового гарнизона принимали участие в работе временного военно-полевого суда при полку или батальоне, в работе комиссий по освидетельствованию годности получаемых при выходе в полевые лагеря палаток, в работе комиссии врачей по освидетельствованию нижних чинов (нижние чины), в инспектировании общественных и частных лечебных заведений (как правило, офицеры гарнизона) [23. Л. 3, 11, 41, 53, 114; 24. Л. 15 об., 32–33 об., 76, 83].

Данные виды службы отличает разнообразие сфер деятельности. Каждая из них была регламентирована. Однако, исходя из содержания приказа начальника Самарского гарнизона от 16 декабря 1914 г., можно заключить, что несение службы не всегда осуществлялось по строгому графику. Так, отмечались случаи, когда смена караула происходила несвоевременно, что продлевало службу в карауле «в большем, чем положено, времени» [23. Л. 3].

Отличалась от караула патрульная служба, при которой предписывалось круглосуточно «обходить чайные, трактиры и притоны, задерживать всех самовольно отлучившихся нижних чинов» [24. Л. 11 об.]. О несоблюдении дисциплины среди военнослужащих тылового гарнизона свидетельствуют приказы о назначении особых патрулей для проверки проезда нижних чинов в трамвае. Такие приказы появились осенью 1916 г. В одном из них, от 8 октября, указывалось, что патруль должен включать офицера и 2–3 нижних чина, между формированиями распределялись маршруты трамвая: 3-я запасная артиллерийская бригада и 4-й запасной саперный батальон должны были патрулировать 5-й маршрут, 143-й запасной пехотный полк – 2-й, 133-й запасной пехотный полк – 1-й, 102-й запасной пехотный полк – 4-й, 130-й запасной пехотный полк – 3-й маршрут [24. Л. 185].

В составе военно-полевого суда военнослужащие частей гарнизона принимали участие в разных ролях: как командир, для несения караула, в роли писарей, священника, посыльного [Там же. Л. 73 об.].

Обязанности по несению службы могли перераспределяться между разными структурами гарнизона. Так, с 27 марта 1915 г. 4-й саперный, 102-й и 143-й пешие запасные батальоны были освобождены от несения караульной службы, которая была возложена на 554-ю и 722-ю пешие самарские дружины. 690-я пешая самарская дружина была обязана помимо караульной службы также осуществлять конвоирование военнопленных [23. Л. 41]. После вывода из города 722-й пешей самарской дружины 24 апреля 1915 г. несение городского караула вместо нее было возложено также на 690-ю пешую самарскую дружину и указанные запасные батальоны. При этом внутри 690-й пешей самарской дружины осуществлялось перераспределение службы: 2-я рота несла караульную службу в городе, а другие роты охраняли Сергиевский завод взрывчатых веществ, находившийся далеко за пределами самарской городской черты [Там же. Л. 55]. В августе 1916 г. были перераспределены обязанности по выполнению караульной службы следующим образом: 4-й саперный запасной батальон освобожден от данных нарядов, все пехотные запасные полки и 3-я запасная артиллерийская бригада должны были нести городской караул, чередуясь через день, а 690-я пешая самарская дружина получала наряды по патрулированию и конвоированию [24. Л. 138]. Караул устанавливался сообразно обстоятельствам. На зимний период, после завершения навигации, отменялся караул на пристанях [Там же. Л. 211].

Участие в стрельбах осуществлялось по расписанию. Так, согласно приказу по самарскому гарнизону от 30 марта 1915 г. 102-й пехотный запасной батальон осуществлял стрельбы по понедельникам и вторникам, 143-й – по средам и четвергам, 4-й запасной саперный батальон – по пятницам и субботам [23. Л. 43]. По приказу от 22 сентября 1916 г. устанавливался порядок стрельб для пехотных запасных полков 102-го – по понедельникам и до 12 часов по вторникам, 130-го – по средам и после 12 часов по вторникам, 133-го – по четвергам и до 12 часов по пятницам, 143-го – по субботам и с 12 часов по пятницам, для 4-го саперного запасного полка – до 12 часов по воскресеньям, для 690-й пешей самарской дружины – после 12 часов по воскресеньям [24. Л. 174].

Несение наряда при проведении торжественных мероприятий осуществлялось по определенному распорядку, учитывая статус торжества. К числу таких событий относились церковные праздники и праздники, связанные с чествованием императорской семьи. Так, в приказе по Самарскому гарнизону от 3 января

1915 г. содержится порядок действий гарнизона при праздновании Богоявления Господня 6 января. В мероприятии должны были принять участие все формирования гарнизона в полном составе в парадной форме одежды, в шинелях. К 11 часам им следовало расположиться «шпалерами» от кафедрального собора до места условной Иордани на р. Волге вдоль Почтовой улицы и Театрального спуска. Командование парадом поручалось командиру 4-го запасного саперного батальона полковнику Зеленскому. При прохождении мимо собора военнослужащим следовало держать «на караул». Предполагался салют из 101 выстрела во время погружения в воду «Святого Креста», который должна была осуществлять 3-я запасная артиллерийская батарея, размещавшаяся в районе Струковского сада. Разойтись военнослужащие должны были только после завершения Крестного хода [23. Л. 11].

Торжественно отмечаемым, но менее значимым праздником были дни именин и рождения членов императорской семьи [24. Л. 95]. Например, чествование императрицы Александры Федоровны проходило при церковном параде и литургии. На параде должны были присутствовать уже не все формирования гарнизона, а только их часть. Так, приказом по Самарскому гарнизону от 20 апреля 1915 г. в параде 23 апреля в честь императрицы обязывались принять участие по две роты от запасных батальонов 102-го и 143-го пехотных и от 4-го саперного, одна рота 690-й пешей самарской дружины, две батареи от 3-й запасной артиллерийской бригады и 2-я Оренбургская казачья отдельная сотня в парадной походной форме одежды. На богослужении в соборе предписывалось быть только всем свободным от службы офицерам и чиновникам (но не солдатам) [23. Л. 53].

По роду службы военнослужащие гарнизона также привлекались на торжественные встречи различных делегаций. В начале сентября 1916 г. на набережной у Яхт-клуба состоялась встреча выставки боевых трофеев при обязательном участии, согласно приказу по Самарскому гарнизону от 4 сентября, всех начальников отдельных частей, а также офицеров и нижних чинов гарнизона – георгиевских кавалеров при орденах в парадной походной форме. Организация встречи была возложена на помощника начальника 31-й пехотной запасной бригады генерал-майора Гембицкого [24. Л. 154].

9 сентября через станцию Самара с остановкой на 10 минут проезжал поезд, пассажиром которого являлся японский принц Кан-Ин. Для его чествования на вокзал должны были явиться начальники отдельных частей и почетный караул из учебной команды [Там же. Л. 157].

Революция внесла коррективы в службу гарнизонных формирований, дополнив их деятельность. Приказом по Самарскому гарнизону от 12 апреля 1917 г. командиры 102-го, 130-го и 143-го пехотных запасных полков должны были назначать по 84 рядовых, в том числе по 8 человек – «хорошо грамотных», «развитых», из солдат 40-летнего возраста для несения службы по охране города в статусе милиционеров [25. Л. 120]. Также у солдат появилась возможность образовательной практики – обучения на газовых и телефонных курсах Самарского комитета военно-технической помощи. После окончания таких курсов их можно было зачислить в маршевые роты для отправки на фронт [Там же. Л. 124]. Во время выборов гласных Самарской городской думы военнослужащие гарнизона привлекались в караулы для охраны неприкосновенности урн и порядка на избирательных участках в составе одного офицера и 18 солдат на каждое помещение, в котором проходило голосование [Там же. Л. 120].

После перехода всей власти в Самаре в руки Совета рабочих и солдатских депутатов командующий Самарским гарнизоном в приказе от 27 октября 1917 г. объявил, что с этого периода все распоряжения и приказы начальника Самарского гарнизона следует считать действительными только при скреплении комиссаром при начальнике гарнизона от Революционного комитета (прапорщик С. Мельников и солдат В. Блюхер) [Там же. Л. 284].

Распорядок и содержание службы для тыловых частей отличались в летний и зимний сезоны. На летний сезон части выходили в лагеря. Так, приказом по Самарскому гарнизону от 24 апреля 1915 г. определялся вывод с 1 мая в лагеря двух батарей 3-й запасной артиллерийской бригады с расположением севернее Барбошиной поляны, 4-го саперного запасного батальона в район старого лагеря и 143-го пехотного запасного батальона в район пересечения Самаро-Златоустовской железной дороги и дороги на село Черновку [23. Л. 55, 74]. Приказами от 10, 14 и 18 сентября 1916 г. на зимние квартиры в Самару переводились 102-й, 130-й и 143-й запасные пехотные полки из лагеря при разъезде Безымянка, 133-й запасной пехотный полк из лагеря при уездном городе Бузулук, 3-я запасная артиллерийская бригада из лагеря при Барбошиной поляне [24. Л. 160, 168, 171].

Приказы начальника Самарского гарнизона являются информативным ресурсом, позволяющим выявить особенности размещения и бытовой обстановки военнослужащих. Они свидетельствуют о том, что значительная часть военнослужащих тылового гарнизона в зимний период была расселена в помещениях различных общественных заведений казарменным порядком и в бараках (с устройством нар), часть размещалась в гостиницах и доходных домах, располагавшихся на городской территории. Отметим, что формирования могли перемещать из одного места «проживания» в другое. Так, на основании приказа начальника Самарского гарнизона от 28 января 1915 г. 143-й пехотный запасной батальон перевели из бараков № 1–4, находившихся в Молоканских садах, в помещения Столыпинской школы и городской школы, а в данных бараках разместили городскую команду выздоравливающих. Одновременно 1-я команда выздоравливающих, располагавшаяся в бараке № 16 в Молоканских садах, была переведена в барак № 15, а барак № 16 был передан местному лазарету [23. Л. 21]. В сентябре 1915 г. 96-й сводный эвакуационный госпиталь был переведен из казарм 24-го саперного батальона в помещение 2-й женской гимназии [Там же. Л. 145]. В феврале 1916 г. в связи с формированием при 3-й за-

пасной артиллерийской бригаде новых частей для них было освобождено помещение Учительской семинарии, занимаемое ранее двумя ротами 130-го пехотного запасного батальона. Данные роты переселили в комнаты среднего этажа гостиницы Ушакова и в доходный дом Решетникова [24. Л. 27 об.]. Для водопоя лошадей при каждой части сооружались поилки, чтобы избежать водопоя лошадей из общих городских колодцев [Там же. Л. 31].

В летний период, во время пребывания в лагерях, военнослужащие проживали в специальных палатках. Их осмотр и приемка осуществлялись перед выходом в лагеря.

После возвращения частей гарнизона на городские квартиры специальный санитарный комитет должен был два раза в месяц проверять помещения, в которых размещались войсковые части, на предмет простора, освещения, чистоты, наличия постельных принадлежностей, белья, умывальников, питьевой воды, содержания дворов, отхожих мест, мусорных ям, качества и количества пищи, веса мясных порций [Там же. Л. 173]. В приказах начальника Самарского гарнизона не представлены итоги таких проверок. Только в приказе от 19 февраля 1917 г. содержатся сведения о ходатайстве Канализационного отдела в Самарскую городскую управу с указанием засора канализации в местах размещения частей гарнизона из-за небрежного отношения (выброса пищи, тряпок, соломы, и иного мусора) [25. Л. 38 об.]. Сведения о размещении военнослужащих гарнизона частично позволяют воссоздать отчеты комиссий городской управы, демонстрирующие порчу городского, общественного и частного имущества, засорение отхожих мест, поломку оконных рам и дверей в доходных домах, перекопку городской территории [26. Л. 5–5 об.; 27].

«Жилищные» условия рядовых военнослужащих тыла не являлись комфортными, были приспособлены к групповому проживанию, обеспечены минимальным набором необходимых в быту элементов. Отметим, что они не были однотипными, поскольку помещения доходных домов, гостиниц и даже учебных заведений отличало наличие комнат, окон, в ряде случаев более современной, чем переносная печка, системы отопления, чего не было в бараках.

Пополнение тыловой территории больными и ранеными военнослужащими также затрагивало вопросы размещения. В составе гарнизона значились Самарский местный лазарет и эвакуационные госпитали. При их переполнении военнослужащих размещали в помещениях лазаретов общественных организаций и частных лиц, состоящих под инспектированием офицеров гарнизона [24. Л. 31]. Число таких заведений менялось, на 18 февраля 1916 г. в Самаре было 73 общественных и частных лазарета и госпиталя. Они размещались в помещениях Костела, Казанского собора, Казанского винного склада, Плешановской больницы, в артиллерийских казармах 3-й запасной артиллерийской бригады, в частных доходных домах, в частных домах [Там же. Л. 32–33 об., 54–54 об]. Несмотря на стремление и деятельность многочисленных лиц и структур по оказанию помощи больным и раненым военнослужащим, отмечались случаи пребывания военнослужащих в лазарете в условиях, которые не соответствовали комфорту и возможности быстрого выздоровления. Так, в приказе начальника Самарского гарнизона от 11 января 1915 г. указывалось, что в самарском местном лазарете, где он побывал накануне, в том помещении, где находились арестованные, «воздух спертый и сильный запах от отхожих мест», входные лестницы скользкие и не посыпаны песком [23. Л. 15].

Также уже в конце 1914 г. в Самаре в местах размещения формирований происходило переполнение «собственных околотков» больными воинами и наблюдались случаи отправки слабых людей в канцелярию эвакуационного пункта [Там же. Л. 11].

По приказам начальника Самарского гарнизона выявлено, что в гарнизоне сложилась практика, когда по утрам военнослужащих с «маловажными» болезнями – венерическими, чесоткой, глазными – направляли в самарский местный лазарет, что лишало их возможности получить в этот день довольствие как в части, так и в лазарете [Там же. Л. 7].

Рассматриваемый источник содержит отдельные, малочисленные сведения о питании военнослужащих тыловых частей, свидетельствующие об ухудшении снабжения тыла: в феврале 1916 г. командирам предлагалось самим установить порядок говения в своих частях; в мае нижним чинам полагалось по 0,5 фунта мяса, военнопленным – по 0,25 фунта; от командующих частями поступали доклады об увеличении приварочного оклада в связи с дороговизной [24. Л. 40, 89, 116].

Внешний облик составлял часть повседневного образа жизни военнослужащих гарнизона. С наступлением теплой погоды, в апреле, осуществлялся переход на летнюю форму одежды, солдатам разрешалось выходить в город без шинелей. С наступлением холодной погоды, в начале октября, следовало перейти на зимнюю форму одежды – шинель с рукавами. Нижним чинам запрещалось носить шинель «в распашку», а башлыки разрешалось носить только при морозе ниже –10° [23. Л. 51; 24. Л. 160, 184, 272; 25. Л. 108]. При выписке из лечебных заведений нижние чины иногда сталкивались с выдачей не того обмундирования, в котором они поступили. Например, артиллеристы вместо черных шаровар получали шаровары защитного цвета, а вместо походных рубах – гимнастические [24. Л. 143 об.]. Нередкими были примеры пользования поношенной и потрепанной одеждой. Так, в приказе начальника Самарского гарнизона от 22 апреля 1916 г. отмечалось, что он встретил у здания Костела группу нижних чинов – артиллеристов в грязных, оборванных шинелях и мундирах с нечищеными пуговицами [Там же. Л. 65].

Исследуемые документы позволяют воссоздать возможности досуга военнослужащих тылового гарнизона. Можно отметить ряд мероприятий, которые носили организованный характер. В частности, 1916 г. в период 6–8 сентября нижние чины запасных полков в сопровождении офицеров и раненые могли посетить плавучую выставку боевых трофеев, прибывшую

в Самару, 24 ноября – спектакль «Измаил» в Городском театре [24. Л. 151, 236 об.].

В свободное время до определенного периода военнослужащие имели возможность гулять по городу. С разрешения заведующего лечебным заведением прогулки могли совершать и офицеры, находившиеся на лечении [23. Л. 109]. При этом существовал запрет на посещение военнослужащими ряда развлекательных мест. Отметим, что практика посещения военнослужащими общественных мест в ряде случаев приводила к нарушению дисциплины. В частности, были отмечены частые нарушения Устава внутренней службы при проезде военными на трамвае и конке. Военные систематически не уступали места гражданским лицам, отказывались оплачивать проезд, курили внутри вагона, ездили на ступеньках трамвая, ходили по рельсам. Нередко встречались случаи, когда в городе нижние чины не отдавали чести офицерам, гуляли по городу в галошах, а не в сапогах, в одежде без поясных ремней [Там же. Л. 39, 43, 60]. Вопиющие случаи использования свободного времени не по назначению, а также самовольной отлучки из части для развлечения встречаются в разные периоды военной поры. Приведем некоторые из них. Так, в декабре 1914 г. в ряде приказов начальник Самарского гарнизона указывал на обнаружение нижних чинов в городе без увольнительных записок и в пьяном виде, в том числе в ночное время [Там же. Л. 1 об., 2]. В январе 1916 г. младший унтер-офицер Д.К. Богомазов, прикомандированный к 102-му пехотному запасному батальону, трое суток находился в городе в самовольной отлучке, успел за это время в нетрезвом виде «буйствовать» в домах обывателей [24. Л. 15]. В начале января 1917 г. у Молоканских казарм начальником гарнизона была встречена группа нижних чинов 133-го пехотного запасного полка, которые шли в часы службы продавать собственные вещи [25. Л. 8 об.]. Эти обстоятельства вынудили начальника Самарского гарнизона издать серию приказов, ограничивающих возможности досуга подчиненных: приказом № 59 за 1915 г. нижним чинам гарнизона с открытием навигации и летних садов запрещалось посещать пристани, вокзал, Струковский и Соборный сады, Алексеевскую площадь и Дворянскую улицу; приказом № 183 офицерам запрещалось посещать рестораны и подобные места; приказом № 12 за 1916 г. воспрещался отпуск всех нижних чинов в город; приказом № 124 за 1917 г. запрещалось отпускать нижних чинов на станцию Самара, ставшую к апрелю 1917 г. «местом прогулок для воинских чинов» [23. Л. 51, 120; 23. Л. 194, 196; 24. Л. 127]. Также появилась серия приказов о необходимости проверки нижних чинов, находившихся в городе, и патрулировании улиц и маршрутов трамвая, для чего было создано 18 постов [24. Л. 185, 253].

Приказы констатируют достаточно свободное перемещение военнослужащих гарнизона по территории Самары. Так, в декабре 1914 г. было обнаружено посещение ранеными нижними чинами синематографа «Художественный». Несмотря на запрет, офицеры посещали ресторан «Бар» и участвовали в карточных играх в помещении Общественного собрания, задерживаясь там позже 24 часов [23. Л. 120; 24. Л. 194, 196].

Смена власти в стране сопровождалась изменением правовых норм, что отразилось и на законодательстве, регламентирующем положение военных. В приказе начальника Самарского гарнизона от 3 марта 1917 г. отмечалось, что командующий войсками разрешил увольнение нижних чинов в город в свободное от занятий время для свидания с приезжающими к ним родственниками. Увольнение должно было осуществляться в индивидуальном порядке, сопровождалось запретом на распитие спиртного. Передавая в приказе от 1 апреля содержание приказа по военному ведомству от 5 марта 1917 г. о том, что всем воинским чинам предоставлялось право свободно посещать все общественные места – театры, собрания, концерты, кинематограф и пр., – начальник Самарского гарнизона одновременно констатировал содержание приказа Самарского временного совета военных депутатов № 8, содержавшего запрет на самовольные отлучки воинских чинов [25. Л. 61, 107 об.].

Приказы начальника Самарского гарнизона свидетельствуют о возможности не только для православных военнослужащих, но и для представителей неправославной веры участвовать в праздничных мероприятиях и службах по случаю конфессионального торжества. Так, в связи с праздниками Песах (Пасха), Шавоут (пятидесятница), Рош ха-Шана (Новый год), праздник Кущей (Суккот) у иудеев нижние чины, исповедовавшие иудаизм, отпускались на богослужение. Например, в 1916 г. такие «выходные» приходились на период с 18 часов вечера 4 апреля до 12 апреля, с 20 часов вечера 24 мая до 26 мая, с 17 часов вечера 14 сентября до 16 сентября и 30 сентября – 6 октября соответственно [24. Л. 57, 94, 157, 176]. Нижних чинов-мусульман отпускали для молитвы в мечети на праздники Гайд-уль-Фитр (Ураза Байрам), Айд-Курбан (Курбан-байрам). В 1916 г. для этого военнослужащим предоставлялось свободное время с 5 часов утра 18 июля до 20 июля и 24 сентября соответственно [Там же. Л. 125, 172]. В рапортах отмечается, что нижние чины – мусульмане должны были отправляться на богослужение командами в сопровождении офицеров в случае отсутствия нарядов. По поводу иудеев, которых соотносили с представителями еврейского народа, приказы обязывали отпускать нижних чинов в увольнение для участия в богослужениях, а во время Пасхи – на длительный период. Отдельные параграфы об увольнениях в приказах были посвящены военнослужащим-лютеранам. В Великую пятницу им предоставлялось увольнение для посещения исповеди и причастия, в воскресные дни и по случаю редких приездов лютеранских пасторов – возможность командным порядком посетить богослужение в лютеранской кирхе [Там же. Л. 60, 64, 153].

Приказы начальника Самарского гарнизона отражают регламентированную и нерегламентированную практику досуга военнослужащих тылового гарнизона, возможность осуществления религиозных традиций и светского отдыха, осуществление прогулок и посещение развлекательных программ.

Список источников

1. Сухова О.А. История повседневности эпохи Первой мировой войны: методология и источники // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 35–51.
2. Бородкин Л.И. *Реальная* зарплата и снабжение населения городов России в годы Первой мировой войны: когда начался обвал? // Города империи в годы Великой войны и революции. СПб. : Нестор-История, 2017. С. 491–508.
3. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М. : АИРО-XXI, 2011. 288 с.
4. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М. : АИРО-XXI, 2014. 431 с.
5. Газиева А.А., Гарунова Н.Н. К вопросу о моде и повседневности в России в 1914–1918 гг. // Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность / отв. ред. Б.В. Туаева, Э.В. Хубулова. Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 277–280.
6. Семенова Е.Ю. Виды и формы досуга горожан Поволжья в годы Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, №1. С. 60–67.
7. Шувалова Ю.Б. Досуговое чтение в годы Первой мировой войны: специфика и содержание (по материалам Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. 2017. Вып. 4 (39). С. 24–34.
8. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М. : РОССПЭН, 2014. 328 с.
9. Поршнева О.С. «Вторая Отечественная»: общественные настроения в уральских губерниях в начальный период Первой мировой войны // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 10–21.
10. Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2012. 888 с.
11. Асташов А.Б. Русская армия и население в Первой мировой войне: фронтовая повседневность и событийность // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6 (39). С. 84–105.
12. Асташов А.Б. Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914 – февраль 1917 г. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. 44 с. URL: http://www2.rsuh.ru/binary/2638659_20.1545397574.50756.pdf (дата обращения: 20.01.2019).
13. Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М. : ИРИ РАН, 2017. 421 с.
14. Анисков А.С. Калужский гарнизон в 1914–1917 гг. : дис. ... канд ист. наук. Брянск, 2016. 248 с.
15. Шиловский М.В. Подготовка пополнения для действующей армии в запасных частях Омского военного округа в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2017. № 7. С. 53–57. URL: http://history.milportal.ru/2017/07/podgotovka-popolneniya-dlya-dejstvuyushhej-armii-v-zapasnyx-chastyax-omskogo-voennogo-okruga-v-1914-1917-gg/?print=pdf (дата обращения: 10.01.2019).
16. Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны : учеб. пособие к курсу «История Саратовского Поволжья». Саратов : Научная книга, 2007. 124 с.
17. Плешаков Н.И. Тыловые гарнизоны Первой мировой войны (на примере Саратовской губернии) // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2006. № 5 (23). С. 90–101.
18. Шайпак Л.А. Печатная пропаганда и агитация кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков в армейских структурах в годы Первой мировой войны (на материалах Среднего Поволжья) // Поволжский педагогический поиск. 2012. № 2 (2). С. 64–72.
19. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1917 год. Распад. М. : Кучково поле, Военная Книга, 2015. 416 с. URL: http://iknigi.net/avtor-oleg-ayrapetov/106076-uchastie-rossiyskoy-imperii-v-pervoy-mirovoy-voyne-19141917-1917-god-raspad-oleg-ayrapetov.html (дата обращения: 03.01.2019).
20. Асташов А.Б. Петроградский гарнизон накануне 1917 года: от повседневности прифронтового города к революции // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2017. № 1. С. 17–38.
21. Диунов М.Ю. Тыловые гарнизоны русской армии в 1917 году: По материалам губерний Верхнего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999. 211 с.
22. Лапшин Ф.А. Армия и революционный процесс в провинции в 1917 – начале 1918 гг.: на материалах Верхнего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2001. 267 с.
23. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 9. Д. 881.
24. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 899.
25. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 105.
26. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 894.
27. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 37. Д. 279.

References

1. Sukhova, O.A. (2014) Istoriya povsednevnosti epokhi Pervoy mirovoy voyny: metodologiya i istochniki [The history of everyday life during the First World War: Methodology and source]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 35–51.
2. Borodkin, L.I. (2017) Real'naya zarplata i snabzhenie naseleniya gorodov Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny: kogda nachalsya obval? [The real salary and supply of the population of Russian cities during WWI: When did the collapse begin?]. In: Miller, A. & Cherny, D. (eds) *Goroda imperii v gody Velikoy voyny i revolyutsii* [Cities of the Empire during the Great War and Revolution]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 491–508.
3. Belova, I.B. (2014) *Pervaya mirovaya voyna i rossiyskaya provintsiya. 1914 – fevral' 1917 g.* [World War I and the Russian province. 1914 – February 1917]. Moscow: AIRO-XXI.
4. Belova, I.B. (2014) *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennye Pervoy mirovoy voyny v Rossii. 1914–1925 gg.* [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914–1925]. Moscow: AIRO-XXI.
5. Gazieva, A.A. & Garunova, N.N. (2014) K voprosu o mode i povsednevnosti v Rossii v 1914–1918 gg. [On the fashion and everyday life in Russia in 1914–1918]. In: Tuaeva, B.V. & Khubulova, E.V. (eds) *Kavkaz v gody Pervoy mirovoy voyny: geroika i povsednevnost'* [The Caucasus during the First World War: Heroic and everyday life]. Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAN i RSO-A. pp. 277–280.
6. Semenova, E.Yu. (2013) Vidy i formy dosuga gorozhan Povolzh'ya v gody Pervoy mirovoy voyny [Types and forms of leisure of residents of the Volga region during the First World War]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 15(1). pp. 60–67.
7. Shuvalov, Yu.B. (2017) Dosugovoe chtenie v gody Pervoy mirovoy voyny: spetsifika i soderzhanie (po materialam Permskoy gubernii) [Leisure reading during the First World War: Specificity and content (based on materials of the Perm province)]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 4(39). pp. 24–34.
8. Tumanova, A.S. (2014) *Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917 g.)* [Public organizations of Russia during the First World War (1914 – February 1917)]. Moscow: ROSSPEN.
9. Porshneva, O.S. (2014) "Vtoraya Otechestvennaya": obshchestvennye nastroeniya v ural'skikh guberniyakh v nachal'nyy period Pervoy mirovoy voyny ["Vtoraya Otechestvennaya": public sentiment in the Ural provinces in the initial period of the First World War]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*. 3(130). pp. 10–21.
10. Semenova, E.Yu. (2012) *Mirovozzrenie gorodskogo naseleniya Povolzh'ya v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – nachalo 1918 gg.): sotsial'nyy, ekonomicheskiy, politicheskiy aspekty* [The worldview of the urban population of the Volga region during the First World War (1914 – early 1918): Social, economic, political aspects]. Samara: Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

11. Astashov, A.B. (2018) Russkaya armiya i naselenie v Pervoy mirovoy voyne: frontovaya povsednevnost' i sobytiynost' [Russian army and population in the First World War: Frontline daily routine and eventfulness]. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 6(39). pp. 84–105.
12. Astashov, A.B. (2018) *Frontovaya povsednevnost' rossiyskikh soldat, avgust 1914 – fevral' 1917 g.* [Frontline daily life of Russian soldiers, August 1914 – February 1917]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow. [Online] Available from: http://www2.rsuh.ru/binary/2638659_20.1545397574.50756.pdf (Accessed: 20th January 2019).
13. Senyavskaya, E.S., Senyavsky A.S. & Zhukova, L.V. (2017) *Chelovek i frontovaya povsednevnost' v voynakh Rossii XX veka: ocherki po voennoy antropologii* [Man and frontline everyday life in the wars of Russia of the 20th century: Essays on military anthropology]. Moscow: RAS.
14. Aniskov, A.S. (2016) *Kaluzhskiy garnizon v 1914–1917 gg.* [The Kaluga garrison in 1914–1917]. History Cand. Diss. Bryansk.
15. Shilovsky, M.V. (2017) Podgotovka popolneniya dlya deystvuyushchey armii v zapasnykh chastyakh Omskogo voennogo okruga v 1914–1917 gg. [Preparing replenishment for the army in the spare parts of the Omsk military district in 1914–1917]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 7. pp. 53–57. [Online] Available from: http://history.milportal.ru/2017/07/podgotovka-popolneniya-dlya-dejstvuyushhej-armii-v-zapasnyx-chastyax-omskogo-voennogo-okruga-v-1914-1917-gg/?print=pdf (Accessed: 10th January 2019).
16. Maksimov, E.K. & Totfalushin, V.P. (2007) *Saratovskoe Povolzh'e v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Saratov Volga Region during the First World War]. Saratov: Nauchnaya kniga.
17. Pleshakov, N.I. (2006*)* Tylovye garnizony Pervoy mirovoy voyny (na primere Saratovskoy gubernii) [Rear garrisons of the First World War (a case study of the Saratov Province)]. *Doklady Akademii voennykh nauk. Voennaya istoriya.* 5(23). pp. 90–101.
18. Shaypak, L.A. (2012) Pechatnaya propaganda i agitatsiya kadetov, eserov, men'shevikov i bol'shevikov v armeyskikh strukturakh v gody Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Srednego Povolzh'ya) [Printed propaganda and agitation of the Cadets, Socialist-Revolutionaries, Mensheviks and Bolsheviks in the army structures during the First World War (on the materials of the Middle Volga region)]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk.* 2(2). pp. 64–72.
19. Ayrapetov, O.R. (2015) *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917). 1917 god. Raspad* [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1917. Decay]. Moscow: Kuchkovo pole, Voennaya Kniga. [Online] Available from: http://iknigi.net/avtor-oleg-ayrapetov/106076-uchastie-rossiyskoy-imperii-v-pervoy-mirovoy-voyne-19141917-1917-god-raspad-oleg-ayrapetov.html (Accessed: 3rd January 2019).
20. Astashov, A.B. (2017) Petrogradskiy garnizon nakanune 1917 goda: ot povsednevnosti prifrontovogo goroda k revolyutsii [The Petrograd garrison on the eve of 1917: From the everyday life of the front-line city to the revolution]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 1. pp. 17–38.
21. Diunov, M.Yu. (1999) *Tylovye garnizony russkoy armii v 1917 godu: Po materialam guberniy Verkhnego Povolzh'ya* [Rear garrisons of the Russian army in 1917: According to the materials of the Upper Volga region]. History Cand. Diss. Yaroslavl.
22. Lapshin, F.A. (2001) *Armiya i revolyutsionnyy protsess v provintsii v 1917 – nachale 1918 gg.: na materialakh Verkhnego Povolzh'ya* [The army and the revolutionary process in the province in 1917 – early 1918: On the materials of the Upper Volga region]. History Cand. Diss. Kostroma.
23. The Central State Archive of Samara Region (CSASR). Fund 153. List 9. File 881.
24. The Central State Archive of Samara Region (CSASR). Fund 153. List 9. File 899.
25. The Central State Archive of Samara Region (CSASR). Fund 153. List 41. File 105.
26. The Central State Archive of Samara Region (CSASR). Fund 153. List 9. File 894.
27. The Central State Archive of Samara Region (CSASR). Fund 153. List 37. File 279.

***Сведения об авторе*:**
Семенова Екатерина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета (Самара, Россия). E-mail: dashka129k@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Semenova Ekaterina Yu. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and History of Samara State Technical University (Samara, Russian Federation). E-mail: dashka129k@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2019; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 26.04.2019; accepted for publication 09.01.2023

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 94(479):314.745.4
doi: 10.17223/19988613/81/18

Репатриация адыгов и черкесов в регионы Западного и Северного Кавказа (1990–2010-е гг.)

Марина Витальевна Белозёрова

Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр РАН», Сочи, Россия, mbelozerowa@mail.ru

Аннотация. Рассматривается опыт репатриации зарубежной адыгской и черкесской диаспоры в регионы Кавказа. Главное внимание уделено формированию идеи возвращения, причинам репатриации, взаимодействию между репатриантами и органами власти и национальными элитами, корректировке региональной нормативной базы. Проанализирован опыт региональных органов управления в решении задач по адаптации репатриантов на примере двух регионов – Республики Адыгея и Кабардино-Балкарской республики, выявлена его региональная специфика.
Ключевые слова: репатриация, Кавказ, адыги, черкесы

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания ФИЦ СНЦ РАН № FGRW-2021-0014.

Для цитирования: Белозёрова М.В. Репатриация адыгов и черкесов в регионы Западного и Северного Кавказа (1990–2010-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 152–162. doi: 10.17223/19988613/81/18

Original article

Repatriation of the Adygs and Circassians to the regions of the Western and Northern Caucasus (1990–2010s)

Marina V. Belozerova

Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Sochi, Russian Federation, mbelozerowa@mail.ru

Abstract. The paper reveals foreign Adyg and Circassian community repatriation and adaptation experience in Caucasus regions in 1990-2010s. The relevance of the research is determined by the need to study the processes of adaptation to the Russian reality, social and economic integration, the incorporation of returnees into the Russian territory, the formation of the Russian identity.

The author used federal and regional law, archive materials, internet publication as the sources of scientific information and systematic and process approach as a research methodological base. Selective approach allowed to explore in chronological (1990s) and territorial (West and North Caucasus regions) cross-sections.

Much attention is given to creation of Muhajirs descendants return to historical native land ideas, regional legal framework adjustment, interaction between governing institutions, national elites with Kosovo Adygs and Circassian community in Syria, and reasons for their repatriation in Russia. The current situation in Kosovo and Syria has been identified. These issues have not been previously analyzed. The obtained results allowed to create axiological model of Kosovo Adygs, to identify the experience of regional authorities in dealing with related problems for returnees and the local population. Adygs and Circassian repatriation in West and North Caucasus regions in 1990-2010ies was based on regional legal framework. The analysis of new archive materials shows that the regional legal framework was changed according to the federal law. The concept of the voluntary return of Kosovo Adygs and Syrian Circassians brought together representatives of all social strata of Adyg-Circassian society. Its main idea is that Adygs and Circassians are common ethnos, which are divided yet. In 1997 the return and adaptation of Kosovo Adygs experience was unique. It is

© М.В. Белозёрова, 2023

assessed as positive. This experience influenced on Syrian Circassian mass return attempts. Repatriation of some Circassian community representatives in the North Caucasus haven't been mass. The reasons for this were the historical and cultural differences of the Adygs and Circassians in the Russian Federation and their diaspora in the Middle East, the lack of republican programs to assist voluntary resettlement in Russia, the subsidized nature of the regions of the Caucasus, etc.
Keywords: repatriation, Caucasus, Adyghes, Circassians

Acknowledgements: The article was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the FRC SSC RAS No. FGRW-2021-0014.

For citation: Belozerova, M.V. (2023) Repatriation of the Adygs and Circassians to the regions of the Western and Northern Caucasus (1990–2010s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 152–162. doi: 10.17223/19988613/81/18

Исследование вопросов репатриации, или добровольного возвращения населения, является значимым в контексте исторических, социально-экономических, этнокультурных, политических, духовно-нравственных, гуманитарных проблем. К наиболее важным относятся процессы адаптации к условиям российской действительности, социальной и экономической интеграции, инкорпорации репатриантов в российское пространство, формирования российской идентичности. То есть проблемы миграции, репатриации, национальной и этнокультурной безопасности не утрачивают своей практической и теоретической значимости в общественно-политическом дискурсе как на федеральном, так и на региональном уровне.

Актуальность и новизна обозначенной проблематики определяются также недостаточным вниманием к данным вопросам в исторической литературе. Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что проблемы миграции населения в целом и репатриации в частности являются предметом изучения политологии и социологии. Так, в политологии внимание акцентируется на обобщении каких-либо аспектов данной проблемы. В социологии, как правило, отражается современная ситуация. Однако в исторических исследованиях цели, задачи и методологические подходы в значительной мере отличаются характерных политологии и социологии. Исторические исследования направлены на выявление и рассмотрение динамики процессов, их последствий, причинно-следственных связей. Актуальность поднимаемой проблематики определяется также тем, что со второй половины 1990-х гг. шел процесс добровольного возвращения населения в отдельные регионы России, в частности трансграничную зону юга страны.

В отечественной историографии работы по данной тематике, как правило, имеют междисциплинарный характер. Вопросы репатриации, или добровольного возвращения, стали предметом исследований в основном в 2000-е гг. Репатриация рассматривается, например, как вариант международной или межгосударственной миграции [1. С. 28], как социальный феномен, сконструированный «…государственной политикой, которая основана на идеях о происхождении репатриантов…» [2. С. 4]. Уделяется внимание таким аспектам, как возвращение «не граждан» в страну, в которой проживали их предки, получение ими социальных пособий и гражданства в соответствии с миграционным законодательством государства [3]. Изучаются определенные подходы, характеризующие репатриацию как «транснациональное явление» [4. С. 262].

Одной из первых работ стала монография В.А. Ионцева, Н.М. Лебедевой, М.В. Назарова, А.В. Окоркова «Эмиграция и репатриация в России», в которой авторы попытались обобщить философские, социальные, экономические и демографические аспекты репатриации в России [5]. М.П. Ковалев, также изучая теоретические основы репатриации, отмечал социологический и экономический подходы в ее изучении. Так, социологический подход, по его мнению, направлен на исследование причин миграции и адаптации мигрантов к новому социуму. Экономический подход сосредоточивает внимание исследователя на причинах миграции, при этом выделяются микро- и макроуровни. Макроуровни используют при анализе ситуаций, относящихся к мировой системе, изучаются структурные детерминанты миграции населения, к примеру экономические и географические отличия между регионами, различный спрос на рабочую силу, оплата труда в разных странах. Микроподход изучает причины принятия решения о миграции человеком, семьей [6. С. 43]. В историографии уделяется внимание проблеме возвращения соотечественников, эволюции концептуальных основ политики по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом [7, 8].

Цель данной статьи – отражение процессов репатриации косовских адыгов и части сирийской черкесской диаспоры, формирования концепта по возвращению потомков мухаджиров на их «историческую родину», его влияния на общественное сознание адыгов и черкесов, выявление опыта региональных органов власти в решении вопросов их адаптации, определение аксиологической (ценностной; от греч. axia – ценность и logos – слово, понятие, учение) оценки репатриации косовских адыгов и сирийских черкесов.

Территориальные рамки охватывают Республику Адыгея (Западный Кавказ), для компаративного анализа привлечены материалы по Кабардино-Балкарской республике (Северный Кавказ).

Источниками исследования послужили архивные документы, отложившиеся фондах ГКУ Республики Адыгея «Национальный архив Республики Адыгея» (ГКУ РА «Нацархив»). Проведен анализ протоколов заседаний Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея по вопросам репатриации и гражданства, решений Президиума Краснодарского краевого совета народных депутатов по регуляции стихийной мигра-

ции в регионе. Проанализированы федеральные и региональные нормативно-правовые акты по проблематике, материалы публицистики, публикации в СМИ и Интернете. Возвращение косовских адыгов в Республику Адыгея и сирийских черкесов в Кабардино-Балкарию получило освещение в публицистических статьях, в которых события излагались как участниками событий, так и журналистами. При этом их интерпретация и оценки были различны: от полного одобрения, обращений к необходимости репатриации всех желающих адыгов и черкесов, проживающих за рубежом, до попыток обозначить проблемы, которые могли бы возникнуть в связи с их возвращением.

Принципы системного и процессного подходов в качестве методологической основы позволили в ходе исследования сосредоточить внимание на участниках процесса (акторах) – социальных институтах, региональных и муниципальных органах власти, физических лицах, на коммуникационных связях. Выборочный метод позволил провести исследование по хронологическому (1990-е гг.) и территориальному (регионы Западного и Северного Кавказа) срезам.

Наиболее общее понятие термина «репатриация» (от лат. repatriatio – возвращение на родину; англ. – repatriation; нем. – Repatriierung) отражено в энциклопедических словарях и трактуется в двух значениях: возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся в результате войны за пределами своей страны; возвращение эмигрантов в страну их происхождения с восстановлением в правах гражданства. Базой для формулирования понятия «репатриация» стали положения Женевской конвенции 1949 г., касающиеся обращения с военнопленными. Таким образом, в данном контексте репатриация понимается как «возвратная миграция», т.е. возвращение на родину мигрантов или их потомков на добровольной основе.

В России принят и действует ряд нормативно-правовых документов, определяющих статус репатрианта и регулирующих репатриацию, – Постановления Правительства РФ «О республиканской долговременной программе “Миграция”» (1992) «О беженцах» (1993), «О вынужденных переселенцах». На их основе к мигрантам осуществляется подход как к «вынужденным переселенцам». Согласно документам репатрианты рассматриваются как «соотечественники за рубежом», имеющие право на добровольное возвращение на Родину. Российские нормативно-правовые акты базируются на общепризнанных принципах и нормах международного права, разработаны в соответствии с международными договорами РФ и законодательством РФ. К таким документам относятся федеральные законы «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (1999), «О гражданстве РФ» (2002; в ред. 2020 г.).

В российском законодательстве сформулировано понятие «соотечественники за рубежом» [9. Ст. 1]. Выделены следующие категории граждан:

– «…граждане РФ, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации…»;

– потомки, «…проживающие за пределами территории РФ», относящиеся к народам, «…исторически проживающим на территории страны…» и сделавшие «…выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с РФ…»;

– лица, чьи родственники «…по прямой восходящей линии…» ранее проживали на территории страны (состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, ранее состоявших в СССР, выходцы или эмигранты из Российского государства, РСФСР, которые имели ранее соответствующую гражданскую принадлежность и стали гражданами иностранного государства или лицами без гражданства).

Указ Президента РФ «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (2006) [10] стал первым документом, в котором предусматривались механизмы реализации права возвращения граждан на Родину. С этой целью указом Президента была утверждена «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» с четко определенными задачами и создана Межведомственная комиссия по ее реализации. В Программе сформулированы задачи, из которых наиболее значимы: объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с учетом потребностей развития российских регионов; содействие социально-экономическому развитию российских регионов; стабилизация численности населения Российской Федерации, решение демографической проблемы. Предусматривалось нормативно-правовое регулирование процесса добровольного переселения соотечественников в Российскую Федерацию в рамках Государственной программы в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, в регионах – разработка региональных подпрограмм.

В конце 1980-х – в начале 1990-х гг. региональными органами власти было зафиксировано усиление миграционных потоков в южные регионы РФ из других районов СССР (затем стран СНГ) из-за военных конфликтов – из Нагорного Карабаха, республик Закавказья и Средней Азии. Этот процесс исследователи относят к «вынужденной миграции». В результате ряд территорий юга России (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, регионы Северного Кавказа) стал своеобразной буферной зоной между районами Закавказья и центральной России. Здесь сосредоточилось до 70% всех беженцев (армяне, осетины, турки-месхетинцы, русские и др.). При этом в некоторые годы, например с 1990 по 1992 г., до 2/3 прибывших составляли русские и представители других славянских этносов, турок-месхетинцев. В середине 1990-х гг. отмечалось резкое увеличение армянской диаспоры. Так, в 1993 г. на Черноморском побережье доля армян составляла примерно 16,4%, а в 1996 г. она возросла до 39,8%. Региональные органы власти должны были срочно реагировать на эти события, так как усиливались риски для местного населения. Особенно это коснулось районов Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области. Два среза социологических опросов выявили тревожную ситуацию: в Краснодарском крае в 1990 г. доля прибывших,

хотевших остаться только в крае без каких-либо попыток перебраться в другой регион, составляла примерно 20%, в 1994 г. – уже 66%; желавших остаться на постоянное жительство – около 65 и 83% соответственно [11. С. 974]. Поэтому на региональном уровне в связи с усилением стихийной миграции шла разработка нормативно-правовых документов, касающихся мигрантов. Так, в Краснодарском крае было принято «Временное положение о статусе беженцев в Краснодарском крае» [12. Л. 3]. То есть на уровне региональных органов власти предпринимали комплекс мер по реализации федерального курса миграционной политики.

Практически одновременно с вынужденной миграцией шла репатриация, или добровольное возвращение, зарубежных соотечественников. На законодательном уровне был определен в достаточной степени широкий потенциал для деятельности в регионах: работа с соотечественниками, разработка программ помощи в области культуры, образования и т.д. Одновременно в общественном сознании стало формироваться мнение о необходимости возвращения соотечественников и их поддержки.

Практическим воплощением идеи возвращения зарубежных соотечественников стала репатриация косовских адыгов / черкесов на территорию Российской Федерации – в Республику Адыгея – в конце 1990-х гг. Надо отметить, что репатриация и сопутствующие процессы (адаптация, интеграция, социализация и др.) сопровождались объективными трудностями. Так, истоки противоречий на Западном и Северном Кавказе имеют исторические основания и связаны с итогами Кавказской войны второй половины XIX в., победой Российской империи и мухаджирством – вынужденным исходом большинства адыго-черкесского населения и горских племен в единоверную Османскую империю. Эта тематика рассматривается в историографии как трагическая страница истории автохтонного населения. Историческая память об этих событиях не только проявляется в сохранении традиционных памятных мест и открытии новых памятных знаков, обсуждении в публицистике и СМИ этих вопросов, но и частично отражена в историографии [13; 14; 15. С. 29, 30]. Исследователями сделаны попытки анализа современной социально-политической ситуации в Адыгее, оценки перспектив репатриации адыгов зарубежья [16, 17], уделено внимание социокультурной адаптации косовских адыгов, их ценностным ориентациям [18]. Вопросы репатриации черкесов рассматривались в качестве «…ресурса черкесского нациостроительства…» и «транснационального явления» [4. С. 261]. Некоторые исследователи трактуют позицию национальных общественных объединений адыгов по репатриации своих соотечественников как «догматическую, заидеологизированную и излишне эмоциональную», полагают, что использовалась для дискредитации предстоявшей Олимпиалы–2014 и решения «стратегических политических задач», а именно «изменения этнодемографического баланса» на Северном и Западном Кавказе [19. С. 186, 191–192].

К настоящему времени вопрос о добровольном возвращении адыго-черкесов сформировался как концепт, включающий дискуссии по этим событиям, формируемые проекты и программы, в том числе социокультурную адаптацию репатриантов, их интеграцию в российское общество. Такие обсуждения охватывали черкесов и адыгов в РФ и за рубежом. В этой связи отметим ряд аспектов.

Этнонимы «черкесы» и «адыги» объединяют автохтонные этносы трех кавказский республик – Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкессской на Северном Кавказе, Адыгеи на Западном Кавказе, шапсугов (субэтнос адыгов) Причерноморья (Краснодарский край) и черкесскую диаспору за рубежом. Российские исследователи акцентируют внимание на том, что черкесская диаспора за рубежом не только многочисленна: по разным данным в нее входит от 200 тыс. до 12 млн человек, – она этнически разнородна и состоит из адыгов, карачаевцев, балкарцев, абхазов, осетин, чеченцев, ингушей, дагестанцев [4. С. 262]. Преимущественно они – потомки переселившихся в Османскую Порту в XIX в. мусульман. В настоящее время диаспоры проживают на постосманском пространстве, включая европейские страны.

Идея возвращения на родину у адыго-черкесов не нова. Ее возникновение некоторые исследователи относят к началу XX в. На Ближнем Востоке наиболее ярким ее проявлением стали попытки массового возвращения черкесов в 1920-е гг., но они не были поддержаны Советской Россий [20. С. 71]. Позднее идея возродилась в конце 1960-х – 1970-е гг. В этот период был создан Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом с республиканскими отделениями. Члены Кабардино-Балкарского отделения, например, устанавливали контакты с зарубежной черкесской диаспорой. Во второй половине 1980-х гг. отделение Комитета было открыто в Адыгее. С этого времени завязались и первые связи представителей адыгской общественности – журналистов, представителей власти, комсомола, преподавателей вузов – с адыгской диаспорой в Косово [21–23].

Формирование проектов и программ по возвращению потомков мухаджиров в Адыгею можно отнести ко второй половине 1980-х – началу 1990-х гг. Это прослеживается по архивным данным. Так, в письме председателя Совета народных депутатов Советской Социалистической Республики Адыгея А. Джаримова (1991), направленном в адрес Президента СССР М.С. Горбачева, Президента РСФСР Б.Н. Ельцина, Председателя ВС СССР А.И. Лукьянова и исполняющего обязанности Председателя ВС РСФСР Р.И. Хасбулатова, содержалась просьба о решении вопросов, связанных с возвращением потомков мухаджиров на историческую родину – в Адыгею. Данная просьба обосновывалась тем, что в период перестройки в общественном сознании адыгов в республике и в черкесской диаспоре за рубежом – в Турции, Сирии, Израиле, где проживали примерно 1,5–2,0 млн человек, появилась надежда на воссоединение народа. С точки зрения автора письма (А. Джаримов в последствии стал президентом РА. – *М.Б.*), в период перестройки и гласности в общественное сознание адыгов «возвращались» такие понятия, как «насильственное переселение», «колонизация» Север-

ного и Западного Кавказа, сформировавшиеся еще в период окончания Кавказской войны XIX в. В Адыгее стало внедряться устойчивое мнение о том, что их бывшие соотечественники – адыги зарубежья – были «…лишены конституционных прав и национального самовыражения…», не имели «…гарантий сохранения своей самобытности…» [24. Л. 1].

В этот же период адыги зарубежья стали проявлять интерес «к своей исторической родине». Это выразилось в росте количества посещений Адыгеи потомками мухаджиров, увеличении обращений о получении советского гражданства и права на постоянное проживание в республике. К примеру, за пять месяцев 1991 г. с такой просьбой обратились 238 семей (более 1 000 человек) из Сирии, Турции, Израиля. Главным мотивом возвращения было воссоединение с родными и близкими. При этом заинтересованность республиканских властей в репатриантах аргументировалась возможностью возрождения заброшенных населенных пунктов, получения притока рабочей силы и валютных инвестиций в сельское хозяйство и строительную сферу республики, чему должны были способствовать покупка репатриантами домов по договорной цене или строительство домов для них строительными фирмами на договорной основе [Там же. Л. 2, 3].

Реализация сформированных проектов и программ по возвращению части адыго-черкесской диаспоры из-за рубежа объединила представителей различных слоев черкесского общества на российском Кавказе – управленческого звена, общественных организаций, гражданского общества, интеллигенции, бизнес-сообщества, а также репатриантов. Они устанавливали и осуществляли связи с международными черкесскими организациями, прежде всего в Турции, и отдельными деятелями зарубежной черкесской диаспоры. Например, с исполкомом Всемирной Черкесской Ассоциации, национально-общественной организацией «Адыгэ Хасэ». Сотрудники республиканской газеты «Адыгэ макъ» (Адыгея) создавали корреспондентские пункты в Турции, где в основном проживает адыго-черкесская диаспора. В их задачи входило освещение жизни соотечественников «на чужбине». Другой «канал связи» осуществлялся через туристические фирмы, лекторскую группу Адыгейского обкома комсомола [23. С. 80, 81]. То есть все эти мероприятия были направлены на восстановление и укрепление связей зарубежной диаспоры с кавказскими республиками.

Важным в формируемом концепте по возвращению черкесской диаспоры в места их традиционного проживания после исхода по итогам Кавказской войны XIX в. было то, что он формировал представления об адыгах и черкесах как едином этносе, который в настоящем разделен. Таким образом, определялась тенденция к его этнической консолидации – процессу, который, в сущности, еще не завершен [25. С. 179].

В 1990-е гг. шло формирование региональной законодательной базы по репатриации. На уровне законодательной власти Республики Адыгея был составлен проект закона «О репатриации представителей адыгской диаспоры». Однако при обсуждении документа в комиссии по межнациональным отношениям, науки и образованию было выявлено несоответствие проекта российскому законодательству и Конституции Республики Адыгея [26. Л. 26–27; 27. Л. 34, 66]. Так, в Конституции РА было зафиксировано, что «…Республика Адыгея признает право возвращения на историческую Родину проживающих за пределами Российской Федерации соотечественников… независимо от их национальной принадлежности…» [28. Ст. 10]. Согласно же названию проекта закона «О репатриации представителей адыгской диаспоры» и ст. 2 речь шла о возвращении только адыгов. Вынося документ на обсуждение, законодательная власть республики, по сути, выделяла определенную категорию людей по национальному признаку, не принимая во внимание представителей других национальностей. То есть закон предусматривал возвращение только адыгского народа; в отношении представителей других народов этого права документ не предусматривал. По представлению Прокурора РА это несоответствие необходимо было устранить. В 1997 г. Президентом РА Закон был подписан в исправленной редакции, в которой данное противоречие было устранено и зафиксировано, что репатриантами признавались иностранцы – «…представители адыгской диаспоры, уроженцы и их потомки, выходцы, *независимо от их национальной принадлежности*, прямые предки которых в результате Кавказской войны вынужденно покинули историческую территорию Адыгеи (Черкесии), получившие право на возвращение в Республику Адыгея в порядке, предусмотренном настоящим Законом…» (курсив мой. – *М.Б.*) [29. Ст. 2]. Закон регламентировал правовое положение соотечественников-репатриантов, способы приобретения статуса репатрианта, права и обязанности, возникающие в связи с его приобретением. Работа по приведению закона в соответствие с федеральным законодательством продолжилась и в начале 2000-х гг. [30. Л. 76, 78; 31. Л. 41, 47]. Так, в соответствии с российскими законодательными актами и внесенными в них изменениями из республиканского закона «О репатриантах» были исключены ст.ст. 10 и 13, регулировавшие экономическую деятельность репатриантов: в частности, им предоставлялось право наравне с гражданами республики участвовать «…в приватизации объектов, находящихся в собственности Республики Адыгея… и вывозить за пределы РФ доходы, полученные от использования собственности на территории Республики Адыгея…» [29. Ст. 10]. Было зафиксировано, что «…собственность репатриантов в Республике Адыгея не может подлежать национализации и реквизиции, кроме как в исключительных случаях в соответствии с действующим гражданским законодательством…» [Там же. Ст. 13]. Таким образом, республиканское законодательство, регулировавшее правовое положение репатриантов, не только формировалось, но и корректировалось в соответствии с изменениями в законодательстве федеральном.

Итогом деятельности общественных организаций, различных ветвей власти в Республике Адыгее, на федеральном уровне в России и Югославии стало добровольное переселение косовских адыгов в Республику Адыгея. В Югославии они проживали моноэтничными

анклавами в автономном крае Косово в албанских населенных пунктах – Дони Становце и Милошево. Они смогли сохранить свои традиции, обычаи, родной язык, религиозные верования (ислам). На Втором конгрессе Международной черкесской ассоциации (Майкоп, 1993) было принято «Обращение косовских адыгов к президенту Республики Адыгея А.А. Джаримову». В нем было высказано желание представителей диаспоры вернуться на покинутые их предками земли [32. С. 132]. Обращения о переселении адыгов из Косова резко активизировались с началом сербско-албанской войны. Определяющим в желании адыгской диаспоры переселиться из Югославии стал ряд факторов.

Отметим, что перемещение ее представителей в другие страны началось еще в конце 1950-х – 1960-е гг. Причиной послужило начало скупки албанцами собственности (домов, земли) у адыгов. В результате часть семей переехала из косовских анклавов на постоянное место жительства в Турцию. Другим значимым фактором стали попытки ассимилировать адыгов / черкесов со стороны албанцев. К примеру, в паспортах в графе «национальность» записи «адыг», «черкес» менялись на «албанец» [23. С. 81]. То есть исторически сложившаяся и существовавшая в течение многих десятилетий ситуация мирного проживания и этнического взаимодействия менялась. Это, в свою очередь, отрицательно сказывалось на взаимоотношениях с сербским населением. На принятие решения оказали влияние начавшийся военный конфликт между Сербией и Косово и бомбардировки НАТО. По свидетельствам косовских адыгов, в 1980-е – начале 1990-х гг. в их адрес стали поступать угрозы физической расправы со стороны албанцев, так как адыгское население не поддержало «местных сепаратистов» и отказалось платить денежные взносы в фонд «Республики Косово». Следствием стало разрушение их хозяйств, сжигание посевов, травля скота [33].

В то же время в РФ обозначилась, по мнению косовских адыгов, позитивная ситуация, которая могла способствовать их добровольному переселению. Именно так рассматривался факт изменения административно-правового статуса Адыгейской автономной области. В 1991 г. она была преобразована в Республику Адыгея, т.е. получила более широкую автономию. Определенную роль в реализации желания добровольно вернуться в Адыгею сыграло «Обращение Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина к народам Кавказа в связи с 130-летием окончания Кавказской войны XIX века» от 18 мая 1994 г. Адыгскими общественными деятелями и косовской диаспорой оно оценивалось исключительно с позитивной точки зрения. В своей речи Президент РФ декларировал рассмотрение и решение вопроса по возвращению «…потомков кавказских переселенцев на историческую родину…» [40. С. 79]. Таким образом, с этого времени можно отсчитывать начало процесса репатриации косовских адыгов. А принятие Правительством Российской Федерации Постановления «О неотложных мерах государственной поддержки переселения адыгов (черкесов) из автономного края Косово (Союзная Республика Югославия)» в 1998 г. [34] было юридическим основанием для их добровольного возвращения. Механизмы определялись и реализовывались совместно в соответствующих министерствах РФ и Югославии.

На межгосударственном, федеральном и региональном уровнях была проведена значительная работа по репатриации косовских адыгов в Россию. Начиная с февраля 1996 г. в консульскую службу МИД РФ взрослое население адыгской диаспоры, проживавшее в Косово, обращалось с просьбами о предоставлении гражданства РФ. В сентябре этого же года после их рассмотрения было принято решение о предоставлении гражданства при непосредственном обращении в органы МИД РФ и при получении разрешения на въезд на территорию Российской Федерации. Всего по разным данным в течение 1998–1999 гг. в Адыгею вернулись 170–174 человека. Одновременно шел процесс возвращения зарубежных черкесов в Кабардино-Балкарию. Общая численность репатриантов в Адыгее и Кабардино-Балкарии составила 2 335 человек [32. С. 132].

При решении вопроса о заселении косовских адыгов определяющими стали следующие факторы: первый – косовские адыги были более исламизированными по сравнению с адыгами РФ, второй – переселенцы в основном были сельскими жителями. Поэтому правительством республики было принято решение заселить их в отдельном селении с выделением сельскохозяйственных земель недалеко от г. Майкопа. Здесь был отстроен аул Мафэхабль (Мафахабль) с мечетью, создана инфраструктура, обеспечено водо- и газоснабжение. Приехавшие получили государственную поддержку, был создан специальный Центр адаптации репатриантов к российским условиям. Значительную материальную помощь при строительстве домов и развертывании хозяйства переселенцев оказала Международная черкесская ассоциация, которая создала специальный фонд для помощи репатриантам и организовала сбор средств. Их могли вносить все желающие – частные лица, общественные деятели и организации, включая и представителей зарубежной черкесской диаспоры.

Анализ архивных материалов выявил несогласованность региональных нормативно-правовых документов с федеральным законодательством по вопросам возвращения косовских адыгов, предоставления им гражданства и выделения территории для их проживания. Так, в 1997 г. в ходе проверки и по представлению прокурора Республики Адыгея и заключений, данных Правовым управлением и Управлением финансово-экономического анализа и прогноза РА, необходимо было привести республиканское законодательство о репатриантах в соответствие с федеральным [30. Л. 76; 35. Л. 34]. Суть заключалась в том, что после принятия ряда федеральных законов все вопросы, касавшиеся иностранных граждан или лиц без гражданства, регулировались только на их основе. Кроме этого, было принято решение о разработке и внесении на рассмотрение Государственного Совета – Хасэ РА нормативно-правовых документов, в которых бы определялись экономические и социальные условия осуществления курса по интеграции репатриантов [36. Л. 41, 47]. Например, это касалось предложений о формах поддержки переселенцев.

В целом опыт добровольного возвращения в РФ косовских адыгов оценивается как положительный, несмотря на то что незначительная часть переселенцев позднее вернулась назад. В историографии позитивно рассматривались меры, предпринятые органами власти по заселению репатриантов и их адаптации. Кроме того, такая оценка в значительной мере объяснялась нестабильной политической ситуацией, сложившейся в Югославии в 1990-е гг. Репатриация черкесов из более развитых в экономическом отношении стран со стабильной политической обстановкой, например из Турции, Германии, Израиля, Иордании, не стала активной.

Положительный опыт добровольного переселения косовских адыгов в определенной степени обусловил попытки повторить его для представителей черкесской диаспоры, проживавших в Сирии. Вплоть до 2010-х гг. представители власти северокавказских республик (например, сенатор от Кабардино-Балкарии А. Каноков), общественные деятели, ряд национальных общественных организаций греков, татар активно поддерживали возвращение черкесской диаспоры. Содействие оказывали и международные черкесские организации Турции, Австралии, европейских государств. Эти вопросы получили широкий общественный резонанс в кавказских республиках, что широко освещалось в региональных СМИ. Желание переезда обусловливалось событиями в Сирии, где активно шел процесс радикализации исламизма и разгорелись боевые действия с исламистами в местах традиционного проживания черкесской диаспоры – в Дамаске, Хомсе, Хаме и других провинциях. С конца 2011 г. представители диаспоры обращались к правительству РФ с просьбой о возвращении на историческую родину. Как и в Югославии, с началом активной фазы военных действий их количество возросло. В Сирии этот период относился к началу 2012 г.

В конце 2011 г. органы власти Кабардино-Балкарии и Адыгеи, созданный из представителей черкесской общественности координационный совет обратились к Президенту РФ Д.А. Медведеву и в Государственную Думу с просьбой оказать содействие в переселении черкесов-соотечественников из Сирии. В 2012 г. дискурс был вынесен на уровень Совета Федерации [37]. После всестороннего обсуждения была сформирована рабочая группа сенаторов и представителей от парламентов республик Северного Кавказа для детального изучения вопроса, включая и работу в Сирии. По ее итогам были сформулированы положения о ситуации и предложены рекомендации.

Ситуация в районах компактного проживания черкесской диаспоры в Сирии оценивалась как «гуманитарная катастрофа» (разрушенное жилье, голод, отсутствие медицинской помощи, репрессии по отношению к населению). Позиция части черкесской общины характеризовалась как пророссийская, в то же время отмечались сдержанное отношение к репатриации у людей старшего поколения и желание переселиться у молодежи. Немаловажным фактором было то, что Россия причисляла Сирию к категории «миграционно-опасных стран». Также учитывалось, что в отличие от косовских адыгов основным занятием мужчин в черкесской диаспоре в Сирии – потомков мухаджиров (переселенцев) с Западного и Северного Кавказа – была военная служба. По оценкам экспертов, офицерская карьера для них всегда была приоритетной. При этом они были лояльны и преданы Османской империи, правительству, к примеру, в период французского мандата или в годы независимости Сирии. В 2010-е гг. ситуация кардинально изменилась: часть высших чиновников черкесского происхождения открыто противостояли правлению Б. Асада. И только в последние десятилетия представители современной молодежи из черкесской диаспоры стали обучаться и работать по таким гражданским специальностям, как врач, адвокат, программист и др. [Там же]

Помимо этого, в документе были отражены трудности, связанные с оформлением виз, паспортов, получением российского гражданства и т.д. Кроме того, в Российской Федерации были введены строгие требования к знанию русского языка и литературы для получения российского гражданства. Для черкесов-беженцев из Сирии, например, в Кабардино-Балкарской республике были созданы курсы по обучению русскому языку.

Рассматривая данный аспект, на наш взгляд, следует учитывать сложившиеся исторические и культурные различия, особенности образа жизни, ценностей у адыго-черкесов в РФ и диаспоры на Ближнем Востоке. В советский период, затем в новейшее время в РФ приоритетным было развитие этнического самосознания народов. Большое внимание уделялось сохранению традиционной культуры и родного языка. Шло формирование структуры государственной власти в республиках. Развитие этнической идентичности включало создание письменности, национальных театров и радио, издание газет и книг на родном языке.

В то же время в странах расселения адыгов и черкесов – Турции, Сирии и др. – их черкесская идентичность стиралась, вводились запреты говорить на родном языке и т.п. Все это за 150 лет с неизбежностью привело к частичной потере традиционной культуры, обычаев, родного языка. Черкесская диаспора адаптировалась к менталитету турок и арабов с их «…более радикальным исламом… со специфическим восприятием России…» [21].

Комиссией констатировалось, что одним из основных препятствий для переселения были недостаточные республиканские бюджеты кавказских республик и отсутствие в Адыгейской и Кабардино-Балкарской республиках региональных государственных программ по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом [Там же]. Все это затрудняло принятие репатриантов, их экономическую интеграцию и социальную адаптацию.

Поэтому рекомендации сводились к следующему: осуществлять приглашение представителей черкесской диаспоры из Сирии по трудовым и туристическим визам. Некоторые воспользовались такой рекомендацией. Этот вариант использовался в 2012 г. в Кабардино-Балкарии и Адыгее. Туда по трудовым

и туристическим визам приехали более 400 человек [21]. Всеми организационными вопросами занимались общественные организации – Комитет по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствам массовой информации, Центр адаптации репатриантов в Адыгее, общественная организация «Пэрыт» Кабардино-Балкарии и Международная черкесская ассоциация.

Со своей стороны региональные органы власти также сформировали предложения центру. Они сводились к следующему: обратиться в Правительство РФ с просьбой внести кавказские республики (Адыгею, Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию) в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; открыть центры по приему беженцев и вынужденных переселенцев; изучить совместно с МИД предложения об отмене визовых платежей для соотечественников, проживающих в Сирии, и создать механизмы проведения экстренной гуманитарной эвакуации в Россию представителей черкесской диаспоры Сирии, выразивших добровольное согласие на переселение. Однако на эти предложения реакции со стороны федеральной власти не последовало [Там же]. Это могло обусловливаться таким немаловажным фактором, как возможность привнесения и распространения идей исламского радикализма в регионы РФ. Черкесские активисты настаивали на праве поселения переселявшихся представителей черкесской диаспоры из Сирии исключительно в республиках Северного и Западного Кавказа [19. С. 186, 187], в то время как в соответствии с «Программой переселения соотечественников» был определен фиксированный список мест жительства для репатриантов. Массовая репатриация зарубежных черкесов создавала потенциальную опасность обострения социальной обстановки в кавказских регионах.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, репатриация адыгов и черкесов в регионы Западного и Северного Кавказа в 1990–2010-е гг. осуществлялась на основе сформированного федерального и регионального законодательства (1990-е – начало 2000-х гг.). Российское законодательство регулирует статус «соотечественников за рубежом», регламентирует и определяет стратегические подходы к решению проблем их добровольного возвращения, предусматривает механизмы реализации права возвращения граждан на родину. Исходя из формулировок правовых норм, определения «репатриация» и «добровольное возвращение соотечественников» можно рассматривать как тождественные. Анализ впервые введенных в научный оборот архивных документов показал, что на региональном уровне проводилась корректировка местных нормативных документов в соответствии с федеральным законодательством.

Во-вторых, в общественном сознании концепт, включающий дискуссии, формируемые проекты и программы по вопросам добровольного возвращения адыгов и черкесов, объединил представителей адыго-черкесского общества – национальную интеллигенцию, управленцев, чиновничество, бизнес-сообщество, лидеров национальных общественных объединений и других социальных страт. Начало этого процесса можно отнести к концу 1960-х – 1970-е гг., когда создавалась система отделений Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Контакты с черкесской и адыгской диаспорами зарубежья устанавливались через организацию туризма, создание лекторских групп. Значительную роль в этом сыграли международные черкесские организации, например исполком Всемирной Черкесской Ассоциации. Значимость формирования и продвижения идеи возвращения черкесской диаспоры в места их традиционного проживания после исхода по итогам Кавказской войны XIX в. и ее реализации состояла в том, что формировалось представление об адыгах и черкесах как едином этносе, который в настоящее время разделен. То есть появлялись условия для его дальнейшей этнической консолидации, которая еще не завершена.

В-третьих, опыт возвращения и адаптации косовских адыгов в 1997 г. стал уникальным и в историографии оценивается как положительный. Также позитивно оцениваются и меры, предпринятые органами власти по заселению репатриантов. Это объясняется рядом факторов: нестабильностью политической ситуации в Югославии из-за начавшихся военных действий; немногочисленностью косовской диаспоры, переехавшей в Республику Адыгея (Западный Кавказ), что облегчило их интеграцию и адаптацию; помощью, оказанной местными властями и бизнес-сообществом в Адыгее. Местные власти выделили земли для строительства поселка для репатриантов, создали экономическую и социальную инфраструктуру, организовали курсы по изучению русского языка и т.д. Определенную помощь, в частности финансовую, оказали международные черкесские организации.

В-четвертых, данный опыт оказал влияние на попытки массового возвращения черкесской диаспоры из Сирии в другой кавказский регион – Кабардино-Балкарскую республику (Северный Кавказ). Непосредственным поводом для обращений к правительству РФ о репатриации стали формирование и распространение исламского радикализма на Ближнем Востоке, военные действия в Сирии. В условиях, когда в регионе сложилась нестабильная политическая обстановка и началась война, появилось стремление части черкесской диаспоры выехать из региона. То есть можно сделать вывод о тождественности ситуаций в Сирии и Югославии.

В-пятых, репатриация представителей черкесской диаспоры на «историческую родину», в Кабардино-Балкарию (Северный Кавказ), не стала массовым явлением. Сдерживающими факторами стали: причисление Сирии к категории «миграционно-опасных стран», возможность проникновения в российские регионы исламского радикализма, сложившиеся исторические и культурные различия после мухаджирства (переселения) у адыго-черкесов в РФ и у диаспоры на Ближнем Востоке.

В расчет принималось то, что черкесские республики и Адыгея – дотационные регионы. Массовая репатриация обернулась бы бременем для местных бюджетов. Отсутствие республиканских программ

по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, предоставление им земель и кредитов со всей очевидностью повлекли бы усиление безработицы среди местного населения, снижение уровня социального обслуживания (нехватка мест в больницах, школах, детских садах). Рекомендация же федеральных структур использовать трудовые и туристические визы для приезда в черкесские республики в РФ не вызвала широкого интереса у зарубежной диаспоры.

Список источников

1. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Изд-во МГУ, 1999. Вып. 3. 370 с.
2. Зевелёва О.И. Дискурсивно-биографический подход в исследованиях репатриации (на примере российских немцев в Германии) : автореф. дис. … канд. соц. наук. М., 2015. 27 с.
3. Зевелёва О.И. Политические аспекты репатриации: Германия, Россия, Казахстан. Сравнительный анализ // Материалы VII Конвента РАМИ. Секция № 21. Миграция: источники, причины, регулирование. URL: https://risa.ru/images/7papers/section_21_zeveleva.pdf (дата обращения: 26.04.2022).
4. Цибенко В.В., Тлостнаков А.А. Репатриация черкесов как ресурс политической мобилизации: транснациональный подход // Власть. 2021. № 1. С. 261–270.
5. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М. : Попечительство о нуждах рос. репатриантов, 2001. 490 с.
6. Ковалев М.П. Репатриация как вид миграции: методологические проблемы исследования // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 42–44.
7. Луков Е.В., Безгачева В.В. Соотечественники в стратегических приоритетах современной России (1992–2018): федеральный и региональный аспекты // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 42–52. doi: 10.17223/19988613/64/6
8. Шадже А.А. Социокультурная адаптация косовских адыгов-репатриантов в Республике Адыгея : автореф. дис. … канд. соц. наук. Майкоп, 2009. 25 с.
9. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федеральный закон от 24.05.1999. № 99-ФЗ // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937 (дата обращения: 16.05.2022).
10. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937 (дата обращения: 16.05.2022).
11. Белозёрова М.В., Магомедханов М.М. Опыт регулирования миграционных потоков на региональном уровне: конец 1980-х – начало 1990-х годов // История археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17, № 4. С. 969–985. doi: 10.32653/CH174
12. Государственное Казенное Учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (ГКУ РА «Нацархив»). Ф. Р-79. Оп. 4. Д. 1147.
13. Чирг А.Ю. Общественно-политический строй адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Майкоп, 2003. 52 с.
14. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.) : автореф. дисс. …д-ра ист. наук. Махачкала, 2006. 59 с.
15. Белозёрова М.В. К проблеме российско-черкесского взаимодействия и формирования этнической идентичности: XIX – начало XXI века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 32. С. 26–33.
16. Мастюгина Т.М. Проблемы этнической репатриации на примере России и Кавказа // Кавказ, ЕС и Россия проблемы стабильности. М. : ЦСПИ, 2004. С. 138–147.
17. Тишков В.А. Реквием по этносу : исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544 с.
18. Панеш Т.А. Особенности социокультурной адаптации репатриантов (косовских адыгов) в условиях поликультурной среды Северного Кавказа : автореф. дис. … канд. культурологии. Краснодар, 2009. 25 с.
19. Баранов А.В. Информационный аспект политической активности «черкесского движения» в 2010 – нач. 2013 гг. // Западный Кавказ: современные проблемы : междунар. конф. (Ростов-на-Дону, 18–19 марта 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 181–196.
20. Кушхабиев А.В. Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. Нальчик : Изд-во КБНЦ РАН. 2013. 224 с.
21. Епифанцев А. Репатриация сирийских черкесов. Мифы и реальность // АПН – Агентство политических новостей – Нижний Новгород. 2012. 3 окт. URL: https://apn-nn.com/analytic/repatriatsiya-siriyskikh-cherkesov-mify-i-realnost/ (дата обращения: 16.05.2022).
22. Чочиев Г.В. Черкесское движение в Турецкой Республике: деятельность северокавказских диаспорных организаций в 1945–2015 гг. // Известия СОИГСИ. 2015. № 17 (56). С. 78–88.
23. Куек А.С. Феномен возвращения косовских адыгов и проблемы репатриации соотечественников // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. 2018. № 16 (40). С. 79–88.
24. ГКУ РА «Нацархив». Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 1а.
25. Белозёрова М.В. К проблеме взаимосвязи процессов этнической консолидации и национального самоопределения в южных регионах России // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 175–178.
26. ГКУ РА «Нацархив». Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 432.
27. ГКУ РА «Нацархив». Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 1153.
28. Конституция Республики Адыгея : (принята 10 марта 1995 г. на XVI сессии Законодательного собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея) // Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея. URL: https://www.gshra.ru/respublika-adygeya/konstituciya-respubliki-adygeya/ (дата обращения: 11.05.2022).
29. О репатриантах : закон Республики Адыгея от 10.06.1997 № 42 // Кодекс. URL: https://docs.cntd.ru/document/459704016?marker (дата обращения: 11.05.2022).
30. ГКУ РА «Нацархив». Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 1240.
31. ГКУ РА «Нацархив». Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 1431.
32. Тлостнаков А.А. Репатриация черкесов: истоки, проблемы, перспективы // Философия права. 2013. № 2. С. 130–133.
33. Сысоев Г. Россия переселит адыгов из Косово // Коммерсантъ. 1998. 9 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/201491 (дата обращения: 12.05.2022).
34. О неотложных мерах государственной поддержки переселения адыгов (черкесов) из автономного края Косово (Союзная Республика Югославия) : постановление Правительства РФ от 03.07.1998 № 690 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. 6 июля. № 27.
35. ГКУ РА «Нацархив». Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 29.
36. ГКУ РА «Нацархив». Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 1566.
37. Нефляшева Н. Сирийские черкесы и проблема репатриации // Carnegie Endowment for International Peace. URL: https://carnegie.ru/2012/09/13/ru-pub-49368 (дата обращения: 26.04.2022).

References

1. Iontsev, V.A. (1999) *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International population migration: Theory and history of study]. Vol. 3. Moscow: Moscow State University.
2. Zeveleva, O.I. (2015) *Diskursivno-biograficheskiy podkhod v issledovaniyakh repatriatsii (na primere rossiyskikh nemtsev v Germanii)* [A discursive-biographical approach in repatriation studies (on the example of Russian Germans in Germany)]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.
3. Zeveleva, O.I. (n.d.) Politicheskie aspekty repatriatsii: Germaniya, Rossiya, Kazakhstan. Sravnitel'nyy analiz [Political aspects of repatriation: Germany, Russia, Kazakhstan. A comparative analysis]. *Materialy VII Konventa RAMI. Sektsiya № 21. Migratsiya: istochniki, prichiny, regulirovanie* [Proceedings of the 7th RAMI Convention. Section No. 21. Migration: sources, causes, regulation]. [Online] Available from: https://risa.ru/images/7papers/section_21_zeveleva.pdf (Accessed: 26th April 2022).
4. Tsibenko, V.V. & Tlostnakov, A.A. (2021) Repatriatsiya cherkesov kak resurs politicheskoy mobilizatsii: transnatsional'nyy podkhod [Repatriation of Circassians as a resource for political mobilization: a transnational approach]. *Vlast'*. 1. pp. 261–270.
5. Iontsev, V.A., Lebedeva, N.M., Nazarov, M.V. & Okorokov, A.V. (2001) *Emigratsiya i repatriatsiya v Rossii* [Emigration and repatriation in Russia]. Moscow: Popechitel'stvo o nuzhdakh ros. repatriantov.
6. Kovalev, M.P. (2009) Repatriatsiya kak vid migratsii: metodologicheskie problemy issledovaniya [Repatriation as a type of migration: Methodological problems of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 327. pp. 42–44.
7. Lukov, E.V. & Bezgacheva, V.V. (2020) Compatriots in the strategic priorities of modern Russia (1992–2018): Federal and regional aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 64. pp. 42–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/64/6
8. Shadzhe, A.A. (2009) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya kosovskikh adygov-repatriantov v Respublike Adygeya* [Sociocultural adaptation of the Kosovo Circassians-repatriates in the Republic of Adygea]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Maykop.
9. Russian Federation. (1999) *O gosudarstvennoy politike Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom: federal'nyy zakon ot 24.05.1999. № 99-FZ* [On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad: Federal Law No. 99-FZ of May 24, 1999.]. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937 (Accessed: 16th May 2022).
10. Russian Federation. (2006) *O merakh po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiyskuyu Federatsiyu sootechestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 22.06.2006 № 637* [On measures to assist voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad: Decree No. 637 of the President of the Russian Federation dated June 22, 2006]. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937 (Accessed: 16th May 2022).
11. Belozerova, M.V. & Magomedkhanov, M.M. (2021) Opyt regulirovaniya migratsionnykh potokov na regional'nom urovne: konets 1980-kh – nachalo 1990-kh godov [Regulating migration flows at the regional level: late 1980s – early 1990s]. *Istoriya arkheologiya i etnografiya Kavkaza*. 17(4). pp. 969–985. DOI: 10.32653/CH174
12. The National Archive of the Republic of Adygea (GKU RA "Natsarkhiv"). Fund R-79. List 4. File 1147.
13. Chirg, A.Yu. (2003) *Obshchestvenno-politicheskiy stroy adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konets XVIII – 60-e gg. XIX v.)* [. Socio-political structure of the Circassians of the North-Western Caucasus (the late 18th – 1860s)]. Abstract of History Dr. Diss. Maykop.
14. Kudaeva, S.G. (2006) *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva (XIX v.)* [Adygs (Circassians) of the North-Western Caucasus: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society (19th century)]. Abstract of History Dr. Diss. Makhachkala.
15. Belozerova, M.V. (2015) K probleme rossiysko-cherkesskogo vzaimodeystviya i formirovaniya etnicheskoy identichnosti: XIX – nachalo XXI veka [On the problem of Russian-Circassian interaction and the formation of ethnic identity: 19th – early 21st century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 32. pp. 26–33.
16. Mastyugina, T.M. (2004) Problemy etnicheskoy repatriatsii na primere Rossii i Kavkaza [Problems of ethnic repatriation on the example of Russia and the Caucasus]. In: *Kavkaz, ES i Rossiya problemy stabil'nosti* [Caucasus, EU and Russia Problems of Stability]. Moscow: TsSPI. pp. 138–147.
17. Tishkov, V.A. (2003) *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
18. Panesh, T.A. (2009) *Osobennosti sotsiokul'turnoy adaptatsii repatriantov (kosovskikh adygov) v usloviyakh polikul'turnoy sredy Severnogo Kavkaza* [Socio-cultural adaptation of repatriates (Kosovo Adyghes) in the conditions of the multicultural environment of the North Caucasus]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Krasnodar.
19. Baranov, A.V. (2013) Informatsionnyy aspekt politicheskoy aktivnosti "cherkesskogo dvizheniya" v 2010 – nach. 2013 gg. [The informational aspect of the political activity of the "Circassian movement" in 2010 – early 2013]. *Zapadnyy Kavkaz: sovremennye problemy* [Western Caucasus: Modern Problems]. Proc. of the International Conference. Rostov-on-Don, March 18–19, 2013. Rostov-on-Don. pp. 181–196.
20. Kushkhabiev, A.V. (2013) *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkesov: istoriya, politika, sotsial'naya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: History, politics, social practice]. Nalchik : RAS.
21. Epifantsev, A. (2012) Repatriatsiya siriyskikh cherkesov. Mify i real'nost' [Repatriation of the Syrian Circassians. Myths and Reality]. *APN – Agentstvo politicheskikh novostey – Nizhniy Novgorod*. 3rd October. [Online] Available from: https://apn-nn.com/analytic/repatriatsiya-siriyskikh-cherkesov-mify-i-realnost/ (Accessed: 16th May 2022).
22. Chochiev, G.V. (2015) Cherkesskoe dvizhenie v Turetskoy Respublike: deyatel'nost' severokavkazskikh diaspornykh organizatsiy v 1945–2015 gg. [The Circassian Movement in the Republic of Turkey: Activities of the North Caucasian Diaspora Organizations in 1945–2015]. *Izvestiya SOIGSI*. 17(56). pp. 78–88.
23. Kuek, A.S. (2018) Fenomen vozvrashcheniya kosovskikh adygov i problemy repatriatsii sootechestvennikov [The phenomenon of the return of the Kosovo Circassians and the problems of repatriation of compatriots]. *Vestnik nauki Adygeyskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. 16(40). pp. 79–88.
24. The National Archive of the Republic of Adygea (GKU RA "Natsarkhiv"). Fund R-499. List 1. File 1a.
25. Belozerova, M.V. (2014) K probleme vzaimosvyazi protsessov etnicheskoy konsolidatsii i natsional'nogo samoopredeleniya v yuzhnykh regionakh Rossii [On the relationship between the processes of ethnic consolidation and national self-determination in the southern regions of Russia]. In: *Modernizatsiya polietnichnogo makroregiona i sopredel'nykh gosudarstv: opyt, problemy, stsenarii razvitiya* [Modernization of the multi-ethnic macro-region and neighboring states: Experience, problems, development scenarios]. Rostov on Don: RAS. pp. 175–178.
26. The National Archive of the Republic of Adygea (GKU RA "Natsarkhiv"). Fund R-499. List 1. File 432.
27. The National Archive of the Republic of Adygea (GKU RA "Natsarkhiv"). Fund R-499. List 1. File 1153.
28. Russian Federation. (n.d.) *Konstitutsiya Respubliki Adygeya: (prinyata 10 marta 1995 g. na XVI sessii Zakonodatel'nogo sobraniya (Khase) – Parlamenta Respubliki Adygeya)* [The Constitution of the Republic of Adygea: (adopted on March 10, 1995 at the 16th Session of the Legislative Assembly (Khase) – the Parliament of the Republic of Adygea)]. [Online] Available from: https://www.gshra.ru/respublika-adygeya/konstituciya-respubliki-adygeya/ (Accessed: 11th May 2022).
29. Russian Federation. (1997) *O repatriantakh: zakon Respubliki Adygeya ot 10.06.1997 № 42* [On repatriates: Law No. 42of the Republic of Adygea dated 10.06.1997]. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/document/459704016?marker (Accessed: 11th May 2022).
30. The National Archive of the Republic of Adygea (GKU RA "Natsarkhiv"). Fund R-499. List 1. File 1240.
31. The National Archive of the Republic of Adygea (GKU RA "Natsarkhiv"). Fund R-499. List 1. File 1431.

32. Tlostnakov, A.A. (2013) Repatriatsiya cherkesov: istoki, problemy, perspektivy [Repatriation of Circassians: Origins, problems, prospects]. *Filosofiya prava*. 2. pp. 130–133.
33. Sysoev, G. (1998) Rossiya pereselit adygov iz Kosovo [Russia will resettle the Circassians from Kosovo]. *Kommersant"*. 9th July. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/201491 (Accessed: 12th May 2022).
34. Russian Federation. (1998) O neotlozhnykh merakh gosudarstvennoy podderzhki pereseleniya adygov (cherkesov) iz avtonomnogo kraya Kosovo (Soyuznaya Respublika Yugoslaviya): postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.07.1998 № 690 [On urgent measures of state support for the resettlement of Circassians (Circassians) from the autonomous region of Kosovo (Federal Republic of Yugoslavia): Decree of the Government of the Russian Federation of 07/03/1998 No. 690]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 6th July. № 27.
35. The National Archive of the Republic of Adygea (GKU RA "Natsarkhiv"). Fund R-499. List 1. File 29.
36. The National Archive of the Republic of Adygea (GKU RA "Natsarkhiv"). Fund R-499. List 1. File 1566.
37. Neflyasheva, N. (n.d.) *Siriyskie cherkesy i problema repatriatsii* [Syrian Circassians and the problem of repatriation]. [Online] Available from: https://carnegie.ru/2012/ 09/13/ru-pub-49368 (Accessed: 26th April 2022).

***Сведения об авторе*:**
Белозёрова Марина Витальевна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр РАН» (Сочи, Россия) E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Belozerova Marina V. – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 11.07.2022; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 682 (=512.157)
doi: 10.17223/19988613/81/19

«Профанный» и «сакральный» миры якутского кузнечества: мифы, традиции, современность

Наталия Ксенофонтовна Данилова[1], Василий Васильевич Ушницкий[2]

[1, 2] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Якутск, Россия
[1] dan_nataliksen@mail.ru

Аннотация. На обширном эмпирическом материале рассматриваются якутское кузнечное ремесло, металлургические традиции и мифоритуальное пространство. Дается краткий обзор историографии якутского кузнечества и современного состояния данного ремесленного направления. Впервые в научный оборот вводятся некоторые сведения из различных источников, связанных с кузнечным ремеслом. Выявляется наряду с утилитарными универсалиями этнически своеобразный «инвентарь» элементов – символов языка кузнечного культа, сочетание и расположение которых на единой культурной шкале позволило выявить профанные и сакральные пространства якутского кузнеца.
Ключевые слова: кузнечество, якутские кузнецы, мифоритуальное пространство, культ кузнеца

Благодарности: Исследования выполнены с использованием научного оборудования ЦКП Федерального исследовательского центра Якутского научного центра СО РАН в рамках реализации мероприятий по гранту № 13.ЦКП.21.0016.

Для цитирования: Данилова Н.К., Ушницкий В.В. «Профанный» и «сакральный» миры якутского кузнечества: мифы, традиции, современность // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 163–169. doi: 10.17223/19988613/81/19

Original article

“Natural” and “sacral” worlds of the Yakut smith: myths, traditions, present

Nataliya K. Danilova[1], Vasiliy V. Ushnitskiy[2]

[1, 2] Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation
[1] dan_nataliksen@mail.ru

Abstract. On the basis of the wide case of sources the historiography of the study of the Yakut blacksmithing and craft technologies is considered. It should be noted that in the Yakut ethnography, except for the studies of K.D Utkin, who covers various aspects of the iron and steel industry of Yakuts, there are no special monographic studies. In this regard, in our article, we have paid attention to his more non-complying parties without applying for the comprehensive analysis of the Yakut forge craft. So, the current state of the degree of study of the Yakut blacksmithing and metallurgy is presented. Data from earlier unpublished archival sources, oral messages of experts on history and study of local lore of the Yakut edge, data from field materials are provided in the paper. As novelty of a research, it is necessary to allocate generalization of historiographic, ethnographic, folklore materials.

In article an attention is paid to the historiographic review of development of traditions of iron metallurgy and blacksmithing. We claim that the Yakut blacksmiths had an ancient original way of iron ore extraction, ore dressing and their own way of production of forged products. Forge trade was particularly developed in the Vilyui region. According to experts, forge traditions of masters from the Chap clan take its sources from ancient times that is confirmed also by archeological excavations.

The image of the blacksmith in the Yakut sacral tradition always remained a mysterious figure. In traditional outlook the blaksmith was at the head of sacral persons, his power was greater than that of a shaman. This is facilitated by the fact that only the blacksmith has patrons among the deities of heaven and in the world of evil spirits. According to the mythological views of Yakuts, the ancestor of blacksmithing Kyday Bakhsy was the third son of the main deity of an *aiyy - Yuryung Aiyy Toion*. According to the myth, Yuryung Aiyy Toion at the creation of the world, settles him on the boundary of the middle and lower worlds and appoints him as the blacksmith of all three worlds.

Thus, we have come to conclusion that the sacral figure of the blacksmith has demiurgical roots as the inhabitant of peripheral area, had the right to enter and interact with the top and lower worlds and had the right to get the natural objects from the world of spirits.

The brief review is given on historiography of Yakut blacksmithing and presents the status of this craft. Certain details from several sources connected to the blacksmithing are added for the first time.

© Н.К. Данилова, В.В. Ушницкий, 2023

Blacksmith language symbols are elicited along with utilitarian meanings, which allowed to find profane and sacral spaces of the Yakut blacksmith.

Keywords: smith, Yakut smiths, myth and ritual space, smith's cult

Acknowledgements: The research was carried out using the scientific equipment of the Shared core facilities of the Federal Research Center 'Yakutsk Science Center SB RAS' as part of the implementation of activities under grant No. 13.ЦКП 21.0016.

For citation: Danilova, N.K., Ushnitskiy, V.V. (2023) "Natural" and "sacral" worlds of the Yakut smith: myths, traditions, present. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 163–169. doi: 10.17223/19988613/81/19

Наличие у якутов кузнечества и железной металлургии до прихода русских послужило одним из стержневых постулатов для создания теории о южном происхождении якутов. Поэтому описание приемов и методов якутской металлургии и кузнечества может представлять широкий интерес для специалистов. Методом работы является комплексное исследование на основе синтеза сведений разных наук: фольклористики, археологии, этнографии; в качестве новизны исследования следует выделить обобщение материалов разного рода: мифологических, этнографических и полевых.

Ученые связывают традиции железной металлургии и кузнечества у якутов с их тюркскими предками в Прибайкалье – средневековыми курыканами, или курумчинскими кузнецами. Еще в раннее Средневековье, в VI–VII вв., курумчинские кузнецы освоили технику выплавки железа из руды и изготовления из него оружия и предметов труда. Поэтому возникло предположение, что именно курумчинские кузнецы – курыканы – с юга, с территории Прибайкалья, принесли с собой навыки кузнечества и железные вещи [1, 2].

Находки якутских археологов свидетельствуют о наличии в Якутии раннего железного века. Период железного века – это время от появления здесь железа до прихода на Среднюю Лену тюркоязычных предков современных якутов. По данным так называемой абсолютной геохронологии, это отрезок времени от 2 100 до 500 лет назад. На Лене, Алдане, Вилюе, их притоках сегодня известны десятки самых разных памятников, относящихся к этому времени [3]. Утверждения о том, что местные народы до появления якутов не знали металлургии и не имели кузнецов, а железные предметы поступали через торговые пути и в обмен, не соответствуют известным этнографическим реалиям. Например, кузнецы были среди представителей тунгусских родов. Почти все эвенкийские мужчины умели перековывать металл, а некоторые из них добывали руду и плавили железо еще до прихода русских [4. С. 94]. Однако тунгусы также были выходцами с территории Забайкалья и Приамурья, поэтому их металлургия могла быть привнесена с южных территорий в готовом виде.

Следует отметить существование навыков кузнечества и металлургии среди палеоазиатских народов. Так, юкагиры, судя по фольклору, владели мастерством изготовления серебряных и железных предметов, у них имелись собственные кузнецы и металлурги. Центром корякского кузнечества в XIX в. были два селения паренских коряков – Парень и Куэл. Их жители были знакомы с горячей обработкой железа. Другие металлы, такие как медь и латунь, обрабатывали только холодным способом. Материалом служили слитки железа и меди (иногда листовая медь и латунь), которые коряки получали от русских купцов [5]. Таким образом, можно говорить о существовании аборигенной, палеоазиатской арктической культуры и даже цивилизации, имеющей собственную тысячелетнюю историю.

Первые свидетельства о наличии у якутов кузнечного ремесла находятся в трудах дореволюционных исследователей – участников научных экспедиций и политических ссыльных: Г.Ф. Миллера [6], И.Г. Гмелина [7], И.Г. Георги [8], В.В. Ливадина [9], И.А. Худякова [10], В.Л. Серошевского [11], Р.К. Маака [12] и др. Раннему железному веку, железной металлургии и традициям кузнечного ремесла посвящены работы археологов и этнографов С.А. Стрелова [13], М.Я. Струминского [14], А.П. Окладникова [2], С.А. Токарева [15], И.В. Константинова [16, 17], Н.Д. Архипова [18], А.Н. Алексеева [19] Ф.Ф. Васильева [20], Ф.М. Зыкова [21], В.Н. Иванова [22], Н.К. Антонова [23], А.И. Гоголева [24], В.Е. Васильева [25], В.М. Дьяконова [26] и др. Отдельные аспекты мифоритуальной стороны якутского кузнечества затронуты в статьях Н.А. Алексеева [27], Р.И. Бравиной [28], Е.Н. Романовой [29], Л.С. Ефимовой [30] и др. Традициям якутского кузнечества и черной металлургии посвящена монография К.Д. Уткина, которая пока является единственным специальным исследованием [31]. Помимо указанных авторов, якутскому кузнечеству и железоплавильному производству посвящены статьи молодого исследователя Е.Н. Никоаева [32–34].

Кузнец и шаман

В традиционной культуре якутов существовал культ кузнеца, который считался сильнее шамана, а также носителем высшего знания. Ремесло кузнеца по значимости идет сразу за призванием шамана. «Кузнец и шаман – из одного гнезда», – гласит якутская пословица. «Жена шамана – уважаемая, жена кузнеца – почтенная», – говорится в другой. Кузнецы могут лечить и даже предсказывать будущее. Долганы верят, что шаманы не могут «заглатывать» души кузнецов, потому те хранят свои души в огне, и, наоборот, кузнецы могут завладеть душою шамана и сжечь ее в огне. Кузнецы же, в свою очередь, находятся под постоянной угрозой со стороны злых духов. Они вынуждены все время работать, поддерживать огонь, непрестанно шуметь, чтобы прогонять враждебных духов. В якутских мифах говорится, что кузнец получил свое ремесло от «злого» божества Кыдаай Максина, главного кузнеца нижнего мира. Он живет в железном доме

среди железного грохота. Кыыдай Максин – знаменитый мастер, это он чинит сломанные или отсеченные части тел героев. Ему случается участвовать и в посвящении знаменитых шаманов другого мира: он закаляет их души так же, как железо [35. С. 360].

Кузнечное дело якутов считается потомственным ремеслом. В одном из вариантов эпических сказаний о кузнецах говорится о том, что чем больше у кузнеца предков-кузнецов, тем он могущественнее. Секреты металлургического и кузнечного производства передавались по наследству. Помимо технологических вопросов, связующим звеном между ремесленниками разных поколений выступает их общая идеология – культ кузнеца. Любой кузнец должен твердо помнить: дар кузнечного ремесла он получил от родового первопредка, который, в свою очередь, получил его от всемогущего и благодетельного родоначальника всех кузнецов – Кыдай Бахсы. Потомок кузнеца через шамана должен принести в жертву скот черной масти своему мифическому божеству. У вилюйских металлургов существуют целые циклы преданий о сатинских и кэнтикских кузнецах [36]. Сатинцы почитают Дорбоон Кузнеца, прибывшего со Средней Лены на Вилюй и основавшего на месте железоплавильное производство. Профессию металлурга унаследовал его сын Бытыкаа, от него Бэкэллэх Кузнец, дальше – Куука Кузнец, Чыамдайык Кузнец, Масар Кузнец, Ноноорко Кузнец, Сыраан Кузнец, Калина Кузнец [37]. По боковым ветвям потомственных металлургов также идут профессиональные плавильщики и искусные кузнецы. Кэнтикских металлургов часто называют «Чап уустара» (‘Кузнецы Чап’). До седьмого и девятого колена продолжался их род [22].

В центральных улусах существовало следующее разделение кузнецов по категориям: 1 – *кыһалаах уус* – кузнец, который ковал на наковальне; 2 – *кюёртээх уус* – работал с мехом, получая стекавшее железо; 3 – работал с железной рудой. В вилюйских улусах имелись только две категории: кузнец с *чуолганом* – деревянной чуркой, на которой стягивали железную проволоку, и кузнец без *чуолгана*.

Якутский кузнец (*тимир ууһа*) при посвящении в секреты мастерства преодолевал три препятствия (*буомчу)*. Во время перехода через первую речку он строил мост из серебра, через вторую – мост уже из чистого золота, а через третью – строил мост из самого чистого ковкого железа, но обычно для этого не хватало материала [38].

Добыча железной руды и выплавка железа

Становление металлурга продолжалось в течение всей жизни. С 8–10-летнего возраста дети уже начинали помогать мастеру, в особенности сыновья, – просеивали уголь или измельчали руду, а также участвовали в других простых операциях. Только после 10- или 15-летнего курса обучения старый мастер мог доверить сыну или подмастерье произвести самостоятельную плавку железа [37. С. 10].

Согласно этнографическим материалам, горняки-заготовщики снабжали рудой профессиональных плавильщиков, а те, в свою очередь кричным железом – кузнецов.

По свидетельству информантов, кузнецы с местности Чап (бассейн Верхнего Вилюя) добавляли в плавку кости скота и перья птицы, тогда шлак раскалывался, и железо получалось ковким и пористым. Руду хорошего качества добывали и выплавляли кричное железо в Верхней Буотаме (р. Малая Ботама) – на границе Кангалассского и Олекминского улусов, Усть-Алданском улусе, между селами Тююлээх и Бээрийэ, в районе левого притока Алдана Тимирдээх юрюйэ [38].

Считалось, что чем тверже уголь, тем «сталеватее» получается железо, выплавленное на этом угле. Ввиду этого уголья готовили из пней лиственницы. Разрубив их, поленья ставили в клетку или стоймя в коническую кучу, затем поджигали. Когда куча сгорала, получались уголья, дальнейшее горение старались прекратить, заливая водой, а если зимой, то засыпали снегом, но так, чтобы уголья не отсырели [9. С. 25].

Якутское плавильное производство относится к сыродутным способам выплавки железа. При этом в горн загружали железную руду и уголь. В него с помощью мехов нагнетали «сырой», неподогретый воздух, отсюда и название техники. В плавильном процессе мех играет особую роль. Как и сама печь, кузнечный мех прошел длительный путь развития.

Известно, что вилюйские металлурги в местности Сата смогли организовать добычу рудного минерала в количестве 6–8 куч, что составляло примерно 12–16 возов, или где-то 360–480 пудов металлургического сырья. Средний мастер в год производил от 4 до 6 плавок, для чего требовалось 8–12 возов руды. В пору наивысшего расцвета вилюйские плавильщики ежегодно могли добывать около 3 000 пудов железорудного сырья.

Производство руды составляло отдельный процесс. Удлиненными кучами складывались сухие поленья, сверху закладывали руду и обжигали медленным способом. На следующее утро тяжелыми молотками измельчали полученные рудные камни. Во время обжига руда произвольно очищалась от песчаных наносов. С этим сырьем, уже подготовленным к плавке, работали доменщики. Углежжение происходило в лесу, в вырытых ямах. Сверху их закрывали сплошным слоем земляного дерна, чтобы пережог углей происходил равномерно. Главное – добиться максимальной малозольности и заготовить высококалорийное топливо. Одна из самых трудоемких работ – заготовка древесины. Если производить в год по 6–8, 10 плавок, то объем древесины возрастает соответственно.

В нижней части основания печи специально делали яму – гнездо горна. Обмазывали огнеупорной глиной. Конструктивная часть печи напоминает современную металлургическую домну. Устройство и прорез макета похожи на якутский глинобитный камелек, только более замкнутый и глухой. Внизу делается небольшое отверстие, которое плотно закрывается плоским песчаником. Стенки шахты цилиндра изнутри обмазываются глиной. По-якутски это называется *уһаарар оһох* ‘плавильная печь’. Конусообразную трубу для механического дутья, так называемую фурму, делают из горшечной глины и специально обжигают.

Плавильная печь как бы заряжается, как гильза, твердым топливом и рудным материалом. По мере

сжигания топлива уровень его опускается ниже, входя в зону интенсивного горения. Температура доходит до 1 300–1 400°С. Руда расправляется и уходит вниз, образуя губчатую массу. Наблюдая за процессом сжигания угля и ухода минерала, сам мастер или его доверенный человек распоряжался подзарядить рабочую шахту плавильной печи. Для этого рудоносу с ковшиком весом примерно 20 кг приходилось подниматься по лестнице и засыпать уголь и руду.

В течение производственного сеанса засыпка производилась 12–13 раз. Через каждые полчаса меховщики сменяли друг друга. Подача воздуха не останавливалась, даже во время обеденного перерыва. На заключительной стадии плавильного процесса якутский домник выпускал жидкий шлак через просверленный дверной проем.

После окончания плавки кричное железо выносили из гнезда. Это очень трудоемкая операция, в которой кроме рабочих участвовали дети, старики, женщины. В качестве рычага использовали мерзлое длинное бревно небольшой толщины. Горячую крицу опускали по наклонной плоскости на место, где торопились ее разделать стальными топорами на части, стараясь не пропустить температурный нагрев болванки. После рассортировки кричного железа на «сюрэх тимир» (уклад), «сирэй тимир» (менее сталевидное) и «кэтэх тимир» (недоброкачественное железо) благодарили духа огня и своего предка, а затем пировали [30. С 36–39].

В древности якутские плавильщики пользовались примитивным мехом, сделанным из кожаной сумы и называвшимся *халаабыс кюёт* ‘кожаный горн’ или *тылбыы кюёт* ‘горн, работающий с помощью зажима’. Его приводили в действие, используя деревянные зажимы – *тылбыы*. Дутье обеспечивалось поднятием и опусканием сумы. Она вставлялась в небольшое отверстие тигельного горна. *Баттааһын кюёт* ‘горн, работающий с помощью нажатия’ обеспечивал более длительное дутье [31. С. 32].

Опочная земля – *сыттаах буора* ‘пахнущая земля’, на которой ничего не росло, добывалась на таттинских горах и Алдане. Предварительно обратив ее в густое тесто, землю прокаливали докрасна, затем толкли и просеивали через частое сито и делали из нее опоки [38].

В специальных доменных печах якутские плавильщики из руды получали кричное железо. Качество закаленной якутской стали высоко оценивали иностранные и русские исследователи. Плавке рудного сырья предшествовал длительный подготовительный этап. Начальный доплавильный период работ длился от нескольких суток до целого месяца. Якутские плавильщики заготавливали руду осенью, в конце августа или середине сентября, после сенокоса. Мастер-плавильщик мог собрать столько руды, сколько смог заготовить древесного угля для выплавки добытого минерала.

Для дальнейшей обработки больших кусков крицы кузнецы строили высокий сарай с горном посередине. Рядом ставили большой чурбан в качестве деревянной наковальни. Сильно раскаленные куски с помощью длинных клещей ставили на эту «наковальню и специальным инструментом, напоминающим колун, разрубали на мелкие куски, затем эти куски заново накаляли и на железной наковальне ударами молотов растягивали до нужных размеров. Разрубание крицы *болгуо* производили, следя за прожилками, поэтому этот процесс назывался *батыы* ‘повторение следа’ [25. С. 175–177].

Технология и секреты мастерства мастера-домника передавались из поколения в поколение. К плавильному процессу подключалась близкая родня плавильщика или сами заказчики-помощники [39]. Для выплавки железа из руды использовали специальную печь-домницу *yhaapap ohox*. Описываемая В.Л. Серошевским плавильная печь *yhaapap ohox* имеет высоту 1–2 м и ширину 0,9 м [11. С. 360]. Такую же высоту наблюдал В.В. Ливадин в бывшем Баягантайском улусе [9. С. 15]. По свидетельству информантов, металлургические печи для кустарного производства железа имели форму цилиндрической гильзы со значительным утолщением в нижней части. Ее строили обычно несколько наклонной [38, 39].

Кузнец и мифоритуальное пространство

В мифоритуальном пространстве кузнец наделен креативной функцией. Согласно традиционному мировоззрению, он был связан с миром божеств *айыы* и обладал созидательной силой, а потому «выковывал души» детей и отдавал их самой богине деторождения *Айыысыт*. Неслучайно *кут* – душа девочки заключалась в ножницах, а мальчика – в стреле лука. В мифологической песне, описывающей божество деторождения *Айыысыт*, есть следующие строки: «С нею души детей: душу мальчика, превратив в стрелу, заткнула за правое голенище, душу девочки, превратив в ножницы, заткнула за левое голенище, жеребячью уздечку прицепила на выступ седла и приспустила на правую сторону». В старину сразу после рождения ребенка, в зависимости от его пола, заказывали ножницы или лук со стрелой, которые обладали сильной апотропеической функцией: ножницы клали под подстилку, а лук со стрелами подвешивали над колыбелью. Иногда перед сном новорожденного специально около колыбели крошили сырой металл (железо), чтобы напугать *абаасы* (злые духи боялись скрежета железа) [40. С. 55, 56, 58].

Существовало старинное поверье, что «если человек с нехорошим глазом» посмотрит в печь при плавке, то крица *болгуо* не удастся. «Побывавши у покойника в текущем месяце, когда происходит плавка, посмотрев в печь, можно испортить плавку на весь этот месяц. Так что плавильщик принужден оставить плавку до новолуния. Даже в том случае, если этот человек подержит в руках какое-нибудь из орудий, употребляемых при плавке, занимающиеся плавкой руды никогда не разбогатеют» [9. С. 79].

Замечая сложные обряды кузнецов, Я.И. Линденау писал, что «кузнецы обязаны, когда они изучили свое ремесло, принести один раз благодарственную жертву *Уус төрдө* – скотину черной масти» [41. С. 44]. Приведем один из наиболее интересных по своему сюжету обрядов посвящения в кузнецы: «После того как будущий кузнец обзаводится необходимыми инструментами и кузницей, через некоторое время посторонние

и сам кузнец слышат, как ночью кузница работает сама: стучит молот, шипит кузнечный мех. Это кузница – *иччилэнэр* (вселяются духи). Кузнец на это не обращает внимания и продолжает заниматься своим ремеслом. Ночная работа в кузнице увеличивается. Между тем начинается кузнечная болезнь, и кузнец вынужден пригласить шамана, чтобы тот исследовал причину болезни. После камлания шаман говорит больному: "*Кытай Бахсы* услышал шум и стук (*дарбаныы, сибэнии*) твоего молотка и наковальни. Он просит в жертву третьего черного бычка" (другой масти не допускается). Требуемый бычок приводится. Над ним совершается камланье, в котором шаман берет *кут* (душу) этого бычка и вручает *Кытай Бахсы*. При вручении он обращается к нему со следующей просьбой: "Я принес тебе за этого человека "бэрик" (жертву)". Ты его не трогай, а сделай кузнецом". После камланья бычка связывают. У живого животного вытаскивают сердце кузнечными клещами и кладут на наковальню. Посвящаемый должен его ударить молотом и раскрошить. Если он одним ударом раскрошит сердце, то из него выйдет хороший кузнец, если двумя, тремя ударами – получается средний или плохой кузнец. С этого времени вновь посвященный кузнец становится специалистом-профессионалом. Его душа (кут) находится под покровительством *Кытай Бахсы*, становится как бы его неприкосновенной собственностью. Против такого посвященного кузнеца шаман бессилен. Если *абаасы* (дьявол) шамана в погоне за *кут* (душой) кузнеца подойдет к огню кузницы *Кытай Бахсы*, куда скроется кут кузнеца, *Кытай Бахсы* может взять этого абаасы своими клещами и зажарить на огне; тогда шаман умирает. *Кытай Бахсы* вечно "кузнечит". Огонь, раздуваемый его горном, охватывает пространство в целый мир, и он сидит в середине его. Никто не осмеливается подойти к нему близко. *Кут* кузнеца входит в самую середину этого огня. *Кытай Бахсы* – существо, отличное и от *Танара* (Бога) и от Абаасы (дьявола). Абаасы его боится» [42. С. 84].

Известный якутский кузнец, народный мастер РС (Якутии), хранитель народных традиций Б.Ф. Неустроев-Мандар Уус прошел в молодости обряд посвящения в кузнецы: «Вечером забили скот, вынув сердце жертвы с печенью, после захода солнца затопили кузнечный горн. Разделив печень на четыре части, отец его положил по четырем углам кузницы. Сердцем, после того как разбили на молотобойне, угостил он духа – хозяина огня. Слова, произнесенные отцом, он не понял, все время говорил Кытай Бахсы» [30. С. 117–119].

Во время обряда посвящения кузнеца огромное значение уделялось алгысам – заклинаниям. Следует отметить, что алгысы культа кузнецов имеют некоторые специфические особенности: они иногда исполнялись шаманами, в некоторых случаях адресантами выступали сами кузнецы. В большинстве случаев являлся сам дух-покровитель Кыыдай Махсыын уус, а адресантом был шаман.

Современные кузнецы

Якутские кузнецы и их изделия – ножи, хомусы, ювелирные изделия и др. – известны во всем мире не только качественным исполнением, но также уникальной техникой. Несмотря на то, что современные якутские кузнецы используют инновационные материалы и владеют технологиями металлообработки и малой металлургии, они соблюдают и древние каноны ковки и обработки металла. В последнее время идет активный процесс возрождения старинного кузнечного ремесла. Отрадно, что каждый год стали проводится различные мероприятия регионального, всероссийского и международного уровня (конкурсы, выставки, мастер-классы и т.д.) по распространению кузнечного ремесла среди населения и приобщению молодежи к сакральному пространству культа Кыдай Бахсы – покровителя кузнецов. С каждым годом становится все больше молодых кузнецов, работающих на сохранение и развитие традиций художественной обработки металла и кузнечного ремесла.

С 2009 г. ежегодно проводится выставка кузнецов Якутии «Дархан Уус». Традиционно в рамках выставки-продажи проходят состязания ведущих мастеров – изготовителей якутского ножа. Организатором данного мероприятия выступает РОО «Союз кузнецов Республики Саха (Якутия)». Почетным Председателем правления является Борис Федорович Неустроев – Мандар Уус, председателем правления – Роман Ильич Готовцев– Мындыр Уус. Кроме этого, РОО «Союз кузнецов» в целях распространения народных традиций, связанных с кузнечным ремеслом и черной металлургией, каждый год во время республиканских праздников Ысыах Туймаады и Ысыах Олонхо проводит мероприятие, где презентуется выплавка железа из руды с использованием старинных технологий.

Таким образом, сегодня на фоне возрождения интереса к своему прошлому чрезвычайно важным является сохранение и развитие кузнечества как неотъемлемой части культурного наследия.

Список источников

1. Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторическом прошлом якутов) // Известия народного образования в Чите. 1923. № 1. С. 1–39.
2. Окладников А.П. История Якутской АССР. М. ; Л. : Наука, 1955. Т. I: Якутия до присоединения к Русскому государству. 295 с.
3. Константинов И.В. Ранний железный век. Новосибирск : Наука, 1978. 129 с.
4. Василевич Г.М. Эвенки : историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л. : Наука, 1969. 304 с.
5. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. М. : Наука, 2005. 675 с.
6. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / подгт. А.Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А.Х. Элерт. М. : Памятники ист. мысли, 2009. 456 с.
7. Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе–сентябре 1734 г. (из книги "Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734") // Кузнецкая старина. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. С. 86–108.
8. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. II: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. 178 с.

9. Ливадин В.В. О якутских ремеслах // Рукописный отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (РО ИГИиПМНС СО РАН). Ф. 5. Оп. 1. Д. 351.
10. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л. : Наука, 1969. 439 с.
11. Серошевский В.Л. Якуты : опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : Рос. полит. энцик., 1993. 736 с.
12. Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области. СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1887. Ч. 3. 228 с.
13. Стрелов С.А. К вопросу об эксплуатации залежей железных руд по рр. Ботоме и Лютенге (по архивным данным) // Хозяйство Якутии. 1928. № 1. С. 48–63.
14. Струминский М.Я. Кустарный способ добычи руды и выплавки из нее железа якутами // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск : Якут. гос. изд-во, 1948. С. 49–59.
15. Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. М. : ЛИБРОКОМ, 2018. 416 с.
16. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск : Кн. изд-во, 1971. 212 с.
17. Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск : Наука, 1978. 128 с
18. Архипов Н.Д. Древние культуры Якутии. Якутск : Кн. изд-во, 1989. 188 с.
19. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха Средневековья. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. 96 с.
20. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск : Бичик, 1995. 224 с.
21. Зыков Ф.М. Ювелирные изделия якутов. Якутск : Кн. изд-во, 1976. 64 с.
22. Иванов В.Н. Кузнечное дело якутов XVII в. // Якутский архив. 1966. Вып. 3. С. 64–75.
23. Антонов Н.К. О якутских металлургических терминах // Полярная звезда. 1977. № 6. С. 101–109.
24. Гоголев А.И. Происхождение народа саха и его традиционной культуры. Якутск : Изд. Дом СВФУ, 2018. Ч. 1. 256 с.
25. Васильев В.Е. Кузнечество // Якуты-саха. М. : Наука, 2013. С. 172–178.
26. Дьяконов В.М., Бравина Р.И. Нюрбинский бронзовый кельт (к вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4 (3). С. 12–15.
27. Алексеев Н.А. Обряд посвящения в кузнецы у якутов // Из истории Якутии XVII–XIX веков. Якутск : Якуткнигоиздат, 1965. С. 119–120.
28. Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса : на материале традиций саха. Новосибирск : Наука, 2005. 307 с.
29. Романова Е.Н. Люди солнечных лучей с поводьями за спиной (судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов). М. : КМЦ ИЭиА РАН, 1997. 200 с.
30. Ефимова Л.С. Алгыс саха (якутов) в свете фольклорных традиций тюрко-монгольских народов Сибири : классификация, общая характеристика. Новосибирск : Наука, 2013. 178 с.
31. Уткин К.Д. Черная металлургия якутов второй половины XIX – начала XX вв. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1992. 88 с.
32. Николаев Е.Н. Новые материалы по черной металлургии якутов XV–XVII вв. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12. С. 16–23.
33. Николаев Е.Н. Куогастаах: новый памятник железоплавильного производства в долине Р. Тонгуо (Верхневилюйский район, РС (Я) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 181–190.
34. Николаев Е.Н. Некоторые вопросы классификации якутских сыродутных горнов // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 124–132.
35. Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза. М. : Ладомир, 2014. 552 с.
36. Уткин К.Д. Мастера хомуса – носители металлургической культуры якутов. Якутск : Ситим, 1994. 15 с.
37. Уткин К.Д. Культура народа саха: этнофилософский аспект. Якутск : Бичик, 1998. 368 с.
38. Информант: С.К. Колодезников, 1961 г.р., г. Якутск, запись от 2012 г.
39. Информант: Слепцов И.П, 1939 г.р., с. Тыараса, Таттинский улус, запись от 2016 г.
40. Саввин А.А. Фетишизм // РО ИГИиПМНС СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 66.
41. Линденау Я.И. Описание народов Сибири: (первая половина XVIII века). Магадан : Кн. изд-во, 1983. 176 с
42. Корнилов И. Из якутских поверий. Как становятся шаманами. Обряд посвящения кузнеца и Кытай Бахсы – предок кузнецов // ИВСОРГО. Вып. XXXIX. 1908. С. 84–85.

References

1. Petri, B.E. (1923) Doistoricheskie kuznetsy v Pribaykal'e (k voprosu o doistoricheskom proshlom yakutov) [Prehistoric blacksmiths in the Baikal region (to the question of the prehistoric past of the Yakuts)]. *Izvestiya narodnogo obrazovaniya v Chite*. 1. pp. 1–39.
2. Okladnikov, A.P. (1955) *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka.
3. Konstantinov, I.V. (1978) *Ranniy zheleznyy vek* [Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka.
4. Vasilevich, G.M. (1969) *Evenki: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenki: Historical and ethnographic essays (18th – early 20th century)]. Leningrad: Nauka.
5. Iokhelson, V.I. (2005) *Yukagiry i yukagirizovannye tungusy* [Yukagirs and Yukagirized Tungus]. Moscow: Nauka.
6. Miller, G.F. (2009) *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian Peoples]. Translateed from German by A.Kh. Elert. Moscow: Pamyatniki ist. mysli.
7. Gmelin, I.G. (2003) Poezdka po Rudnomu Altayu v avguste–sentyabre 1734 g. (iz knigi "Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734") [Journey through Rudny Altai in August–September 1734 (from the book "Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734")]. In: *Kuznetskaya starina* [Kuznetsk Old Times]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'. pp. 86–108.
8. Georgi, I.G. (1799) *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey* [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, habits, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other monuments]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].
9. Livadin, V.V. (n.d.) *O yakutskikh remeslakh* [About Yakut crafts]. Manuscript Department of the Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 5. List 1. File 351.
10. Khudyakov, I.A. (1969) *Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of the Verkhoyansk district]. Leningrad: Nauka.
11. Seroshevskiy, V.L. (1993) *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: Ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: Ros. polit. entsik.
12. Maak, R.K. (1887) *Vilyuyskiy okrug Yakutskoy oblasti* [Vilyuysky district of the Yakutsk region]. Vol. 3. St. Petersburg: A. Transhel.
13. Strelov, S.A. (1928) K voprosu ob ekspluatatsii zalezhey zheleznykh rud po rr. Botome i Lyutenge (po arkhivnym dannym) [On the exploitation of iron ore deposits along the river Botome and Lutenge (according to archival data)]. *Khozyaystvo Yakutii*. 1. pp. 48–63.
14. Struminskiy, M.Ya. (1948) Kustarnyy sposob dobychi rudy i vyplavki iz nee zheleza yakutami [Handicraft method of mining ore and smelting iron from it by the Yakuts]. In: *Sbornik materialov po etnografii yakutov* [Collection of materials on the ethnography of the Yakuts]. Yakutsk: Yakut. gos. izd-vo. pp. 49–59.
15. Tokarev, S.A. (2018) *Obshchestvennyy stroy yakutov XVII–XVIII vv.* [The social structure of the Yakuts in the 17th–18th centuries]. Moscow: LIBROKOM.
16. Konstantinov, I.V. (1971) *Material'naya kul'tura yakutov XVIII veka (po materialam pogrebeniy)* [Material culture of the Yakuts of the 18th century (based on burial materials)]. Yakutsk: Kn. izd-vo.
17. Konstantinov, I.V. (1978) *Ranniy zheleznyy vek Yakutii* [Early Iron Age of Yakutia]. Novosibirsk: Nauka.

18. Arkhipov, N.D. (1989) *Drevnie kul'tury Yakutii* [Ancient cultures of Yakutia]. Yakutsk: Kn. izd-vo.
19. Alekseev, A.N. (1996) *Drevnyaya Yakutiya: zheleznyy vek i epokha Srednevekov'ya* [Ancient Yakutia: The Iron Age and the Middle Ages]. Novosibirsk: SB RAS.
20. Vasiliev, F.F. (1995) *Voennoe delo yakutov* [Military affairs of the Yakuts]. Yakutsk: Bichik.
21. Zykov, F.M. (1976) *Yuvelirnye izdeliya yakutov* [Yakut jewelry]. Yakutsk: Kn. izd-vo.
22. Ivanov, V.N. (1966) Kuznechnoe delo yakutov XVII v. [Blacksmithing of the Yakuts of the 17th century]. *Yakutskiy arkhiv*. 3. pp. 64–75.
23. Antonov, N.K. (1977) O yakutskikh metallurgicheskikh terminakh [On Yakut metallurgical terms]. *Polyarnaya zvezda*. 6. pp. 101–109.
24. Gogolev, A.I. (2018) *Proiskhozhdenie naroda sakha i ego traditsionnoy kul'tury* [The origin of the Sakha people and their traditional culture]. Vol. 1. Yakutsk: NEFU.
25. Vasiliev, V.E. (2013) Kuznechestvo [Blacksmithing]. In: *Yakuty-sakha* [Yakuts-Sakha]. Moscow: Nauka. pp. 172–178.
26. Dyakonov, V.M. & Bravina, R.I. (2015) Nyurbinskiy bronzovyy kel't (k voprosu o kul'turnykh svyazyakh Yakutii i sopredel'nykh territoriy v epokhu paleometalla) [Nyurba Bronze Celt (on the issue of cultural ties between Yakutia and adjacent territories in the Paleometal era)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 4(3). pp. 12–15.
27. Alekseev, N.A. (1965) Obryad posvyashcheniya v kuznetsy u yakutov [The ceremony of initiation into blacksmiths among the Yakuts]. In: *Iz istorii Yakutii XVII–XIX vekov* [From the history of Yakutia in the 17th–19th centuries]. Yakutsk: Yakutknigoizdat. pp. 119–120.
28. Bravina, R.I. (2005) *Kontseptsiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: na materiale traditsiy sakha* [The concept of life and death in the culture of the ethnos: based on the traditions of the Sakha]. Novosibirsk: Nauka.
29. Romanova, E.N. (1997) *Lyudi solnechnykh luchey s povod'yami za spinoy (sud'ba v kontekste miforitual'noy traditsii yakutov)* [Sunbeams people with reins behind their backs (fate in the context of the Yakut mythological and ritual tradition)]. Moscow: RAS.
30. Efimova, L.S. (2013) *Algys sakha (yakutov) v svete fol'klornykh traditsiy tyurko-mongol'skikh narodov Sibiri: klassifikatsiya, obshchaya kharakteristika* [Algys Sakha (Yakuts) in the light of the folklore traditions of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia: Classification, general characteristics]. Novosibirsk: Nauka.
31. Utkin, K.D. (1992) *Chernaya metallurgiya yakutov vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Ferrous metallurgy of the Yakuts in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo.
32. Nikolaev, E.N. (2018) Novye materialy po chernoy metallurgii yakutov XV–XVII vv. [New materials on ferrous metallurgy of the Yakuts in the 15th–17th centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 12. pp. 16–23.
33. Nikolaev, E.N. (2019) Kuogastaakh: novyy pamyatnik zhelezoplavil'nogo proizvodstva v doline R. Tonguo (Verkhnevilyuyskiy rayon, RS (Ya) [Kuogastaakh: a new iron-smelting site in the R. Tonguo valley (Verkhnevilyuisky district, RS (Y)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 11. pp. 181–190.
34. Nikolaev, E.N. (2021) Some reflections on the classification of Yakut iron-smelting furnaces. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 465. pp. 124–132. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/465/17
35. Eliade, M. (2014) *Shamanizm i arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism and archaic techniques of ecstasy]. Moscow: Ladomir.
36. Utkin, K.D. (1994) *Mastera khomusa – nositeli metallurgicheskoy kul'tury yakutov* [Masters of khomus are carriers of the metallurgical culture of the Yakuts]. Yakutsk: Sitim.
37. Utkin, K.D. (1998) *Kul'tura naroda sakha: etnofilosofskiy aspect* [Culture of the Sakha people: An ethno-philosophical aspect]. Yakutsk: Bichik.
38. Informant: S.K. Kolodeznikov, born in 1961, Yakutsk, entry dated 2012.
39. Informant: Sleptsov I.P., born in 1939, p. Tyarasa, Tattinsky ulus, entry from 2016.
40. Savvin, A.A. (n.d.) Fetishizm [Fetishism]. RO IGIiPMNS SO RAN. Fund 4. List 12. File 66.
41. Lindenau, Ya.I. (1983) *Opisanie narodov Sibiri: (pervaya polovina XVIII veka)* [Description of the peoples of Siberia: (the first half of the 18th century)]. Magadan: Kn. izd-vo.
42. Kornilov, I. (1908) Iz yakutskikh poveriy. Kak stanovyatsya shamanami. Obryad posvyashcheniya kuznetsa i Kytay Bakhsy – predok kuznetsov [From the Yakut beliefs. How do you become a shaman? The blacksmith's initiation ceremony and Kytai Bakhsy – the ancestor of blacksmiths]. *IVSORGO*. XXXIX. pp. 84–85.

***Сведения об авторах*:**
Данилова Наталия Ксенофонтовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия). E-mail: dan_nataliksen@mail.ru
Ушницкий Василий Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Danilova Nataliya K. – PhD in Historical Sciences Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: Dan_nataliksen@mail.ru
Ushnitskiy Vasiliy V. – PhD in Historical Sciences Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation).

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.04.2016; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 18.04.2016; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/19988613/81/20

Феномен экстрактивизма в системе внутри- и межэтнических коммуникаций: к расширению предметной области этнической истории и прикладной антропологии

Александр Николаевич Садовой

Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр РАН», Сочи, Россия, sadovoy.a.n@gmail.com

Аннотация. Предлагаются методологические подходы исследования феномена экстрактивизма. На основе материалов полевых исследований в сельских анклавах Южной Сибири и США (Аляска) сформулирована рабочая гипотеза о цикличном характере проявления этого феномена. Отмечено, что вне зависимости от форм проявления экстракции со стороны горнодобывающих предприятий изменение системы коммуникаций между социальными институтами, вовлеченными в этот процесс, сохраняется в исторической памяти и может выступать механизмом дестабилизации этносоциальной обстановки.
Ключевые слова: экстрактивизм, системный и процессный подходы, этнические процессы

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (грант РНФ № 20-68-46043). Руководитель: д.и.н. Д.А. Функ. Методика исследования апробирована в ходе разработки госбюджетной темы «Мониторинг этносоциальной обстановки в субъектах РФ: методология и методики информационного обеспечения национальной политики (FGRW-2021-0014). Руководитель темы: д.и.н., проф. А.Н. Садовой.

Для цитирования: Садовой А.Н. Феномен экстрактивизма в системе внутри- и межэтнических коммуникаций: к расширению предметной области этнической истории и прикладной антропологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 170–184. doi: 10.17223/19988613/81/20

Original article

The phenomenon of extractivism in the intra- and interethnic communications system: to the expansion of the ethnic history and applied anthropology subject area

Alexandre N. Sadovoy

Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Sochi, Russian Federation, sadovoy.a.n@gmail.com

Abstract. The history of Russia, one of the largest states in the world with hundreds of peoples and ethnic groups, is one of the most difficult objects of research. Actually, the structure of the population determines the expediency of studying the history of national politics, not only in the context of studying the genesis of the state (as a social institution) but also – ethnic processes, initiated by political history and the main trends of state socio-economic infrastructure change. In this context, the processes initiated by the large industrial enterprises expansion (extraction) in the areas inhabited and traditionally used by the small indigenous peoples of Russia and the world are of particular interest.

As the results of the study (Russia, South Siberia, USA-Alaska) show, the general orientation (trends), global patterns and the specificity of the reaction (extractivism) from ethnic minorities to these influence forms (intra- and inter-ethnic communication systems) depends on: a) traditional systems of subsistence and nature management preservation; b) the nature of integration into the regional system of market communications; c) ethnopolitical consolidation level.

When identifying the regional specificity of forms of extractivism, a special place is given to applied anthropology, the subject area of which (in ethnology) is determined by the study of modern social processes that influence the transformation of traditional social institutions, systems and cultures of life support for ethnic minorities. This group of ethnic processes, as a rule, has a latent form and can only be identified on the basis of field research of intra- and inter-ethnic communications system; the nature of interaction of social institutions of ethnic minorities not only with the institutions of state power, but also with enterprises focused on minerals extraction, located in the traditional nature management zones.

Regardless of the extraction manifestation nature, the change in the communication system between social institutions involved in this process (business structures, authorities and self-government, the population of rural enclaves) remains in historical memory and can act as a mechanism (complex of causal relationships) for destabilizing the ethno-social situation.

The transformation of social communications can be the object of scientific forecasting of the direction and content of ethnic processes. The methodological basis for solving this problem is a systematic and a process-based approach. The main method is the ethnic processes modeling based on historical precedents and ethnic processes latent forms identification (case study).

Due to the fact that modern ethnic processes in areas of intensive industrial development have not received adequate coverage in regional historiography, it should be noted that the anthropology of extractivism (as applied an-

© А.Н. Садовой, 2023

thropology direction) has a clearly defined prospect of forming the source base for studying the history of the peoples of Russia.

Keywords: extractivism, systemic and process approaches, ethnic processes

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the project "Anthropology of extractivism: research and design of social changes in resource-type regions" (Russian Science Foundation grant No. 20-68-46043). Head: Doctor of History, prof. D. A. Funk. The research methodology was tested during the development of the state budget topic "Monitoring the ethno-social situation in the constituent entities of the Russian Federation: methodology and methods for national policy information support" (FGRW-2021-0014). Topic leader: Doctor of History, prof. A.N. Sadovoy.

For citation: Sadovoy, A.N. (2023) The phenomenon of extractivism in the system of intra- and interethnic Communications: towards the expansion of the Subject area of Ethnic history and applied anthropology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 170–184. doi: 10.17223/19988613/81/20

Введение

Включение категории «экстрактивизм» в современную отечественную историографию [1, 2] во многом определено проблемами регулирования конфликтных ситуаций между горнодобывающими предприятиями (компаниями) и автохтонными этносами, обладающими правовым статусом коренных малочисленных народов. Обусловленное этим расширение предметной области социальной и прикладной антропологии определено глобальным трендом трансформации традиционных социальных институтов, системы и культуры жизнеобеспечения данных народов под воздействием инфраструктурных программ и проектов, реализуемых на этнических территориях. Эти процессы вне зависимости от форм государственного устройства и политических режимов инициируют идентичные реакции автохтонного населения, оказывают прямое или косвенное воздействие как на процесс этнической самоидентификации, так и на динамично меняющуюся систему социальных коммуникаций между органами государственной власти и национальными общественными организациями.

Научное определение содержания категории «экстрактивизм» как формы реакции этнических меньшинств на внешнее воздействие со стороны предприятий промышленности и бизнес-структур, находится на этапе формирования, что во многом определяет зависимость предлагаемых трактовок от решаемых в сфере прикладной антропологии задач. Отталкиваясь от апробированных в зарубежной историографии подходов [2. С. 181–182], его можно использовать в ходе *моделирования социальных последствий* внешнего воздействия на традиционный уклад жизни этнических меньшинств, трансформацию традиционных социальных институтов и иерархически соподчиненных систем внутри- и межэтнических коммуникаций. При этом подходе внимание исследователя обращено на *формы* проявления адаптации индигенных сообществ (автохтонных групп) к изменяющимся «жизненным» условиям; согласно формируемым в историографии установкам – к воздействию ресурсодобывающей индустрии (социальный и экологический импакт). При таком подходе взаимообусловленность адаптационных процессов и характера изменения группового самоопределения рассматривается в контексте проявлений «переживания конфликта и его последствий», т.е. дискурсивного осмысления «травмы и путей ее преодоления». Объективно этот методологический подход оценки этносоциальной ситуации in situ по заданным локальным этническим группам определяет в качестве основного метода исследования «кейс-стади» – метод внедренного наблюдения конфликтной ситуации с акцентированием внимания исследователя-этнографа на проявлениях «переживания», «болевых точках» сторон конфликта и эмоциональной составляющей мотивации сторон конфликта к построению устойчивого диалога [1. С. 144–146]. Таким образом, внимание акцентируется на локальных сообществах и характерных для имманентных процессов латентных по форме внутриэтнических коммуникационных связях, выявляемых в ходе полевых работ, этнологических экспертиз.

С другой стороны, категория «экстрактивизм» используется в историографии для отражения топ-менеджерами компаний стратегической линии, направленной на максимальную концентрацию прибыли от деятельности «своих» предприятий на этнической территории, минимизацию реинвестиций в добычу ресурсов, использование в качестве основной рабочей силы трудовых мигрантов, вывод доходов из региональной, муниципальной, сельской местной экономики. В данном контексте в ходе полевых исследований внимание акцентируется, во-первых, на определении форм проявления и структуры процесса экстракции – изъятия (вывоза) ресурсов из мест их локализации с целью получения прибыли «нерезидентами» вне зависимости от гражданства и места их проживания. К ним относятся акторы и организаторы процесса, финансовое сопровождение, внешние факторы воздействия и т.д. Во-вторых, внимание привлекает система социальных коммуникаций, формируемая в ходе экстракции, с включением комплекса межэтнических коммуникаций между «резидентами» (автохтонами) и «нерезидентами» – представителями «пришлых» этнических групп, вовлеченными в деятельности бизнес-структур. В этой связи понятен и интерес к системе коммуникационных связей между «этническими элитами», представляющими интересы определенных групп населения, попавших под внешний прессинг, и средним звеном руководства горнодобывающих предприятий, сталкивающихся в ходе работ с протестами со стороны сельских анклавов, с реакцией на конфликтные ситуации со стороны представителей органов муниципального самоуправления и структурных подразделений региональных органов власти, отвечающих на проведение национальной политики.

Объективно внимание исследователей при изучении этих сюжетов акцентируется уже не столько на ло-

кальных, сколько на внутрирегиональных, а в отдельных случаях на межрегиональных коммуникационных связях и процессах, в которых проявляется «этнический контекст». При таком подходе прослеживается и перспектива выявления зоны столкновения двух групп интересов, включая этнические, представителей бизнес-сообщества и близких к нему слоев чиновничества и автохтонов. Речь идет именно о групповых интересах. Так, к «этническим интересам» можно отнести стремление сохранить этническую территорию как ресурсную основу жизнеобеспечения, демографическую структуру сельских анклавов, традиционный уклад жизни и сложившиеся социальные страты путем ограничения числа «нерезидентов» в сельских анклавах. Или, наоборот, на основе «диалога» с крупными бизнес-структурами найти наиболее «выгодные» формы интеграции «своей» группы (семейной, клановой, поселковой и т.п.) в формируемую горнодобывающими предприятиями производственную и социальную инфраструктуру. Этот путь, как правило, направлен на поиск альтернативных традиционным системам жизнеобеспечения и природопользования форм сельского предпринимательства, включая рекреационные формы сельской экономики – этнографический, сельский, зеленый туризм и т.д. Сфера групповых интересов, например, представителей управленческих структур может охватывать привлечение инвестиций бизнес-структур в развитие транспортной, энергетической, социальной инфраструктуры сельских анклавов, придание традиционным формам сельской экономики рыночного характера путем реализации сельскохозяйственной и промысловой продукции «нерезидентам» и т.д. Здесь следует отметить, что путь интеграции в динамично меняющуюся социальную среду, основанную на конкуренции, для представителей традиционного общества вне зависимости от его этнического состава является не менее «болезненным» процессом, чем осознанный отказ от предлагаемой органами власти и бизнес-сообществом линии развития, направленной на качественное изменение образа жизни через расширение числа рабочих мест в социальных институтах, не имеющих отношения к традиционной хозяйственной специализации.

В исследовании экстрактивизма как феномена синтез двух проявлений этнических интересов в реакции на процессы экстракции горнодобывающих предприятий имеет внутреннюю логику. Экстракция объективно способствует углублению в среде автохтонных групп социальной, внутриэтнической стратификации, обеспечивающей социальную мобильность. Выражается это в появлении страты «национальной элиты», представляющей интересы попадающих под воздействие реализуемых проектов и программ групп. Объективно эта группа через реализацию программ и уставных требований институтов гражданского общества (национальных общественных организаций, движений) ориентирована на решение ряда практических задач: вхождение в органы муниципального самоуправления и региональные институты власти, получение преференций и льгот, предусмотренных законодательством (например квот на получение бюджетных мест в университетах, органах власти и т.д.), развитие инфраструктуры поселков в местах компактного проживания, кредитование этнических форм предпринимательства, развертывание сети национально-культурных центров и финансирование творческих коллективов. То есть фактически «национальные лидеры» и представленные ими национальные общественные организации выступают на внутрирегиональном и муниципальном уровнях субъектами, а не объектами национальной, экологической или информационной политики федерального центра. В ходе экстракции бизнес-структуры на разных этапах могут сталкиваться с противодействием со стороны сформированных социальных институтов этнических меньшинств, интегрированных в органы власти, а также органов сельского самоуправления, мнение и реакция которых нередко не учитывается.

С другой стороны, парадокс ситуации заключается в том, что модель коммуникации социальных институтов, представляющих этнические интересы коренных малочисленных народов, и бизнес-структур приобретает устойчивость при сохранении традиционных социальных институтов, систем жизнеобеспечения и природопользования, регуляторов на основе «норм обычного права». В связи с этим одним из наиболее существенных проявлений экстрактивизма как дискурсивного осмысления «травмы и путей ее преодоления» выступает обостренное внимание национальных элит к консервации элементов традиционной культуры жизнеобеспечения (знаний в сфере природопользования, элементов жилищной планировки, одежды, бытовой утвари, ремесленных навыков и т.д.) и сельских анклавов, в структуре которых хотя бы часть семей практикует традиционный уклад жизни вне зависимости от степени эффективности используемых форм этнической экономики.

В соответствии с обеими формами реакции на экстракцию, имеющими четко выраженный глобальный характер, проявления феномена экстрактивизма, согласно принципам системного подхода, могут рассматриваться в качестве иерархически соподчиненной динамичной системы социальных коммуникаций. На основе ее анализа можно: формализовать широкий спектр интересов – от групповых до национальных; конкретизировать социальные установки, формируемые органами государственной власти в ходе реализации национальной политики; определить методологические подходы анализа соответствия статуса этнических меньшинств РФ нормам международного права по отношению к коренным малочисленным народам и т.д. Отталкиваясь от процессного подхода, феномен экстракции можно рассматривать как отражение четко выраженного процесса прямого воздействия на этносоциальную обстановку (ЭСО), сложившуюся в жестко ограниченных территориальных рамках – местах (районах, лесных кварталах и т.д.) традиционного природопользования этнических групп. Как показывает накопленный в РФ опыт проведения этнологических экспертиз [3–6], экстракция со стороны предприятий горнодобывающей промышленности объективно инициирует ряд этнических процессов: изменение системы расселения, структуры населения, трансформацию этнической самоидентификации. Это способствует тому, что опубликованные тексты этнологических экспертиз, относимые в клас-

сической этнографии и этнологии к категории этнографических источников, можно рассматривать в качестве верифицированного источника по этнической истории и истории региональной политики, а категорию «экстрактивизм» однозначно отнести к предметной области прикладной антропологии (applied anthropology) – отрасли знаний, получившей в последние десятилетия развитие как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

В соответствии с принципами системного подхода в зависимости от иерархической соподчиненности структура и характер социальных связей (коммуникаций) могут иметь существенные различия. В этой связи делать однозначные оценки проявлений последствий экстракции на уровне сельских анклавов, муниципальных образований, субъектов РФ не совсем корректно. Более того, даже на низовом уровне сельских анклавов в зависимости от этнического состава, их социально-экономической и социокультурной инфраструктуры, истории разработки природных ресурсов, смены политических режимов и форм управления территориями степень воздействия экстракции на разные группы населения, включая этнические, может существенно отличаться. Эта тенденция хорошо известна специалистам в области прикладной антропологии. Так, в американской историографии по экономике автохтонного населения штата Аляска (США) интересы интегрированных лиц и групп населения – трудовых мигрантов, переселенцев (в первом поколении), привлекаемых специалистов в сфере образования, медицины, охраны природы и т.д. – рассматриваются в контексте экономических и социокультурных интересов автохтонных групп. На основе сравнительно-типологического анализа материалов полевых исследований проводится разграничение сельских анклавов коренного населения на три группы: сохраняющие традиционные системы жизнеобеспечения (Traditional Systems of Subsistence); со смешанными (включая рыночную) формами этнической экономики (Mixed Forms); с рыночными формами этнической экономики (Market Forms). Дифференциация моделей жизнеобеспечения сельских анклавов определяет признание специфики для каждой из групп системы социальных коммуникаций, динамики ее трансформации, характера и факторов внешнего воздействия на эти процессы, т.е. проявлений экстракции и инициированной ею реакции этнических групп. Проиллюстрируем это положение на материалах полевых исследований 1990–2010-х гг. в сельских анклавах Саяно-Алтайского экорегиона и штата Аляска [7–12].

1. Экстрактивизм в системе внутри- и межэтнических коммуникаций традиционных моделей жизнеобеспечения

1.1. Аляска

Для социумов, осознанно сохраняющих традиционные социальные институты и системы жизнеобеспечения, характерны: потребление основной части производимой продукции (промыслов, животноводства, огородничества и др.); эпизодическая реализация продукции на внутрирегиональном рынке; ограниченное денежное обращение в границах населенных пунктов; формирование основной части семейных бюджетов за счет предлагаемых государством социальных пакетов (программ).

«Натуральный характер» хозяйства и обусловленный им жизненный уклад населения поселков во многом определяются труднодоступностью поселков. Дороги (в случае их наличия) между населенными пунктами недоступны в межсезонье, товаропоток обеспечивается частными авиакомпаниями, а мобильность населения – экстенсивными формами хозяйства и производственным циклом, определяющим смену сезонных пастбищ и промысловых участков. Характер экстракции горнодобывающих предприятий, локализованных в сопредельных районах, на население этих поселков может быть как спонтанным, так и перманентным. Однако во всех случаях он имеет латентную природу для участников этого процесса и опосредованный по форме характер воздействия на традиционный уклад жизни сельских анклавов. Все это определяет специфику реакции населения на экстракцию со стороны бизнес-структур.

В качестве примера на территории Аляски можно привести реакцию гвитчин деревни Арктик-виллиж (резервация Виниту, бассейн р. Чандалар – притока р. Юкон) на проводимую правительством США с начала 1970-х гг. национальную политику [12–13]. Данные приводятся по состоянию на конец 1990-х гг. [14–15]. Резервация Виниту представляет собой социальный институт, сформированный несколькими родовыми группами (Bands) охотников и рыболов, перешедших «к оседлости» только в 1930-е гг. Состав населения поселка за все время его существования был моноэтничным, «нерезиденты» допускались только на временной основе. Фокусом внутриэтнической консолидации были школа и епископальная церковь. Отличие от сопредельных районов Канады проявлялось в том, что все священнослужители построенной в Арктик-виллидж церкви за всю ее историю были представителями социальной страты вождей (chiefs) и шаманов, «принявших христианство», т.е. представителями семей, основавших поселок (резидентов). Школа также была построена в границах поселка; преподаватели привлекались на временной основе и не являлись резидентами. Процесс обучения осуществлялся без отрыва от семей и начиная с 1930-х гг. всегда находился под прямым контролем Совета резервации («старейшин»). Это не приводило, как в Канаде, к распаду внутрисемейных и поселковых традиционных социальных связей, утрате традиционного мировоззрения.

Специфика форм экстрактивизма под признанным в среде атабасков США и Канады лозунгом «последнего фронтира» (Last Frontier), экспансии со стороны «белых», проявилась в том, что жители резервации в начале 1970-х гг. отказались от предлагаемых правительством США всех форм ликвидации резервации, отчуждения части территорий традиционного природопользования с предоставлением денежной компенсации и смены «племенной» формы земельной собственности на частную. Одним из факторов воздействия на предлагаемую федеральными органами власти линию стало «движение зеленых», спровоцировавшее паде-

ние спроса на пушнину – единственный устойчивый источник формирования семейных бюджетов за счет промыслов в этом районе. Во многом сопротивление мейнстриму национальной политики США и Канады на территории Аляски обеспечивалось труднодоступностью региона, ограничивающей возможность доступа горнодобывающих предприятий к подземным ресурсам. Даже в настоящее время добраться к резервации можно исключительно с согласия племенной администрации и только частными авиакомпаниями.

Спонтанный характер экстракции проявился в 1970-е гг., в период проведения правительством США курса правового закрепления этнической территории и формирования «региональных корпораций» в среде автохтонного населения штата Аляски, т.е. социальных институтов, которые, согласно американскому законодательству, могли быть интегрированы в горнодобывающие корпорации или в систему договорных отношений с ними и которые определяли характер «использования» части этнической территории «на взаимовыгодной основе». Причиной политики «патернализма», сопровождающегося выплатой региональным корпорациям компенсаций (более 860 млн долл.) за отчуждение земель, были открытие месторождений полезных ископаемых на севере Аляски и осознанная необходимость поиска юридических «лазеек» для обеспечения безопасности Трансаляскинского трубопровода от Норт-Слоупа до Вальдеса (800 миль), проходящего через этнические территории [16]. Здесь мы сталкиваемся со стратегической линией национальной политики государства по комплексному и повсеместному решению проблемы промышленного освоения труднодоступных районов штата на основе экстракции с синхронной линией на формирование социальных институтов в среде этнических меньшинств с ограниченными возможностями сопротивления проводимому курсу.

При исследовании процессов, инициированных американским государством, особое внимание привлекает этносоциальная стратификация в среде автохтонного населения Аляски. С одной стороны, на территории Аляски мы сталкиваемся с этнополитической консолидацией, обеспечившей правовое закрепление этнической территории в 1970-е гг. С другой стороны, с тем, что этот же курс определил кардинальные отличия качества жизни сельских анклавов атабасков (включая гвитчин Арктик-виллидж) в сравнении с группами эскимосов северного побережья, избравшими курс прямого взаимодействия с «нефтяниками» (третья модель – Market Economy). Жители резервации Виниту в настоящее время попали в ситуацию, при которой линия на сохранение «последнего фронтира» при проводимой экологической политике и деятельности природоохранных организаций в США объективно способствовала сужению возможностей развития пушной охоты. Трапперские линии сохраняли только четыре семьи, а отдаленность поселка сделала бессмысленным развитие рыбного промысла. Все это привело к ситуации, когда в традиционной пищевой цепи продукция промыслов в момент нашего обследования не играла существенной роли; основными продуктами питания были привозные продовольственные товары, а формирование семейных бюджетов во многом зависело от предоставляемых государством социальных пакетов.

Интерес представляют и зафиксированные примеры сочетания традиций аванкулата и отторжения правового оформления семейных союзов (институт брака). Так, нами были зафиксированы случаи безвозмездной поддержки семей родственников («племянников») при строительстве и ремонте домов, обеспечении топливом, обучении традиционным технологиям промысла. При этом, с другой стороны, в полном объеме используется социальный пакет помощи «неполным семьям» (т.е. дотации на каждого ребенка) как основной источник формирования семейных бюджетов.

В целом для этого сельского анклава на момент обследования было характерно четко выраженное доминирование внутрипоселковых социальных коммуникаций, осознанно противопоставляемых всем формам внешнего воздействия. При этом представители Совета резервации в стремлении доказать правильность своего выбора в 1970-е гг. вплоть до настоящего времени выступают (на уровне штата) одним из наиболее активных акторов этнополитических процессов, направленных на сохранение биоразнообразия на этнической территории в условиях динамично меняющейся экологической среды [17].

1.2. Саяно-Алтайский экорегион

Как уже отмечалось, сохранение традиционных моделей жизнеобеспечения и традиционных социальных институтов в труднодоступных районах с природной средой, близкой к экстремальной, – это глобальная тенденция. В то же время в местах традиционного промыслового хозяйства Саяно-Алтайского горного экорегиона (Шория, Хакасия, Тофалария, Северо-Восточный Алтай), Северного и Западного Кавказа мы не знаем ни одного сельского анклава, который в течение прошедших двух столетий имел бы идентичные гвитчинам четко выраженные признаки изоляционизма, позволяющие предполагать реализованные возможности трансформации традиционных социальных регуляторов природопользования имманентного характера. Связано это с тем, что целью национальной политики советского периода была интеграция традиционных форм экономики в формируемый социалистической сектор народного хозяйства. Интенсификация сельскохозяйственного производства определялась активным внедрением земледелия, отрасли, неэффективной в горных экосистемах, однако дающей продукцию, востребованную на региональном рынке. Продукция традиционных промыслов (охота, сбор дикоросов, пчеловодство) также была ориентирована на вывоз и реализацию. Слом социалистического сектора сельской экономики отчасти переориентировал имеющиеся экономические связи через смену собственников и легализацию «скупщиков» промысловой продукции как социальной страты, оказывающей воздействие на повседневную жизнь сельских анклавов. Качественного изменения системы внутри- и межпоселковых связей в обследованных населенных пунктах не отмечено.

По полевым материалам пролеживается, что в кризисные периоды российской истории типообразующие признаки экономики сельских анклавов менялись. Вне зависимости от этнической структуры число населенных пунктов, жители которых «возвращались» к традиционным системам жизнеобеспечения (Tradition System of Subsistence), могло расти. Индикатором этого процесса выступало снижение товарной значимости продукции сельского хозяйства и промыслов и ее потребление в границах населенного пункта. Особенно ярко эта тенденция проявлялась в труднодоступных горных районах Саяно-Алтая (Шория, Тофалария) в 1920-е гг., – в период, когда сформированная в течение XIX в. система прямого товарообмена продукции промыслов на товары повседневного спроса, орудия промыслов и отчасти продовольствие (на основе сплошной задолженности населения торговцам) была ликвидирована, а значительная часть оружия промысловиков конфискована. Аналогичный пик характерен и для начала 1990-х гг., периода распада социальной инфраструктуры, сокращения рабочих мест, массового забоя скота, потери значимости социальных выплат.

Полевые материалы, полученные в горно-таежных поселках Шории и Тофаларии [8, 10], позволяют сделать вывод о массовом обнищании сельского населения, выживавшего за счет пищевой цепочки, в которой доминировала продукции огородничества и промыслов (охота мясного направления, рыболовство, сбор дикоросов, пчеловодство). При этом только ограниченная часть продукции охотничьего промысла (соболь, мускусная струя) скупалась скупщиками (теми же жителями поселками), что минимизировало ее значимость в формировании семейных бюджетов. Вынужденный переход к традиционному образу жизни, повлиявший на этническую и этносоциальную стратификацию, стал серьезной психологической травмой для многих семей, и, на наш взгляд, это можно рассматривать в качестве одной из моделей проявления экстрактивизма, вызванного уже не столько промышленной экспансией (в сопредельных районах), сколько распадом социально-экономической инфраструктуры. Теоретически возможно проявление и обратного процесса: на завершающем этапе системного кризиса органами региональной власти может быть использован административный ресурс для поддержки экстракции со стороны горнодобывающих предприятий для решения социально-экономических проблем подведомственной территории. Интересы «этнических меньшинств» отдаленных поселков при этом, как правило, не рассматриваются в качестве приоритетных.

2. Смешанные формы этнической экономики. Экстракция в системе социальных коммуникаций

Признаком второй модели этнической экономики сельских анклавов выступает органическое сочетание элементов (подсистем) традиционной системы жизнеобеспечения и природопользования с устойчивой практикой реализации части продукции (аграрной и промыслов) как в рамках «своего» анклава, так и на региональном рынке с посредничеством устоявшейся сети скупщиков. Горнодобывающие предприятия, как и другие бизнес-структуры, могут быть интегрированы в эту систему рыночных связей и использовать ее как социальный регулятор системы поземельных связей, включая и те, что являются основой традиционного природопользования.

В этой модели представлены как элементы частного (семейного) предпринимательства, так и признаки этнической стратификации, определяемой не традицией передачи функций власти, а близостью к торгово-закупочным операциям и трудоустройством на горнодобывающие предприятия. В этой связи в структуре населенных пунктов, объединенных сельскими администрациями, можно выделить две группы семей. К одной относятся семьи, ориентированные на сохранение традиционной (первой) хозяйственной специализации и форм природопользования даже в случае их экономической неэффективности. Как правило, эта группа малочисленна. Ко второй группе относятся семьи, имеющие к традиционной модели опосредованное отношение через систему товарно-денежных отношений, например через скупку и перепродажу сельскохозяйственной и промысловой продукции. Для настоящего времени характерно, что в семейных бюджетах обеих групп высокую значимость имеют обеспеченные государством социальные выплаты и социальные пакеты – пособия, продовольственные наборы и т.д. Причем эта тенденция прослеживается во всех труднодоступных сельских анклавах гор как в США (Аляске) и Канаде, так и в России.

Внедрение на внутрипоселковом уровне товарно-денежных отношений (монетизация социальных коммуникаций) объективно приводит к проявлению этносоциальной стратификации в полиэтничных по составу поселениях. Характерно, что в границах одного населенного пункта прослеживается четко выраженная имущественная стратификация представителей разных этнических групп. Этот процесс проявляется в том, что в выигрышном положении оказываются этнические группы, представленные многопоколенными, сложными семьями, члены которых: имеют рабочие места в органах сельского самоуправления, на предприятиях и учреждениях, гарантированные социальные выплаты (пенсии); ориентированы на товарное производство (реализация меда, посевного материала, меда и др.); имеют относительно высокую мобильность в рамках района для ведения промыслов (лодки, снегоходы), заготовок кормов и вывоза продукции (наличие в частной собственности сельскохозяйственной техники), закупки товаров первой необходимости в районных центрах и приисковых поселках. Объективно в труднодоступных районах эта форма внутрипоселковых социальных коммуникаций становится возможной только на основе интенсификации производства – внедрения новых сельскохозяйственных культур, орудий промысла, расширения пасек и т.д.

Основным признаком этой модели является относительно высокий удельный вес получаемой продукции в пищевой цепи большей части семейных объединений. Покупаемое продовольствие (мука, сахар, соль, чай и т.д.) имеют второстепенную значимость. В этой

связи отмечается и широкий спектр как традиционных, так и инновационных технологий консервации продукции огородничества, придомного животноводства, промыслов, позволяющих семьям выжить в случае полного разрыва межпоселковых коммуникаций.

Для этой модели, характерно сочетание товарно-денежных отношений в границах поселка и традиционной практики взаимопомощи, характерной для родовых и территориальных общин. Следует отметить, что при исследовании традиционной экономики сельских анклавов труднодоступных районов России прослеживается, что вне зависимости от их этнического состава эта модель является наиболее распространенной. Процессы социальной этнической и этносоциальной стратификации при этой модели во многом дополняются двумя факторами – наличием рабочих мест, обеспечиваемых государственными структурами, и выполнением посреднических функций при реализации сельскохозяйственной продукции через скупщиков.

Здесь, как и в первой модели, в случаях когда сельские анклавы включены в процесс интеграции в формируемую горнодобывающими предприятиями социально-экономическую инфраструктуру на сопредельной к поселкам территории (транспортная сеть, электроснабжение, поселковые ФАП и школы), не следует ожидать четко выраженных проявлений экстрактивизма и качественного изменения системы внутрипоселковых коммуникаций, охватывающих резидентов. В то же время признаки опосредованного воздействия бизнес-структур могут проявляться в возрастающей мобильности населения (отток молодежи), этнической стратификации с характерной переориентацией части хозяйств на предлагаемые им коммерческие проекты и реализацию промысловой продукции среди сотрудников приисков, разрезов, шахт.

При выходе на следующий уровень социальных коммуникаций (межпоселковый, внутриэтнический, межэтнический и т.д.) можно проследить вариативность проявления экстракции как фактора опосредованного воздействия как in situ, так и в динамике. Связано это не столько с отчуждением промышленными предприятиями (приисками, разрезами, шахтами, лесхозами, коопромхозами и т.д.) территорий традиционного природопользования, сколько с развертыванием параллельных органам сельского самоуправления центров власти, имеющих при этом несопоставимо большие материальные ресурсы. Сельским и поселковым администрациям, оказывающим прямое воздействие на регуляцию внутрипоселковых земельных отношений, формирование и распределение социальных пакетов и т.п., противопоставляются представительства горнодобывающих предприятий, обеспечивающих занятость населения, доступ к технике, горюче-смазочным материалам и т.д., и не только жителям центрального поселка, но и связанных с ним селений. Связано это с тем, что, как показывают материалы полевых исследований, система территориальных и поземельных связей сельских анклавов первой и второй моделей во всех случаях имеет многоуровневый характер и, как правило, замкнута на те населенные пункты, через которые идет перераспределение товарных потоков, обеспечивающих выживание сельского населения. В качестве примера можно привести этносоциальную ситуацию начала 1990-х гг., сложившуюся вокруг участка прииска «Алтайский» в верховьях р. Мрассу. На момент обследования жители наиболее крупных населенных пунктов – Мрассу и Чулеш – входили в Чилису-Анзасский сельсовет Таштагольского района Кемеровской области. Сельская администрация и руководство прииска были локализованы в населенном пункте Мрассу, что определяло прямое воздействие руководства прииска как на главу сельсовета, так и на повседневную жизнь поселков (прямая форма экстракции). В 2004 г., в ходе очередного административно-территориального районирования, сельсовет был упразднен, а его население было включено в состав Кызыл-Шорского сельского поселения. Администрация поселения была локализована в пос. Ключевой, не входящем в сферу интересов приисковой администрации, что привело к переорганизации системы межпоселковых социальных коммуникаций. Формы экстракции для населения территории, прилегавшей к районам золотодобычи, приобрели опосредованный характер и сохранялись до 2013 г., когда инфраструктура участка была ликвидирована.

При расширении хронологических и территориальных рамок исследования экстракции прослеживается возможность формирования рабочей гипотезы об универсальном воздействии этого процесса как внешнего, многоуровневого, многокомпонентного и имманентного по характеру фактора воздействия (прямого или опосредованного) на этнические процессы. Так, результатом циклично проявляющейся экстракции горнодобывающей промышленностью в южной части Горной Шории стала не только трансформация системы расселения, форм сельской экономики, но и изменение этнического состава населения. При этом структура населения в этом труднодоступном горно-таежном районе менялась неоднократно и определялась не столько проводимыми административно-территориальными реформами и развертыванием социалистического сектора сельской экономики (колхозы, коопромхозы и т.д.), сколько формируемой приисковыми поселками и системой ГУЛАГа социальной инфраструктурой. Это объективно влияло на весь комплекс межэтнических коммуникаций, характер интеграции коренного населения (шорцев) в социально-экономические процессы. На разных исторических этапах в зависимости от характера экстракции система коммуникационных связей менялась. Так, на первом этапе, охватывающем вторую половину XIX – начало XX в., период деятельности частных приисков, к которой привлекались сезонные рабочие [18–20], экстракция проявилась в отселении автохтонных групп из мест золотодобычи, сокращении территорий традиционного природопользования – долинных комплексов, локализации пашенных и сенокосных участков, рыболовных тоней, вовлечении шорцев в теневые формы экономики (скупка золота, реализация спиртного), широком распространении венерических заболеваний.

Состав и структура приисковых поселков на втором этапе, охватывающем 1930–1960-е гг., претерпели кардинальные изменения. Определялись они синхро-

низацией трех процессов: административно-территориальными реформами, сопровождаемыми развертыванием сети сельсоветов; коллективизацией с характерной для нее интенсификацией производящих форм сельского хозяйства [21, 22], крайне неэффективных в таежных ландшафтах; формированием в 1930–1950-х гг. инфраструктуры Южкузбасского ИТЛ, определившей систему расселения, структуру населения поселков в зонах лесозаготовок, обеспечение населения прилегающих поселков рабочими местами, первичной медпомощью [23–24]. Фактически в течение 1920–1990-х гг. социальная инфраструктура приисков и исправительных лесозаготовительных учреждений во многом обеспечивала население труднодоступных таежных районов тем объемом товаров и услуг, который, с одной стороны, в предшествующий период был ему недоступен, с другой – не мог быть обеспечен ресурсами сельскохозяйственных и промысловых предприятий. При этом прямые формы экстракции в силу своей неустойчивости и жесткого антропогенного воздействия на ландшафты не имели никакого отношения к сфере этнических интересов коренного населения этого района – шорцев, ориентированных на развитие промыслового комплекса. Как показывают полевые материалы, в результате деятельности прииска «Алтайский» и лесозаготовителей вплоть до настоящего времени промысловые ресурсы Горной Шории (охотничьи и кедровые участки, ягодники, рыбные угодья) не обеспечивают сохранившиеся группы сельского населения стабильным доходом. Во многом это определяет формирование «серых промысловых зон» в сопредельных районах Хакассии и существование устойчивых по содержанию и латентных по форме межэтнических коммуникаций, связанных с традиционными (из поколения в поколение) формами природопользования.

Третий этап изменения характера воздействия золотодобывающей промышленности на систему межэтнических коммуникаций (1960-е – начало 2010-х гг.) во многом был определен ликвидацией колхозов с передачей их социальной инфраструктуры леспромхозам, развертыванием Шорского национального парка, инициировавшего, с одной стороны, ликвидацию сети исправительных учреждений, с другой – постановку проблемы свертывания участков прииска «Алтайский». В очередной раз произошло качественное изменение этнической и социальной структуры населения, форм занятости, структуры семей и основных источников формирования семейных бюджетов, а также, как результат, характера экстракции со стороны приисковой администрации и проявлений экстрактивизма в системе межэтнических коммуникаций. Трансформация последних определялась кризисной ситуацией, сложившейся в золотодобыче, ставшей в начале 1990-х гг. в Горной Шории нерентабельной из-за высокого уровня отчислений, а также постановкой вопроса региональных органов о закрытии приискового участка в связи с развертыванием по требованию лидеров рабочего движения и национальной шорской интеллигенции национального парка – особо охраняемой природной территории федерального уровня. Одновременно происходила ликвидация структуры исправительного лагеря ВД-30. Сложное экономическое положение прииска инициировало несколько социальных процессов, затрагивавших этнические интересы двух групп населения – шорцев и русских старообрядцев – национального поселка Чулеш. Характер формируемого противодействия выразился в двух узловых точках. Многолетняя кадровая политика руководства прииска, отдававшего предпочтение при трудоустройстве представителям старообрядческой общины как технически грамотным, ответственным, имевшим меньшее число прогулов, трезвенникам [8, 9], приводило к неравномерному распределению рабочих мест на прииске с относительно более высоким удельным весом шорцев в штате национального парка, контролировавшего вместе с Таштагольским кооплеспромхозом распределение промысловых участков. В предшествующий образованию парка период в формировании семейных бюджетов обеих этнических групп заработная плата (прииск, национальный парк, школа, сельская администрация) и социальные выплаты определяли высокую долю покупного продовольствия в пищевой цепи обеих групп, имеющих идентичные системы жизнеобеспечения. Адаптированная к экологической нише система природопользования в 1990-е гг., как и в предшествующее столетие, базировалась на комбинации огородничества, придомного животноводства, промысловой охоты, рыболовства, собирательства (кедровый орех, ягодные культуры), пчеловодства. В условиях черневой тайги хозяйственная специализация на основе одной из отраслей была невозможной. Экстракция со стороны прииска при сезонном характере золотодобычи определяла качество жизни сельского населения при наличии магазина, ФАП, школы, пекарни, содержания в порядке дорожной инфраструктуры не только центрального поселка (пос. Мрассу), но и остальных населенных пунктов в границах сельсовета. Опосредованно занятость на прииске и высокие заработки дали возможность семьям старообрядцев обеспечить себя техникой, например колесными мини-тракторами с прицепами, собранной из списанных прииском тракторов и запчастей, топливом и современными орудиями промысла (ружьями, капканами), позволяющими обеспечить товарность продукции промыслов (кедрового, пассивных форм охоты), доступность и продуктивность отдаленных сенокосов (посадка клевера), расширение числа пасек. У представителей коренного населения – шорцев – таких возможностей не было, что приводило в условиях кризиса начала 1990-х гг. к четко выраженной этносоциальной стратификации, при которой уровень жизни старообрядческих семей был существенно выше остальных – как шорских, так и русских из числа трудовых мигрантов.

В поземельном конфликте, охватившем в 1993–1994 гг. населенные пункты Чилису-Анзасского сельсовета, в регуляцию которого была вовлечена администрация Таштагольского района (зам. главы Г.Г. Челбогашев), столкнулись интересы шорской и русской старообрядческой группы. Суть конфликта только на первый взгляд касалась перераспределения сенокосных участков выехавших русских семей в пользу шорских. С формальной стороны, если бы участок находился

в границах сельского поселения, его распределение как функция сельской администрации не должно было стать поводом для конфликта. Проблема заключалась в том, что сенокосные участки располагались за пределами сельского поселения в лесах 1-й категории. Их высокая продуктивность (выход сена) определялась перманентной очисткой от леса, выравниванием, посевом клевера, т.е. применением старообрядческой группой технологий, не используемых не только шорскими, но и русскими семьями. Ситуация обострялась и возможностью старообрядцев беспроблемно осуществлять своевременный вывоз кормов на своей технике и топливе, закупленном на прииске. В условиях горно-таежных ландшафтов черневой тайги сохранность кормов испокон веков являлась основным ограничителем развития придомного животноводства.

В условиях системного кризиса резко повысилась значимость товарной продукции промыслов, и старообрядческая группа, практиковавшая пассивные формы охоты на пушного зверя, опять оказалась в преимущественном положении по сравнению с шорскими семьями, промысловики которых не имели средств для закупки капканов и предпочитали активные, менее продуктивные формы охоты. Та же ситуация прослеживалась и в кедровом промысле, более эффективном у старообрядцев.

Четко выраженные преимущества системы жизнеобеспечения старообрядцев по сравнению с остальными группами сельского населения, имеющими идентичную модель традиционного природопользования, во многом определялись в этот период экстракцией со стороны прииска «Алтайский», обеспечивавшего монетизацию экономики как приискового поселка, так и населенных пунктов на прилегающей территории. Такая преимущественная позиция старообрядческой группы стала серьезным фактором обострения как внутри- так и межпоселковых межэтнических отношений (пос. Мрассу, Чулеш, Ключевой), доведенных до драк молодежи (пос. Чулеш, 1994 г.), и только благодаря авторитету заместителя главы г. Таштагола Георгия Георгиевича Челбогашева и старшего поколения старообрядцев не привела к перестрелке [10].

Конфликт в сфере традиционного природопользования, во многом инициированный экстракцией горнодобывающего предприятия, был прогнозируем. Старообрядческие семьи пос. Чулеш за послевоенные десятилетия выстроили устойчивую систему территориально-общинных поземельных связей, в которой, согласно нормам обычного права, освоенные хозяйственные угодья рассматривались как неотчуждаемые. Эта позиция входила в прямое противоречие с теми же нормами обычного права шорских семей, по мере возможности противостоящих процессу вытеснения со своей этнической территории и интенсивному использованию ее ресурсов русскими, опиравшимися на поддержку приисковой администрации. Как показывают опубликованные полевые материалы Н.В. Лыковой (2002, 2004, 2015), окончательная ликвидация участка прииска «Алтайский» в начале 2010 г. не привела к кардинальному изменению социальных коммуникаций между шорцами и старообрядцами пос. Чулеш. Система жизнеобеспечения старообрядческой группы оказалась более устойчивой. Занятость на прииске была заменена на традиционную практику отходничества при сохранении приусадебного и промыслового комплекса с выходом товарной продукции (модель вторая). Положение шорских семей ухудшилось, что прослеживается по демографическим показателям: с 2002 по 2015 г. численность шорцев сократилась втрое (с 95 человек до 31) при относительно незначительном сокращении общей численности населения поселка (274 чел. – в 2002 г., 239 чел. – в 2015 г.). Примечательно, что, по полевым материалам Н.В. Литвиной, перипетии конфликта 1994 г. остаются в исторической памяти обеих групп как свидетельство последствий несправедливой приватизации техники прииска и способствуют сохранению «напряженного отношения» по отношению друг к другу. Комплекс сохраняющихся социально-экономических противоречий «осознанно» переводится в сферу социокультурных и конфессиональных отличий [25].

Приведенный пример (case study) по характеру межэтнических коммуникаций в конкретно заданном анклаве компактного проживания шорцев, отнесенных к категории малочисленных народов мира, по двум хронологическим срезам (1994, 2015) показывает, что экстрактивизм как стратегическая линия воздействия руководства горнодобывающих предприятий в районах с традиционными и смешанными формами этнической экономики приводит, с одной стороны, к перманентному переформатированию всей системы внутри- и межэтнических коммуникаций, с другой – к инициированию ряда этнических процессов, охватывающих как период экстракции, так и переход к традиционному укладу жизни (первая и вторая модели сельской экономики). Экстракция не является одномоментным фактором воздействия на формирование этнического самосознания, механизм (комплекс причинно-следственных связей) ее воздействия на осознание этнической истории значительно сложнее.

3. Проявления экстрактивизма в зоне прямого контакта горнодобывающих предприятий и рыночные модели сельской экономики и межэтнических коммуникаций

Как уже отмечалось в англо-американской историографии, сельские анклавы автохтонного населения (Аляска, США), в полной мере интегрированные в региональную систему социально-экономических рыночных коммуникаций, рассматриваются в качестве отдельного объекта исследования. Подразумевается, что специфика социальных коммуникаций, как внутренних (т.е. в структуре поселка), так и внешних (т.е. с бизнес-структурами, органами власти штата, природоохранными учреждениями и т.д.), определяется «отказом» от традиционных (племенных) институтов самоуправления и судопроизводства, сменой института собственности с «племенной» на частную, устойчивой практикой реализации продукции промыслов при сохранении традиционной хозяйственной специализации, проявлением инновационных форм экономической ак-

тивности рыночной направленности, к примеру производством сувенирной продукции, развитием «этнических» форм туризма и т.д. В качестве глобальной тенденции, характерной как для США, так и для России, следует отметить кардинальные изменения уклада жизни автохтонных групп населения, которые во многом определяются степенью интеграции бизнес-структур, осуществляющих свою деятельность на этнической территории. Здесь следует акцентировать внимание на том, что в отличие от сельских анклавов, сохраняющих традиционные формы жизнеобеспечения при этой модели коммуникаций, понятие «этническая территория» не тождественно понятию «территория традиционного природопользования». Оно значительно уже и в большей степени отражает признание со стороны национальных элит факта отчуждения своих земель как основания для получения преференций со стороны так называемых «сторонних пользователей», т.е. нерезидентов. Перманентные формы экстракции со стороны горнодобывающих предприятий принимаются только в случае, если последние декларируют себя как гаранты последовательного повышения качества жизни и признания права национальных элит на участие в определении стратегических линий развития территорий, включая решение социальных и экологических проблем в их логической взаимосвязи. Здесь следует особо отметить, что в этническом сознании любая форма отчуждения этнических территорий рассматривается в качестве временного явления. Подразумевается, что сохранение традиционной культуры жизнеобеспечения в случае ухода с этнической территории нерезидентов определяет для будущих поколений перспективу возрождения на новой основе традиционных форм природопользования и придания этническим формам предпринимательства устойчивости.

Рассмотрим проявления перманентной экстракции и ее воздействие на систему социальных коммуникаций. В качестве примера полной завершенности интеграции этнических групп в рыночные формы экономики можно привести частную коммерческую корпорацию эскимосов (инупиатов) Аляски – Arctic Slope Regional Corporation (ASRC) [26]. В отличие от сельских анклавов центральных районов с ограниченными возможностями доступа к подземным ресурсам, не входящих в сферу прямого воздействия горнодобывающих предприятий, автохтонное население побережья Северного Ледовитого океана (море Бофорта) попало под прямой прессинг нескольких факторов воздействия. Перманентным фактором воздействия здесь, как и в России, выступает синтез национальной и экологической политики федерального (Правительство США) и регионального (штат Аляска) уровней, направленный в условиях глобальных климатических изменений на сохранение биоразнообразия. Основой курса является правовая регуляция традиционных промыслов коренного населения. Одновременно теми же органами власти проводится противоречащий первой цели курс на интенсивное освоение подземных ресурсов побережья, особенно месторождений нефти, и интеграцию на этой основе коренного населения в систему рыночной (Market) экономики. Проявлением такого курса стала ситуация, для которой характерно сохранение на уровне локальных групп побережья не столько системы и культуры жизнеобеспечения, сколько отдельных ее составляющих [27–29]. При этом в пользу консервации традиционной культуры производства и потребления выступают не только потребности в продуктах питания, но и осознание необходимости сохранения этнической самоидентификации, органов самоуправления и особого правового статуса, гарантированного законодательством. Неслучайно декларированная миссия ASRC не ставит в качестве основной цели сохранение традиционных институтов и образа жизни. Основными сферами активности обозначены управление бизнесом, землями и ресурсами, инвестициями (со стороны акционеров), расширение культурной и экономической свободы инупиаков на основе сохранения преемственности. Экономической основой реализации этого курса декларировано владение земельными паями на 5,1 млн акров (2,1 млн га), локализованными в северной части штата Аляска. Примечательно, что бывшие территории традиционного природопользования, которые содержат большой потенциал нефти, газа, угля и сульфидов цветных металлов, согласно американскому законодательству инупиатам удалось перевести в формат корпоративной собственности населения нескольких деревень – Пойнт-Хоуп, Пойнт-Лей, Уэйнрайт, Атказук, Уткиавик, Нуиксут, Кактовик и Анактувук-Пасс. Фактически сформированный институт земельной собственности, не являющейся в среде охотников на морского зверя традиционным социальным регулятором, стал основанием для формирования качественно новой системы социально-территориальных внутриэтнических коммуникаций, корпоративного самоуправления, правовым основанием заключения договорных отношений с бизнес-структурами, заинтересованными в освоении природных ресурсов этнической территории.

Штаб-квартира компании находится в Уткиагвике (Барроу), а административные и вспомогательные офисы расположены в Анкоридже и по всей территории Соединенных Штатов. ASRC вместе с компаниями-«дочками» является крупнейшей на Аляске, в ней в сфере услуг, строительства и разработки ресурсов работает около 13,5 тыс. человек. С момента открытия набора в 1989 г. для коренных жителей Аляски, родившихся после 1971 г., количество акционеров корпорации почти утроилось, с 3 700 первоначальных участников примерно до 13 тысяч. ASRC имеет шесть основных бизнес-сегментов, включая услуги по государственным контрактам, переработку и маркетинг нефти, поддержку энергетики, промышленные услуги, строительство и разработку ресурсов. Функционирование корпорации в этом формате стало возможным только в рамках делового партнерства с компанией Amoco. В настоящее время это крупнейшая в США компания по добыче и переработке нефти и газа, образованная после объединения в 1998 г. Standard Oil Company (основана в 1889 г.) с British Petroleum. В этой связи становится понятным, что в отличие от региональных корпораций атабасков внутренних районов Аляски система коммуникаций, определяющих направ-

ленность деятельности институтов органов регионального (корпоративного) самоуправления, детерминирована прямой формой внешнего воздействия (экстракции), на первый взгляд, не противоречащей этническим интересам. Связано это с тем, что согласно представленной в Интернете информации только в 2020 г. выручка ASRC составила чуть более 3,4 млрд долл., а с момента своего основания ASRC выплатила акционерам дивиденды на сумму более 1 млрд долл., т.е. в среднем по $ 76,9 тыс.

Однако такая форма партнерства с корпорациями автохтонного населения не снимает возникающих в последние десятилетия экологических проблем, обусловленных проявляющимся в этом регионе Аляски дисбалансом между национальной и экологической политикой. С одной стороны, благодаря американскому законодательству BP Amoco освобождена от требований к отчетности по инвентаризации выбросов токсических веществ. В результате компания выступает одним из крупных акторов загрязнения как Аляски в целом, так и этнических территорий своих партнеров [17]. С другой стороны, изменение климата в арктическом регионе ограничивает возможности сохранения традиционного промысла на тюленя. В результате экологический фактор в настоящее время в среде ассоциаций, объединяющих автохтонное население, становится фактором этнополитической консолидации и оказывает прямое воздействие на систему внутри- и межэтнических коммуникаций. Здесь следует особо отметить, что в приведенном примере мы сталкиваемся с четко выраженным этапом завершенности экстракции, при котором сформированная в среде инупиатов Аляски модель этнической экономики не имеет прямого отношения к традиционной системе жизнеобеспечения. Скорее всего, здесь следует говорить о структурном компоненте крупного бизнес-проекта нерезидентов в лице компании Amoco, осуществляющей менеджмент освоения ресурсов этнической территории. Прослеживается определенный баланс этнических интересов и интересов компании, возможно, и формирующий взгляд национальной элиты на перспективы развития своего этноса.

Материалы этнологической экспертизы в среде телеутов Беловского района Кемеровской области [5] отражают идентичный характер воздействия экстракции горнодобывающих предприятий на генезис внутриэтнических коммуникаций (по хронологическому срезу 1990–2000 гг.) С одной стороны, в этом районе мы сталкиваемся с последствиями земельной реформы 1990-х гг., аналогичной проведенной в среде автохтонного населения штата Аляска в начале 1970-х гг. Связано это с тем, что распад социалистического сектора сельской экономики сопровождался распределением земель в среде сельского населения на паи, границы многих из которых не получили правового закрепления. Их объединение, осуществленное несколькими семьями телеутов, с одной стороны, создало правовое основание развития этнических форм предпринимательства с сохранением основы традиционной хозяйственной специализации – животноводства, отчасти пашенного земледелия у телеутов (ТОО «Байат») на основе традиционной хозяйственной специализации (животноводство) [30, 31], с другой стороны, способствовало формированию иллюзии об устойчивой системе коммуникаций между руководством хозяйства, органами сельского самоуправления, национальными общественными объединениями («Эне-Байат», «Набат») и крупными горнодобывающими предприятиями: ОАО «Разрез Бачатский» (образован в 1949 г.) – ОАО «УК Кузбассразрезуголь», АО «Шестаки» (образован в 1970 г.) – АО «Стройсервис» (образован в 2000 г.).

Отличие формируемой бачатскими телеутами модели от апробированной Arctic Slope Regional Corporation состоит в отсутствии правовых гарантий закрепления этнической территории. Статус коренных малочисленных народов телеуты получили значительно позже развертывания в местах их компактного проживания угольных разрезов, руководство которых с момента их создания в советский период рассматривало хозяйственных субъектов – пользователей сопредельных с разрезами сельскохозяйственных угодий – исключительно в перспективе их дельнейшего отторжения. Эта стратегия (как форма экстракции) развития угольной отрасли, профильная для Кемеровской области за счет свертывания сельского хозяйства, получала полную поддержку партийно-хозяйственных органов области. В ходе приватизации угольной отрасли и ликвидации социалистического сектора сельского хозяйства курс не претерпел существенных изменений. Все попытки правового закрепления территорий традиционного природопользования оказались безуспешными. Руководство угольных предприятий продолжило курс на расширение промзоны разрезов при игнорировании уставных документов национальных общественных организаций телеутов, проводивших в соответствии с актами международного права линию на комплексное решение проблемы сохранения историко-культурного наследия и этнической территории, традиционной хозяйственной специализации с использованием инновационных технологий.

В качестве примера попыток интеграции этнических предприятий в производственную и социальную инфраструктуру угледобывающих предприятий по аналогии с ASRC можно привести деятельность ТОО КФХ «Байтат». Этническим предприятием животноводческого профиля, имеющим земельные участи по границам разреза «Бачатский», было предпринято несколько безуспешных попыток выйти на систему договорных отношений с руководством разреза. Суть проектов договоров заключалась в попытках формирования устойчивых источников сбыта мясной продукции работникам разреза, получения кредитов на сельскохозяйственное производство, компенсационных выплат за экологическое загрязнение территории, приводящее к снижению урожайности и т.д. На следующем иерархическом уровне социальных коммуникаций между Кемеровской областной ассоциацией телеутского народа «Эне-Байат», представлявшей интересы этнических предпринимателей, и администрациями Кемеровской области, Беловского и Гурьевского районов, руководством «УК Кузбассразрезуголь» (ОАО «Разрез Бачатский») и АО «Стройсервис» (АО «Шестаки») просле-

живаются те же тенденции, что и на Аляске. На основе объединения нескольких источников финансирования было выстроено три направления деятельности: развитие социальной и экономической инфраструктуры; решение экологических проблем; сохранение историко-культурного наследия. По своему содержанию все три направления, сформулированные национальной ассоциацией телеутов, являются проявлением экстрактивизма. Ее средне- и долгосрочными последствиями для телеутов стало то, что при полном отсутствии санитарно-защитных зон вся этническая территория телеутов была выведена из зоны эффективного сельскохозяйственного производства, что определило депопуляционные процессы и низкий уровень воспроизводства этноса, снижение значимости традиционной хозяйственной специализации, трудовую миграцию молодежи в города области и за ее пределы. Аналогичные процессы прослеживаются и в сельских анклавах шорцев Мысковского городского округа Кемеровской области [1, 4, 32], также отнесенных к группе коренных малочисленных народов, правовой статус которых, на первый взгляд, должен существенно снижать социальные риски экстракции со стороны разреза «Сибиргинский» – структурного подразделения ПАО «Южный Кузбасс» компании «Мечел».

В отличие от автохтонных этносов (Natives) США телеуты и шорцы, имеющие правой статус коренных малочисленных народов, лишены форм местного (сельского) самоуправления. В 1990–1995 гг. в местах их компактного проживания было отмечено несколько попыток образования национальных сельсоветов, определения статуса территорий традиционного природопользования, внесения предложений в программы социально-экономического и культурного развития национальных поселков, ликвидации экологических угроз, вызванных деятельностью разрезов [4. С. 35–41; 29. С. 139–143]. В этот период ассоциация «Эне-Байат» вместе с региональными органами власти выступала субъектом национальной политики, этнические предприятия и учреждения культуры – ее объектом, приватизированные угледобывающие предприятия, федеральный и областной бюджеты – источниками финансирования целевых программ. Сбой этой системы коммуникаций произошел в 2010 г. при свертывании системы сельского самоуправления, ограничении возможности влияния национальных общественных организаций на формирование курса региональной национальной политики, отстранении руководства угледобывающих предприятий от взаимодействия с НОО и национальными предприятиями в решении социально-экономических и экологических проблем поселков. Одновременно разрезами проводилась линия по расширению своей территории за счет земель, находящихся в сельскохозяйственном обороте. Такое отчуждение земель при отсутствии правового статуса территорий традиционного природопользования сформировало очаг перманентной этнической напряженности. С упразднением в 2021 г. МО «Бековское сельское поселение» (пос. Бековo) в связи с преобразованием Беловского муниципального района в округ перспективы формирования институтов сельского национального самоуправления не прослеживаются. Проявившаяся с начала 1990-х гг. тенденция использования норм международного права в формировании систем самоуправления на уровне сельских анклавов, закреплении этнических территорий, интеграции с бизнес-структурами, т.е. моделей управления, апробированных правительством США с начала 1970-х гг. в штате Аляска, в районах с большей историей развития горнодобывающей промышленности не прослеживается.

Заключение

История России, одного из самых крупных государств мира, сотни народов и этнических групп, относящихся к трем мировым конфессиям (христианству, мусульманству, буддизму), является одним из сложнейших объектов исследования. Структура населения определяет целесообразность изучения истории национальной политики не только в контексте анализа генезиса государства как социального института, его целей и задач, меняющихся при смене форм государственного устройства, политических режимов и идеологем, но и этнических процессов, инициированных политической историей и основными трендами изменения социально-экономической инфраструктуры. В этом контексте особый интерес вызывают процессы, инициированные экспансией (экстракцией) крупных промышленных предприятий в районах компактного проживания и традиционного природопользования коренных малочисленных народов.

Как показывают результаты проведенного исследования, общая направленность (тренды), закономерности глобально характера и специфика реакции (экстрактивизм) со стороны этнических меньшинств на эти формы воздействия на системы внутри- и межэтнических коммуникаций зависят от сохранности традиционных систем жизнеобеспечения и природопользования, характера интеграции в региональную систему рыночных коммуникаций, уровня этнополитической консолидации.

При выявлении региональной специфики форм экстрактивизма особое место занимает прикладная антропология, предметная область которой (в этнологии) определяется исследованием современных социальных процессов, оказывающих воздействие на трансформацию традиционных социальных институтов, систем и культуры жизнеобеспечения этнических меньшинств. Эта группа этнических процессов, как правило, имеет латентную форму и может быть выявлена только на основе полевых исследований, направленных на изучение системы внутри- и межэтнических коммуникаций, характера взаимодействия социальных институтов этнических меньшинств не только с институтами государственной власти, но и предприятиями, ориентированными на изъятие полезных ископаемых, находящихся в зонах традиционного природопользования.

Любая форма проявления экстракции с учетом ее прямой взаимосвязи с проводимым курсом региональной политики в этом контексте выступает своеобразной реперной точкой, определяющей смену директории социального развития. Как показывают материалы

пилотажного исследования, преобразование горнодобывающих предприятий в субъект национальной и экологической политики, ориентированный на снятие ответственности за средне- и долгосрочные последствия своей деятельности, является глобальной тенденцией. Вне зависимости от характера проявления экстракции изменение системы коммуникаций между социальными институтами (бизнес-структурами, органами власти и самоуправления, населением сельских анклавов), вовлеченными в этот процесс, остается в исторической памяти и может выступать механизмом (комплексом причинно-следственных связей) дестабилизации этносоциальной обстановки. Процессы трансформации социальных коммуникаций могут быть объектом научного прогнозирования направленности и содержания этнических процессов. Методологической основой решения этой задачи выступают системный и процессный подходы. В качестве основного метода – моделирование этнических процессов на основе исторических прецедентов и выявления латентных форм этнических процессов (case study).

В силу того, что современные этнические процессы в районах интенсивного промышленного освоения не получили в региональной историографии адекватного освещения, следует отметить, что антропология экстрактивизма как направления прикладной антропологии имеет четко выраженную перспективу формирования источниковой базы истории народов России.

Список источников

1. Поддубиков В.В., Арцемович С.А., Функ Д.А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 142–162.
2. Бородулина А.С. Экстрактивизм и сопротивление. Рецензия: Jalbert Kirk, Willow Anna, Casagrande David, Paladini Stephanie (eds.) ExtrACTION: Impacts, Engagements and Alternative Futures, Routledge, New York, 2017. 238 p. // Сибирские исторические исследования. 2019. № 3. С. 180–185.
3. Мурашко О.А. Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. М. : RAIPON, 2002. 131 с
4. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации М.О. «Город Мыски» : этнологическая экспертиза / А.Н. Садовой, О.В. Нечипоренко, В.В. Поддубиков, М.В. Белозёрова и др. Кемерово : Изд-во ИУУ СО РАН, 2005. Вып. 1. 216 с.
5. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского района Кемеровской области : этнологическая экспертиза / В.И. Бойко, А.Н. Садовой, О.В. Нечипоренко, В.В. Поддубиков, М.В. Белозёрова и др. Новосибирск : Параллель, 2008. Вып. 2. 232 с.
6. Василькова Т.Н., Еврай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М. ; Шадринск : Шадринский Дом Печати, 2011. 267 с.
7. Садовой А.Н. Полевой дневник. Комплексная Тофаларская экспедиция Иркутского государственного объединенного музея. Июнь 1992 г. 79 л., 3 табл., 5 рис.
8. Садовой А.Н. Полевой дневник. Этносоциальная экспертиза населения Чилису – Анзасского национального сельсовета Таштагольского района. Июль 1993 г. 144 л., 18 табл.
9. Пруель Н.А. Полевой дневник этносоциального обследования населения Усть-Колзасского и Кызыл-Шорского сельсоветов. 1994 г. (программа «Альтернатива»). 41 л., 3 табл.
10. Садовой А.Н. Полевой дневник этносоциального обследования населения Усть-Колзасского и Кызыл-Шорского сельсоветов 1994–1995 гг. (программа «Альтернатива»). 164 л., 43 табл.
11. Садовой А.Н. Полевой дневник экспедиционных работ на Аляске. 1997 г. 75 л. 30 рис., 3 сх. // Архив лаборатории этносоциальных исследований ФИЦ «Субтропический научный центр Российской академии наук».
12. Davids Case. Alaska natives and American laws. Fairbanks, 1997. 499 p.
13. Садовой А.Н. Традиционная система жизнеобеспечения гвитчин бассейна р. Чандалар и региональная национальная политика США на Аляске // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск : Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 78–99.
14. Садовой А.Н. Коренные народы Аляски: проблемы межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 13. С. 83–90.
15. Садовой А.Н. США. Аляска. Опыт полевых исследований этнических процессов // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. 2021. Т. 13. С. 369–382.
16. Ray M. Trans-Alaska Pipeline // Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/Trans-Alaska-Pipeline (accessed: 11.05.2022).
17. Laduke W. Alaska: oil and the Natives // Earth Island Journal. URL: https://www.earthisland.org/journal/index.php/magazine/entry/alaska_oil_and_the_natives/ (accessed: 11.05.2022).
18. Давыдов В.Т. Прииск «Алтайский» : страницы истории. 1845–2000 гг. Новокузнецк, 2000. 240 с.
19. Лизогуб П.П. Кузнецкое золото // Наш город Новокузнецк. 2018. № 1. С. 80–90.
20. Кимеев В.М., Коптытов О.И. Горная Шория: историко-этнографические очерки. Кемерово : Примула, 2018. 600 с.
21. Белозёрова М.В. Шорцы: жизнь и реформы (20-е – 60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество Кемерово : Ин-т угля и углехимии СО РАН, 2004. 320 с.
22. Белозёрова М.В. Проблемы модернизации традиционных форм экономики коренных народов Южной Сибири (1920–1980-е гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/3: Сер. История. Политология. С. 29–32.
23. Гвоздкова Л.И., Кузнецова Е.С. Система ГУЛАГ // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы. Кемерово : Ин-т угля и углехимии СО РАН, 2004. С. 171–177.
24. Рябова Ю.В. Трудовое использование заключенных в Южнокузбасском исправительно-трудовом лагере МВД СССР (1947–1950 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология, 2020. Т. 19, № 1. С. 97–111.
25. Литвина Н.В. Религиозное соседство шорцев, челканцев и старообрядцев: стереотипы и взаимодействие // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 59–72.
26. Arctic Slope Regional Corporation (ASRC). URL: https://www.asrc.com/ (accessed: 11.05.2022).
27. Нехлебова Н. Тающее богатство. Чем живут аляскинские китобои? // Огонек. 2017. № 47. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3459948 (дата обращения: 11.05.2022).

28. Изменение климата угрожает охоте на тюленей жителям Аляски // ИА Красная весна. 2021. 28 авг. URL: https://rossaprimavera.ru/news/1c85a8c1 (дата обращения: 11.05.2022).
29. Килия Ю. Люди и киты: как живут коренные народы Аляски // EurasiaDiary. URL: https://ednews.net/ru/news/interesting/231660-lyudi-kiti-kak-jivut-korennie (дата обращения: 11.05.2022)
30. Белозёрова М.В. К проблеме интеграции коренных малочисленных народов Южной Сибири в рыночную экономику в 1990-е – начале 2000-х гг. (на примере бачатских телеутов) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 71–74.
31 Белозёрова М.В. К проблеме моделирования «национального» самоуправления у коренных малочисленных народов Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 139–143.
32. Поддубиков В.В., Осипов К.И. Поземельные конфликты в местах традиционного хозяйствования шорцев: типология, факторы, модели конфликтогенеза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3 (39). С. 122–127.

References

1. Poddubikov, V.V., Artsemovich, S.A. & Funk, D.A. (2018) “Resursnoe proklyatie” s antratsitovym otbleskom: korennye narody i dobyvayushchie kompanii Kuzbassa v situatsii konflikta [The “Resource Curse” with an anthracite sheen: Indigenous peoples and mining companies of Kuzbass in a situation of conflict]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2. pp. 142–162.
2. Borodulina, A.S. (2017) Ekstraktivizm i soprotivlenie. Retsenziya: Jalbert Kirk, Willow Anna, Casagrande David, Paladini Stephanie (eds.) ExtrACTION: Impacts, Engagements and Alternative Futures, Routledge, New York, 2017. 238 p. [Extractivism and resistance. Review: Jalbert Kirk, Willow Anna, Casagrande David, Paladini Stephanie (eds.) ExtrACTION: Impacts, Engagements and Alternative Futures, Routledge, New York, 2017. 238 p.]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 3. pp. 180–185.
3. Murashko, O.A. (2002) *Opyt provedeniya etnologicheskoy ekspertizy: otsenka potentsial'nogo vozdeystviya programmy OAO “Gazprom” poiskovo-razvedochnykh rabot v akvatoriyakh Obskoy i Tazovskoy gub na komponenty ustoychivogo razvitiya etnicheskikh grupp malochislennykh narodov Severa* [Experience in Ethnological Expertise: Evaluation of the Potential Impact of OAO Gazprom's Exploration Program in the Ob and Taz Bays on the Components of Sustainable Development of the Indigenous Peoples of the North]. Moscow: RAIPON.
4. Sadovoy, A.N., Nechiporenko, O.V., Poddubikov, V.V., Belozerova, M.V. et al. (2005) *Otsenka vozdeystviya OOO “MetAL” (OAO MMK – Magnitogorskiy metallurgicheskiy kombinat) i UK “Yuzhnyy Kuzbass” (stal'naya gruppa “Mechel”) na sistemy zhizneobespecheniya avtokhtonnogo i russkogo naseleniya Chuvashinskoy sel'skoy administratsii M.O. “Gorod Myski”: etnologicheskaya ekspertiza* [Assessment of the impact of MetAL LLC (OAO MMK – Magnitogorsk Iron and Steel Works) and South Kuzbass Management Company (Mechel steel group) on the life support systems of the autochthonous and Russian population of the Chuvashinsky rural administration M.O. “City of Myski”: An ethnological expertise]. Kemerovo: SB RAS.
5. Boyko, V.I., Sadovoy, A.N., Nechiporenko, O.V., Poddubikov, V.V., Belozerova M.V. et al. (2008) *Etnopoliticheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede teleutov Belovskogo i Gur'evskogo rayona Kemerovskoy oblasti: etnologicheskaya ekspertiza* [Ethno-political, socio-economic and ethno-demographic processes among the Teleuts of the Belovsky and Guryev districts of the Kemerovo region: ethnological expertise]. Vol. 2. Novosibirsk: Parallel'.
6. Vasilkova, T.N., Evray, A.V., Martynova, E.P. & Novikova, N.I. (2011) *Korennye malochislennye narody i promyshlennoe razvitie Arktiki (etnologicheskiy monitoring v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge)* [Indigenous peoples and industrial development of the Arctic (ethnological monitoring in the Yamalo-Nenets Autonomous District)]. Moscow; Shadrinsk: Shadrinskiy Dom Pechati.
7. Sadovoy, A.N. (1991) *Polevoy dnevnik. Kompleksnaya Tofalarskaya ekspeditsiya Irkutskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya* [A field journal. A complex Tofalar expedition of the Irkutsk State United Museum]. June.
8. Sadovoy, A.N. (1993) *Polevoy dnevnik. Etnosotsial'naya ekspertiza naseleniya Chilisu – Anzasskogo natsional'nogo sel'soveta Tashtagol'skogo rayona* [A field journal. The ethno-social expertise of the population of Chilisu – Anzas National Village Council of the Tashtagol District]. July.
9. Pruel, N.A. (1994) *Polevoy dnevnik etnosotsial'nogo obsledovaniya naseleniya Ust'-Kolzasskogo i Kyzyl-Shorskogo sel'sovetov* [A field journal of the ethno-social survey of the population of the Ust-Kolzas and Kyzyl-Shor village councils.].
10. Sadovoy, A.N. (1994–1995) *Polevoy dnevnik etnosotsial'nogo obsledovaniya naseleniya Ust'-Kolzasskogo i Kyzyl-Shorskogo sel'sovetov 1994–1995 gg. (programma “Al'ternativa”)* [A field journal of the ethno-social survey of the population of the Ust-Kolzas and Kyzyl-Shor village councils in 1994–1995. (Program “Alternative”)].
11. Sadovoy, A.N. (1997) *Polevoy dnevnik ekspeditsionnykh rabot na Alyaske. 1997 g.* [A field journal of expeditionary work in Alaska. 1997]. The Archive of the Laboratory of Ethno-Social Research of the Federal Research Center “Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.”
12. Case, D.S. & Voluck, D.A. (2012) *Alaska natives and American laws*. Fairbanks: University of Alaska Press.
13. Sadovoy, A.N. (2000) Traditsionnaya sistema zhizneobespecheniya gvitchin basseyna r. Chandalar i regional'naya natsional'naya politika SShA na Alyaske [The traditional life support system of the Gvitchin river basin. Chandalar and US Regional National Policy in Alaska]. In: Sadovoy, A.N. & Gemuev, I.N. *Traditsionnye sistemy zhizneobespecheniya i regional'naya natsional'naya politika* [Traditional Life Support Systems and Regional National Policy]. Issue 1. Novosibirsk: SB RAS. pp. 78–99.
14. Sadovoy, A.N. (2010) Alaska Natives: Problems of Intercultural Communication. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 13. pp. 83–90. (In Russian).
15. Sadovoy, A.N. (2021) SShA. Alyaska. Opyt polevykh issledovaniy etnicheskikh protsessov [USA. Alaska. Experience of field studies of ethnic processes]. *Amerikanistika: aktual'nye podkhody i sovremennye issledovaniya*. 13. pp. 369–382.
16. Ray, M. (n.d.) *Trans-Alaska Pipeline*. [Online] Available from: https://www.britannica.com/topic/Trans-Alaska-Pipeline (Accessed: 11th May 2022).
17. Laduke, W. (n.d.) Alaska: Oil and the Natives. *Earth Island Journal*. [Online] Available from: https://www.earthisland.org/journal/index.php/magazine/entry/alaska_ oil_and_the_natives/ (Accessed: 11th May 2022).
18. Davydov, V.T. (2000) *Priisk “Altayskiy”: stranitsy istorii. 1845–2000 gg.* [The Mine “Altai”: Pages of history. 1845–2000]. Novokuznetsk: [s.n.].
19. Lizogub, P.P. (2018) Kuznetskoe zoloto [The Kuznetsk gold]. *Nash gorod Novokuznetsk*. 1. pp. 80–90.
20. Kimeev, V.M. & Koptytov, O.I. (2018) *Gornaya Shoriya: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Mountain Shoria: Historical and ethnographic essays]. Kemerovo: Primula.
21. Belozerova, M.V. (2004) *Shortsy: zhizn' i reformy (20-e – 60-e gg. XX v.). Opyt integratsii v sotsialisticheskoe obshchestvo* [The Shors: Life and reforms (1920s – 1960s). Integration into the socialist society]. Kemerovo: SB RAS.
22. Belozerova, M.V. (2009) Problemy modernizatsii traditsionnykh form ekonomiki korennykh narodov Yuzhnoy Sibiri (1920–1980-e gg.) [Problems of modernization of traditional forms of economy of the indigenous peoples of Southern Siberia (1920–1980s)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4/3. pp. 29–32.
23. Gvozdkova, L.I. & Kuznetsova, E.S. (2004) Sistema GULAG [The GULAG system]. In: *Shorskiy natsional'nyy prirodnyy park: priroda, lyudi, perspektivy* [The Shor National Natural Park: Nature, People, Prospects]. Kemerovo: SB RAS. pp. 171–177.
24. Ryabova, Yu.V. (2020) Trudovoe ispol'zovanie zaklyuchennykh v Yuzhnokuzbasskom ispravitel'no-trudovom lagere MVD SSSR (1947–1950 gody) [Labor use of prisoners in the South Kuzbass corrective labor camp of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (1947–1950)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 19(1). pp. 97–111.
25. Litvina, N.V. (2016) Religioznoe sosedstvo shortsev, chelkantsev i staroobryadtsev: stereotipy i vzaimodeystvie [Religious Neighborhood of Shors, Chelkans and Old Believers: Stereotypes and Interaction]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1. pp. 59–72.

26. Arctic Slope Regional Corporation (ASRC). [Online] Available from: https://www.asrc.com/ (Accessed: 11th May 2022).
27. Nekhlebova, N. (2017) Tayushchee bogatstvo. Chem zhivut alyaskinskie kitoboi? [Melting wealth. How do Alaskan whalers live?]. *Ogonek*. 47. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/3459948 (Accessed: 11th May 2022).
28. *IA Krasnaya vesna*. (2021) Izmenenie klimata ugrozhaet okhote na tyuleney zhitelyam Alyaski [Climate change threatens seal hunting in Alaska]. 28th August. [Online] Available from: https://rossaprimavera.ru/ news/1c85a8c1 (Accessed: 11th May 2022).
29. Kiliya, Yu. (n.d.) *Lyudi i kity: kak zhivut korennye narody Alyaski* [People and whales: How the indigenous peoples of Alaska live]. [Online] Available from: https://ednews.net/ru/news/interesting/231660-lyudi-kiti-kak-jivut-korennie (Accessed: 11th May 2022).
30. Belozerova, M.V. (2008) K probleme integratsii korennykh malochislennykh narodov Yuzhnoy Sibiri v rynochnuyu ekonomiku v 1990-e – nachale 2000-kh gg. (na primere bachatskikh teleutov) [On the integration of the indigenous peoples of South Siberia into the market economy in the 1990s – early 2000s. (on the example of the Bachat Teleuts)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 71–74.
31. Belozerova, M.V. (2007) K probleme modelirovaniya “natsional'nogo” samoupravleniya u korennykh malochislennykh narodov Yuzhnoy Sibiri [On the problem of modeling “national” self-government among the indigenous peoples of South Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 139–143.
32. Poddubikov, V.V. & Osipov, K.I. (2014) Pozemel'nye konflikty v mestakh traditsionnogo khozyaystvovaniya shortsev: tipologiya, faktory, modeli konfliktogeneza [Land conflicts in the places of traditional management of the Shors: Typology, factors, models of conflict genesis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(39). pp. 122–127.

***Сведения об авторе*:**
Садовой Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией этносоциальных исследований Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр РАН» (Сочи, Россия). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors
Sadovoy Alexandre N. – Doctor of Historical Science, Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory of Ethnosocial Research, Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 27.07.2022; accepted for publication 09.01.2023

Научная статья
УДК 94 (477:47)‘‘16’’
doi: 10.17223/19988613/81/21

Маркеры идентичности в Малой Руси первой половины XVII в.: религия и происхождение

Юлия Алексеевна Чупрына

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, chupryna.yulya@mail.ru

Аннотация. Рассматривается этническая идентичность населения Руси, входившего в состав Речи Посполитой в первой половине XVII в. На основе православной полемической литературы выделяются и сравниваются такие маркеры идентичности, как религия и происхождение. Используя контекстуальный анализ, автор отмечает актуализацию древнерусских сюжетов, этногенетических мифов и определяет их значимость в понимании «своей» общности. Особое внимание уделяется проблеме региональности и надрегиональности самоназваний, отражающих восприятие униатской Руси и Московского царства.
Ключевые слова: идентичность Малой Руси, этничность Руси, полемическая литература, православные полемисты

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» (соглашение №19-18-00073-П).

Для цитирования: Чупрына Ю.А. Маркеры идентичности в Малой Руси первой половины XVII в.: религия и происхождение // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 185–193. doi: 10.17223/19988613/81/21

Original article

Identity Markers in Little Rus’ in the First Half of the 17th Century: Religion and Origins

Yulia A. Chupryna

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, chupryna.yulya@mail.ru

Abstract. The aim of our research is to find significant characteristics for inclusion of Rus of the first half of the 17th century in the ethnic group of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Based on Orthodox polemical literature created by Rus ecclesiastical intellectuals, this article discusses markers of ethnic identity. One of the most popular points of view in historiography is the dominance of the religious marker as a defining “Ruthenianness” of the population of Little Rus. There is no doubt that for Orthodox polemicists belonging to the Orthodox faith it was of key importance: to be Rus means to be Orthodox. However, this kind of content of the identity of Rus does not exclude other aspects. There has been direct or indirect thought among Orthodox Church intellectuals about the importance of ancestry or blood. The discussion of the origins of Rus was heard against the background of the actualization of “one’s own history” i. e. the history of Old/Kiev Rus’. The fact is that church hierarchs began to use historical subjects as arguments in the first third of the 17th century. They started to think about the origin of the people (using ethnogenetic myths), actualized Old Rus heroes and the glorious feats of the people. The boundaries between “one’s own” and “others” community were becoming clearer. However, the Unitarian Rus was not initially excluded from the mental map of Ruthenia and was not presented as a separate nation, but was considered an individual religious community, which confirms the importance of other markers of identity.

Religion and origin are also important in uncovering the issue of regionalism and supra-regionalism of the self-names of the representatives of Little Rus’. Based on an analysis of Orthodox polemical literature, supra-regionalism was rarely heard in argumentation. Great part of the ethnic terminology, of course, refers to the regional concept of Rus within the Polish-Lithuanian Commonwealth, to the Orthodox metropolis. At the same time, it would also be wrong to deny supra-regionalism, since some intellectuals have promoted such ideas. Rather, we should speak of different points of view of the polemicists. There was interest in the Moscow Tsardom, despite the cautiousness of the first authors and their followers. Supra-regionalism was manifested in appeal to a common religion and origin, but was not specific to all orthodox intellectuals.
Keywords: identity of Little Rus’, ethnicity of Rus’, polemical literature, Orthodox polemicists

© Ю.А. Чупрына, 2023

Acknowledgements: This article was supported by the grant of the Russian Science Foundation “National Identity in the Imperial Policy of Memory: History of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Public Thought in the 19th-20th Centuries” (Project No. 19-18-00073-P).

For citation: Chupryna, Y.A. (2023) Identity Markers in Little Rus’ in the First Half of the 17th Century: Religion and Origins. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 185–193. doi: 10.17223/19988613/81/21

Одной из важных категорий при характеристике того или иного народа является его коллективная идентичность. В научной среде наблюдается неугасающий интерес в отношении этничности восточнославянских народов, особенно будущих украинцев и белорусов. Что понималось под Русью / Малой Русью / «руским народом», живущими в составе Речи Посполитой в первой половине XVII в.? Какой маркер идентичности был определяющим: религия, язык, обычаи, кровь, территория или историческое прошлое? Каково соотношение религиозного и этнического? В современной отечественной и зарубежной историографии этой проблеме уделено немало внимания, однако вопрос до сих пор остается открытым. Конечно, свое влияние на интерпретацию идентичности будущих украинцев и белорусов оказывают и политические реалии, и интеллектуальные «бои» за историю, и построение национальных нарративов на постсоветском пространстве. За последние несколько лет вышло около десятка сборников, так или иначе связанных с данной тематикой, организовываются международные научные конференции и целые проекты. Если раньше акцент делался на наличие или отсутствие украинской нации, то теперь наблюдается интерес исследователей и к другим аспектам идентичности.

В этом исследовании мы предлагаем взглянуть на вопрос этнических маркеров через такой *источник*, как *полемическая литература*, созданная в конце XVI – первой половине XVII в. в Речи Посполитой отдельными церковными интеллектуалами и братствами – представителями от руси / Руси. Став ответом на принятие Брестской унии и притеснения в отношении православия, она несет в себе не только религиозные споры православных с униатами, но и попытки осмысления «своей» общности, исторической судьбы народа. Всего для анализа привлечено 24 работы, 15 из которых – кириллические издания и 9 – польскоязычные. Основными памятниками для изучения стали «Палинодия» Захарии Копыстенского (1621), «Протестация» Иова Борецкого (1621), «Synopsis» и «Supplementum» Synopsis виленских братчиков (1632), работы Мелетия Смотрицкого, Ивана Вишенского и др.

Полемическая литература с конца XX в. все чаще оказывается *в центре внимания исследователей* как источник именно в работах о национальном самосознании, этничности, памяти и национальном нарративе. На ее основе рассматриваются и оспариваются значения понятий «Русь», «Украина», «Великая и Малая Русь / Россия», «руский народ», анализируется зарождение раннемодерной нации. Ключевым вопросом остается наполнение этих самоназваний, т.е. что в источниках раннего Нового времени понималось под «Русью» или «Малой Русью», а также проблема региональности и надрегиональности понятий. Что было основой коллективного сознания? Здесь мы видим значительный разброс мнений, порой взаимоисключающих друг друга.

В контексте изучения национального и этнического сознания исследователи либо стремятся выделить один маркер идентичности – им зачастую становится православная религия, либо уклончиво не дают конкретного ответа, либо доказывают существование разных маркеров идентичности в зависимости от контекста использования самоназваний. Разные интерпретации наполнения понятия «Русь» предлагаются по целому ряду причин: привлечение источников разного характера, рассмотрение различных общностей (шляхта, казачество, церковные деятели), разнородность населения самой Речи Посполитой в религиозном и этническом плане. Так, одна из доминирующих точек зрения относительно наполнения понятия «Русь» / «руский народ» – это православная религия, которая определяет принадлежность к руси, т.е. православный приравнивается к «рускому». Сторонники данного подхода О.Б. Неменский [1, 2] и М.В. Дмитриев [3], опираясь на полемическую литературу, рассматривают идентичность Руси в рамках конструктивизма как воображаемое сообщество. В то же время в их подход вносятся коррективы и оговорки. С ними полемизирует Д.В. Боднарчук, у которого определяющий маркер идентичности – это кровь / происхождение [4. С. 148].

Другая группа исследователей обращает внимание на многоаспектность и многосоставность идентичности Руси: Д. Брожди-Беркофф [5], Н.Н. Яковенко [6], С.Н. Плохий [7] и т.д. Хотя историки могут и не сходиться во мнениях, но в их работах в целом прослеживается идея о сложности и неоднозначности интерпретации наполнения понятия «руского народа» Речи Посполитой, а также постулируется отсутствие единой идентичности. Ставится под сомнение и существование на рубеже XVI–XVII вв. как такового национального самосознания (Д.Ю. Степанов) [8], которое ищут многие исследователи. Обсуждается и вопрос «общерусской» идентичности Руси и Москвы. Надрегиональная идентичность интересует разных историков: Б.Н. Флорю [9], П.М. Саса [10], С.Н. Плохия [7], Т. Ходану [11] и т.д. Обобщая их разработки, заметим, что в конечном итоге имеем противоположные точки зрения: Москва либо включалась в рамки «своей» идентичности и «своего» пространства, либо исключалась из него. Во многом ту или иную оптику задает историческая школа, к которой относится исследователь.

Несмотря на разность трактовок, исследователи стремятся к диалогу, о чем свидетельствует исторический проект «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в конце XV – сере-

дине XVIII в. в контексте зарождения модерных наций в Европе» [12–15]. Проект объединил в себе исследователей России, Украины, Белоруссии, Польши и Литвы. Главной его идеей стал анализ надрегиональных идентичностей, поиск национального самосознания и раннемодерных наций, возникших на территории бывшей Древней Руси. И хотя историки не пришли к конкретным обобщающим выводам относительно региональности и надрегиональности восточнославянских идентичностей, это не умаляет значимости и успехов проделанной работы.

В силу разнообразия точек зрения и интерпретаций понятий необходимо очертить наши *терминологические рамки*. В православной полемической литературе устойчиво используются понятия Малая и Великая Русь / Россия. Названия Малая и Великая Русь относятся к греческой терминологической традиции константинопольских патриархов XIV в. [16; 17. С. 41]. Само понятие «Великая Русь / Россия» появилось гораздо раньше: первые упоминания в византийских источниках относятся к XII в., – и означало всю территорию Киевской Руси [18. С. 257–258]. Дальнейшие изменения связаны с распадом Киевской Руси на земли (волости) и появлением новой митрополии – в Галицко-Волынской Руси. В XIV в. появляется понятие «Малая Русь / Россия», которое греками относилось к митрополии Галицко-Волынского княжества, а понятие «Великая Русь» распространялось на все остальные земли, включая Москву и Киев. В греческих источниках XV–XVI вв. Киев относится к Малой России, а Московская Русь соответствует Великой России [19, 20]. Такие представления о восприятии сохраняются к XVII столетию. В рассматриваемых нами православных полемических сочинениях не разъясняется, что подразумевалось под Малой и Великой Русью: для церковных деятелей начала XVII в. все было ясно и понятно. Конечно, в основном терминология употребляется в религиозном контексте границ митрополии, хотя для церковных интеллектуалов ментальные географические рамки несколько размыты. С одной стороны, они ограничены православной верой и митрополией, а с другой – представлениями об исторических условиях, в которых апостол Андрей Первозванный ходил по землям Руси от Киева до Новгорода, и о всех землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского. Но в большинстве случаев Малая Русь / Русь / «руский» народ отожествляется с Русью в границах Речи Посполитой, а Великая Русь – с Московским царством, «Велекоросское або Московское» [21. Стб. 863; 22. Стб. 9; 23. С. 130, 170].

Что же касается термина «Украина» / «украинский», то он встречается не так часто, как можно было предположить, – всего несколько раз на просторах православных полемических трудов первой трети XVII в. Вполне возможно, что в дальнейшем эта терминология станет проявляться чаще. У Мелетия Смотрицкого упоминается неоднократно в «Верификации невинности» (1621): «ieden do wszech w obec obywatelow ukrainnych», «a drugi uniwersalny do wszytkich obywatelow województwa Wołyńskiego y Ukraińskiego...» [24. С. 284]; «w tamtych temn nieprzyiacielowi bliższych krainach, na Wołyniu, na Ukrainie, na Podolu y na Podgorzu mające» («…в тех более близких землях этого врага, на Волыни, в Украине, Подолье и Подгорье…») [Там же. С. 324]. Заметно четкое деление территории. Пространство бывшей Древней Руси делится на регионы: Волынь, Украина, Подолье, Подгорье. Отмечается использование термина «Украина» / «Украйна» у Захарии Копыстенского [21. Стб. 1135] и Иова Борецкого [25. С. 16], но крайне редко, у З. Копыстенского – однажды, а у И. Борецкого – три раза. Название «Украина» примечательно тем, что оно новое – ранее у других православных полемистов не встречалось. Для церковных деятелей было привычнее использовать обобщающие понятия «наша земля Руская», «Русь», «Малая Русь», а термин «Украина» в обозначенных случаях использования имеет территориальное значение.

Итак, переходя к результатам анализа, отметим, что магистральная тема рассматриваемых нами источников религиозная, а не историческая или этническая. Интерес к «своей» общности, к судьбе народа появляется не сразу, а ближе к 20-м гг. XVII в., хотя полемика с униатами и католиками началась еще в конце XVI в. В 20-е гг. XVII в. отмечается осмысление «своей» общности через историю. Поднимаются вопросы происхождения Руси, ее славных предков и героев, приобретения прав и свобод. Из Киева все чаще слышны голоса о Малой и Великой Руси / России. Прослеживаются постепенное развитие аргументации и расширение сюжетов за счет «своего» прошлого.

Конечно, сложно отрицать доминирование такого маркера идентичности, как *православная вера*. Действительно, часто самоназвания «Русь» / «Малая Русь», «росский» или «руский народ» используются в религиозном контексте, т.е. соотносятся с православной общностью: быть русским – значит быть православным. Дело в том, что главная тема полемической литературы – это право на православную веру, поэтому вполне естественно, что ключевой составляющей выступает именно религия. Для полемистов главное, чтобы «руский народ» был православным, поэтому церковные деятели используют и соответствующую терминологию.

Так, Герасим Смотрицкий (отец Мелетия Смотрицкого) использует выражения «правое веры народове руские» [26. С. 238], «правоверные народове руские» [Там же. С. 242]. У Ивана Вишенского тоже в самоидентификации прослеживается роль религии – «благочестивый руский народе» [23. С. 132]. Или же у Мелетия Смотрицкого в «Obrona Verificaciey» комментарий в отношении униата: «iaki Redargutor iest Rusin, ktory Wschodniey sw. cerkwie prawa i zwyczaie depce y wiedzieć o nich nie chce…?» [27. С. 347] – «…какой же есть русин, если он Восточной церкви права и обычаи топчит и знать о них не хочет» (перевод по О.Б. Неменскому [1. С. 185]). У Захарии Копыстенского находим: «…абы Руси не было в Руси, то есть речь неподобная» [21. Стб. 957]; «Але речет хто: “не хочемо мы Руси отменяти в Руси”. Ба, и не можете!» [Там же. Стб. 958]. Полемист, по сути, соглашается с тем, что Русь должна быть в Руси, т.е. православная религия должна быть на Руси, в «руском» народе. На протяжении всего текста «Палинодии» в самоназваниях народа

подчеркивается его принадлежность к православию: «у нас старои правоверной России…» [21. Стб. 319], «нас Россов православных…» [Там же. Стб. 321].

С другой стороны, нельзя сказать, что такое наполнение идентичности руси исключает *другие аспекты*. Среди православных церковных интеллектуалов прямо или косвенно звучала мысль *о важности происхождения,* или крови. Они, безусловно, не находились в идейном вакууме, активно взаимодействовали с идеями своих предшественников. Большое влияние на творчество полемистов первой половины XVII в. оказывала польская историческая традиция XV–XVI вв. Мифологемы о Руси, заложенные в польских хрониках, транслировались и воспринимались не только католическими интеллектуалами, но и православными. Польские хронисты обозначили вопросы этногенеза восточных славян, происхождения государственности, они открывали Русь для Запада. Полемисты не оставались в стороне и использовали имеющиеся в их арсенале концепции. Православные церковные деятели были знакомы с работами Я. Длугоша, М. Меховского, Б. Ваповского, М. Кромера, Марчина и Иоахима Бельских, М. Стрыйковского, а также итальянца А. Гваньини [28. С. 50]. Другим значимым источником для полемистов стали летописи из Московского царства и Библия, которая давала поле для создания этногенетического мифа и включения «своего» народа в общемировую историю. Таким образом, книги были мощным каналом передачи информации, как реальных фактов, так и исторических мифов.

Рассуждения о происхождении руси звучали на фоне актуализации «своей» истории, т.е. истории Древней / Киевской Руси. Дело в том, что в первой трети XVII в. церковные иерархи в полемике стали использовать в качестве аргументов исторические сюжеты: задумались о происхождении народа (использовали этногенетические мифы), актуализировали древнерусских героев (князей Владимира, Ярослава Мудрого, Олега, княгиню Ольгу, апостола Андрея Первозванного) и славные подвиги народа.

В подтверждение идеи о внимании к происхождению обратимся к «Апокрисису» Х. Филалета (1597–1599), где присутствует характерное высказывание: «Обачать, же вера наша не для того Греческою называна бывает, жебысмо мы все, што ее держимо, Греками быти мели (бо не естесмо Греками все, але ато некоторыи и Руского и Литовского народу); але для того, же продкове наши тую веру наперед приняли от патриархов, в Греции мешкаючих...» [29. Стб. 1152]. Полемист поясняет, почему они называются греками – не потому, что народ греки, а потому, что религия греческая и приняли их предки от греческих патриархов. А народ может быть другой – «руский» народ. Соответственно, полемист аккуратно разводит категории народа и религии: народ «руский» и вера греческая.

Отдельные упоминания об утрате привычного порядка вещей, обычаев находим в анонимной «Перестроге» (1605–1606): полемист критикует знатные русские роды за смешанные браки. Русь настигает проникновение польских обычаев и наук через отход родов от православия: «Читаючи кроники Польскиу знайдеш о том достаточне, як Поляци Руские паньства пообседали, поприятелевшися з ними, и, царские цурки свое за Русинов давши, через них свое обычае оздобные и науку укоренили, так, иж Русь посполитовавшися з ними…» [30. С. 204]. В данном случае под обычаем понимаются православная культура и модель социальных отношений. С другой стороны, несмотря на то что «руское» панство изменило вероисповедание, прониклось польской культурой, оно от этого не называется «польским» панством, не исключается из категории руси. Полемист учитывает, чьи они потомки, кто их прародители, заветам которых «руское» панство не следует [Там же. С. 205].

На отход от православия представителей знатных родов обращали внимание и Мелетий Смотрицкий в «Треносе» (1610) [31. С. 313], и Иван Вишенский в ответе Петру Скарге [23. С. 147]. В другой своей работе Мелетий Смотрицкий делает конкретное заявление: «…не вера русина русином, поляка поляком, литвина литвином делает, но происхождение и кровь русская, польская и литовская» («Nie wiara abowiem Rusina Rusinem, Polaka Polakiem, Litwina Litwinem czyni: ale urodzenie i krew Ruska, Polska, y Litewska») [32]. Этот момент исследователями трактуется по-разному: если Д.В. Боднарчук видит в высказываниях М. Смотрицкого маркер идентичности «происхождение» / «принадлежность по крови» [33], то М.В. Дмитриев оспаривает данное утверждение, сводя все к религиозной трактовке [34. С. 359]. В любом случае вопрос происхождения поднимался не только Мелетием Смотрицким, высказывание которого о крови цитируются из работы в работу многими исследователями. Происхождение затрагивали и анонимный автор «Перестроги», и Иван Вишенский, и уже упомянутый Мелетий Смотрицкий. Вопрос о значимости кровнородственных связей непрост, ведь для церковных деятелей важнее духовные связи с церковью, нежели мирские, однако переставшие быть православными русинские роды полемистами продолжают относиться к категории Руси.

В 20-е гг. XVII в., когда православные полемисты обратили свое пристальное внимание на древнее прошлое Руси, в их работах появилось выражение «старожитный народ Руский». Характерным примером служит «Synopsis» (1632), созданный виленскими братчиками для сейма, – «przezacny starowieczny narod Ruski» [35. С. 534]. Текст представляет собой во многом исторический нарратив, который повествует о приобретении и подтверждении прав и свобод православного «руского» народа в рамках Древней Руси и Речи Посполитой. В «Палинодии» еще ранее был представлен исторический нарратив о героическом прошлом Руси, о славном происхождении от рода Иафета и о путешествии апостола Андрея по Руси. Про древность, героическое прошлое народа и обычаи говорит и новопоставленный митрополит Иов Борецкий. Все это тоже может служить подтверждением интереса к происхождению руси, реальному или мнимому.

Захария Копыстенский в четвертой части «Палинодии» уделяет внимание этногенетическому мифу. Он приводит библейскую легенду происхождения народов от Сима, Хама, Яфета, прочитав о ней у Стрый-

ковского: «В том благословеном Яфетомо поколеню народ Российский найдуется, который и доныне в Афетовом поделе и державе седит. Той народ Яфетов широкий барзо был, и славен, для чего и Славенским был назван. Мужным теж и валечным был той народ и славным рицерскою делностию еще за часу войны Троянской» [21. Стб. 1102–1103]. Полемист называет народ России «народ Яфето-Росский Славенский» [Там же], т.е. соотносит его с прародителем Иафетом, что было популярно для того времени. Кроме того, отнесение славян и сарматов ко владениям Иафета присутствует в восточнославянской летописной традиции. Также полемист объясняет происхождение названия «славянский народ» от славы и ссылается на «Словенскую Хронику».

Если сравнивать отношение православного полемиста к сарматской теории, то он ее принимал, рассуждал в рамках сарматского дискурса, но продвигал и библейскую теорию, которая для него, возможно, главнее. Две этногенетические легенды соседствуют и не противоречат у Копыстенского. Подобное смешение легенд присутствует и у Стрыйковского, с трудами которого был знаком православный иерарх. Однако такие углубления в историю не свойственны всем полемистам, вопрос происхождения зачастую прямо не вставал на повестку дня. Захарий Копыстенский попытался создать полемический труд, во многом исторический.

О популярности библейского мифа о происхождении говорит и цитата из «Протестации» Иова Борецкого. Дадим ее в переводе на современный русский язык: «Что касается казаков: мы знаем об этих рыцарственных людях, которыми они являются. Мы знаем об этих рыцарях, что они – наши люди, наши братья и верующие христиане… Ибо это русский народ, древнее племя семени Иафета, которое с Черным морем и землями греческой империи впитал в себя Греческую империю» [25. С. 15]. И. Борецкий, как и З. Копыстенский, относит русский народ к роду Иафета, а вместе с ним и казачество.

Таким образом, приходим к нескольким выводам. Во-первых, лишь малая часть православных церковных интеллектуалов проявляла в полемике интерес к вопросам происхождения Руси. Однако это не говорит о том, что интереса не было. В 1621 г. параллельно создаются два полемических труда, в которых присутствует этногенетический миф. Ввиду разнообразия концепций возможно смешение разных мифов, но наибольший интерес у полемистов вызывает, безусловно, библейское происхождение от рода Иафета. Во-вторых, апелляции к прошлому возникают на фоне назначения нового митрополита Иова Борецкого иерусалимским патриархом Феофаном IV, поэтому носит утилитарный характер. В-третьих, представления о происхождении народа свидетельствуют об интересе к «своему прошлому» и к конкретизации «своей общности». Православные церковные интеллектуалы не выходят за рамки сложившегося на тот момент дискурса.

Здесь встает логичный вопрос: рассматривались ли униаты в этническом плане как Другое, если они сменили веру? Ведь униаты вызывали у православных церковных деятелей нелестные отзывы, они считались отпавшей частью, неправильной и ложной русью. В «Verificatia niewinnności» у М. Смотрицкого находим такие рассуждения (перевод по О.Б. Неменскому [1]): «Мы – русь восточного послушания и вероисповедания – люди mere религии греческой католической; паны поляки и литва – западного послушания и вероисповедания люди mere религии римской католической. Они между нами с римлянами что-то non merum, неискреннее что-то, но fictum, что-то вымышленное, ни то, ни се» [24. С. 325]. В «Obrona Verificaciey» полемист продолжает наделять религиозных противников отрицательными эпитетами: «Plochy to Rusin» [Там же С. 359] – «плохой то русин»; «chytry ten zmyślony Rusin» [Там же. С. 361] – «лукавый, выдуманный русин»; «wy nowa Rus» [Там же. С. 379] – «вы новая Русь»; «miedzy nami starożytney graeckiey religiey, Rusią, a miedzy Rusią odstępną, to iest apostatami naszym» [36. С. 597] – «между нами, древнегреческой религией, русами, и между отклонившимися русами, то есть нашими отступниками». Другой поборник православия, Иван Вишенский, неоднократно называл униатов изменниками и «дурной Русью» [23. С. 24]: «Тепер в нас тая дурная Рус жития чистого ищет» [Там же. С. 41]; «дурное Руси, чистца по смерти немаш» [Там же. С. 161]; «але зменников руских искореняет» [Там же. С. 34].

Такие громкие возгласы православной стороны отражали накал страстей и эмоций в борьбе за свои права и свободы в Речи Посполитой, но важно заметить, что рассуждения об униатах продолжались в категориях «Руси». Примечательно, что даже Иван Вишенский, один из самых ярых поборников православия, обращается к своему противнику П. Скарге как к представителю Руси: «“Мало ли есть святых латынских, которых и вы, Русь, в календарю славите”. – Есть. Тако, Скарго!» [Там же. С. 194]. Однако отрицать размежевание сторон тоже будет неверным. Для православных церковных интеллектуалов униаты виделись неправильными и чуждыми в религиозном плане. В то же время в историческом нарративе православные полемисты конструируют одну славную и благочестивую историю Руси, не выделяют униатов в своем нарративе, не исключают их из ментальной карты Руси. Происхождение народа одно, и Русь должна быть православной. Униаты не представляются отдельным народом, они лишь отдельная религиозная общность Руси. Подтверждение этому находим не только в интеллектуальных построениях, но и в реальной плоскости, когда православные и униаты пытались воссоединиться. Каждая из сторон, конечно, выдвигала свой проект единства: во главе с римским папой или патриархом [37].

Следующий важный вопрос, который может дать представление о роли происхождения как маркера идентичности, – это *региональность и надрегиональность* в самоназваниях руси. Несомненно, существовала апеляция к общей православной вере. Было ли что-то еще, помимо религии?

В «Палинодии» З. Копыстенского прослеживаются идеи надрегиональности – Великая и Малая Русь имеют общую веру, святых, происхождение, отраженное

в этногенетическом мифе, общего предка в лице князя Владимира. По утверждению Копыстенского, Русь и Московское царство входят в одну категорию «руссов»: «Много святых и чудотворных у Греков, у Сербов, у Болгаров и у Руссов сталося по одорваньюся Латинников от Греков» [21. Стб. 841]. Говоря о святых чудотворцах греков, сербов, болгар и руссов, Копыстенский обобщает святых Малой Руси из Киево-Печерского монастыря и Великой Руси – все они входят в категорию «руссов» [Там же. Стб. 847]. Копыстенский подробно перечисляет киевских, новгородских, черниговских, тверских, московских, вологодских, смоленских, ростовских святых, не разделяя их на Русь и Москву, давая лишь привязку по городам, по которым можно размежевать святых на две митрополии. Без сомнения, Великая Россия для Копыстенского принадлежит к категории «мы»: «…ступемо в нашу Россию Великую и Малую, а вплод до Киева...» [Там же]. В данном случае на передний план выступает религиозное единство – православие Руси и Московского царства, обе митрополии относятся к православной вере и соотносятся с общностью «мы». Но объединяет их не только вера, но и происхождение – предлагаются библейский этногенетический миф и концепция «яфеторосского народа» [Там же. Стб. 1111]. Такой «народ» явно относится к нововведениям полемиста – ранее православные иерархи не использовали данную терминологии для определения региональной или надрегиональной идентичности Руси. Ментальные географические рамки, которые предлагает Захария Копыстенский, широки – включают в одно пространство Киев и Новгород. Об этом свидетельствует его трактовка истории о том, как апостол Андрей Первозванный шел по Днепру, побывал в Киеве, точнее там, где будет в дальнейшем город, а потом поднялся в Великий Новгород [Там же. Стб. 1104]. Новгородские земли, которые на момент создания полемических трудов находятся под властью московского царя, входят в широкие границы Руси и в пространство «своего прошлого». С другой стороны, Копыстенский, проводя апостола Андрея через Киев и Новгород, широкими мазками очерчивал границы бывшей православной митрополии, подчиненной константинопольскому патриарху. Ведь на тот момент необходимо было доказать право подчиняться константинопольскому патриарху.

Впрочем, на рубеже XVI–XVII вв. у церковных интеллектуалов не было цели объединиться с Москвой, и надрегиональное беспокоило лишь отдельную их небольшую группу. В 20–30-е гг. XVII в. мысли о том, чтобы опереться на Москву, появляются все чаще. Иов Борецкий (митрополит Киевский), настроенный промосковски, даже посылал обращение с просьбой о присоединении [38]. Он высказывался о родстве в религиозном и этническом плане (обычаи и язык). Однако доминирующей эта точка зрения не стала. Иов Борецкий в «Протестации» (1621) пишет: «Как и патриархи и мы, казаки, одинаково выступали на стороне Москвы, с которой у нас была одна вера и богослужение, одна семья, язык и обычаи» [25. С. 9]. Если исходить из тезисов Борецкого и нашего предположения о многосоставности идентичности руси, то Москва относится к родственному народу – к «одной семье», и не выделяется в чужеродную общность. Иов Борецкий, скорее всего, здесь отсылает к летописной концепции происхождения славянского народа. Единоутробное происхождение Руси и Москвы означает, что оба народа – потомки рода Иафетова, возможно, здесь также имелась в виду связь с князем Владимиром.

В то же время обращение к Москве – вынужденная необходимость, связанная с ухудшением ситуации и ослаблением внутреннего положения православной церкви. Когда обострялись отношения между поляками и казачеством, когда казачество не могло защитить православных иерархов, тогда Иов Борецкий обращался за помощью в Москву: в 1624 г. к царю Михаилу Федоровичу. Прося о помощи, Иов в грамоте употреблял красноречивые эпитеты: «российского ти племени единоутробным людем» [38]. Такова была принятая риторика, что наивысшим комплементом может служить духовная связь с библейским родом Иафета или с крестителем Руси. Поэтому сводить все исключительно к корыстному умыслу, исключать сложившиеся риторические приемы и даже искренность богослова тоже нельзя. В то же время Т. Ходана справедливо отмечает, что связи православной Руси и Москвы были не такими уж тесными. Они сводились к паломническому движению и визитам представителей монастырей, переписке и частным контактам нескольких магнатов с московскими властями, а также деятельности «великорусских» эмигрантов. Дело в том, что авторов полемических сочинений в начале XVII столетия мало волновал политический вопрос подчинения, и внимание к Москве не стоит помещать в центр интересов православных полемистов. Но в данном случае для нас, скорее, важно другое – актуализация темы происхождения, родства, этногенетического мифа.

Большая часть этнической терминологии, конечно, относится к региональному понятию Руси в рамках Речи Посполитой, православной митрополии, подчиненной константинопольскому патриарху, конфессиональной общности. Концентрируясь на словоупотреблении, исследователи часто не уделяют должного внимания компиляции ментальных границ из польских хроник. Для польской историографии XVI в. характерно рассмотрение Москвы и Руси в разных этнических категориях, что обусловлено политическими границами. Московский народ то включается в надрегиональную славянскую общность, то исключается. К концу XVI в. в Речи Посполитой сложилась устойчивая историографическая традиция, согласно которой Москва и Русь резко разделяются между собой, описываются и мыслятся отдельно. Подобное разделение пространства мы прослеживаем и в полемической литературе. Русь – это Русь в границах Речи Посполитой, а Московское царство – несколько отдалено, оно «другое». Так, М. Смотрицкий в меньшей степени тяготел к Москве и задумывался о единстве с ней. Полемика вобрала многие обозначенные выше конструкты из польской историографической традиции. Заимствования связаны не только с разграничением народов на «Москву» и «Русь», заимствовались и исторические сюжеты.

В то же время отрицать надрегиональность тоже будет неправильно, так как часть интеллектуалов продвигала подобные идеи. Скорее, нужно говорить о разных точках зрения полемистов. Несмотря на осторожность первых авторов и их последователей, интерес к Московскому царству присутствовал. Надрегиональность проявлялась в апелляции к общей религии и происхождению. Но подобная риторика не была свойственна всем православных интеллектуалам.

И хотя главным маркером идентичности оставалось православие, происхождение тоже играло свою роль в наполнении понятия «руского народа», пусть и меньшую. Исключая происхождение, оставляя только веру, человек вряд ли бы относился к руси. С таким же успехом его можно было отнести к болгарам или грекам, а их-то полемисты четко отделяли от региональной идентичности Руси и включали в надрегиональную славянскую и православную общность. С другой стороны, происхождение Руси волновало немногих православных интеллектуалов, занятых религиозными спорами. В текстах в основном отражены аргументы против тезисов униатской церкви. Полемика шла вокруг тезиса о подчинении православных католическому папе, рассматривалась церковная история от первых апостолов до вселенских соборов. Подвергалась критике единоличная власть папы, продвигалась идея о равенстве православного патриарха и римского папы. Специальные рассуждения о происхождении Руси в православной полемической литературе найти сложно, единственное исключение составляет работа Захарии Копыстенского. Он предложил во многом исторический труд, хотя первая часть сочинения посвящена религиозным вопросам.

Итак, *подводя итог*, заметим, что изучаемый период истории для православной церкви и всего «руского» народа Речи Посполитой является рубежным временем. Церковные интеллектуалы после принятия Брестской унии вынуждены вести борьбу за свои права и свободы, отстаивать свою позицию на бумаге, соборах и сеймах. Многие вопросы, касающиеся понимания «своей» общности и прошлого, только начинают формулироваться, а ответы для самих полемистов пока не вполне ясны. Далеко не всех полемистов в начале полемики заботила светская история, поэтому можно встретить небольшое количество этнической терминологии или светских героев прошлого на рубеже XVI–XVII вв. Конструирование нарратива «своего прошлого» помогало церковным интеллектуалам конкретизировать представление о сущности Руси / руси. Происходило осмысление и проведение более четких границ между «своим» и «чужим». Исходя из источников, можно выделить не только православие как маркер принадлежности к «русскому» народу, но и происхождение. А если быть точнее, то определяющим маркером являлось, конечно, православие, а потом уже другие факторы. Нам видится, что для православных полемистов была важна целая совокупность маркеров, которые выступают на фоне религии.

Список источников

1. Неменский О.Б. Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в.: (по материалам полемической литературы) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М. : Индрик, 2008. С. 180–204.
2. Неменский О.Б. Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом : к 50-летию проф. М.В. Дмитриева : сб. ст. / под ред. О.Б. Неменского. М., 2008. С. 105–113.
3. Дмитриев М.В. Православное и «русское» в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой (конец XVI – середина XVII вв.) // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / отв. сост., отв. ред. А.В. Доронин. М. : Рос. полит. энцикл., 2017. С. 193–214.
4. Боднарчук Д.В. Этнокультурная идентичность населения Русского воеводства Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 255 с.
5. Brogi Bercoff G. Ruś, Ukraina, Ruthenia, Wielkie Księstwo Litewskie, Rzeczpospolita, Moskwa, Rosja, Europa Środkowowschodnia: o wielowarstwowości i polifunkcjonalizmie kulturowym // Contributi italiani al. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Ljubljana 15–21 agosto 2003). Pisa : Associazione Italiana degli Slavisti, 2003. S. 326–387.
6. Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII. Київ : Критика, 2002. 416 с.
7. Plokhy S. The origins of the Slavic nations: premodern identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 379 p.
8. Степанов Д.Ю. Этноконфессиональное самознание православного населения Речи Посполитой и гетманщины в середине – второй половине XVII в. : дис. … канд. ист. наук. М., 2016. 366 с.
9. Флоря Б.Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI – первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М. : Индрик, 2019. 480 с.
10. Сас П.М. Витоки українського націотворення. Київ : Інститут історії України НАН України, 2010. 702 с.
11. Hodana T. Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinov – obywateli Rzeczypospolitej. Kraków : Scriptum, 2008. 262 s.
12. Древняя Русь после Древней Руси. Дискурс восточнославянского (не)единства / отв. сост., отв. ред. А.В. Доронин. М. : Рос. полит. энцикл., 2017. 399 с.
13. Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории / отв. ред. А. В. Доронин. М. : Рос. полит. энцикл., 2018. 430 с.
14. «Места памяти» руси конца XV – середины XVIII в. / отв. ред. А.В. Доронин. М. : Рос. полит. энцикл., 2019. 518 с.
15. Религия и русь, XV–XVIII вв. / отв. сост. А.В. Доронин. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2020. 447 с.
16. Zenon E.K. Making Ukraine. Studies on Political Culture, Historical Narrative, and Identity. Edmonton ; Toronto : Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2011. 340 p.
17. Штайндорфф Л. Наследие Киевской Руси в восприятии «западных» авторов раннего нового времени // Древняя Русь после Древней Руси. Дискурс восточнославянского (не)единства / отв. сост., отв. ред. А.В. Доронин. М. : Рос. полит. энцикл., 2017. С. 38–48.
18. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год) / Ин-т всеобщей истории. М. : Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 528 с.
19. Соловьёв А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38.
20. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы : представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. 400 с.
21. Палинодия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб. : Тип. и Хромолит. А. Траншеля, 1878. Т. 4. Стб. 313–1200.

22. Вопросы и ответы православному с папежником // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб. : Тип. А.М. Котомина и Ко, 1882. Т. 7. Стб. 1–110.
23. Иван Вишенский. Сочинения / отв. ред. Н.К. Гудзий. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. 373 с.
24. Verificatia niewinnosci // Архив Юго-Западной России. Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. Т. 7, ч. 1. С. 279–344.
25. Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов / ком. П.Н. Жукович. СПб. : тип. Академии наук, 1909. 19 с.
26. Ключ царства небесного // Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. Т. 7, ч. 1. С. 232–265.
27. Obrona Verificaciey // Архив Юго-Западной России. Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. Т. 7, ч. 1. С. 345–442.
28. Карнаухов Д.В. Польская историческая книга как феномен интеллектуальной культуры эпохи Возрождения // Библиосфера. 2013. № 3. С. 49–58.
29. Апокрисис // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб. : Тип. А.М. Котомина и Ко, 1882. Т. 7. Стб. 1003–1820.
30. Перестрога // Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб. : В тип. Эдуарда Прана, 1851. Т. 4. С. 203–236.
31. Тренос, тобто Плач… (фрагменти) // Українські гуманісти епохи Відродження : антологія : у 2 ч. Київ : Наукова думка, 1995. Ч. 2. С. 284–332.
32. Smotrycki M. Verificatia niewinności. Wilno : Drukarnia Bractwa Św. Ducha, 1621.
33. Боднарчук Д.В. Этнокультурная идентичность населения Русского воеводства Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 255 с.
34. Дмитриев М.В., Шпирт А.М. Идентичность Руси и «руси» в письменных памятниках украино-белорусской православной культуры XV–XVII вв.: историографические заметки // Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории / отв. сост., отв. ред. А.В. Доронин. М. : Рос. полит. энцикл., 2018. С. 332–383.
35. Synopsis // Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. Т. 7, ч. 1. С. 533–576.
36. Elenchus pism vszczypliwych // Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев : Лито-тип. акц. о-ва Н.Т. Корчак-Новицкого, 1914. Т. 8, ч. 1. С. 597–673.
37. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI –первой половины XVII в. / отв. ред. В.Н. Флоря. М. : Индрик, 1999. Ч. 2: Брестская уния 1596 г.: исторические последствия события. 198 с.
38. Флоря Б.Н. Иов Борецкий // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2010. Т. 25. С. 299–306. URL: https://www.pravenc.ru/text/578176.html (дата обращения: 25.10.2022).

References

1. Nemenskiy, O.B. (2008) Russkaya identichnost' v Rechi Pospolitoy v kontse XVI – pervoy polovine XVII v.: (po materialam polemicheskoy literatury) [Russian identity in the Commonwealth at the end of the 16th – the first half of the 17th century: (based on polemical literature)]. In: *Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsional'nykh identichnostey v Evrope. Srednie veka – Novoe vremya* [Religious and ethnic traditions in the formation of national identities in Europe. Middle Ages – New Time]. Moscow: Indrik. pp. 180–204.
2. Nemenskiy, O.B. (2008) Ob etnokonfessional'nom samosoznanii pravoslavnogo i uniatskogo naseleniya Rechi Pospolitoy posle Brestskoy unii [On the ethno-confessional self-consciousness of the Orthodox and Uniate population of the Commonwealth after the Union of Brest]. In: Nemenskiy, O.B. (ed.) *Mezhdu Moskvoy, Varshavoy i Kievom: k 50-letiyu prof. M.V. Dmitrieva* [Between Moscow, Warsaw and Kiev: To the 50th anniversary of Prof. M.V. Dmitriev]. Moscow: [s.n.]. pp. 105–113.
3. Dmitriev, M.V. (2017) Pravoslavnoe i "russkoe" v predstavleniyakh o "russkom narode" Rechi Pospolitoy (konets XVI – seredina XVII vv.) [Orthodox and "Russian" in the ideas about the "Russian people" of the Commonwealth (the end of the 16th – the middle of the 17th centuries)]. In: Doronin, A.V. (ed.) *Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi: diskurs vostochnoslavyanskogo (ne)edinstva* [Old Rus after Old Rus: The discourse of East Slavic (dis) unity]. Moscow: Ros. polit. entsikl. pp. 193–214.
4. Bodnarchuk, D.V. (2012) *Etnokul'turnaya identichnost' naseleniya Russkogo voevodstva Rechi Pospolitoy v kontse XVI – pervoy polovine XVII v.* [Ethno-cultural identity of the population of the Russian Voivodeship of the Commonwealth in the late 16th – the first half of the 17th century]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Brogi Bercoff, G. (2003) Ruś, Ukraina, Ruthenia, Wielkie Księstwo Litewskie, Rzeczpospolita, Moskwa, Rosja, Europa Środkowowschodnia: o wielowarstwowości i polifunkcjonalizmie kulturowym. *Contributi italiani al. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti*. Ljubljana 15–21 agosto 2003. Pisa: Associazione Italiana degli Slavisti. pp. 326–387.
6. Yakovenko, N. (2002) *Paralel'niy svit. Doslidzhennya z istoriï uyavlen' ta idey v Ukraïni XVI–XVII* [The parallel world. Records from the history of those ideas in Ukraine in the 16th – 17th centuries]. Kiïv: Kritika.
7. Plokhy, S. (2006) *The origins of the Slavic nations: premodern identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Stepanov, D.Yu. (2016) *Etnokonfessional'noe samoznanie pravoslavnogo naseleniya Rechi Pospolitoy i getmanshchiny v seredine – vtoroy polovine XVII v.* [Ethno-confessional identity of the Orthodox population of the Commonwealth and the Hetmanate in the middle – second half of the 17th century]. History Cand. Diss. Moscow.
9. Florya, B.N. (2019) *Rossiya i vostochnoslavyanskie zemli Pol'sko-Litovskogo gosudarstva v kontse XVI – pervoy polovine XVII v. Politicheskie i kul'turnye svyazi* [Russia and the East Slavic lands of the Polish-Lithuanian state in the late 16th – the first half of the 17th century. Political and cultural ties]. Moscow: Indrik.
10. Sas, P.M. (2010) *Vitoki ukraïns'kogo natsiotvorennya*. Kiïv: Institut istoriï Ukraïni NAN Ukraïni.
11. Hodana, T. (2008) *Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinov – obywateli Rzeczypospolitej*. Kraków: Scriptum.
12. Doronin, A.V. (ed.) (2017) *Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi. Diskurs vostochnoslavyanskogo (ne)edinstva* [Old Rus after Old Rus: The discourse of East Slavic (dis) unity]. Moscow: Ros. polit. entsikl.
13. Doronin, A.V. (ed.) (2018) *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoey istorii* [Narratives of Rus' in the late 15th – mid-18th centuries: in search of their history]. Moscow: Ros. polit. entsikl.
14. Doronin, A.V. (ed.) (2019) *"Mesta pamyati" rusi kontsa XV – serediny XVIII v.* ["Places of memory" of Rus' in the late 15th – the middle of the 18th centuries]. Moscow: Ros. polit. entsikl.
15. Doronin, A.V. (ed.) (2020) *Religiya i Rus', XV–XVIII vv.* [Religion and Rus, 15th – 18th centuries]. Moscow: Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN).
16. Zenon, E.K. (2011) *Making Ukraine. Studies on Political Culture, Historical Narrative, and Identity*. Edmonton; Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press.
17. Shtayndorff, L. (2017) Nasledie Kievskoy Rusi v vospriyatii "zapadnykh" avtorov rannego novogo vremeni [The heritage of Kievan Rus in the perception of "Western" authors of the early modern period]. In: Doronin, A.V. (ed.) (2017) *Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi. Diskurs vostochnoslavyanskogo (ne)edinstva* [Old Rus after Old Rus: The discourse of East Slavic (dis) unity]. Moscow: Ros. polit. entsikl. pp. 38–48.
18. Nazarenko, A.V. (2009) *Drevnyaya Rus' i slavyane (drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2007 god)* [Old Rus and the Slavs (the most ancient states of Eastern Europe, 2007)]. Moscow: Rus. Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke.
19. Soloviev, A.V. (1947) Velikaya, Malaya i Belaya Rus' [Great, Little and White Rus]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 24–38.

20. Mylnikov, A.S. (1999) *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy : predstavleniya ob etnicheskoy nominatsii i etnichnosti XVI – nachala XVIII veka* [Picture of the Slavic world: a view from Eastern Europe: ideas about ethnic nomination and ethnicity of the 16th – early 18th centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
21. Anon. (1878) Palinodiya [Palinodia]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiey* [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission]. Vol. 4. St. Petersburg: Tip. i Khromolit. A. Transhelya. Col. 313–1200.
22. Anon. (1882) Voprosy i otvety pravoslavnomu s papezhnikom [Questions and answers to the Orthodox with a papezhnik]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiey* [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission]. Vol. 7. St. Petersburg: Tip. A.M. Kotomina i Ko. Col. 1–110.
23. Vishenskiy, I. (1955) *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
24. The Archive of Southwestern Russia. (1887a) *Verificatia niewinnosci*. Vol. 7. Kiev: Tip. G.T. Korchak-Novitskogo. pp. 279–344.
25. Anon. (1909) *Protestatsiya mitropolita Iova Boretskogo i drugikh zapadnorusskikh ierarkhov* [Protest of Metropolitan Job Boretsky and other Western Russian hierarchs]. St. Petersburg: Academy of Sciences.
26. The Archive of Southwestern Russia. (1887b) *Klyuch tsarstva nebesnogo* [The Key of the Kingdom of Heaven]. Vol. 7(1). Kiev: Tip. G.T. Korchak-Novitskogo. pp. 232–265.
27. The Archive of Southwestern Russia. (1887c) *Obrona Verificaciey* [Verification Defence]. Vol. 7(1). Kiev: Tip. G.T. Korchak-Novitskogo. pp. 345–442.
28. Karnaukhov, D.V. (2013) Pol'skaya istoricheskaya kniga kak fenomen intellektual'noy kul'tury epokhi Vozrozhdeniya [Polish historical book as a phenomenon of the intellectual culture of the Renaissance]. *Bibliosfera*. 3. pp. 49–58.
29. Anon. (1882) Apokrisis [Apokrisis]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiey* [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission]. Vol. 7. St. Petersburg: Tip. A.M. Kotomina i Ko. Col. 1003–1820.
30. Anon. (1851) Perestroga. In: *Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii* [Acts related to the history of Western Russia]. Vol. 4. St. Petersburg: V tip. Eduarda Prana. pp. 203–236.
31. Anon. (1995) Trenos, tobto Plach… (fragmenti). In: *Ukraïns'ki gumanisti epokhi Vidrodzhennya*. Vol. 2. Kiïv: Naukova dumka. pp. 284–332.
32. Smotrycki, M. (1621) *Verificatia niewinności*. Wilno: Drukarnia Bractwa Św. Ducha.
33. Bodnarchuk, D.V. (2012) *Etnokul'turnaya identichnost' naseleniya Russkogo voevodstva Rechi Pospolitoy v kontse XVI – pervoy polovine XVII v.* [Ethno-cultural identity of the population of the Russian Voivodeship of the Commonwealth in the late 16th – the first half of the 17th century]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
34. Dmitriev, M.V. & Shpirt, A.M. (2018) Identichnost' Rusi i "rusi" v pis'mennykh pamyatnikakh ukraino-belorusskoy pravoslavnoy kul'tury XV–XVII vv.: istoriograficheskie zametki [The identity of Rus and "rus" in the written monuments of the Ukrainian-Belarusian Orthodox culture of the 15th – 17th centuries: Historiographic notes]. In: Doronin, A.V. (ed.) *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoey istorii* [Narratives of Rus' in the late 15th – mid-18th centuries: In search of their history]. Moscow: Ros. polit. entsikl. pp. 332–383.
35. The Archive of Southwestern Russia. (1887d) *Synopsis*. Vol. 7(1). Kiev: Tip. G.T. Korchak-Novitskogo. pp. 533–576.
36. The Archive of Southwestern Russia. (1914) *Elenchus pism vszczypliwych*. Vol. 8(1). Kiev: Lito-tip. akts. o-va N.T. Korchak-Novitskogo. pp. 597–673.
37. Florya, V.N. (ed.) (1999) *Brestskaya uniya 1596 g. i obshchestvenno-politicheskaya bor'ba na Ukraine i v Belorussii v kontse XVI –pervoy poloviny XVII v.* [The Union of Brest in 1596 and the socio-political struggle in Ukraine and Belarus in the late 16th – the first half of the 17th century]. Vol. 2. Moscow: Indrik.
38. Florya, B.N. (2010) Iov Boretskiy. In: Patriarch of Moscow and All Rus' Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 25. Moscow: [s.n.]. pp. 299–306. [Online] Available from: https://www.pravenc.ru/text/578176.html (Accessed: 25th October 2022).

***Сведения об авторе*:**
Чупрына Юлия Алексеевна – аспирант, лаборант-исследователь Института истории Санкт-Петербургского университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: chupryna.yulya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Chupryna Yulia A. – PhD student, Research Laboratory Assistant at the Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: chupryna.yulya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 01.11.2022; accepted for publication 09.01.2023

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Научная статья
УДК 902.1
doi: 10.17223/19988613/81/22

Монеты из культурного слоя города Тары

Сергей Филиппович Татауров[1], Сергей Семенович Тихонов[2], Олег Анатольевич Милищенко[3]

[1, 2] Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Омск, Россия
[3] Омский государственный аграрный университет, Омск, Россия
[1] tatsf2008@rambler.ru
[2] semchi957@gmail.com
[3] oleg_milichenko@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено 200 монет XVII–XX вв. разной сохранности, изготовленных из меди, низкопробного серебра и медно-никелевых сплавов, найденных при раскопках Тарской крепости. Коллекция состоит из потерянных людьми монет; по их количеству, времени чеканки и номиналам можно судить о некоторых закономерностях экономического быта жителей Тары. В одном случае находка монеты-чешуйки подтверждает дендрохронологические определения сгоревшего в 1629 г. жилища. В другом случае монеты маркируют временной диапазон активного функционирования избы полковой канцелярии.
Ключевые слова: Тарская крепость, нумизматика, монеты, монетные дворы

Для цитирования: Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Милищенко О.А. Монеты из культурного слоя города Тары // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 194–204. doi: 10.17223/19988613/81/22

Original article

Coins from the cultural layer of the town Tara

Sergey F. Tataurov[1], Sergey S. Tikhonov[2], Oleg A. Milishchenko[3]

[1, 2] Omsk laboratory of archaeology, ethnography and museology of the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation
[3] Omsk State Agrarian University, Omsk, Russian Federation
[1] tatsf2008@rambler.ru
[2] semchi957@gmail.com
[3] oleg_milichenko@mail.ru

Abstract. Russian coins of irregular or regular coinage, produced at Russian mints in the European and Asian parts of our country, occupy a certain place in the archaeological materials, collected during the research of sites of the times of Siberian exploration. Archaeologists typically use these finds to date archaeological sites or cultural layer. As a rule, they do not resort to deeper analysis of coins.

Coins can testify about other things: features of minting, specifics of circulation of a coin, some occupancy of the population. Therefore, the purpose of our work is to show these features and their importance for studying the history of the formation of monetary circulation in Siberia.

The paper deals with the complex of coins of the late 17-20th centuries, found during the excavations of the Tara fortress – the town Tara. In total, about 200 coins of the Grand Duchy of Moscow, the Russian Kingdom, the Russian Empire, the Soviet Union, the Russian Federation were found, made of copper, low-grade silver and copper-nickel alloys.

The collection consists of lost coins, and therefore finding them in the cultural layer was not purposeful, which can be said about other categories of archaeological finds (except for burials, treasures, complexes in sacred places). By the number of coins, the time of their minting and the values, one can judge some of the laws of the economic life of the inhabitants of Tara.

Coins indicate the presence or absence of small change, which allows us to talk about the trading activity of the market. The presence of coins minted at the Siberian, Moscow and other mints testifies to the activities of the government

© С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов, О.А. Милищенко, 2023

to supply Siberia with money, and attempts to reduce the value of Siberian coins. The traces on the coins in the form of patina, scuff, cracks, cutting carry information about the peculiarities of the process of minting money at Russian, Siberian and other factories. It was reported that coins were not only means of payment, savings, but also used as mortgages in construction.

The studied complex of coins allows us to say unequivocally that: the formation of the coin complex in the cultural layer is due to the loss of coins. However, there are places of their concentration; in Tara, in one case, the discovery of a coin-scale confirms the dendrochronological definitions of a burned dwelling in 1629. In another case, the coins mark the time range of the active functioning of the hut of the regimental Chancellery; coins may indicate that the population was engaged in fishing, gambling or jewelry.

Keywords: Tara fortress, numismatics, coins, mints

For citation: Tataurov, S.F., Tikhonov, S.S., Milishchenko, O.A. (2023) Coins from the cultural layer of the town Tara. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 194–204. doi: 10.17223/19988613/81/22

Введение

Тарская крепость, основанная князем Андреем Елецким в 1594 г., расположена в 30 км к северу от устья р. Тара в Омской области (рис. 1).

Рис. 1. Карта с указанием месторасположения Тарской крепости

В XVII в. это был пограничный город, который неоднократно осаждали кочевники, поэтому построек вне городских стен практически не было, что способствовало началу формирования мощного, до 4,5 м, культурного слоя в исторической части города.

С 2009 г. по настоящее время Институт археологии и этнографии СО РАН под общим руководством С.Ф. Татаурова ведет раскопки комплекса. В работах участвуют ученые Томского государственного университета, студенты Омского государственного университета и Тарского филиала Омского государственного педагогического университета. Всего за годы раскопок вскрыто более 2 000 кв. м культурного слоя.

Особенности почвообразования – мокрые почвы с большим содержанием органики (щепа, береста, навоз и т.д.) – привели к тому, что в материалах раскопок Тарской крепости имеются большие коллекции изделий из кожи, бересты, дерева. Отметим и коллекцию тканей китайского, среднеазиатского (бухарского), русского (казанского?) и местного производства. В большом количестве найдены ювелирные изделия, украшения в виде бус, металлические предметы, стеклянные штофы, фарфоровая посуда из Китая, а также русского производства, глиняные игрушки, грузила, корчаги, горшки, крынки и т.д.

Все это делает Тарскую крепость первоклассным источником по изучению материальной и духовной культуры русских сибиряков конца XVI – XIX в. Находки позволяют проследить связи тарчан (так называют себя жители Тары) с Китаем, Средней Азией, европейской частью России и – опосредованно – с Польско-Литовским государством, Венецией, Великобританией. Многие результаты раскопок были опубликованы в России и за рубежом [1–4].

Задачи исследования

В 2015–2018 гг. в острожной части Тарской крепости были найдена представительная коллекция монет от времени Ивана Грозного до современных. Отметим, что коллекции монет встречаются и на других археологических памятниках, оставленных русскими первопроходцами, например в Томской крепости, Тобольске, Мангазее. Как показывает практика, археологи используют монеты в качестве датирующего материала, документирующего terminus ante quem. Совместная работа с нумизматами показала, что монеты могут дать не только эту информацию, но и свидетельствовать об особенностях чекана (что позволит в будущем синхронизировать монеты из одной партии в разных комплексах), использовании монет не только как средства платежа, наличии или отсутствии мелкой монеты, что свидетельствует о состоянии рынка и т.д.

Поэтому в данной работе мы решаем следующие задачи: описание монет из коллекции Тарской крепости – города Тары, полученной при археологических раскопках; выявление особенностей изготовления монет (штемпели и их разновидности, дефекты монет и штемпелей, смещения чекана при производстве денег и т.д.); определение характера использования монет в хозяйстве и быту.

Нумизматическая коллекция

Всего проанализировано свыше 200 монет нерегулярного и регулярного чекана, изготовленных на монетных дворах европейской части России, Урала, Западной Сибири. Все они были найдены в культурном слое на разных глубинах и не образовывали скоплений. Отметим, что отложение монет в культурном слое носило

нецеленаправленный характер, поскольку все они были утеряны. Только в одном случае были найдены четыре закладные монеты под нижним венцом сруба. Тем не менее есть места концентрации монет, например в районе предполагаемой полковой канцелярии.

Мы полагаем, что монеты попадали в Тару разными путями. Некоторые из них – чешуйки конца XVI – начала XVII в. – могли быть принесены служилыми людьми. Это подтверждает и тот факт, что они были не самой хорошей сохранности и сильно потерты, а найдены в острожной части города, где жили рядовые тарчане.

Монеты XVIII в., отчеканенные в Москве, Екатеринбурге, скорее всего, в Тару попали вместе с купцами из Поволжья или центральных областей русского государства. Сибирские монеты чеканили на Колыванском (Сузунском) заводе, и они попадали в Тару в виде жалованья служилым людям.

Что касается монет второй половины XIX в., то их производили на столичных монетных дворах, и попасть в Сибирь они могли и как жалованье, и как личные средства приезжавших в Тару чиновников и частных лиц.

Рис. 2. Монеты XVII и XVIII вв.:
1 – чешуйка Ивана IV; *2* – чешуйка Михаила Федоровича; *3* – подвеска-змеевик; *4* – копейка 1757 г.; *5* – копейка 1792 г.; *6* – денга 1738 г.; *7* – денга 1740 г.; *8* – денга 1748 г.; *9* – денга 1749 г.; *10* – полушка 1736 г.; *11* – полушка 1749 г., *12* – полушка 1795 г.

Из монет допетровского периода встречены три серебряные копейки нерегулярного чекана (чешуйки) времени Ивана IV (1 экз.; рис. 2, *1*), Михаила Федоровича (1 экз.; рис. 2, *2*) и Алексея Михайловича (1 экз.). Сохранность монет плохая. При осмотре выявлены дефекты чеканки (в первом случае – износ штемпелей, а во втором – заготовка монеты пошла в чекан с дефектом из-за брака плющеной проволоки), уставная проба серебра и следы активного обращения. А.И. Юхт отмечал, что все монеты нерегулярного чекана, а также их доли и обпилы (прежде тяжеловесных, серебряных) по жалобам самого населения были уже неудобны для обращения из-за своего мелкого размера, часто стирались до фольги, терялись, а старые серебряные деньги превратились в товар, и ремесленники «их использовали для изготовления серебряной посуды, окладов для икон и других бытовых нужд», «значительные накопления утаивались», что преследовалось законом [5. С. 22–23, 29, 78, 79, 93].

К этому же времени можно отнести и оловянно-свинцовую подвеску-змеевик из сборов коллекционера Н.С. Яковлева, жителя г. Тары. Время бытования под-

вески определяется на первый взгляд XVII в. (рис. 2, *3*). С другой стороны, по аналогам работы нюрнбергских мастеров (Германия), подобные встречаются среди подъемного материала и позже [6]. Такие амулеты-змеевики в форме плоского круглого орнаментированного медальона диаметром до 30 мм с ушком изготовлялись из легкоплавкого свинцово-оловянного сплава (Sn–Pb) светло-серого цвета методом литья, часто в двустворчатой форме по оттиску утраченного серебряного, многокомпонентного бронзового или медного оригинала, со следами литейного шва. Эти предметы могли попасть в Тарское Прииртышье через Тобольск вместе с чешуйками или с татарскими переселенцами из Поволжья.

Монеты 1730–1741 гг. (две из них происходят из сборов коллекционера Н.С. Яковлева) представлены денгами 1730 г. (2 экз.), 1738 г. (2 экз.; рис. 2, *6*), 1739, 1740 гг. (3 экз.; рис. 2, *7*), 1741 г. и полушками 1735 и 1736 гг. (рис. 2, *10*). Четыре монеты не имеют следов обращения, а шесть имеют следы длительного обращения.

Монеты до 1735 г. включительно чеканены в Москве, а с 1736 г. – предположительно, в Екатеринбурге (1736–1741; 1747–1751) и Москве (1730–1754). Полушки 1735–1736 гг. чеканились в Москве на монетном дворе – Плащильной мельнице на Яузе. Денги 1738 г. чеканилась на Екатеринбургском монетном дворе [8]. Монетные кружки для новых монет поставлял Екатеринбургский монетный двор, который на тот момент своей монеты не чеканил. Знак монетного двора на всех монетах этого типа отсутствует. Монеты такого типа, как полушки, так и денги, имеют значительное число штемпельных разновидностей по размеру и рисунку корон, расположению и начертанию цифр даты, рисунку венка и декоративных элементов. Вес монет может иметь значительные отклонения от нормативного как в большую, так и в меньшую сторону, хотя ремедиум был установлен официально в 1%. Эта «традиция» была продолжена и в другие годы [5. С. 119].

В этот период было перечеканено большое количество прежней монеты в новую: из копеек стопой в 20 рублей из пуда меди чеканили новые денги, а из копеек стопой 40 рублей из пуда меди – новые полушки (гурт оставлен «родчим», т.е. узорным) [Там же. С. 52, 69, 71, 110, 111]. Такая медь была «худой»: при перечеканке оставались следы прежних изображений и надписей, новые изображения часто были «лысыми», плохо прочеканенными, диаметр таких монет был больше, чем обычных, а монетный кружок – тоньше, вес – часто легче, так как фальшивые старые медные копейки почти не отсеивались. Из-за плохого качества меди [Там же. С. 72–73] («болотной», желтой, а не «красной», первосортной) перечеканенные монеты быстрее подвергались коррозии, находясь в культурном слое.

Монеты 1743–1754 гг., чеканенные по стопе 10 рублей из пуда меди (а короткое время и 8 рублей из пуда меди), продолжавшие монетные типы, появившиеся в 1730 г., при Анне Иоанновне, и сохранявшиеся при Иоанне VI, представлены следующими экземплярами: денги 1748 г. (3 экз., на одном из которых заметны дефект чекана на реверсе и смещение штемпелей вправо на аверсе и реверсе; рис. 2, *8*), 1749 г. (4 экз.; рис. 2, *9*), 1750 г. (2 экз., на одном из которых отмечен сдвиг чекана вправо на аверсе и реверсе). Полушки были отчеканены в 1747 и 1749 гг. (рис. 2, *11*).

Все монеты имеют следы активного обращения, причем на шести монетах отмечены сильные следы коррозии, а также приметы того, что они находились в огне или навозе. По последней причине не было возможности датировать еще три монеты периода чеканки 1730–1754 гг.: денгу, полушку, вдобавок имеющую пробойное отверстие в верхней четверти кружка, и перечеканенную копейку. Монеты, как датированные, так и нет, с большей вероятностью были отчеканены в Екатеринбурге.

Монеты образца 1757–1796 гг., чеканенные по стопе 16 рублей из пуда меди (при этом весовое содержание меди не соответствовало номиналу соответствующих монет) по Указу от 8 апреля 1757 г. [Там же. С. 110, 129, 141, 143], представлены восемью экземплярами. Среди них есть грош в две копейки 1761 г. (в обращении почти не был; на реверсе замечен двойной удар со сдвигом вправо, по картушу), копейки 1757 г. (рис. 2, *4*) и 1792 г. (рис. 2, *5*), денги 1757, 1759, 1763–1787 гг. (из-за коррозии не поддается более точной датировке), 1790 и 1792 гг. Имеются полушки 1790 и 1793–1795 гг. (из-за коррозии не поддаётся более точной датировке; рис. 2, *12*).

Денги и полушки имеют следы активного хождения, корродированы, а три – следы воздействия навоза или огня. Денги 1757, 1759 и 1763–1787 гг., а также грош 1761 г. чеканены предположительно в Екатеринбурге, остальные монеты отчеканены на Колыванском монетном дворе.

Вопрос о чеканке медных монет для Сибири, желательно, в самой Сибири поднимался еще в правление Елизаветы Петровны, поскольку доставка тяжеловесной монеты в отдаленные сибирские регионы обходилась очень дорого. Поэтому в Сибири ощущалась нехватка разменной медной монеты. Решение проблемы было найдено при Екатерине II, в 1763 г., за счет меди, получаемой на Колывано-Воскресенских заводах при выплавке серебра из Алтайских рудников. В 1764 г. в 130 км от Барнаула, на реке Нижний Сузун, началось строительство Сузунского медеплавильного завода и монетного двора при нем (более известного как Колыванский), где в 1766 г. уже была отчеканена первая партия сибирских монет.

Сибирские медные монеты были легче таких же по номиналу общероссийских, так как в колыванской меди присутствовало серебро [Там же. С. 201], поэтому из пуда такой меди чеканилось монет на 25 рублей, а не на 16 [Там же. С. 254].

Пять монет из этой группы в обращении не были, три монеты почти не были в обращении, четыре монеты среднего износа из-за обращения, одна монета сильно изношена и одна монета почти не читается из-за сильной коррозии метала. Интересны экземпляры монет в 2 копейки 1767 г. (рис. 3). Одна из них – с гуртовой надписью («колыванская медь»), а другая – со шнуровым гуртом. Все другие «сибирки» из группы также несут шнуровой гурт, так как отчеканены после по-

ломки в 1767 г. на Колыванском монетном дворе гуртильного оборудования с надписью (ее ставили на двухкопеечниках, пятаках и «барнаулах» в 1766–1767 гг.). Вместо этой надписи снизу по краям вензеля Екатерины II на аверсе монет появляется аббревиатура «КМ», которая в 1766–1767 гг. была только на копейках, денгах и полушках. По другой версии, спустя некоторое время после начала чеканки сибирской монеты минцмейстеры Колыванского монетного двора убедили Канцелярию завода, а та и Кабинет императорский, что «накладно для казны по гурту слова накатывать» [9. С. 418–419].

Рис. 3. Сибирские монеты из раскопок: 10 копеек, в просторечии – «барнаул», 1775 г., 1 экз. (*1*); 5 копеек 1776 г., 1 экз. (*2*); 2 копейки 1767 г., 2 экз., 1769 г., 1771 г. (*3*), 1778 г. и спорная дата – 1769–1780 гг., 1 экз. (*4*); 1 копейка 1771 г., 2 экз. (*5*), 1779 г., 1 экз. (*6*); денга 1769, 1770, 1771 гг. и полушка 1769 и 1771 гг. (*7*)

Указом от 7 июня 1781 г. Колыванскому двору предписали переход на чеканку общегосударственной монеты (16-рублевая стопа) «без всякого зачета малых частиц золота и серебра, в той меди содержащихся». Уже эмитированный тираж остался в обороте, который по-прежнему ограничивался территорией Сибири вплоть до указа от 30 июня 1802 г., «дозволяющего свободный ее ход в настоящем достоинстве» по всей Империи, но с изъятием из оборота за пределами Сибири. В 1779 г. были отчеканены последние денги и полушки, в 1780 г. – пятаки, двушки и копейки, в 1781 г. – «барнаулы» [Там же].

Монеты 1797–1801 гг. (16 рублей из пуда меди) представлены двенадцатью экземплярами (три – из сборов коллекционера Н.С. Яковлева) следующих номиналов: 2 копейки (грош) 1797 г. (почти идеальной сохранности, с хорошей патиной и штемпельным блеском), 1800 г. (4 экз.; рис. 4, *3*), 1801 г. (3 экз.); одна копейка 1799, 1800 (без следов обращения, со следами штемпельного блеска), 1801 гг. Пять монет из группы, кроме специально отмеченных, имеют следы активного хождения, а остальные обращались недолгое время, сохранив остатки штемпельного блеска и хорошей патины. Все копейки и один грош 1801 г. чеканены на Екатеринбургском монетном дворе (далее – ЕМ), а остальные грошевики – на Колыванском (далее – КМ).

При Павле I наряду с находящимися в обращении медными монетами были выпущены полушка, деньга, копейка и две копейки с вензелем императора на лицевой стороне и номиналом на оборотной. То есть «старые» монеты 16-рублевой стопы не изымались из обращения [10].

Монеты 1800–1809 гг. представлены номиналами, чеканенными по 16-рублевой стопе: почти не бывшие в обращении 5 копеек 1804 г. (так называемые «кольцевые») чеканки Екатеринбургского монетного двора, покрытые ровной патиной (рис. 4, *1*), 5 копеек 1833 г. (рис. 4, *2*) и «кольцевая» полушка 1807 г. Колыванского монетного двора, почти не бывшая в обращении, но со следами коррозии. Обе стороны монет были обрамлены концентрическими линейными кружками, отсюда и название «кольцевые». Чеканили их на Екатеринбургском (ЕМ под датой) и Сузунском (КМ под орлом) дворах. Общий счет штемпельных разновидностей кольцевых монет идет на десятки [11].

Монеты 1810–1830 гг. представлены 32 экземплярами следующих номиналов, где вторая аббревиатура в шифре обозначает инициалы минцмейстера / вардайна монетного двора: 2 копейки (грошевики) 1810 г. (ЕМ / НМ, тип орла – «пчелка»), 1812 г. (ЕМ / НМ), 1814 г. (КМ / АМ) (рис. 4, *4*), 1815 г. (КМ / АМ, сдвиг при чеканке на 1,2 мм вправо, сильно изношена), 1815 г. (КМ / АМ, минимум следов обращения, но из одной партии с предыдущей монетой), 1816 г. (КМ / АМ, следов износа почти нет), 1817 г. (КМ / ДБ – Дмитрий Бихтов или АМ – Алексей Малеев, коррозия мешает

уточнить литеры; первый работал во второй половине года), 1818 или 1821 г. (повреждение чеканки не дает возможности уточнить дату; КМ / АД), 1818 г. (КМ / ДБ, не ходила, следы патины и штемпельный блеск), 1821 г. (КМ / АД, в обращении почти не была), 1821 г. (ЕМ / ФГ, в обращении не была), 1823 г. (КМ / АМ), 1830 г. (КМ / АН, следов износа нет), 1830 г. (КМ / АМ, хорошая ровная патина, в обращении почти не была); копейки 1811 г. (КМ / ПБ, почти не была в обращении, орел типа «глухарь»), 1818 г. (КМ / ДБ), 1818 г. (КМ / ДБ, почти не была в обращении, следы хорошей патины), 1818 г. (ЕМ / АБ, была долго в обращении, следы коррозии), 1819 г. (КМ / АД), 1819 г. (КМ / АД), 1819 г. (КМ / АД, не была в обращении, имеет штемпельный блеск и следы патины; сильная коррозия по аверсу и сдвиг чекана на 1 мм вправо), 1819 г. (КМ / АД, не была в обращении, имеет штемпельный блеск и следы патины), 1819 (КМ/АД) (рис. 4 -5), 1819 (КМ/АД, не была в обращении, имеет следы патины), 1819 г. (КМ / АД, почти не была в денежном обращении, следы штемпельного блеска и коррозии), 1821 г. (КМ / АМ, почти не была в денежном обращении, имеет патину с мелкими следами коррозии), 1824 г. (КМ / АМ, почти не была в денежном обращении, имеет следы штемпельного блеска и патины), 1827 г. (КМ / АМ?, почти не была в денежном обращении), 1828 г. (КМ / АМ, номинал определен по диаметру и толщине кружка, монета сильно изношена и корродирована), 1830 г. (КМ / АМ) (рис. 4, *8*); деньги 1828 г. (КМ / АМ, почти не была в обращении), 1828 г. (КМ / АМ, сильно изношена в ходе обращения). Все монеты типа, кроме специально отмеченных, имели активное обращение. При этом следует отметить некоторые случаи.

Например, две монеты номиналом в две копейки (грошевик) 1815 г. Колыванского монетного двора были из одной партии, но одна из них почти не была в обращении, а другая сильно изношена и со следами коррозии. Или грошевик 1821 г. (ЕМ / ФГ) не был в обращении, но штемпель его был изначально изношен, а сама монета имеет форму скифата (вогнутой чашечки), так как чеканена была на подставке из мягкого материала или на изношенном нижнем штемпеле. Есть две монеты в 2 копейки 1830 г., чеканенные на одинаковых кривых кружках-заготовках, возможно, из одной партии, но подписанные разными мастерами (КМ / АН и КМ / АМ). Есть монета в 1 копейку 1824 г. чеканки (КМ / АМ) на кривом кружке, не бывшая в активном обращении и имеющая следы хорошей патины и штемпельного блеска.

Примечательна одна из монет в 1 копейку 1819 г. чеканки (КМ / АД). Она средней сохранности, чекан ее сильно изношен, штемпель с трещиной. Но сохранились следы хорошей патины и следы чистки (риски по полю на реверсе), т.е. она была помята, чем-то поцарапана, а затем опять утрачена (патина опять легла). Другая же монета в 1 копейку этого же года чеканки (КМ / АМ) также имеет мало следов обращения, и есть отметины (риски по полю на реверсе), что ее слегка поцарапали (потерли), а затем опять утратили (патина опять легла).

После указа от 1 июня 1832 г. началось массовое изготовление новых монет, хотя фактически чеканка была начата в 1831 г. с датами «1830» и «1831», т.е. до обнародования указа. Штемпели и образцы монет еще в 1830 г. были высланы из Петербурга на Екатеринбургский и Сузунский монетные дворы, поэтому сами монеты были единообразными и отличались только знаками двора (екатеринбургские монеты под орлом имеют еще и знак минцмейстера). Сузунский монетный двор изменил обозначение на монетах с КМ на СМ [12; 13. С. 301].

Монеты 1830–1839 гг. представлены восемью экземплярами (два – из сборов коллекционера Н.С. Яковлева) следующих номиналов: 5 копеек 1833 г. (СМ, со следами патины и штемпельного блеска, почти не обращавшаяся), 1835 г. (СМ, сильно изношена), 1835 г. (ЕМ / ФХ) гг.; 2 копейки 1835 г. (СМ), 1838 г. (СМ, слегка корродирована), 1838 г. (СМ, со следами штемпельного блеска и патины), 1838 г. (СМ), 1839 г. (СМ). Все монеты этой группы, за исключением специально упомянутых, находились в активном обороте. Интересна монета в 2 копейки 1835 г. (СМ), активно ходившая, имеющая следы патины и чеканенная на кружке, вырезанном с края листа (есть заметный обрез). Кружок треснул в процессе чеканки.

Манифест «Об устройстве денежной системы» от 1 июля 1839 г. обязал подданных производить все расчеты в серебряных рублях, установив «считать три с половиной копейки медью (как 36-, так и 24-рублевого в пуде достоинства) за одну копейку серебром». А в 1840 г. вышел именной указ «О новой медной монете на серебро 16-рублевого в пуде достоинства» [14].

В первые 40 лет XIX в. в России снижалась весовая норма общегосударственной медной монеты (от стопы 16 рублей из пуда меди до 24-рублевой стопы). Для ликвидации нехватки разменной монеты «в помощь» Екатеринбургскому и Сузунскому дворам были приведены Петербургский и новый Ижорский, созданный на базе Адмиралтейских заводов в с. Колпино (КМ), дворы. Поэтому, с учетом того что колпинские и колыванские монеты имеют одинаковую аббревиатуру (литеры), следует обращать внимание на инициалы мастера под орлом.

Монеты 1839–1849 гг. «серебром» представлены 24я экземплярами (четыре – из сборов коллекционера Н.С. Яковлева), следующих номиналов: 2 копейки 1839 г. (рис. 4, *7*), 1844 г. (СМ; рис. 4, *6*), 1847 г. (СМ); 1 копейка 1840 г. (СМ), 1840 г. (СМ), 1840 г. (СМ, почти не ходила), 1841 г. (СМ, почти не ходила, хорошо патинизирована), 1841 г. (СМ), 1842 г. (СМ), 1845 г. (СМ, со следами штемпельного блеска), 1847 г. (СМ, редкий по году для двора экземпляр, штемпель зеркального блеска, в обращении не была, хорошая патина; рис. 4, *9*), монета с нечитаемым годом (СМ); 1/2 копейки 1841 г. (СМ, плохой сохранности из-за нахождения в навозе), 1841 г. (СМ, почти не ходила, следы патины), 1841 г. (СМ, монету кто-то повредил ударом); 1/4 копейки 1840 г. (СМ, 2 экз.), 1841 г. (СМ, почти не ходила, следы коррозии) (рис. 4, *11*), 1841 г. (СМ, сильно изношена), 1842 г. (СМ), 1845 г. (СМ, следы штемпельного блеска), 1843 г. (СМ, следов обращения нет, патинирована), 1844 г. (СМ, следов обращения нет, штемпельный блеск и следы коррозии), 1845 г. (СМ,

почти не была в обращении; рис. 4, *12*), 1845 г. (СМ, в обращении не была, штемпельный блеск, следы хорошей патины), 1845 г. (СМ, активно обращалась, следы коррозии). Все монеты, особо не отмеченные, имеют следы активного обращения.

Монеты этого типа были введены в обращение согласно реформе министра финансов Е.Ф. Канкрина с 1839 г. в поддержку серебряного стандарта и бумажного кредитного денежного обращения на его основе; фактически это был медный эквивалент серебряных денег достоинством 1/4 копейки, 1/2 копейки, 1 копейка, 2 копейки и 3 копейки – отсюда и надпись «серебром». Время официального хождения этого типа – 1839–1849 гг., а чеканки – до 1848 г. включительно (Варшавский монетный двор, WM). Кроме Екатеринбургского, Сузунского и Варшавского дворов эту монету чеканил и Ижорский монетный двор с инициалами Санкт-Петербургского – СПМ (1840–1843 гг.) [9. С. 381; 15. С. 102–103]. В 1847 г. Сузунский двор сгорел, поэтому копейка 1847 г. СМ считается редкой.

Рис. 4. Монеты XIX в.:
1 – 5 копеек 1804 г., «колцевой пятак»; *2* – 5 копеек 1833 г.; *3* – 2 копейки 1800 г., *4* – 2 копейки 1814 г.; *5* – 2 копейки 1819 г.; *6* – 2 копейки 1844 г.; *7* – 2 копейки 1839 г.; *8* – 1 копейка 1830 г.; *9* – 1 копейка серебром 1847 г.; *10* – 20 копеек 1870 г.; *11* – 1/4 копейки серебром 1841 г.; *12* – 1/4 копейки серебром 1845 г.; *13* – 20 копеек 1913 г.; *14* – 15 копеек 1929 г.

С 1849 г. стопу снизили до 32 рублей, поскольку доверие к медной монете уже не вызывало сомнений. Новые монеты поступили в обращение указом от 23 января 1853 г., после их предварительного изготовления на общую сумму около миллиона рублей [16].

Серебряные монеты 1867–1917 гг. (500-й пробы), в количестве четырех экземпляров (два – из сборов коллекционера Н.С. Яковлева) представлены следующими номиналами: 20 копеек (двугривенный) 1870 г. (Санкт-Петербургского монетного двора – СПБ / НІ, активно обращалась и имеет след механического повреждения посредством удара тяжелым, плоским в месте соприкосновения предметом; рис. 4, *11*), 1913 г. (СПБ / ВС, просверлена в верхней четверти монетного кружка; рваные края отверстия приплюснуты ударами тяжелого, плоского в месте соприкосновения предмета; рис. 4, *13*); 15 копеек (пятиалтынный) 1868 г. (СПБ / НІ), 1870 г. (СПБ / НІ, нет следов активного обращения). Монеты номиналом 20, 15, 10 и 5 копеек только наполовину состояли из серебра, и подобное соотношение было установлено еще в 1860-х гг. [17].

Медные монеты 1855–1917 гг.: 5 копеек 1855 г., 5 копеек 1875 г. (ЕМ), 3 копейки (алтын) 1874 г. (ЕМ); 2 копейки 1871 г. (ЕМ, следы коррозии), 1896 г. (СПБ),

1913 г. (СПБ, не была в обращении), 1911 г. (СПБ, не была в обращении); 1 копейка 1898 г. (СПБ), 1903 г. (СПБ), 1912 г. (СПБ, не была в обращении, имеет штемпельный блеск). Не отмеченные специально монеты были в активном обращении.

Официально монеты этого типа были изъяты из обращения в 1922 г. (хотя гиперинфляция «вымыла» их из обихода в 1915–1916 гг.), но встречались и в 1930–1940-е гг. (с последующим изъятием из обращения начиная с 1926–1931 гг.) [18].

21 марта 1867 г. Александр II подписал Указ о реформе государственной монетной системы, согласно которому вводилась 50-рублевая стопа. Для борьбы с фальшивомонетчиками был значительно усложнен дизайн обеих сторон монеты, часть надписей стала вдавленной, часть осталась выпуклой. На гурте появилась насечка, а сама монета стала более удобной в обращении [19–22].

Монеты советского периода представлены 15 экземплярами (один – сборов коллекционера Н.С. Яковлева), отчеканенных на Ленинградском монетном дворе, без обозначения на монетах. Среди них следует отметить две серебряные монеты (500-й пробы) номиналом в 15 копеек 1929 г. (имеет отверстие, пробитое в верхней четверти монетного кружка и приплюснутое по краям ударами тяжелого, плоского в месте соприкосновения предмета, со следами активного обращения; рис. 4, *14*) и 10 копеек 1925 г. (корродирована, со следами активного обращения), а также 10 копеек из никеля 1948 г. чеканки, со следами активного обращения, включая использование в игре «в пристенок». Были изъяты из обращения в целях привлечения серебра для нужд индустриализации начиная с 1931 г. [23].

Монеты из светлого бронзового (сплав меди и алюминия – 95 к 5% соответственно) и ***латунного сплавов*** представлены следующими номиналами: 5 копеек 1926–1930–1934 гг. (дата не читается из-за ударов битой при игре), 5 копеек 1926–1953 гг. (расплющена под блесну для удочки); 3 копейки 1935–1957 гг. (дата не читается), 1940 г. (естественная коррозия, следов износа нет), 1948 г. (следы обращения и игры), 1957 г. (совершенно целая, в обращении почти не была), 1973, 1989, 1991 гг. (с литерой «Л» на аверсе, под гербом СССР, с правой стороны); 2 копейки 1926–1934 гг. (цифры даты кто-то сознательно стер); одна копейка 1936 и 1983 гг.

Монеты Российской Федерации представлены двумя экземплярами следующих номиналов: 50 рублей 1993 г. (СПБ, монета-сэндвич: томпак–железо–томпак, имеет патину и следы коррозии по железному ядру по гурту) и 10 копеек 1997 г. (СПБ, следы активного хождения) [24]. Монета в 50 рублей была изъята из обращения летом 1997 г. с заменой на монету в 5 копеек нового образца. 10 копеек образца 1997 г. до сих пор находятся в обороте.

Заключение. На примере раскопок г. Тары мы видим преобладание медных монет типов 1810–1830 гг. (24-рублевая стопа) и 1839–1848 гг. (16-рублевая стопа). Пока не найдено монет типа 1849–1866 гг. (32-рублевая стопа). Очевидно, в этот период деловая активность здесь была самой низкой. Нет также медных монет 32-рублевой стопы 1762 г. с «арматурой» («с барабанами»), хотя 4-копеечники и 10-копеечники этого типа довольно часто находятся поисковиками, а также их перечеканы 1763–1788 гг. в 2 и 5 копеек Екатерины II соответственно. Часто встречаемые на других памятниках медные пятаки Елизаветы Петровны и Екатерины I тоже пока не обнаружены. Тираж кольцевых монет, особенно мелких номиналов, был незначительным на фоне чеканки медной монеты 1810–1848 гг. Что же касается других, более ранних, монет, то, скорее всего, их малочисленность свидетельствует об общей проблеме – недостатке в Сибири разменной медной монеты со времен Петра I до Александра I. Чешуйки вообще могли быть просто обронены из-за своей «миниатюрности». Вопрос времени их использования остался открытым.

Кроме того, мы не видим монет номиналом старше 20 копеек, так как это место, скорее всего, не использовалось как торговая площадка. Следует также отметить, что 20-копеечник (двугривенный) был старшим номиналом в системе низкопробного разменного серебра (5−10−15−20 копеек, 500-й пробы), а четвертак (монета номиналом 25 копеек серебром) – младшим номиналом в системе высокопробного банкового серебра (рубль–полтина–полполтины, 900-й пробы).

Что касается монет из «закрытого комплекса» – ненарушенной закладки из четырех монет, то нижней датой можно считать пятак 1875 г. ЕМ как самой младшей по возрасту монеты. А с учетом того, что монеты имеют следы активного обращения и ходили до 1917 г. включительно, да и после этого могли храниться населением на «черный день», то эти монеты в комплексе могли попасть в культурный слой и на рубеже 1929–1930 гг.

Монеты с отверстием, использовавшиеся как талисманы, подвески к монисто или национальному костюму, имели вторичное употребление (при этом не теряя своей ценности как металла) и могли попасть в культурный слой как вместе другими монетами из серии, так и значительно позже. То же касается и монет, несущих следы игры или раскатанных в блесну или кольца.

Необходимо пояснить еще ряд моментов, связанных с нумизматическим материалом. Например, монеты, «подозрительные» по массе и диаметру, и монеты со следами игры. Исследователи и коллекционеры отмечают, что среди медных монет XVIII – первой половины XIX в. часто встречаются монеты с нестандартной массой, значительно отличающиеся от нормативного веса (имеют отклонение до 20%). Некоторые из них могут являться производственным браком, однако, конечно, до известных пределов. Монеты с нестандартной массой появлялись и в результате того, что кружки для них вырубались из полос меди несоответствующей толщины, предназначавшихся для вырубки кружков под монеты другого номинала. На первый взгляд это производственный брак, не обнаруженный приемщиками готовой продукции на монетных дворах. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что такие монеты специально изготавливались мастерами монетного двора с вполне определенной целью [25, 26].

Дефекты монет, использовавшихся в играх, объяснимы. Например, автор под псевдонимом М.Г. в публикации «Игры с монетами» на сайте «Троицкий вариант» подробно анализирует самые известные игры с монетами – чику, орлянку, пристенок и т.д., обращая внимание на лингвистические особенности названий и физические свойства материалов (предметов игры), вплоть до вероятностных математических расчетов [27]. При этом он использует опубликованные свидетельства игроков прошлого.

Выводы

Пока нумизматические материалы не являются для археологов, занимающихся изучением памятников русских сибиряков, полноценным источником информации, однако изученный комплекс монет позволяет однозначно утверждать следующее:

– формирование монетного комплекса в культурном слое идет за счет потерянных монет, или иногда монеты могут быть закладными при строительстве. Тем не менее есть места концентрации потерянных монет, такие, например, как полковая канцелярия в Таре. В то же время интенсивность попадания монет в культурный слой зависит и от экономической ситуации. Так, с низкой деловой активностью населения мы связываем отсутствие монет Петра I или периода 1849–1866 гг. (время правления Николая I и Александра II). Сохранность же монет зависит от условий залегания. Хуже всего монеты сохраняются в навозе и пожарищах;

– в Таре нам не удалось датировать с помощью монет конкретные сооружения, однако в одном случае находка монеты-чешуйки подтверждает дендрохронологические определения сгоревшего в 1629 г. жилища. В другом случае монеты маркируют временной диапазон активного функционирования избы полковой канцелярии. Однако некоторые параметры монет – штемпельные разновидности в изображении герба, короны, начертании букв и т.д., способы оформления гурта, дефекты чекана, особенности изготовления монетных кружков, смещение штемпелей – в конечном счете позволяют синхронизировать монеты из одной партии и при накоплении сведений дадут возможность синхронизировать и комплексы на разных памятниках;

– в случае обнаружения сокрытых монетных комплексов речь может идти о благосостоянии жителей города. Пока же мы говорим, что, во-первых, некоторые потерянные монеты, даже из одной партии, не имели хождения, другие, наоборот, были сильно изношены. Во-вторых, все медные монеты имели низшие номиналы, а серебряные были изготовлены из некачественного серебра;

– монеты могут свидетельствовать и о занятиях населения. Так, на некоторых из них были следы изготовления блесен. Однако сам этот способ рыболовства в письменных источниках не отмечен. Другое занятие населения – игра на деньги, о чем говорят следы на монетах. Наконец, известно, что монеты могли служить украшениями, и некоторые из них имеют отверстия. Но из монет могли изготавливать и самодельные украшения в виде колец, одно из которых нами было найдено. Мы считаем, что при дальнейшем совместном изучении археологами и нумизматами монетных комплексов русских появятся и другие наблюдения.

Примечание

[1] Здесь и далее основаниями для выделения хронологических групп монет служат монетная стопа и время правления монарха, их выпустившего. Были использованы и материалы каталога-справочника «Монеты России… СПб, 2007 [7]. В связи с тем что новейшие данные по монетам, в том числе и сибирским, опубликованы специалистами и коллекционерами на нумизматических сайтах, а не в «твердом» варианте, мы были вынуждены использовать эти ресурсы.

Список источников

1. Алисов Д.А., Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск : Амфора, 2014. 332 с.
2. Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск : Издатель-Полиграфист, 2019. 412 с.
3. Glushkova T.N., Tataurov S.F.,Tikhonov S.S. Textile of the 17th and 18th centuries from the excavation of Tara fortress (Western Siberia, Russia) // Archaeological Textiles Review. 2015. № 57. P. 25–32.
4. Osipow D.O., Tataurow S.F., Tichonow S.S., Czornaja M.P. Kolekcja wyrobów skórzanych z Tary (namateriałach wykopalisk z lat 2012–2014) // Rocznik Muzeum Wsi Mazowieckiej w Sierpcu. Sierpcu. Muzeum Wsi Mazowieckiej, 2017. T. VIII. P. 103–123.
5. Юхт А.И. Русские деньг от Петра Великого до Александра 1. М. : Финансы и статистика, 1994. 336 с.
6. Metal detecting holidays in England with the Worlds most successful metal detecting club / Twinned with Midwest Historical Research Society USA // Colchester Treasure hunting & Metal Detecting. URL: http://www.colchestertreasurehunting.co.uk/J/jettons.htm (accessed: 05.07.2019).
7. Монеты России 1700–1917 гг. : каталог-справочник. СПб : Конрос-информ, 2007. 76 с.
8. Медные монеты Анны Иоанновны // Справочно-информационный портал по нумизматике. URL: http://moneta-russia.ru/imperiya/anna/mednye-monety.php (дата обращения: 05.07.2019).
9. Кривцов В. Д. Реформа Канкрина// Аверс. № 7. Энциклопедический справочник для нумизматов. М.: [б. и.], 2005. С. 381-419.
10. Медные монеты Павла I // Справочно-информационный портал по нумизматике. URL: http://moneta-russia.ru/imperiya/pavel-1/mednaya-moneta-pavla-1.php(дата обращения: 05.07.2019).
11. Медные монеты Александра I периода 1802–1810 гг. // Справочно-информационный портал по нумизматике. URL: http://moneta-russia.ru/imperiya/aleksandr-1/mednaya-moneta-1802-1810.php (дата обращения: 05.07.2019).
12. Медная монета Николая I 1830–1839 гг. // Справочно-информационный портал по нумизматике. URL: http://moneta-russia.ru/imperiya/nikolay-1/mednaya-moneta-1830.php (дата обращения: 05.07.2019).
13. Узденников В.В. Монеты России XVIII – начала XX века : очерки по нумизматике : факты, предположения, рекомендации. М. : Круг коллекционеров, 2004. 585 с.
14. 1 копейка серебром 1840 года, цена, разновидности // Справочно-информационный портал по нумизматике. URL: http://moneta-russia.ru/imperiya/coin/1-kopeyka-serebrom-1840-goda-tsena.php (дата обращения: 05.07.2019).
15. Грибов А.Ю. Деньги и ценные бумаги: сущность и правовой режим. М. : Изд. Центр РИОР, 2006. 192с.

16. Медная монета Николая I 1849–1855 гг. // Справочно-информационный портал по нумизматике. URL: http://moneta-russia.ru/imperiya/nikolay-1/mednaya-moneta-1849.php (дата обращения: 05.07.2019).
17. Описание монет Николая II и цены. Таблица цен на монеты Николая II // Find Coins : в посощь нумизмату. URL: http://www.fcoins.ru/catalogrimppravmet.asp?prav=nikolay2&met=ser&article=1 (дата обращения: 05.07.2019).
18. О скупке медных монет в России // Скупка и оценка монет, медалей, банкнот, золота и серебра, антиквариата в Москве. Где продать монеты. URL: http://skupka-ocenka.ru/articles/o-skupke-mednyx-monet-rossii/ (дата обращения: 05.07.2019).
19. 5 копеек 1869 года // Справочно-информационный портал по нумизматике. URL: http://moneta-russia.ru/imperiya/coin/5-kopeek-1869-goda-tsena.php (дата обращения: 05.07.2019).
20. 5 копеек 1876 года // Справочно-информационный портал по нумизматике. URL: http://moneta-russia.ru/imperiya/coin/5-kopeek-1876-goda-tsena.php (дата обращения: 05.07.2019).
21. 5 копеек 1880 года // Справочно-информационный портал по нумизматике. URL: http://moneta-russia.ru/imperiya/coin/5-kopeek-1880-goda-tsena.php (дата обращения: 05.07.2019).
22. 5 копеек 1881 года // Справочно-информационный портал по нумизматике. URL: http://moneta-russia.ru/imperiya/coin/5-kopeek-1881-goda-tsena.php (дата обращения: 05.07.2019).
23. Объявим беспощадную борьбу с укрывателями разменной монеты, 1930 год. URL: https://kapuchin.livejournal.com/806563.html (дата обращения: 05.07.2019).
24. Каталог монет России 1997–2019. Стоимость // Деньги России : от истоков до современности. URL: https://www.russian-money.ru/catalogs/regularnii-chekan-1997 (дата обращения: 05.07.2019).
25. Нормативный вес монет Российской империи // Деньги России : от истоков до современности. URL: https://www.russian-money.ru/articles/ves-imperatorskih-monet (дата обращения: 05.07.2019).
26. Необычный вес подлинных медных монет XVIII века // Центральный форум нумизматов СССР. 2015. 18 окт. / URL: http://coins.su/forum/topic/172377-neobychnyi-ves-podlinnyh-mednyh-monet-xviii-veka/ (дата обращения: 05.07.2019).
27. М.Г. Игры с монетами // Троицкий вариант – наука. 2017. 01 авг. № 234. С. 6–7. URL:https://trv-science.ru/2017/08/01/igry-s-monetami/ (дата обращения: 05.07.2019).

References

1. Alisov, D.A., Goncharov, Yu.M., Ivonin, A.R., Matveev, A.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tikhonov, S.S., Tikhomirov, K.N. & Tikhomirova, M.N. (2014) *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha* [Tara in the 16th – 19th centuries - a Russian fortress on the banks of the Irtysh]. Omsk: Amfora.
2. Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tataurova, L.V. & Tikhonov, S.S. (2019) *Arkheologicheskaya letopis' zemli Tarskoy* [The archaeological chronicle of the land of Tara]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist.
3. Glushkova, T.N., Tataurov, S.F. &Tikhonov, S.S. (2015) Textile of the 17th and 18th centuries from the excavation of Tara fortress (Western Siberia, Russia). *Archaeological Textiles Review*. 57. pp. 25–32.
4. Osipow, D.O., Tataurow, S.F., Tichonow, S.S. & Czornaja, M.P. (2017) Kolekcja wyrobów skórzanych z Tary (namateriałach wykopalisk z lat 2012–2014). In: Rocznik Muzeum Wsi Mazowieckiej w Sierpcu. Vol. VIII. Sierpcu. Muzeum Wsi Mazowieckiej. pp. 103–123.
5. Yukht, A.I. (1994) *Russkie den'g ot Petra Velikogo do Aleksandra 1* [Russian money from Peter the Great to Alexander 1]. Moscow: Finansy i statistika.
6. Colchester Treasure Hunting & Metal Detecting. (n.d.) *Metal detecting holidays in England with the Worlds most successful metal detecting club / Twinned with Midwest Historical Research Society USA*. [Online] Available from: http://www.colchestertreasurehunting.co.uk/J/jettons.htm (Accessed: 5th July 2019).
7. Anon. (2007) *Monety Rossii 1700–1917 gg.: katalog-spravochnik* [Coins of Russia 1700–1917: A directory]. St. Petersburg: Konros-inform.
8. Moneta-russia.ru. (n.d.) *Mednye monety Anny Ioannovny* [Copper coins of Anna Ioannovna]. [Online] Available from: http://moneta-russia.ru/imperiya/anna/mednye-monety.php (Accessed: 5th July 2019).
9. Krivtsov, V.D. (2005) Reforma Kankrina [Kankrin's Reform]. In: *Avers. № 7. Entsiklopedicheskiy spravochnik dlya numizmatov* [Avers. No. 7. Encyclopedic Reference Book for Numismatists]. Moscow: [s.n.]. pp. 381–419.
10. Moneta-russia.ru. (n.d.) *Mednye monety Pavla I* [Copper coins of Paul I]. [Online] Available from: http://moneta-russia.ru/imperiya/pavel-1/mednaya-moneta-pavla-1.php (Accessed: 5th July 2019).
11. Moneta-russia.ru. (n.d.) *Mednye monety Aleksandra I perioda 1802–1810 gg.* [Copper coins of Alexander I in 1802–1810]. [Online] Available from: http://moneta-russia.ru/ imperiya/aleksandr-1/mednaya-moneta-1802-1810.php (Accessed: 5th July 2019).
12. Moneta-russia.ru. (n.d.) *Mednaya moneta Nikolaya I 1830–1839 gg.* [Copper coin of Nicholas I in 1830–1839]. [Online] Available from: http://moneta-russia.ru/ imperiya/nikolay-1/mednaya-moneta-1830.php (Accessed: 5th July 2019).
13. Uzdennikov, V.V. (2004) *Monety Rossii XVIII – nachala XX veka: ocherki po numizmatike: fakty, predpolozheniya, rekomendatsii* [Coins of Russia in the 18th – early 20th centuries: Essays on numismatics: facts, assumptions, recommendations]. Moscow: Krug kollektsionerov.
14. Moneta-russia.ru. (n.d.) *1 kopeyka serebrom 1840 goda, tsena, raznovidnosti* [1 kopeck in 1840 silver, price, varieties]. [Online] Available from: http://moneta-russia.ru/ imperiya/coin/1-kopeyka-serebrom-1840-goda-tsena.php (Accessed: 5th July 2019).
15. Gribov, A.Yu. (2006) *Den'gi i tsennye bumagi: sushchnost' i pravovoy rezhim* [Money and securities: Essence and legal regime]. Moscow: Izd. Tsentr RIOR.
16. Moneta-russia.ru. (n.d.) *Mednaya moneta Nikolaya I 1849–1855 gg.* [Copper coin of Nicholas I in 1849–1855]. [Online] Available from: http://moneta-russia.ru/ imperiya/nikolay-1/mednaya-moneta-1849.php (Accessed: 5th July 2019).
17. Find Coins. (n.d.) *Opisanie monet Nikolaya II i tseny. Tablitsa tsen na monety Nikolaya II* [Description of the coins of Nicholas II and prices. Table of prices for coins of Nicholas II]. [Online] Available from: http://www.fcoins.ru/catalogrimppravmet.asp?prav=nikolay2&met=ser&article=1 (Accessed: 5th July 2019).
18. Skupka-ocenka.ru. (n.d.) *O skupke mednykh monet v Rossii* [On the purchase of copper coins in Russia]. [Online] Available from: http://skupka-ocenka.ru/articles/o-skupke-mednyx-monet-rossii/ (Accessed: 5th July 2019).
19. Moneta-russia.ru. (n.d.) *5 kopeek 1869 goda* [5 kopecks of 1869]. [Online] Available from: http://moneta-russia.ru/imperiya/coin/5-kopeek-1869-goda-tsena.php (Accessed: 5th July 2019).
20. Moneta-russia.ru. (n.d.) *5 kopeek 1876 goda* [5 kopecks of 1876]. [Online] Available from: http://moneta-russia.ru/imperiya/coin/5-kopeek-1876-goda-tsena.php (Accessed: 5th July 2019).
21. Moneta-russia.ru. (n.d.) *5 kopeek 1880 goda* [5 kopecks of 1880]. [Online] Available from: http://moneta-russia.ru/imperiya/coin/5-kopeek-1880-goda-tsena.php (Accessed: 5th July 2019).
22. Moneta-russia.ru. (n.d.) *5 kopeek 1881 goda* [5 kopecks of 1881]. [Online] Available from: http://moneta-russia.ru/imperiya/coin/5-kopeek-1881-goda-tsena.php (Accessed: 5th July 2019).
23. Anon. (n.d.) *Ob"yavim besposhchadnuyu bor'bu s ukryvatelyami razmennoy monety, 1930 god* [Let's declare a merciless fight against the token coin hoarders, 1930]. [Online] Available from: https://kapuchin.livejournal.com/806563.html (Accessed: 5th July 2019).

24. www.russian-money.ru. (n.d.) *Katalog monet Rossii 1997–2019. Stoimost'* [Catalog of Russian coins 1997–2019]. [Online] Available from: https://www.russian-money.ru/catalogs/ regularnii-chekan-1997 (Accessed: 5th July 2019).
25. www.russian-money.ru. (n.d.) *Normativnyy ves monet Rossiyskoy imperii* [Normative weight of the coins of the Russian Empire]. [Online] Available from: https://www.russian-money.ru/articles/ ves-imperatorskih-monet (Accessed: 5th July 2019).
26. The Central Forum of Numismatists of the USSR. (2015) *Neobychnyy ves podlinnykh mednykh monet XVIII veka* [Unusual weight of genuine copper coins of the 18th century]. 18th October. [Online] Available from: http://coins.su/ forum/topic/172377-neobychnyi-ves-podlinnyh-mednyh-monet-xviii-veka/ (Accessed: 5th July 2019).
27. M.G. (2017) Igry s monetami [Games with coins]. *Troitskiy variant – nauka*. 1st August. 234. pp. 6–7. [Online] Available from: https://trv-science.ru/2017/08/01/igry-s-monetami/ (Accessed: 5th July 2019).

***Сведения об авторах*:**
Татауров Сергей Филиппович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск, Россия). E-mail: tatsf2008@rambler.ru
Тихонов Сергей Семенович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск, Россия). E-mail: semchi957@gmail.com
Милищенко Олег Анатольевич – документовед научного управления Омского государственного аграрного университета (Омск, Россия). E-mail: oleg_milichenko@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Tataurov Sergey F. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russian Federation). E-mail: tatsf2008@rambler.ru
Tikhonov Sergey S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russian Federation). E-mail: semchi957@gmail.com
Milishchenko Oleg A. – Documentologist of the Scientific Department of Omsk State Agrarian University (Omsk, Russian Federation). E-mail: oleg_milichenko@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 12.12.2019; accepted for publication 09.01.2023

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2023 № 81

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 14.03.2023 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 25,8. Усл. печ. л. 23,9. Тираж 50 экз. Заказ № 5371. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.03.2023 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru